Избранные Жития святых

Архиепископа
ФИЛАРЕТА
ЧЕРНИГОВСКОГО

ИЮЛЬ-ДЕКАБРЬ

Избранные Жития святых

Избранные Жития Святых

на русском языке

изложенные по руководству
ЧЕТЬИХ-МИНЕЙ
архиепископа
ФИЛАРЕТА
ЧЕРНИГОВСКОГО

ИЮЛЬ-ДЕКАБРЬ

Сибирская Благозвонница
Москва
2011

УДК 27-312.55
ББК 86.37
И 24

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

ИС 11-104-0319

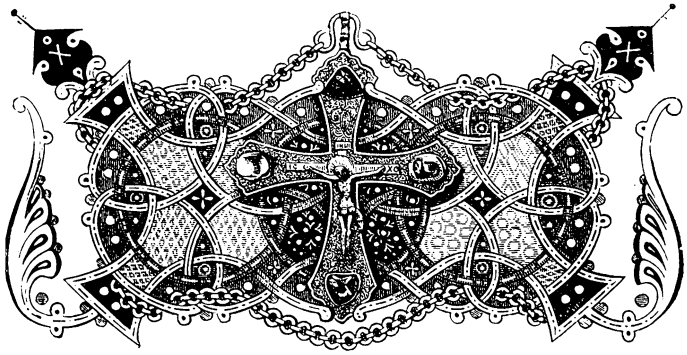
И 24 **Избранные жития святых на русском языке, изложенные по руководству ЧЕТЬИХ-МИНЕЙ архиепископа Филарета Черниговского.** В 2 кн. Июль-декабрь. — М.: Сибирская Благозвонница, 2011. — 829, [3] с.

ISBN 978-5-91362-492-5

Жития святых — жизнеописания духовных и светских лиц, канонизированных Русской Православной Церковью. В Древнюю Русь Жития святых перешли с началом письменности — через южных славян, а также в переводах с греческого языка. Первые жития святых — это назидательные сказания о христианских мучениках. В дальнейшем (с IV в.) жития святых объединялись в специальные сборники: минеи, синаксарии, патерики. Минеи-Четьи (от греческого menaios — месячный, славянского — чтения) — сборники, содержащие жития святых, изложенные в порядке празднования их памяти по православному церковному календарю, а также тексты церковных служб годового круга. Наибольшим распространением пользовались «Великие Минеи-Четьи» митрополита Макария и «Минеи-Четьи» Димитрия Ростовского. В эту книгу «Избранные жития святых на русском языке, изложенные по руководству ЧЕТЬИХ-МИНЕЙ архиепископа Филарета Черниговского», вошли Жития тех святых, которых нет у свт. Димитрия Ростовского.

© Издательство Сибирская Благозвонница, 2011

ИЮЛЬ



День первый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святителя ФОТИЯ, митрополита Московского

После кончины святителя Киприана († 16 сентября 1406 г.) более двух лет прошло, пока прибыл в Россию новый митрополит[1]. Великий князь Василий Дмитриевич смиренно предоставил патриарху и собору дело о новом митрополите России. Витовт, великий князь Литовский, отправил в Константинополь Феодосия, епископа Полоцкого, с настойчивой просьбой как о посвящении его в митрополиты, так и о том, чтобы он был отдельным Литовским митрополитом. Давнее желание властителей юго-запада России иметь особого митрополита в этот раз обнаружилось в резком виде оттого, что Витовт и великий князь Василий вели в это время войну между собою. Патриарх Матфей не признал нужным на сей раз отступать

[1] Житие святого Фотия подробно описано в: *Горский А.В., протоиерей*. Фотий, митрополит Киевский и всея России / Прибавления к творениям святых отцов. М., 1852. № 11 (далее — *Горский А.В., протоиерей*. Фотий, митрополит Киевский и всея России. — *Ред.*).

от древнего обычая и отправил в звании митрополита всей России известного ему с лучшей стороны Фотия[1].

О жизни своей до отправления в Россию вот что пишет блаженный Фотий в предсмертном своем завещании: «С юного возраста желал я жить для добродетели; потому удержался я от приятностей брака, не прельстили меня почести мира и не желал я временной славы человеческой. Счастье земное представлял я в виде корабля, который, не видя того, что позади его, встречает впереди себя только препятствия и стеснение. Одного желал я, об одном заботился — представить бессмертную душу мою чистою Богу и Владыке моему. Как только расстался я с миром, под покровом благодати Божией устремлял я мысли и душу мою к светлым небесным селениям; меня просветили наставления святого старца Акакия, великого, равного древним великим отцам, которого уважали царь, патриарх и святители. Я еще отроком был, когда поручил себя сему святому наставнику; душа моя еще не знала тогда зла, и я с юных лет, под его руководством и наставлениями, напечатлевал в душе моей образ благочестия. Великий святитель любил меня и всегда беседовал со мною, как с любимым сыном, укреплял меня Верою, хранил чистоту тела моего, наполнил ум мой полезными познаниями, наставил, как мне жить, как мне быть мертвым для мира. И я желал жить не в связи с призрачными образами временной жизни, а стремился душою созерцать чистые, святые, светлые предметы той жизни. И вот встретился я, бедный, с неожиданным несчастием. По воле святого старца, великого между святителями, кир Акакия, прибыл я из Мореи в Константинополь, и державный император Мануил возложил на меня тяжесть, чтобы принял я великую степень святительскую;

[1] «Соборне преосвящ. кир Матвеем патриархом рукоположен бых святитель в Киевскую митрополию на всю Русь», говорит Фотий в духовном завещании (см.: Книга степенная (далее — Книга степенная. — *Ред.*). По настольной грамоте (Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею: В 5 т. СПб., 1841–1843. Т. 1. № 254 (далее — Акты исторические. —*Ред.*)), он посвящен марта 11-го 1393 г. Антонием. Надобно положить, что в завещании Фотия разумеется соборное определение об отправлении Фотия в Россию, в звании митрополита всей России. Это вполне согласно и с ходом дела. В России знали только время этого собора, важного по последствиям, и потому писали: «в лето 6917 (1408) сент. 1 поставлен бысть Фотий митрополит патр. Матфеем» (Никон. л. 5, 17), «по соборному избранию поставлену бывшу Фотию — на митрополию Киевскую и всея Руси — в л. 6917» (Книга степенная. Ч. 2).

Богу известно, что собор долго принуждал меня к тому, но не мог я избавиться; святейший патриарх кир Матфей с собором определил, и я отправился в святейшую митрополию Русскую»[1]. По этим словам видно, что не легко было блаженному Фотию расставаться с Востоком. В утешение душе своей он взял близких к нему иеромонахов: Пахомия из болгар, с которым жил он у блаженного Акакия[2], и Патрикия. И в Морее, и в Константинополе он заставил любить себя. Из Константинополя поддерживал дружеские сношения с ним самый образованный муж своего времени, благочестивый учитель Константинопольской Церкви, иеромонах Иосиф Вриенний. Патриарх в настольной грамоте одобрял Фотия как весьма способного наставника в вере и благочестии[3]. Монемвассийская Церковь, где ревностно исполнял он благие распоряжения архипастыря ее Акакия, поминала его в молитвах как «возрастившего ее своими трудами и украсившего своими приношениями»[4]. Так как в Морее много было и славян во время блаженного Фотия[5], то если не успел он коротко узнать язык их, в чем сознается сам[6], по крайней мере дух и обычаи славян были ему известны, что, конечно, немало значило для служения его в Церкви Русской.

---

[1] Собр. л. 6. 144, 145; Никон. л. 5, 100–108; Книга степенная. Ч. 2. Завещание Фотия в другом переводе и с некоторыми сокращениями и прибавлениями.

[2] Шевырев со всею уверенностию пишет, что этот Пахомий есть известный жизнеописатель серб Пахомий Логофет (*Шевырев С.П.* История русской словесности, преимущественно древней: В 4 т. М., 1846–1860. Т. 3. Предисл. С. XVIII (далее — *Шевырев С.П.* История русской словесности. —*Ред.*)). Но а) писатель серб и Логофет, а пришедший с Фотием — болгарин; б) современная заметка говорит о Пахомии писателе: «иже прииде от сербския земли к вел. кн. Василию Васильевичу» (у Царского № 20, стр. 51); в) вовсе невероятно, чтобы Пахомий, прибывший в Россию в 1408 г. иеромонахом и, следовательно, не моложе 30 лет, мог странствовать по России в 1461 г. (см.: *Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы, 862–1720. Харьков, 1859–1861. Кн. 1, § 99 (далее — *Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы. —*Ред.*).

[3] Акты исторические. Т. 1. № 254.

[4] Pasini's Codices Manuscripti Bibliothecae Regii Taurinensis Athenaei. Turin, 1749.

[5] *Fallmerayer, Jakob Philipp.* Geschichte der Halbinsel Morea im Mittelalter. Stuttgart, 1830–1836.

[6] «Не зазрите смирению моему, яко не искусну ми сущу писанию вашему и языку» (Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 12 т. СПб., 1846–1872. Т. 1 (далее — Дополнения к Актам историческим. —*Ред.*)), «м. Фотию русскому языку еще не навыкшу» (Книга степенная. Ч. 2).

Сентября 1-го 1409 года блаженный Фотий прибыль в Киев[1]. Так как на юго-западе жаловались на то, что не видят у себя митрополита[2], то Фотий пробыл там более 7 месяцев, лично осматривая положение дел и решая жалобы на нарушения порядка. Особенно же пустынно-любивой душе его отрадно было видеть пещеры подвижников Божиих и здесь просить помощи новому служению своему у небожителей пещерных. Наконец, отправился он в Москву. Накануне Пасхи (22 апреля 1410 г.) великий князь и все духовенство Московское далеко за городом встретили Фотия[3]. Много горького увидел Фотию в Москве. После нашествия Едигея (в декабре 1408 г.) все города России от Рязани до Ростова и от Нижнего до Твери и Серпухова были опустошены; кремль Московский спасся, но все посады Москвы сгорели. В доме митрополии, где так долго не было хозяина, Фотий «не нашел ничего»; даже недвижимые имения митрополии были расхищены[4]. Фотий «начал восстановлять церковные имения и доходы митрополии и стал отыскивать, где что пропало, что взято с обидою князьями и боярами, что похищено другими корыстолюбивыми людьми, села, волости, доходы, пошлины, принадлежащие дому Пречистой Богородицы»[5]. Собрав возможно точные сведения о положении имуществ митрополии, он обратился с просьбою к великому князю о защите Церкви от своеволия людей. «Молю благочестие твое, сын мой, — писал он, — утверди твоею грамотою принесенное в дар Церкви Божией, огради все ее обычные права, укрепи ее пошлины»[6]. Затем он отправился осмотривать другой кафедральный град своей митрополии — Владимир. Соборный храм Владимирский незадолго пред тем был расписан лучшими иконописцами Даниилом и Андреем Рублевыми[7]

---

[1] Никон. л. 5, 29. 32; Книга степенная. Ч. 1.

[2] Витовт: «и мы не хотели было того приняти Фотия митрополита и он клялся паки зде у нас быти и церковь строити» (Акты, относящиеся к истории Западной России: В 5 т. СПб., 1846–1853. Т. 1 (далее — Акты Западной России. —*Ред.*)).

[3] Собр. л. 6, 132. 5, 258; Книга степенная. Ч. 1.

[4] Собр. л. 6, 145; Никон. л. 5, 33; Книга степенная. Ч. 1.

[5] Никон. л. 5, 33.

[6] Поучение см.: Ркп. сб. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 411; *Горский А.В., протоиерей.* Фотий, митрополит Киевский и всея России. Что касается до грамоты (Акты исторические. Т. 1, № 255), с которою будто бы обращался Фотий к совести похитителей митрополичьей казны, то она относится к совсем другому делу — к похищению частного имущества, положенного в храм для сбережения.

[7] Никон. л. 5, 39, 40; Книга степенная. Ч. 1.

и известен был богатством своим. Фотий поручил прибывшему с ним Патрикию охранять кафедральный собор и отправился в Святоозерскую пустынь, любимое местопребывание святителя Киприана. Но едва выехал он из Владимира, как (3 июля 1410 г.) по наущению Нижегородского князя Даниила Борисовича царевич Талыча с толпами татар напал на Владимир. Грабители опустошали и жгли селения и храмы, ворвались в соборный Владимирский храм, оборвали святые иконы, требовали у Патрикия скрытых им сокровищ храма, — сосудов и казны. Патрикий, верный своему долгу, не выдавал. Его предали огню, содрали с него кожу, влачили по городу, привязав к лошадиному хвосту, и, замучив до смерти, не вынудили измены[1]. Талыча посылал татар захватить самого святителя, но блаженный Фотий удалился с Пахомием в глухие леса на озеро Синег, что ныне в Покровском уезде. Тихое, безмятежное место напоминало собою пустыню блаженного Акакия. Увлеченный прелестью уединения, блаженный Фотий устроил здесь храм Рождества Богоматери. Представляя себе волнения и труды служения пастырского, с сокрушением повторял: «Думал ли я расстаться с любезным мне молчанием и плачем о грехах моих? И что стало со мною? После такого покоя сколько тревог, волнения, трудов!» Давно миновала опасность со стороны татар, прошло более месяца со времени удаления из Владимира, а пустыннолюбивый пастырь не думал оставлять дорогого безмолвия. Великий князь прислал к нему с просьбою возвратиться на кафедру. Надобно было ехать в Москву[2]. Государь встретил митрополита с радостью. После беседы о прошлых бедах великий князь передал пастырю приятное известие о желании императора сочетать дочь Московского князя и внуку Витовта с сыном своим. Святитель благословил этот союз, так как он обещал много полезного для Святой Церкви[3]. Благожелательному святителю и молитвеннику вслед за тем, как совершился брак, прислан был из Константинополя саккос с шитыми изображениями молодой цар-

[1] Книга степенная. Ч. 2; Собр. л. 5, 256. 6, 139; Никон. л. 5, 37–39. В последней показан 1411 г. ошибочно: во всех прочих — 1410 г.

[2] Никон. л. 5, 39, 40; Книга степенная. Ч. 2; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии: В 6 ч. М., 1807–1815. Ч. VI (далее — *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. —*Ред.*). Где, впрочем, ошибочно озеро Синег принимается за одно со Святым озером и с пустынею, где живал митр. Киприан.

[3] Никон. л. 5, 41; Собр. л. 6, 139; Книга степенная. Ч. 2. О замужестве Анны см.: *Ducas.* Historia Byzantina. Paris, 1649.

ственной четы, великого князя, его супруги и самого Фотия; по краям саккоса вышит золотом по-гречески Символ веры, без прибавления слова: «истинного»[1]. Между тем Фотий продолжал преследовать дела об имуществах митрополии. Это возбудило против него сильные неудовольствия; даже великий князь не совсем доволен был этим делом, так как некоторые доходы со спорных земель шли в его казну; а люди услужливые старались клеветами усилить неудовольствие великого князя на митрополита. Злость и неправда осыпали блаженного Фотия злоречием[2]. Пастырь, не дорожа ничем земным, заботливый только об исполнении долга своего, в письме к великому князю приводил примеры великих императоров Константина и Феодосия и учреждение императора Мануила об имуществах церковных. «Но ныне молчит все древнее, — говорил он далее, — и много говорит новое. Меня порицают. Для меня не важно, хвалят ли меня, или бранят. Хула не печалит меня, и для похвалы не сделаюсь я хуже. Бранят ли меня, хвалят ли, останусь тем же, чем был: ибо я раб Божий, хотя и грешный. Тому, кто во всем предает себя воле Божией и все творит для славы Божией, не на что более смотреть. Тебе же, сын мой, да будет ведомо, что ты человек, и царствуешь с Богом над Его избранной паствой; потому должен подвизаться за Его паству и за Его правду против всякого восстания даже до крови. Знай, сын мой, что ты оскорбляешь Церковь Божию, с насилием отнимая у нее не принадлежащее тебе. Говори же, сын мой, к Церкви Христовой и ко мне, отцу твоему: “Согрешил я, отче, прости меня, отсель найдешь во мне благопокорного сына во всем, чего требует закон; нарушенные права Церкви восстановлю, данное и утвержденное прародителями моими, но потом, в течение многих лет оставленное и обедневшее, возвращу”. Вот в чем прошение мое к человеку Божию и великому князю всей России»[3]. При такой настойчивости пастырь, хотя и не скоро, хотя и с скорбями, успел возвратить

[1] Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I: В 6 отд. СПб., 1849–1853. Отд. IV (далее — Древности Российского государства. —*Ред.*); Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) Ризницы / Сост. архим. Савва. М., 1858 (далее — Указатель Синодальной Ризницы. —*Ред.*).

[2] Никон. л. 5, 51. 53; Книга степенная. Ч. 2.

[3] Ркп. послание вел. кн. Василию Дмитриевичу в ркп. сб. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 414.

кафедре все принадлежащее ей, успел приобрести и кое-что вновь то покупкою, то от добровольных приношений[1]. Заботы о делах земных святой пастырь облегчал беседами с современными подвижниками благочестия, каковы были преподобные Никон Радонежский, Сергий и Павел Обнорские, Дионисий Глушицкий, Ферапонт Можайский. По любви к иноческой жизни Фотий основал вблизи от себя Новинский монастырь на земле, принадлежащей митрополии[2]. По временам же удалялся он в подмосковное Голенищево, любимое святителем Киприаном[3]. В 1413 году Москва обрадована была явлением чудотворной иконы Богоматери на Колоче, и блаженный Фотий встречал святую икону торжественно в Москве[4]. Столь же утешительным событием было обращение к святой вере упорных язычников Мценской страны. Язычники отвергали все увещания, которые предлагались им проповедниками святой веры. «Великий князь Василий Дмитриевич послал войско, а митрополит Фотий священника». Упорные язычники внезапно ослепли. «Устрашенные силой оружия, а еще более внезапной слепотой, послушались проповеди, и жители как самого города, так и его окрестностей были крещены»[5].

Для блаженного святителя пришло время тяжкое. Витовт, созвав себе подвластных князей русских, объявил, что надобно отказать Фотию в управлении Литовскими церквами и иметь особого

---

[1] Никон. л. 5, 33. 107; Собр. л. 6, 145; Книга степенная. Ч. 2. Великий князь примирился с требованиями Фотия: это видно из того, что клеветники вынуждены были бежать в Литву (Никон. л. 5, 53. 54).

[2] *Ратшин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях. М., 1852 (далее — *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. —*Ред.*); Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / Сост. А. А. Мартынов, текст И. М. Снегирева: в 3 т.: в 18 тетр. М., 1846–1859. Т. 3 (далее — Русская старина в памятниках. —*Ред.*).

[3] Русская старина в памятниках. Т. 2.

[4] Никон. л. 5, 48–51; Пролог 9 июля; Книга степенная. Ч. 1. Современная заметка на ркп.: «а сего лета (1413) от Можайского града за 10 верст, в селе Андрея князя Дмитриевича, от иконы Пресвятыя Владычица нашея Богородица явилося жалованья и прощения людем много, слепым, хромым, расслабленным, глухим и иным: не есть мощно сказати или исчести их; ум человеческий не может изрещи, колико человеколюбие Божие и какова милость на людех» (Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. VI (далее — ИОРЯС. —*Ред.*)).

[5] Русская вивлиофика, или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы / Изд. Н. Полевой. М., 1833. С. 361.

митрополита. По общему решению послали просить у императора и патриарха особого митрополита. Император и патриарх Евфимий не нашли нужным исполнять желания Витовта, и Григорий Цамвлак, которого желали видеть митрополитом, возвратился ни с чем. Витовт созвал епископов и архимандритов своей области и предложил им свое желание и отказ Востока. Духовные, как говорит Витовт, согласились с тем, что «вследствие дальности митрополита от их епархии выходит много беспорядков, и что они могут без патриарха посвятить митрополита». По летописям, духовенство долго не соглашалось с желанием Витовта и указывало на правило церковное (IV Вселенский Собор, правило 12); но ему грозили бедствиями Церкви и силою вынудили согласие. Подтверждением верности летописного известия служит то, что после совещаний Витовт снова послал в Константинополь прежнюю просьбу свою. Отправляя послов в марте 1415 года, он требовал прислать ответ не позже 15 августа, прибавляя, что иначе будет избран и посвящен митрополит местными епископами. Когда из Константинополя не прислали ответа и в начале ноября, то 14 ноября возведен был на степень митрополита Литовской России Григорий[1]. Епископы Литовско-Русские обнародовали два послания, одно к Фотию, другое ко всей Русской Церкви. В первом они объявляют, что при первом посещении Киева Фотием они заметили в нем действия, противные церковным правилам, а после услышали о поступке, подвергающем его извержению; но они не хотят наносить ему бесчестия и только отказываются от повиновения ему. Во втором они оправдывают поставление Григория в митрополита: указывают на невыгоды, какие терпела Киевская Церковь от пребывания митрополита в Москве, — на примеры поставления митрополитов Илариона и Климента, на Апостольское правило и, наконец, на незаконность произволов императора. Витовт издал от себя грамоту, где высказывал резкие жалобы на императора, патриарха и Фотия, и говорил, что он действовал согласно с волею князей и только для чести Русской Церкви[2]. Блаженный Фотий желал отвратить собиравшееся несчастье личным объяснением с Витовтом, но обобранный на границе Литвы, принужден был возвратиться в Москву. Пастырю России нельзя было

[1] Собр. л. 5, 259; Никон. л. 5, 51–59; Книга степенная. Ч. 2.

[2] Акты Западной России. Т. 1. № 24, 25; Никон. л. 5, 59–64.

не подать голоса своего о столь важном событии, каково разделение митрополии. Блаженный Фотий написал окружное послание. Но ни в этом, ни в других посланиях ни слова не говорит он о своей личности в защиту против обвинений, взведенных на него епископами и Витовтом. Черта замечательная и вполне приличная пастырю! Зато каждый сторонний вправе и должен сказать правду о блаженном Фотии. Витовт писал, будто взяты из Киева в Москву драгоценные утвари, «святые мощи, доски страдания Христова, скипетр Пресвятой Богородицы, риза и сандалия Ее». Если бы это была правда, то означенные священные предметы известны были бы Москве по летописям и описям Москвы, они, конечно, сохранились бы до позднего времени; а о них никто и никогда не знал в Москве. Епископы говорят о каких-то поступках Фотия в Киеве, о которых дошли до них сведения. Но по правилам Церкви надлежало потребовать объяснений от обвиняемого и потом уже составлять решение, притом, по отношению к митрополиту то и другое надлежало совершать не иначе, как с разрешения патриарха. Без всякого сомнения, оскорбительные отзывы Витовта и епископов о Фотии составились на основании слухов, распущенных дурными людьми, бежавшими из Москвы в Литву. «Дурные люди, — говорит летопись, — составили множество клевет на него; это те домашние его, которые бежали из Москвы к Черниговскому владыке, а оттуда в Литву к Витовту»[1]. В окружном послании своем Фотий защищает императора и патриарха, оправдывает единство митрополии древностью его, напоминает епископам Литвы их клятву не принимать иного митрополита, кроме присланного из Царьграда, и приводит одно за другим до 30 правил в подтверждение того, что приемлющий власть незаконно не истинный пастырь и посвящающие себе пастыря самовольно подвергаются отлучению[2]. Это послание, как и все дело о Григории, рассмотрено было на соборе пастырей, собиравшихся в марте 1416 года для посвящения Новгородского архипастыря[3]. В за-

[1] Никон. л. 5, 53, 54; Собр. л. 7, 87; Книга степенная. Ч. 2. Здесь поименованы двое: Савва Авраамиев и торговавший в Литве Фома Лазарев.

[2] Акты исторические. Т. 1. № 19.

[3] Собр. л. 4, 116. Где сокращенно предложено окружное послание Фотия и где говорится о соборе «по случаю» собравшемся, осудившем Григория. Фотий упоминает о своем окружном послании в послании от 6 сентября 1416 г. (Акты исторические. Т. 1. № 20).

щиту блаженного Фотия и всей Московской Церкви в это время совершилось несколько чудес от мощей первого митрополита Москвы святителя Петра, — а Киев ограблен и предан был огню татарами[1]. Блаженный Фотий писал в Псков: «Не дивитесь случившемуся... Время поставляет слуг своих. Блюдите свою истинную Православную веру и обычаи, удаляйте и от слуха вашего неправедные писания нарушающих святые правила. Если же кто из той мятежной страны, из Литвы, перейдет к вам жить, принимайте их к себе как православных христиан, удаляющихся неправды»[2].

Печальное время разделенной митрополии длилось недолго. Григорий умер в 1419 году[3]. Свидригайло, выпущенный из темницы (в 1418 г.) друзьями Православия и всегда готовый действовать в защиту православных, пугал собою Витовта и заставил его отложить в сторону планы Ягайлы о папизме[4]. Потому вслед за смертью Григория Витовт дал согласие на то, чтобы Фотий снова принял в свое заведование епархии юго-запада. Блаженный Фотий отправился для обозрения юго-западной митрополии[5]. В 1420 году был он в Новгороде у Витовта и в Мстиславле у князя Симеона Лугвеня, а в Слуцке крестил сына у князя Александра. Затем из Киева в 1421 году был во Львове; праздник Рождества Христова провел во Владимире Волынском,

---

[1] Собр. л. 3, 116. 6, 140; Львов. л. 2, 256, 257.

[2] Акты исторические. Т. 1. № 20.

[3] Никон. л. 5, 73; Собр. л. 8, 90. В конце одного Евангелия замечено: «лета 6928 (1420) инд. 13 преставися митрополит Российский Грегорие Цамблак» (*Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Святой Горы. К., 1864 (далее — *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Святой Горы. —*Ред.*).

[4] Собр. л. 4, 117; *Jan Długosz.* Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae, lib. I–XII. Lib. XI (далее — *Długosz.* Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. —*Ред.*).

[5] «Паки Христом миром Свою Церковь украси и смирение мое в Церковь Свою введе, советыванием благороднаго, славнаго вел. кн. Александра (Витовта)» (Дополнения к Актам историческим. Т. 1). Иеродиакон Зосима, конечно, воспользовался этим миром и полгода прожил в Киеве, прежде чем отправился в Иерусалим. «От русския страны и от стольна града Москвы, пишет он, из великия лавры прп. игумена Сергия, потщахся постигнути славный град Киев, иже бе мати всем градом русским. И достигнув благодатию Божию града Киева, пребыхом в лавре, еже зовется Киевская Печера, у гроба прп. Антония и игумена Феодосия пол-лета. И тамо возмыслихом и восхотехом видети святые места, идеже Христос Своими стопами походи».

в день Богоявления прибыл в Вильну[1]. Вероятно, в это время крестил он внука Мамаева князя Олексу, родоначальника князей Глинских: Олекса крещен был митрополитом в Киеве[2].

Скорби не преставали теснить попечительного пастыря. Три года сряду (1420–1422) не родился хлеб в России и цена возвысилась на него до крайности[3]. С 1417 года моровая язва переходила из одного места в другое, и с 1420 года начала действовать с возрастающею силою в страшных видах[4]. Святитель рассылал послания и поучения одно за другим, призывая к покаянию нераскаянных и утешая унывавших[5]. В этих скорбях святитель утешен был помощью Богоматери: с принесением Чирской иконы Одигитрии во Псков во Пскове утихла (1420 г.) язва, и митрополит благословил праздновать во Пскове, июля в 16 день, Чирской иконе[6]. Спустя два года открыты были мощи преподобного Сергия, — как торжество духа над смертью и тлением, и около того же времени прославился чудесами преподобный Никита, Переяславский столпник.

Но вот и еще заботы. В начале 1425 года февраля 29 дня скончался великий князь Василий Дмитриевич, оставив по себе сына Василия 10 лет и четырех братьев. Три младшие брата еще при жизни Василия Дмитриевича признали племянника великим князем. Юрий Дмитриевич, князь Галичский и Звенигородский, не скрепил своим

---

[1] *Ignacy Daniłowicz.* Latopisiec Litwy i Kronika ruska. Wilno, 1827; *Карамзин Н. М., Смирдин А. Ф.* Примечания к Истории государства Российского, тома 4–6. СПб, 1852. Прим. 225 к 5 т.

[2] Родословная книга // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1851. Кн. 10 (далее — Временник общества истории и древностей. —*Ред.*). «По Божию изволению похоте Алекса креститися и прислал к Киеву, и митрополит Киевский крестил его в крестьянскую веру и дал ему во Святом Крещении имя князь Александр». Здесь же сказано, что отец Олексы кн. Мансур-Кията основал города Глинск, Глинецу и Полтеву (Полтаву), и сын после отца владел этими городами.

[3] Собр. л. 4, 203. 5, 24; Никон. л. 5, 75, 79.

[4] *Карамзин Н. М., Смирдин А. Ф.* Примечания к Истории государства Российского, тома 4–6. СПб, 1852. Прим. 222, 258, 386 к 5 т.

[5] Дополнения к Актам историческим. Т. 1. № 180–183.

[6] Собр. л. 5, 23; *Князев А. С.* Историко-статистическое описание псковского кафедрального собора. М., 1858.

согласием духовного завещания, как сделали братья[1]. Лишь только скончался великий князь, в ту же ночь митрополит Фотий отправил своего боярина в Звенигород — звать Юрия в Москву для определения отношения его к престолу великого князя. Но Юрий не поехал и в Галиче начал собирать полки. Войска великого князя также двинулись. Принужденный бежать, Юрий просил перемирия. В Москве видели необходимость укрепить согласие в виде более прочном. И вот по общему голосу святитель Фотий отправился в Галич — убеждать Юрия к полной покорности. Он так спешил выполнить важное поручение, что, несмотря на все просьбы, не остался в Ярославле совершить Литургию в день святого Предтечи (24 июня). Юрий принял блаженного Фотия с честью за городом, тогда как собранные из сел толпы народа расположены были в виду по горе, чтоб испугать Фотия. Митрополит, поняв мысль Юрия, сказал: «Сын князь Юрий! Не видывал я никогда столько людей в овечьей шерсти». Святитель убеждал прекратить притязания на престол великого князя и заключить вечный мир. Юрий не согласился. Святитель оставил город, не преподав святительского благословения. И губительная болезнь, уже действовавшая в разных местах и в самой Москве, немедля начала свирепствовать в Галиче. Народ пришел в ужас, и Юрий познал вразумление Божие. Он поспешил за удалившимся святителем и со слезами умолял возвратиться в город; он согласился на мир с тем, чтобы в договоре спор о престоле предоставлен был решению хана[2]. Так стараниями блаженного Фотия остановлены были кровавые междоусобия.

Последние годы блаженного святителя особенно тяжелы были по скорбям от усилившейся страшной заразы в народе. Чадолюбивый архипастырь глубоко сочувствовал страданиям паствы своей. «Богу известно, — писал он, — как тяжелы были горести мои о разлучении с нами благочестивого великого князя Василия Дмитриевича. Но затем наступило еще большее бедствие и мне надобно было плакать и рыдать. А там и еще впал я в более глубокую скорбь. Жалость ела

[1] Собрание государственных грамот и договоров: В 5 ч. М., ч. 1–4, 1813–1828, ч. 5, 1894. Ч. 1, № 41–42 (далее — Собрание государственных грамот и договоров. —*Ред.*).

[2] Никон. л. 5, 82–85; Собр. л. 8, 92. 93; Книга степенная. Ч. 2. В грамотах (Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1, № 43, 44) кн. Юрий признавал племянника своего великим князем.

меня и вместе с пророком исчезали очи мои от слез о пастве Христовой, от необозримой смертности и опустошении жилищ христианских, постигшего за нашу нераскаянность пред Богом». Так исповедуется блаженный пастырь в предсмертном своем завещании. В посланиях и поучениях своих[1] он выражал те же чувства сострадания и преподавал спасительные утешения. «Господь ищет спасения нашего, а не погибели, — писал он во Псков, когда там стала утихать болезнь. — Много раз поражая, бережет Он корень, чтобы могли явиться плоды. Было и у нас такое же посещение Божие в Москве и окрестных городах, в Твери и прочих местах. Благодарим неисследимые пути человеколюбия Божия; не вдруг, не внезапно похищает смерть, но дает больным христански умереть, с чистым покаянием, елеосвящением и с причащением Святого и Животворящего Тела Христова и Животворящей Крови Его. А многие отходят к Богу и в чине великого ангельского образа. Об отходящих с таким приготовлением уповаю я на человеколюбие Божие»[2].

В 1430 году, когда исполнилось 20 лет служения архипастырского в Москве, пришел вестник с приглашением блаженного Фотия в другой мир. На Светлой неделе в четверток (20 апреля) после утрени Фотий лег отдохнуть. Вдруг засиял необыкновенный свет. И святитель увидел пред собою светоносного мужа, с венцом на голове и с посохом в руке. В трепете Фотий спросил: «Кто ты и как явился здесь, когда двери заперты?» «Я не из числа людей, — отвечал посетитель, — но Ангел Божий и послан к тебе от Господа Вседержителя Саваофа. Господь повелел сказать тебе слово для утверждения твоего. Внимай себе и стаду твоему. Христос Бог дает тебе седмицу на рассмотрение жизни твоей и на распоряжение о пастве». Услышав эти слова, святитель в трепете пал к ногам посланника Божия, но он стал невидим. Это видение и слова Ангела так потрясли Фотия, что он долго лежал на полу, пока иноки, жившие с ним, не вошли и не положили его на постель. Он молчал и не раскрывал глаз. Потом пришел в себя и рассказал видение[3]; святитель предоставил себя воле Божией и продолжал вверенное ему служение.

---

[1] Собр. л. 6, 145.

[2] Послание в Псков по индикту 1426 г. (Акты исторические. Т. 1. № 30).

[3] Никон. л. 5, 98–100; Книга степенная. Ч. 2.

Спустя 5 месяцев после видения первосвятитель вместе с великим князем был в Литве у Витовта, по особенным обстоятельствам. Еще в 1429 году император Сигизмунд предложил на сейме Литовском возвести Витовта в сан короля. Тогда же он, побужденный просьбами императора Иоанна Палеолога и явными беспорядками западной иерархии, объявил твердое намерение заняться делом соединения Церквей, и его мысли клонились вовсе не в пользу Римской Церкви[1]. В августе 1430 года надлежало быть съезду князей и государей в Литве и тогда же Витовту надлежало быть коронованным. Великий князь Московский отправился в Вильну и с ним отправился митрополит Фотий, как связанный по званию своему с властителями Москвы и Литвы. Мечта престарелого Витовта не осуществилась. Поляки перехватили послов, посланных императором с короною. Витовт, сраженный скорбью, день ото дня близился к смерти, и она последовала 29 октября 1430 года. Фотий оставался в Вильне почти до самой смерти Витовта. Он виделся потом и с новым великим князем Литвы Свидригайлом, которого все русские любили за благосклонные расположения его к Православию[2]. Без сомнения, к этому-то времени, когда думали решить примирение между Церквами восточною и западною, блаженный Фотий приготовил сочинения свои об исхождении Святого Духа и о различии Церкви восточной от западной[3]. Ими он приготовлял как юного государя Московского, так и других своей паствы, к делу о соединении Церквей. И конечно наставлениям блаженного пастыря одолжена была Русская Церковь тем, что молодой великий князь с такою твердостью отверг унию Исидора.

Наконец срок, назначенный блаженному Фотию для приготовления к вечности, скончался. Он мирно почил 1 июля 1431 года[4]. Мощи его обретены в 1471 году[5].

---

[1] *Długosz*. Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Lib. XI.

[2] Никон. л. 5, 96, 97; Книга степенная. Ч. 2; *Długosz*. Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Lib. XI.

[3] Акты Западной России. Т. 1. Прим. 32. Другое сочинение против латинян в Синод. б-ке.

[4] Собр. л. 4, 206. 5, 264. 6, 144; Никон. л. 5, 97. 98; Книга степенная. Ч. 2. Только в последней полагается кончина блаж. Фотия 2 июля, во всех прочих — 1 июля.

[5] Пролог мая 29; Книга степенная. Ч. 2; Львов. л. 3, 26.

Святитель оставил после себя множество поучений и посланий[1]. Особенную важность для Церкви некоторые из них получили впоследствии. Таково послание его в Псков от 12 августа 1419 года. Здесь говорил он псковичам: «Относительно того, что пишете мне об аллилуйи на славах, — так говори: “Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков, аминь: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже” и еще 2 раза»[2]. На это послание указывал еще в XV веке сочинитель послания «к Афанасию, ктитору великой Лавры святителя Николы, о трегубой аллилуйи». «Надлежало бы тебе, отче, послушать, как Самого Христа, кир митрополита Киевского, Московского и всей России, Фотия, что писал он нам в дом Святой Троицы во Псков, прислал грамоту, запечатанную печатью с воплощением Сына Божия в чистой Деве Марии, Богородице, каковая грамота и поныне лежит у Святой Троицы; в ней так написано: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже»[3]. Замечательно, что и в греческой триоди святителя Фотия αλγαλουια написано трижды[4]. В одном из трех посланий против стригольников[5] блаженный Фотий писал: «Если правила святых апостолов и Вселенские святые соборы запрещают, даже с угрозою проклятия, священническому чину составлять отдельные собрания: тем более возбраняют они мирянину осмеливаться на что-нибудь подобное. Мирянин не облечен священным саном; он — овца словесная — обязан повиноваться церковному порядку... Пусть говорят хульное на епископа или на священника: не следует отлучаться от общения с ним, пока не произведен будет суд и тот не будет лишен звания». Обращаясь к священникам, говорит: «Вразумляйте их со всем вниманием; если не обратятся, отлучайте их от православной веры, чтобы не были они между вами, как плевелы между пшеницею». В другом послании писал: «Слышу, что у вас некоторые, не радя о своем христианском имени, ни во что ставят великое Божие священство и иночество... Христианская вера

[1] *Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы. Кн. 1, § 84; *Шевырев С.П.* История русской словесности. Т. 3.

[2] Послание в сборнике музея Румянцева № 358, л. 382.

[3] Ркп. Синод. биб-ки XVI в. № 466, л. 260; Макарьевская минея м. август л. 815. Сочинитель послания говорит, что Константинополь взят турками «на сих летех». Царьград взят в 1453 г., следовательно, послание писано около 1470 г.

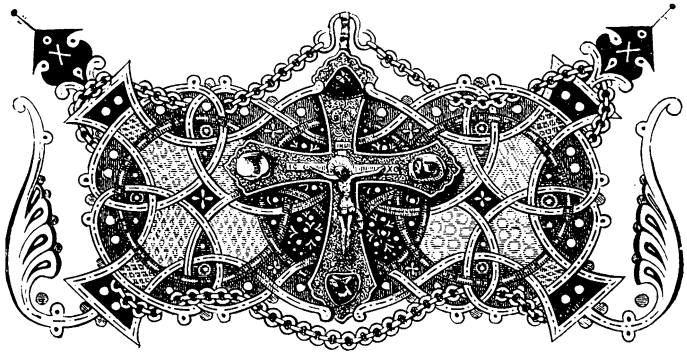
[4] Указатель Синодальной ризницы.

[5] Акты исторические. Т. 1. № 21, 33, 34.

утвердилась учением и властью апостолов; та же власть, по заповеди Христовой, дается святительскому и священническому чину. Священству Божию вручено право прощать грехи. Если те не обратятся, не принимайте от них приношений и отсекайте их, как гнилые члены, от здравого тела — Церкви Христовой». Он же писал: «Как небо отстоит от земли, так наш сан выше всякого мирского, так Христово священнодействуемое Таинство выше всего в мире. Христос Сам священнодействовал, дав нам Тело Свое и Кровь Свою в пищу и питие, и завещал чрез апостолов творить то же самое. Превыше всего рука священническая: она касается Божественного угля. Приняв человека смрадного и мертвого, силою благодати Христос сотворил его яко Бога, поручил нам дело, которое принадлежит Единому Богу — прощать грехи человеческие».

Из поучений блаженного Фотия назидательны поучения его, произнесенные во время общественных бедствий[1].

[1] Поучения его изданы в «Православном собеседнике» (1860 и 1861 гг.).

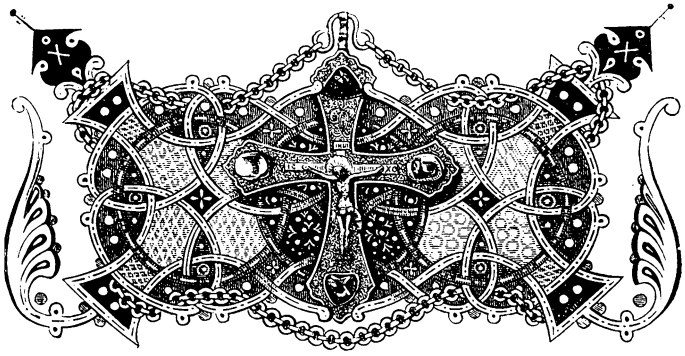


День третий

Преподобного ИСАИИ, отшельника Египетского

В скитской пустыне, на юг от Нитрийской, куда по сыпучим пескам можно было добраться только по указанию звезд, проводил в IV веке отшельническую жизнь авва Исаия, современник преподобного Орсисия, ученика преподобного Пахомия (память 15-го июня). Он оставил после смерти немало замечательных сочинений; некоторые из них сохранились[1]. Изречения его помещены между достопамятными изречениями отцов. Между прочим Исаия говорил: «Ничего нет полезнее для нового инока, как поношение: что дерево поливаемое, то и новый инок, которого поносят и который переносит поношение...»

[1] «Воскресное чтение» (1856–1858) передает в русском переводе аввы Исаии к блаженной Феодоре изречения святых жен.



День четвертый

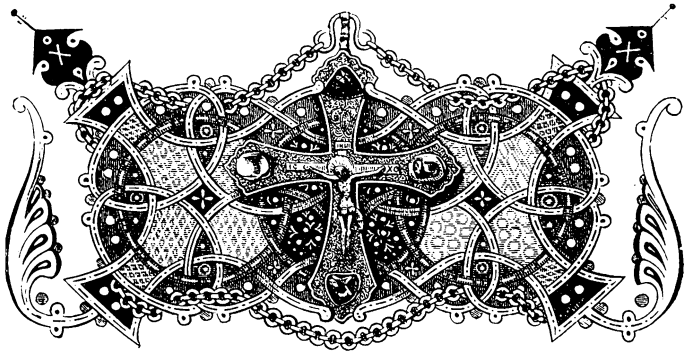
Преподобного ЛАМПАДА чудотворца

Преподобный Лампад подвизался в посте и молитвах в пещере близ Иринополя, в Исаврии, и прославлен даром чудес. Жил в X веке.

Преподобных ФЕОДОСИЯ и АФАНАСИЯ Череповецких

Ученики преподобного Сергия Радонежского, основатели Воскресенского монастыря на том месте, где ныне город Череповец (Новгородской губернии); из-за разорением монастыря поляками в начале XVII века о них сохранилось только скудное известие в одной вкладной книге. Преподобный Афанасий скончался в 1382 году. Мощи преподобных почивают под спудом в Воскресенском городском соборе (монастырь упразднен в 1764 г.)[1].

[1] См.: *Ратшин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях. М., 1852.



День шестой

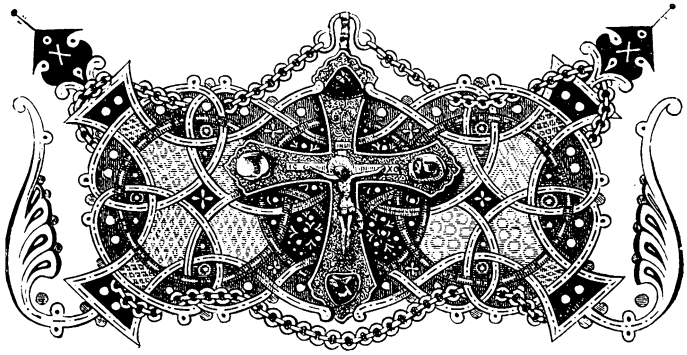
Святых мучениц МАРИНА и МАРФЫ и других с ними

Марин и Марфа, знатные персияне, с сыновьями своими, Авдифаксом и Аввакумом, пострадали в Риме, куда прибыли на Богомолье, при императоре Клавдии II, в 269 году. Марин и сыновья обезглавлены, а Марфа утоплена. Мощи их ныне находятся в церкви святого Иоанна Кущника в Риме. С ними пострадали и еще многие другие, захваченные на молитвословии.

Преподобных ФОМЫ МАЛЕИНА и АКАКИЯ, упоминаемого в Лествице

Преподобный Фома был прежде воином, славился силою и храбростью; потом оставил мир и все в нем и удалился на горный мыс Малею (восточная часть Афона), где вел подвижническую жизнь, сияя добродетелями и чудесами. Скончался в X веке.

Преподобный Акакий, упоминаемый в «Лествице» Иоанна Лествичника, был учеником некоего Синайского старца, весьма грубого и злонравного, часто наносившего ему раны и огорчения. Пожив у старца девять лет в терпении и послушании, скончался молодым еще около 550 года. Когда же зверонравный тот старец донес некоему великому подвижнику о смерти Акакия, то он не поверил и, придя к могиле (уже чрез пять дней по погребении), возгласил: «Брат Акакий! умер ли ты?» И послышался ответ: «Не умер я, отец; послушливому невозможно умереть». Тогда покаялся тот старец в своей жестокости и, уединившись близ гроба Акакиева, провел там остальную жизнь в слезах (см.: «Лествица»).



День седьмой

† СТРАДАНИЕ святого ЕВАНГЕЛЛА, епископа Томисского, ЕПИКТЕТА пресвитера и АСТИОНА

Блаженный Епиктет пресвитер подвизался аскетом и усердно учил других путям спасения. К нему случайно пришел молодой сын сенатора Астион и столько пленился наставлениями его, что принял от него крещение, но с тем, чтобы удалиться из своей страны. Учитель и ученик пришли к славянам в малую Скифию и стали жить в уединенной хижине близ города Алмириса[1]. Строгая жизнь, благотворительная любовь,

[1] Гиерокл, признаваемый за современника имп. Юстиниана († 562), показывает следующие города в малой Скифии: «в области Скифской, подлежащей воеводе, 15 городов: Томис, Дионисополис, Акры, Каллатис, Истр (Дунаец), Константина, Зелдепа, Тропей, Аксиуполь, Капидава, Карс, Тросмис, Новиодун (Новый Дунаец), Эгиссон, Алмирис». То же у Константина в Мисии. Ponphyrog. ed. Niebur. T. 3. P. 391, 47, 292, 293, 409, 410. Иорнанд (около 552 г.): «Славяне живут от города Новитунского и озера, называемого Музианским (Musianus), до Днестра и на север по Висле» (*Jordanes*. De origine actibusque Getarum). Шафарик (*Шафарик П.Й.* Славянские древности / Перев.

беседы кроткие стали собирать к ним слушателей. Богатая женщина приносит к Епиктету сына, пятнадцати лет, немого, глухого, иссохшего. «Назореи, слышала я, исцеляют больных именем Христа Иисуса, — исцелите моего сына», — говорила жена. «Если будешь веровать, — отвечал Епиктет, — в Единого Бога и Христа Иисуса, сын твой будет здоров». Затем, исцелив отрока, спросил его: «В кого ты веруешь?» «Надобно веровать в Христа Иисуса: Он столько благотворит людям», — отвечал отрок. Жители Алмириса, увидав такое чудо, крестились, всего до тысячи человек обоего пола. Блаженный Астион, вышедши на Дунай за водою, встретился с бесноватым и, помолившись о нем, исцелил его. Исцеленный и родители его также крестились.

Воевода Скифии Латрониан (это было при Диоклетиане, 284–306 г.) потребовал к суду Епиктета и Астиона. «Кто вы таковы?» — спросил воевода. «Христиане», — отвечали блаженные. «Из какой страны?» — «Из царства Христова, где не покланяются бездушным идолам». По приказанию воеводы долго били исповедников, палили огнем, потом бросили в тюрьму. Один из служителей, исполнявших бесчеловечную волю воеводы над страдальцами, уверовал во Христа Иисуса, выслушав наставление в тюрьме у исповедников, и здесь же крестился. Целые 30 дней продолжались разные истязания мученикам, и наконец они лишены были глав.

Родители Астиона, известившиеся о нем от очевидца страданий, прибыли в Алмирис после кончины страдальцев. Блаженный Евангелл, епископ Томисский, совершил над ними крещение. В начале гонения скрывался он от гонителей для пользы своей паствы. Наконец Господь призвал и его к мученическому концу. Древняя эпиграмма говорит о нем:

Евангелла признавай ангелом,
Он идет на небо, ссеченный мечом[1].

В одном западном мартирологе замечено, что святые Епиктет и Астион пострадали в 290 году. По мартирологам видно, что во время

с чешск. О. Бодянскаго. М., 1852. Приложение (далее — *Шафарик*. Славянские древности. —*Ред.*)) прилагает, что, озеро Музианское то же, что и озеро Мирис у города Алмириса, ныне Рамзина, на южном рукаве Дуная; а город Новитунский — иначе называется Новиотун — ныне Исакчи. Итак, жители Алмириса — славяне.

[1] Четьи-Минеи 8 июля; Acta Sanctorum, iulii. II; Жизнь и страдание свв. Эпиктета и Астиона // Vitis sanctorum. Patrol. Lat. T. 73. Издатель последнего замечает, что описание испорчено поздними вставками.

святого Евангелла в Томах явилось много мучеников, проливших кровь свою за учение Христово. В мартирологе Иеронима и Рабана июля 5-го «в Томах мученическая кончина (dies natalis) Стратона, Марина, Феодота, Родефии, Секунда, Фомы, Макрина»; июля 9 «в Томах — святых Зенона, Мены, Виталия, Руфины, Евангелла, Уриса (Уроша), Агнессы»; июля 10-го «в городе Томах страдание Марциала, Домна, Тромеда, Иоанна, Сесина, Емилиана и других 36». Во всех западных мартирологах под 20 числом июня записано: «в городе Томах» мученически скончались «святые Павел и Кириак, Фома и Феликс, Мартирия и Фелициана, Виталий и Криспин»; 27 августа пострадали «в городе Томах» Маркеллин трибун и жена его Маннея, сын его Иоанн, клирик Серапион и воин Петр. В некоторых списках прибавлено о последних такое сведение: «Они при презесе Кульчиане, после укрощения лютых зверей, после погашения огня, посекаются мечом, а тела их сожигаются». Трибун Маркеллин с супругою конечно сослан из Рима в Томы; но из прочих страдальцев большая часть, если не все, принадлежали Скифии и по роду своему были славяне.

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ благоверной ЕВДОКИИ — ЕВФРОСИНИИ, великой княгини Московской

Благоверная Евдокия, дочь Димитрия Константиновича князя Суздальского, в 1367 году стала супругою великого князя Димитрия Иоанновича[1]. «Земля Русская рада была этому браку», говорит древний повествователь[2], и было о чем радоваться. Союз дочери князя Димитрия Суздальского с князем Димитрием Иоанновичем служил залогом

[1] *Карамзин Н. М., Смирдин А. Ф.* Примечания к Истории государства Российского, тома 4–6. СПб, 1852. Прим. 4 к 5 т.

[2] Собр. л. 6, приб. 104.

прекращения борьбы Суздальского князя с князем Московским, пролившей много крови русской. И молодой князь, вступивши в брак, радовал собою всех: «Будучи еще молод, — говорит тот же повествователь, — он прилежал к делам духовным, не любил пустых разговоров, не терпел срамных слов, от худых людей уклонялся, а с добрыми любил беседовать, с благоговением слушал Священное Писание, заботлив был о храмах Божиих, мужественно стоял на страже за землю Русскую, злобою был дитя, а умом полный муж»[1]. Счастлива была княжна, найдя себе такого супруга. И жизнью своей показала, что она была достойна его. Она была супругою нежною, кроткою, набожною. «Оба супруга, — продолжает повествователь, — жили в браке чисто, не предаваясь стремлениям чувственности, и внимательны были к своему спасению». Было кому поддерживать такие расположения молодых супругов. Святитель Алексей был отцом и хранителем их во всем. Святой Феодор, игумен Симоновский и племянник преподобного Сергия, был духовником их. Княгиня и рождала и воспитывала детей в страхе Божием. Восприемником одного из сыновей был преподобный Сергий. Княгиня поддерживала супруга своего в его борьбе с различными скорбями, поддерживала своею молитвою и своею любовию. Когда великий князь Димитрий решился идти против грозных полчищ Мамая, то, совсем готовый в поход молился в храме Архистратига Михаила, призывая молитвы небожителей; с ним здесь молилась и супруга; здесь же в горьких слезах она и простилась с ним[2]. В продолжение всего грозного времени войны «великая княгиня Евдокия, говорит летопись, раздала много милостыни бедным и сама постоянно ходила в церковь, молилась днем и ночью»[3]. Надежды христианские не остались в стыде. Князь Димитрий 8 сентября одержал такую победу над татарами, что с того времени уже не Россия опасалась орды, а орда стала бояться сил России. Димитрий благодарил Господа, Москва с торжеством встречала победителя Куликовского; княгиня встретила супруга у Спасских ворот и молилась с ним в соборах. Благочестивый князь увековечил память Куликовской битвы установлением поминальной Димитриевой субботы. Великая княгиня положила при первой возможности запечатлеть памятником

[1] Собр. л. 6, приб. 104..

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. В 12 т. СПб., 1803–1826. Т. V, прим. 70 (далее — *Карамзин Н.М.* История государства Российского. — *Ред.*).

[3] Там же, прим. 67.

благодарность свою Богоматери за великое дело 8 сентября[1]. «Была радость на Руси, — говорит летопись, — но была и жалость: оскудела земля воеводами и войском». Истощение России доставило татарам легкую возможность удержать временный успех над Россиею. Спустя два года после Куликовской битвы Тохтамыш, усилившийся уничтожением Мамая, быстро подошел к Москве с огромным числом войск; Димитрий уехал в Кострому собирать полки, тогда как князья Рязанский, Суздальский и Тверской спешили искать милости у Тохтамыша безмолвною покорностию. В испуганном кремле началось волнение, поднялись споры и от споров перешли к дракам; одни хотели сражаться, другие спешили грабить и малодушно бежать, но никто — повиноваться. Не пускали из кремля ни митрополита Киприана, ни великой княгини, и едва наконец выпустили. Татары едва не захватили великую княгиню в Переяславле, — она чрез Ростов удалилась в Кострому. Татары ворвались в кремль и наполнили его трупами и пеплом, потом рассыпались для грабежа по окрестным городам; но лишь только услышали, что князь Владимир стоит у Волока, а великий князь ведет полки из Костромы, поспешили убраться из России вон. Много слез пролили князь и княгиня, возвратясь в Москву опустошенную; на счет великого князя похоронено было до 24 000 человек[2]. Благочестивая княгиня более, чем прежде, обратила тайные помыслы души своей к жизни загробной. В 1383 году старший сын ее Василий задержан был в орде и в том же году скончался отец ее: одна гореcть увеличивала другую. К этому-то скорбному времени относится благочестивый подвиг ее — основание Вознесенской женской обители. «Монастырь честен возгради», говорит о ней Степенная книга; «внутрь царствующего града Москвы пречестную девическую обитель воздвиже, во имя Вознесения Христа Бога нашего», говорит пролог. По летописи видим сей монастырь уже в 1387 году[3]. В 1389 году посетила благоверную княгиню самая тяжкая скорбь. Великому князю Димитрию было 39 лет; но он так изнемог, что не надеялся больше жить и приготовил духовное завещание. Княгиня только что родила последнего сына. Князь-супруг, чувствуя близкий конец, велел позвать ее с детьми к нему. «Вот отхожу я к Богу моему, — говорил князь. — Ты, дорогая

[1] Там же, прим. 85.

[2] Никон. л. 4, 132–138; Собр. л. 6, прибавл. 100–103.

[3] Пролог 7 июля; Собр. л. 6, 134, 8, 81; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V, прим. 137.

княгиня моя, будь и отцом и матерью детям моим, наставляй и укрепляй их в благочестии, чтобы были послушны по заповедям Божиим, боялись Господа и чтили тебя во всю жизнь»[1]. В духовном завещании своем князь высказал вполне, как высоко уважал он свою супругу, какие надежды имел он на ее ум и добродетели. Разделив волости детям своим, он говорил: «Вы, дети мои, живите заодно, а матери своей слушайтесь во всем. Если кто из сыновей моих умрет, то княгиня моя наделит его уделом остальных сыновей моих; кому что даст она, то тому и есть; дети мои из воли ее не выйдут. Если у кого из сыновей моих уменьшится отчизна, против того, чем я благословил его, то княгиня моя наделит из уделов сыновей моих; а вы, дети мои, слушайтесь матери. Если Бог возьмет к Себе сына моего, князя Василия, то удел его идет следующему за ним сыну, а уделом последнего княгиня поделит сыновей моих; а вы, дети мои, слушайтесь своей матери, — что кому даст она, то того есть... Который сын не станет слушаться матери своей, на том не будет моего благословения». Так понимает супругу свою умный Димитрий Иоаннович. Он предоставляет ей безотчетную власть распределять сыновьям отчины в известных случаях. Ей самой назначил князь по нескольку волостей из уделов каждого сына с тем, чтобы по смерти ее возвратились эти волости в те уделы, которым принадлежат они; но теми волостями, которые приобрел сам Димитрий и отдал супруге или которые приобрела сама супруга его, она имеет полную власть распоряжаться по своему усмотрению — «отдать ли кому-либо из сыновей, или же отдать на молитвы за свою душу»[2].

Предав земле любимого супруга, княгиня положила исполнить во всей точности волю его — заменять, сколько может, отца детям, оберегать и физическую и духовную жизнь их. Потому-то, без сомнения, оставшись вдовою, она не поступила, по примеру других вдов-княгинь, в монастырь, хотя и желала того. Предпоследний сын ее Иван скоро умер, но остались, кроме Василия — великого князя, Юрий, Андрей, Петр и младенец Константин. В 1390 году вместе со всеми сыновьями своими почтительно встречала она за Москвою в Котле святителя Киприана[3]. Получив по завещанию супруга богатые имения, она положила выполнить в лучшем виде долг благодарности Богоматери за

[1] Собр. л. 6, 107.

[2] Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1, № 34; Никон. л. 4, 188–191.

[3] Никон. л. 4, 252, 191.

8 сентября в память дорогого супруга: построила на своем дворе каменный храм в честь Рождества Богоматери и украсила его лучшими иконами, книгами, дорогими сосудами и другою утварью. Святитель Киприан (11 февраля 1393 г.) освятил его в присутствии всей семьи великой княгини. По просьбе благочестивой княгини положено было праздновать в Москве 8 сентября с особенною торжественностью, в благодарность за Куликовскую победу. Как ни богато украшен был освященный храм, благочестивая княгиня хотела сделать более для дома Богоматери. Чрез два года он расписан был лучшими иконописцами — Феофаном Греком и Симоном Черным с их учениками[1]. Княгиня щедро расточала свои средства на восстановление и украшение храмов, которых так много было разрушено и опустошено в нашествие Тохтамыша. На ее иждивение построен был Горицкий монастырь в Переяславле[2]. В 1395 году страшный Тамерлан готов был сделать то же с Москвою, если не более, что сделал Тохтамыш. Общий ужас не мог не потревожить и набожной княгини, как нежной матери детей; вместе со всеми она проливала молитвы к Богоматери, и Матерь Божия спасла Москву[3]. Не нужно говорить о том, что княгиня была матерью для всех нищих; она благотворила бедным пустыням, в том числе блаженному Кириллу Белоезерскому в его северной, дикой пустыне[4].

Княгиня Евдокия вела жизнь подвижническую; но это известно было только Господу, а пред людьми она являлась пышною княгинею, носила богатые одежды, украшалась жемчугом, являлась везде с веселым лицом. Такая жизнь вдовы-княгини порождала худые толки. Люди всегда и везде любят судить о других худо. Худая молва о матери, дошедшая до детей, оскорбляла их, и Юрий Дмитриевич не мог скрыть своего беспокойства от матери. Любовь к тайному подвижничеству вступила теперь в борьбу с любовью к детям. Княгиня-мать решилась удовлетворить той и другой, сколько могла. Она созвала детей в свою

---

[1] Собр. л. 6, 123; Никон. л. 4, 254; Пролог 7 июля; *Снегирев И. М.* Памятники московской древности. М., 1842–1845 (далее — *Снегирев И.М.* Памятники московской древности. —*Ред.*); *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V, прим. 254.

[2] Пролог 19 июля.

[3] Книга степенная. Ч. 1.

[4] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук / Доп. и изд. Высочайше учрежденною коммиссиею: В 4 т. СПб., 1836. Т. 1 (далее — Акты, собранные Археографическою экспедициею. —*Ред.*).

молельную, сняла часть одежды — сыновья испугались, увидя худобу ее тела, изнуренного постом и измученного веригами. Она просила детей не открывать того другим, что они узнали, и советовала не обращать внимания на людские толки о ней. Явившийся Ангел возвестил ей о близкой ее кончине. Она онемела после сего видения и знаками давала знать, чтобы написали ей ангела; два лика ангельские поданы были ей, и она не была довольна; когда же подан был образ Архангела Михаила, она обрадовалась и стала говорить. Он — Архистратиг — точно в таком виде являлся мне, сказала при том блаженная княгиня. Образ сей, говорит древний повествователь, доселе стоит в храме Рождества Богоматери.

Пришло время княгине заключиться и в обители, к которой давно стремилась душа ее. На пути из храма Успения Богоматери слепец кричал ей: «Боголюбивая княгиня, кормилица нас нищих! ты обещала мне во сне: завтра дам тебе зрение; исполни же обещание твое». Княгиня, не обращая внимания на слепого, как бы случайно, опустила рукав рубашки, и слепец, ощутив его в руке, отер им свои глаза и — прозрел. Она приняла иноческий образ с именем Евфросинии и удвоила свои подвиги. На ее иждивение был заложен каменный храм в обители. Но она уже созрела для радостного созерцания Небесных жилищ. В том же 1407 году, в котором заложен был каменный храм, она мирно почила 7 июля. Святые мощи ее покоятся под спудом в основанном ею храме.

Прославляющий святых Своих прославил блаженную княгиню-инокиню по смерти ее. Не раз над гробом ее сами собой загорались свечи[1].

ПРАЗДНОВАНИЕ ВЛАХЕРНСКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ

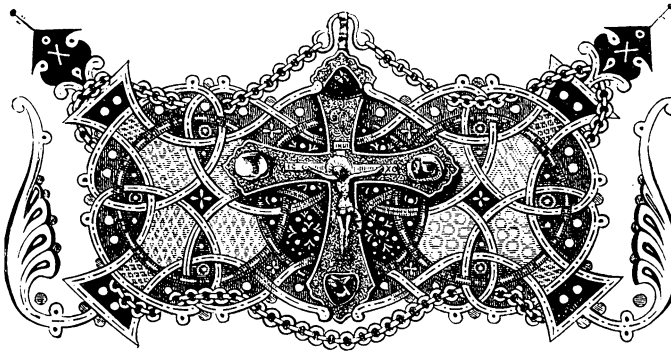
Икона сия, из воскомастики, принесена из Иерусалима в Константинополь и императрицею Пульхериею поставлена была в церкви Влахернской (Влахерны — часть Константинополя); император Ираклий

[1] Книга степенная. Ч. 1; Пролог 7 июля; ркп. житие ее у Толстого (3, № 69); *Вершинский Д. С.* Месяцеслов православно-кафолической церкви. СПб., 1856 (далее — *Вершинский Д. С.* Месяцеслов. —*Ред.*).

имел ее с собою в походе против персов. Впоследствии сохраняли ее на Афоне и в 1653 году прислали в дар царю Алексею Михайловичу. Теперь находится в Московском Успенском соборе, в приделе апостолов Петра и Павла.

Святой мученицы КИРИАКИИ

Святая Кириакия пострадала в Никомидии в 289 году, вместе с другими пятью девами, за исповедание имени Христова.



День восьмой

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ФЕОФИЛА Мироточивого

Родители преподобного Феофила[1] — македонские славяне из местечка Сичева[2], добрые и благочестивые христиане, дали сыну прекрасное воспитание. Сын с юных лет, учившись успешно, не любил веселостей и рассеяния и любил разговаривать с умными и добрыми людьми. Большую часть времени посвящал он чтению христианских книг и любил обогащать ум свой познаниями. Став известным как по доброй жизни, так и по познаниям христианским, он посвящен был в священника; в этом сане он ревностно сеял семена благочестия в христианских сердцах и для этого сеяния переходил из одного места в другое. Ревность к совершенству духовному сблизила его с Ранданским епископом Акакием, и Феофил остался жить при нем для душевного назидания. Константинопольский патриарх Нифонт получает письма из Египта с известием о чудесах, совершенных Александрийским па-

[1] Житие прп. Феофила из рукописи Пантократорской келлии св. Василия (Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской Горе просиявших: В 2 частях. СПб., 1860. Ч. 2 (далее — Афонский патерик. —*Ред.*)).

[2] Сичево недалеко от Солуня и Брегальницы.

триархом Иоакимом в посрамление иудеев, и по поручению патриарха епископ Акакий с Феофилом и другими отправляется в Египет для личного сношения с патриархом. С посланными отправлено послание Константинопольского патриарха к Александрийскому с изъявлением радости о милостях небесных.

Дела происходили истинно дивные, славные для христианства.

В Египте свирепствовала чума: Мисир и его окрестности особенно сильно пострадали. Жид-врач, отъявленный враг христианства, распустил молву между магометанами, что христиане — виновники смертности — опускают в воду крест. Молва дошла до султана. Тот, уважая патриарха, на первый раз оставил без внимания донесение злобы. Жид-врач обратился к визирю-жиду, любимцу султана, и тот успел довести султана до того, что патриарх потребован в Диван для объяснений. Султан долго разговаривал с патриархом и наконец сказал: «Пусть патриарх в оправдание Евангельских слов переставит гору соседнюю с Мисиром». Патриарх выпросил несколько дней для молитвы. Потом, в назначенный день, при стечении народа сказал горе: «Именем Господа говорю: сойди с места». И гора затряслась и сдвинулась с места. Эта гора с того времени называется «дурь дагo» — стань гора. Это чудо поразило всех. Но жиды еще более озлились. У них написано, говорили они султану: *аще и смертное что испиют, не вредит им* (Мк. 16, 18). Если это не ложь, пусть патриарх докажет это на себе. Султан принял и это внушение злости, согласился на то, чтобы подан был яд патриарху. Полный веры в силу Креста Христова, патриарх осенил смертную чашу знамением креста и выпил яд. Все ожидали, что он тотчас умрет. Патриарх остался невредим. Налив стакан водою, патриарх сказал султану: «Пусть еврей выпьет это, подаваемое хулимою им верою». По приказанию султана еврей выпил и мгновенно издох. Пораженный такими чудесами, султан велел обезглавить клеветника визиря, а на всех евреев наложена пеня: сделать водопроводы из Нила в Мисир[1].

[1] Об этих событиях говрят: а) Трифон Коробейников, бывший в Египте в 1583 г. (Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова ко святым местам в 1582 г. // Сказания русского народа, собр. И. П. Сахаровым. СПб., 1849); б) патр. Нектарий у Лекеня (*Michel Le Quien*. Oriens christianus in quatuor patriarchatus digestus, in quo exhibentur Ecclesiae patriarchae caeterique praesules totius Orientis. 3 vols. Paris, 1740. V. II (далее — *Le Quien*. Oriens christianus. —*Ред.*)). О патр. Иоакиме см.: Христианское чтение. 1856. № 1.

Акакий и Феофил приняты были Александрийским патриархом с радостью, и блаженный Феофил своею образованностью обратил на себя особенное внимание великого святителя. Пробыв довольное время в Александрии, благочестивые путешественники отправились на Синай, а оттуда в Иерусалим, были на Фаворе и в Дамаске, где получили письма Антиохийского патриарха к Цареградскому. Из Дамаска возвратились в Иерусалим, где блаженный Акакий заболел и умер. Письма Иерусалимского патриарха Феофил доставил уже патриарху Пахомию, так как Нифонт удалился на покой. Патриарх Пахомий столько полюбил Феофила, что удержал его при себе в должности нотария и экзарха великой Церкви. Феофила все уважали за его добродетели, но он отяготился этим уважением и удалился на Афон.

В Ватопедском монастыре поручил он себя руководству пребывавшего на покое епископа; подчинив себя воле его, он каждый день совершал служение. По смерти епископа перешел в Иверскую обитель и здесь учился у одного послушанию, у другого любви, у третьего терпению. По поручению обители он занимался списыванием книг — и многие книги письма его остались в Ивере[1]. Феофил так стал известен духовною жизнию и образованностью, что солуняне сильно желали иметь его своим архипастырем. Сам патриарх Феолипт, бывший по случаю в Солуне, по просьбе солунцев писал к Феофилу, вызывая его в Солунь. Но смиренный Феофил поспешил облечься в схиму, а патриарху отвечал, что тяжкая болезнь, заставившая его принять схиму, никак не дозволяет ему прибыть в Солунь.

Близ Ивера уединенно подвизался тогда игумен Дионисий. Блаженный Феофил, выпросив у него дозволение, построил вблизи малую келлию. Они жили в такой любви между собою, что, казалось, была у них одна душа.

Потом блаженный жил в Карее вместе с старцем Кириллом. Здесь прот Святой Горы старец Серафим, духовник Кирилла, так полюбил Феофила, что они остались друзьями до гроба. Когда сильное желание безмолвия увлекло Феофила в уединенную келлию святого Василия, принадлежавшую монастырю Пантократора[2], а между тем Феофил

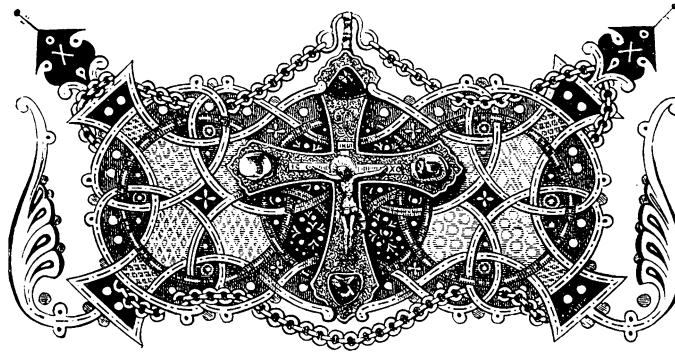
[1] О славянах в Ивере см.: *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Святой Горы.

[2] Монастырь Пантократора и его скиты избирали и избирают для пребывания своего особенно русские. См.: *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Святой Горы; *Сергий (Веснин), иеросхим.* Письма Святогорца к друзьям своим о Святой

не имел у себя ничего, чем бы поправить обветшавшую келлию и уплатить монастырю, старец Серафим помог ему и потом, отказавшись от должности прота, перешел жить вместе с блаженным Феофилом. Исключительным подвигом их было хранение ума непрестанною молитвою Иисусовою. Преподобный Феофил ни о чем больше не думал, как о Господе Иисусе; Иисус был дыханием его, Он был постоянно в сердце его. Наконец, будучи исполнен дней, преподобный предузнал смерть свою и начал готовиться к переходу в ту жизнь. Он написал исповедание веры и завещание. В пяток, по его желанию, совершено над ним елеосвящение; простившись со всеми, приобщился Святых Таин; ученику своему Исааку дал заповедь не хоронить его, а оттащить труп его куда-нибудь и бросить. Преподобный предал дух свой Богу 8 июля 1548 года.

Исаак исполнил волю старца и оттащил тело его в лес. Когда во всей горе разнесся слух о кончине Феофила, — весьма многие, знакомые и друзья, приходили поклониться могиле преподобного. Исаак указывал всем на одно место взрытое как на могилу почившего. Только иноки Ивера и Пантократора по какому-то предчувствию не доверяли Исааку. Некоторые из них стали ходить по лесу и, найдя мощи преподобного, скрыли у себя. Когда в 40 день Исаак пришел в лощину, к изумлению не нашел мощей старца. После долгого разведывания дознался он, что мощи находятся в обители Пантократора. Он обратился с жалобою к Ерисскому епископу Макарию. Тот созвал игуменов, и решили оставить руку преподобного в обители Пантократора, а прочее отдать Исааку в келейную церковь святого Василия. С того времени мощи преподобного источают благовонное миро.

Горе Афонской: В 2 кн. СПб., 1850. Кн. 2 (далее — *Сергий (Веснин), иеросхим.* Письма Святогорца. —*Ред.*).



День одиннадцатый

† СТРАДАНИЕ преподобного НИКОДИМА

Албанский славянин, преподобный Никодим[1], по воле родителей был женат и имел детей. Связи и знакомства с турками затемнили душу его, и он, увлеченный чувственною жизнью магометанства, отрекся от веры Христовой. Увлечение его магометанством до того было сильно, что он, несмотря на слезы домашних, потурчил детей своих, кроме одного, которого тайно отправили на Афонскую гору. Когда узнал он, где скрывается сын, то, воспламененный фанатизмом, понесся туда, чтобы вырвать у иноков сына и отомстить за него. Благий Бог, ищущий спасения нашего, устроил по-Своему. Когда Никодим прибыл в Афон и тут искал сына, постнические подвиги, молитва, безмолвие пустынников, кроткое обращение с каждым поразили его до глубины души. Он вспомнил свое минувшее, когда и для его сердца не были чужды надежды на вечность духовного блаженства; он сравнил рай Магометов с Раем Христовым и увидел, что сколько первый был грязен и нечист, столько же другой светел и благоуханен; он

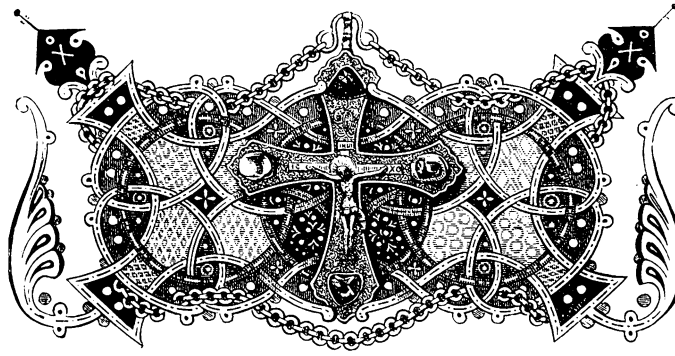
[1] Страдание прп. Никодима из Νεον μαρτυρολ. См. также: Афонский патерик. Ч. 2.

Преподобный
НИКОДИМ

сравнил жизнь пустынников христианских с жизнью магометан и увидел, что сколько те кротки, добры, ласковы, готовы всем жертвовать для других, столько же другие дики, необузданны, горды и своевольны. Он вспомнил, что одна надежда на спасение для грешников, каковы все люди, — Христос Сын Божий; что же ждет его несчастного, который отрекся от Христа? И он горько заплакал о себе самом, о своем падении. Не сходя с горы, он возвратился к христианству, прокляв Магомета, и принял иночество. Три года оплакивал он свое падение и изнурял себя подвигами. Услышав от некоторых отцов, что тому, кто отрекся от Христа пред людьми, полезно исповедовать Его пред людьми, он решился на подвиг мученичества. Чтобы не обмануться в своем желании, он обратился за советом к блаженному старцу Акакию, жившему в Кавсокаливском скиту. Долго плакал он у ног старца, прося уврачевать его больного. Старец поднял его с любовию, помолился о нем, потом тихо сказал что-то ему, дал ему свой старческий жезл, со словами: «Иди с Богом! Бог тебе помощь! подвиг совершишь и венец получишь». Никодим, едва двигаясь от изнурения постного, отправился по благословению старца. Еще на Святой Горе Господь укрепил его на великий подвиг видением — открыл ему и муки, которые вытерпит он, и место, где отсечена будет глава его. Утешенный благостию Божиею, Никодим твердо пошел на подвиг свой. Он прибыл прямо на родину свою и тут в слух турок исповедал, что он христианин и магометанство признает жалким заблуждением. Турки представили его к паше. И пред пашой он исповедал, что хотя принимал он магометанство, но убежден, что вера христианская — вера, не заменимая ничем, а магометанство — жалкое заблуждение, страшное для того, кто дорожит вечностью своею. Взбешенный паша велел сбросить его с террасы своего дома. Он уверен был, что христианин раздроблен будет на части падением. Но Никодим, по благодати Божией, остался невредим — и снова явился к паше. Паша затрепетал, думая, что пред ним привидение. Между тем толпа фанатиков с криком требовала казни для того, кто унизил Магомета. Паша отдал Никодима на волю беснующейся толпы. Неистовые фанатики трое суток терзали

страдальца, вынуждая отречься от Христа. Когда наконец увидели, что не преодолеть им твердости исповедника Христова, лишили его головы на том самом месте, которое указано было ему в видении. Подвиг окончился 11 июля 1722 года. Мощи преподобного Никодима, перенесенные на Афон, источают исцеления прикасающимся к ним с верою[1].

[1] На стене храма монастыря Рыльского изображен «святой Никодим мироточец» (Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. / Под ред. Н. Барсукова: В 4 ч. СПб., 1885–1887. Ч. III).



День двенадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ блаженного СЕРАПИОНА, епископа Владимирского

Преподобный Серапион проводил подвижническую жизнь в Киевской Печерской обители. Время жизни его было самое горькое. Бедствия следовали одно за другим и всего тяжелее было порабощение татарское. В 1230 году мая 3-го сильное землетрясение привело всех в ужас. Для Печерской обители оно было тем поразительнее, что последовало в день памяти преподобного Феодосия. Митрополит Кирилл, великий князь, бояре, множество богомольцев стояли за Литургиею в великой Печерской церкви, как величественный храм треснул в четырех местах; в лаврской трапезе камни падали со свода на полы. Это землетрясение чувствовали и на севере, во Владимире. Мая 14-го было необыкновенное затмение солнца; осенью того же года озимь побита была морозом; затем два года свирепствовали голод и мор[1]. Наконец страшный Батый опустошил Россию и наложил на нее тяжкое иго подданства. Блаженный Серапион бедствиями времени обучался сокрушению о грехах и страхом Божиим отгонял от души приражения страстей. В одном из поучений своих писал он: «Сколько раз видели мы солнце погибшее, лу-

[1] Собр. л. 1, 193. 3, 128. 129. 4, 29. 7, 136. 137; Книга степенная. Ч. 1.

ну померкшую, перемены в звездах. Видели своими глазами и трясение земли. Земля, утвержденная и неподвижная, движется по повелению Божию, колеблется от грехов наших, не может носить беззаконий наших... Что потом было у нас? Не глад ли? Не мор ли несколько раз? Не частые ли войны? Однако мы не покаялись. И вот пришел на нас, по попущению Божию, народ немилостивый, опустошил нашу землю, взял наши города, разорил святые церкви»[1]. За высокие добродетели свои блаженный Серапион был избран и посвящен в архимандрита Феодосиевой лавры. Затем митрополит Кирилл назначил его еще для высшего сана. По летописи, в 1274 году первосвятитель, прибыв из Киева на север, посвятил Серапиона, архимандрита Киевского Печерского монастыря, в епископа Владимиру и Нижнему Новгороду[2], а в надписи правил Собора 1274 года сказано, что Серапион посвящен в епископа архипастырями, собравшимися на сей Собор в Владимире. Впрочем, блаженный Серапион недолго управлял Владимирскою паствою. И не дивно: тот, кто печальные события 1230 года видел с таким духовным разумением, в 1274 году был, без сомнения, уже глубоким старцем. Он скончался 12 июля 1275 года и погребен во Владимирском Успенском соборе[3]. Уже по списку XIV века в надписи 3 слова его называется он святым, в трех других — преподобным, а в надписи 5 слова — блаженным. По рукописным святцам он поставлен в числе святых.

Летопись говорит о нем: «бе учителен и силен в Божественном Писании»[4]. Ныне известны 7 слов его, дышащие искренним благочестием христианского пастыря душ[5].

«Дети, — так говорит он в одном поучении, — я чувствую в сердце своем великую скорбь о вас. Ибо вовсе не вижу вашего обращения от дел беззаконных. Не так скорбит мать, видя детей своих больными, как скорблю я, грешный отец ваш, видя вас болящих делами беззаконными. Много раз беседовал я с вами, желая отвратить вас от худых навыков. Но не вижу в вас никакой перемены. Разбойник ли кто из вас?

---

[1] Слово 1 // Прибавление к Творениям святых отцов. М., 1843.

[2] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IV, прим. 154.

[3] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IV, прим. 153, 154.

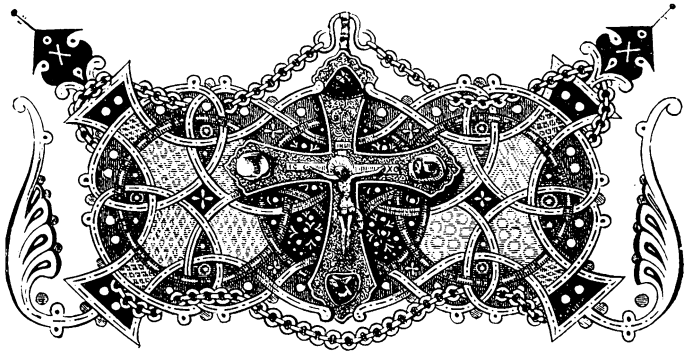
[4] Там же, прим. 154.

[5] Четыре слова отысканы в Лаврской златой чепи XIV в. и изданы в «Прибавление к Творениям святых отцов» (М., 1843). Пятое найдено и издано Шевыревым (*Шевырев С.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, в 1847 г.: В 2 ч. М., 1850. Ч. 2). Еще два изданы в «Православном собеседнике» (июль 1860 г.).

Не отстает от разбоя. Вор ли кто? Не пропускает случая украсть. Имеет ли кто ненависть к ближнему? Не имеет покоя от вражды. Обижает ли кто другого, захватывая чужое? Не насыщается грабежом. Лихоимец ли кто? Не перестает брать мзду. Но по слову пророка, *всуе мятется, сокровищствует и не весть, кому соберет я* (Пс. 38, 7). Бедный, он не подумает о том, что как родился нагим, так и умрет, не имея ничего кроме проклятия вечного... Умоляю вас, братия и дети, исправьтесь, обновитесь добрым обновлением; перестаньте делать зло; убойтесь Бога, сотворившего вас; вострепещите Суда Его страшного. К кому идем? К кому приближаемся, выходя из сей жизни? Что скажем? Какой дадим ответ? Страшно, дети, подпасть гневу Божию... Вот уже к сорока годам приближается наше томление и мука, тяжкие дани не прекращаются; и голод и мор, и всласть хлеба мы съесть не можем. Воздыхание и печаль сушат кости наши. А что нас довело до сего? наши беззакония, наши грехи, наше непослушание, наша нераскаянность. Молю вас, братия: вникни каждый в свои мысли, рассмотри сердечными очами дела свои, возненавидь их, откажись от них, раскайся, и гнев Божий минует. Милость Господня излиется на нас. Господь сотворил нас великими, а мы непослушанием становимся малы. Не погубим, братия, своего величия. Не слышащие о делах и законе спасаются, а исполняющие закон (см.: Рим. 2, 13). Согрешили мы? Прибегнем к покаянию, обратимся с любовью к Богу, прольем слезы, подадим милостыню нищим, поможем бедным. Скажем и мы с Давидом: “Господи, виждь смирение наше, остави вся грехи наша (см.: Пс. 24, 18). Отврати ярость Твою от нас. Еда во веки прогневаешися на ны, или простреши гнев Твой от рода в род?” (см.: Пс. 84, 5–6). Ты Бог наш; Тебя прославляем с безначальным Отцем и с Пресвятым Духом, ныне и присно и вовеки».

В слове о мятеже жизни говорит: «многие вельможные преждевременно сведены в ад, как псы... Известного у людей нет ничего, все — неприятности. Один захватил землю соседа, другой отнял имущество и село, а и без того чужой дом у него. Иные, не насыщаясь имением, захватывают и продают свободных людей бедных... Правды нет в мире, дети бесчестят родителей, отцы отказываются от детей, мужья блудодействуют при женах... Бог дал нам богатство, чтобы разделяли мы его с бедными: а мы еще обижаем сирот, насилия творим вдовам, обираем бедных и за деньги обвиняем правого».

Так обличал грешников ревностный пастырь!



День тринадцатый

† Преподобной САРРЫ подвижницы

По древнему известию, блаженная девственница Сарра была настоятельницею девичьей общины[1]. Она шестьдесят лет прожила в тесной келлие своей на берегу Нила и ни разу не взглянула на реку. Духовная твердость ее была изумительна. Много случалось с ней разных искушений, то болезни, то обиды; она терпела, оставаясь верною обету. Докучливые образы суеты мирской, иногда прелестные и чарующие, прогоняла страхом Божиим.

Со страстью блуда боролась она 13 лет и никогда не просила о прекращении борьбы, а только молилась: «Дай мне, Господи, крепость». Раз, когда искушение было сильнее и настойчивее, она, в глубоком сокрушении и трепете пред геенною, взошла на крышу кельи и предалась усиленной, горячей молитве. Демон, явясь ей в человеческом образе, поклонился ей и сказал: «Ты победила меня, Сарра». Она, понимая значение хвалы его, отвечала: «Тебя победил Господь Иисус, а не я грешная»[2].

Слава о ее высоком подвижничестве призывала к ней посетителей. Два известных подвижника пришли из Пелузийской пустыни видеть

[1] Vitae part. Lib. V, c. 7, n. 19. Dicebant de abbatissa beatae memoriae virgine Sarra et cet. Lib. V, c. 5, n. 10/ Narraverunt de abbatissa Sarra et cet.

[2] Vitae part. Lib. V, c. 5, n. 10, 11.

Сарру. Побеседовав с нею о пользе душевной, они, на прощанье, положили: поучим старицу смирению. «Смотри, — сказали они ей, — не превозносись умом твоим; не говори: вот и отшельники ходят ко мне женщине». Сарра отвечала: «Да, я точно слабая, бедная женщина; но стараюсь, сколько могу, держать душу при бодрости и мужестве». Она говорила это в тех мыслях, что слабость пола не увольняет никого от долга борьбы христианской и что звание рабы Христовой обязывает к ревности духовной и жену, как и мужчину.

Она говорила: «Если я буду желать, чтобы все люди были довольны мною, то должна буду стоять с поклонами у дверей каждого. Но лучше буду молиться, чтобы сердце мое было чисто пред всеми».

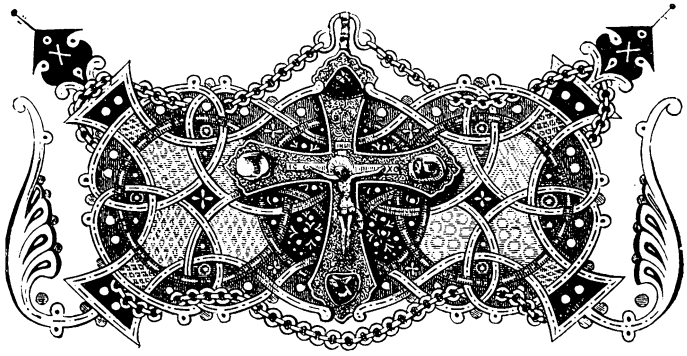
Она особенно часто помышляла о смерти и побуждала себя к готовности стать на Суде Божием не со стыдом и бесполезною тугою. «Когда поднимаю ногу свою, чтобы взойти на лестницу, то представляю себе смерть, и потом всхожу на лестницу».

В числе наставлений, слышанных от нее, чаще других встречали настояние ее — быть милостивыми к бедным. «Хорошо, — говорила она, — подавать милостыню и для людей; пусть она подается и по человеколюбию, но повторяемая, она обратится в дело чистой любви к Богу»[1].

Память о святой Сарре совершается и в сырную субботу, когда воспоминаются все великие подвижники[2].

[1] Vitae part. Lib. V, c. 7, n. 18. Lib. VI, c. 4, n. 23.

[2] У коптов св. Сара 15 (11) марта и 25 (20) апреля. *Ludolfi.* Ad soam historiam aethiopicam commentaries. Francof., 1691.



День шестнадцатый

ПАМЯТЬ
святых отцов
Шести Вселенских Соборов

В 16 день июля и в V или VI неделю по Пятидесятнице Церковь совершает память Святых Вселенских Шести Соборов: Первого, бывшего в 325 году по Рождестве Христове в присутствии Константина Великого и 318 святых отцов, вопреки Арию единомыслием веры уяснивших в первых восьми членах Символа веры единосущие в Трех Ипостасях Богоначального естества и единое поклонение Отцу, Сыну и Святому Духу, — определивших время празднования Пасхи и предавших в руководство Церкви 20 правил благочиния.

Второго, бывшего в Константинополе в 381 году при императоре Феодосии Великом, в числе 150 святых отцов, подтвердивших, вопреки Македонию, патриарху Константинопольскому, равное поклонение Святому Духу, купно с Богом Отцом и Сыном; указавших важность и непреложность веры, проповеданной Первым Вселенским Собором; распространивших изложение восьмого члена веры; присовокупивших четыре последние члена и предавших в руководство Церкви 7 правил благочиния.

Третьего, бывшего в Ефесе в 431 году в числе 200 святых отцов при Феодосии II, исповедавших против Нестория нераздельное в лице Иисуса Христа соединение Божества и человечества, и бессеменно родившую Его непорочную Приснодеву собственно и истинно

Богородицею; подтвердивших неизменность Символа веры и предавших в руководство Церкви 8 правил благочиния.

Четвертого, бывшего в Халкидоне в 451 году, при Маркиане, в числе 630 святых отцов, исповедавших Господа Иисуса Христа совершенным в Божестве и совершенным в человечестве, Богом Истинным и человеком истинным, из души и тела; единосущным Отцу по Божеству и присносущным нам по человечеству; по всему нам подобным кроме греха; рожденным прежде века от Отца по Божеству; по человечеству ради нашего спасения — от Марии Девы Богородицы; Единым Христом, Сыном Господа, единородным, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно познаваемым, и в сих двух естествах славимым: а суемудрого Евтихия, архимандрита Константинопольского, который говорил, что великое таинство спасительного Домостроительства совершилось призраком, извергших, и с ним Нестория, патриарха Александрийского, и Диоскора, архиепископа Александрийского, из коих один был защитником и поборником разделения, а другой — смешения Божества и человечества во Иисусе Христе, и предавших 30 канонов благочиния в руководство Церкви.

Пятого, бывшего при императоре Юстиниане Великом в Константинополе в 553 году, в числе 165 святых отцов, утвердивших истину учения, изложенного Четвертым Вселенским Собором, и осудивших Феодора Мопсуетского — Несториева учителя, Оригена, Дидима и Евагрия, также написанное Феодоритом противу правой веры и противу дванадесяти глав блаженного Кирилла, и так называемое письмо Ивы.

Еретики, осужденные соборами Ефесским и Халкидонским, восстали против Собора Хадкидонского, утверждали, что он, осудив Евтихия, оправдал Нестория, и в подтверждение сего указывали на сочинения Феодора, епископа Мопсуетского, Феодорита Кирского и Ивы Едесского, которые будто бы не были осуждены Халкидонским Собором, между тем как благоприятствовали учению Нестория. Феодор хотел разумение Священного Писания и все учение веры основать на началах одного разума; потому отверг важнейшие догматы Православной Церкви, не признавал во Христе воплощенного Бога Слова, не почитал Святой Матери Его Богородицею, отвергал исполнение пророчеств в лице Иисуса Христа, все чудеса и проч. Феодорит, епископ Кирский, бывший в дружеской связи с Несторием, до его заблуждения и во время Ефесского Собора, по неведению о перемене мыслей Нестория и по неосторожности, в чем сам впоследствии раскаялся, написал 12 глав

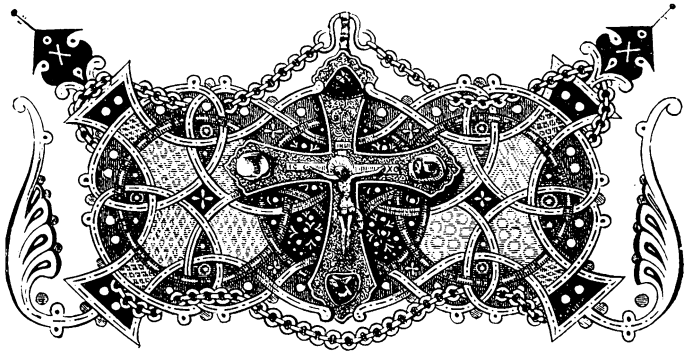
против известных 12 анафем святителя Кирилла Александрийского на Нестория. Ива Едесский, в послании к Марию Персу, осуждал Равулу, своего предшественника, за то, что он предал анафеме Феодора Мопсуетского будто бы безвинно и не уважил его трудов для пользы Церкви. Это послание для одних служило соблазном, других располагало к образу мыслей Феодора и чрез то к ереси Нестория. В то же время начали распространяться на Востоке ложные мысли Оригена (186–254), кои и прежде уже не раз были осуждаемы Православными учителями Церкви. Они осуждены были еще при жизни самого Оригена епископом Александрийским Димитрием, потом Феофилом Александрйским (в 399 г.) на соборе из епископов Египетских и Ливийских. Таким образом Пятым Вселенским Собором утверждены только прежние решения об Оригене. Ложные мнения Оригена состояли в том, что он 1) отвергал равенство лиц Святой Троицы; 2) души человеческие считал сотворенными прежде тел и заключенными в тела в наказание за грехи, сделанные душами прежде соединения с телами; 3) душа Иисуса Христа соединилась со Словом прежде воплощения; 4) небесные светила суть одушевленные силы, в которых обитает душа разумная; 5) мучения загробные будут иметь конец, — и 6) Иисус Христос, Спаситель человеков, вторично пострадает для спасения демонов и проч. Дидим и Евагрий были учениками Оригена.

И Шестого, бывшего при Константине Погонате, также в Константинополе в 691 году, вопреки Сергия, епископа Константинопольского, и его последователей, в числе 170 святых отцов, утвердивших, что во Иисусе Христе две естественные воли и два естественных действия нераздельны и неслиянны; подтвердивших правила Вселенских и Поместных Соборов и изложивших 102 правила благочиния в утверждение Церкви.

Празднование святым отцам Шести Вселенских Соборов, бывших в разные времена, без сомнения, началось не вдруг, но распространялось мало-помалу, после Первого Вселенского Собора. На постепенное установление празднования святым Шести Соборам Вселенским указуется писаниями святых отцов разных веков. Так святитель Григорий Двоеслов, писатель VI века, в послании своем к Иоанну, патриарху Константинопольскому, и прочим патриархам писал о четырех Вселенских соборах: «Приемлю и почитаю 4 Собора, как 4 книги Святого Евангелия, т. е. со всею преданностию содержу и всецело храню Никейский, на коем ниспровергнуто лжеучение Ария; Константинопольский,

на коем обличено заблуждение Евномия и Македония; Ефесский, на коем отвергнуто нечестие Нестория; Халкидонский, на коем отвергнуто безумие Евтихия и Диоскора». В VII веке святой патриарх Иерусалимский Софроний, в соборном послании к Сергию, Константинопольскому патриарху, писал: «Святые отцы, желая показать, что учение их не новое, а согласное с соборами, часто перечисляют оные. Мы принимаем четыре великие, священные Вселенские соборы, бывшие для утверждения Божественных догматов церковных, сияющие Евангельским блеском и украшенные качествами Евангельскими. Сверх сих четырех великих, достоуважаемых, священнейших и равночестных соборов, я принимаю и Пятый Вселенский собор, бывший кроме и после тех соборов, собиравшийся для подтверждения знаменитого Халкидонского собора». В IX веке о шести Вселенских Соборах писал Никифор, архиепископ Константинопольский, и называет их святыми, Богодвижимыми. При воспоминании святых отцов шести Вселенских Соборов Церковь в чтении Евангельском предлагает ходатайственную молитву Иисуса Христа, указанную в первом Страстном Евангелии и в VII по Пасхе неделю святых отцов Первого Вселенского Собора (см.: Ин. 17, 1–13).

А словами Апостольского чтения поучает: *Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас неполезно* (Евр. 13, 17).



День семнадцатый

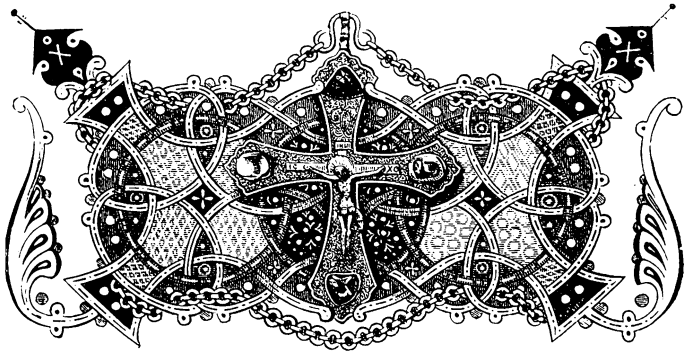
† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ЛЕОНИДА УСТЬНЕДУМСКОГО

Блаженный Леонид, родившийся поселянином в Пошехонском уезде, на 50 году видел сон, повелевавший ему идти в Моржевскую Николаевскую пустынь, что на Двине, взять там икону Пресвятой Богородицы Одигитрии и с нею устроить храм на реке Лузе в Туриной горе. Он не решился следовать этому видению, считая его простым сном, и отправился в Кожеозерский монастырь, где постригся и прожил около трех лет[1]. Отсюда пришел он в Соловецкий монастырь, где трудился в пекарне. Сновидение повторилось здесь еще раз. Он перешел в Моржевскую пустынь и спустя год открыл настоятелю свое видение. Получив икону Одигитрии, он отправился на реку Лузу и близ Туриной горы, при реке Якутице (в 80 верстах от Устюга), устроил себе хижину из хвороста; потом, уступая насилию поселян, отошел по реке Лузе на две версты и здесь с помощью селянина построил себе келлию и часовню; посвященный в иеромонаха в 1608 году, построил он храм во имя Введения Божией Матери, где поставил икону Одигитрии. Ныне это —

[1] Кожеозерский монастырь // Московские ведомости. 1852. № 33–34. Здесь был он келарем и, следовательно, жил не один год.

в 80 верстах от города Лальска. Болота, окружавшие это место, делали обитель почти неудобною для общежития. Для осушения их Леонид прокопал канал от реки Лузы до Черного озера, от Черного озера до Святого и от Святого до Черной речки; всего прорыто им 840 сажень. Во время этого труда Леонид ужален был у Черного озера змеей и сначала встревожился мыслью о последствиях яда; но потом, с упованием на Бога, положил не думать и остался здоров. По этому случаю он назвал канал Недумою рекой, и обитель назвалась Устьнедумскою. Край тот, где поселился труженик, был край пустынный и глухой. Он долго и после назывался «Лускою Пермцею», т. е. частицею страны диких пермяков. Отселе понятно, какое значение имела пустынь Леонида для этого дикого края в церковном и гражданском отношении. Преподобного Леонида справедливо чтут просветителем «Пермцы». Сколько борьбы вынес он с природою негостеприимною! Канал, проведенный трудами его, значительно осушил болота; но Луза во время разливов затопляла пустынную обитель. Потому преподобный вынужден был наконец перенести постройки на мыс, возвышающийся над Черным озером. Здесь построенный храм освящен был мая 25-го 1652 года, а в 1654 году июля 17-го преподобный Леонид окончил труженическую жизнь свою на 100 году от рождения. Власяница его поныне сохраняется в бывшей монастырской, ныне приходской, Введенской церкви; здесь же почивают мощи его под спудом[1].

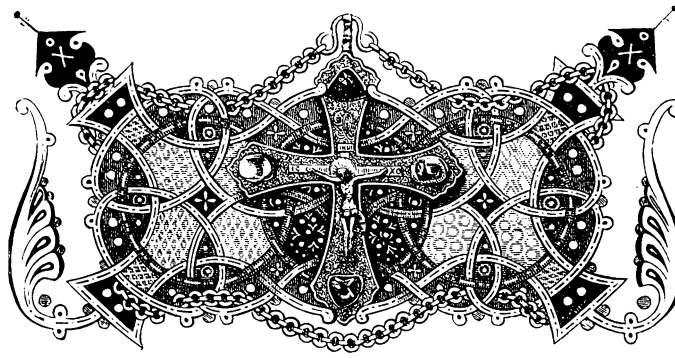
[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. По грамоте 1691 г. «за Недумскою пустынею» было «15 дворов половничьих» тех, которые обрабатывали монастырскую землю, с удержанием половины доходов в свою пользу.



День восемнадцатый

Преподобного ЛЕОНТИЯ КАРИХОВСКОГО

Преподобный Леонтий основал в Новгородском уезде монастырь Карихов, в котором и сам скончался 18 июля 1492 года. Мощи его почивают под спудом в нынешней приходской церкви села Карихова.



День девятнадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ блаженного СТЕФАНА ЛАЗАРЕВИЧА, деспота Сербского

После страдальческой кончины князя Лазаря старший сын его Стефан остался еще малолетним[1]. И мать Стефана, умная княгиня Милица, приняла дела Сербии в свое ведение.

[1] Григорович пишет: «житие Стефана деспота, писанное по всей вероятности Константином Костенским, гораздо важнее (жития Дечанского) для истории Византийской и Сербской... Сколько могу догадываться, есть несколько рецензий сего жития. Одна — подлинная с подробностями; другая — та, что ходит по России; третья — внесенная в Цароставник и Никонову летопись» (Известия Императорской Академии Наук, VII). У Бодянского (*Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмён. М., 1855 (далее — *Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмён. —*Ред.*)) «житие благочестивого господина деспота Стефана, списано повелением и понуждением св. патриарха земле Себрскые Кир Никона» и пр. Биограф говорит: «от святейшего Кира Никона, патриарха Сербских и поморских земель, приходившего в Белград (на погребение блаж. Стефана), от воеводы военного (кн. Георгия) и от других лучших людей получили мы поручение написать житие сего святого деспота; но по неблагоприятным обстоятельствам отложили дело. Спустя четыре года после отшествия сам блаженный явился в сонном видении, грозил наказать за непослушание и велел выполнить обещание. Потому постарался я начертать житие». Раич не знал, кто был сочинителем жития Стефанова (*Раич Йован.* История разных славенских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов: В 4 ч. Вена, 1794–1795. Ч. 3 (далее — *Раич.*

Хотя султан, победитель Сербии, предоставил Сербии свое управление, но Сербия обязана была выставлять для каждой войны султана 30 000 войска и она же должна была каждый год вносить в казну султана 20 000 золотых дукатов[1]. Положение не легкое! А между тем Вуку Бранковичу удалось было выпросить себе звание опекуна Стефанова и правителя Сербии.

Сперва удалось Вуку Бранковичу достать себе большую половину Сербии. Но умная деспотисса все мало-помалу улучшала дела свои и Сербии. На первых порах много надобно было трудиться, чтобы сколько-нибудь поправить разоренный войною край. К большему горю, явились раздоры: некоторые предлагали вступить в союз с Венгрией и вместе с нею воевать против султана. Мысль эта до того увлекла иных, что составился заговор лишить Стефана прав деспота. А другие недоброжелатели доводили до сведения султана, что Стефан — враг султана. Деспотисса сама явилась к султану с изъявлением покорности. Султан принял ее ласково. Затем и юный деспот отправился к Баязету. После церемониального приема Стефан не спешил уходить из дворца. «Зачем остался?» — тревожно спросил султан. Стефан смело отвечал: «Так как некоторые люди говорили обо мне худо вашему величеству, то сам я хочу сказать правду о себе, хотя и невыгодную. Действительно, советовали мне некоторые отложиться от твоей власти и стать другом венгерцев; но я видел неуместность этого союза, помню клятву и ваши милости и — вот явился пред лице вашего величества: жизнь моя в ваших руках: распорядитесь, как угодно». Баязет изумился искренности, помолчал и потом объяснил молодому князю, что союз с венграми точно не умное дело, он скоро смирит их. «Если ты, — прибавил султан, — будешь делить мои походы, ты будешь покоен, — принимаю тебя за сына, дети мои, чувствую, перессорятся; тогда придет время, что ты не только будешь владеть покойно своею страною, но приобретешь соседние; при мне поступай так: смиряй сильных твоих и держи их в руках». Никто не ожидал, чтобы грозный султан так отечески принял молодого Стефана, и — тем более было радости для Сербии. Баязет «просил у деспотиссы Саломию, меньшую дочь

История разных славенских народов. —*Ред.*). Но сербская летопись говорит: «житие все по реду написует се Константин фолософом, по мнозе умолени синклит» (*Šafařik.* Î písmenech črúnorizca Chrabra. Památky dřevního písemnícství Jihoslovanův. Prague, 1851 (далее — *Šafařik.* Památky dřevního písemnícství. —*Ред.*)).

[1] Летопись в: Гласник Српск. учен. Друштва. Кн. 5 (далее — Гласник. —*Ред.*).

ее, в супругу себе и обещался принимать Стефана за сына». Для покоя Сербии умная Милица согласилась исполнить желание султана. Это было в 1393 году[1]. Чрез год после того в 1395 году Стефан с войском своим отправился в поход в помощь Баязету, воевавшему с Венгрией; а еще чрез год с войсками султана должен был воевать против Боснии, но на этот раз выпавший несвоевременно глубокий снег не допустил войска султановы до Боснии. За то Сербию миновали разгромы, нанесенные Баязетом крестоносцам, Венгрии и Греции.

В одной грамоте своей Стефан писал: «Промыслом Всевышнего Сербия избавилась от порабощении Измаильского, начавшегося с Косова поля: пришел царь Персидский и сокрушил Агарян; меня же Бог избавил из руки Персов». Грозный Тимур потребовал от Баязета смириться пред ним — грозою Востока. «Не лучше ли будет, — думал султан, — если одержу победу над врагами? Тогда и восток и запад будут в моих руках». И послал жестокий отказ Тимуру, а к Стефану послан гонец, чтобы Стефан спешил с войском к нему. Стефан хотел быть верным благодетелю. В страшном сражении Анкирском войска Тимура окружили Баязета. Стефан три раза врубался в ряды неприятеля, чтобы спасти Баязета. Когда отряды его уменьшились и не было уже никакой надежды на победу, Стефан пробился сквозь ряды неприятеля, спас жизнь сыну Баязета Сулейману и прибыл в Константинополь. Царьград также трепетал Тимура; но тот обратился на Египет и, разгромив его, пошел в Азию. Стефан отправил посла к Тимуру с просьбою освободить сестру его, жену Баязета. «Что значит герой Македонский? Он обошел всю землю и ничего не удержал за собою, на стыд себе», так говорил Тимур послу Стефанову. И прибавил, что «придет к ним назад не морем с востока, а сухим путем с севера и пройдет весь запад». Так высоко о себе думал Тимур: и однако освободил Марию, которая до того времени, нагая до пояса, подносила питье Тимуру, тогда как Баязет под столом с собаками питался крошками[2]. Стефан утвержден был в звании деспота и со стороны Византийского императора.

Сыновья Баязета скоро перессорились: Сулейман занял западные долины, а старший брат — восточные. Сулейман стерег Стефана на пути его из Константинополя в Сербию. Стефан отправился в Митилену

[1] *Рапч.* История разных славенских народов. Ч. 3; Никон. л. 3, 244.

[2] *Laonicis Chalcocondylae.* Alheniensis Historiarum: libri decem. Bonnae., 1843. Lib. III; Никон. л. 3, 245–248.

и оттуда на корабле прибыл в Албанию. Юрий, женатый на тетке Стефана, на этот раз дал ему отряд свой, и Стефан благополучно прибыл с братом Вуком в свой стольный город Сребреницу[1]. Но после того Бранкович соединился с пашами Сулеймана, чтобы покорить Сербию султану. Стефан отдал половину войска под команду брата Вука, а с другою вступил в бой с пашами и ловким маневром разбил на голову пашей; Вук не был счастлив; Юрий истребил почти весь отряд его. Это было в 1402 году. Старший сын Баязета вступил после того в союз со Стефаном, уже как независимым владельцем. Зато Вук, оскорбившись на брата, поспешил к Сулейману; Милица поспешила за ним вслед, чтобы уговорить; не догнав его в Сербии, неустрашимая явилась в ставку Сулеймана и успела примирить султана со Стефаном[2].

Вступив в супружество с дочерью императора Кантакузена (в 1403 г.), Стефан имел в ней добрую, благочестивую супругу; только она оказалась бесплодною, и это печалило обоих. Состарившаяся Милица-Евфросиния приняла монашество с именем Евгения в обители Люботинии, построенной ею между Каранавацом и Крушевацом, и скоро (11 ноября 1405 г.) скончалась. Счастлив был Стефан, имевший такую мать, какова была княгиня Милица; умная, энергическая, благочестивая, она много облегчала тяжкую долю народа, над которым начал тяготеть меч турок, восстановляла народные храмы, например Дечанской обители, утешала бедность и вдовство бесприютное. Летопись говорит о Милице: «По смерти мужа своего, недалеко от Крушевца, в России, созида монастырь, зовомий Любостиня, и тамо постриглася в иночество и совокупила многие сестры, наипаче великих госпожи, которые вдови изостали по мужах избитых с Лазарем на Косову. И тамо преставилася и погребена. А како она тамо Богу угодила, свидетельствуют чудеса повседневные над немощными, которые приходят к гробу ее, многократ и миро истекает от гроба ее». Она скончалась в великой схиме 11 ноября 1405 года[3].

---

[1] Цароставник см. в: *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3.

[2] Цароставник см. в: *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3. Житие Стефана см. в: Записки Императорского Русского географического общества. Том XIII (далее — Записки географического общества. —*Ред.*).

[3] Гласник. Кн. 5. В грамоте Стефана Лазаревича 2 декабря 1405 г., данной Дубровнику, мать Стефана называется почившею Кира Евфросиниею. Запись на Вулковском Хиландарском типике: «м. ноеврия 11 день престави се монахи Евфросинии, подружие светаго кнеза Лазаря». В Хиландарских грамотах: «аз благовернаа монахы

Стефан умным правлением своим приводил в порядок и оживлял отчизну. Он писался в грамотах: «Милостию Божиею господин всей земли Сербской и поморию и подунайским странам»[1]. Соседи уважали его. Венгерский король Сигизмунд искал союза с ним. Пользуясь тишиною, Стефан стал украшать избранный им для пребывании своего Белград. Построив себе княжеский дом и храм святителю Николаю, устроил при последнем обширную больницу. Затем стал строить обитель иноческую, себе Задушбину; это на горе при реке Рессаве, в Браничевском округе. Храм строился в честь Святой Троицы, и он был украшаем лучшими художниками; приглашены были иноки, особенно из Афонской Горы. На освящение храма приглашен был патриарх Кирилл с собором архипастырей Сербских, — почетные светские люди княжества также были здесь. В праздник Святой Троицы в 1408 году освящен был храм с полным торжеством[2].

По житию, храм убран был мрамором и дорогою мусиею; летописец отзывается о живописи его: «Банско злато и ресавско писание не обретаетьсе нигде же»[3]. Приглашены были иноки для общежития особенно из Афонской горы.

Брат Вулк восстал против Стефана. Дав обещание Сулейману быть данником его, он с его войском пошел опустошать Сербию. Стефан разбил его. Вулк привел более грозные полчища магометанские. Стефан, не находя себя в состоянии бороться с столькими врагами, с горестью говорил в молитве Господу: «Ты видишь, несправедлив ли я», и уступил Вулку половину Сербии. Вулку не прошли даром неправды его. Вскоре между тремя сыновьями Баязета закипела упорная борьба. Старший сын Муса, не столько жестокий, сколько пьяный, после 5 лет правления прогнан был с ковра султанского; Сулейман остался полновластным. Но Муса нашел помощь у валахов. Младший брат Махмуд также поднялся против Сулеймана. По совету Византийского императора

Евгениа и с Богодарованными сынови моими» (*Franz von Miklosich*. Monumenta Serbica Spectantia Historiam Serbiae, Bosniae, Ragusii. № 246–251 (далее — *Miklosich*. Monumenta Serbica. — *Ред.*)). По этим памятникам, кн. Милица пред смертью приняла великую схиму и с тем вместе имя крещения своего, имя Евфросинии; а по кончине супруга была монахиней Евгенией. О монастыре Любостинии см. «Христианское чтение» (1865. Ч. 2).

[1] Надпись на монетах его (см.: Записки Императорского русского Археологического общества. Т. 1, 9; Гласник. Кн. 5)

[2] *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 3.

[3] См.: *Šafařik*. Památky dřevního písemnícství.

Бранковичи и Лазаревичи, за исключением одного Стефана, перешли к Сулейману. Муса был разбит в Азии, но в Адрианополе попались ему в руки изменившие ему, и они все, кроме Юрия Вуковича, преданы были смерти. Муса восторжествовал над Сулейманом; но сын убитого им брата Оркан поднялся с местью за отца. Муса стал изливать жестокости над теми, в ком видел неверных ему. Наместник Болгарский Юсуф и Юрий Бранкович бежали под защиту Стефана.

В 1413 году Муса поднялся на Сербию, с тем чтобы все истребить в ней. Махмуд и Оркан спешили на помощь к Стефану, венгерцы также. Произошла страшная сеча, подобная Косовской; Муса был разбит и пойманный казнен. Стефан утвержден был в звании деспота Махмудом[1].

Когда край успокоился, Стефан продолжал начатые прежде дела внутреннего благоустройства страны. У него заведен был такой порядок управления: высшее управление — совет бояр под его непосредственным начальством; здесь он советовался с лучшими людьми о благоустройстве Отчизны. Составленные предположения передавались средней палате на новые обсуждения; решения ее исполнялись нижнею палатою. Князь не допускал, чтобы служащие при нем допускали какое-нибудь оскорбление один другому или оскорбляли как-нибудь благочестие.

Искренно благочестивый, он посвящал свободное время на молитву и духовные подвиги. Он более, чем кто другой, занимался переводом греческих сочинений, между прочим полемики Зигабеновой против богомилов[2], и сам писал сочинения[3].

---

[1] *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3; Записки географического общества. Т. XIII.

[2] «Многа писания переведе от гречьскых писаний, паче инех бывших того» (*Šafařik.* Památky dřevního písemnícství).

[3] «Исписасе книга сиа великому господину Срьблем деспоту Стефану», так сказано в рукописи второй книги «Паноплия догматика» Зигабена у преосвящ. Агафангела (см.: Вятские епархиальные ведомости. 1864. № 4). Кроме того, по его распоряжению переведены с греческого на сербский язык беседы Златоуста на Бытие: одна часть иером. Иаковом, другая — свящ. Венедиктом. Во 2-й части на л. 351 записано: «в л. 6934 (1426) в дни благочестиваго и благовернаго и Богом венчаннаго господина всее Срьбскые и Поморскые земле и многих чести Угрьскые и Босньскые земле, мудраго и сладчайшаго и славнаго деспота Стефаня сие светые и Божественные книгы, шестодневник Иоанна Златоуста, препися поп Венедикт в Св. Горе од грьчьскаго езыка срьбскы, в славу Божию и Пр. Матере Божие Лещаианскые» (Опис. Синод. ркп. № 62, стр. 48). У Миклошича надпись на книге: «в дни благовернаго и христолюбиваго господина

Нищим раздавал он милостыню щедро и всего чаще тайно от других; иногда ночью, не зримый другими, обходил он приюты бедности и оставлял деньги то на окне, то в другом месте хижины. Раз ночью встретился с ним известный ему вор; он и тому подал монету, с словами: «Прими, вор, и не воруй». Тот отвечал: «Не я вор, а ты, потому что ты крадешь у себя Небесное Царство, обменивая на земное»[1]. Один нищий ночью четыре раза подходил к нему за подачкою. В последний раз деспот сказал ему: «Возьми, вор, и перестань красть». Тот отвечал: «И ты — вор, но умнее меня, — за землю крадешь себе Небо»[2]. Если слышал он о каком-нибудь отшельнике, живущем для Господа, спешил послать ему на молитву нужное для него. В грамоте Хиландарю писал он: «Аз от юностного ми возраста и младых ногтей, Богу смотрением вьса на ползу мне творящу, в многых злолютныих и несьтрьпыих искушеныих, паче же сьмрьтех попущен бых... И от вьсех избави мя Господь... Ныня же скровища великаа благости Божия отверзошеся намь и смирихомся (умирены) и почихом и облаци темнии расступишеся и всия нам солнце. И речем с Апостолом: се время благоприетно, се ныня день спасения»[3]. Для странников всегда был у него покой. Уволившихся от службы чиновников снабжал он содержанием, так же как подавал помощь всем потерпевшим от пожара или другой беды.

Никаких развлечений мирских не любил он, — ни музыки, ни плясок. Не увлекался никакою женскою красотою, — жил чисто как инок, на удивление всем[4].

Он приобрел себе такую любовь и уважение, что даже папины священники молились вслух: «Еще молимся о деспоте Стефане и Сербской стране». Рыцари запада считали себе за великую честь, если получали звание рыцаря от руки Стефана. «Сам деспот Стефан произвел меня в рыцари», — говорили они потом. Когда султана Махмуда просили многие дать свободу Бегу Михаилу, он отвечал: «Не

деспота Стефана — в 24 лето царьства его писасе книга сиа рукою грешнаго еромонаха Иоанна в пустыни Лещианской, господину деспоту самому повелевшу, — тогда течаше лето 6920 (1412)» (*Miklosich*. Monumenta Serbica. № 258).

[1] Остроумные изречения изданы в Гласнике (Кн. 11) и в ИОРЯС (Т. VIII).

[2] См.: Гласник. Кн. 5; *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 3.

[3] См.: *Аврамович*. Описание древностей сербских на Святой Афонской горе. Белград, 1847. №16 (далее — *Аврамович*. Описание древностей сербских. —*Ред*.); *Miklosich*. Monumenta Serbica. № 269, 493, 494. Последние две — грамоты Стефана Хиландарю с пожертвованиями.

[4] См. Цароставник в: *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 3.

выпущу, пока не спрошу совета у брата моего деспота». Стефан, зная лукавство узника, дал такой ответ: «Если хочешь питать змею в доме, отними у нее жало». И Махмуд не выпустил узника до своей смерти. Оркан дал ему свободу и дорого поплатился за то. Когда умер Махмуд в Адрианополе, приближенные советовали Стефану воспользоваться случаем, чтобы завладеть Адрианополем. «Я клялся султану делать все доброе детям его», — отвечал Стефан. По сущности дело было в том, что при разделении власти и ее средств между удельными владельцами Сербии деспот Стефан не был столько силен, чтобы счастливо окончить борьбу с наследником Махмуда за полную свободу Сербии. Удельные эти владельцы слишком ревниво отстаивали личные свои выгоды, как это видел Стефан и по опытам своей жизни; давние обычаи, к сожалению, стояли заодно с болезненною организациею Сербии. Стефану и еще раз пришлось испытать на себе, как трудно бороться с застарелою политическою болезнью. По смерти Зетского владетеля Юрия Бакшича († 1420) деспот, опираясь и на родство и особенно на желание усилить крепость Сербии единою властью, два раза осаждал Скадру; но зетяне удержались при явившемся у них удельном правителе Черневиче[1].

В последние годы свои Стефан страдал ногами. Чувствуя приближение смерти, пригласил он к себе зятя Юрия, патриарха, епископов и великих бояр. В присутствии всех благодарил верных слуг своих и объявил наследником своим Георгия. «Отныне его признавайте государем вашим вместо меня», — сказал он. Впрочем на этот раз Стефан освободился от опасной болезни. Он еще два раза сражался с Амуратом и заключил с ним мир. В это время, жертвуя Милешевскому монастырю пять сел, писал он: «Молитвами их (святых сербских)

[1] Летописи и грамоты см. в: *Майков А.А.* История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа. М., 1857 (далее — *Майков А.А.* История сербского языка. —*Ред.*); *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3. Майков ставит в вину деспоту, что он не воспользовался усобищами детей Баязета и в соединении с Палеологом и Сигизмундом не выгнал турок из Европы. Но когда достиг он зрелого возраста, с Венгрией и Византией он был в союзе; доставало ли того, чтобы выгнать турок из Европы? Нет. Безуспешность Сербии зависела всего более от того, что Сербия страдала раздроблением власти. При такой организации ее то родной брат отнимал у Стефана половину Сербии, то Бранковичи или Балшичи воевали со Стефаном, ему едва доставало сил бороться с домашними врагами. Мужеству Стефана, его бескорыстию личному и уму отдавала честь Европа. После того не хочется ли господину Майкову, чтобы Стефан явился в истории Дон-Кихотом?

многажды спасен был, в море же и на суше, в ратях и в различных нуждах и нахождении иноплеменных. Даже и окаянную душу мою от врат смертных возвратше»[1]. Наконец мирно почил он 19 июля 1427 года[2].

Сербия горько рыдала о смерти Стефана, чувствуя, что у нее уже не будет столько умного, столько храброго и столько доброго сберегателя покоя ее. Современник Стефана, понимая значение Стефана, с одушевлением писал: «И ныне показал Ты, Боже наш, силу Свою между Твоими людьми, не совсем оставив достояние Твое на расхищение языков. И ныне оставил Ты не преклонивших колена пред Ваалом, при немощи естества их. Они были крепкими в бранях, предпочитали страдать с людьми Божиими, но не пить временную сладость греха. Они страдали за стадо Христово... Естественно для плачущих искать себе облегчения в образцах умилительных. Так и я, найдя себе как бы корабль, плыву на нем по пучине морской... Многих властителей превзошел Стефан мудростью, но никто не превосходит его в милости и вере»[3].

Преподобной МАКРИНЫ

Сестра Василия Великого. Жизнь ее и другой сестры Василия Великого, преподобной Феозевии, описана в житии матери их, святой Емилии, 8 мая.

---

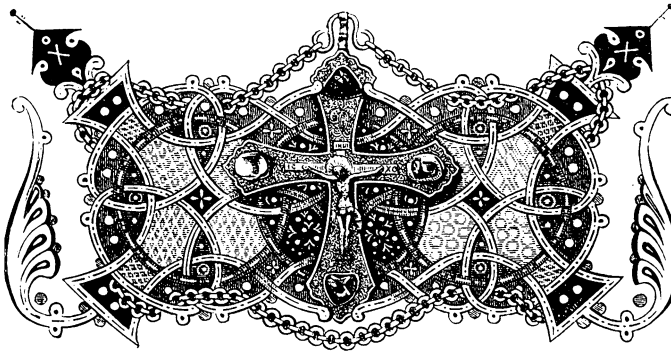
[1] Грамота напечатана в журнале «Сербско-далматинский магазин» (1844). См. также: *Майков А.А.* История сербского языка.

[2] В прологе XV в. под 19 июля: «конць жития временнаго присть благочьстивый и христолюбивый господин Срьблемь и множае деспоть Стефан в л. 6935» (Гласник. Кн. 10). Тот же год кончины блаженного деспота в Цароставнике и в летописях (см.: *Šafařik*. Památky dřevního písemnícství; Гласник. Кн. 5). То же время (июля 19-го 1427 г.) показано в надписи на каменном памятнике, поставленном на месте смерти его, в кнежине Ясенице (*Miklosich*. Monumenta Serbica. № 294, 295)

[3] Житие св. Стефана деспота.

Преподобного ДИЯ, игумена и чудотворца

Из Антиохии Сирской, где в юности подвизался в благочестии, преподобный Дий прибыл в Константинополь и тут сначала жил в пустынной келье, а потом на средства, данные императором Феодосием Младшим, основал монастырь; скончался в 430 году.



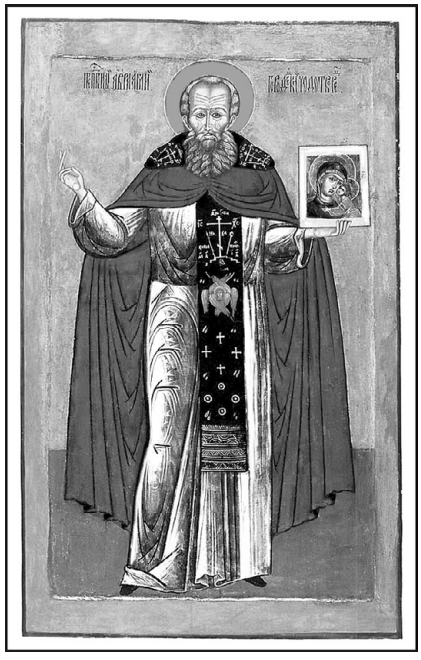
День двадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного АВРАМИЯ ЧУХЛОМСКОГО (Галичского)

Преподобный Аврамий[1] с молодых лет возлюбил Господа и был пострижен в иночество преподобным Сергием; в его обители он сперва выполнял послушания в хлебне и поварне, потом носил дрова и воду для братии; после долгого искуса, как укрепившийся в духовной жизни, он удостоен был сана священства, но испросил у преподобного Сергия дозволение провесть несколько времени в совершенном безмолвии. Потом, стремясь к высшему духовному совершенству, по благословенно Сергия удалился он в дикую тогда страну Галичскую и здесь стал подвизаться.

В одно время молился он под горою и услышал голос: «Аврамий, взойди на гору, там икона Богоматери». Он взошел на гору и увидел

[1] Ркп. житие прп. Аврамия см. в: июльская минея Сергиевой лавры № 5; императорская б-ка № 710. Сочинитель жития говорит: «иноцы тоя обители принесоша мало нечто написано о житии прп. Авраамия, ветхо и издрано, аз же едва прочтох»; далее: «случися мне грешному Протасию быти в той обители и видящу чудеса. Пребывшу в монастыри том три лета, содержа жезл паствы». Итак, сочинитель — игумен Чухломской Протасий. Едва ли это не тот же игумен Протасий, который в 1546 г. открывал мощи прп. Павла Обнорского и оставил записку о прп. Павле.



Преподобный
АВРАМИЙ
ЧУХЛОМСКИЙ

в ярком свете икону, стоящую на дереве. Он поставил здесь келлию. Сухой хлеб утолял голод его, и чистая вода источника прохлаждала жажду. Поселянин неожиданно нашел пустынника под горой и по просьбе его обещался тайно приносить ему по одному хлебцу в неделю. Потом о дивном пустыннике и его чудной иконе услыхал Галичский князь Димитрий Феодорович и едва упросил преподобного посетить Галич[1]. Преподобный достиг Галича озером и встречен был духовенством и народом при входе в город, там, где ныне Староторжский Николаевский девичий монастырь; набожный князь встретил святую икону в Спасском храме; здесь преподобный отпел молебен Богоматери с водоосвящением, и многие больные получили исцеление. Набожный князь доставил преподобному средства основать на месте явления святой иконы храм и обитель в честь Успения Богоматери[2]. И озеро, на берегу которого поселился отшельник Аврамий, называется Чухломским, или Чудским, и та возвышенность, на которой провел он последние свои годы, называется по памятникам «Чудским городком»[3]. Это уже показывает, с какими людьми пришлось иметь дело преподобному Аврамию. Чудь Галичской страны хотя уже знакома была с христианством, но поверхностно и слабо; обычаи и нравы были грубы, язычество еще жило в сердцах и открывалось в делах; волхвы давней старины еще более значили для многих, чем чистая святая вера. Так говорит о Галичской чуди и житие преподобного Аврамия. Итак была нужда явить славу христианства и особенным чудом, и особенным подвижником. Преподобный боролся в чудской стороне и с нуждами обители, и с чудскою грубостью. Он часто собирал к себе суеверов и убеждал их расстаться с суевериями, указывая на чудеса христианства; а еще чаще молился он за них пред иконою Богоматери. И небесплодны бы-

[1] Ркп. житие: «бе же тогда в Галиче содержай град и землю Галичскую благ. кн. Дмитрий Феодорович, внук благ. кн. Василия Константиновича, а Константин четвертый сын вел. кн. Ярослава Всеволодовича». Далее сказано, что вел. кн. Дмитрий Иоаннович выгнал кн. Дмитрия Феодоровича из Галича и отдал Галич сыну своему кн. Юрию. См.: Родословная книга // Временник общества истории и древностей. Кн. 10.

[2] Ркп. житие Аврамия; Слава Пресвятой Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, открывшаяся в явлениях чудотворных Ее икон в России: В 3 ч. М., 1853. Ч. 3 (далее — Слава Пресвятой Владычицы нашея Богородицы. —*Ред.*).

[3] Акты исторические. Т. 1. В Солигалицком летописце Воскресенского монастыря Чухломское озеро называется Чудским (Журнал Министерства внутренних дел. Т. XXII (далее — Журнал МВД. —*Ред.*))

ли труды его. Те, которые получали исцеление от иконы Богоматери, и сами искренно убеждались в превосходстве святой веры, и других убеждали в том же. Успенская обитель процвела и стала многолюдною; преподобный назначил ей в настоятеля ученика своего Порфирия, а сам удалился в пустыню[1].

За 30 верст от Успенской обители, на берегу небольшого озера нашел он красивое место и стал здесь подвизаться отшельнически. Спустя несколько времени ученики узнали о месте, куда скрылся любимый учитель, и пришли умолять его, чтобы возвратился к ним в обитель. Преподобный согласился только на то, чтобы остались при нем некоторые из учеников. Для них построил он храм в честь положения пояса Богоматери; с помощью набожных людей вскоре устроилась здесь общежительная обитель. Она называлась великою пустынею Аврамиевою[2].

Убегая многолюдства, Аврамий удалился на реку Вочу. Ученики нашли его здесь и стали ставить около его хижины кельи. Любящий отец благословил им построить храм в честь Собора Богоматери. Образовалась и здесь обитель, для которой Аврамий назначил в игумена ученика своего иеромонаха Пафнутия. Преподобный еще раз скрылся от учеников своих. В 13 верстах от Вочской обители он нашел себе такое место, где пребывание его более, чем где-нибудь, могло иметь последствия благодетельные. Он поселился под горою, на которой был «Чудский городок»; это было гнездо старого чудского суеверия; здесь нужно было много света и силы Небесной, чтобы рассеять остававшийся мрак язычества. Когда собрались сюда ревнители духовной жизни, Аврамий с любовью основал на Чудском городке храм в честь Покрова Богоматери; сам на старческих плечах своих носил землю для укрепления крутого берега и ревностно трудился вместе с учениками при устроении обители. Скоро в новой Покровской обители оказалось до 100 человек братии. Чудное действие производит на сердца община подвижников благочестия. «Бедный, посетив обитель иноков, — говорит святой Златоуст, — идет из монастыря с утешением для бедности; посещает иноков богатый и возвращается от них лучшим, с здравыми понятиями о вещах; когда приходит к ним облеченный саном, пропадает

[1] По описи 1662 г. за Успенским Аврамиевым монастырем 310 дворов поселян.
[2] По описи 1662 г. за великою пустынею Аврамиевою 82 двора.

здесь вся надменность; здесь и волков обращают в агнцев; если загорелось в ком желание вести подобную прекрасную жизнь, — пока горячо в тебе это желание, спеши к Ангелам и разгоришься еще более»[1]. Таково было значение Аврамия в Чудской стороне! Он сам жил уединенно под горою; но сюда приходили к нему ученики для исповедания помыслов своих; сюда же приходили и окрестные жители и получали полезные наставления. Чухломская страна чтила его как своего просветителя. За год до кончины передал он управление обителью ученику своему Иннокентию и остальное время проводил в совершенном безмолвии. Причастившись Святых Таин, он мирно почил 20 июля 1375 года. Мощи его почивают под спудом в приделе храма, посвященном его имени[2].

[1] См.: Толкование нашего святого отца Иоанна Златоуста, архиепископа Константинополя, на святого Матфея евангелиста. Беседа 68, § 3, 4; Беседа 69, § 3, 4.

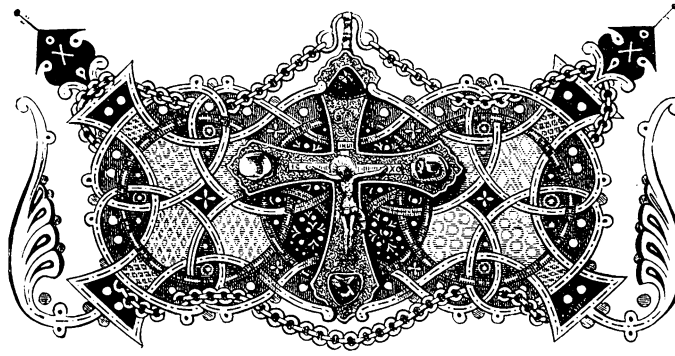
[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. Ркп. святцы: «прп. Авраамий игумен Городецкий, иже на Чухлом озере, Галичский чудотворец, ученик Сергиев, преставися в л. 6883 (1375) мес. июля в 20 д.». Тот же год кончины и в житии прп. Аврамия по списку импер. б-ки. По переписи 1662 г. за Городецким Аврамиевым Покровским монастырем 310 дворов.

День двадцать первый

† ПАМЯТЬ преподобного ОНУФРИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Житие преподобного Онуфрия Печерского не описано в Патерике. У Кальнофойского назван он старцем и чудотворцем, в каноне Лавры — любителем молчания. Мощи его почивают открыто в Антониевой пещере[1].

[1] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры. Киев, 1826 (далее — *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры. — *Ред.*). В ркп. святцах: «прпп. отцы Онуфрий и Анатолий». Мощи прп. Онуфрия при Кальнофойском — на линии пещеры Северной, вблизи Иоанна Многострадального; а при Гербинии (1675 г.) — уже там же, где и ныне, в трапезе отцов.

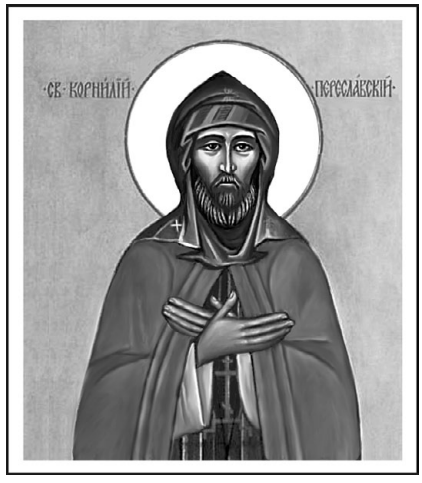


День двадцать второй

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного КОРНИЛИЯ ПЕРЕЯСЛАВСКОГО

Преподобный Корнилий, в миру Конон[1], сын рязанского купца, в юных летах скрылся из дома родительского и в Лукьяновой пустыни, в 25 верстах от Переяславля, прожил 5 лет у старца Павла. Потом пришел в Переяславскую обитель святых Бориса и Глеба, что на песках; здесь было тогда только три монаха и строитель Сергий; монастырь был самый бедный. Конона долго не соглашался принять Сергий, потому что он был еще молод, — по виду полагали ему «не более 15 лет» — к тому же он ничего не говорил о себе; но терпение Конона довело его до цели. Он не отходил от ворот обители, и его приняли в обитель, признав его глухим и немым. Конон усердно ходил в храм и усердно трудился по послушанию: молол рожь, носил дрова в трапезу хлебную, таскал воду — делал все, что приказывали; а в трапезе не садился с старцами, но после всех довольствовался тем, что оставалось; к тому же принимал пищу только три раза

[1] Ркп. житие прп. Корнилия у Ундольского и в Переяславской Борисоглебской церкви. Оно почти буквально, в русском переложении, напечатано свящ. Свирелиным: *Свирелин А.И.* Преподобный Корнилий, Переяславский чудотворец М., 1878.

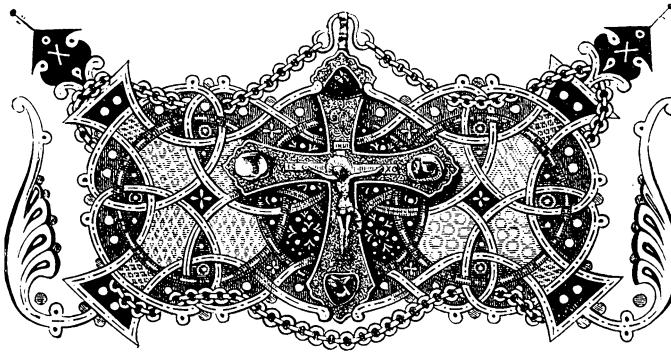


Преподобный
КОРНИЛИЙ
ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ

в неделю. Так прожил он 5 лет и по просьбе его пострижен был в иночество. С того времени никто не видал его спавшим на постели, а послушания по-прежнему выполнял он с полным усердием. Число братии уже увеличилось в обители, и некоторые смеялись над Корнилием, как над юродивым; он терпел и молчал. Спустя три года просил он у строителя дозволения жить в затворе. Строитель, видя подвижническую жизнь его, выстроил ему кельицу и благословил жить в ней. Корнилий затворился и безвыходно подвизался в посте и молитвах. Но раз нашли его у келлии едва живым, — келлия была заперта изнутри и отворено было только оконце. Корнилий пролежал больным три месяца и ничего не ел, а принимал только воду и сок. Выздоровев, остался он, по убеждению настоятеля, жить с братиею, усердно ходил в храм, исправлял должность пономаря, служил в трапезе, копал землю, садил овощи и плодовые деревья. В саду его росли превосходные яблоки, и он с любовью раздавал их безденежно. Строгий пост и подвиги так иссушили его, что он походил на сухое дерево; и однако не переставал трудиться. Своими руками выкопал для братии колодезь, и вода колодезя его была весьма вкусная и чистая. Он не прерывал молчания своего и теперь, когда жил с братьями. Так прожил он 30 лет, оставаясь во мнении других глухим и немым. Пред кончиною, о которой дал он знать знаками, пошел он к общему духовному отцу, игумену Никольской обители Варлааму, исповедался, причастился Святых Таин и по просьбе его облечен был в схиму; только теперь, по просьбе духовника, рассказал о себе, кто он, откуда, как шла жизнь его? Возвратясь в обитель, пособоровался святым маслом и в тот же день скончался. Это было 22 июля 1693 года. Он был похоронен в часовне, вблизи первоначального схимника Адриана убиенного. Спустя 9 лет, при построении нового храма, обретены были нетленные мощи его. При освящении храма в честь Смоленской иконы Богоматери в 1705 году святитель Димитрий Ростовский, в ведении которого стоял тогда Переяславль, свидетельствовал мощи, и они положены были в новом храме, под спудом. Святитель написал тропарь и кондак преподобному; тогда же написана была икона преподобного. В рукописном житии записано всего 17 чудес, совершившихся при мощах преподобного до июля 1717 года; имя его внесено и в рукописные святцы. Икона его с надписью: «Образ прп. Корнилия, Переяславского чудотворца».

Кондак преподобному, сочинение святителя Димитрия: «Вышняя получити желая, в вышних живущему неленостно поработал еси, блаженне; да наследиши горняя, презрел еси дольняя, не токмо очи отвратив не видети суеты, но и устнам своим молчание наложив не глоголати суетная: обаче немолчным сердцем воспел еси Богу. Не умолчи убо и ныне о нас моляся, Корнилие преподобне»[1].

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. I, III; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. Чудеса описаны у Свирелина.



День двадцать пятый

† Святых ОЛИМПИАДЫ диаконисы, КАНДИДЫ и ГЕЛАССИИ

Дивная Олимпиада[1] происходила из аристократической Константинопольской фамилии и была очень богата. Отец ее был сенатор Анисий Секунд, а мать — дочь благочестивого Евлавия, префекта претории при благоверном Константине. Она еще в детском возрасте лишилась родителей. Потому опека над ее имениями поручена была дяде ее Прокопию, а воспитанием ее занималась Феодосия, тетка святого Амфилохия и святителя Григория Назианзского, умная и добродетельная, которой поручена она была еще отцом.

Так как она была богата и учена, то руки ее искали многие, и еще юною обручена она была с Небридием, префектом столицы. Прекрасные стихи присланы были (в 384 г.) дивным святителем Григорием

[1] Житие ее по: *Палладий Еленопольский*. Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. СПб., 1850 (далее — *Палладий Еленопольский*. Лавсаик. — *Ред.*); Четьи-Минеи июля 25 день. На греческом известны по рукописям два жития (Labricii bibl. gr. X, 300).

в подарок Олимпиаде, вступающей в брак[1]. Но спустя 20 месяцев после обручения Небридий умер; Олимпиада осталась вдовою и вместе девою[2]. Многие после того искали руки Олимпиады. Сам император Феодосий Великий предлагал ей выйти за Елпидия, молодого аристократа испанца, родственника царского. Но она отклонила предложение. «Если бы Господь хотел, чтобы была я супругою, то не взял бы у меня Небридия», — отвечала она. Феодосий повторил свое предложение, но также услышал отказ. Император оскорбился и, отправляясь на войну с Максимом (388 г.), приказал префекту столицы взять в опеку имение ее до 30-летнего возраста ее. Префект, услуживая Елпидию, поступал оскорбительно с Олимпиадою: ей запретили посещать епископов, не пускали ее и в храм Божий, лишь бы вынудить ее к браку. Олимпиада переносила все благодушно. Она желала даже более стеснить себя. Она писала к императору: «Государь! ты оказал мне милость, которая достойна не только государя, но и епископа; опекою над имениями освобождена я от многих забот. Для большего счастья моего благоволи повелеть, чтобы роздано было все церквам и нищим. Издавна боюсь я наклонностей суетности, которые при раздаче имений так легко возникают. Временные блага, пожалуй, могли бы отдалить сердце мое от истинных благ, духовных и вечных». Феодосий жил тогда на Западе и, когда после трехгодичного отсутствия возвратился в столицу, возвратил (в 391 г.) в полное распоряжение ее все имения. «Такая добродетельная и умная девушка лучше нас умеет, как употреблять блага времени», — сказал государь.

Получив свободу по имениям, блаженная Олимпиада расточала средства свои на дела милосердия щедрою рукою. Не было города, ни деревни, ни пустыни, где бы не пользовались милостями знаменитой Олимпиады. Она доставляла приношения церквам, монастырям, кафедрам, странноприимным домам, темницам, местам ссылки.

---

[1] *Григорий Богослов*. Советы Олимпиаде // Творения. / Пер. Московской Духовной Академии: В 6 ч. М., 1843–1848. Ч. 5.

[2] В Диалоге Палладия епископа Еленопольского, с Феодором, Римским диаконом, повествующем о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста: «оставшись сиротою хотя выдана была замуж, но по общему отзыву не лишена была чистоты девства: с мужем прожила около 20 месяцев, и он неожиданно заплатил дань природе смертию». В Лавсаике: «на деле не была ничьею женою». В Менологе Василия: «называлась невестою, но не была женою: появший ее отошел к Господу, и она осталась девою и вместе вдовою».

Не сосчитать тех невольников, которым она даровала свободу платою денег господам их[1].

Святитель Златоуст сравнивал милосердие ее с обильною рекою, которая несет воды свои до самых границ земли и обогащает море. И он же убеждал ее, а она смиренно слушалась, ограничивать щедрость свою, измерять ее не просьбами, а нуждами.

При богатстве своем Олимпиада вела жизнь смиренной рабы Божией. Воспитанная в пышности и неге, она отказалась от всех удовольствий света и вела жизнь простую. Никогда не вкушала она мяса; не принимала ванн, которые так нужны в жарком климате. Ночные бдения обратились ей в привычку, и время ее посвящалось преимущественно молитве. Обхождение ее с другими дышало христианскою скромностью и искренностью. «Наружность ее открытая, нрав искренний, одежда даже одетым в лохмотья показалась бы ничего не стоющею; кротость ее была такова, что превосходила простоту детей», — говорит очевидец[2]. Святой Златоуст, утешая ее в скорбях, писал ей из заточения: «Ты от природы получила самое нежное и слабое тело; знатная порода доставила тебе все способы роскошно питать его; но ты разными страданиями так истощила его, что оно теперь ничем не лучше мертвого. Ты добровольно произвела в теле твоем такой род болезней, что их не могут вылечить ни искусство врачей, ни сила лекарств... Тебя не одолевает страсть к плотским удовольствиям, и потому нет для тебя труда воздерживаться от них. Ты приучила свое тело столько принимать хлеба и питья, чтобы только не умереть. Скажу несколько слов вот об этой простоте и неизысканности, которую наблюдаешь касательно платья. Кажется, эта добродетель ниже других; но если внимательно рассмотреть ее, найдешь, что она весьма величественна, что она требует для себя души умной, стоящей выше всего житейского, парящей к небу. По сей причине не только в новом, но и в старом завете Бог запрещал страсть к нарядам и говорил: *понеже вознесошася дщери Сиона и ходиша высокою выею и помизанием очей и ступанием ног, купно ризы влекущая по долу и ногами купно играющая: и смирит Господь начальные дщери Сиона... И будет вместо вони смрад, а вместо пояса ужем препояшися* (Ис. 3, 16–23)... Павел, обращая

[1] Палладий в «Лавсаике» говорит о делах милосердия ее как очевидец их: «Я своими глазами видел жизнь и ангельский нрав сей блаженной девы, как духовный и искренний друг ее и ближайший родственник, так что поручала мне раздавать свое богатство».

[2] *Палладий Еленопольский*. Лавсаик. Гл. 126.

речь к светским женщинам, не только отклоняет их от нарядов золотых, но не дозволяет одеваться и в ценные одежды (см.: 1 Тим. 2, 3). Ибо знал он, знал хорошо, что щегольство — тяжкая болезнь души; болезнь, с которою трудно бороться, — самый верный признак испорченного сердца»[1].

Еще святитель Нектарий, патриарх Константинопольский, посвятил святую Олимпиаду в диаконисы. В чем состояли занятия Олимпиады как диаконисы?

Первая забота — смотрение за страждущими и несчастными женами. «С рассветом дня можно видеть: многие старушки и вдовы толпятся около темницы; даже знаменитые из них прислуживают заключенной и всю ночь проводят при ней; приносятся вкусные угощения и читаются священные книги им», — так писал язычник о христианских диаконисах.

Диаконисы обучали женский пол Закону Божию, особенно во время приготовления к крещению. Карфагенский IV собор постановил: «вдовицы или посвященные, избираемые в служение при крещении жен, должны быть столько приготовлены к должности, чтобы могли обучать простых сельских женщин ясными и церковными правилами, как отвечать крещаемой при крещении и как жить после крещения».

Диаконисы услуживали женщинам при совершении над ними Таинств, при Крещении, при Причащении, при Исповеди, при Браке; они наблюдали за благочинием жен в доме молитвы, украшали храмы и смотрели за их чистотою.

Служение таинствам и сестрам было приятным занятием для Олимпиады. Очевидец жизни ее писал: «Она питала священство, уважала клир, помогала вдовым, кормила сирот, посещала больных, плакала с грешниками, возвращала заблудших на путь добра, — многих жен, бывших за язычниками, наставляла в вере и давала им средства к пропитанию»[2].

Добродетели Олимпиады были предметом удивления и утешения для целой Церкви. Знаменитые святители того времени говорили о ней с глубоким уважением. Святой Амфилохий, святой Епифаний, святитель Петр Севастийский, святой Оптат епископ пользовались щедрою ее благотворительностью и славили за нее Господа. Она своими руками

[1] Святого отца нашего Иоанна Златоустого письма к Олимпиаде диаконисе / Пер. с греч. СПб., 1853 (далее — *Иоанн Златоуст*. Письма к Олимпиаде. —*Ред*.).

[2] *Палладий Еленопольский*. Лавсаик. Гл. 126.

закрыла глаза умиравшим патриарху Нектарию и епископу Оптату. Она благотворила и тем архипастырям, которые не отличались высотою нравственною, каковы Акакий, Антиох, Севериан; она чтила высокий сан их.

Буря бед поднялась на святую Олимпиаду с того времени, как начались гонения на Златоуста. Первый враг Златоуста, Феофил Александрийский, был первым врагом и блаженной Олимпиады. Она с любовью принимала его в доме своем, когда был он в столице, угощала и дарила его. Когда же приняла она, как принимала всех иноков и страждущих, великих братьев, выгнанных из Египта гордостью Феофила, Феофил начал позорить ее гнусными клеветами. Злость императрицы, преследовавшая Златоуста, бесновалась и против Олимпиады, уважавшей Златоуста и уважаемой в свете и Церкви. Особенно, когда пожар опустошил Софийский храм и сенат, злоба врагов Златоуста обрушилась над защищавшими Златоуста. Говорили, что пожар — их дело. Префект Оптат язычник взял Олимпиаду к допросу. «Для чего поднят этот пожар?» — спрашивал он ее. «Моя жизнь, какую доселе вела я, — отвечала Олимпиада, — освобождает меня от подозрения, высказываемого тобою. Кто столько денег роздал на построение храмов, конечно, не в состоянии жечь их». Префект присудил с невинной — на покрытие ущербов казны внести соразмерную (огромную) сумму денег[1]. Отягченная скорбями, Олимпиада впала в болезнь, которая томила ее всю зиму. В начале весны приказано ей было оставить столицу. Долгое время скиталась она из одного места в другое, не зная, где приклонить голову. В середине осени 405 года приказано ей было возвратиться в столицу. Ее и теперь обвиняли за то, что будто производит раздор в Церкви. Не могла она не считать невинно изгнанным Златоуста, и страдания великого святителя причиняли душе ее глубокое страдание[2]. Но тем более чтила она заповедь его и не отделялась от Церкви по его завещанию. «Со всяким благочестием покорялась она своим епископам, — говорит современник и прибавляет: — никто из близких к ней никогда не замечал, чтобы эта христоносная порицала кого-нибудь»[3]. Много раз призывали ее к суду; бесстыдные слуги позорили ее; рвали на ней платье. Одни имения ее про-

[1] *Иоанн Златоуст.* Письма к Олимпиаде.

[2] Там же.

[3] *Палладий Еленопольский.* Лавсаик. Гл. 126. Златоуст, отправляясь в ссылку, призвал в крестильницу диаконис Олимпиаду, Певтадию и Проклию и добрую вдову Сальвину и сказал им: «увижусь ли я с вами, не знаю; но прошу вас, не отделяйтесь

давались с публичного торга, другие разоряемы были чернью, за третьи таскали ее по судам. Собственные слуги ее, которым благотворила она, как мать, восставали против нее по наущению врагов. Сильно страдала душа ее; святитель Златоуст писал к ней: «Перестань плакать, перестань мучить себя печалью; не смотри на эти несчастья, которые идут к тебе непрестанно, идут одно за другим без промежутка; помышляй о свободе, которая так близка; помышляй о неизреченных наградах, которые принесут тебе твои несчастия... Что значит быть выброшенным из отечества, быть переводимым с места на место, быть пленником, быть везде гонимым, жить в ссылке, влачиться по судам, получать оскорбления от людей, получавших тысячи благодеяний, подвергаться мучениям и от рабов и от свободных, — что все это значит, когда за все это награда — целое небо»[1].

«Многих других жен научила она», — пишет Гераклид о святой Олимпиаде, и святитель Златоуст писал к самой Олимпиаде: «Особенно приятно мне, что ты, освободившись от тяжеб и поручений, положила им конец достойный тебя. Ты не отвергла их малодушно, не задержала понапрасну, не унизила себя в судах и неприятностях, соединенных с тяжбою»[2]. Как слова Гераклида, так и слова Златоуста дают видеть, что в последние годы свои блаженная Олимпиада была настоятельницею сестер-монахинь. Прерванием связей с миром блаженная хотела оградить себя от дрязг суда, как и от обвинений, сыпавшихся на нее без разбора, будто она, первая диакониса, — причина того, что многие не хотят знать нового патриарха. Мир не любит винить себя в чем-либо; он всегда прав в его глазах, а виноваты только другие; слепой от страстей, он не видит ни себя, ни других. Потому злость мира преследовала Олимпиаду и в ее уединении. При Аттике община сестер Олимпиады выслана была из столицы в заточение в Кизик. Святитель Златоуст писал тогда к Олимпиаде: «Как славна добродетель, презирающая все перевороты настоящей жизни! Чрез старающихся унизить ее она делает подвижников своих сильнее, выше, непобедимее... Вот чем, Боголюбезнейшая госпожа моя, должна ты веселить себя и тех, которые вместе с тобою борются в нынешней славной борьбе! Вот чем одобряй мысли и дух всех (девственниц), настраивая свою дружину»[3].

от Церкви для епископа, кто будет поставлен вместо меня; повинуйтесь ему, как повиновались Иоанну».

[1] *Иоанн Златоуст*. Письма к Олимпиаде.

[2] Там же.

[3] Там же.

Святая девственница Олимпиада осталась в заточении до самой своей кончины, которая последовала в 410 году. «Лучшие жители Константинополя, — писал Палладий в 420 году, — считают ее в числе исповедниц и уверены, что она, страдавшая за истину и для Бога, наследовала блаженную жизнь»[1].

Святое тело ее, положенное в храм безвестного местечка, совершало чудеса. Спустя 200 лет дикари сожгли храм, но тело святой осталось невредимым. Когда переносили его в Константинополь, из него текла кровь, как из живого, в знак невинного страдания, перенесенного в земной жизни. Мощи положены были в обители, основанной святою[2].

«По следам Олимпиады, — говорит Палладий, — богоугодно проводила жизнь блаженная Кандида, дочь полководца Траяна. Она достигла высокой чистоты, разумно украшала церкви, по благоговению к Тайнам Христовым чтила епископов и уважала весь клир. Обучив дочь свою правилам девственной жизни, отдала ее Христу, как дар сердца своего. Потом и сама она, раздав имение свое, последовала за дочерью и проводила жизнь в чистоте и целомудрии. Для изнурения плоти трудилась она по целым ночам, молола своими руками муку и пекла просфоры. Так как один пост недостаточен, говорила она, то я присоединяю к нему изнурительное бдение, чтобы сокрушить похотливость Исава. Она вовсе не употребляла в пищу мяса животных, но ела только рыбу, масло и овощи, да и это лишь по праздникам; во всякое другое время довольствовалась водою, смешанною с уксусом, и сухим хлебом. Проведши такую суровую жизнь, эта достославная жена почила блаженным сном и теперь наслаждается вечными благами, уготованными для возлюбивших жизнь добродетельную»[3].

Подобно сей благочестивой жене, с ревностью проходила путь правды и благочестиво несла иго девства славная Геласия, дочь трибуна. В этой чудной деве особенная была добродетель та, что солнце никогда не заходило в гневе ее на раба, или на служанку, или на кого

---

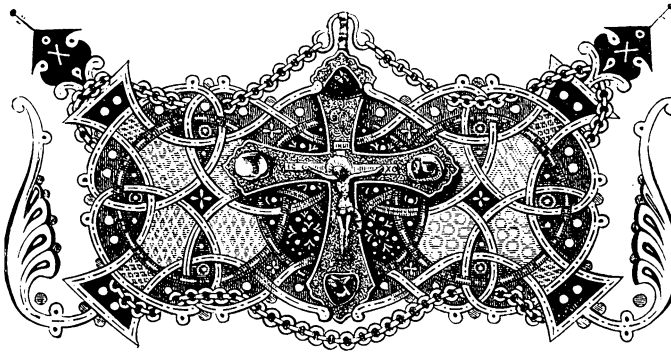
[1] *Палладий Еленопольский*. Лавсаик. Гл. 126. В Менологе: «украсилась венцом исповедничества. Сосланная в ссылку за правду перенесла много скорбей».

[2] Память ее в Греческой Церкви 25 июля, в Римской — 17 декабря.

[3] *Палладий Еленопольский*. Лавсаик. Гл. 126. В «Мартирологе» Усуарда под 29 августа «кончина святой девы Кандиды». *Joseph François Bourgoin de Villefore*. Les Vies des SS. Peres des Deserts et des Saintes Solitaires d'Orient et d'Occident: avec des figures qui representent l'austeri. Amsterdam, 1714. T. 2.

другого (см.: Еф. 4, 26). Геласия боялась помнить об обиде или неприятности, нанесенных другими. *Прощайте и прощены будете* (Лк. 6, 37), такова воля Божия, говорила она себе. Не любя ближнего, нельзя любить Господа; а в том нет любви, кто сердится на другого, кто не прощает его за все. Гнев — дело испорченной души (см.: Ин. 5, 20). Гнев — беснование (см.: Притч. 27, 4). Гнев покоится в сердце глупца (см.: Еккл. 7, 10). К несчастью, ничей гнев так не безобразен, как гнев жены (см.: Сир. 27, 33). Дальше, дальше от него, то ли дело — детское незлобие: оно так приятно Господу. Он сказал нам: *если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное. Кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном* (Мф. 18, 3–4). Таким путем, путем детского незлобия, блаженная вошла в жизнь блаженную[1].

[1] *Палладий Еленопольский*. Лавсаик. Гл. 128.



День двадцать седьмой

† ПАМЯТЬ святого КЛИМЕНТА, епископа Величского, и сотрудников его: Ангеляра, Горазда, Наума и Саввы

Просветители славян святые Кирилл и Мефодий воспитали для Церкви Божией ревностных, самоотверженных деятелей и искренних рабов Божиих. Таким был святой Климент, впоследствии архиепископ Величский. Таковы были сотрудники его Горазд, Наум, Ангелярий и Савва[1].

Святитель Мефодий, архиепископ всей Моравии, предсказав свою близкую кончину († 6 апреля 885), назначил преемником своим опытнейшего из сотрудников своих святителя Горазда, родом моравлянина, знавшего в совершенстве языки славянский, греческий и латинский[2]. Немецкое духовенство, корыстолюбивое и испорченное романизмом,

[1] *Феофилакт (Охридский), архиеп.* Житие Климента Охридского / Пер. с греч. // Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. М., 1856. Сочинитель называет себя самым близким учеником Климента и в конце упоминает о скифском мече, упившемся в крови болгарской. Последнее намекает на войну Святослава с болгарами (967 г.).

[2] «Весьма знающий оба языка, славянский и греческий» (*Феофилакт (Охридский), архиеп.* Житие Климента Охридского / Пер. с греч.). По житию св. Мефодия, «сей есть вашей земля свобод муж научен добре в латынския книги».

увидев, с какою ревностью принялся новый архиепископ управлять доверенною ему паствою, поняло, что в нем может воскреснуть второй Мефодий, бывший столько горьким для немцев. Потому оно поспешило употребить все меры, чтобы посадить на его место Викинга. Кто был этот Викинг? Он посвящен Мефодием в помощника ему, но был самым коварным и самым злостным врагом его. Викинг, при дурном сердце, был пропитан ересью (об исхождении Святого Духа и от Сына) и старался упоить ею Святополка и других, за что святой Мефодий предавал его анафеме. Впоследствии сами немцы прогнали Викинга как отъявленного дурного человека. Но теперь он был нужен им, и они все делали по его желанию как согласному с их намерениями. Народ чтил святителя Мефодия и дорожил учениками его, но немцы действовали чрез Святополка. Они донесли князю, что ученики Мефодия распространяют в народе учение ложное, несогласное с учением папы, мало того, они замышляют против власти князя. Святополк, выслушав обвиненных и обвинителей, нашел первых правыми и последних обвинил. Но Святополк занят был войною с Арнульфом и предоставил духовенству романизма свободу действовать по своей воле. Немцы приступили к насилиям. «Кто может высказать, — говорит современник, — сколько зла они (немцы) сделали этим насилием, принуждая православных принять дурной догмат (πονηρῷ δογματι); некоторые сделались отступниками от Православия». Но были и такие, которые решились отстоять свое верование. Хитрый Викинг был на стороне врага Святополка — Арнульфа, как показали последствия; но он умел обойти Святополка, так что тот предоставил ему действовать его именем. Викинг велел схватить Горазда, Климента, Наума, Ангелярия и множество других приверженцев Православия и заключить в темницу. Спустя 80 дней, видя твердость исповедников Евангельской истины, вывели их из заключения и после сильных истязаний отдали солдатам с тем, чтобы выпроводили их за Дунай и при том не одною дорогою.

«Следуя примеру Спасителя, — продолжает современник, — повелевшего апостолам, если изгонят их из одного града, отправиться в другой, исповедники отправились в Болгарию, где надеялись найти утешение себе. Климент, Наум и Ангеляр пошли в Белгород, а Савва и Горазд другим путем дошли до владений князя Бориса»[1].

[1] *Franz von Miklosich*. Vita S. Clementis Episcopi Bulgarorum: graece. Wien, 1847 (далее — *Miklosich*. Vita S. Clementis Episcopi Bulgarorum. — *Ред.*).

О пребывании святителя Горазда в юго-западной Болгарии свидетельствуют два древних памятника: один — список Болгарских архиепископов, составленный около 1156 года, где он в ряду Болгарских архиепископов поставлен между Мефодием и Климентом, другой — храм и монастырь святителя Горазда, находящиеся близ Берата в Албании, где почивают и мощи святого под спудом[1]. Петр Сицилиец, писавший сочинение свое о манихеях при патриархе Фотии (до 889 г.) и посвятивший его Болгарскому архиепископу, посвящал его конечно столько просвещенному святителю, каков был Горазд, скончавшийся, как вероятно, не прежде 896 года[2]. Так как святитель Савва вместе с Гораздом отправился в Болгарию, то конечно он вместе с ним подвизался в юго-западной Болгарии.

Святой Климент с Ангеляром и Наумом при первом вступлении в Болгарию встретились с трудным искушением. «На берегу Дуная в селении, утомленные путем и недостатком пищи, искали они странолюбивого и богобоязненного человека, кто бы мог упокоить их. Они нашли такого и были приняты. У него был сынок, цветущий красотою юности. Едва вошли странники в дом, умер этот сын, прекрасный собою, единственная радость, надежда рода. Можете представить, как страдал отец, чего не говорил он в такой скорби, потерпев несчастие при входе странников? «Хороша награда за страннолюбие, — говорил он. — Для того отворил я вам дом, чтобы навсегда затворился он, оставшись без наследника!... Но вы не избегнете наказания, хотя бы знали все чары. Вы в руках отца, который оплакивает от вас сына, — вы расплатитесь за все дела свои — тюрьмою и казнью». Они страдали не менее отца. Нежные и сострадательные души дерзнули делать более того. Они решились обратиться к молитве. Смягчая раздражение скорбного и гневного отца, они говорили: «Мы не волшебники, человек Божий; мы предаем проклятию занимающихся чарами и служим Богу Истинному; если же ты думаешь, что мы виновны в смерти сына твоего, будь покоен, надеемся,

---

[1] Карты Охриды и ее окрестностей см. в: *Григорович-Барский В.* Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848 (далее — *Григорович В.* Очерк путешествия. — *Ред.*). Там же изыскание о славянских апостолах. *Розенкампф Г.А.* Обозрение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829. Прим. 73.

[2] *Petrus Siculus.* Historia Manichaeorum. Ingolstadt, 1604. Климент и Наум отправлены в юго-западную Болгарию в 886 г. и архиепископом Болгарским Климент стал только в 896 г. Последнее можно объяснить тем, что до того времени еще жив был свт. Горазд, архиепископ Болгарский.

что Господь дарует ему жизнь для нас». Они помолились над отроком и — о чудо! — представили скорбному отцу живого сына. Обрадованный отец просил прощения у рабов Божиих в его дерзостях и предлагал им все, что есть у него, в благодарность за спасение сына. Довольные добрыми расположениями его, они приняли необходимое для их пути и в Белграде явились к коменданту Боритокану. «Он расспросил их, кто они, и увидав, что они рабы Божии, дал знать о них князю Борису, у которого он был воеводою: он знал, что Борис любит таких людей. Дав им успокоиться от дальнего пути, он послал потом князю этот дорогой подарок, объяснив ему, что это именно такие люди, которых он так усердно ищет. Когда пришли они к Борису, то приняты были с честью, приличною людям достойным почета и уважения. Князь расспрашивал их о их жизни. Они рассказали ему о себе с начала до конца. Князь, выслушав все, сердечно благодарил Бога, пославшего таких служителей, столько нужных для Болгарии, подавшего учителей и насадителей веры не каких-либо обыкновенных, а исповедников и мучеников. Давши им одежды, приличные священным лицам, для помещения их назначил покои лучшие и велел доставлять все нужное содержание. Сам он пожелал беседовать с ними каждый день, слушал древние истории и сказания о житии святых и устами их перечитывал то, что находится в писаниях». Те, которые при дворе его отличались знатностью и богатством, приходили к святым, как ученики к учителям, и спрашивали о нужном для спасения души и, принимая из этих источников, передавали домашним духовную воду. Каждый просил их побывать у него в доме, считая посещение учителей за освящение, веруя, что где бывают телом эти три учителя, там — Сам Господь. Святые уклонялись многолюдства. Не иначе посещали они дома, как по указанию и дозволению князя. Так один из болгаров, сановник по имени Ехач, просил князя дозволить принять в своем доме Наума и блаженного Климента и, когда дозволил князь, принял учителей с искреннею радостью и со всем почетом. И у Чеслава освящается жилище водворением Ангелярия; князь ему оказал милость дозволением принять учителя, но недолго пришлось Чеславу наслаждаться присутствием блаженного: Ангелярий, пожив у него некоторое время, безмятежно предал дух свой в руки Ангелов». Климент и Наум жили у Ехача в полном почете; но они доставляли ему более дорогие дары, сея духовное, а пожиная вещественное[1].

[1] *Miklosich*. Vita S. Clementis Episcopi Bulgarorum.

«Князь Борис, — повествует древний биограф, — так как не переставал всячески заботиться о том, как бы священным мужам доставить всякий случай к исполнению дела Божия, по вразумлению Божию, отделяет от Котокия Кутмичивицу и поставляет над нею начальником Довету; Довете же дает блаженного Климента, или лучше Довету поручает Клименту. Климент посылается учителем Кутмичивицы, и по всей стороне жителям отдавались приказания, чтобы этого святого принимать с усердием и доставлять ему все в изобилии... Сам Борис предоставил блаженному Клименту три дворца в Деболе и кроме того около Охриды и Главеницы подарил ему места для отдохновения». Климент не обманывал собою надежд князя. Объезжая страну, он «и язычникам громко проповедовал спасение Божие», и всем излагал понятия о спасительных догматах и заповедях. В каждом округе были у него избранные ученики, а число их простиралось до 3050; «с ними беседуя, раскрывал он более глубокие места Священного Писания. Нас недостойных, — говорит жизнеописатель, — особенно приблизил он к себе. И мы никогда не видали его праздным: он или учил детей, одним показывая отличие букв, другим объясняя смысл писанного, иных водя руку для писания, или же предавался молитве, внимал чтению, писал книги». Еще при Борисе, когда не был он епископом, построил он монастырь святого Пантелеимона в Охриде. Увидав, что князь Борис опоясал Болгарию семью кафедральными храмами, и он положил построить свой собственный монастырь в Охриде. Так в Охриде было три церкви, одна кафедральная и две построенные святым Климентом, которые были меньше, но по округлости казались приятнее». Так он и красотою священных зданий привлекал болгар к благочестию[1].

«Шел восьмой год учительства Климентова», и это был последний год правления Борисова. «Начальство принимает сын его Владимир[2];

---

[1] *Miklosich.* Vita S. Clementis Episcopi Bulgarorum; Краткое житие св. Климента / Изд. В. Григорович // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1847. № 1 (далее — Краткое житие св. Климента. —*Ред.*). Составитель краткого жития писал не раньше XII в. иное под руководством пространного жития, о чем сам и говорит, другое — по живым памятникам, а иное — по слухам и вовсе неверным, например о крещении кн. Бориса, о времени посвящения Климента в епископа.

[2] «Осьмой год учительства Климентова» не был последним годом жизни кн. Бориса, как иные понимали, а только был последним годом правления Борисова. Так показывает связь речи у биографа Климентова. Потому сомнение Палаузова о времени смерти Бориса напрасное (*Палаузов С.* Век болгарского царя Симеона. СПб., 1852 (далее — *Палаузов С.* Век болгарского царя Симеона. —*Ред.*)); равно неспра-

четвертый год прожив с властью, стал тот простым человеком; наследником всего стал брат его Симеон[1]. Так как молва весьма славила Климента, то князь Симеон пригласил его к себе. Личное свидание и беседы вполне убедили князя в высоких достоинствах Климента. Тогда Климент поставляется в епископы Дрембицы или Велицы»[2], в землю дреговичей и сакулатов, еще с VII века начавших мало-помалу принимать христианство по внушениям небесного вождя великомученика Димитрия Солунского[3]. К несчастию их, у них доселе не было

ведливо мнение Харьковского вестника (1864. № 2) о времени прибытия Климента в юго-западный край Болгарии. Биограф Климента под влиянием желания говорить красноречиво иногда выражается неясно и неточно и события выставляет не всегда в порядке времени.

[1] Тоже болгарин. В прологе XIV века: «И еще ему (Борису) живу сущу в чернечестве и в него место сущу Володимерю, сыну его первому, бысть благословение Божие и Михаилово на Семеоне и прия стол, согнав брата».

[2] *Miklosich*. Vita S. Clementis Episcopi Bulgarorum. В списке епархий имп. Льва показаны две «Велички»: одна в округе митрополии Филиппополя Фракийского, другая в ведении митрополита «Филиппов Македонии» (*Tafel*. De Thessalonica ejusque agro dissertatio geogrphica. Berolini, 1839 (далее — *Tafel*. De Thessalonica. —*Ред*.)). Климент был на кафедре Велички Македонской (*Le Quien*. Oriens christianus. V. II). В греческом перечне Болгарских архиепископов сказано: «Климент, назначенный в епископа Тивериополя или Велички, получил потом от Болгорского царя Бориса в управление третью часть Болгарского царства, т.е. от Солуня до Иерихо и Канин или Супиата». Если Величка Климента то же, что Тивериополь, то иначе называлась она у славян Струмницею. Другие указанные здесь города находятся на побережье южной Албании: Иерихо и Канина — у Авлона, Сопоти — в Дельвинском округе. Григорович осматривал две Главеницы, остался с уверенностью, что Главеница Климента была та, которая находилась в провинции Драча, на пути из Элбасани до Драча (Краткое житие св. Климента). По списку имп. Льва, в митрополии Драча кафедра «Главеницы или Акрокеравнии» (*Tafel*. De Thessalonica). На западе Охриды средняя полоса нынешней Албании, от Драча до Акрокеравнийского залива, занята была славянами еще в начале VII в.; они покорили себе и бывшие здесь колонии валахов-римлян. Климент не был перемещен из Велички в Охриду: в известии ученика его место кафедры его, пред самою смертию его, отличается от Охридского монастыря. Когда стал жить независимый Болгарский архиепископ в Охриде, пока остается неизвестным, хотя и известно, что имп. Василий II грамотою 1017 г. утвердил за Охрилским архиепископом Иоанном права независимого Болгарского архиепископа (Записки Императорской Академии Наук. Т. 5; Временник общества истории и древностей. Кн. 5). Тем не менее видно, что св. Климент, будучи Величским архипастырем, заведовал и Охридою.

[3] *Филарет, архиеп. Черниговский*. Св. великомученик Димитрий Солунский и солунские славяне // Чт. ОИДР. 1847. Кн. 6.

епископа болгарина. Климент «первый из болгар является епископом». Это было в 896 году[1].

Блаженный во время учительства своего приготовил много людей, которые в состоянии были давать отчет о своей вере. Теперь в сане епископа с утешением «поставил он из них чтецов, иподиаконов, диаконов и пресвитеров»[2]. Но еще много надлежало ему трудиться для просвещения своей паствы, и он трудился неутомимо. Народ и большинство клира незнакомы были с Богослужением церковным и особенно с его значением высоким. Святитель «не давал сна очам», поучая всех и вводя стройный порядок в служение; «научал клир церковному благоустройству и всему, что касается до псалмопения и молитв, так что наконец клирики его паствы были ничем не ниже других славившихся в этом роде... На болгарском языке не было праздничных поучений»; священники, не зная греческого языка, не знали сами и не объясняли народу значения праздников. Климент «сочинил слова, простые и понятные, на все праздники и стал для болгар вторым Павлом. Из слов его стали научаться тайнам празднеств, совершаемых в славу Христа и Богоматери. Не оставлен им без похвал Креститель, и узнаешь о чудных обретениях главы его; встретишься с жизнью пророков, апостолов, мучеников. Желаешь ли узнать, как жили преподобные? Много найдешь написанного о том на болгарском языке премудрым Климентом»[3].

Нераннее сказание говорит: «изобрел он также другие знаки письмен, отличные от тех, которые изобрел мудрый Кирилл. И посредством их похвальные слова и священные песнопения предал на письме»[4]. Всего вероятнее, что неранний сказатель видел сочинения Климента, написанные глаголическими буквами[5]. В том не сомневаются ныне,

---

[1] Если св. Климент прибыл в Болгарию в сентябре 885 г. и оставался учителем 11 лет, то в епископа посвящен он в сентябре 896 г.; тогда как кн. Борис жил иноком в монастыре.

[2] *Miklosich.* Vita S. Clementis Episcopi Bulgarorum.

[3] О сочинениях св. Климента, ныне известных, см. в: *Филарет Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви: В 3 т. СПб., 1859 (далее — *Филарет, архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви. —*Ред.*). Там не упомянуты только «Заповедания о праздницех», а это поучение есть в сборнике XII в. Сергиевой Лавры.

[4] Краткое житие св. Климента.

[5] В древнейшем списке глагольской азбуки она названа «болгаркою». Поныне еще встречаются рукописи, писанные в Македонии, глаголическими и сам язык их — древнеславянский с оттенками болгарского наречия (см. работы И. И. Срезневского в: Христианские Древности и Археология. СПб., 1865. Тетради 9, 10; Известия

что у славян были свои письмена до изобретения азбуки Кирилловой, только те письмена во многом были неудобные[1]. После того надобно положить, что блаженный Климент при пособии изобретения Кириллова усовершил древние резы, и таким образом составилась глаголица[2].

В Главенице, говорит еще сказатель болгарский, сохранились «столбы, на которых начертано письмо о приобщении всего народа ко Христу».

По древнему житию, тогда как Болгарская страна, покрытая дикими лесами, не имела плодовых деревьев, Климент выписал из Греции плодовые деревья и прививками облагородил дикие.

По известию современника, Бог прославил блаженного Климента благодатию чудес. Раз возвращался он из Главеницы в Охриду и ему встретились двое расслабленных и слепец. Сострадая о их несчастии, возвел он очи к небу, прикоснулся к несчастным, и расслабленные вскочили, как елени, и слепцу засиял свет.

Преклоненный старостью и истомленный трудами, хотел он отказаться от управления епархией. «Подари мне, — говорил он князю, — немногие дни, чтобы побеседовал я с собою и Богом в монастыре моем».

императорского Русского археологического общества. В 10 т. СПб., 1859–1884. Т. I (далее — Известия Археологического общества. —*Ред.*)).

[1] Свидетельства: а) черноризец Храбр: «Славяне, погани (язычники) суще, чретами и резами чьтяху и гатаху»; б) «Пасхальная хроника» (Chronicon paschale / Ed. B. Niebur. Bonnae, 1832): «народы, у которых есть свои письмена, — скифы, сарматы» и проч.; в) Константин Порфирородный (*Constantine Porphyrogenito*. De Administrator Imperio) говорит, что хорваты, принимая христианство, собственными подписями подтвердили клятву не воевать с христанами греческими и римскими; г) «Суд Любуши» говорит о досках праводатных; д) Ибн-Фоцлан показывает у славян надписи на столпах могильных, Ибн-эль-Недим — свидетельства, нарезанные на дереве, Массуди — начертания на камнях.

[2] В глаголице знаки «ф» и «ш» взяты из кириллицы и, следовательно, первая образовалась под влиянием последней. Так думал и Шафарик, хотя потом два раза переменял свои мысли (см. работы Шафарика П. П. в: ИОРЯС. Т. I, II). Неудобства глаголицы, двусмысленность букв ее, указываемые Срезневским (Известия Археологического общества. Т. I), также указывают на образование ее из народных резов. Поскольку же она удержала древние народные знаки, то это одно и было причиной, почему глаголица несмотря на сбивчивое значение букв и их некрасоту так долго держалась у славян. Что касается того мнения, будто глаголица изобретена богомилами (*Палаузов С.* Век болгарского царя Симеона), то это мнение не только не подтверждается никаким историческим свидетельством, но против него и то, что глагольскими буквами писались Евангелия, толкования пророков, Богослужебные православные книги, и не видно ни одного богомильского сочинения, писанного глаголицей.

Князь опечалился такою просьбою и отвечал: «Что ты говоришь, отец наш? Могу ли допустить, чтобы при жизни твоей другой сидел на твоей кафедре? Если опечалил я тебя чем-нибудь, прости грех неведения». Старец уступил воле князя. Но когда возвратился в монастырь, впал в болезнь и, предвидя близкую смерть, оставил Болгарии прощальный подарок. Недостававшую триодь, ту, которая поется с новой недели до Пятидесятницы, теперь он докончил. Сделал завещание о написанных им книгах и другом имуществе, одну часть оставив кафедре, другую монастырю. Переселился к Господу июля 27 дня 6924 (916), и священное тело его положено было в монастыре, в могиле им самим приготовленной, на правой стороне притвора[1].

Мощи святого Климента покоятся ныне в Охриде, и иконы с его ликом встречаются часто в храмах Болгарских[2].

Святой Наум — по житию его, впрочем не древнему, младший из учеников святых Кирилла и Мефодия, сопровождал Климента в Деволу (страну прилежащую к Охридскому озеру), был помощником его в Евангельской проповеди в стране дикой и «содействовал ему во всем до самой смерти его. Остальное же время (следовательно, после 916 г.) провел в Деволе и здесь путеводил людей своим мудрым учением, освобождая их от давних отеческих заблуждений и направляя на путь православия. Прожив в святости и благочестии, прошедши чрез многие труды и подвиги, вознесся к Судии всех подвигов, а святые мощи свои оставил источником исцелений»[3]. Константин, пресвитер Болгарский, говорит, что он по убеждению отца Наума занимался составлением бесед на воскресные дни в 896 году. Поныне еще существует на юго-восточной оконечности Охридского озера монастырь святого Наума, очень обширный и с постройками прочными. По местному преданию, монастырь построен князем Борисом-Михаилом и служил

---

[1] *Miklosich.* Vita S. Clementis Episcopi Bulgarorum. Палаузов писал: «в сане епископа Велического Климент оставался почти 28 лет». Нет, если он посвящен в 896 году, то был епископом 20 лет.

[2] *Григорович В.* Очерк путешествия. В «Кратком житии»: «преставившись в блаженную жизнь, оставил здесь (в Охриде) святый гроб, сокровище бесценное... Каждый день исцеляются здесь разные болезни; св. обитель стала врачебницею всем прибегающим ко гробу». Законный день памяти св. Климента — 27 июля, но по каким-то случаям он бывал и в другие дни. См.: *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы.

[3] Житие св. Наума Болгарского / Пер. с греч. // Русская беседа. 1859. II. Оно почти все состоит из извлечения Климентова жития; о самом Науме говорится очень мало.

приютом преподобному Науму. Среди монастыря стоит небольшой, но уже ветхий и осевший, каменный храм святого Наума. На южной стене храма в 1711 году написан святой Наум в монашеском одеянии; у северной стены придел с древнею иконою преподобного Наума и здесь же под спудом мощи его. Больные, особенно душою, не только христиане, но и магометане приходят сюда и ложатся на гроб святого: преподобный Наум для всех известен как чудотворец. При храме есть каморка с крепким замком для заключаемых здесь беснующихся[1]. В Охридском митрополичьем храме древние иконы с изображением святого Климента в архиерейском облачении и святого Наума в монашеской одежде; в Битольском храме два придела в их же имя[2].

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святителя ИОАСАФА, митрополита Московского

Блаженный Иоасаф, из дворян Скрыпицыных, принял иночество в обители преподобного Сергия и с 1529 года был игуменом ее. Великий князь Василий любил и уважал его. Игумен Иоасаф принимал (1530 г.) от купели наследника престола Иоанна. Потом, согласно с давним желанием великого князя Василия, облек его больного, пред смертью, в иночество[3]. 6 февраля 1539 года Иоасаф избран в митрополита Московского, на место отказавшегося от кафедры Даниила[4]. В своем исповедании веры назначенный в митрополита писал: «Во всем следую

[1] *Григорович В.* Очерк путешествия.

[2] *Григорович В.* Очерк путешествия. В 1634 г. приезжал в Москву за милостыней настоятель монастыря св. Наума с грамотой, подписанной всеми архипастырями Болгаро-Сербской Церкви (*Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. 1–2. СПб., 1858–1860. Ч. 2 (далее — *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком. —*Ред.*)).

[3] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VII, прим. 312, 328, 331.

[4] Никон. л. 7, 19; Львов. л. 4, 116; Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 7061 / Переизд. ркп. Патриаршей б-ки. СПб., 1769 (далее — Царственная книга. —*Ред.*).

древним святейшим патриархам, соблюдающим истинную непорочную веру христианскую, уставленную святыми апостолами и преданную богоносными отцами, а не ту, которую принес Исидор с несвященного Латинского собора, просиявшего злочестием. К тому же обещаюсь не делать ничего из одного угождения в. князю или многим князьям, хотя бы грозили мне смертью, принуждая сделать что-либо вопреки Божественным и священным правилам»[1]. Блаженный Иоасаф выполнил обещание свое с полною твердостью. Бояре в малолетство Иоанна делали, что хотели, и Шуйские злодействовали. Надобно было положить предел кровавым произволам Шуйских, а более способным к тому был князь Бельский. Святитель (в марте 1540 г.) выпросил у великого князя приказание освободить князя Бельского из заключения, и умный, добрый боярин введен был в верховный совет бояр.

Легко было предвидеть, что Шуйские жестоко отплатят за то доброму пастырю; но он предоставил себя воле Божией. Надежды на Бельского стали оправдываться: грабежи и насилия остановлены[2]. Митрополит делал все, что мог, для блага России. Он удержал великого князя в Москве и одушевил всех мужеством, когда приближался к Москве Сагибгирей[3]. По его ходатайству возвращены милости и отчины князю Владимиру Андреевичу, брату великого князя, и дана свобода страдальцу князю Димитрию Андреевичу, 49 лет сидевшему в тюрьме и оковах[4]. Но князь Иван Шуйский (в январе 1542 г.) успел схватить и отправить Бельского на Белоозеро, где его удушили. Тогда толпа неистовых едва не убила святителя: в келлию его бросали камни; в покоях самого великого князя не нашел он защиты; на Троицком подворье готовы были убить его, и только именем преподобного Сергия игумен Алексий умолил пощадить жизнь святителя. Его отправили в заточение в Белоозерский монастырь[5]. В 1553 году бывший митрополит Московский Иоасаф встретил царя покорителя Казани в лавре Сергия[6]. Он выпросил себе милость про-

---

[1] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1.

[2] Львов. л. 4, 130, 131.

[3] Никон. л. 7, 23–27; Царственная книга.

[4] Никон. л. 7, 33; Книга степенная. Ч. 2; Царственная книга; Львов. л. 4, 138, 139. Кн. Дмитрий — брат св. кн. Иоанна, Игнатия.

[5] Царственная книга; Никон. л. 7, 33, 34; Акты исторические. Т. 1; Львов. л. 4, 152–154.

[6] Царственная книга; Книга степенная. Ч. 2.

вести последние годы на месте иноческого обета. Ему и здесь были неприятности: с ним жили тогда здесь те, которые сами по себе мало хотели жить в обители и которых загнали в монастырь только беды жизни мирской; они часто оскорбляли блаженного Иоасафа припадками своего мирского своеволия[1]; невольными и вольными скорбями блаженный Иоасаф очищал душу свою для светлых радостей неба и мирно скончался 27 июля 1555 года. Мощи его почивают под спудом в южном притворе Троицкого собора[2].

Святитель усердно занимался исправлением книг для пользы общей. В сборнике его читаем: «Божиею благодатью и Пречистыя Богородицы помощью переписал жития святых преподобных отец. Писал же с разных списков, тщася обрести правый. И обретох в списках многа неисправлена. И елика возможна моему худому разуму, сие исправлял; а еже невозможна, сие оставих, да имущие разум больший нас, тии исправят неисправленная и пополнят недостаточная»[3].

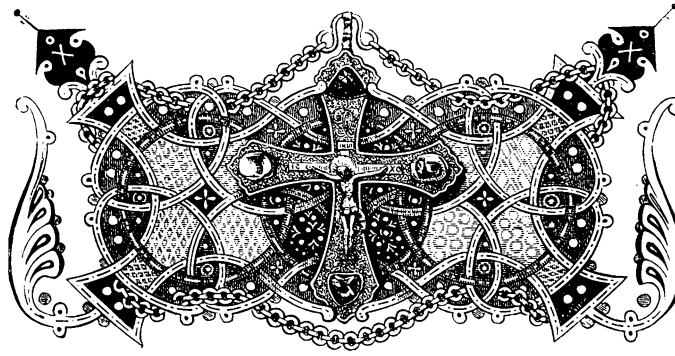
Еще цел саккос его, устроенный, по надписи, «во второе лето святительства его», золотого глазета (алтабаса), с серебряным четвероконечным крестом, на коем наведен чернью другой, восьмиконечный, крест[4].

[1] Акты исторические. Т. 1; Историческое описание Святотроицкой Сергиевой Лавры. М., 1842.

[2] Церковно-исторический месяцеслов Троицкой Лавры. М., 1850.

[3] Историческое описание Святотроицкой Сергиевой Лавры.

[4] Указатель Синодальной Ризницы.



День двадцать восьмой

Преподобного ПАВЛА КСИРОПОТАМСКОГО

Павел, в мире Прокопий, был сын греческого императора Михаила Куропалата, прозванного Рангавеем. Рождение его радостно и торжественно праздновал Константинополь; между тем, не царская слава, но сияние в убогой келлие, превышающее своим тихим блеском всякую славу мирскую, предстояло впоследствии дитяти, рожденному для престола...

Едва только Прокопий был отнят от груди, отец его, благочестивый, миролюбивый человек, тяготясь придворными смутами и вообще всею суетою мирскою, тем более ощутительною, чем выше поставлен человек по своему положению, отказался от престола и поступил в выстроенный им самим монастырь, названный Мирелеон, где и скончался в иночестве. Престол после Михаила Куропалата занял Лев Армянин и, опасаясь в малолетнем Прокопии будущего соперника в правах на престол, он решился изувечить его посредством варварского оскопления. Прокопию предоставлены были однако же средства к высшему образованию, которым он, благодаря своим природным богатым умственным дарованиям, соединенным с благодатными душевными свойствами, унаследованными от благочестивых родителей, превосходно воспользовался, так что не замедлил прославиться среди современного мира.

Преподобный
ПАВЕЛ
КСИРОПОТАМСКИЙ

Но, умудренный и умственным и душевным своим развитием, Прокопий рано сознал всю пустоту блеска и величия земного; тяготился он и своею собственною славою и даже боялся ее, как опасного искушения для естественного человеческого самолюбия, и потому решился оставить мир. В одежде нищего вышел он однажды из Константинополя и отправился на Афонскую Гору. Осмотрев сначала обители и изучив жизнь иноков, впервые почувствовал он невыразимое спокойствие и остался жить в обители Ксиропотам, основанной императрицею Пульхериею и незадолго перед тем опустошенной пиратами, избившими иночествующих в ней.

Здесь на развалинах обители построил он себе небольшую келью и поселился в ней для молитвенных подвигов, к которым так располагала и дивная природа среди живописнейшей местности, и невозмутимая тишина пустынного уединения. Недалеко от него жил другой пустынник — Косма; с ним сблизился Прокопий и принял от него пострижение в иночество с именем Павла. Тогда он стал подвизаться суровым подвигом: спал даже на голой земле, имея камень вместо изголовья.

Строгая жизнь Павла удивляла самих иноков и служила для них образцом для подражания. Хотя и скрывал он от всех свое звание и свою ученость, но не мог скрыть своей добродетели, которая прославила его и вдали от мира и более или менее способствовала тому, что люди узнали путь к нему и извлекли его из его тайного убежища, чтобы позаимствоваться от него добром и правдою.

И добро излилось в мир из приуготовленной и созревшей в уединенном подвижничестве души смиренного и мудрого Павла.

Император Роман, вступивший на престол греческий, пожелал разыскать родственного ему Прокопия. Посланные для этой цели нашли его наконец на Святой Горе, узнав его в иноке Павле, и несмотря на нежелание его расстаться с возлюбленным уединением, убедили его отправиться с ними в Константинополь, чтобы повидаться с державным и другими родственниками, желавшими этого. Снова торжественно и радостно встретил Константинополь царственного — но уже не младенца, а подвижника, явившегося в столицу во всем уничижении своего иноческого сана. Вельможи и простой народ припадали к нему, как к ангелу, и просили его благословения. И для большей славы Сам Бог прославил его исцелением тяжко заболевшего в то время императора Романа, как только Павел помолился о больном и возложил

на него руки. Полюбив всею душою Павла и желая пользоваться его беседами, император просил его остаться при дворе, чтобы заняться воспитанием и образованием детей своих. Не отказался от этого труда любящий Павел, и радовался некоторое время император как отец — видя детей своих под драгоценнейшим влиянием Божиего человека. Но снова, и теперь больше прежнего, заскорбело сердце пустынника среди всех торжеств и великолепия жизни при дворе, и выше сил его было выносить зрелище смут и разгара страстей людских. Душа его томилась по успокоительной пустыне, и однажды он сказал императору: «Государь, как рыба без воды, так и инок без условий келейной жизни и пустынного безмолвия жить не может; он мертв для Бога и безжизнен для того, чтобы в точности исполнять свой долг и обязательства в отношении к Богу. Мир — не иноческая стихия. Поэтому позволь мне возвратиться в мою пустыню, где беседа с Богом составляет высшее благо моей души»...

Не хотелось императору разлучаться с незаменимым наставником своим и детей своих, не желал он также и удерживать его насильно, и потому отпустил его на Афон, предоставив ему при этом средства возобновить разрушенную пиратами Ксиропотамскую обитель во всем подобающем ей под царским покровительством великолепии.

Настала радость и для Афона при возвращении славного инока Павла. Трудами его восстановлена была из развалин обитель, в которую собралось множество иноков, желавших достойным образом проходить иноческое житие под мудрым руководством опытного Павла. Тяготясь, однако же, молвою и многолюдством, Павел, устроив обитель и поручив управление ею одному из благочестивейших братий, сам удалился в подгорие Афона, где надеялся обрести полное безмолвие среди строгого уединения. Но и сюда пришли к нему преданные ему, и в непродолжительное время пустыня, в которой поселилось до 60-ти учеников Павла, приняла вид обители, которую приходилось устраивать на основании правил и условий пустынной жизни и оградить ее вместе с тем от внешних нападений при небезопасном ее положении, открытом с моря. Таким образом стараниями Павла возникла новая обитель во имя святого Георгия, которая и до сих пор сохранила название Святопавловской в память своего основателя.

Вскоре по основании этой обители, в которой сам Павел был настоятелем, наступило время кончины его, которую он предузнал заранее.

Прощаясь с плачущими о нем братьями, умирающий, сам заплакав, сказал им: «Перестаньте плакать, братия! Не смущайте сердца моего вашими слезами. Что делать! Настало время, которого постоянно жаждала душа моя, но страшилась плоть моя...»

Побеседовав с братиями последними отеческими наставлениями, приобщился он Святых Таин и, произнеся всегдашнюю свою молитву: «Упование мое — Отец, прибежище мое — Сын, покров мой — Дух Святой, Троица Святая, слава Тебе!» с просиявшим от неземного восторга лицом предал душу свою Богу. Это было 28-го июля, 820-го года. Погребение Павла было торжественно совершено в Константинополе в присутствии императора, патриарха и всего клира[1]. Впоследствии, во время разгрома Константинополя крестоносцами, мощи святого Павла Ксиропотамского были перевезены в Венецию.

Памятником высокого духовного настроения и образования преподобного Павла сохранились: Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы, канон сорока мученикам и канон (писанный ямбическими стихами) Честному Кресту. Император Роман старший, в царской своей грамоте (хрисовуле), данной Павлу на устроение обители на горе Афонской, называет его величайшим из философов[2].

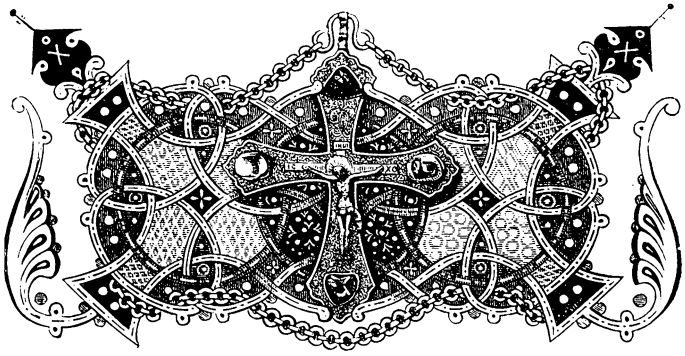
Святых апостолов от 70: ПРОХОРА, НИКАНОРА, ТИМОНА и ПАРМЕНА

Из числа первых семи диаконов Апостольской Церкви (см.: Деян. 6, 5), Прохор был спутником апостола Петра и потом Иоанна

[1] Иные полагают, что св. Павел был погребен в обители Перивлептос, что ныне — Армянский Сулу, монастырь (см.: *Муравьев А.Н.* Письма с Востока в 1849–1850 гг.: В 2 ч. СПб., 1851. Ч. 1.

[2] См.: Афонский патерик или жизнеописание святых, на Святой Афонской Горе просиявших: В 2 ч. СПб., 1860. Ч. 1.

Богослова; основал епископскую кафедру в Никомидии и, проповедуя в Антиохии, убит язычниками. Никанор убит иудеями тогда же, как пострадал и Стефан архидиакон. Тимон епископствовал в Бостре Аравийской, а Пармен в подвигах проповеди скончался мученически и похоронен в городе Соли, на острове Кипр. Воспоминаются в соборе 70-ти 4 января, Никанор и 28 декабря, а Тимон 30 декабря.



День двадцать девятый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного РОМАНА КИРЖАЧСКОГО

По рукописным святцам в числе святых — «преподобный Роман, строитель Введенского монастыря, иже на Киржаче, ученик святого Сергия чудотворца». Когда в пустыню преподобного Сергия проникли тревоги мирского самоволия, Сергий, предоставляя людей совести их, удалился из обители с учеником своим Романом, чтобы найти другое место для уединенных подвигов. Он поселился в ските сельца Киржача, отданного завещанием князя Иоанна Калиты (1328 г.) обители покоя святого князя Александра Невского. Это в лесах нынешнего Покровского уезда. Старцы великой обители Сергиевой молили святителя Алексия возвратить к ним отца их. Покорный воле святителя, преподобный Сергий поручил Роману оканчивать устроение новой пустынной обители и быть наставником обитателей ее, а сам возвратился на прежнее место.

Блаженный Роман исполнил заповеди отца своего: устроил обитель и был примером подвижнической жизни для иноков. Он мирно скончался 29 июля 1392 года. Мощи его почивают под спудом в храме, ныне уже приходском, заштатного города Киржача[1].

[1] *Епифаний (Премудрый)*. Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного КОНСТАНТИНА КОСИНСКОГО

Преподобный Константин обучался духовной жизни под руководством преподобного Варлаама и преемника его, преподобного Антония. Около 1220 года оставил он Хутынь монастырь и в 3 верстах от Старой Руссы, на уединенном острове, основал свою обитель во имя святителя Николая. Обитель сия называлась Косиною оттого, что реки Полисть и Снежная, омывающие остров, образуют косу[1]. В рукописных святцах замечено, что «преподобный Константин, ученик Варлаама Хутынского, игумен монастыря, иже за Руссою, преставися июля в 29 день», но год кончины не показан; здесь же преподобный Константин назван чудотворцем.

Святой мученицы ФЕОДОТИИ и трех чад ее

Молодая вдова Феодотия, родом из Никеи, жившая в Фессалонике, разделяла благочестивые труды святой Анастасии Узорешительницы (память 22 декабря) и за это была обвинена перед Диоклетианом. Один сановник из свиты царя, по имени Левкадий, увидев Феодотию, приготовившуюся к мукам, был поражен ее красотою и выпросил ее себе. Не успев однако же ни склонить ее к отречению от Христа, ни к вступлению в брак с собою, он отослал ее на родину к проконсулу Вифинии Никитию, который приказал предать

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

истязаниям Феодотию со всеми ее детьми, после чего все они были брошены в печь и сожжены около 304 года.

(Память ее вторично вместе со святой Анастасиею Узорешительницею 22 декабря).

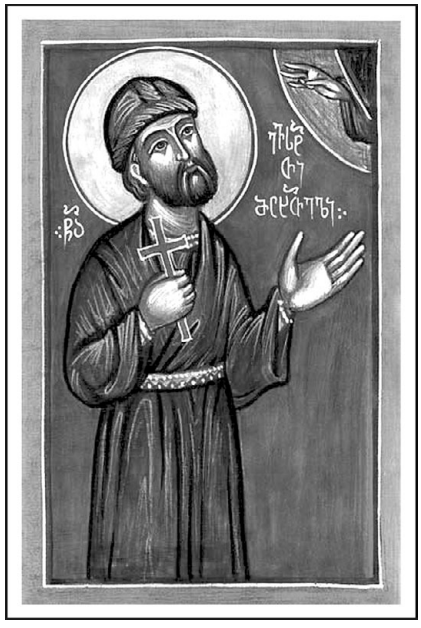
Святого мученика ЕВСТАФИЯ МЦХЕТСКОГО

В 541 году прибыл из персидской деревни Арбукети, принадлежавшей к городу Ганракили, в город Мцхет сын одного жреца (мага), по имени Бробандав, 30 лет от роду, и стал жить тут, пропитывая себя своими трудами.

В Мцхете жило в это время много христиан. Видя их благочестивую жизнь и искреннее служение Богу Христу, сын жреца полюбил веру этих людей и, узнав, в чем состоит учение христианское, уверовал во Христа всею душою, принял Святое Крещение, при котором наречен был Евстафием, и стал жить чистою христианскою жизнью, вступив при этом в брак с женою христианкою.

Обращение перса в христианскую веру ускользало в продолжение некоторого времени от внимания его соплеменников, но оно обнаружилось, когда он не явился на одно из их религиозных празднеств, и на вопрос, почему он не принимает участия в исполнении требуемого их законом, отвечал прямо, что он — христианин и, просвещенный светлою истиною, не может принимать участия в празднике тьмы, соблюдаемом непросвещенными людьми...

Услышав это, бывшие приятели Евстафия донесли начальнику Мцхетской крепости, что в городе живет их бывший единоверец, который называет себя христианином и хулит народную веру и закон. Комендант велел привести к себе Евстафия. Сначала смутился духом новообращенный и хотел даже скрыться, но, размыслив, сказал: «Вот, прежние друзья сделались моими врагами... но неужели я убоюсь их? Пойду, явлюсь перед лицом властелина и исповедаю перед ним Христа,



Святой мученик
ЕВСТАФИЙ
МЦХЕТСКИЙ

потому что знаю слова моего Бога, Который говорит в Евангелии: *всякого, кто исповедует Меня перед людьми, исповедаю и Я перед Отцем Моим Небесным, а кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я перед Отцем Моим Небесным*» (Мф. 10, 32–33). Затем, осенив себя знамением креста, сказал: «Господь со мною!» — и последовал за воином к коменданту.

На вопросы коменданта об его звании, происхождении и вере Евстафий отвечал: «Был я жителем села Арбукети, отец мой был маг и меня также готовил быть магом, но не по душе мне было это дело. Я не захотел быть магом; еще в селе моем я сознал, что вера христианская превосходнее нашей, и вот теперь я узнал Христа и уверовал в Него и хочу служить Ему одному...»

Комендант постарался отвратить исповедника от его христианских убеждений, но видя его твердость в новой вере, препроводил его в Тифлис, к сатрапу Карталинскому Арванд-Губнабу, который один во всей Грузии имел власть казнить или миловать.

Здесь, после нового допроса и после отказа Евстафия отречься от Христа, он был подвергнут истязаниям и брошен в цепях в темницу. После шестимесячного заключения он был однако же освобожден по просьбе грузинских вельмож к Арванд-Губнабу, чтобы он «отпустил Мцхетских граждан, заключенных в темницу за принятие ими христианства», и вместе с другими возвратился домой.

Но через три года после того, когда в Грузии назначен был сатрап Бежан-Бузмил, человек жестокого нрава, Евстафий был снова вызван в Тифлис по настояниям прежних доносчиков. На этот раз уже не оставалось надежды на пощаду; спокойно и без страха, но зная, что теперь прощается он навсегда в этой жизни со своей дорогой семьей, Евстафий отправился в Тифлис, в свой последний путь... По прибытии его в Тифлис снова был сделан ему допрос; ответив показаниями о своем звании и происхождении, Евстафий продолжал: «Переселившись в Грузию, я сказал себе самому; сличу я веру Христову с нашей верой, и которая из них окажется лучшею, ту и приму всею душою. Днем отец учил меня магованию, а ночью я тайком уходил в христианский храм и, входя внутрь, слушал службу христианскую. Молитва христиан и их пение казались мне пением ангельским, и с величайшим наслаждением слушал я службу их. Раз, войдя в храм, когда я старался пройти вперед, чтобы лучше слушать пение, подошел ко мне архидиакон Самуил, знающий хорошо закон и Священное Писание, и спросил

меня: отчего ты с таким усердием стремишься в храм? Я ему отвечал: «Господин, ты знаешь, кто я; не по душе мне моя отечественная вера, и я желаю, чтобы кто-нибудь объяснил мне и веру иудейскую и веру христианскую, и которая окажется святою, ту и возлюблю всем сердцем и приму ее». Тогда Самуил сказал мне: «Если желаешь знать истину, то я тебе расскажу, но выбор истинной веры не зависит от тебя, но от воли Господней».

Я стал просить его и сказал: «Укажи мне и то, какую веру принять и какую отвергнуть...» Тогда архидиакон начал рассказ свой о вере иудейской и о пришествии в мир Иисуса Христа, Сына Божия, и о том, как Он пострадал от народа еврейского, и о воскресении, и о вознесении Христа на Небо, и о сошествии Святаго Духа на апостолов, и как распространялась потом христианская вера, и какую перемену в людях сделала эта чудная, истинная вера... и о судьбе евреев, рассеянных по всему миру...

И когда узнал я обо всем этом подробно от архидиакона Самуила[1], то уверовал в Бога Безначального и Единородного Сына Его Иисуса Христа, и Святаго Его Духа, и крестился во имя Пресвятой Троицы, и теперь никто не может отвратить меня от Господа Иисуса Христа. До самой смерти пребуду верным Ему... А о вере предков моих не хочу и говорить; разве могу я, узнав Творца, поклоняться Его творению? Творению, созданному для пользы и для служения человеку самому...»

Сатрап Бузмил, выслушав Евстафия, стал уговаривать его отречься от чужой веры, поберечь свою жизнь для родной семьи. «Если я уже перенес жестокие мучения и не повиновался правителю, бывшему прежде тебя, то послушаю ли тебя теперь? Нет, не будет этого никогда», — отвечал исповедник.

Поняв из этих слов, что нет возможности отвратить от христианства Евстафия, сатрап приказал заключить его в темницу и тайно отсечь ему голову, чтобы христиане не могли воздать почестей его телу, и затем, по отсечении, велел бросить его за городом на съедение птицам и зверям.

Когда воины приступили в темнице к исполнению приговора властелина, то Евстафий попросил их дать ему несколько времени для молитвы и в таких словах выразил свое предсмертное моление

[1] Бывшего впоследствии патриархом Иверским.

к Господу: «Господи Боже Вседержителю, Который хочешь всем человекам спастися, с верою надеющимся на Пресвятое имя Твое; Ты, который услышал молитву прежде бывших мучеников, убиенных мечами иудеев, и тех, которые ради имени Твоего ввержены были во время страшного холода в озеро и умерли в исповедании Твоем, и сожженных огнем, и за исповедание имени Твоего растерзанных и съеденных зверями, наследовавших обещанные Тобою вечные блага! Удостой и меня, Господи, быть участником их небесной радости, удостоивший меня ради Святого имени Твоего в последнее время быть также мучеником и исповедником! Ты знаешь, Владыко Господи Боже мой Иисусе Христе, что Всесвятейшему Твоему имени не предпочел я ни отца, ни мать, ни братьев, ни семейство, ни родных и близких; Тебя только одного Господа моего возлюбил я всем сердцем и всею душою моею и ради имени Твоего полагаю голову мою. Владыко мой! Прошу еще и молю Твою благость, чтобы тело мое не осталось здесь; не попусти, чтобы оно съедено было псами и птицами, но повели, чтобы оно было предано земле в Мцхете, где Ты открылся мне, где я принял Святое Крещение!»

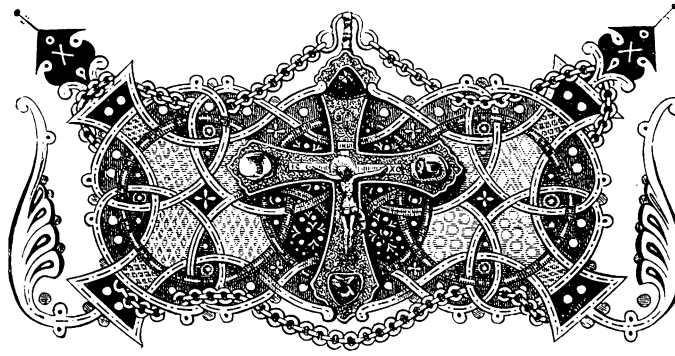
«Теперь я готов, — обратился к воинам мученик после молитвы, — исполните надо мною то, что вам велено».

Поколебались воины умертвить святого исповедника... Но зная, что иначе погибнут и они вместе с ним, они отсекли голову мученику Евстафию и, вынеся тело его за город, оставили его в поле. Об этом узнали некоторые христиане, успели унести тело мученика и тайно перевезли его в Мцхет. Тамошние христиане довели об этом до сведения католикоса Самуила, который с великою честью предал земле тело мученика под престолом патриаршего Мцхетского собора, построенного в честь Двенадцати Апостолов, где Бог прославил его чудными исцелениями болезней, продолжающимися и доныне. Это послужило основанием католикосу Самуилу II причислить мученика Евстафия к лику святых и установить в честь его памяти празднование 29-го июля — в день его кончины[1].

[1] *Сабинин М.П.* Полное жизнеописание святых Грузинской Церкви. СПб., 1871 (далее — *Сабинин М.П.* Полное жизнеописание святых Грузинской Церкви. —*Ред.*).

Святой мученицы СЕРАФИМЫ

Антиохиянка, воспитанная в доме знатной госпожи сенаторского рода. За исповедание Христа осуждена на обесчещение, но когда два юноши, для того посланные, поражены были расслаблением, то была бичевана и затем обезглавлена (в царствование Адриана 117–138 гг.).

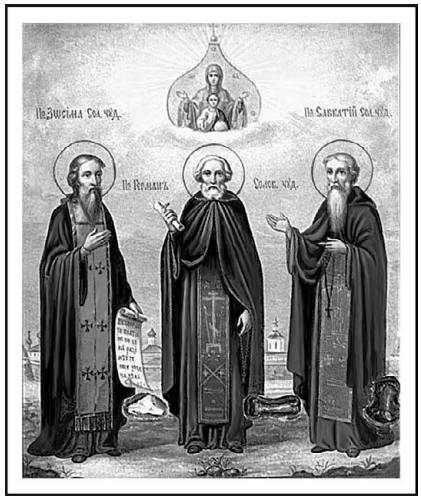


День тридцатый

† ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ преподобного ГЕРМАНА СОЛОВЕЦКОГО

Блаженный Герман[1] сперва уединенно подвизался на реке Выге, у часовни. Здесь нашел его блаженный Савватий, искавший безмолвного места. Герман указал Савватию на Соловецкий остров как на место самое безмолвное. В 1429 году он и Савватий переплыли Белое море на ладье, построили келлию под Секирной горой и жили здесь отшельниками шесть лет. По кончине Савватия Герман нашел другого ревнителя безмолвной жизни и вместе с блаженным Зосимою (в 1436 г.) опять поселился на суровом острове. В двух верстах от нынешнего монастыря построил себе келлию блаженный Зосима, а в полверсте от него стал жить в куще Герман. Более 50 лет прожил он на холодном острове. Он не был человеком книжным, но подвигами приобрел духовную опытность, различавшую духовные явления от естественных. Убежденный в том, что жизнь великих подвижников доставляет назидание многим, Герман, как пишет современник его, «не умея писать по книжному, но вразумляемый Божиим Промыслом,

[1] О житии прп. Германа говорит ученик его Досифей в житии прпп. Зосимы и Савватия. Особое житие написано в начале XVI в. неизвестным, который дополнил сказания Досифея рассказом видевшего перенесение мощей аввы в 1484 г.



Преподобный
ГЕРМАН
СОЛОВЕЦКИЙ

приказал клирикам записать для памяти все, что видел он при жизни блаженного Савватия, как пришел он с ним на Соловецкий остров, разные события при жизни блаженных отцов; таких записок составилось немало»[1]. Блаженный Герман любил чтение назидательное и собирал книги. Еще цел в Соловецкой библиотеке сборник, по надписи принадлежавший преподобному Герману. Эта любовь к назидательным книгам передана им и ученику его Досифею: достойный ученик обогатил обитель самыми полезными книгами, выбирая в Новгороде лучшие книги и по содержанию, и по письму и нанимая лучших писцов списывать их для обители[2]. Блаженный Герман старался как можно более быть полезным для обители. И при жизни преподобного Зосимы и после него не раз он путешествовал на твердую землю для выполнения нужд обители. Святая любовь его не взирала при том ни на опасности плавания по обманчивому морю, ни на другие неудобства пути, нелегкие особенно для дряхлой старости. Он и скончался на службе обители. При игумене Арсении, преемнике святого Зосимы, авва Герман, быв послан в Новгород по нуждам обители, в обители преподобного Антония Римлянина почувствовал близость кончины своей, исповедался, приобщился Святых Таин и мирно передал дух свой Богу. Ученики его везли тело его в Соловецкую обитель, но за распутицею принуждены были оставить его на берегу реки Свири у часовни деревни Хавроньиной. Спустя 5 лет (в 1484 г.) при игумене Исаии решились перенести гроб аввы в Соловецкую обитель; когда посланные откопали в земле и открыли гроб аввы, то нашли мощи его нетленными; перевезенный гроб с честью был поставлен близ алтаря, по правую сторону церкви святителя Николая, рядом с мощами преподобного Савватия. Ныне мощи аввы Германа почивают в часовне его имени[3]. Здесь же стоит каменный четвероконечный крест, стоявший в келлие преподобного Савватия и пред которым молился вместе с ним и авва Герман[4].

---

[1] Послесловие Досифея к житию прпп. Зосимы и Савватия (Москвитянин. 1846. Ч. VI).

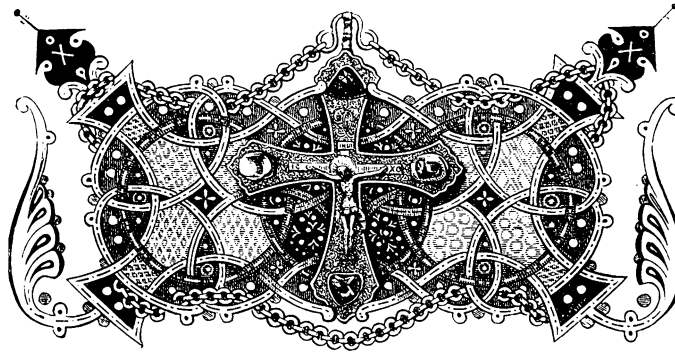
[2] Библиотека Соловецкого монастыря // Православный собеседник. 1859. № 1.

[3] Ркп. житие Германа, написанное со слов видевшего перенесение мощей его (*Досифей, архимандрит.* Географическое, статистическое и историческое описание ставропигального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836 (далее — *Досифей (Немчинов), архим.* Описание Соловецкого монастыря. —*Ред.*).

[4] Истина Святой Соловецкой Обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой, о вере. Святой Соловецкой обители приношение. СПб., 1844; *Досифей (Немчинов), архим.* Описание Соловецкого монастыря.

Вот древний тропарь авве Герману: «Украсившись, премудре, постническим житием, спостник был еси и сожитель в морском отоце преподобным отцом Зосиме и Савватию, сподвизався в молитвах и трудах и в пощениях, преподобне отче Германе: но яко имея дерзновение к Богу, моли избавити нас от враг и спасти души наши». Этот тропарь написан был в 1602 году на старой Тотьме пресвитером Григорием, по приказанию явившегося ему Германа, и им же потом одобрен. По тому же видению написан был образ преподобного Германа, вместе с Зосимою и Савватием, и от того образа истекло несколько исцелений больным[1].

[1] Ркп. житие прп. Германа.



Приложение

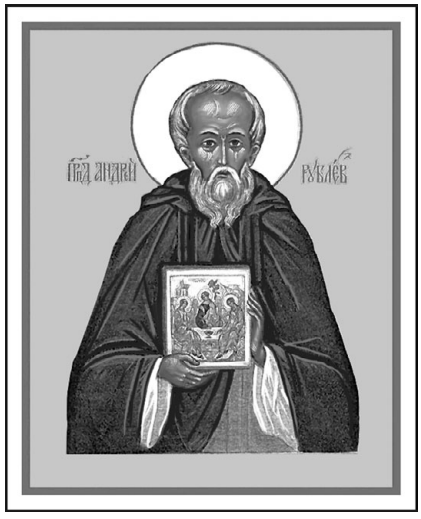
4-го числа
Преподобный
АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Сведения о святом Андрее Рублеве очень немногочисленны. Это житие преподобного Никона Радонежского, краткой и пространной редакции; «Отвещание любозазорным» святого Иосифа Волоцкого; «Сказание о святых иконописцах» конца XVI — начала XVII веков и летописные упоминания.

Важное дополнение к немногочисленным сведениям о святом Андрее составляют его произведения — иконы и росписи.

Согласно известному постановлению VII Вселенского Собора, Православная Церковь почитает образ «наряду с Крестом и Евангелием». Поэтому создание иконы является подвигом благочестия, предполагающим благодатную помощь свыше. Подвиг благочестия может перерастать в святость. Отсюда особый чин в православной иерархии святости — чин святых иконописцев во главе со святым апостолом и евангелистом Лукою, написавшим, по преданию, образ Божией Матери. В Русской Церкви к лику святых иконописцев причислены святой Алипий Печерский, преподобный Дионисий Глушицкий. Величайшим русским иконописцем был и святой Андрей Рублев.

Его основные произведения: иконостас и росписи Благовещенского собора в Московском Кремле, росписи и иконостас Успенского



Преподобный
АНДРЕЙ РУБЛЕВ

собора во Владимире, икона «Богоматерь Владимирская» для Успенского собора в городе Владимире; росписи и иконостас Успенского собора в Звенигороде, деисусный чин из собора Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре, росписи и иконостас Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре, икона «Святой Троицы» из того же собора; росписи Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря в Москве.

Самое знаменитое из его произведений — икона «Святая Троица», по единодушному признанию специалистов, созданная им самим.

Нет никакого сомнения, что святым Андреем создано намного больше икон и росписей, чем выше перечислено, однако свидетельств о других его произведениях не сохранилось.

Исторические сведения о преподобном Андрее Рублеве крайне скудны. О происхождении его ничего не известно. Некоторый свет проливает наличие у него прозвища «Рублев», которое сохранилось за ним в монашестве. По-видимому, «Рублев» — родовое прозвище с окончанием, характерным для русских фамилий, т. е., по существу, фамилия. В XIV–XV веке и значительно позже фамилии носили только представители высших слоев общества, что заставляет предполагать его происхождение из образованных кругов.

Год рождения преподобного Андрея неизвестен. Предположительно — 1360-й. Обучение он начал с детских лет и вскоре достиг немалого умения. Считается, что святой Андрей в ранний период своей жизни мог учиться и работать в Византии и Болгарии.

Преподобный жил в эпоху крупных исторических событий, часто очень тяжелых для Руси. В 1380 году произошла кровопролитная битва на Куликовом поле, положившая начало освобождению Руси от татарского ига. Через два года Москва была разорена и сожжена Тохтамышем. Вполне вероятно, что эти и другие подобные потрясения определили сделанный святым Андреем выбор — монашеский путь.

В 1395 году Русь подверглась новому нашествию — на этот раз на нее обрушились полчища Тамерлана (Темир-Аксака). В Москву из Владимира была принесена чудотворная икона Владимирской Божией Матери. Весь народ во главе с митрополитом Киприаном вышел встречать святыню на место, где впоследствии в память этого события был основан Сретенский монастырь.

Произошло чудо: Матерь Божия явилась Тамерлану во сне и грозно запретила ему идти на Москву. Тамерлан повернул обратно и исчез

так же внезапно, как и появился. Вскоре после этого по благословению митрополита Киприана святой Андрей написал копию с образа Божией Матери Владимирской.

Достоверно неизвестно и место пострижения святого Андрея. Наиболее вероятно, это Спасо-Андроников монастырь в Москве — один из монастырей, с которыми была связана его жизнь. Второй такой обителью стал Троице-Сергиев монастырь. По духу святой Андрей несомненный ученик святого Сергия, хотя предание, относящееся к концу XVI века, говорит о святом Андрее как о духовном сыне преподобного Никона Радонежского.

Находясь в Спасо-Андрониковом монастыре, инок Андрей жил в духовной среде учеников преподобного Сергия, с которыми тесно общался во время поездок, связанных с выполнением заказов. Кроме преподобного Никона, он, по-видимому, знал святого Савву Сторожевского, поскольку на рубеже XIV–XV веков работал в Звенигороде и в самом Саввино-Сторожевском монастыре. Он должен был знать и племянника преподобного Сергия святителя Феодора, архиепископа Ростовского, некоторое время игуменствовавшего в Симонове монастыре, по соседству с Андрониковым. Другой игумен этого монастыря и собеседник преподобного Сергия святой Кирилл ушел в 1392 году на Белоозеро, но и о нем, как о яркой личности, несомненно, было известно иноку Андрею. Наконец еще одной такой личностью был непосредственный ученик преподобного Сергия преподобный Андроник, основатель и первый игумен монастыря.

Пребывая в высоко духовной среде, в атмосфере святости, инок Андрей поучался как историческими примерами святости, так и живым образцом окружавших его подвижников.

Хорошо знал инок Андрей и Епифания Премудрого, и других высокообразованных людей своего времени, с которыми тесно общался. Среди них — святителя Киприана, митрополита Московского. Духовный мир святителя Киприана, который прошел школу афонского монашества, был близок иноку Андрею.

Поскольку митрополит Киприан был учеником святого патриарха Филофея, ученика святителя Григория Паламы, духовная генеалогия преподобного Андрея через общение со святителем восходит к обеим главам афонского исихазма.

Возношение «ума и мысли» от созерцания святых икон к «невещественному и божественному свету» («возведение чувственного

ока») — такая характеристика была не случайно дана Иосифом Волоцким преподобному Андрею и его сопостнику Даниилу Черному.

Несомненно, инок Андрей хорошо знал и святителя Фотия, Московского митрополита, также принадлежавшего к числу высокообразованных, духовных и деятельных иерархов. Ему принадлежит ряд посланий, которые инок Андрей, несомненно, знал. «Всех превосходящий в премудрости зельне», по выражению преподобного Иосифа, инок Андрей хорошо знал творения многих святых отцов и учителей Церкви.

Краткое сказание святого Иосифа доносит до нас удивительно светлый образ двух подвижников-художников — Андрея Рублева и Даниила Черного, истинных иноков и аскетов. Они преуспели в божественной Любви, которая открылась им и привлекла их к себе. Стяжанием великой божественной благодати преподобный Иосиф объясняет их полный уход от всякого земного попечения, «яко никогдаже о земных упражнятися».

Созерцание икон для них — праздник, исполняющий сердце «божественной радостью и светлостью», поскольку возводит ум «от вещественных вапов», т. е. от материального, огрубленного, недвижного подражания к невещественному, источающему жизнь мира Первообразу. Отсюда и особое значение иконы как свидетельства об истине, отсюда и особо проникновенное отношение к каждому движению кисти.

«Сего ради», т. е. ради столь высокого и столь духовного образа жизни, «Владыко Христос тех прослави и в конечный час смертный». Уже после кончины святого Андрея его сопостник Даниил, не разлучавшийся с ним в сердце своем и по его смерти, умирая, получает откровение о прославлении своего духовного брата в Царствии Небесном: «виде... Андрея во мнозе славе и с радостию призывающа его в вечное оно и бесконечное блаженство».

Местом вечного упокоения обоих подвижников стал Спасо-Андроников монастырь.

На протяжении XVI–XVII веков память обоих иконописцев, и особенно святого Андрея, глубоко почиталась. Определением Стоглавого Собора (1551 г.) было благословлено писать образ «Святой Троицы», как Андрей Рублев и «пресловущие греческие живописцы».

В строгановском иконописном подлиннике (конец XVI в.), пользовавшемся авторитетом в среде придворных иконописцев, сообщается: «Преподобный отец Андрей Радонежский, иконописец, прозванием Рублев, многия святыя иконы написал, все чудотворныя... а прежде

живяше в послушании у преподобнаго отца Никона Радонежскаго. Он повеле при себе образ написати Пресвятая Троицы, в похвалу отцу своему, святому Сергию чудотворцу...» Имя святого Андрея (вместе с Даниилом) встречается и в старых месяцесловах.

Приводимые источники удостоверяют, что в XV–XVII веках почиталась святость Андрея Рублева, как и высокая праведность Даниила.

По традиции в Троице-Сергиевой Лавре память преподобного Андрея совершалась 4 июля, в день памяти святого Андрея Критского. Этот день определен и для совершения памяти преподобного после общецерковного прославления на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году.

XVIII–XIX века были временем забвения многих православных традиций и, в частности, канонического иконописания. Известность святого Андрея вновь просияла лишь с начала XX века, когда пробудился интерес к традициям православного иконописания. По явному Промыслу Божию именно в XX веке «Святая Троица» преподобного Андрея, а также и другие его произведения приобрели значение свидетельства истины Православия пред лицом всего мира. Преподобный Андрей канонизирован на основании его подвига иконописания, в котором он, подобно евангелисту, свидетельствовал и продолжает ныне возвещать людям неложную истину о Боге, в Троице славимом.

5-го числа

Преподобномученица великая княгиня ЕЛИСАВЕТА и инокиня ВАРВАРА

Великая княгиня Елисавета Федоровна родилась 20 октября 1864 года. Она была дочерью великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы, дочери королевы английской Виктории. С потерей матери у 14-летней Елисаветы закончилась пора детства.

По воспоминаниям современников, прекрасная наружность Елисаветы вполне соответствовала ее духовным качествам. Главными отличительными ее свойствами были религиозность и любовь к ближним.

Полагают, что еще в ранней юности принцесса Елисавета отдала свое сердце великому князю Сергею Александровичу, сыну императора Александра II. 3 июня 1884 года в Петербурге, в Большой церкви Зимнего дворца состоялось венчание великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елисаветы Федоровны по православному обряду, а затем в одной из гостиных дворца — венчание по протестантскому обряду (выходя замуж, Елисавета Федоровна оставалась протестанткой).

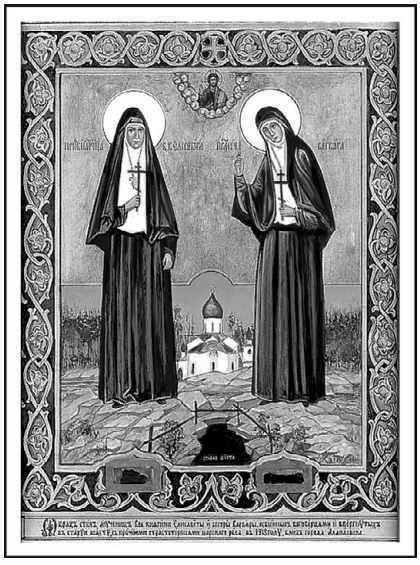
В Ильинском, подмосковном имении великого князя на Москве-реке, Елисавета Федоровна вела простую деревенскую жизнь, много помогала окрестным крестьянам. Для них супруги построили больницу, в которой часто совершалось и крещение новорожденных, причем восприемниками бывали Сергей Александрович и Елисавета Федоровна.

Постепенно Елисавета Федоровна все более и более внутренне сближалась с Россией и Православием.

В октябре 1888 года великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елисавета Федоровна по поручению императора Александра III побывали в Палестине на освящении великолепного храма святой Марии Магдалины, построенного в Гефсимании.

Вернувшись со Святой Земли, полная неизгладимых впечатлений, Елисавета Федоровна решила перейти в Православие. Однако родственники из Дармштадта не понимали и не поддерживали ее. Ободрила ее только бабушка, королева английская Виктория. В ответном письме благодарная Елисавета писала ей: «...Вы не можете себе представить, как сильно и глубоко я была тронута всем тем, что Вы написали... Господь дал мне мужество... Я это делаю, принадлежа всей моей душой этой Церкви здесь, и я чувствую, что лгала всем и моей старой религии, продолжая оставаться протестанткой. Это большое дело совести, где только лицо, имеющее к этому отношение, может понять по-настоящему всю глубину этого шага».

В субботу, под Вербное воскресенье, 13 апреля 1891 года, совершился переход великой княгини Елисаветы в Православие. Теперь она с полным правом могла сказать своему супругу, да и каждому православному русскому человеку, словами моавитянки Руфи: *Народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом* (Руфь 1, 16).



Преподобномученица
великая княгиня
ЕЛИСАВЕТА
и инокиня
ВАРВАРА

Переходя в Православие, великая княгиня не захотела расстаться со своим именем, а только избрала себе новую небесную покровительницу — святую праведную Елисавету, мать Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, память которой Православная Церковь празднует 5 сентября.

В 1891 году великий князь Сергей Александрович был назначен генерал-губернатором в Москву. Здесь во всей широте развернулась благотворительная деятельность Елисаветы Федоровны.

Постоянно бывая в многочисленных московских храмах, великая княгиня всюду видела на папертях оборванных нищих, взывающих о помощи. Она посещала также больницы для бедных, дома престарелых, приюты беспризорных детей, тюрьмы. И везде она старалась сделать что-нибудь для облегчения человеческих страданий, раздавала продукты, одежду. Жители Москвы очень скоро оценили ее доброту, и великая княгиня снискала у них искреннюю любовь.

Когда 20 октября 1894 года скончался император Александр III, состоялся переход в Православие будущей императрицы, сестры Елисаветы Федоровны принцессы Алисы, с принятием ею имени Александра. Елисавета Федоровна принимала в этом живое участие.

Июль 1903 года ознаменовался великим событием в жизни России: был причислен к лику святых преподобный Серафим Саровский. В Саров ездила вся императорская семья. «Как много красивых и здоровых впечатлений!.. — писала Елисавета Федоровна. — Какую немощь, какие болезни мы видели, но и какую веру. Казалось, что мы живем во времена земной жизни Спасителя».

Вскоре началась трагическая для России Русско-японская война 1904–1905 годов. Елисавета Федоровна, уже имевшая большой опыт благотворительности, немедленно начала активную деятельность в помощь фронту. Она сформировала несколько прекрасно оборудованных санитарных поездов, устраивала в Москве госпитали для принятия раненых. Не забывала она и о духовных нуждах русских людей, посылала в армию походные церкви, снабжала их всем необходимым для совершения богослужений.

5 февраля 1905 года в Кремле террорист Иван Каляев бросил в великого князя Сергея Александровича бомбу, разорвавшую его на части.

Являя поразительную силу духа, великая княгиня посетила в тюрьме убийцу, оставила ему Святое Евангелие и просила императора о его помиловании.

Пережив страшное потрясение, Елисавета Федоровна еще глубже ушла в молитву, с еще большим усердием предалась благотворительности.

Елисавета Федоровна купила в Москве, на Большой Ордынке, усадьбу с четырьмя домами и обширным садом. Здесь она решила создать обитель в честь святых Марфы и Марии. Обитель предназначалась быть как бы домом Лазаря, в котором часто бывал Христос Спаситель. Сестры обители призваны были соединить в своем подвиге и высокий жребий Марии, внимающей вечным глаголам жизни, и служение Марфы, поскольку они с любовью принимали у себя Христа в лице Его меньших братьев. Для этого кроме храма в обители были созданы больница, аптека, приют. Вокруг зданий Елисавета Федоровна устроила прекрасный сад.

Марфо-Мариинская обитель начала свою деятельность 10 февраля 1909 года. При открытии обители в ней было всего шесть сестер, в течение года число их увеличилось до тридцати, а к 1914 году достигло ста.

9 апреля 1910 года в соответствии с разработанным Святейшим Синодом чином епископ Трифон (Туркестанов) посвятил в звание крестовых сестер любви и милосердия 17 сестер обители во главе с великой княгиней Елисаветой.

Все они дали торжественный обет посвятить себя служению Богу и ближним.

Будучи во всем искренней и послушной дочерью Православной Церкви, настоятельница не хотела использовать преимущества своего положения как великой княгини.

Ведя строгую подвижническую жизнь, Елисавета Федоровна не требовала того же от своих сестер. Она заботилась о том, чтобы они имели хороший стол и достаточное время для сна. Сама же она спала не более трех часов в сутки, на жесткой постели, в пищу употребляла немного овощей и молока, строго соблюдала посты. По ночам долго молилась, потом обходила больничные палаты. Все самые трудные обязанности настоятельница брала на себя. Она ухаживала за безнадежными больными, часто проводила с ними всю ночь, ассистировала при операциях. Больные говорили, что одно только присутствие настоятельницы дарило им покой, облегчало страдания и помогало легко идти на операции. Они чувствовали исходившую от нее целительную силу.

Обительская больница пользовалась в Москве такой репутацией, что сюда направляли иногда самых тяжелых больных из других больниц

и госпиталей. И настоятельница изумляла московских докторов своим самоотверженным уходом за больными и поразительными результатами. Как говорила она сама, делить свое горе — значит уменьшить его, а делить свою радость — значит ее увеличить.

В Марфо-Мариинской обители усердием настоятельницы было сооружено несколько храмов: во имя святых жен Марфы и Марии, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а в 1914 году под этим храмом была построена церковь-усыпальница сестер во имя Небесных Сил и Всех Святых. Елисавета Федоровна думала, что там будет почивать и ее тело после кончины. Там она часто предавалась молитве.

Настоятельница обители расчитывала готовить в ней и особых сестер для духовного утешения тяжелых больных, стоящих на краю могилы. «Не страшно ли, — говорила она, — что мы из ложной гуманности стараемся усыплять таких страдальцев надеждою на их мнимое выздоровление. Мы оказали бы им лучшую услугу, если бы заранее приготовили их к христианскому переходу в вечность».

Елисавета Федоровна любила ездить в отдаленные монастыри, где могла всецело отдаться молитве, а также церковной благотворительности. Особенно большую помощь получали от нее бедные приходы и обители. Благоговейно почитая преподобного Серафима Саровского, великая княгиня Елисавета неоднократно ездила в Саров помолиться у мощей угодника Божия. Ездила она также в Псков, Киев, Оптину пустынь, бывала и в самых маленьких монастырях в отдаленных местах России, где общалась со многими русскими иноками-подвижниками.

Унаследовав от своего покойного супруга председательство в Палестинском обществе, Елисавета Федоровна проявляла особую заботу о русских паломниках, направлявшихся в Святую Землю.

По инициативе Елисаветы Федоровны в Италии, в Бари, был приобретен большой участок земли, где было начато строительство храма и подворья.

Весть о начале первой мировой войны застала настоятельницу Марфо-Мариинской обители в отдаленном Серафимо-Алексеевском скиту Пермской епархии. Когда она вернулась в Москву, некоторые сестры просили ее отпустить их на фронт. Посоветовавшись с духовником обители, она дала свое согласие.

Бывая в госпиталях, настоятельница Марфо-Мариинской обители навещала раненых. Как христианка, она оказывала милосердие и неприятельским солдатам. Это породило, однако, клеветнические

вымыслы и даже открытое проявление ненависти по отношению к ней, что было для нее очень тяжело и вынудило ее прекратить посещение раненых пленных. Чтобы обрести душевный покой, Елисавета Федоровна на несколько дней ездила к оптинским старцам.

По Москве стали распространяться дикие вымыслы о Марфо-Мариинской обители как о центре немецкого шпионажа. Понимая, что военные неудачи не могли не отразиться на обывательских настроениях, Елисавета Федоровна старалась найти оправдание людям. «Они все очень устали. Народ — дитя, — говорила она кротко, — он неповинен в настоящем. Он введен в заблуждение врагами России».

Однажды осенью 1916 года у ворот обители собралась разъяренная толпа, возбужденная слухами. «Немку долой! Выдавайте шпиона!» — в окна полетели камни. Когда толпа стала ломиться в ворота обители, они распахнулись, и перед всеми предстала — совершенно одна! — матушка настоятельница. Она предложила осмотреть все помещения, убедиться, что в обители нет шпионов, и не беспокоить шумом больных.

В стране усиливались гибельные беспорядки. Переживая за царскую семью, Елисавета Федоровна сказала архиепископу Анастасию (Грибановскому) с какой-то просветленной мягкостью: «Это послужит к их нравственному очищению и приблизит к Богу».

На неоднократные предложения дипломатов иностранных держав покинуть Россию в это смутное и опасное время она отвечала, что хотя и предвидит наступление страшных времен, но разделит судьбу принявшей ее страны, не оставит сестер обители и молит Бога даровать ей силы испить чашу страданий.

На третий день Пасхи 1918 года (день празднования Иверской иконы Божией Матери) Святейший Патриарх Тихон посетил Марфо-Мариинскую обитель, где служил молебен, а затем оставался до четырех часов дня, беседуя с настоятельницей, которая испытывала душевное томление, предчувствуя что-то страшное.

Через полчаса после отъезда Святейшего Патриарха к обители подъехала машина с комиссаром и красноармейцами, и Елисавете Федоровне было приказано немедленно ехать с ними. Ее арестовали и увезли из Москвы.

Узнав о случившемся, Святейший Патриарх Тихон тщетно пытался добиться освобождения Елисаветы Федоровны.

С настоятельницей поехали две сестры — келейница Варвара Яковлева и Екатерина Янышева.

В Перми ссыльная игуменья и ее спутницы Варвара и Екатерина были помещены в женском монастыре, где к ним отнеслись с искренним участием. Великим утешением для них была возможность посещать богослужения в монастырской церкви.

20 мая 1918 года узниц привезли в Алапаевск. Они были помещены в школе на окраине города. Сначала они могли ходить в церковь, работать в огороде, гулять в поле, но с 21 июня все это было им запрещено и условия их жизни резко ухудшились.

Примерно в это же время Елисавету Федоровну разлучили с ее спутницами. Их стращали муками, которые предстоит вынести Елисавете Федоровне. Однако Варвара Яковлева отвечала, что готова своей кровью подписаться: она желает разделить судьбу настоятельницы. Как более старшую по возрасту, в Алапаевск вернули ее. Инокиня Варвара осталась до конца верной своей матушке и вместе с ней добровольно пошла на страдания и смерть, исполнив завет Христов: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13).

5 июля, когда Православная Церковь празднует память преподобного Сергия Радонежского (день ангела покойного супруга Елисаветы Федоровны великого князя Сергея Александровича), Елисавету Федоровну с инокиней Варварой Яковлевой разбудили ночью и повезли по дороге в направлении деревни Синячихи. Вместе с ними на нескольких повозках везли членов императорской фамилии: великого князя Сергея Михайловича с секретарем Федором Ремезом, сыновей великого князя Константина Константиновича Иоанна, Константина и Игоря, а также князя Владимира Палея. Примерно в 18 километрах от Алапаевска, недалеко от дороги, находился заброшенный рудник. Одну из шахт рудника, Нижнюю Селимскую, палачи избрали для осуществления своего зверского замысла. Шахта имела в глубину около шестидесяти метров, бревенчатые стены ее полусгнили, внизу стояла вода.

Избивая прикладами невинные жертвы, палачи стали сбрасывать их в шахту, обрекая на медленную ужасную смерть. Оказавшийся вблизи шахты местный крестьянин видел это.

Первой столкнули в зияющий провал великую княгиню Елисавету. Осенняя себя крестным знамением, она громко молилась: «Господи, прости им, не знают, что делают!» Остальных мучеников, кроме великого князя Сергея Михайловича, боровшегося с палачами и убитого выстрелом в голову, также столкнули в шахту живыми.

Когда сбросили всех, палачи стали бросать в шахту ручные гранаты. Однако как показали последующие раскопки, кроме Федора Ремеза, остальные мученики умирали, по-видимому, медленной смертью от жажды, ранений и голода.

Великая княгиня инокиня Елисавета упала не на дно шахты, а на выступ, находившийся на глубине около 15 метров. С нею рядом при раскопках нашли князя Иоанна с перевязанной головой — мученица Елисавета, сама сильно израненная, сделала ему в темноте перевязку из своего апостольника.

Крестьянин, случайный свидетель, слышал, как из глубины шахты раздалась Херувимская песнь. Ее пели новые мученики.

Когда тело мученицы было обнаружено, оказалось, что пальцы ее правой руки были сложены для крестного знамения. Так же были сложены пальцы и у инокини Варвары и князя Иоанна.

На груди Елисаветы Федоровны была найдена икона Спасителя. На оборотной стороне иконы была надпись «Вербная суббота, 13 апреля 1891 г.». Это дата перехода великой княгини Елисаветы Федоровны в Православие. Икону она с молитвой прижимала к себе во время страшных предсмертных часов.

Тела мучеников были омыты, одеты в белые одежды и положены в деревянные гробы. Вечером 5 октября 1918 года многочисленным духовенством было отслужено заупокойное всенощное бдение. На следующий день был совершен крестный ход из Свято-Троицкого собора к кладбищенской церкви, где была отслужена панихида. Под пение «Святый Боже...» гробы перенесли в собор. Там после заупокойной литургии прошло отпевание мучеников.

В связи с приближением красногвардейских вооруженных отрядов тела мучеников были перевезены в Читу и установлены в женском Покровском монастыре. В монастыре гробы вскрывали. Тело мученицы великой княгини инокини Елисаветы не было тронуто тлением. Монахини омыли тела мучениц великой княгини Елисаветы и инокини Варвары и облачили в монашеские одеяния. В апреле 1920 года тела их были доставлены в Пекин.

Сестра и брат Елисаветы Федоровны, узнав, где находятся останки погибших, пожелали, чтобы нетленные тела великой княгини Елисаветы и инокини Варвары были перевезены в Иерусалим и похоронены у храма святой Марии Магдалины, на освящении которого в 1888 года присутствовала Елисавета Федоровна. Желание было исполнено,

и гробы были установлены в усыпальнице храма святой Марии Магдалины.

Светлым прекрасным видением прошла великая княгиня преподобномученица Елисавета по земле Российской. Отказавшись от своего блестящего положения, преодолев вероисповедные и национальные преграды, она, немка-протестантка по рождению и воспитанию, приняла Православие, создала русскую православную монашескую обитель, совершила множество подвигов милосердия и завершила земную жизнь добровольной мученической смертью, до конца оставшись верной своему христианскому долгу.

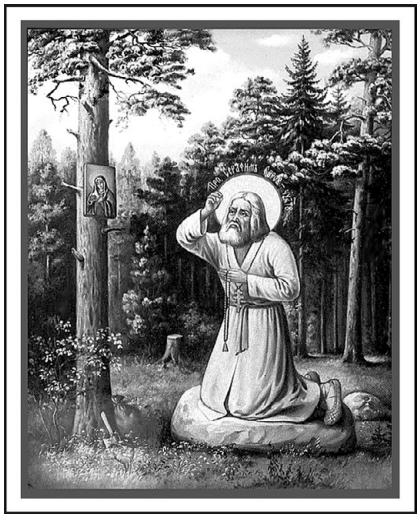
В настоящее время мощи преподобномучениц, великой княгини Елисаветы и инокини Варвары, пребывают в храме святой Марии Магдалины в Иерусалиме.

Деянием Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви в 1992 году преподобномученицы великая княгиня Елисавета и инокиня Варвара были канонизированы в лике святых для общецерковного почитания.

Память им совершается в день мученической кончины 5 июля и в день Собора новомучеников и исповедников Российских (переходящее празднование в последнее воскресенье января).

19-ГО ЧИСЛА
Преподобный
СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Преподобный Серафим Саровский родился 19 июля 1759 года (по другим данным — 1754 г.) в древнем Курске, в именитой купеческой семье Исидора и Агафии Мошниных. Во Святом Крещении был наречен Прохором в честь апостола от семидесяти и одного из первых семи диаконов Христовой Церкви. Родители его, занимавшиеся строительством каменных зданий и храмов, были людьми богоугодной жизни, отмеченной добродетелью и трудолюбием. Незадолго до своей кончины († 1762) Исидор Мошнин приступил к возведению величественного храма в честь Казанской иконы Божией Матери и преподобного



Преподобный
СЕРАФИМ
САРОВСКИЙ

Сергия Радонежского (с 1833 года — Курский Сергиево-Казанский кафедральный собор). Его строительство было завершено матерью Прохора. Примером своей жизни она воспитывала сына в христианском благочестии и всегдашней радости о Боге.

Покров Божий над Прохором проявился с его ранних лет: Господь сохранил младенца невредимым, когда он, оступившись, упал со строящейся колокольни. Отроком Прохор был чудесно избавлен от тяжкого недуга по молитве перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы «Знамение»: во время болезни он был удостоен видения Божией Матери, Которая обещала вскоре вновь посетить его и исцелить. С тех пор молитвенное прославление Царицы Небесной стало для преподобного постоянным. После болезни Прохор с усердием продолжил учение. Он быстро постигал церковную грамоту, ежедневно читал Священное Писание, духовно-назидательные книги, обнаруживая при этом светлый ум и ясную память, украшая себя кротостью и смирением.

Со временем Прохора начали обучать торговому делу, которым занимался его брат Алексей. Работа эта не привлекала отрока, и он выполнял поручения, исключительно повинуясь старшим. Более всего Прохор возлюбил постоянное пребывание в храме, сердечную молитву и непрестанное размышление о Боге, предпочитая суете мира уединение и безмолвие. Возрастало его стремление к иноческой жизни. Благочестивая мать не противилась этому и благословила сына медным Распятием, которое он всегда открыто носил на груди до самой своей кончины.

Прежде чем принять постриг, Прохор вместе с пятью сверстниками, из которых четверо по его примеру посвятили жизнь служению Богу, отправился в Киев на поклонение святым угодникам Печерским и за наставлениями к старцам. Подвизавшийся близ Лавры прозорливый старец-затворник Досифей[1], которого посетил Прохор, одобрил намерение юноши принять иночество и указал на Саровскую пустынь как на место его спасения и подвигов: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие будет тебе во спасение. С помощью Божией там окончишь ты и свое земное странствование. Святой Дух, Сокровище всех благих, управит жизнь твою во святыне».

[1] С именем «Досифей» подвизалась в затворе в Китаевской обители девица (старица) высокой духовной жизни (в миру Дарья Тяпкина; † 1776).

20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, Прохор прибыл в Саровскую обитель, где с любовью был принят как послушник ее настоятелем, кротким и смиренномудрым иеромонахом Пахомием, и отдан в научение старцу иеромонаху Иосифу, казначею. Подражая старцам, Прохор раньше других приходил в храм, неподвижно, с закрытыми глазами выстаивал богослужение до конца и уходил последним, жалея, что человек не может беспрерывно, подобно Ангелам, служить Богу.

Находясь на келейном послушании, Прохор со смирением выполнял и другие монастырские работы: в хлебне (хлебопекарне), просфорне и в столярне, был будильщиком и пономарем. Никогда он не бывал праздным, но постоянной работой старался оградить себя от скуки, считая ее одним из опаснейших — ибо рождается от малодушия, беспечности и празднословия — искушений для новоначальных иноков, которое врачуется молитвой, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением.

По примеру некоторых монахов пустыни Прохор, испросив благословения у своего наставника, в свободные часы уходит в лес для уединения, Иисусовой молитвы и духовных размышлений. Его подвижничество обратило на себя внимание братии и снискало отеческую любовь старцев. Так, во время тяжелой болезни Прохора они неотлучно находились при нем, заботясь о его выздоровлении. Почти три года безропотно выносил он сильные страдания, отклонив врачебную помощь и предав себя всецело «истинному Врачу душ и телес — Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери». Когда состояние Прохора значительно ухудшилось, о его здравии были отслужены всенощное бдение и Божественная литургия. Причастившись Святых Христовых Таин, он вскоре сподобился чудесного видения Пресвятой Богородицы. Возложив на голову больного руку, Она даровала ему выздоровление, сказав сопровождавшим Ее апостолам Петру и Иоанну Богослову: «Сей — от рода Нашего».

На месте явления Пречистой Девы Марии по Промыслу Божию был сооружен больничный храм. Сбор пожертвований на его строительство как новое послушание взял на себя Прохор. Он же изготовил престол из кипарисового дерева для одного из приделов — преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, чудотворцев, в котором в память о великой милости Божией к нему положил за правило причащаться Святых Христовых Таин до конца своих дней.

18 августа 1786 года иеромонахом Пахомием, настоятелем обители, Прохор был пострижен в монашество с именем Серафим[1], столь хорошо выражавшим его горячую любовь ко Господу, а спустя год посвящен во иеродиакона епископом Владимирским и Муромским Виктором (Онисимовым; † 1817). В продолжение шести лет он ежедневно совершал богослужения, проводя в храме все время, свободное от монастырских послушаний. Господь укреплял его Небесными видениями: неоднократно созерцал преподобный святых Ангелов, сослужащих братии и поющих в храме, а за Божественной литургией в Великий Четверток удостоился лицезреть Господа Иисуса Христа в окружении Небесных Бесплотных Сил. Видение это усилило ревность подвижника к отшельничеству: днем он трудился в обители, а вечером удалялся в лес, где в пустынной келье ночью предавался молитве и богомыслию.

2 сентября 1793 года по ходатайству старцев преподобный Серафим был рукоположен во иеромонаха епископом Тамбовским и Пензенским Феофилом (Раевым; † 1811).

«Благодать, даруемая нам Приобщением, — говорил он священнику Дивеевской общины отцу Василию Садовскому, — так велика, что как бы ни недостоин и как бы ни грешен был человек, лишь бы в смиренном токмо сознании всегреховности своей приступал ко Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, — и будет очищаться благодатию Христовую, все более и более светлеть, совсем просветлеет и спасется...» Тот, кто благоговейно приобщается Святых Христовых Таин (а приступать к Причащению, по словам преподобного Серафима, «чем чаще, тем лучше»), тот «будет спасен, благополучен и на самой земле долговечен». Наставляя других, старец сам следовал этому правилу неизменно всю жизнь.

1794 год отмечен скорбным для обители событием: скончался настоятель пустыни иеромонах Пахомий, так много сделавший для ее устроения. По желанию почившего настоятеля преподобный Серафим принимает на себя попечение о Дивеевской женской общине[2]

[1] «Серафим» — с древнееврейского «пламенный». Серафимы — высшие и ближайшие к Богу чины Ангельские, имеющие пламенную к Нему любовь.

[2] Основана в 1780 г. помещицей Агафьей Семеновной Мельгуновой (в монашестве — Александрой; † 1789) для совместного проживания благочестивых вдов. В 1842 г. соединена с Мельничной девичьей общиной, устроенной прп. Серафимом в 1827 г. по наставлению Пресвятой Богородицы. Обе общины и составили Серафимо-

и не оставляет ее сестер без духовного окормления и материального обеспечения.

20 ноября 1794 года, в годовщину своего прибытия в Саровскую обитель, преподобный испрашивает у настоятеля иеромонаха Исаии благословение на новый подвиг — пустынножительство — и поселяется в глухом лесу в нескольких километрах от монастыря. По благочестивому обычаю он дает разным местам вокруг своей деревянной избушки названия в память о событиях земной жизни Спасителя: Вифлеемская пещера, град Иерусалим, река Иордан, поток Кедрон, Голгофа...

В «дальней пустыньке», как любил называть свое уединенное жилище святой старец, он ежедневно совершает молитвенное правило по строгому уставу древних пустынножительных обителей, а также по чинопоследованию, им самим составленному и известному как «келейное правило отца Серафима», нередко полагая при этом до тысячи поклонов.

С неизменным усердием он читает святоотеческие и богослужебные книги, Священное Писание и особенно Евангелие, с которым никогда не расставался, прочитывая в течение недели весь Новый Завет (в понедельник — Евангелие от Матфея, во вторник — Евангелие от Марка, в среду — Евангелие от Луки, в четверг — Евангелие от Иоанна, в пятницу — Деяния святых апостолов, в субботу — Соборные послания апостолов и Послания апостола Павла, в воскресенье — Апокалипсис) и называя его «снабдением души» (т. е. сохранением, спасением от всего пагубного), по руководству которого должно устроять и жизнь свою.

В часы труда старец рубит дрова в лесу, заготавливает на болоте мох, работает на пчельнике и возделывает огород, устроенный близ келлий, наизусть воспевая церковные песнопения.

Одеждой преподобному служил один и тот же белый полотняный балахон; также носил он старую камилавку и лапти, а в ненастную погоду — подрясник из черного толстого сукна да кожаные полумантию и чулки-бахилы. Вериги и власяницу для умерщвления плоти

Дивеевскую общину, которая в 1861 г. была преобразована в женский монастырь — самый многочисленный к тому времени в России (к началу XX в. в нем насчитывалось около 1000 сестер). Первой настоятельницей была игуменья Мария. В 1991 г. монастырь возвращен Русской Православной Церкви.

он никогда не надевал, говоря: «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски, вот и вериги наши, вот и власяница».

Образ жизни старца был до крайности суров. Даже в сильные морозы его келлия не отапливалась. Спал он, сидя на полу и прислонившись спиной к стене, либо положив под голову камень или поленья. Делал он это «ради умерщвления страстей».

Сам добывая себе пропитание, преподобный соблюдал очень строгий пост, питаясь один раз в сутки преимущественно овощами да черствым хлебом, небольшими запасами которого он делился с птицами и дикими животными. Не раз видели, как старец из рук кормил огромного медведя, служившего ему. Не вкушая пищу в среду и пятницу и в первую седмицу Святой Великой Четыредесятницы, преподобный Серафим со временем отказался от помощи со стороны обители, усилил воздержание и пост, питаясь около трех лет лишь травой снытью[1], которую сам сушил, заготавливая на зиму.

Стремясь к безмолвию, старец оградил себя от посетителей, однако иноков, желавших уединения, принимал ласково, не отказывая в наставлениях, но благословение на такой подвиг старался не давать, зная, какие искушения от диавола приходится претерпевать в уединении.

И действительно, враг рода человеческого принуждал преподобного Серафима «мысленной бранью» оставить подвиги и отказаться от спасения души. Но с Божией помощью, ограждая себя молитвой и крестным знамением, старец побеждал искусителя.

Восходя от силы в силу, подвижник усугубил труды, взяв на себя особый подвиг — столпничество. Каждый вечер на закате преподобный поднимался на большой гранитный камень, лежавший в лесу на полпути от обители к его келлие, и до рассвета с воздетыми к небу руками повторял молитву мытаря «Боже, милостив буди мне, грешному». С наступлением утра он возвращался в келлию и в ней, чтобы уравнять ночные подвиги с дневными, вставал на другой, малый камень, принесенный из леса, и оставлял молитву лишь для краткого отдыха и подкрепления тела скудной пищей. Тысячу дней и ночей, несмотря на мороз, дождь, зной и стужу, продолжал он это молитвенное стояние. Посрамленный диавол, оказавшись бессильным духовно победить

[1] Сныть — многолетнее травянистое растение, молодые побеги съедобны; другие названия: борщовник, дяглица, заячья капуста.

старца, задумал умертвить его и наслал разбойников, которые, угрожая расправой, стали требовать у него денег. Не встретив сопротивления, они жестоко избили подвижника, проломили ему голову и сломали несколько ребер, а затем, все сокрушив в келье и ничего не найдя, кроме иконы и нескольких картофелин, бежали, устыдившись своего злодеяния.

Утром преподобный с трудом добрел до обители. Восемь суток страдал он от нестерпимой боли, отказавшись от помощи врачей, вызванных настоятелем, предоставив свою жизнь воле Господа и Пречистой Его Матери. И когда надежда на выздоровление, казалось, исчезла, Пресвятая Богородица явилась старцу в тонком сне в сопровождении апостолов Петра и Иоанна Богослова и даровала ему исцеление, произнеся слова: «Сей — от рода Моего». В тот же день преподобный встал с постели, но еще пять месяцев пробыл в монастыре до полного выздоровления. Старец остался навсегда согбенным и ходил, опираясь на топорик или на посох, однако обидчиков простил и просил не наказывать.

Возвратившись в «дальнюю пустыньку», преподобный Серафим не изменил прежнего уклада жизни. По смерти настоятеля и своего духовного руководителя иеромонаха Исайи он принял обет молчания, сравнивая его с крестом, «на котором человек должен распять себя со всеми страстями и похотями». Жизнь его становится еще более сокрытой для окружающих: безмолвствует не только пустынь, безмолвствуют и уста старца, отрешившегося от всех житейских помыслов. «Паче всего должно украшать себя молчанием, — любил он впоследствии повторять наставления отцов Церкви, — ибо молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни единого... Молчание есть таинство будущего века», которое «приближает человека к Богу и делает его как бы земным Ангелом», «словеса же — орудия суть мира сего». Преподобный Серафим не выходил более к посетителям и, если встречал кого в лесу, падал ниц и не вставал, пока прохожий не удалялся.

По причине болезни ног он уже не мог посещать обитель. Пищу ему один раз в неделю приносил послушник, которого старец встречал со сложенными крестообразно на груди руками и отпускал, не взглянув на него и не произнеся ни слова. Только иногда он клал на лоточек частицу хлеба или немного капусты, давая тем самым знать, что следует принести в следующее воскресенье. В безмолвии преподобный провел около трех лет.

Благодатным плодом его подвижнической жизни явилось стяжание «мира души», который он считал драгоценным даром Божиим, самым важным делом в жизни христиан. «Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, — говорил преподобный обращавшимся к нему монахам, — сколь ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средством для достижения ее. Истинная цель жизни нашей христианской есть стяжание Духа Святого Божия».

«Радость моя, — наставлял старец, — молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя».

Обеспокоенные долгим отсутствием старца, новый настоятель игумен Нифонт и старшие из братии пустыни предложили преподобному Серафиму или приходить в монастырь по воскресеньям для участия в богослужении и причащения Святых Христовых Таин, или совсем вернуться в обитель. Старец избрал последнее, будучи не в силах преодолевать большие расстояния. Но, поселившись спустя 15 лет в прежней келлие, он продолжил подвиг молчания, никуда не выходя и никого не принимая, кроме больничного служки и священника, приносившего ему Святое Причастие. Началась жизнь в затворе перед иконой Божией Матери «Умиление», которую преподобный с любовью называл «Всех радостей Радость». Дубовый гроб, сделанный его руками и установленный по его просьбе в сенях, напоминал ему о часе смертном.

Неведомы подвиги старца в затворе, однако известно, что именно тогда преподобный Серафим удостоен был восхищения в Небесные обители.

Воспоминая о пережитом при этом блаженстве, святой старец впоследствии так наставлял послушника: «Если бы ты знал, какая сладость ожидает душу праведного на Небесах, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келлия наша (при этом он показал рукою на свою) была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той Небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголанные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той Небесной славы и радости не мог изъяснить и сам святой апостол Павел, то какой же другой язык человеческий

может изъяснить красоту Горнего селения, в котором водворятся души праведных?!

О той радости и сладости Небесной, которую там вкушал, сказать тебе невозможно». По свидетельству послушника, в конце беседы старец преобразился настолько, что стал как бы не от мира сего, являя собой воочию образ земного Ангела и Небесного человека.

После пяти лет затвора преподобный, по особому ему откровению, раскрыл двери своей кельи для всех ищущих духовного руководства, но еще не скоро снял обет молчания. Поучая приходящих лишь примером безмолвного жития, он стал готовить себя к служению людям.

25 ноября 1825 года Пресвятая Богородица в сопровождении святителей Римского Климента и Александрийского Петра явилась преподобному Серафиму в сонном видении и повелела выйти из затвора для врачевания немощных человеческих душ. Началось восхождение на высшую ступень монашеского подвига — старчество. К тому времени преподобный Серафим стяжал чистоту души и сподобился от Господа дара прозорливости и чудотворения. Он равно видел прошедшее и провидел будущее и давал советы, исполненные духа премудрости и добра.

На вопрос собеседника о том, каким образом он может, даже не выслушав нужды странника, провидеть его сердце, старец говорил: «Как железо ковачу, так я передал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю». «Сердце человеческое открыто одному Господу, и один Бог — Сердцеведец... А я, грешный Серафим, первое помышление, являющееся в душе моей, считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывается воля Божия для его пользы».

По молитве преподобного исцелялись многие, чьи тяжкие недуги не поддавались земному врачеванию. Первым, на ком проявилась его чудотворная сила, был Михаил Васильевич Мантуров — нижегородский помещик, вынужденный оставить военную службу из-за неизлечимой болезни. Воспоминания очевидцев сохранили подробности этого события, происшедшего в келлие старца за два года до его выхода из затвора. Получив от Мантурова искренние и горячие заверения в безусловной вере в Бога, преподобный обратился к нему со словами: «Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему

все возможно от Бога. А потому веруй, что и тебя исцелит Господь. А я, убогий Серафим, помолюсь». Знаменуя болящего елеем, святой старец произнес: «По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую». Тут же выздоровев, Мантуров с восторгом бросился к ногам подвижника, но был тотчас поднят преподобным, который строго сказал ему: «Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Это дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает. Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!»

В знак благодарения за оказанную милость Божию «Мишенька», как любил называть его преподобный, возложил на себя подвиг добровольной нищеты и всю свою жизнь посвятил устройству Дивеевской женской обители, исполняя деловые поручения старца.

Среди восставших от одра болезни и «служка» преподобного — симбирский помещик Николай Александрович Мотовилов, все последующее время находившийся под руководством старца и в общении с ним записавший его замечательные поучения о цели христианской жизни.

Оставив затвор, подвижник, по обычаю, стал удаляться в свою новую, «ближнюю пустыньку», устроенную недалеко от монастыря, в лесу, рядом с «богословским» родником, вода которого, по его молитве, стала совершать чудесные исцеления. Проводя здесь день в духовных и телесных трудах, старец к вечеру возвращался в обитель. При этом шел он, опираясь на палку, неся в руке топорик, а за плечами котомку, наполненную песком и камнями, поверх которых всегда лежало Евангелие. Когда же его спрашивали, для чего он носит такую тяжесть, старец смиренно отвечал словами преподобного Ефрема Сирина: «Томлю томящего мя».

Со всех концов России устремились в Саровскую обитель люди, желавшие получить от угодника Божия благословение. С самого раннего утра и до позднего вечера дверь его келлии в «ближней пустыньке» была открыта для всех, и не знало сердце преподобного различия между ними. Он не тяготился ни числом посетителей, ни их душевным состоянием. К каждому, видя в нем образ Божий, относился старец с любовью, всех встречал земным поклоном, целованием и неизменным пасхальным приветствием: «Радость моя, Христос воскресе!»

Для каждого у него находилось особое слово, которое согревало сердце, снимало пелену с глаз, озаряло ум, производило глубочайшее

впечатление даже на маловерных, обращая их на путь спасительного покаяния.

Последние годы своей жизни преподобный Серафим постоянно заботился о Мельничной девичьей общине. Устроенная по повелению Пресвятой Богородицы в Дивееве, обитель эта явилась четвертым Уделом Царицы Небесной на земле, местом Ее преимущественного благодатного попечения. По свидетельству старца, Божия Матерь Сама обошла эту землю, дав ему обещание быть всегдашней ее Игуменьей. Впоследствии вокруг общины была проложена канавка, начал которую преподобный. «Канавка эта, — говорил он, — стопочки Божией Матери. Тут ее обошла Сама Царица Небесная. Эта канавка до Небес высока. И как антихрист придет, везде пройдет, а канавки этой не перескочит».

Несмотря на преклонные годы, старец усердно трудился над сооружением первых монастырских построек — мельницы, келлий и храма Рождества Христова, заготавливая для этого лес, купленный на пожертвования своих посетителей. Он же составил и устав обители, воспитывавший сестер в духе любви, послушания и непрестанного подвига. Претерпевая за свое отеческое попечение о дивеевских сиротах клевету и оскорбления, старец так отвечал монахам, осуждавшим его труды: «Исповедую и Богом свидетельствую, что ни единого камешка я по своей воле у них не поставил, ниже слова единого от себя не сказал им и ни единую из них не принимал я по желанию своему, против воли Царицы Небесной». Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря хранит пророчества преподобного о судьбах обители, и всем им суждено было сбыться.

На склоне лет преподобный Серафим удостоился еще одного, двенадцатого и последнего при жизни, посещения Пресвятой Богородицы, которое последовало 25 марта 1832 года, в праздник Ее Благовещения, и явилось как бы указанием на его блаженную кончину: дав старцу обещание помощи и заступничества в земных трудах, в устроении Дивеевской обители, Царица Небесная сказала: «Скоро, любимиче Мой, будешь с Нами».

Получив откровение о грядущей кончине, преподобный стал к ней усердно готовиться. Силы старца заметно слабели, он не мог каждый день, как прежде, ходить в свою пустыньку и принимать многочисленных посетителей. «Мы не увидимся больше с вами, — говорил он своим духовным детям. — Жизнь моя сокращается; духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв». Он искал

уединения, подолгу предаваясь горестным размышлениям о несовершенстве земной жизни, сидя у гроба, приготовленного на случай его кончины. Но даже в эти дни, собираясь духом перейти в Небесные обители, старец не переставал заботиться о спасении человеческих душ, призывая пастырей повсюду сеять преподанное им слово Божие: «Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камне, сей при пути, сей и в тернии; все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро».

Накануне дня кончины преподобный Серафим пришел, по обычаю, в любимую им больничную Зосимо-Савватиевскую церковь к Божественной литургии, причастился Святых Христовых Таин, положил земные поклоны перед образами Господа Иисуса Христа и Божией Матери, поставил свечи ко всем иконам и приложился к ним, благословил и поцеловал братию, простился со всеми и сказал: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь нам венцы готовятся».

Несколько раз в тот день он подходил к месту у собора, которое выбрал для своего погребения, и подолгу там молился. Вечером из его келлии доносились пасхальные песнопения, а утром 2 января 1833 года старец иеромонах Серафим был найден коленопреклоненным, с крестообразно сложенными на груди руками, перед иконой Божией Матери «Умиление»: его чистая душа во время молитвы была взята к Престолу Господа Вседержителя.

Тело почившего старца было положено в сделанный его руками дубовый гроб и предано земле с правой, южной стороны от алтаря Успенского собора.

В продолжение семидесяти лет со дня кончины старца отца Серафима множество людей с верой в предстательство его пред Господом приходили к могиле подвижника, находя здесь утешение в своих скорбях и облегчение в страданиях. Ожидание прославления и уверенность в этом были столь сильны в народе, что задолго до канонизации в честь Саровского чудотворца готовились престолы, создавались жизнеописание и церковный образ. Верующий народ увидел в старце Серафиме самые дорогие и сокровенные черты подвижника Православия, навсегда поставив его как Духовника земли Русской в одном ряду с другим печальником и молитвенником о нас, игуменом земли Русской — преподобным Сергием Радонежским.

26 января 1903 года определением Святейшего Синода старец иеромонах Серафим был прославлен в лике святых. 19 июля, в день

рождения преподобного, с великим торжеством, в присутствии Царской семьи и при многочисленном стечении народа, совершилось открытие его честных и многоцелебных мощей. Святой старец провидел это событие, как и судьбу России, предупреждая ее о грядущих тяжелых испытаниях и гонениях на православный народ: «У нас (в Сарове) какая будет радость! Среди лета запоют Пасху! А народу-то, народу-то — со всех сторон! — И, немного помолчав, добавил: — Но эта радость будет на самое короткое время; что далее будет... такая скорбь, чего от начала мира не было! Ангелы не будут поспевать принимать души». При этих словах слезы текли у него из глаз.

Несмотря на то, что после революции были закрыты Саровская и Дивеевская обители и исчезли мощи преподобного Серафима, православный народ жил в надежде, что рано или поздно бесценная святыня будет обретена вновь. И Господь удостоил нас этой духовной радости.

11 января 1991 года в городе на Неве после долгих лет сокрытия честные мощи преподобного Серафима были вторично обретены и переданы Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. 7 февраля они были торжественно перенесены в Москву, в Богоявленский патриарший собор, для поклонения верующих, а 23 июля крестным ходом препровождены в Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь к месту земных подвигов старца.

Почитание Саровского подвижника особое у верующего народа. И жизнью, и молитвенным предстательством он близок душе православного человека, незримо пребывая с ним в его страданиях, испытаниях и упованиях. Потому по всей Руси и в храмах, и в домах находятся его святые иконы.

Преподобного Серафима чтят как Православные Церкви, так и христиане инославные. В ряде стран с именем Саровского чудотворца неразрывно связаны представления не только о русском православном монашестве и его нравственных богатствах, но и о характерных чертах православной духовности вообще.

Его наследие, этот неиссякаемый источник мудрости, изучается, а жития издаются в Греции, Франции, Австрии, Бельгии, США и других странах. Исполняется предсказание старца, данное им Н. А. Мотовилову: «Господь поможет Вам навсегда удержать это (учение о Святом Духе) в памяти Вашей... тем более что и не для Вас одних дано Вам разуметь это, а через Вас для целого мира».

Преподобный и богоносный отец наш Серафим Саровский, всея России чудотворец, усердный молитвенник и ходатай пред Господом обо всех обездоленных и нуждающихся в помощи.

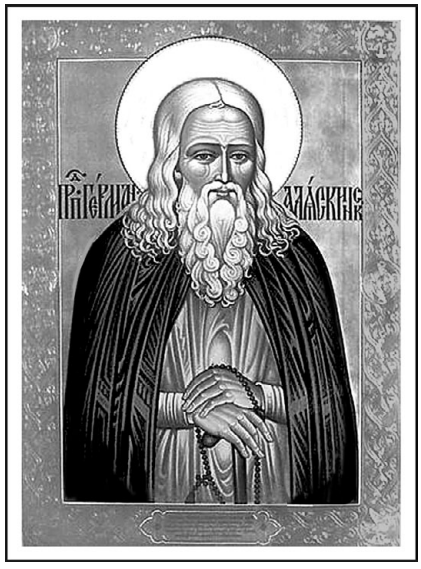
К нам и нашим потомкам обращены слова, сказанные старцем незадолго до его кончины: «Когда меня не станет, вы ко мне на гробик ходите! Как вам время, вы и идите, и чем чаще, тем лучше. Все, что есть у вас на душе, что бы ни случилось с вами, придите ко мне, да все горе с собой и принесите на мой гробик! Припав к земле, как живому все и расскажите, и я услышу вас, и вся скорбь ваша отляжет и пройдет! Как вы с живым всегда говорили, так и тут! Для вас я живой есть и буду вовеки!»

Память преподобному Серафиму Саровскому совершается дважды в год: 2 января — преставление (1833) и второе обретение мощей (1991) и 19 июля — обретение мощей (1903).

27-ГО ЧИСЛА
Преподобный ГЕРМАН АЛЯСКИНСКИЙ

Родился преподобный Герман в Серпухове в благочестивой купеческой семье около 1758 года. С самых юных лет возымел отрок Герман великую ревность к благочестию и шестнадцати лет от рождения пошел в монахи. Сначала поступил он в Троицко-Сергиеву пустынь в окрестностях Петербурга. Прожив в Сергиевой пустыни пять или шесть лет, он перешел в Валаамский монастырь.

Всею душою полюбил он величественную Валаамскую обитель; полюбил незабвенного настоятеля ее, великого старца Назария, и всю братию. На Валааме отец Герман проходил разные послушания. Испытав его ревность в трудах общежития, мудрый старец отец Назарий отпустил его потом на жительство в пустыню. Пустыня эта находилась в глухом лесу, в полутора верстах от обители. Подвиги преподобного на Валааме продолжались пятнадцать лет.



Преподобный
ГЕРМАН
АЛЯСКИНСКИЙ

Это было время расширения пределов России на Север: деятельностью русских промышленников были открыты Алеутские острова. С открытием островов обнаружилась необходимость просветить светом Евангельским их обитателей. Для этого святого дела по благословению Святейшего Синода высокопреосвященнейший митрополит Гавриил поручил старцу Назарию избрать способных людей из братии Валаамской. Избрано было десять человек, в числе их и отец Герман.

В 1793 году Духовная Миссия, образованная для проповеди христианства и крещения язычников — жителей Аляски и прилегающих к ней островов, отправилась из Петербурга на остров Кадьяк и прибыла на место назначения в 1794 году.

Святою ревностию проповедников быстро разливался свет проповеди Евангельской между новыми сынами России: несколько тысяч язычников приняли христианство; была заведена школа для образования новокрещеных детей, выстроена церковь в месте жительства миссионеров.

Монаху Герману Господь благословил потрудиться в Новом Свете дольше других. Под руководством начальника архимандрита Иоасафа (Болотова) Миссия достигла больших успехов. В 1794 году был освящен первый православный храм Воскресения Христова на острове Кадьяк. В 1799 году архимандрит Иоасаф в Иркутске был хиротонисан во епископа Кадьякского. Возвращаясь из Иркутска, преосвященный Иоасаф со спутниками погиб во время шторма в океане. Старец Герман фактически стал исполнять обязанности начальника «Кадьякской Миссии». Его хотели посвятить во иеромонаха и удостоить сана архимандрита с последующим назначением в Пекин, но инок отказался от повышения и пребывал до конца дней своих простым монахом, исполняя великий подвиг старчества. Преподобный Герман поистине был пастырем добрым и защищал жителей Кадьяка от произвола колонистов и предпринимателей. Православные миссионеры пришли к жителям Аляски и ее островов с проповедью любви и мира и обращались с приходившими к ним жителями, как с братьями.

Отец Герман жил сначала возле храма Миссии на Кадьяке, впоследствии переселился на близлежащий остров Еловый, который он называл «Новым Валаамом». Его современники были постоянными свидетелями подвижнических трудов отца Германа, его забот о больных во время губительных эпидемий и бесстрашного заступничества за подвергавшихся насилию. Подвиги и келейные молитвы старца оставались

почти неведомыми миру, но не мог укрыться от окружающих свет его благодатной жизни, исполненной самоотречения и нестяжательства. Беседа старца производила на слушавших его неизгладимое впечатление. Особенно поражали собеседников ясность его мысли, четкость и глубина суждений.

Как смотрел отец Герман на туземных жителей Америки, как понимал свое отношение к ним и как сочувствовал их нуждам, выражает он сам в одном из писем к правителю колонии: «Любезному нашему отечеству, — писал он, — Творец как будто новорожденного младенца дать изволил; край сей, который еще не имеет ни сил к каким-нибудь познаниям, ни смысла, требует не только покровительства, но по бессилию своему и слабого ради младенческого возраста — самого поддерживания; но и о том самом не имеет он еще способностей кому-либо сделать свою просьбу. А как зависимость сего народного блага Небесным Провидением, неизвестно до какого-то времени, отдана в руки находящемуся здесь русскому начальству, которое теперь вручилось вашей власти, сего ради я, нижайший слуга здешних народов и нянька, от лица тех пред вами ставши, кровавыми слезами пишу вам мою просьбу. Будьте нам отец и покровитель. Мы всеконечно красноречия не знаем; но с немотою, младенческим языком говорим: “Отрите слезы беззащитных сирот, прохладите жаром печали тающие сердца, дайте разуметь, что значит отрада!”»

Как старец чувствовал, так и поступал. Помогал нуждающимся чем только мог, — и алеуты и их дети часто посещали его. Кто просил совета, кто жаловался на притеснение, кто искал защиты, кто желал помощи — каждый получал от старца возможное удовлетворение. Любовь отца Германа к алеутам доходила до самоотвержения.

Однажды на корабле из Соединенных Штатов занесена была на остров Ситха, а оттуда на остров Кадьяк повальная заразная болезнь. Смертность была так велика, что три дня некому было копать могилы и тела валялись незарытыми. Во все время этой грозной болезни, продолжавшейся, с постепенным ослаблением, целый месяц, преподобный, не щадя себя, неутомимо посещал больных, увещевал их терпеть, молиться, приносить покаяние или приготовлял их к смерти.

Особенно старался старец о нравственном преуспеянии алеутов. С этою целью для детей-сирот устроено было им училище; он сам их учил Закону Божию и церковному пению. С этою же целью в часовне

близ его кельи в воскресные и праздничные дни собирал он алеутов для молитвы. Здесь разные молитвы читал для них его ученик, а сам старец читал Апостол, Евангелие и устно поучал их. Так приятно было его слушать, что беседующие с ним алеуты увлекались его словом и нередко только на закате дня нехотя оставляли его.

Преподобный Герман был сподоблен многих сверхъестественных даров от Бога.

Однажды отец Герман обратил одного морского капитана из лютеранской веры в Православие. Человек этот был весьма образован; кроме многих наук, он знал языки, но не мог устоять против убеждений и доказательств отца Германа и присоединился к Православной Церкви. Когда он отъезжал из Америки, старец при прощании сказал ему: «Смотрите, если Господь возьмет вашу супругу у вас, то вы никак не женитесь на немке; если женитесь на немке, то она непременно повредит ваше Православие». Капитан дал слово, но не исполнил его. Предостережение старца оказалось пророческим. Через несколько лет, действительно, умерла жена у капитана и он женился на немке; вероятно, он оставил или ослабил веру и умер скоропостижно без покаяния.

С кроткою любовью, не смотря на лица, обличал он многих в нетрезвой жизни, недостойном поведении и притеснении алеутов. Обличаемая злоба вооружалась против него, делала ему всевозможные неприятности и клеветала на него, обвиняя преподобного старца в возмущении алеутов против начальства.

Для проверок и расследований присылались «полномочные». Однажды служители обыскивали келлию отца Германа, предполагая найти у него большое имущество. Когда не нашли ничего ценного, один из них стал топором выворачивать половые доски. «Друг мой, — сказал ему тогда отец Герман, — напрасно ты взял топор; это орудие лишит тебя жизни!» Через некоторое время потребовались люди в отдаленный форт, и туда из Кадьяка послали русских служителей, в их числе и этого человека; а там местные жители ему сонному топором отсекли голову.

Однажды на Еловом острове случилось наводнение. Жители в испуге прибежали к старцу; тогда он вынес икону Божией Матери на отмель и стал молиться. По окончании молитвы, обратясь к присутствующим, сказал: «Не бойтесь, далее этого места, где стоит святая икона, не пойдет вода». Слово старца исполнилось. Старец обещал такую же помощь и на будущее время.

Барон Ф. П. Врангель по просьбе старца писал под его диктовку письмо одному митрополиту. Когда окончено и прочитано было письмо, старец поздравил барона с чином адмирала. Изумился барон; это была для него новость, которая действительно подтвердилась только через долгое время при выезде его в Петербург.

«Жаль мне тебя, любезный кум, — говорил отец Герман правителю колонии, — смена тебе будет неприятная!» Года через два правитель при смене с должности связанным был отправлен на остров Ситха.

Однажды загорелся на Еловом острове лес. Находясь с учеником своим Игнатием в чаще леса, старец провел на земле полосу и сказал: «Будьте спокойны, огонь не перейдет этой черты!» На другой день огонь с сильным напором достиг черты, но, пробежав вдоль нее, остановился, не коснувшись густого леса, находившегося за чертой.

Часто говорил старец, что в Америке будет свой архиерей, тогда как об этом никто и не думал, да и надежды не было, чтобы в Америке был свой архипастырь, но пророчество его сбылось в свое время.

Незадолго до кончины старец Герман потерял зрение, но хранил полную ясность ума и удивительную память.

Он предсказал духовным чадам время своей кончины и обстоятельства погребения. Повелев возжечь свечи пред иконами, старец блаженно почил при чтении Деяний святых апостолов. Кончина его последовала на 81-м году жизни, 13 декабря 1837 года. Над могилой преподобного Германа был поставлен простой деревянный крест, а впоследствии сооружен и деревянный храм, освященный во имя преподобных Сергия и Германа Валаамских, чудотворцев.

В 60-х годах XIX века в России уже было известно о местном почитании преподобного Германа на Кадьяке. В 1867 году один из аляскинских епископов составил записку о его жизни и чудотворениях. Исцеления по молитве старца Германа записывались в течение долгого периода (со времени его жизни и до 1970 года). Впервые сведения о житии преподобного Германа были напечатаны в Валаамском монастыре в 1894 году. В 1927 году русский архимандрит Герасим (Шмальц) прибыл на остров Еловый и оставался там до последних дней своей жизни. В 1952 году были составлены житие и акафист святому Герману. В 1969 году архимандрит Герасим открыл святые мощи преподобного Германа и положил их в специально построенной небольшой часовне.

9 августа 1970 года, в день памяти святого великомученика и целителя Пантелеимона, на острове Кадьяк было совершено прославление

старца Германа, жизнь и труды которого принадлежат к славным страницам истории Русской Православной Миссии в Северной Америке.

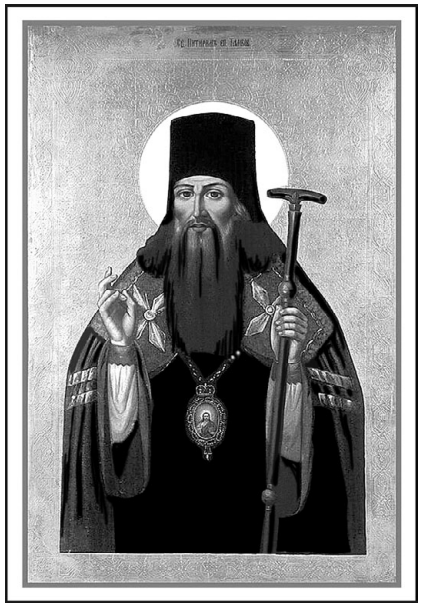
Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 1 декабря 1970 года имя преподобного Германа Аляскинского было включено в месяцеслов. Память его празднуется 27 июля.

28-ГО ЧИСЛА

Святитель ПИТИРИМ, епископ Тамбовский

Святитель Питирим, епископ Тамбовский, в миру Прокопий, родился 27 февраля 1645 года (или 1644 г.) в городе Вязьме Смоленской губернии. Его родители были благочестивыми христианами и привили любовь к Богу и Святой Церкви своим детям. Они научили Прокопия с благоговением чтить святые иконы, хранить православные обряды и предания. Изучив грамоту, Прокопий особенно полюбил чтение Слова Божия и житий святых отцов и подвижников Церкви Христовой. Это способствовало формированию духовного облика будущего святителя. Мальчик удивлял окружающих трудолюбием, обширными знаниями и зрелостью суждений. Частое посещение храма развило в нем любовь к богослужению и церковному пению. Одаренный тонким художественным восприятием, Прокопий был искусным певцом, а также живописцем. Позднее он написал копии почитавшихся в Вязьме смоленских чудотворных икон. Прокопий строго соблюдал посты, любил молиться и избегал праздных развлечений, детских шалостей и забав, что показывало его высокую аскетическую настроенность. Благоговея перед всеми святыми, Прокопий особенно чтил своего небесного покровителя — преподобного Прокопия Декаполита (VIII; память 27 февраля), в день памяти которого он родился.

Достигнув совершеннолетия и решив всецело посвятить себя Богу, Прокопий попросил благословения родителей и поступил послушником в Вяземский Иоанно-Предтеченский монастырь, основанный



Святитель
ПИТИРИМ,
епископ Тамбовский

преподобным Герасимом Болдинским († 1554; память 1 мая). Этот монастырь, расположенный вблизи Вязьмы, отличался строгостью устава, введенного его святым основателем. Вступив на путь монашеских подвигов, инок Прокопий с усердием стал подвизаться в посте, бдении и молитве. Неленостно исполняя возложенные на него монастырские послушания, он к обязательным трудам прилагал добровольные, стараясь никогда не быть праздным, читал наставления и жития святых отцов, стремясь в своей жизни подражать их подвигам.

На двадцать первом году жизни Прокопий был пострижен в монашество с именем Питирим. Через некоторое время он был рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха.

Своей подвижнической жизнью будущий святитель заслужил уважение монастырской братии и был избран во игумена. Опытный в духовной жизни, святой игумен умело управлял братией, милосердием и кротостью исправляя заблудших, примером своей жизни побуждал иноков к большему подвигу. В 1684 году он был возведен в сан архимандрита. Заботясь об укреплении в иноках духа строгого подвижничества, святой Питирим в своем служении проявил особую любовь к благолепию храмов. Под руководством мудрого наставника Предтеченская обитель достигла духовного расцвета.

Святой Питирим отличался глубоким смирением и кротостью. В своих трудах он все упование возлагал на помощь Божию.

С 1681 года, когда Вязьма отошла к Смоленской епархии, в Предтеченском монастыре поселился викарный епископ Смоленского митрополита. 1 сентября 1684 года святой Питирим по благословению патриарха Иоакима (1674–1690) получил новое церковное послушание — был назначен на Тамбовскую кафедру. 15 февраля 1685 года, в Неделю блудного сына, в Успенском соборе в Москве Святейший Патриарх Иоаким рукоположил его во епископа. Однако в Тамбов святитель отправился не сразу. Очевидно, на некоторое время он был оставлен при патриархе. Во время пребывания в Москве святитель Питирим изучил положение и нужды Тамбовской епархии и разработал план необходимых мероприятий для укрепления благочестия в своей пастве и распространения христианства среди иноверцев, составлявших большинство населения того края. Это были непросвещенные светом Христовой веры язычники (мордва, черемисы, мещера), магометане (татары), а также раскольники. Также здесь было много ссыльных и беглых преступников. Святителю Питириму предстояло

бороться с язычеством, сектантством и грубостью нравов. Укрепив себя на предстоящий подвиг постом и молитвой и испросив благословение у мощей Московских святителей и чудотворцев и преподобного Сергия, святитель Питирим в начале 1686 года выехал в Тамбов. По пути он заехал в Воронеж для духовной беседы со святителем Митрофаном Воронежским (память 23 ноября и 7 августа).

Торжественная встреча в первом же городе Тамбовской епархии — Козлове — смутила смиренного святителя, поэтому в Тамбов он въехал еще до восхода солнца в сопровождении нескольких монахов и своего келейника Василия, а в храме за ранним богослужением встретили его лишь немногие благочестивые христиане.

Из сохранившихся в записях дел святителя Питирима первым по прибытии на Тамбовскую кафедру значится выдача во дни Святой Пасхи 1686 года грамоты Козловскому монастырю на построение каменного соборного храма во имя Святой Троицы. Повсюду стали строиться храмы, благолепному украшению которых святитель Питирим придавал особое значение. Дело это было особенно трудным, но умелое руководство святителя позволило при малочисленных средствах достигнуть в этом значительных результатов. В Тамбове было построено несколько храмов — свой для каждой слободы города. После кончины святителя в епархии было 168 храмов.

Особую пастырскую заботу проявил святитель о монастырях. По его инициативе были построены мужской Тригуляевский во имя Крестителя Господня Иоанна (1691 г.) в семи верстах от Тамбова, в пустынном, окруженном лесами месте, и женский Вознесенский в Тамбове (1692 г.), игуменьей которого стала сестра святителя Екатерина. Тонко чувствуя красоту родной природы, которая возбуждала в нем молитвенную благодарность Творцу видимого мира, святитель Питирим при всякой возможности гулял в окрестностях Тамбова и предавался богомыслию. Однажды (это было 15 сентября 1688 г.), совершая прогулку с навестившим его святителем Митрофаном Воронежским и благочестивым иноком Иннокентием, он попросил у них совета — где выбрать место для мужской обители. Так на благословленном тремя благочестивыми мужами месте возник Тригуляевский монастырь.

Стараясь благолепно украшать храмы и монастыри, святитель Питирим заботился и о том, чтобы вид городов и селений был христианским. Так, сразу по прибытии в Тамбов на крепостных воротах

и в городских слободах, около караульных постов он установил распятия Христа Спасителя и иконы Божией Матери, которые привез с собой. Ограждая город иконами, святитель вверял его покрову Господа и Божией Матери и возбуждал в жителях благочестие. Привезенная святителем Питиримом копия чудотворной Смоленской иконы Божией Матери, написанная, вероятно, им самим, была поставлена в Преображенском кафедральном соборе Тамбова. Эта икона, привезенная святителем Казанская (написанная предположительно тоже им) и Ильинско-Черниговская, получившая затем название Тамбовской, иконы, и икона Святителя Николая прославились чудотворениями. Девпетерувскую (Питиримовскую) икону Божией Матери, родительское благословение (святитель не расставался с ней до конца жизни), святой Питирим завещал перед кончиной кафедральному собору.

Много трудов приложил святитель для крещения язычников и магометан и для вразумления раскольников. Край, где прежде процветали грабежи и разбой, благодаря трудам и молитве святителя Питирима стал краем религиозным. Обращения святителя к пастве отличались кротостью и доступностью. Объезжая свою епархию с проповедью учения Христова, святитель словом искренней любви к пастве, кротостью и смирением сеял в душах семена веры и благочестия. Святитель отличался удивительным снисхождением даже к нравственно падшим людям. Со всеми он был одинаково ровен и кроток, как истинный друг и брат. В то же время бывал и по-отечески требователен. Двери его дома были открыты для всех приходивших за советом и помощью. Нетребовательный в личной жизни, он все свои средства тратил на храмы, монастыри и нужды ближних. Избегая всяких удобств, святитель совершал поездки по епархии в простой повозке.

Вновь открытые храмы требовали новых пастырей. Одной из забот святителя Питирима была подготовка кандидатов в священники. Он неукоснительно требовал, чтобы прихожане избирали кандидатами только грамотных людей. В своем доме он устроил специальную школу, где сам готовил избранных к принятию священного сана.

В 1694 году святитель Питирим приступил к строительству каменного кафедрального собора. Он не только внимательно следил за постройкой храма, но и сам участвовал в строительных работах.

Закончен собор был уже после кончины святителя. При нем был освящен только южный придел в нижнем этаже — во имя святителя и чудотворца Николая. Новый собор святитель снабдил за свой счет необходимой утварью, ризами (одна из риз святителя Питирима была передана позднее святителю Иннокентию Иркутскому).

Святитель Питирим с детства любил богослужение. Он часто служил и заботился о благоговейном служении, внятном пении и чтении. Нередко он сам становился на клирос, чтобы научить певцов правильному пению. Святитель учил свою паству с благоговением относиться к священным предметам. Заботясь о торжественности богослужений, он установил в праздничные дни крестные ходы из соборного храма в тот храм, где были престольные торжества.

Слава о святительских трудах Тамбовского архипастыря распространилась за пределами епархии. О нем было хорошо известно при дворе Московских государей Иоанна и Петра Алексеевичей, которые неоднократно удовлетворяли прошения святителя Питирима о нуждах епархии. В 1690 году святитель Питирим участвовал в Соборе Русской Церкви, избравшем Святейшего Патриарха Адриана (1690–1700).

На архиерейской кафедре святитель Питирим не только не ослабил подвижнические труды, но еще более усилил монашеские подвиги. Среди благочестивых душевных занятий он не оставлял и физический труд. Около архиерейского дома святитель своими руками выкопал колодец, над которым позднее была построена часовня. С 1868 года к колодцу стал совершаться крестный ход для освещения воды. Однажды во время тяжелой болезни святителя Питирима Господь утешил его дивным видением. Во время молитвы святитель просил не здравия и продления жизни, но с любовью и надеждой испрашивал оставления грехов и дарования вечной жизни в Царстве Небесном. Он обратился с просьбой ходатайствовать об этом к своему покровителю, которому молился всю жизнь, — святому Прокопию Декаполиту. Во время этой молитвы ему явился преподобный Прокопий и стал молить о нем Господа. По молитве преподобного в облаке явился Спаситель и благословил святителя Питирима, что после кончины святителя было запечатлено на иконе над его гробницей.

После болезни, во время которой святителю явился Господь и преподобный Прокопий, святитель Питирим прожил еще около трех лет. Но силы не вернулись к нему, он постоянно недомогал и потому не мог

завершить многие из своих начинаний, в частности, достроить кафедральный собор. Кончина святого последовала 28 июля 1698 года, ему было 53 года. Он был с честью погребен в освященном им Никольском приделе нового кафедрального собора. Над могилой была устроена деревянная резная гробница.

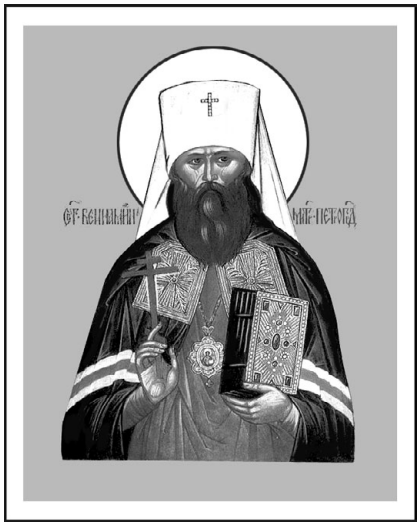
После блаженной кончины святителя Питирима его духовная связь с паствой не прервалась. Память святителя совершалась в Тамбовской епархии местно. От его гробницы совершались исцеления больных. В начале XIX века в Тамбовском кафедральном соборе была заведена книга, в которой отмечались случаи чудесного исцеления. Эти записи свидетельствуют, что к святителю Питириму с просьбой обращались не только православные, но и иноверцы. Божественные откровения побуждали людей со всех концов России ехать в Тамбов за благодатной помощью, истекавшей от гробницы еще не прославленного святого.

28 июля 1914 года святитель Питирим был причислен к лику святых Русской Церкви с определением совершать день церковной памяти 28 июля — в день праведной кончины.

31-го числа

Священномученик ВЕНИАМИН, митрополит Петроградский, и иже с ним убиенные священномученик архимандрит СЕРГИЙ и мученики ЮРИЙ и ИОАНН

Священномученик Вениамин родился в 1873 году в семье сельского священника Олонецкой епархии Павла Казанского и супруги его Марии и получил во Святом Крещении имя Василий. Окончив



Священномученик
ВЕНИАМИН,
митрополит
Петроградский

Олонецкую духовную семинарию, Василий Казанский поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию.

В студенческие годы окрепла в нем решимость всю свою жизнь посвятить служению Церкви Христовой. На втором курсе, в 1895 году, он принимает монашеский постриг с именем Вениамин, рукополагается в сан иеродиакона, а в следующем году — в сан иеромонаха.

В 1897 году иеромонах Вениамин оканчивает со степенью кандидата Духовную академию, и его назначают преподавателем Священного Писания в Рижскую Духовную семинарию. Вскоре петербургское начальство обратило внимание на молодого иеромонаха. В 1898 году он уже инспектор Холмской Духовной семинарии, в следующем году переводится на ту же должность в Санкт-Петербургскую Духовную семинарию. В 1902 году он был возведен в сан архимандрита и назначен ректором Самарской Духовной семинарии. В 1905 году архимандрит Вениамин вновь возвращается в Санкт-Петербург, получив назначение на должность ректора столичной семинарии.

Через несколько лет Господь призывает архимандрита Вениамина к высокому епископскому служению. 24 января 1910 года архимандрит Вениамин был посвящен во епископа Гдовского и назначен викарием Санкт-Петербургской епархии.

Святитель Вениамин особенно любил служить и возвещать слово Божие в храмах на рабочих окраинах Петербурга (с 1914 года — Петрограда) и особенно в церквах Путиловского и Обуховского заводов. Много делал владыка Вениамин для спасения падших женщин. Воздействие служб, личное обаяние и влияние наставлений епископа Вениамина были столь велики, что многие из них, пробудившись от греховного сна, оставляли свое гибельное занятие и возвращались к честной жизни. Он был искренне любим народом Божиим. Как пастырь добрый, владыка Вениамин всегда находил путь к сердцам простого люда Петербурга. И поэтому, когда в Петроградской епархии проходили альтернативные выборы правящего архиерея, духовенство и миряне, и в частности, питерские рабочие, избрали на кафедру своего любимого батюшку.

13 августа 1917 года, накануне открытия Поместного Собора Российской Церкви, архиепископ Вениамин был возведен в сан Петроградского митрополита. Новое высокое положение не только не отдалило архипастыря от паствы, но еще теснее духовно сблизило с ней.

После октябрьского переворота служение святителя Вениамина Церкви Христовой, как и многих архипастырей и пастырей, принимает направление, связанное с защитой прав православного народа. 10 января 1918 года митрополит Вениамин обратился в Совет Народных Комиссаров с заявлением, обличающим проект декрета об отделении Церкви от Государства. «Осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу», — писал Владыка.

13 января была предпринята попытка захвата Александро-Невской Лавры вооруженным отрядом матросов и красногвардейцев. 19 января попытка захвата повторилась. Предводитель вооруженного отряда матросов и красногвардейцев потребовал от святителя Вениамина очистить митрополичьи покои, а от епископа Прокопия — сдать им все лаврское имущество. За отказ выполнить это требование епископ Прокопий и все члены Духовного Собора были арестованы. В это время с лаврской колокольни раздался набат. Толпы народа стали стекаться в Лавру. Раздались крики: «Православные, спасайте церкви!» Отряд и его предводитель были обезоружены, арестованные освобождены. Монахи успокаивали возмущенную толпу. Один из них, спасая предводителя отряда, увел его через Тихвинское кладбище подальше от толпы.

Тем временем прибыл новый вооруженный отряд. Раздались выстрелы. Смертельно был ранен протоиерей Петр Скипетров. Духовенству потребовалось немало усилий, чтобы удержать людей от сопротивления захватчикам Лавры. На следующий день депутации от рабочих стеклянного и фарфорового заводов, а позже от рабочих Экспедиции заготовления государственных бумаг посетили митрополита Вениамина и выразили ему свою готовность охранять Лавру. В последующие дни многие верующие сутками не покидали Лавру.

Но дело не ограничивалось отдельными случаями захвата имущества Церкви, кощунства, издевательства над пастырями, их ареста и даже убийства. Новые власти дерзновенно покушались на само существование Православной Церкви.

Проходивший в Москве Священный Собор, оценивая декрет и действия властей, обратился с «Воззванием» к православному народу, в котором говорилось: «От века неслыханное творится у нас на Руси Святой. Люди, ставшие у власти и назвавшие себя народными комиссарами, сами чуждые христианской, а некоторые из них и всякой веры,

издали декрет (закон), названный “о свободе совести”, а на самом деле устанавливающий полное насилие над совестью верующих. По этому закону все храмы Божии и святые обители с их святынями и достоянием могут быть у нас отняты... Эти святыни — ваше достояние. Ваши благочестивые предки и вы создали и украсили храмы Божии и святые обители и посвятили это имущество Богу. Оберегайте же и защищайте веками созданное лучшее украшение земли Русской — храмы Божии, не попустите перейти им в дерзкие и нечистые руки неверующих, не попустите совершиться этому страшному святотатству. Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру Православную врагам на поругание.

Мужайся же, Русь Святая! Иди на свою Голгофу! С тобою Крест Святой, оружие непобедимое... А глава Церкви — Христос Спаситель — вещает каждому из нас: *Буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота* (Откр. 2, 10)».

Тем временем продолжалась мировая война. Митрополит Вениамин сделал распоряжение, чтобы в это тяжелое время, переживаемое городом и епархией, все епархиальное духовенство оставалось на своих местах. Не должны были вывозиться чудотворные иконы и другие чтимые святыни — они должны были оставаться с народом для его духовного утешения и укрепления.

29 мая в Петроград приехал Святейший Патриарх Тихон. Его присутствие и молитвы ободрили петроградскую паству во главе с митрополитом Вениамином накануне поистине скорбных дней. И такие дни пришли. Положение Православной Церкви становилось все тяжелее. Даже представители других вероисповеданий выражали ей сочувствие.

Летом 1918 года были арестованы и расстреляны протоиерей Философ Орнатский — знаменитый проповедник, много занимавшийся благотворительностью, устроитель детских приютов для бедноты; протоиерей Алексий Ставровский, настоятель Адмиралтейского собора, а осенью — кронштадтский протоиерей Григорий Поспелов.

Патриарх Тихон, мужественно обличая беззакония «вершителей судеб Отечества», писал: «Реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды. Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью

и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции».

1919 год не принес облегчения Православной Церкви. Продолжалось закрытие монастырей, было издано распоряжение «о полной ликвидации мощей», а в следующем году духовенство было лишено и многих гражданских прав. Труднейшие годы гражданской войны особенно болезненно переживались в Петрограде. Город был удален от хлебных губерний, что усиливало страдание от голода. Множество жителей бежало: представители состоятельных классов — за границу или на юг России, рабочие — в деревни, где было легче прокормиться. Многие погибли от голода и лишений. К концу гражданской войны в Петрограде оставалась лишь десятая часть довоенного населения. Голод в стране все усиливался и в 1921 году достиг ужасающих размеров, особенно в Поволжье. Летом 1921 года Святейший Патриарх Тихон обратился с воззванием «К народам мира и к православному человеку», а также к главам отдельных христианских Церквей (православным патриархам, римскому папе, архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому), призывая всех и на Родине, и за границей откликнуться на народное бедствие, постигшее Россию.

Тогда же Святейший Патриарх основал Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим. Святитель Тихон благословил жертвовать драгоценные церковные украшения и предметы, которые не имели богослужебного употребления. Святитель Вениамин без колебаний согласился оказать такую помощь, заявив, что Церковь Православная, следуя заветам Христа Спасителя и примеру великих святителей, для спасения от смерти погибающих всегда в годину бедствий являла образ высокой христианской любви, жертвуя церковное достояние. При этом он посчитал необходимым, чтобы пожертвования носили только добровольный характер.

Но правительство признало Церковный Комитет излишним, а добровольность сдачи жертвуемых ценностей — ненужным проявлением либерализма в отношении к Церкви.

Насильственное изъятие церковных ценностей под предлогом помощи голодающим началось в Петрограде в марте 1922 года. Приходское духовенство, запуганное событиями последних лет, относилось к изъятию большей частью пассивно. Однако оно и понимало, что если

действия митрополита не будут соответствовать намерениям властей, он будет немедленно устранен.

В это же время деятельное участие в церковной жизни стали принимать «церковники» — так называли многочисленную группу активистов мирян, в основном из интеллигенции, у которых события революции вызвали большой религиозный подъем. В Петрограде возникло крупное Общество объединенных петроградских православных приходов, куда вошла большая часть всех приходов города. Председателем Правления этого общества состоял профессор Петроградского Университета по кафедре уголовного права Юрий Петрович Новицкий.

Насильственное изъятие церковных ценностей вызывало массовые протесты верующих. Повсеместно народ охранял церкви, в случае появления комиссии по изъятию ценностей набат созывал верующих. Простые люди негодовали и были настроены намного радикальнее духовенства, часто действуя не только без его согласия, но даже и вопреки протестам священников. Наиболее энергично противились изъятию рабочие Путиловского завода. Открыто произвести акцию в путиловской церкви властям так и не удалось; пришлось проделать это ночью, тайком.

Поначалу власти заявляли, что единственная цель декрета об изъятии — помощь голодающим. Но вскоре проявились истинные, «строго секретные» цели правительства: не помощь голодающим, а упрочение безбожной власти, «бешеное и беспощадное» уничтожение духовенства. В ход были пущены ложные обвинения Церкви в контрреволюции, в сопротивлении власти и в ее нежелании помочь голодающим. Одновременно с изъятием ценностей ставилась задача внести раскол в духовенство — власть открыто брала под защиту священников, выступавших за изъятие. 24 марта 1922 года в «Петроградской правде» появилось письмо за подписью будущих столпов «Живой Церкви»: Красницкого, Введенского, Белкова, Боярского и других. Авторы письма обвиняли духовенство в контрреволюционности, в игре в политику, в народном голоде, требовали немедленной и безусловной отдачи советской власти всех церковных ценностей и т. д. (Введенский, как он сам признался впоследствии, пошел в Церковь, чтобы «стать реформатором и взорвать ее изнутри».) Так начался раскол, которому предстояло под внешними влияниями расширяться и углубляться.

Весной 1922 года, воспользовавшись привлечением патриарха Тихона к суду, прибывшая в Москву петроградская группа «революционного духовенства» в составе Введенского, Красницкого, Белкова и других путем обмана патриарха захватила высшую церковную власть в Церкви, образовав свое самочинное «Высшее Церковное управление».

Возвратившись в Петроград, Введенский 25 мая явился к митрополиту Вениамину и предъявил ему «Удостоверение», гласившее, что он «согласно резолюции Святейшего Патриарха Тихона является полномочным членом ВЦУ и командируется по делам церкви в Петроград и другие местности Российской Республики». «А почему здесь нет подписи Святейшего Патриарха?» — спросил митрополит Вениамин. «Но зато ВЦУ есть, а патриаршая резолюция дана черным чернилом на белой бумаге», — лукаво ответил Введенский. Митрополит Вениамин разоблачил подлог и, осознавая всю меру своей архипастырской ответственности, решительно выдворил новоявленных узурпаторов церковной власти и отлучил их от общения со Святой Церковью, доколе не принесут, по канонам Церкви, покаяния пред своим епископом. Такому отлучению подлежали и все присоединяющиеся к ним. Вскоре после отлучения к митрополиту Вениамину явился Введенский в сопровождении председателя Петроградской ЧК. Они предъявили святителю ультиматум: либо он отменит свое постановление о Введенском, либо против него и ряда духовных лиц по поводу изъятия церковных ценностей будет устроен процесс, в результате которого погибнут и он сам, и наиболее близкие ему. Митрополит спокойно выслушал угрозы и ответил категорическим отказом. Вскоре он был арестован.

В день ареста святитель Вениамин, вернувшись к себе в Александро-Невскую Лавру, застал в своих покоях следователя, многочисленных чекистов и стражу. При обыске в канцелярии присутствовал и Введенский как представитель ВЦУ, явившийся принять канцелярию. Увидев митрополита, он подошел к нему под благословение. «Отец Александр, мы же с вами не в Гефсиманском саду», — спокойно и вежливо сказал Владыка, не давая благословения. Священномученику было объявлено, что против него и других лиц возбуждено дело о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Арестованного митрополита Вениамина отвезли в «дом предварительного заключения», где он находился все дальнейшее время до своей мученической

кончины. Кроме митрополита к неправедному судилищу были привлечены большинство членов Правления Общества православных приходов, настоятели некоторых церквей, некоторые клирики, профессора Духовной академии, Богословского института и университета, студенты и просто люди, схваченные во время уличных беспорядков при изъятии ценностей, — всего 86 человек, большинство которых было взято под стражу.

Митрополит Вениамин и на скамье подсудимых оставался таким, каким был всегда: простым, спокойным, благостным. Он был центром всего процесса. На нем сосредоточивали внимание и враги, и безмерно любившие его верующие.

Другой замечательной личностью на суде был архимандрит Сергий[1]. Он жаждал пострадать за веру. Отсюда его пламенные, вдохновенные речи на процессе. Очевидцам процесса архимандрит Сергий напоминал мученика первых веков христианства, радостно торжествующего перед лицом изумленных палачей, в то время как митрополит являл образ древнего подвижника, благостного, спокойного, ушедшего от мира и полностью погруженного в созерцание и молитву.

Кроме них двоих, мученического венца сподобились Ю. П. Новицкий[2] и И. М. Ковшаров[3].

Все обвиняемые держались с достоинством, некоторые бесстрашно исповедовали свою солидарность с митрополитом.

«Дело» было составлено так, что отдельные эпизоды, имевшие место при изъятии ценностей в разных петроградских церквах и в различное время, были соединены и объявлены результатом злонамеренного подстрекательства со стороны «преступного сообщества», состоящего из митрополита и других лиц, — главным образом, членов Правления Общества петроградских православных приходов. «Вы спрашиваете, где мы усматриваем преступную организацию? — произнес обвинитель

[1] Архимандрит Сергий (в миру Василий Павлович Шеин) родился в 1866 г. в дер. Колпна Новосельского уезда Тульской губернии. Окончил училище правоведения (1893 г.), был членом IV Государственной Думы, входил в состав Секретариата Поместного Собора 1917–1918 гг.

[2] Новицкий Юрий Петрович родился в 1882 г. в г. Умани Киевской губернии. Окончил гимназию и Киевский университет. С 1914 г. доцент, затем профессор кафедры уголовного права Петроградского университета.

[3] Ковшаров Иван Михайлович родом из Одессы, юрист по образованию. Во время суда ему было 44 года.

в речи на суде. — Да ведь она перед вами! Эта организация — сама Православная Церковь, с ее строго установленной иерархией, ее принципом подчинения низших духовных лиц высшим и с ее нескрываемыми контрреволюционными поползновениями!»

В последнем слове священномученик сказал: «Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре — жизнь или смерть. Но что бы вы в нем ни провозгласили, я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение (при этом митрополит широко перекрестился) и скажу: слава Тебе, Господи Боже, за все...»

Профессор Ю. П. Новицкий указал, что привлечение его к делу объясняется лишь тем, что он состоял председателем Правления Общества объединенных православных приходов. В приписываемых ему деяниях он совершенно неповинен. Но если нужна в этом деле жертва, он готов без ропота встретить смерть, прося лишь о том, чтобы этим и ограничились и пощадили остальных привлеченных.

И. М. Ковшаров заявил, что знает, какая участь ждет его. Если на суде он давал объяснения в свою защиту, то только для того, чтобы закрепить в общественном сознании, что умирает невинным.

Сильное впечатление произвело последнее слово архимандрита Сергия. Он сказал, что монах, отрешившись от всех переживаний и треволнений внешнего мира, отдав себя целиком богомыслию и молитве, одной лишь слабой физической нитью остался привязан к сей жизни. «Неужели же, — сказал он, — трибунал думает, что разрыв и этой последней нити может быть для меня страшен. Делайте свое дело. Я жалею вас и молюсь о вас...»

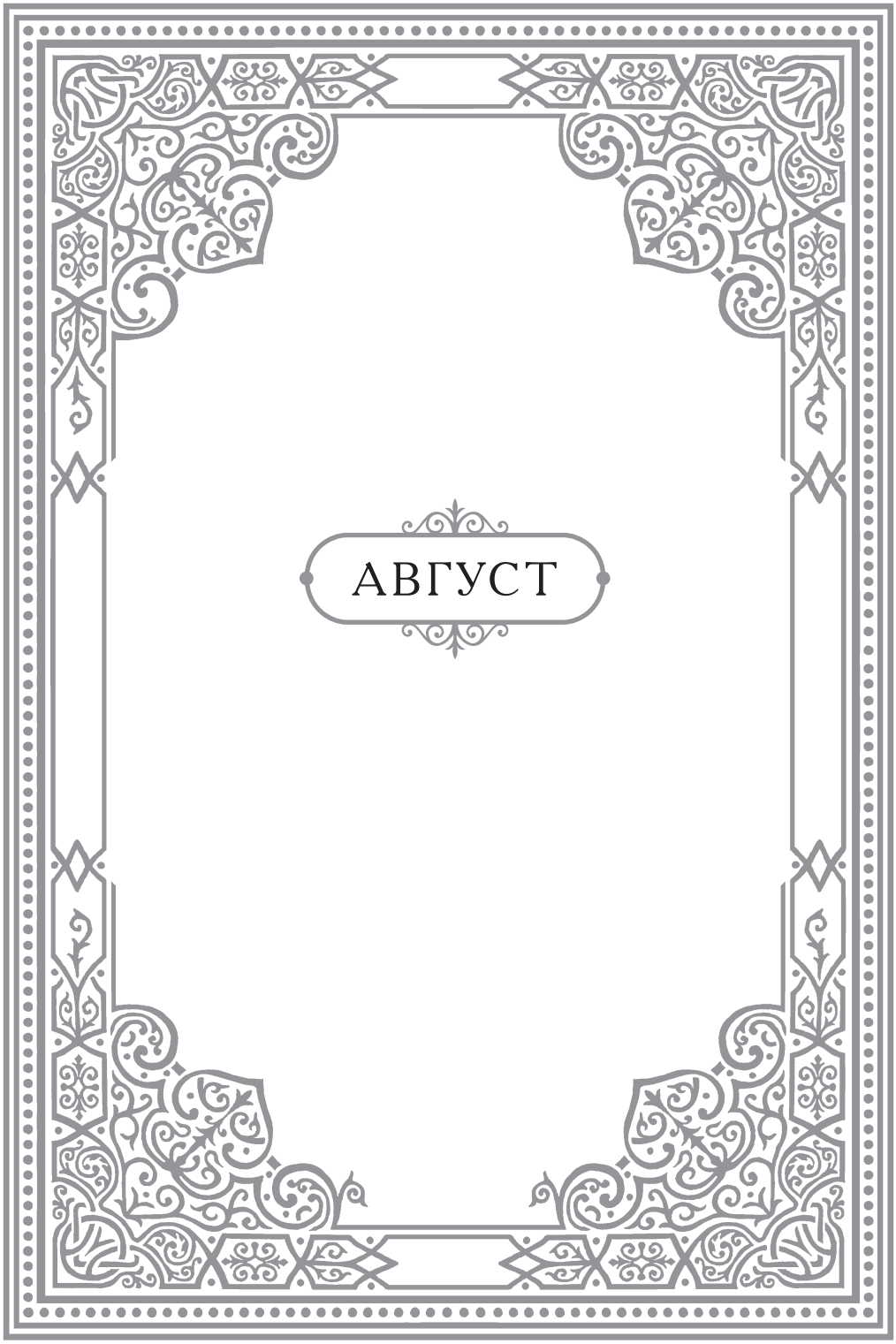
5 июля трибунал объявил приговор. К расстрелу были приговорены десять человек: митрополит Вениамин, архимандрит Сергий, Ю. Новицкий, И. Ковшаров, а также епископ Кронштадтский Венедикт (Плотников), протоиерей Н. Чуков (настоятель Казанского собора и ректор Богословского института, впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский), протоиерей Л. Богоявленский (настоятель Исаакиевского собора), протоиерей М. Чельцов (настоятель Троицкого Измайловского собора), Н. Ф. Огнев (профессор военно-юридической академии) и Н. А. Елачич.

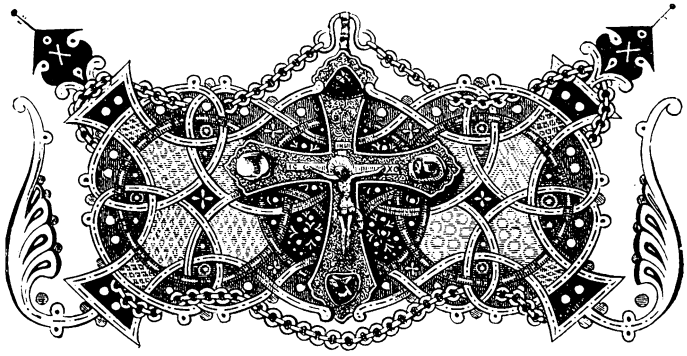
Потянулись долгие дни ожидания. Владыка Вениамин заочно прощался со своей возлюбленной паствой и использовал оставшиеся дни для последних назиданий. Как завещание, как напутствие на грядущие труднейшие годы и десятилетия звучат слова его последних

писем ученикам и сопастырям: «Нам ли, христианам, да еще и иереям, не проявить мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века?!»

В ночь на 31 июля четверо приговоренных были увезены из тюрьмы и расстреляны в нескольких верстах от Петрограда.

Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в 1992 году причислил к лику святых новомучеников: священномучеников митрополита Вениамина и архимандрита Сергия, мучеников Юрия и Иоанна, установив совершать им память 31 июля — в день мученической кончины — и в день Собора новомучеников и исповедников российских.

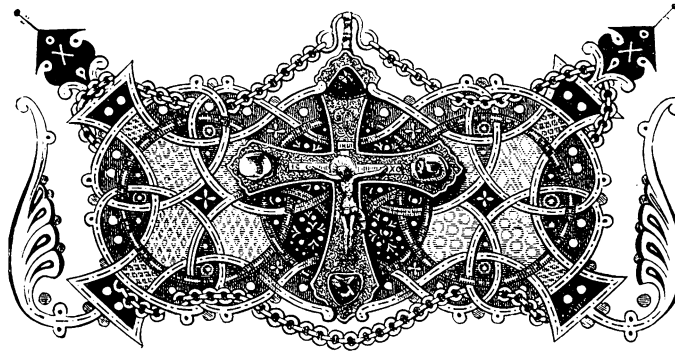

АВГУСТ



День первый

ПРАЗДНЕСТВО ВСЕМИЛОСТИВОМУ СПАСУ, ХРИСТУ БОГУ НАШЕМУ, И ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ МАРИИ, МАТЕРИ ЕГО

Сей праздник установлен в 1164 году, и в Греции и в России, по случаю полного торжества русских над болгарами и побед императора Мануила над магометанами арабами (см. в житии благоверного князя Андрея Боголюбского — 30 июня); только там, по краткости выражения, может быть, вкралась неточность или недоговоренность. Нужно бы сказать: «Постановлено праздновать Спасу Всемилостивому и Пречистой Его Матери».



День второй

Священномученика ФРУКТУОЗА, епископа Таррагонского, и с ним двух диаконов АВГУРИЯ И ЕВЛОГИЯ

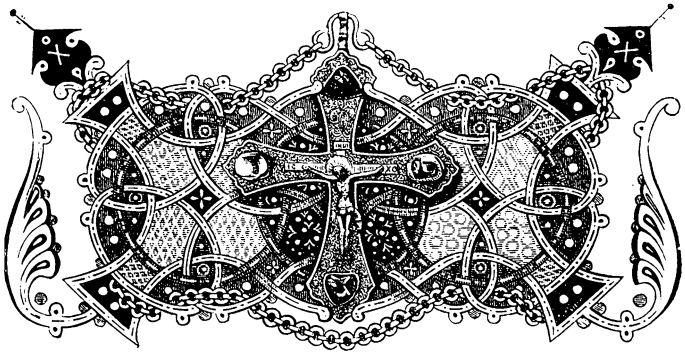
Святой Фруктуоз есть первый известный епископ города Таррагоны, в Испании. Древняя запись о мученической кончине его и диаконов с ним такова.

В царствование императора Валериана, в консульство Эмилиана и Басса, 16-го января в день солнца (в воскресенье) взяты были епископ Фруктуоз и диаконы Августий и Евлогий. Епископ покоился уже в своей спальне, когда шесть бенефициариев (соответствующие нашим жандармам, из заслуженных солдат) вошли в дом и сказали ему: «Иди с нами; презус (praesus) велел представить тебя и твоих диаконов». Фруктуоз ответил: «Мы пойдем, только позвольте надеть мне башмаки». Когда они были приведены, то немедленно отправлены в темницу. Тут их посещали братья (т. е. верующие), прислуживали им и просили молитв о себе. На другой день епископ в тюрьме крестил некоего Рогациана, дотоле бывшего оглашенным (готовившимся ко крещению).

Чрез шесть дней, именно 21 января, они выведены были на суд. Презус Эмилиан сказал: «Введите епископа Фруктуоза, Августия

и Евлогия». Из канцелярии суда последовал ответ: «Они здесь». Презус сказал епископу: «Слышал ли повеление императоров?» Епископ: «Я не знаю, что повелели они; но я христианин». Презус: «Они повелели чтить богов». Епископ: «Я почитаю Единого Бога, сотворившего небо и землю, и море, и все, что в них». Презус: «Признаешь ли, что есть боги?» Епископ: «Не признаю». Презус: «Скоро ты уверишься в существовании их». Епископ обратил взоры ко Господу и начал тихо молиться. Эмилиан промолвил: «Кто не молится богам, не уважает лика императора, к кому еще может молиться в надежде быть услышану?» Затем сказал Авгурию: «Не слушай болтовни Фруктуоза». Диакон Авгурий: «Я молюсь Богу всемогущему». Эмилиан сказал тогда Евлогию: «Не молишься ли ты Фруктуозу?» Евлогий: «Не Фруктуозу я молюсь, а Тому, Кого умоляет Фруктуоз». Тогда презус спросил Фруктуоза: «Ты епископ?» Фруктуоз: «Я епископ». Эмилиан: «Ты был епископ, и больше не будешь». И осудил всех трех исповедников на сожжение живыми.

Когда Фруктуоз с диаконами приведен был в амфитеатр, то весь народ выказывал ему сострадание, потому что даже и у язычников пользовался он любовью. Но когда некоторые предложили ему вина для подкрепления, то Фруктуоз сказал: «Еще не наступило время разрешать пост». Тогда был четвертый час дня, а древние христиане в среду и пяток постились до девятого часа. Утешив сопровождавших и преподав им благословение, блаженный епископ с диаконами бестрепетно принял мученическую смерть († 259).



День третий

Преподобной ПЕЛАГИИ ТИРСКОЙ

Дети мои! Это пишу я вам, чтобы вы не согрешали; а если бы кто согрешил, то мы имеем Ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, праведника. Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира (1 Ин. 2, 1–2).

Господь поддерживает всех падающих и восставляет всех низверженных... Близок Господь ко всем призывающим Его... Желание боящихся Его Он исполняет, вопль слышит и спасает их... (Пс. 144, 14, 18, 19).

Исполнение этих утешительных слов не следует ли каждый раз вслед за тем, что сокрушенная раскаянием душа воззовет к Богу с верою теплою и несомненною в Его всемогущую помощь?..

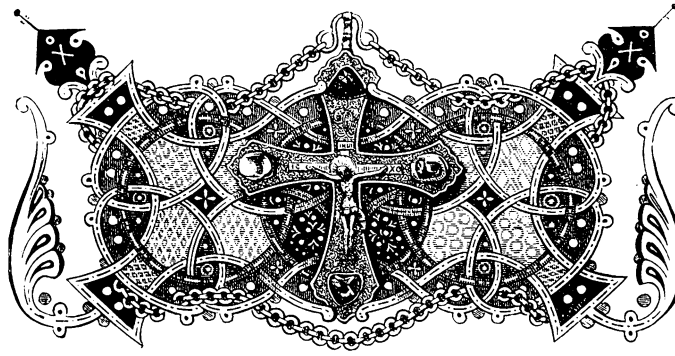
Так было и в жизни воспоминаемой сегодня святой Пелагии Тирской. Погрязшая в нечистую жизнь, Пелагия однажды, при виде одного отшельника, проходившего по городу, пораженная, может быть, невольным благоговением, которое внушала его наружность, такая противоположная всем тем, которых она привыкла видеть вокруг себя, — внезапно сознала все недостоинство своей собственной жизни...

И вот, в порыве стыда и благодатной тоски, она остановила отшельника криком, вырвавшимся из глубины ее смущенной души: «Отец мой! спаси меня, как Иисус Христос спас блудницу!»

Отшельник, со свойственною святому человеку простотою, взял за руку эту женщину и пошел с нею в монастырь, находящийся за городом.

Не бесплоден был порыв раскаяния Пелагии. Благодать Божия изобильно отозвалась на него и очистила ее душу, и дала ей силу отречься от мира, к которому она была привязана грешною любовью. Подвигами сурового иночества искупила она свою прежнюю распущенную жизнь, и не только сама обрела путь спасения, но примером своим подействовала на обращение к Богу и многих других.

Святая Пелагия преставилась в 502 году.



День четвертый

Святых семи отроков Ефесских: МАКСИМИЛИАНА, ЕКСАКУСТОДИАНА (он же — Константин), ИАМВЛИХА, МАРТИНИАНА, ДИОНИСИЯ, АНТОНИНА и ИОАННА

Все они были дети знаменитых граждан города Ефеса, воины, юноши, жившие во время гонения на христиан от императора Декия. Это было ужасное гонение. Христиан брали и разыскивали везде для того, чтобы принуждать их участвовать в идольских жертвоприношениях; некоторые из них, устрашась мук, покорялись, но твердые в вере неустрашимо исповедовали ее и не отступали ни перед страданиями, ни перед мучительною смертью. Тела их бросались при дорогах или вешались на городских стенах. Многие христиане скрывались за городом, в пещерах. Между ними были и воспоминаемые сегодня Церковью семь отроков, которые, скрываясь от гонения, ушли из города и поселились в пещере горы Охлон для приготовления себя к подвигам за веру постом и молитвою. Декий, узнав об этом, велел завалить камнями вход в пещеру, причем двое из придворных, тайно исповедовавших

Святые
семь отроков Ефесских

веру Христову, Феодор и Руфим, среди камней положили оловянные дощечки, написав на них имена погребенных заживо в пещере семи отроков. Между тем, по неисповедимым определениям Своим Бог, послав им сон смертный, сохранил их нетленными и неизменными для чудного пробуждения их во славу Его и в свидетельство истины слова Его — через два столетия после того...

Чудное пробуждение отроков, уснувших во время гонения Декиева (около 250 г.), совершилось в царствование Феодосия Младшего (408–450 г.), когда восстали еретики, отвергавшие воскресение мертвых, несмотря на возвещенное в Евангелии, что *Мертвые услышат глас Сына Божия и, услышавши, оживут* (Ин. 5, 25). В это время нового смущения в Церкви и проявилось наглядное свидетельство истины возвещенного Христом воскресения мертвых.

Владелец селения на горе Охлон, где была заваленная пещера, в которой упокоились семь отроков двести лет тому назад, вздумал сделать ограду для своих овец; рабы его, строя ограду, брали те камни, которыми загромождена была когда-то пещера, о существовании которой они не подозревали. Выкапывая камни из горы, они случайно сделали отверстие во внутренность пещеры. В это время отроки ожили, не зная того, что они пробудились не от простого, но от смертного сна...

Когда один из них на рассвете дня пошел купить пищу в городе, то старинная монета, поданная им купцу, послужила поводом к обнаружению необычайного происшествия. Разговор с отроком, думавшим, что еще продолжается гонение от Декия, окончательно обратил на него общее внимание, и когда слух о нем дошел до епископа, то, расспросив отрока, он уразумел во всем этом тайну Божию и, услышав от него о других отроках, оставшихся в пещере, пожелал видеть их и отправился туда с наместником в сопровождении множества народа. При входе в пещеру епископ, рассматривая внимательно ее обстановку, нашел среди камней медный запечатанный ящик и, раскрыв его в присутствии всех, увидел там две оловянные дощечки, положенные Феодором и Руфимом, которые разъяснили всем загадочные слова воскресшего отрока. Все были поражены и прославляли Бога, дивного в чудесах Своих...

Император Феодосий был немедленно уведомлен об этом событии: «Повели прислать честных мужей видеть чудо, которое Господь совершил в твое царствование, — писали Феодосию Младшему епископ

и наместник, — потому что в наши дни проявился образ будущего воскресения из мертвых...»

Но царь прибыл сам в Ефес со множеством сопровождавших его верующих и «поклонился святым отрокам, которые, после довольной беседы с ним, уснули вечным сном в присутствии царя до всеобщего воскресения». Феодосий велел сделать семь серебряных ковчегов и положить в них тела отроков, но они явились ему в ту же ночь в сонном видении и просили его оставить их почивать в пещере, как они почивали прежде.

Поразительность этого события и потом собор в Ефесе в 431 году были причиною того, что известие о нем быстро распространилось по всему христианскому миру. Достоверность же события подтверждается сильными доказательствами со стороны многих уважаемых писателей и свидетелей. Писатель святой Иоанн Колов (память его 9-го ноября), современник этого события, говорит о нем в жизни Паисия Великого 19 июня. Православный епископ Саругенский Иаков из Месопотамии из начала VI века, сирский писатель, оставил описание этого события; перевод его известен был Григорию Турскому в том же веке. Мароните сирийцы, в VII веке отделившиеся от Православной Церкви, чтут в своей службе святых отроков. Они находятся в Ефиопском календаре и древних Римских мартирологах. История их была известна самому Магомету и многим арабским писателям. Григорий Турский говорит, что сии мужи даже до сего дня в том самом месте почивают, одетые в шелковые и тонкие полотняные одежды. Западные писатели VIII и XI веков говорят также о мощах их в пещере.

Хотя и существуют некоторые разногласия касательно года обретения святых отроков и имени епископа, при котором они восстали, но все писавшие об этом событии сходятся в том, что относят его к царствованию Феодосия Младшего.

Пещера отроков доныне показывается близ Ефеса в ребрах горы Приона. Судьба мощей их неизвестна с XII века, в начале которого игумен Даниил видел их еще в пещере[1].

[1] *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. В 2 т. М., 1875–1876. Т. II (далее — *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. —*Ред.*).

Святого священномученика равноапостольного КОСМЫ

Воистину Божий человек, учитель и проповедник, Косма был родом из Этолии, из селения Великое Древо. Родители его — благородного происхождения почтенные люди — дали ему хорошее научное и настоящее христианское воспитание, так что с молодых лет он был уже способен и склонен к высокому подвижничеству. Он начал его в Филофеевской обители на Афоне, где был пострижен в иночество и скоро за свою святую жизнь по общему желанию и убедительным просьбам отцов был рукоположен в иеромонаха.

Когда Косма жил еще в мире, у него было постоянно сильное желание послужить своим знанием на пользу братий-христиан. «Какую великую нужду в Божием слове имеют мои братья-христиане! — часто говаривал он, — и люди образованные должны стремиться в особенности учить простой народ, живущий в грубости и в великом невежестве, не руководствуясь корыстными расчетами, сопряженными с трудами при Дворе или в богатых домах». Однако же по своей скромности и смирению Косма не решался вступать на поприще учительства, не считая еще себя достаточно приготовленным к этому высочайшему и ответственному званию.

Между тем призвание к учительству определялось в нем все более и более, и однажды, когда он, размышляя о своей любимой мысли, читал Священное Писание, как бы ища в нем ответа на свое недоумение, то, встретив слова Апостола: *Никто не ищи своего, но всякий — пользы другого...* (1 Кор. 10, 24), Косма принял их за вразумление свыше и решился испытать свое заветное желание.

Испросив на это позволение у своих духовных отцов, он отправился в Константинополь и, получив здесь письменное дозволение и благословение патриарха, Косма стал ревностно проповедовать Евангелие по городам и селам. И благотворна была его проповедь при содействии Божией благодати; дышавшее кротостью и удивительною простотою слово его трогало и умиляло даже ожесточенные сердца и возбуждало людей к покаянию и исправлению. Поэтому все стали говорить, что явился в народе новый апостол.

По наставлению Космы и в больших и малых селениях учреждались училища, в которых дети учились Священному Писанию, что много способствовало к развитию благочестия в народе. Особенно успешна была просветительная деятельность Космы на острове Кефалонии. Вообще, повсюду проповедь его сопровождалась многими знамениями и чудесами.

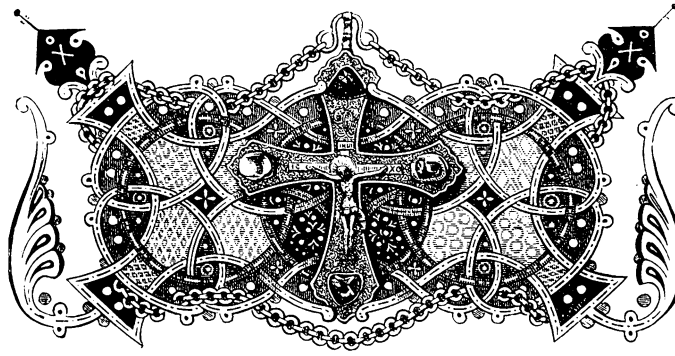
Косма не раз высказывал в своих поучениях, что он призван проповедовать Самим Иисусом Христом и что из любви к Нему он готов пролить кровь. Эти слова оказались пророческими. По происками евреев, не терпевших христианского проповедника, турки тайным образом коварно удавили Космы в бытность его в Албании.

С радостью, благодарением и горячею молитвою принес Богу в жертву жизнь свою верный последователь и проповедник учения Его, и таким образом исполнилось его заветнейшее земное желание...

Святой Косма пострадал 4-го августа 1779 года.

Святого мученика
ЕЛЕВФЕРИЯ

Уроженец Малой Азии и кубикуларий (постельничий — придворный чин) императора Максимина. Взявши отпуск в свое имение близ Никомидии, принял Святое Крещение и устроил церковь в нижней части дома своего. Один из слуг Елевферия открыл это императору при посещении имения, и поелику святой не хотел принести жертвы богам, то был тут же обезглавлен (около 310 г.). Мощи его из Константинополя перенесены в южноиталийский город Теате в 1303 году.



День шестой

ПРЕСТАВЛЕНИЕ святого ФЕОКТИСТА, епископа Черниговского

Блаженный Феоктист до поступления на кафедру Черниговскую подвизался в обители преподобных Антония и Феодосия. Он столько успел здесь в жизни духовной, что, по известию Поликарпа, был в числе тех великих старцев, которых молитвою исцелен был прельщенный Никита[1]. В 1103 году, по кончине игумена Иоанна, он был избран и посвящен в игумена Лавры. В 1108 году построена им в Лавре на иждивение князя Глеба каменная трапезница. В том же году упросил он великого князя Святополка просить митрополита Никифора, дабы имя преподобного Феодосия внесено было в синодики святых всей России, и преподобный Феодосий внесен в число святых[2]. При нем в Печерской лавре видимо было особенное явление в воздушных пространствах, которое поразило современников, к их пользе душевной[3]. Люди, считающие себя умными, смотрят на все легко, пропускают все мимо ушей; но умнее ли они тех, которые назидаются такими явлени-

[1] *Поликарп (Печерский).* Слово о Никите Затворнике // Киево-Печерский патерик.
[2] Собр. л. 1, 120. 2, 288. 7, 21; Никон. л. 2, 40.
[3] Собр. л. 1, 121. 2, 288.

ями во спасение души своей? В январе 1113 года преподобный игумен Феоктист был посвящен в епископа Черниговского; в Чернигове все были рады тому, потому что предшественник Феоктиста Иоанн долго лежал больной, почему давно не видели архипастырского служения; особенно же радовалась княгиня, так как он ей был духовным отцом[1]. В мае 1115 года святитель был при перенесении мощей святых князей Бориса и Глеба в новый каменный храм, построенный Черниговским князем Олегом[2]. В том же году погребал он сего князя в Черниговском Спасском соборе[3], а в следующем году княжну инокиню Предславу, сестру Черниговского князя Давида[4]. Князь Давид, кроткий, добрый, благочестивый, служил утешением для добродетельного пастыря. Лишившись (1120 г.) сына Ростислава[5], благочестивый князь и по любви к сыну и по благоговению к святым князьям Борису и Глебу, из которых последний был соименным ему по крещении, построил близ собора каменный храм в честь святых князей Бориса и Глеба. Блаженный святитель с радостью освятил его[6]. Близкий ко времени князя Давида проповедник Черниговский говорил: «Представлю вам пример не из чужой земли. Давид Святославич ни с кем не заводил вражды. Пусть иной поднимал войну: он останавливал эту войну покорностью; он княжил в великом княжестве, потому что был старший из братьев. Если кто допускал несправедливость в отношении к нему, он все переносил на себе. Целовал ли кому крест? Не изменял слову во всю жизнь. Пусть другой не выполнял слова пред ним: он выполнял свое, — никого не обижал, никому не делал зла. Братья, видя его таким, слушались его, как отца, а повиновались ему, как государю. Мирно было княжение его... Не скажет ли кто-нибудь, что не имел он жены? Нет, он имел детей. Николай Святоша был сын его и еще было двое других. Или не скажет ли кто, что не имел он дома и потому мог выполнять заповедь Господню? Случалось же мне не раз слышать, некоторые невежды говорят: не можем спастись с женою и детьми. Вот князь имел не один дом, а много. Князь всей Черниговской земли исполнил заповедь Божию, в течение всей жизни ни с кем не имел ссоры... Стыдитесь же,

[1] Собр. л. 2, 3. 289. 3, 4.
[2] Собр. л. 2, 6. См. 2 мая о свв. кн. Борисе и Глебе.
[3] Собр. л. 1, 127. 2, 7.
[4] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. II, прим. 288.
[5] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. II, прим. 225.
[6] Книга степенная. Ч. 1.

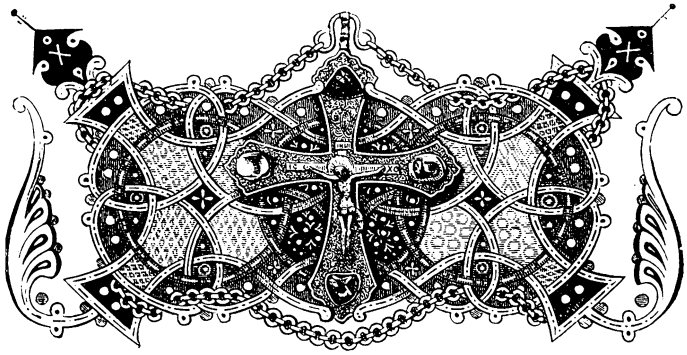
враждуя с братьями и единокровными»[1]. В новом храме князь Давид готовил себе усыпальницу: так помнил он о смерти! 1 августа он лежал на смертном одре. Любивший его святитель, заметив близость его к смерти, велел петь канон Кресту Господню, хранителю от духов злобы. В это самое время влетел белый голубь и сел на грудь умирающего; князь скончался, и голубь отлетел. Почившего князя отпели в Спасском соборе и положили в новом Борисоглебском храме[2]. Любившие друг друга князь и святитель недолго были в разлуке: 9 августа почил и блаженный епископ Феоктист[3]. По рукописным святцам и в каноне Киевским святым он поставлен в числе святых Киевской лавры, а в одном списке святцев прямо сказано: «Положен бысть в Печерском монастыре». Итак блаженный Феоктист на месте иноческих подвигов своих ожидает дня воскресения общего[4].

[1] Слово на день святых Бориса и Глеба, сказанное до монголов / Изд. Погодин М. П. // Москвитянин. 1843; Книга степенная. Ч. 1.

[2] Книга степенная. Ч. 1.

[3] Собр. л. 1, 128. 5, 9; Никон. л. 5, 54.

[4] Ркп. святцы: «св. Феоктист, епископ Черниговский, бысть в л. 6597 — 1089 апр. В 29 д.». Это год исцеления Никиты. «Положен бысть в Печерском монастыре» — сказано в Отенских святцах. Мелетий Сириг в каноне, после Ефрема и Исаии, молит иерарха Феоктиста (Акафист. Киев, 1674).



День седьмой

Святого преподобномученика ДОМЕТИЯ ПЕРСА и двух учеников его и преподобного НУРВЕЛА архимандрита

Дометий принял крещение и иночество в Нисивии в Месопотамии; потом, заметив недоброжелательство к нему иноков, во избежание поводов к нему удалился в Феодосиополь, или Ризину, на восточном берегу Евфрата; здесь в монастыре Сергия и Вакха был поставлен диаконом; но когда игумен Нурвел хотел поставить его пресвитером, то он удалился в горы за реку Евфрат — в пределы Кирра — в Сирии и подвизался в пещере. Здесь прославился он святою жизнью и чудесами, которыми обратил ко Христу множество окрестных идолопоклонников.

Существует сведение[1], что Иулиан, отправляясь на войну с персами и проходя через Кирростику, увидел перед пещерою множество народа, ожидающего исцелений от святого Дометия, и велел закласть его в пещере, в которой подвижник и скончался с двумя своими учениками в 363 году. В продолжение двух лет после того мощи преподобномучеников

[1] *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. II.

лежали в пещере, заваленные камнями. В это время у одного путешествующего купца верблюд сломал около этого места передние ноги, но, попав ногою в пещеру, был исцелен. По этому случаю припомнили о месте кончины святых и с честью изнесли из пещеры их мощи.

В Константинополе существовал во имя преподобного Дометия монастырь при патриархе Мине.

О святом Нурвеле, архимандрите монастыря Сергия и Вакха, известно, что он был таким строгим подвижником, что в продолжение 60-ти лет не вкушал никакой вареной пищи, спал мало и то стоя и опираясь на посох.

Преподобного ПИМЕНА, постника Печерского

Воздержание преподобного Пимена доходило до такой степени, что он вкушал пищу только раз в день и то в самом небольшом количестве, и это пощение внешнее было лишь соответственным выражением подвига внутреннего воздержания от неугодных Богу поступков, мыслей и чувств.

Преподобный Пимен был игуменом Печерским с 1132 по 1141 год. Мощи его покоятся в Феодосиевых пещерах в Киеве.

Святого НАРКИССА, епископа Иерусалимского

Научен вере мужами апостольскими и занимал Иерусалимский престол после Долихиана; в 197 году был участником Палестинского собора (в Кесарии) по вопросу о праздновании Пасхи, возбужденному

Виктором, папою Римским. Три человека из ненависти к нему оклеветали его в нарушении целомудрия и в подтверждение своей клеветы призывали на главу свою разные казни от Бога, если донос несправедлив. Потому Наркисс скрылся в неизвестности; но при третьем по нем преемнике (через 10 лет) клевета обнаружилась самими клеветниками, пораженными теми самыми казнями, на которые обрекали себя, и Наркисс явился в Иерусалим.

По смерти епископа Гордия (211 г.) христиане убедили его вновь занять престол; а как он по преклонной старости (имея 116 лет) не мог исправлять свое служение, то в сотрудники ему был избран некий епископ Александр, прибывший на богомолье в Иерусалим. Наркисс скончался в 213 году.

Преподобного ОРА

«Лицом и взором светел, самим видением честен и благолепен», преподобный Ор сначала подвизался в отдаленной Фиваидской пустыне и был начальником многих монастырей, где было под руководством его до 1000 иноков. В преклонной старости, по откровению свыше, поселился он близ города в устроенной им обители, около которой развел своими руками дубраву на месте, где не произрастало прежде никакого растения. Подвижничеством достиг высокой духовности и был прославлен даром прозорливости.

Однажды, когда преподобный Ор жил в уединении и при нем был только один ученик, то, когда наступил праздник Пасхи, ученик сказал авве: «Вот и Пасха, надо нам ее праздновать». «Я забыл, что теперь Пасха, — отвечал подвижник и, выйдя из келлии, вознес руки к Небу и простоял так три дня неподвижно, устремив к Богу все свои помышления. Потом, возвратясь к ученику, сказал: — Вот я по силе своей и отпраздновал Пасху! Пасха инока в том, чтоб ум его, непричастный никакой молве, ни суете мира, всецело устремился к Богу...»

Мирно преставился подвижник в глубокой старости, около 390 года.

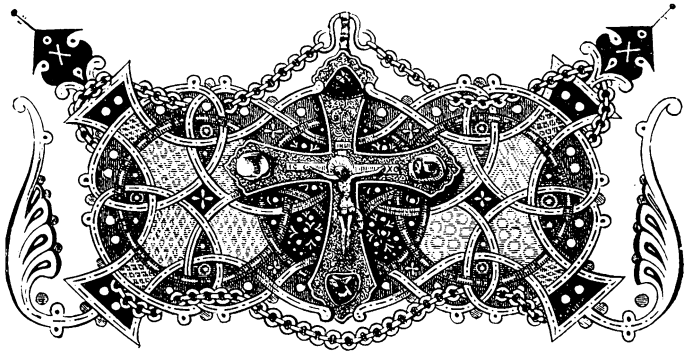
Святых мучеников МАРИНА ВОИНА и АСТЕРИЯ СИНКЛИТИКА

Марин был воин и несмотря на то, что исповедовал христианскую веру, был уважаем даже язычниками за его доблести и добродетельную жизнь.

Он принял мученическую смерть за то, что отказался принести присягу с призыванием языческих богов, которую потребовали от него по поводу повышения его в высшую должность по службе.

В это время в Кесарии Палестинской, где должна была совершиться казнь над христианином, случилось быть сенатору Астерию, приехавшему из Рима, и который также исповедовал христианскую веру. Не утаил ради страха смерти своего благоговения к мученику и этот твердый исповедник Христов: сняв с себя богатую одежду, он завернул в нее окровавленное тело и голову казненного воина Марина и отнес их в свой дом для того, чтобы предать его останки христианскому погребению. Язычники взяли и Астерия, и он был также осужден на смертную казнь.

Святые Марин и Астерий пострадали около 260 года.



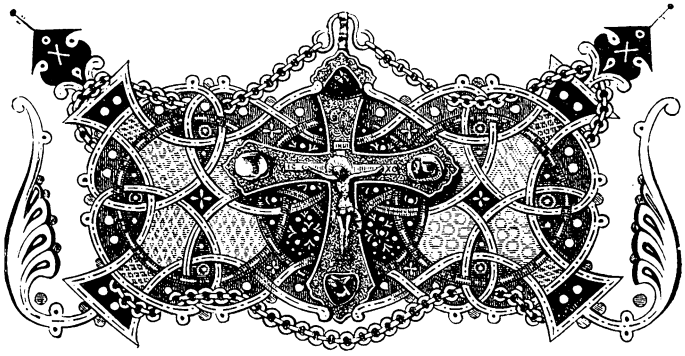
День восьмой

Святителя ЕМИЛИАНА ИСПОВЕДНИКА, епископа Кизического

Емилиан вместе с другими епископами (см. 23 мая и 8 марта) сослан императором Львом Армянином в 815 году за несогласие осудить почитание икон. На убеждения императора сказал: «Если это вопрос церковный, как сам говоришь, то пусть исследуется в Церкви по обычаю. Исстари церковные вопросы исследуются в церквах, а не в царских палатах». Скончался в 820 году в изгнании.

Преподобного ГРИГОРИЯ, чудотворца Печерского

При строгом подвижничестве никогда не разрешал себе иной пищи, кроме невареной (травы) и, давая ее больным, приходящим к нему, исцелял их. Скончался в XIV веке. Мощи его покоятся в Феодосиевых пещерах, в Киеве.



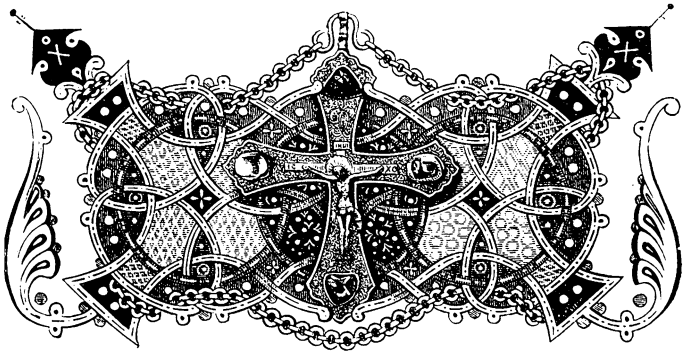
День девятый

Святых мучеников ИУЛИАНА, МАРКИАНА, ИОАННА, ИАКОВА, АЛЕКСИЯ, ДИМИТРИЯ, ФОТИЯ, ПЕТРА, ЛЕОНТИЯ, МАРИИ патриции и других

Пострадали в Константинополе за ниспровержение (19 января 730 г.) лестницы с воином, который послан был снять образ Спасителя на кресте, находившийся на вратах великого дворца императорского и пользовавшийся особенным уважением. Войско разогнало народ, многих избило, а эти десять лиц схвачены, как главные виновники, и в продолжение восьми месяцев содержались в темнице, где подвергались бичеванию и терпели клеймение раскаленным железом; наконец обезглавлены (730 г.).

Преподобного МАКАРИЯ ОРЕДЕЖСКОГО

Ученик преподобного Александра Свирского (30 августа), основатель Успенской пустыни на реке Оредеже, в Олонецком уезде; преставился мирно в 1532 году. Мощи его покоятся в церкви упраздненного монастыря.



День одиннадцатый

Преподобного НИФОНТА, патриарха Константинопольского

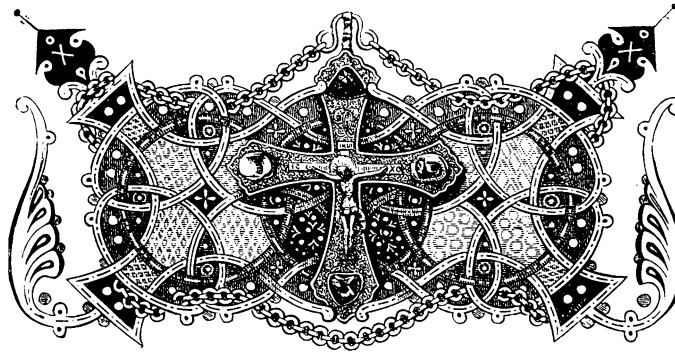
Родом из Мореи, подвизался на Афоне, в ските святого Предтечи, откуда был возведен на святительство в Солунь, потом на престол Константинопольский и наконец был владыкою Сербии. Из Сербии удалился в Ватопедский монастырь, где, скрыв свой сан, бывший патриарх исправлял, как вновь поступивший послушник, все черные работы. По особенному откровению был узнан в обители, и раз, когда он возвращался из леса, куда ездил за дровами, все братья вышли к нему и торжественно приветствовали его как патриарха. «Кончился искус терпения твоего, светильник вселенной! — сказал ему настоятель, целуя его руку. — Довольно было смирения твоего для смирения собственной нашей немощи...»

Впрочем, и прославленный, святитель не перестал подвергать себя всей строгости иноческой жизни, не переставал и разделять с братиею всякого рода труды, хотя от старости, бедствий[1] и изгнаний был уже немощен и слаб в телесных силах. Кроме прочих занятий, он посещал немощных, утешал печальных. «Я, — говорит составитель жизни святого Нифонта, кир Гавриил, тогдашний прот Святой Горы, — много раз приходя в обитель и оставаясь там для слушания назидательных

[1] См. подробное жизнеописание прп. Нифонта в «Афонском патерике».

бесед его, видал, что он то копал в огороде, то помогал на мельнице, то спускался к пристани для разгрузки и нагрузки кораблей, и трудился таким образом неутомимо, чтобы другие на него не роптали... При всем том нашлись люди, которые все труды и подвиги смиренного Нифонта порочили, приписывая их лицемерию, а сладкие беседы его называли пустословием. Он же, зная, что все это — действие духа зла, только молил Бога о силе к перенесению искушений до конца, а потому и врагов своих прощал, молясь об их спасении и забывая о высоте своего достоинства».

Достигнув 90-летнего возраста, преподобный Нифонт мирно скончался 11 августа 1460 года и прославлен от Бога еще при жизни и по смерти многими чудотворениями.



День пятнадцатый

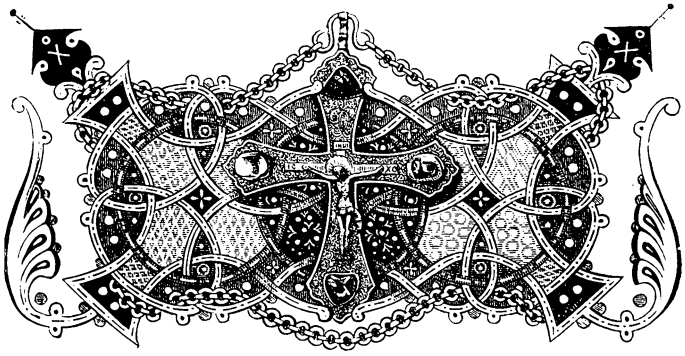
ПРАЗДНОВАНИЕ ОВИНОВСКОЙ ИКОНЕ БОГОРОДИЦЫ

Овиновская икона Богородицы пребывает в Паисиевом мужском монастыре Костромской губернии. Во время княжения Димитрия Донского некто боярин Иоанн Овинов, живший на берегу Галичского озера, поусердствовал обветшавшую церковь в монастыре Николаевском, близ которого жил, возобновить. В день воскресный вышел Иоанн посмотреть место строения храма и, когда приблизился к воротам монастырским, увидел внезапно двух прекрасных юношей, несущих ему навстречу икону Матери Божией. Они кротко ему сказали: «Радуйся, Иоанн, родители твоей супруги посылают тебе сию икону Пречистой Богоматери и заповедали соорудить церковь во имя ее и святителя Мирликийского». Иоанн простерся ниц пред святою иконою и, приняв ее, внес в монастырскую ограду, поставил на том месте, где хотел соорудить церковь, и рассказал игумену и братии о чудном видении. Овинов соорудил храм во имя Успения Богородицы и поставил в нем данную ему икону, которая и стала называться Овиновскою. Когда великий князь Московский Василий Васильевич Темный в 1433 году воевал против родного дяди своего Георгия Дмитриевича Галичского и взял Галич: чудотворную икону со всеми драгоценными ее украшениями перенес в Москву и поставил в соборной церкви. Но икона чудным образом явилась на прежнем месте. Это явление прославило икону еще более и соделало предметом особенного благоговения для верующих.

Преподобного отца нашего МАКАРИЯ, Лезенского чудотворца

О преподобном Макарии из устного народного предания известно, что он родом был римлянин, по прибытии из своего отечества в Россию избрал местом своего уединения небольшой островок среди топкого болота, находящегося неподалеку от небольшой речки Лезены, или Грезены, в 110 верстах от Новгорода. На этом островке преподобный Макарий устроил себе небольшую землянку и жил в ней, пребывая в строгом посте и молитвах. Долгое время убежище его от мира никому из людей не было известно, но впоследствии Господь открыл его через охотников, которые во время охоты на зверей, сбившись с дороги, долго времени искали ее, наконец увидели дым из курящейся землянки, а в ней пустынножителя, преподобного Макария, который после молитвы подкрепил их небольшою крошкою сухого хлеба, а затем, по наставлении в добродетелях, указал им дорогу к их жилищам. С этого времени охотники стали посещать преподобного, а вместе с ними и другие окрестные жители, которые приносили ему все необходимое для существования. Избегая человеческой молвы, преподобный удалился с пустынного островка за три версты от него, в глухое лесистое место, находящееся близ самой речки Лезны, и там построил себе вторично убогую хижину, усугубив в ней свои молитвенные подвиги. В скором времени стали стекаться к преподобному сподвижники благочестия, с которыми преподобный Макарий устроил небольшую деревянную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы и основал пустынный монастырь, в коем был много лет игуменом. Угодник Божий остальное время своей жизни провел в подвигах поста и молитвы и мирно скончался в своей обители, не позже XV века.

Мощи преподобного Макария Лезенского почивают под спудом в Макариевской, упраздненной с 1764 года, пустыни, которая находится от города Новгорода к северу в 110 верстах, от станции Любань в 20 верстах, на левом берегу речки Лезны. Местная память преподобного Макария совершается 15-го августа. В этот день в пустыни бывает большое стечение богомольцев.



День шестнадцатый

† ПАМЯТЬ преподобного ИОАКИМА ОСОГОВСКОГО

Преподобный Иоаким[1] был один из четырех великих отшельников болгарских, возбудивших своими подвигами сотни и тысячи между болгарами к христианскому подвижничеству. Первым был святой Иоанн Рыльский; подвиги преподобного Иоакима совершались в последней половине XI века.

Почувствовав непреодолимое желание подвизаться в уединении, Иоаким молил Господа указать ему место уединенное. Помолившись в малом храме села Нового Градца, он сел на паперти церковной. Добрый и богатый боярин того места вступил в разговор с ним, и когда Иоаким сказал, что желал бы наедине подвизаться, но не знает удобного места, боярин указал ему место самое удобное. «Под крылом горы Осоговской, — говорил боярин, — при реке Скупище в местности Бабин дол есть пещера глубокая, защищенная скалами, — вот тебе место, — спасайся там о Господе». Преподобный благодарил Бога за открывшееся место, близкое к его желаниям, и просил боярина по временам вспоминать о его нищете своею милостью.

[1] Болгарское сказание о нем издано Ламанским в: Записки Императорской Академии Наук. Т. 6. Известно оно и по Гласнику (Кн. 11). Оно многословно; берем нужное из него.

Поселясь в пещере, он подвизался здесь немало времени в посте и коленопреклоненных молитвах, не знаемый никем. Уже пред кончиною его, по смотрению Божию, нашли его два зверолова. «Вы что-то печальны», — сказал им старец при встрече. «На этой горе, — отвечали они, — всегда имели мы счастливый лов, а на этот раз бродили несколько дней и ничего не поймали». «Дети! — отвечал старец, — день к вечеру близится; отдохните у меня эту ночь, а завтра утром ступайте вот в ту сторону и с вершины горы идите в дом свой». Охотники наутро встретили на вершине горы самый счастливый лов. Один из них пришел к старцу благодарить его за совет. «Божие благословение с вами», — сказал старец. С того времени в доме охотников появилось довольство. Спустя недолгое время охотники пришли посетить старца, но уже нашли его почившим. Благодарные, они до смерти своей приносили свечи на могилу преподобного. Кончина его последовала, как открыл он в загробном явлении своем, «пред великим мраком прежде осми лет»[1].

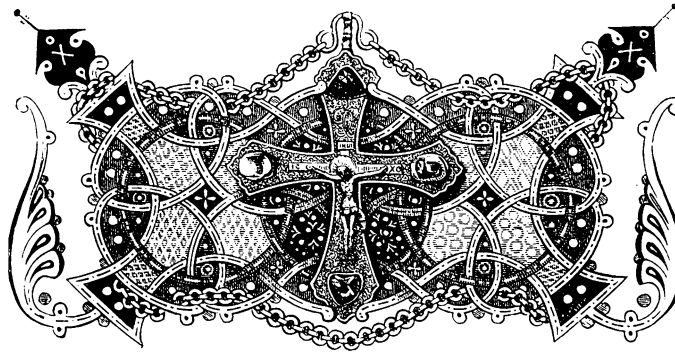
Немало времени прошло после того; при императоре Мануиле (1143–1179) Бог благоволил прославить раба Своего. Священник села Осмидола страны Овчепольской Феодор, овдовев, положил оставить мир и, слышав о месте подвигов блаженного Иоакима, отправился к Осоговской горе с решимостью подвизаться отшельнически там же, где проводил равноангельскую жизнь Иоаким. Является ему во сне преподобный и спрашивает: «Куда идешь ты?» Феодор сказал о своем желании. Преподобный оградил его крестным знамением и, вынув сосуд, отер водою ему голову, лицо и руки. «Иди, чадо, с миром», — прибавил преподобный. Проснувшись, Феодор от радости омыл лицо свое слезами. Приняв иночество с именем Феофана, он построил храм на месте подвигов преподобного, обрел гроб его и по неоднократному явлению преподобного открыл мощи его в общее назидание. При мощах совершались чудеса.

В Сербском синаксаре XIII века под 16 августа: «Преподобного отца нашего Иоакима Осоговского».

По Сербской летописи, благочестивый краль Милютин построил храм «святому отцу Иоакиму».

---

[1] В русских летописях солнечное затмение 19 марта 1113 г. (*Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. В 7 тт. М., 1846–1857. Т. IV (далее — *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. —*Ред.*). Если преподобный указывает на это затмение, то кончина его последовала в 1105 г.



День семнадцатый

† ПАМЯТЬ преподобного ФИЛИППА ЯНКОВСКОГО

По рукописным святцам, «преподобный Филипп бысть на Сухоне реце, новый чудотворец». Преподобный Филипп несколько лет подвизался отшельнически на Янковой горе, в двух верстах от Устюга. Набожные устюжане, уважая жизнь его и желая видеть вблизи обитель молитвенников, выпросили дозволение построить на месте его пребывания обитель. В 1654 году построен был храм в честь иконы Знамения Богоматери, с приделом во имя вновь прославленного святителя Филиппа. Под руководством опытного в духовной жизни отшельника собрались ревнители благочестия; но преподобный не принял на себя сана и скончался иноком около 1662 года.

Мощи преподобного Филиппа покоятся под спудом в храме обители его[1].

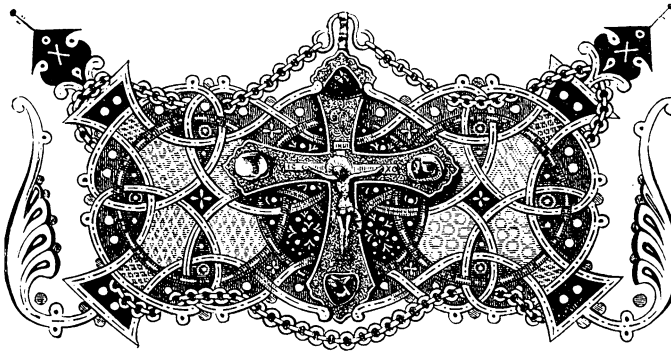
[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Словарь исторический о святых российской церкви. СПб., 1836 (далее — Словарь святых. —*Ред.*).

Святого мученика МИРОНА ПРЕСВИТЕРА

Мирон, пресвитер в Ахайи, пострадал в царствование Декия, в 251 году. Он был взят на мучение в то время, как совершал Божественную службу в храме в самый день Рождества Христова. После различных истязаний его бросили в разожженную печь, из которой он вышел невредимым, между тем как были опалены пламенем до 150 человек, близ стоявших. Но это чудо не вразумило, а довело до ярости гнев мучителя, который, после многих новых истязаний, осудил Мирона на обезглавление. Казнь была совершена в городе Кизике, куда был отведен мученик.

Преподобного ИЛИИ КАЛАВРИЙСКОГО

Во время иконоборства иноки греческие, преследуемые на Востоке, часто искали приюта на чужой стороне. Особенно же много их переселилось в Италию, куда они приносили иконопись, запрещенную на Востоке, и — строгие правила восточного монашества. В горах Калабрии поселилось тогда столько подвижников, образовалось столько монастырей и пустынных скитов, что эту страну сравнивали с древним Египтом, в котором процветало монашество. Иноки греческие отличались строгою жизнью и нередко — высоким образованием. Преподобный Илия был настоятелем одного из этих монастырей (по названию Меликукка), основанных изгнанниками из Греции. Прославленный святостью жизни, он мирно скончался в Солуни в 903-м году.



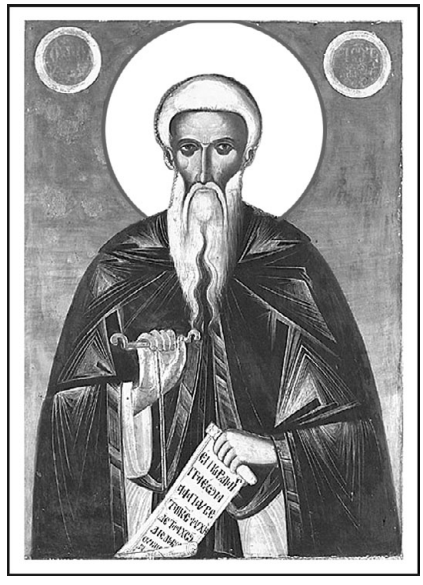
День восемнадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ИОАННА РЫЛЬСКОГО

Преподобный отец наш Иоанн[1], великий между подвижниками, был из пределов города Средца, из села называемого Скрином[2]. Родители его были люди благочестивые и не очень богатые, из племени болгарского. Когда они умерли, а он с юности возлюбил Господа: то оставшееся ему имущество роздал он бедным и больным; а сам, приняв монашество, вышел из родины своей, нося на теле своем одну кожаную одежду. Взойдя на высокую и голую гору, стал тут подвизаться, питаясь лишь диким растением. Хижина его была сплетена тут из хвороста.

[1] О св. Иоанне: а) известия, писанные тогда, когда мощи его лежали в Средце: аа) служба ему в Минеях за август (см.: ркп. XII в. Парижской б-ки, № 23) — здесь сказано об Иоанне: «в наши дни явися, преподобне», аб) житие св. Иоанна в ркп. б-ки общества Сербской словесности (списки службы и жития доставлены профессором Лавровским); б) известия, составленные по перенесении мощей в Тернов: ба) сказание синаксаря 1340 г. (см.: ИОРЯС. Т. VIII), бб) описание жития, составленное патр. Евфимием около 1380 г. Передаем текст синаксаря с дополнениями Евфимия и других источников.

[2] Синаксарь говорит еще: «в царство Христолюбивого Петра царя Болгарского». Это неточность. К первой половине царствования Петра относятся последние пустынные подвиги преподобного. Так как он скончался 70-ти лет в 945 г., то рождение его было в 876 г. при кн. Борисе.



Преподобный
ИОАНН РЫЛЬСКИЙ

Спустя недолгое время разбойники напали на него ночью и, избив, прогнали отсюда. Он нашел глубокую пещеру и поселился в ней. Сюда пришел к нему молодой племянник Лука, который, скрывшись от отца, едва нашел дядю в скалах диких. Так трудно было найти тут отшельника, что сам он, увидав издали отрока, счел появление его за мечту. С любовью принял Иоанн юного племянника и особенно обрадовался, когда услышал, что тот жаждет душевного спасения. Они стали подвизаться вместе. Брат, узнав, что сын его скрывается у дяди, закипел гневом и злобою на Иоанна. Найдя его в пещере, он ругал его всячески и даже поднимал на него камень. Преподобный молчал. Отец, ухватив сына, потащил его за собою. Иоанн пал на землю и со слезами молил Господа, дабы устроил Он Сам нужное для вечного спасения человека молодого. Помолясь, сел он в своей пещере с тугою об опасностях мирской жизни. Что же случилось с отроком? Дорогою змей укусил его, и он умер. Отец, так неожиданно потерявший сына, почувствовал свою виновность. Он возвратился к брату и сказал о несчастии. Пустынник велел ему похоронить умершего; впоследствии преподобный хаживал на могилу праведного отрока и здесь было любимое место отдыха его[1]. Крепки были подвиги его и против мечтаний духов, и против немощей плоти. Двенадцать лет пробыл Иоанн в дикой своей пещере[2].

Из пещеры перешел он «в пустыню Рыльскую и, поселясь в дупле дерева, твердо подвизался, постился, молился и плакал постоянно; питался он только травою; не видел здесь и лица человеческого, но пребывал с зверьми; Бог, видя великое терпение его, повелел, да произрастает для него слануток (бобы)[3], и блаженный питался тем долгое время. Пастухи увидели его, и чрез них узнали о нем везде». Это было так: овцы внезапно от какого-то страха побежали и летели

[1] Об этом говорит и Средечское сказание, где сказано и то, что отрок похоронен, по указанию преподобного, на месте Осенево, и св. Иоанн «хождаше на место то душе тое ради праведничью сътвори себе место то покоище».

[2] По Средечскому сказанию «сътвори в пещере той св. Иоанн, не исходе, тры лета и 6 месяц». Так как известие Евфимия, писанное позже, оправдывается во всех других случаях, то и в этом заслуживает предпочтительного доверия, тем более что по Средечскому сказанию Иоанн вслед за тем живет 7 лет на скале, тогда как по другим известиям он прежде скалы жил в дупле.

[3] У Востокова в Словаре слануток в переводе с греческого отвечает теревинфу, Миклошич считал слануток за плодовитое дерево. Но по службе св. Иоанну, слануток — растение, являющееся на невспаханной земле. Евфимий заменяет его словом «бобы».

по стремнинам дотоле, пока не добежали до места, где жил отшельник. Пастухи, бежав за ними, с изумлением увидели пустынника. «Вы пришли сюда голодные, — рвите себе сланутки мои — и кушайте», — сказал отшельник[1]. Они ели и насытились; только один напрятал себе много бобов в запас, без благословения пустынника, и когда на дороге дал товарищам, то в украденных стручьях не оказалось ни зерна. Они воротились к доброму старцу с раскаянием. Старец простил их и с улыбкою сказал: «Видите, дети, эти плоды назначены Богом для пропитания пустынного». Понятно, как много говорили после того пастухи о дивном отшельнике. Но известие их породило разные толки, в том числе, как бывает у мирских людей, и невыгодные. Знавшие его в миру называли его исступленным, чуть не пустым человеком. Отчего стал жить, как не они. Но другие и «многие приходили к нему и, принося своих больных, получали здравие молитвами святого». Человек, несколько лет одержимый нечистым духом, увидя шедших в Иоаннову пустыню, последовал за ними. Не дошел он еще версты до Рыльской пустыни, как упал на землю и стал кричать: «Не могу идти далее, палит меня огонь». Спутники, связав несчастного, приволокли его к преподобному и просили исцелить его. «Дети мои, — сказал он, — это не по силам моим, я немощный человек, как и вы; один Бог может исцелить его». Те неотступно просили его, и отшельник помолился о нем, больной внезапно стал здоровым, и все прославили Бога.

Избегая известности человеческой, подвижник скрылся из любимого дуба и, найдя весьма высокую и едва доступную скалу, поселился тут. Здесь он провел более семи лет под открытым небом, перенося все воздушные перемены, молитвы совершая то стоя на ногах, то коленопреклоненный[2]. Дошел слух о великом пустыннике до болгарского царя Петра. Благочестивый царь сильно желал видеться с ним; но смиренный отшельник отклонил свидание и только в письме сказал доброму царю нужное для него[3]. «Многие, возревновав о жизни добродетельной святого, пожелали жить около него и устроили монастырь, имея на-

[1] Служба, песнь 6: «Якаже Илия грестию питаше вдовицю и чеда ея: так и ты малою алною препител еси пасущихся». У Востокова ална — лань, дикая коза. В службе — пища дикой козы.

[2] Так в Средечском сказании. Здесь же сказано: «высота камене того 40 саженей... До днешнего дне зная тое стопи ногу его на камены и кровь его».

[3] По Средечскому сказанию, место, где стоял царь Петр, желавший видеть пустынника, «оттоле назвася царев верх».

чальником и пастырем преподобного. Он пас свое стадо мудро». Храм устроен в пещере, где прежде жил преподобный. Достигнув глубокой старости, преподобный предал дух свой Богу августа 18-го 946 года на 70 году своей жизни[1].

Спустя немалое время преподобный явился ученикам своим и повелел перенести мощи его в город Средец (Софию). Открыв гроб, они нашли нетленное и благоуханное тело и прославили Бога, перенесли с честью святое тело, поставили его в храме святого евангелиста Луки[2]. Когда же построен был в его же имя прекрасный храм, то положили его здесь, и многие подавались пособия страдальцам всякого рода.

После долгого времени венгерский король приходил войной и взял многие места, в том числе и Средец. Взяв мощи преподобного, с великою честью перенес их в свою страну, где положены они были в храме, так как слышал он о чудесах его. Остригомский бискуп, тогда как слышал, что велик он пред Богом, сказал: «не знаю я этого святого, в древних писаниях не поминается он». И внезапно онемел язык его. Несчастный поспешил к раке преподобного, просил прощения, и угодник Божий, услышав молитву его, разрешил его тотчас. Много и других чудес совершил преподобный в земле венгерской. Король, услышав о том, украсил раку золотом и возвратил ее в Средец в 1093 году.

При болгарском царе Иоанне Ясене и при патриархе Василии мощи преподобного Иоанна перенесены были в Тернов и положены были в храме, посвященном его имени. Это было в 6746 (1238) году[3].

---

[1] Этот же день кончины в Средечском сказании.

[2] По Средечскому сказанию, преподобный являлся самому царю Петру, и при этом царе мощи перенесены с пустынной скалы в Средец.

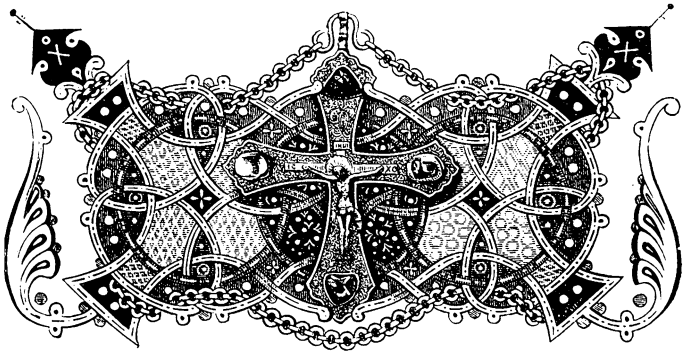
[3] «Идеже до днешнего дня лежит чудотворное тело преподобнаго», говорит синаксарь. Эти слова показывают, что сказание синаксаря писано ок. 1240 г. У Евфимия следует после того история обители. Памятники обители см.: Гласник. Кн. 7. Память прп. Иоанна иногда показывается под 19 октября (*Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы), но это день перенесения мощей в Тернов. Место, куда перенесены были мощи, в синаксаре Болгарском и Афонском (см.: *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы) называется Трапезицею, тогда как по известию Евфимия перенесены они в Тернов. Княжич пишет: «в Тернове между двух скал и р. Янтрою есть возвышенность, называемая Трапезец или Трапезицею, на этом месте был дворец Болгарских царей» (Записки Императорского русского Археологического общества. Том IV). Так как храм во имя св. Иоанна решились строить в то же время, как положили перенести мощи его в Тернов, и ко времени перенесения не могла окончиться постройка его, то естественно что на первое время св. мощи положены в храме Трапезицы.

Ныне мощи преподобного Иоанна почивают в его Рыльской обители, которая составляет питомник благочестия и просвещения для всего народа болгарского[1].

ПРАЗДНЕСТВО
иконе Божией Матери
ОДИГИТРИИ

Сия святая икона в конце IV века преподобными Варнавою и Софронием принесена из Афин в страну Трапезундскую, где и поставлена в пещерной церкви основанного ими монастыря на горе Черной (Мела, ныне Сумела). Монастырь и сейчас существует, а на богомолье к иконе стекаются поклонники из Малой Азии, Тавриды и стран Прикавказских. Память преподобных основателей монастыря празднуется в сей же день. Скончались в 412 году.

[1] См.: *Григорович В.* Очерк путешествия. Здесь описана и местность обители; в 1627 г. являлся в Москву за милостынею настоятель Рыльской обители. В грамоте царю было написано: в области Сардикийской на горе Книшаве есть царского создания обытель Рыло с храмом прп. отца Иоанна пустынножителя, где почивают мощи его, целые и невредимые доселе». Здесь же сказано, что обители прп. Иоанна даны были грамоты царями Иоанном и Феодором (*Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком. Ч. 2).



День девятнадцатый

Преподобного ФЕОФАНА, новоявленного чудотворца

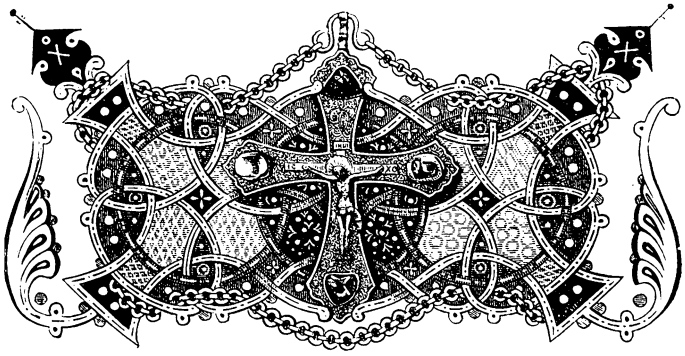
Родом из Янины, подвизался в иночестве, мирно преставился в Македонии, в XV веке. Мощи его, ознаменованные многими чудотворениями, покоятся в городе Наусе[1].

Святого мученика АНДРЕЯ СТРАТИЛАТА

Андрей с юных лет чтил имя Христово, и хотя не был крещен, но отвращался всего небогоугодного и вел жизнь воздержную, молясь Богу и храня заповеди Евангельские. В 301 году из трибуна (тысяченачальника) сделан был стратилатом, то есть начальником легиона (из шести трибуний состоящего) и отличился в происходившей тогда

[1] Житие его см.: Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской Горе просиявших: В 2 частях. СПб., 1860. Ч. 2.

войне с персами, во время которой обратил ко Христу и многих из своего отряда. Завистливые сотоварищи донесли на него, что он христианин. Антиох, правитель Сирии, допросил его и донес обо всем императору Максимиану. Максимиан приказал освободить славного воина и единоверцев его, чтобы не произвести смуты в войске, а после подыскать другую вину и избить их. Освобожденные пошли в Тарс и приняли Святое Крещение. Тогда, под видом погони за оставившими свои знамена, приказано было правителю Киликии идти и схватить их. Дружина из Тарса направилась к пределам Армении, но в ущельях горы Тавра настигнута и избита без всякого сопротивления (в 302 или 303 г.).



День двадцатый

† СТРАДАНИЕ святого ФИЛИППА, епископа Ираклии Фракийской, и его друзей

Блаженный Филипп был сперва диаконом, потом пресвитером и спустя некоторое время, как испытанный по высокой жизни, возведен на епископскую кафедру Ираклии Фракийской[1]. «Учеников

[1] Менолог говорит при том, что Север «был родом из Сиды Памфилийской и пришел в Филипполь Фракийский, когда префект Аппелиан мучил там 36 мучеников». В современной записке не сказано, где замучен Север: могло быть, что когда свв. Филиппа и Гермеса послали в Одрин, Север был выслан в Филипполь. Но несомненно, что менолог ошибается, называя Севера пришельцем из Сиды. По современной записке, он ученик и священник Фракийского святителя. Мартирологи показывают, что в Одрине пострадал с св. Филиппом, кроме Гермеса, Евсевий. В Иеронимовом мартирологе: 29 сентября во Фракии страдание свв. Ефтихия, Плавта; 12 ноября «во Фракии мученическая кончина свв. Эдикта, Евтика, Феликса, Гермогена и Агиеста мучеников»; 14 ноября «в Ираклии, городе Фракийском, страдание свв. Климента, Климентина, Феодота, Филимона и многих других»; 16 ноября «в г. Ираклии страдание свв. Григория, Виктора, Германа»; 18 ноября «в Ираклии страдание св. жены с 46 своими»; 20 декабря «во Фракии, в г. Гетдубе, страдания Юлия». Гетдубу полагали на границах Болгарии и Романии.

своих, пресвитера Севера и диакона Гермеса, укрепляя частыми наставлениями, он сделал подобными ему не только по мыслям и чувствам, но и по страданию. Когда поднялся огонь жестокого гонения, он не смутился; иные советовали удалиться из города, — он отверг совет». Явился стационарий Аристомах, чтобы запечатать церковь христианскую. Блаженный Филипп сказал: «Ужели ты думаешь, что Бог заперт в стенах! Он живет в сердцах». Аристомах опечатал все в церкви. Блаженный Филипп с Севером и Гермесом остались при дверях и поучали паству.

Явился в суд префект Басс и, когда введены были к нему все, спросил: «Кто из вас учитель христиан?» Филипп отвечал: «Я тот, которого ищешь». «Вы знаете, — сказал Басс, — закон императоров, запрещающий христианам собираться и предписывающий этим людям или приносить жертвы, или погибать. Доставьте мне золотые или серебряные сосуды ваши, или какие имеете, и также книги, которые вы читаете или изучаете». Филипп отвечал: «Нельзя выдать тебе книг». Префект позвал исполнителей казни. Явился Мукапор, самый жестокий человек. Префект велел привести пресвитера Севера; его не отыскали, и префект велел мучить Филиппа. Когда жестоко били его, стоявший вблизи Гермес сказал: «Хотя бы и достал ты все наши книги, последователи наши, заботясь о душевном спасении, напишут другие и еще усерднее научать будут благоговению, какое надобно оказывать Христу». Его наказали за то палками. Когда потом сделал он замечание асессору Публию за покушение присвоить себе церковную собственность, его били до того, что все лицо его покрылось кровью.

Сосуды и книги префект передал солдатам. Филипп и другие приведены были на площадь. Префект велел разломать крышу храма; книги преданы были огню. Святой Филипп спокойно поучал народ. «Принеси жертву, — говорил префект, — государям нашим должно приносить фимиам». Филипп отвечал: «Мы научены оказывать императорам повиновение, но не Божеское почитание». Префект изумлялся твердости Филиппа и, обратясь к Гермесу, сказал: «Приноси ты жертвы». «Не могу, — отвечал Гермес, — следую во всем учителю моему». «А если Филипп принесет, последуешь ли за ним?» Гермес отвечал: «Ни я не последую, ни он не будет побежден». Префект сказал: «Предан будешь огню». «Это — легкий огонь, — отвечал Гермес, — а есть огонь неугасимый, готовый для нечестивых». Басс

велел запереть исповедников в темницу. Они пошли с радостью и поя псалмы. Проведя несколько дней в темнице, получили дозволение находиться в ближнем доме Панкратия под стражею; здесь они приняты были с любовью; здесь же совершали таинства и поучали народ.

Между тем Басса сменил префект Юстин, человек испорченный. Басс уступал умным рассуждениям, и жена его когда-то служила истинному Богу. Юстин не знал страха Божия. Филипп представлен был на суд. Юстин сказал: «Государи наши повелели принуждать христиан к принесению жертв; если не захотят, подвергать казням». Филипп отвечал: «Я христианин, не могу исполнять то, чего требуешь; ты можешь мучить, но не можешь преодолеть меня». Юстин велел вести его в оковах в темницу, и его терзали дорогою.

Привели к Юстину и Севера. «Исполняй повеление императоров», — сказал Юстин. Север отвечал: «Я должен исполнить то, чему научен». Его отвели в темницу. Представлен Гермес. «Муки заставят тебя исполнить волю императоров», — сказал префект. «Нет, — отвечал Гермес, — я вырос в святой вере, хромать не намерен; ты можешь мучить меня, сколько тебе угодно».

Три мученика провели семь месяцев в смрадной темнице; потом перевели их в Одрин. Когда явился сюда префект, Филиппа наказывали здесь так жестоко, что все тело его было растерзано и видны были внутренности. Юстин велел отвести его в темницу. Призван был Гермес; но ни угрозам, ни ласкам не уступил. На третий день снова привели Филиппа. «Зачем ты так безрассудно противишься воле императорской?» — спросил префект. Филипп отвечал: «Не безрассудно поступаю я, а исполняю волю Бога — Творца и Судии всех. Священное Писание говорит: воздадите Божие Богу и кесарево кесарю (см.: Мф. 22, 21). Это и исполняю я. Справедливым повелениям императоров всегда повиновался я». Гермес в ответ префекту объяснил глупость и нечестие идолопоклонства. Юстин, вне себя от гнева, закричал: «Как? Ты, несчастный, думаешь обратить меня к Христианской вере?» И потом произнес решение: Филиппа и Гермеса, не исполняющих воли императорской, повелеваем сжечь живых. Святые выслушали это с радостью. Когда приведены они были на место казни, Гермес, подозвав к себе одного из братьев христиан Белого (Velogum), заклинал его Господом Иисусом Христом — передать сыну его Филиппу приказание отца заплатить все долги. Это говорил он о деньгах, порученных ему на хранение многими. Потом прибавил: «Он молод; пусть работою

снискивает пропитание; так поступал отец и жил со всеми хорошо». Мученики возложены были на костер.

Юстину взошла еще дурная мысль. Он приказал бросить тела святых в реку Эбр. Когда это исполнено, христиане Одрина садятся в лодки, не удастся ли кому поймать добрую ловлю. Желание их исполнилось. Они вытаскивают сетями нетленные останки. Затем положили их в местечке, которое на родном их языке называется Гетистирон, в двух милях от города.

Когда пресвитер Север, содержавшийся в темнице, узнал о мученической кончине Филиппа и Гермеса, то радовался торжеству их и молил Бога быть удостоенным той же чести. Молитва его была услышана: спустя три дня и ему дарован был тот же венец.

Менолог прибавляет, что вместе с Севером замучены еще до 30 мучеников[1].

Повеление императорское предавать книги христиан огню показывает, что мученики страдали при Диоклетиане в 304 году.

Кто были они? Греки ли, или римляне? Ни то, ни другое.

а) Древний географ писал: по Эбру (у славян река Марица) живут карпляне (Καρπηλοι, Καρπιανοι), еще выше враны (Βρεναι), потом последние бессы (Βεσσοι, Βιεσσοι)... Все эти племена — хищнические, особенно же бессы, соседи, как говорят, с одричами (Οδρυσαις) и сапунами... Вся Фракия составлена из 22 племен. По другому известию, карпяне и соседние с ними сапуны живут в ущельях Фракии[2]. Одричи явно славяне, как и сапуны (Σαπαισι); точно таковы же враны,

---

[1] Бароний относил страдание свв. Филиппа и Севера ко времени Юлиана. Ему последовал Вершинский (*Вершинский Д.С.* Месяцеслов). Но в описании мученичества не только нет никакого основания для такой мысли, напротив, как сказано, оно ясно говорит о времени Диоклетиана. Гонения за книги описаны в: *Lactantius.* De mortibus persecutorum; *Евсевий Памфил.* Церковная история. СПб., 1848 (далее — *Евсевий Памфил.* Церковная история. —*Ред.*). У Руинарта записка о мученичестве св. Сатурнина начинается так: «при Диоклетиане и Максимиане диавол поднял такую войну против христиан, что требовал на сожжение святые заветы Господа и Св. Писания, разрушал храмы, запрещал богослужение и священные собрания» (Acta martyrum sincera et selecta / Ed. A. Ruinart. Paris, 1689 (далее — Acta martyrum sincera. —*Ред.*)).

[2] *Шафарик.* Славянские древности. Т. 1, кн. 2. Славяне и в средние времена называли Адрианополь не иначе как Одрином. Болгарский переводчик Манассииной летописи: «Крум кн. брань состави под Одринем» (*Чертков А. Д.* О переводе Манассииной летописи на славянский язык, с очерком истории болгар. М., 1842).

оставившие свое имя Варне и частью перешедшие за Дунай[1]. Карпяне в 305 году насильно переселены были под Карпаты, но иные остались на юге[2]. И другие фракийские племена, упоминаемые у древних, оказываются также славянами. По известию Страбона, «геты говорят тем же фракийским языком, который во всеобщем употреблении во Фракии». Поелику же несомненно известно, что геты — жители малой Скифии — говорили славянским языком: то ясно, что язык фракийский — язык славянский.

б) По описанию мученичества святого Филиппа и друзей его, родной язык жителей Одрина — не латинский и не греческий. В том же описании христианин Белый — ясное славянское имя. Мукапор — непонятное название поротеля — мучителя. Гети-стирон — в первой половине гет — славянин, а стирон исковерканное стеров — стерво[3].

в) По записке о мученичестве римского христианина святого Александра, на пути его из Рима в Друзипору в 298 году во Фракии, после Филиппополя — Пловдива Полчищное место и потом Верея, где большая часть жителей христиане, но хранят веру свою втайне, — верейцы проводили мученика за 40 поприщ от Вереи[4].

---

[1] *Шафарик*. Славянские древности. Т. 1, кн. 1.

[2] Пересмотр других фракийских племен см. в работе Черткова (Временник общества истории и древностей. Кн. 10). О бесах см. 24 июля. Да и сами византийцы писали, что греки во Фракии и Македонии стали являться колонистами только со времени Филиппа Македонского (*Tafel*. Constantinus Porphyrogenitns de Provinciis regni byzantini. Tubingac, 1846 (далее — *Tafel*. Constantinus Porphyrogenitns. — *Ред*.)). Даже епсикоп III века писал: «Элий Публий Юлий, епископ колонии Дебельта во Фракии, призываю в свидетеля Бога» и пр. (*Евсевий Памфил*. Церковная история).

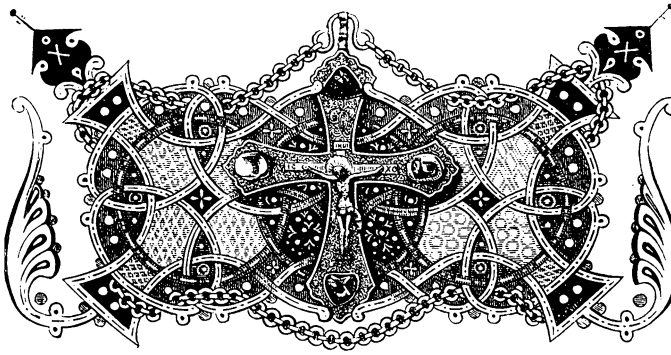
[3] В Латинских актах это слово писали различно: то Getistrion, то Ogetistion, то Ogestiron, так же как Гет-дуб писали Gildoba, то Gelduba, то Gildo Bacli. Чужаки не понимали славянского слова, и каждый коверкал его по-своему. Один умник прибавил такое объяснение первому слову: interpretatione vero Latinae linguae locus possessionis vocatur. Угадал. О «стераве» см.: *Востоков А.Х.* Об образовании личных славянских имен // ИОРЯС. Т. IX.

[4] Четьи-Минеи 13 мая; Acta Sanctorum 3 maii. Св. Александр был тот мученик Александр, которого храм в Друзинаре 597 г. сжег аварский каган и за то жестоко был наказан — семь сыновей хана и множество войска погибли от моровой язвы под Друзинарой. Хану договором уступлено было переходить Дунай против славян (*Theophylactus Simocatta*. Historiae Mauricii Tiberii Imperatoris. In 8 lib. Lib. VII). Друзина на р. Эригон, о которой Вриенний пишет: «Не знаю, как называлась она в древности — названия часто меняются; а ныне она, вытекая из фракийских гор, называется Алмиром (Соленою), близ нее крепость, которой имя Калаврия» (*Ники-*

По всем этим показаниям, священномученики Филипп, Север и Гермес, — как фракиане, были из славян и проповедовали святую веру славянам. И при благоверном Константине в Одрине был уже епископ[1].

фор Вриенний. Исторические записки (976–1087). СПб., 1858). Тафель замечает, что древние жители — фракийцы и имя крепости полуфракийское (*Tafel*. Constantinus Porphyrogenitns).

[1] *Wiltsch*. Handbuch der kirchlichen Geographie und Statistik. Berlin, 1846 (далее — *Wiltsch*. Handbuch der kirchlichen. —*Ред*.).



День двадцать первый

† ВОСПОМИНАНИЕ о преподобных КОРНИЛИИ и АВРАМИИ ПАЛЕОСТРОВСКИХ

Дикое изуверство раскольников два раза предавало истреблению Палеостровский монастырь[2]; почему затруднялись определить даже время, когда подвизался основатель северной пустынной обители[3]. При ближайшем знакомстве с памятниками отдаленного прошлого оказывается, что хотя нет средств определить, в каком году прибыл преподобный Корнилий на Палий остров, но можно определить время подвигов его. В Писцовой книге 1482 года видим «пустынку Пречистой на Палее острове»[4]. В межевой записи Юрьева монастыря 1391 года читаем: «Пойдет межа водою Муромского и Палеостровского монастыря»[5]. К концу XIV века относится и первая разводная грамота

[2] Акты исторические. Т. 5.

[3] *Н. Костомаров.* Северорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада: В 2 т. СПб., 1863. Т. 2.

[4] Архив исторических и практических сведений, относящихся до России / Изд. Калачев Н. В.: В 11 кн. СПб., 1859–1861. Кн. 3, отд. 2 (далее — Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. —*Ред.*).

[5] Вестник Географического общества. СПб., 1851.

самой Палеостровской пустыни[1]. Принимая еще во внимание то, что до преподобного Лазаря, как говорит завещание его, не было на Онежском озере ни монастырей, ни церквей, приходим к убеждению, что подвиги основателя Палеостровской пустыни относились к концу XIV и к началу XV века[2]. Так как Палеостровская пустынь только в конце XV века освободилась от подчинения Новгородскому Вяжицкому монастырю, быв дотоле в его ведении[3], то это дает право положить, что преподобный Корнилий, родом псковитянин, полагал начало иноческому житию в Вяжицкой обители и отселе любовью к уединению увлечен был на Палий остров. Любовь его к этому острову была не напрасна. Трудно найти уединение более полное и более красивое, как Палий остров. Остров невелик; доступ к нему возможен только в одном месте. С вершины отвесной скалы его открывается панорама всего Онежского озера, во всей дикой красоте. Изредка только виднеется рыбачья лодка, еще реже барка с лесом из Повенца. Только в начале весны караван Соловецких богомольцев заходит к мощам преподобного Корнилия; затем круглый год не бывает в пустыни ни богомольцев, ни посетителей, — так ныне. Что же было тут в конце XIV века? И на этом-то острове жил преподобный Корнилий, как Божия птица, для подвигов поста и молитвы. Благочестивая жизнь его, невзирая на глухое и дикое уединение острова, привлекла к нему ревнителей отшельнической жизни. Преподобный построил храм Рождества Пречистой и другой, теплый, с трапезою, в честь пророка Илии[4]. Любитель пустынной жизни устроил общежитие по духу любви апостольской, и храмом пророка Илии указывал пустынникам на великого пустынника и постника, питавшегося надеждою на Господа. Онежская сторона поныне бедна хлебом, — такова почва ее. Зато Палий остров мог питать пустынников

[1] *Лохвицкий А. В.* Отрывки из путешествия по Олонецкой губернии летом 1863 года // Отечественные Записки. 1864. Кн. 2.

[2] Местное предание, считающее до 700 лет существованию обители, очевидно увеличивает древность ее вопреки актам.

[3] У Лохвицкого грамота Вяжицкого игумена 1478 г.: «а кто почнет с ними (иноками Палеостровской пустыни) супоровати: ино его звати нашею низовницею, а суд его предо мною».

[4] У Неволина опись 1582 г.: «монастырь общий, церкви Рождества Богородицы и пророка Илии», последняя с трапезою, «построены прежним игуменом Корнилием», кроме игумена Ионы два иеромонаха и 49 братьев. (*Неволин К А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853 (далее — *Неволин К.А.* О пятинах и погостах. —*Ред.*)).

своих рыбою: близкие заливы берегов твердой земли известны особым родом рыбы, сообщившим острову свое имя: палий — рыба, род форели. Сам преподобный и тогда, как занимался строением обители, часто удалялся для уединенной молитвы в пещеру, за полверсты от обители. В последнее же время своей жизни он пребывал в ней постоянно, посвящая время молитве и подвигам поста. Тяжелые вериги, бывшие на теле его, служат памятником сурового подвижничества его. Он почил в пещере около 1420 года, и мощи его перенесены в храм обители учеником его Аврамием. Аврамий также проводил подвижническую жизнь; о нем в рукописных святцах сказано: «преподобный Авраамий, игумен Рождества Пресвятыя Богородицы Палеостровский на Онеге реке, Новгородский чудотворец». Ныне мощи преподобных Корнилия и Аврамия покоятся под спудом в храме обители их[1].

† Преподобной ФЕОКЛЕТЫ

Отчизна и род праведницы[2] были в провинции оптиматов, где были города: Никомидия, Еленополь, Пренет, Парфенополь. Родители ее были Константин и Анастасия, христиане искренние; с нежного возраста дочь воспитана была ими в благочестии. Сочетавшись с супругом Захариею, она уговорила его жить с нею, как с сестрою. Так она никогда не знала удовольствий брачного ложа и осталась девственницею. Люди Периклова века были образованны, очень образованны в искусствах и в философии, а гнусная гетера отнимала супруга у супруги и заражала болезнями дорогую юность. Только вера Христова не только защищает супружескую верность, но и обращает супругов в девственников чистых. Феоклета усердно занималась чтением душеполезных сочинений и особенно священных наставлений о жизни, приличной женам. Она

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

[2] О ней Синаксарь греческой Минеи августа 21 и краткий менолог Банажа. В «Месяцеслове Православно-Кафолической Церкви» Вершинского нет и помину об этой святой.

твердо заучила желание Апостола, предъявленное женам. *Желаю,* писал он, *чтобы жены в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию* (1 Тим. 2, 9, 10). Деньги, которые тратились другими на наряды, она назначала для лучшего употребления. Средства свои, труды, силы посвящала она преимущественно на пользу ближних: всякий день, так или иначе, помогала она бедным. Родина ее доставляла ей много случаев к тому. Провинция оптиматов (вельможей) называлась так в насмешку. Это была страна самая бедная; жители ее, говорит император Константин, — денщики офицеров и высших придворных чиновников; они же погонщики при походах войска; при бедности они грубы[1]. В такой-то стране совершала подвиги милосердия святая Феоклета. «Стыдись, — говорил Квинтилиан, — склоняться пред бедным, а скорее отвращайся от него с презрением». Плавт писал: «Для чего ты даешь подаяние бедному? Твоя помощь только удлиняет страдания его. Он беден? Ну, пусть и пропадает с голоду». Вот как рассуждала философия языческая! Она то от гордости не уделяла бедняку и ласкового взгляда, то при недостатке самоотверженной любви отчаивалась в возможности успешно лечить раны бедного. Как неизмеримо высока пред тем любовь христианская! Оптиматы с их разнородными нуждами находят в ней неисчерпаемый родник утешений! Что нужно для того, чтобы подвиг сострадательной любви был вполне христианским, вполне угодным Господу и потому сильным благодатию? Нужно, чтобы совершался он в духе смирения, без поисков за славою человеческою и без самоуслаждения самолюбивого (см.: Мф. 6, 2); нужно, чтобы совершался он веселою душою, с радостью (см.: 2 Кор. 10, 7; Рим. 12, 8; Мк. 12, 42); нужно, чтобы не ослабляли его ни неблагодарность человеческая, подчас и грубая, ни собственное желание покоя (см.: Гал. 6, 9; 2 Фес. 3, 13).Так подвизалась Феоклета. Она не утомлялась трудами служения другим, не оскорблялась непризнательностью людскою; каждому помогала с любовью и радостью; не дозволяла себе и тешиться своими делами, славя за все Господа и твердо помня о своей греховности. И вот она была неистощимым родником живительных утешений для несчастных оптиматов. Подвигами самоотверженной любви она столько возвысилась в жизни духовной, что, когда приблизилось

[1] *Constantino Porphyrogenito*. De thematibus. Bon., 1840.

время кончины ее, пригласив знакомых, объявила о дне смерти своей и частных обстоятельствах ее будущих. По смерти ее мощи прославились множеством чудес, к утешению страждущих. Подвиги догробного милосердия ее совершались при императоре Феофиле, и потому кончину ее надобно отнести к 840 году[1].

† ПАМЯТЬ преподобного АВРААМИЯ ПЕЧЕРСКОГО

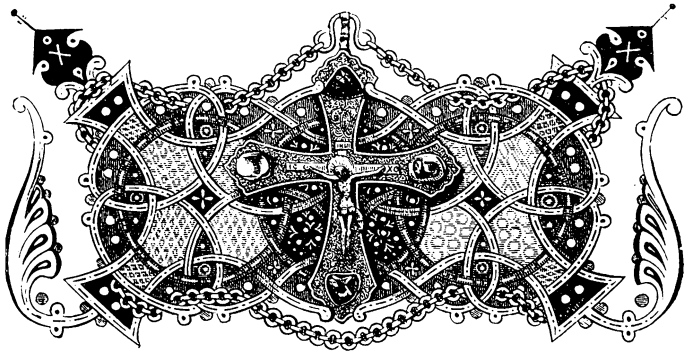
На старинной иконе Печерских чудотворцев Антониевой пещеры преподобный Авраамий назван игуменом; точно с тем же саном известен он в рукописных святцах. Если так, то он в 1396 году похоронил подле гроба Феодосиева князя Скиригайла — Иоанна, убиенного слугами в Вышгороде[2]. У Кальнофойского преподобный Авраамий трудолюбивый почивает в пещерной трапезе[3]. Это дает право положить, что преподобный Авраамий последнее время жизни своей подвизался в пещере и здесь после молитвы трудился над приготовлением всего нужного для пещерной братии, чем и заслужил название трудолюбивого.

---

[1] Краткий Менолог под 21 августа: «воспоминание о св. Феоклете чудотворице. Она жила при ненавистнике Феофиле; с детства воспитанная в благочестии, занималась размышлением о слове Божием, подаянием милостыней и трудом служа нуждам бедных. Она предсказала и день смерти своей. Сколько и какие чудеса совершены ею трудно обнять в кратком слове».

[2] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры.

[3] Там же.



День двадцать третий

Святого
ФЕОНЫ,
епископа Александрийского

Управляя около 18-ти лет Александрийскою Церковью в сане епископа, Феона в то же время поддерживал своим покровительством Александрийское училище и мирно почил от благих трудов своих около 300 года, оставив преемником своим достойного ученика своего Петра (память его 25-го ноября).

Уцелело до нашего времени рисующее христиан конца III столетия послание епископа Феоны к начальнику постельничих двора императора Диоклетиана: «Благодарение всемогущему Богу и Господу нашему Иисусу Христу, — пишет святой Феона, — Он открыл для всей вселенной веру Свою — единственное средство спасения нашего — и не перестает распространять ее даже среди гонений мучителей. Напротив, в бурях гонений она засияла, как золото, очищенное огнем: истина всегда более становилась блистательною, чтобы во время мира, дарованного добрым императором, дела христиан сияли перед неверными и славился тем Бог Отец Небесный. Об этом-то, если хотим быть христианами не именем только, а делами, надобно нам заботиться; если ищем славы нашей, ищем вещи суетной и изменчивой, которая передает нас смерти. Но слава Отца и Сына, Распявшегося за наше спасение, спасает нас для Вечной Жизни — желанной цели христиан».

«Любезный мой Лукиан! не думаю и не хочу, чтобы ты хвалился тем, что через тебя многие во дворе императора познали истину. Надобно благодарить Бога нашего; Он устроил тебя во благое орудие на дело благое и возвысил тебя у императора, чтобы распространял ты благоухание имени христианского в Его славу и на спасение многих. Чем более император, еще не христианин, доверяет жизнь свою хранению христиан как людей вернейших: тем более вы должны быть усердны, старательны и предусмотрительны насчет безопасности его, дабы славилось тем имя Христа, и вера Его через вас, охраняющих императора, распространялась каждый день».

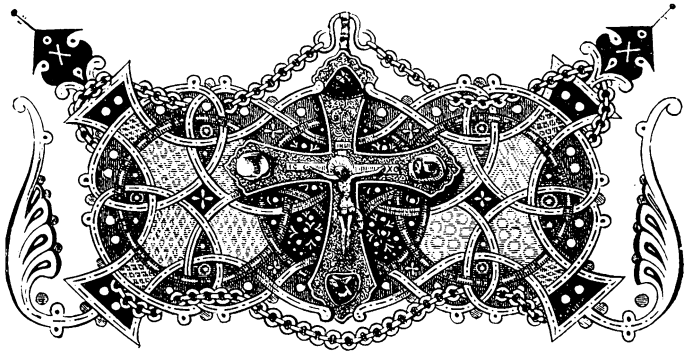
«Отнюдь не должно быть, чтобы за деньги продавали вы доступ к государю или что-либо бесчестное делали пред государем, побежденные просьбою или мздою. Во всем поступайте кротко, прилично, правдиво, ради того, чтобы во всем славилось имя Бога и Господа нашего Иисуса Христа».

«Должности ваши, к которым вы приставлены, исполняйте тщательно, со страхом Божиим и со всею любовью к императору. Повеление государево, которое не оскорбляет Бога, считайте происшедшим от Бога и выполняйте с любовью, почтительно и с приятностью...»

Наставляя сообразно с должностью каждого, о библиотекаре епископ пишет: «Если он из числа верующих во Христа, не должно пренебрегать светскими сочинениями и произведениями язычников, нравящимися государю. Надобно хвалить поэтов за великие дарования, за находчивость в изобретении, за силу и изящество выражений. Надобно хвалить ораторов, надобно хвалить философов... Иногда пусть постарается одобрять и Священное Писание, которое Птоломей Филадельф с таким старанием и издержками перевел на наш язык; пусть похвалит иногда Евангелие и Апостол, как писания Боговдохновенные; может быть, коснется дело до Христа, пусть мало-помалу объяснит Божественность Его».

Наставляя в общих правилах, Феона между прочим пишет: «Пусть не проходит ни дня без того, чтобы в свободное время не читали вы что-нибудь из Священного Писания, — ничто так не питает душу и ум, как священные чтения; от них получите особенно ту пользу, что будете проходить должности ваши терпеливо, благочестиво, в любви Христовой и будете пренебрегать всем временным для обетований вечных, которые превосходят всякий ум и вам доставят вечное блаженство...»[1]

[1] Извлечено из: *Филарет, архиеп. Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви.



День двадцать четвертый

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ святителя ПЕТРА, митрополита Московского

Честное тело святителя Петра митрополита по преставлении его положено было в Московском соборном храме Успения Богородицы, близ святого жертвенника, — на месте, самим святителем приготовленном. Гроб святопочившего со дня преставления его сделался прибежищем для верующих; к раке святителя Петра православные христиане притекали для молитв, с благоговением лобызали ее и получали благодатную помощь. В 1380 году святитель Петр митрополит в ночь пред битвою Донскою явился и видим был на воздухе с златым жезлом, которым поражал врагов отечества. В таком же виде явился святитель Петр в 1395 году и претил нападать на Москву Тамерлану. По сим явлениям для защищения отечества от врагов святитель Петр в русских летописях называется заступником Русской земли. Цари и патриархи в грамотах своих называли святителя Петра великим чудотворцем. Слава сего первого из митрополитов московских чудотворца распространилась уже во всех концах России, когда честные и многоцелебные мощи его, по случаю построения в Москве нового обширнейшего Успенского, вместо ветхого храма, 146 лет стоявшего, в XV столетии обретены были нетленными. В 1472 году, по воле

великого князя Иоанна III Васильевича и по благословению Московского митрополита Филиппа, с благоговением открыли надгробницу святителя Петра митрополита, и святые мощи его, по словам летописи, «яко свет сияху», а гроб, в котором они почивали, распался от огня в пожар во время взятия Москвы Тохтамышем; при сем случае Тохтамыш раскрыл гроб святителя Петра, чая нечто сокровенно в нем. По устроению в новосозидаемом храме кивота для мощей святителя был совершен и навсегда установлен праздник перенесения честных мощей иже во святых отца нашего Петра, митрополита и чудотворца всея России.

По случаю же падения новосозидаемого храма, в котором мощи святителя находились, они вторично перенесены были в 1475 году на время в церковь Иоанна Лествичника и по совершенном сооружении Успенского собора, в 1479 году, в третий раз перенесены сюда и положены под спудом. После этого перенесения мощей святителя Петра праздник перенесения их установлен в 24 день августа.

По установлении сего праздника Пахомий Сербянин, инок Троицкого Сергиева монастыря, по поручению начальства в конце XV века написал два канона на перенесение мощей святителя Петра.

В 1547 году, после пожара, истребившего в Москве почти все кремлевские здания и разрушившего кровли и паперти Успенского собора, мощи святителя Петра перенесены были в Чудов монастырь и по возобновлении собора положены там в новую золотую раку, устроенную Иоанном Васильевичем IV в 1555 году по случаю рождения у него царевича Иоанна.

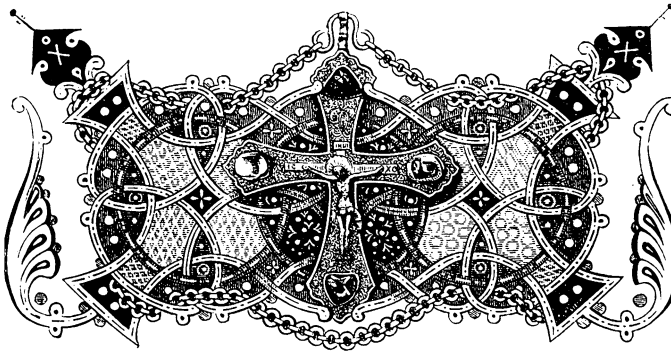
В святцах наших, напечатанных в Москве (1648 г.), под 4 числом августа замечено: «Святитель Петр митрополит явился благочестивой царице Анастасии, не повелевая никому же гроб свой раскрывати никогда, и повеле ей своею печатию раку свою запечатлети, и того дня установиша праздник сей праздновати».

Во время обладания Москвы поляками золотая рака святого Петра митрополита рассечена была на части, которые разделены между святотатцами. Мощи положены были под спудом в новую деревянную раку, окованную серебром. Из патриаршего устава видно, что на праздник святителя Петра 1679–1684 годов приносили в Успенский собор часть мощей его от патриарха и клали на налой или на гробницу святителя. До 1812 года они лежали под спудом запечатанные и запертые. Наполеон расторгнул гробницу, вероятно, с таким же святотатственным умыслом,

как и Тохтамыш. С дозволения Святейшего Синода преосвященный Августин Московский торжественно открыл святые мощи Петра митрополита при освящении первой придельной церкви Успенского собора, где они почивают.

Церковь в своих песнопениях день перенесения мощей святителя Петра называет всечестным праздником, веселящим императора и люди. «Яко врача преизрядна и источника чудесам обильна, днесь сошедшеся любовию духовныя твоя чада в перенесение честных мощей твоих, архиерея Петра, молим тя: моли Христа Бога, даровати честным твоим перенесением императору нашему на враги победительная».

По явлении и перенесении мощей святого Петра митрополита летописи называют его новым чудотворцем и показывают в православных возрастающее к нему благоговение. Пред гробом его цари молятся с подданными при венчании своем на царство; во дни бедствий православные христиане и цари прибегают к чудотворцу с молитвою о помощи и заступлении как к великому светильнику и хранителю Церкви и Отечества. Все предметы, бывшие у святителя Петра митрополита, как то: крест, коим некогда благословил он Иоанна Калиту, саккос, иконы, панагия и архипастырский жезл, или посох, по преставлении святителя сделались священными и высокими памятниками для православных христиан.



День двадцать шестой

ПАМЯТЬ преподобного АДРИАНА ОНДРУСОВСКОГО

В житии преподобного Александра Свирского, по описанию ученика его, читаем следующее: в 9 верстах от места подвигов преподобного Александра жил в своей отчине дворянин Андрей Завалишин, охотник до звериной ловли. Однажды в самом разгаре охоты Андрей увидал оленя и бросился догонять его; охотник мчался с такою быстротою, что далеко оставил за собою товарищей охоты, и все-таки олень исчез из глаз его. Завалишин вместо того увидел пред собою хижину и следы пустынника, в таком диком месте, где, казалось, никогда не ступала нога человеческая. Он постучался у хижины, и пред ним явился труженик, изнуренный постом и подвигами, в ветхой одежде. Повесть подвижника о дивной своей жизни произвела на Андрея глубокое впечатление. Это было в 1493 году. Завалишин после того часто приходил к преподобному Александру (это был он) слушать наставления его и доставлял хлеб сподвижникам его. Из бесед с отшельником познав сладость пустынной жизни, Завалишин решился следовать примеру жизни его. Одно из селений Камепунской волости поныне называется Андреевщиною: но Завалишин оставил богатое имение свое и удалился в Валаамскую пустынь; здесь принял он иночество с именем Адриана и провел здесь

несколько лет в подвигах общежития. Потом, по благословению преподобного Александра, избрал для пребывания своего уединенное место на полуострове, на берегу Ладожского озера. К нему собрались ученики и последователи. В пустыни построен был храм в честь святителя Николая, — Завалишин известен был в Москве, и великий князь Василий († 1534) пожаловал грамотою милостыню из своей казны инокам Адриановой пустыни, повелевая вперед выдавать то же, «переступая чрез два года, безволокитно» и вместе запретил наместникам брать пошлины с монастырских ловцов и тоней. По местному преданию, Адриан встретился на своем пути с такими людьми, которые грозили не только существованию обители, но и жизни пустынников. Встреча довольно обыкновенная в то время: но чем кончилась она? В дремучем лесу острова Сала (дебрь), напротив Адриановой пустыни, укрывался недобрый человек Ондрус с шайкою подобных себе, живший на счет пловцов Ладожского озера. Близкое соседство пустынника, начавшего собирать к себе других, тревожило атамана разбойников; он объявил, чтобы пустынники добровольно оставили остров, иначе будет им худо. Скорбно было Адриану расставаться с пустынным местом, особенно потому, что великий наставник его благословил ему здесь жить. Он умолял разбойника предоставить это место мирным труженикам; не имея у себя денег, чтобы предложить выкуп за место, Адриан обещал атаману ходатайствовать за него пред Богом — и советовал ему расстаться с худым ремеслом. Разбойник смеялся над словами пустынника. Долго упрашивал Адриан разбойника и с горькими слезами; наконец атаман смягчился и сказал: живите. На каменистом мысу Ладожского озера, называющемся поныне Сторожевским, тогда же жил другой разбойник с шайкою, сторожа пловцов. Завидуя счастью Адрианова соседа, он старался захватить и истребить его. Случилось, что оба атамана, разъезжая с шайками для промысла, встретились и между ними завязалась битва. Жильцы Сала были побеждены, и скованный предводитель их брошен был в лодку врага своего. Несчастный знал, что после страшных истязаний ожидает его смерть; он вспомнил советы пустынника, горькое раскаяние проникло в душу его, и — вот он видит пред собою Адриана. «По милосердию Господа, для Которого просили у тебя пощады пустынному братству, ты свободен», — сказал явившийся и исчез; атаман увидал себя без оков, на берегу, и никого подле себя. Пораженный до глубины души, пришел он в обитель и нашел Адриана и подвижников его на псалмопении. Оказалось, что Адриан не выходил из обители.

Атаман пал к ногам настоятеля и просил научить его путям спасения. Оставленный в обители, он здесь и кончил жизнь свою в тихом покаянии. И соперник его по ремеслу, по молитвам старца Адриана, наконец пришел в себя. Почувствовав пагубу своей жизни, он на месте разбойничьего притона основал обитель молитвы и подвизался в ней с именем инока Киприана. Новою жизнью своею, благотворительною для многих, блаженный Киприан не только привел в забвение у современников прежние недобрые дела свои, но пользовался уважением их; а Господь благий и милостивый за подвиги искреннего самоотречения прославил почившего подвижника чудесами[1]. Так благотворна была жизнь преподобного Адриана для глухого края. В 1546 году царь Иоанн Васильевич повелел грамотою Новгородским властям «с Рождества Христова, с году на год, ругу вместо милостыни давать: игумену (Ондрусовскому) 5 коробей ржи, 5 коробей овса, да два пуда соли, да гривну Новгородскую денег; на 12 братов, на брата по 2 коробьи ржи, по 2 коробьи овса, да по пуду соли, да по 2 алтына денег; да Пречистой и Николе чудотворцу 2 пуда меда на канун и по 2 пуда воска на свечи, да 5 коробей пшеницы на просвиры». Основатель Адриановой пустыни столько известен был по святости жизни, что он и Григорий Пельшемский воспринимали от Святого Крещения дочь царя Иоанна Анну. Это было в августе 1549 года[2]. Когда святой старец возвращался из Москвы в свою обитель и уже недалеко был от нее, близ селения Обжи злые люди напали на него и убили; злодеи надеялись найти у него деньги и не нашли ничего. Братья долго ждали своего настоятеля и уже не знали, после долгого ожидания, что о нем думать? Спустя два года в одну ночь, в сонном видении, является преподобный нескольким из старцев Ондрусовой пустыни, рассказывает им о страдальческой кончине своей, указывает место, где злодеи скрыли тело, и повелевает перенесть его в обитель. На другой день, 17 мая, иноки обрели в болоте

[1] Ондрусова-Николаевская пустынь: Ист.-стат. очерк / Сост. усердием настоятеля Валаам. монастыря игумена Дамаскина. СПб., 1856 (далее — Ондрусова-Николаевская пустынь: Ист.-стат. очерк. —*Ред.*). В Сторожке Загубского прихода близ церковной стены стоит часовня и в ней на казенной плите надпись говорит: «На сем месте погребен св. обители сея начальник — строитель прп. Киприан, преставися в л. 7000». Храм каменный в честь свт. Николая и Богоявления Господня, а в нижнем этаже — престол в честь Успения Богородицы (*Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях). На месте обители ныне деревня Сторожня, иначе — Сторожевский Нос, с приписным храмом.

[2] Никон. л. 7, 65.

нетленное тело страстотерпца и предали земле подле стены церкви святителя Николая. Так вся жизнь преподобного Адриана была преимущественно борьбою против злых людей, и Господь увенчал его венцом мученика. Потому не диво, что скоро стали чтить память его августа 26, а 17 мая перенесение мощей его[1]. В акте 1659 года сказано: «Милостью преподобного отца нашего начальника игумена Адриана — дан вклад в дом Пречистой Богородицы и чудотворцу Адриану»[2]. Император Александр, осматривая (1819 г.) губернии, пожелал поклониться преподобномученику Адриану, взял в проводника крестьянина и без свиты отправился к гробу святого; здесь долго молился он со слезами и потом прислал сосуды и книги для храма. В 1828 году мощи преподобного перенесены в новый каменный храм — Введения Богоматери во храм[3].

Блаженного КИПРИАНА СТОРОЖЕВСКОГО

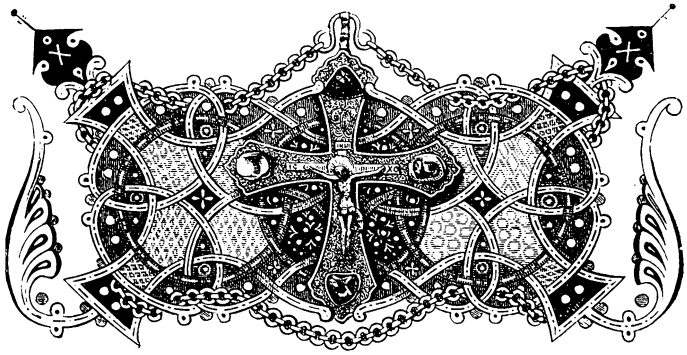
Бывший предводителем разбойничьей шайки, вразумленный и обращенный к Богу преподобным Адрианом Ондрусовским и принявший

[1] В ркп. Олонецком требнике под 17 мая замечено: «в сей день перенесение мощей прп. Отца нашего Андриана, игумена Николаевского монастыря, на Ладожском озере, на Ондрусовом острове, в Олонецком уезде, нового чудотворца, а память его празднуется августа 26». Ркп. святцы: «прп. Адриан, игумен Рождественского (Введенского) монастыря Пресв. Богородицы, иже бысть на Ладожском озере, на Ондрусовом острове, в Олонецком уезде, чудотворец; преставися в лето 7000 м. мая в 17». Убиение преподобного и явление его старцам изображается на иконах обители. По описи 1582 г. в Ондрусовом монастыре церковь свт. Николая каменная, но другую церковь деревянную в честь Введения Богоматери «сожгли немецкие люди» — шведы (1581 г.), деревянная ограда, келлия игумена и семь келлий братских сожжены (*Неволин К.А.* О пятинах и погостах).

[2] Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 128 (далее — Акты юридические. —*Ред.*).

[3] Ондрусова-Николаевская пустынь: Ист.-стат. очерк. В известиях «Сына отечества» (СПб., 1836) сказано, что императором присланы 25 000 руб. на новый храм, но деньги для нового храма собраны были строителем от разных благотворителей.

у него в обители пострижение в иночество под именем Киприана, впоследствии на месте разбойничьего притона (на мысу Ладожского озера, где и он сторожил и грабил пловцов и потому называющемся Сторожевским), он основал обитель во имя святителя Николая Чудотворца. Подвижническою своею жизнью здесь, отличающеюся благотворительностью и милосердием, Киприан загладил свою прежнюю жизнь, заставил забыть все свои прежние злые дела, и перед Богом обрел такое щедрое помилование, что был по смерти прославлен многими чудесами. Мощи его покоятся в бывшей монастырской, ныне приходской церкви.



День двадцать восьмой

Святого праведного ЕЗЕКИИ, царя Иудейского, жившего между 721 и 691 годами до Р. Х.

Езекия, сын Ахаза, нечестивого царя Иудейского, двадцати пяти лет сделался царем Иудейским и двадцать девять лет царствовал в Иерусалиме. *И делал он угодное в очах Господних во всем так, как делал Давид... он отменил высоты, разбил статуи, срубил дубраву и истребил медного змея, которого сделал Моисей, потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштан* (4 Цар. 18, 3, 4).

Ревностный поклонник Истинного Бога, Езекия, по вступлении на престол, прежде всего позаботился о том, чтобы снова храм Соломонов был открыт для Богослужения, которое было прекращено при его нечестивых предшественниках. На праздник Пасхи, совершенный с торжественностью небывалой после царя Соломона, Езекия собрал не только своих подданных, но и поданных Израильского царства. Во время этого празднества Езекия повелел истребить идолов во всем своем царстве, напомнив народу о наказаниях, постигших его предков за оставление истинного Бога; после того прекратилось идолослужение не только в Иудейском царстве, но и во многих местах в царстве Израильском, когда возвратившиеся на свою сторону бывшие на празднике сообщили и другим о благочестивых впечатлениях своих во время общего религиозного торжества.

За такое усердие к Богу царя Езекии, которому подобного *не было между царями Иудейскими и после него и прежде него* (4 Цар. 18, 5), *был Господь с ним везде* (4 Цар. 18, 7), избавлял его от врагов и исполнял прошения его. Так в четырнадцатый год царствования Езекии, когда царь Ассирийский Сеннахирим, сын Салманассара, победившего Израильтян, собрался воевать против Езекии и, взяв крепость Лахис, послал войско к Иерусалиму, требуя, чтобы Езекия немедленно сдался ему, то Господь явил чудную Свою защиту благочестивому царю.

«На кого уповает твой царь? — говорил посланный от Сеннахирима начальнику дворца Езекии Елиакиму, уполномоченному для переговоров с ним. — Уж не на помощь ли со стороны египтян надеется он? Вот, скажи Езекии, — продолжал посланный Рабсак, — ты думаешь опереться на Египет, на эту трость надломанную, которая, если кто опрется на нее, войдет ему в руку и проколет ее. Таков фараон, царь Египетский, для всех, уповающих на него... А если вы скажете мне: на Господа Бога нашего мы уповаем, то на того ли, которого высоты и жертвенники отменил Езекия и сказал Иуде и Иерусалиму: перед этим только жертвенником покланяйтесь в Иерусалиме?» «*И встал Рабсак и возгласил громким голосом по-иудейски и* (обращаясь к народу) *сказал: слушайте слово царя великого, царя Ассирийского! Так говорит царь: пусть не обольщает вас Езекия, ибо он не может спасти вас от руки моей; и пусть не обнадеживает вас Езекия Господом, говоря: спасет нас Господь, и не будет отдан город сей в руки царя Ассирийского. Не слушайте Езекии. Ибо так говорит царь Ассирийский: примиритесь со мною и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей и смоковницы своей, и пусть каждый пьет воду из своего колодезя, пока я не приду и не возьму вас в землю такую же, как и ваша земля, в землю хлеба и вина, в землю плодов и виноградников, в землю масличных дерев и меда, и будете жить, и не умрете... Не слушайте же Езекии, который обольщает вас, говоря: Господь спасет нас... Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя Ассирийского?... Так неужели Господь спасет Иерусалим от руки моей? И молчал народ, и не отвечал ему ни слова, потому что было приказание царя: не отвечайте ему. И пришел Елиаким... к Езекии... и пересказал ему Рабсаковы слова. Когда услышал это царь Езекия, то разодрал одежды свои и покрылся вретищем, и пошел в Дом Господень. И послал Елиакима, начальника дворца, и Севну писца,*

и старших священников, покрытых вретищами, к Исаии пророку, сыну Амосову. И они (передав Исаии слова Рабсака) *сказали ему: так говорит Езекия: день скорби, и наказания, и посрамления — день сей... Вознеси молитву о тех, которые еще в живых... И сказал им Исаия: так скажите господину вашему: так говорит Господь: не бойся слов, которые слышал ты, которыми поносили Меня слуги царя Ассирийского. Вот Я пошлю в него дух, и он услышит весть, и возвратится в землю свою, и Я поражу его мечом в земле его*[1].

Между тем, Езекия *пошел в дом Господень,.. и молился перед лицем Господним и говорил: Господи, Боже Израилев! Ты один Бог всех царств земли, Ты сотворил небо и землю. Приклони, Господи, ухо Твое и услышь меня; открой, Господи, очи Твои и воззри, и услышь слова Сеннахирима, который послал поносить Тебя, Бога Живого! Правда, о Господи, цари Ассирийские разорили народы и земли их, и побросали богов их в огонь; но это не боги, а изделие рук человеческих, дерево и камень; потому и истребили их... Ныне же, Господи, Боже наш, спаси нас от руки его, и узнают все царства земли, что Ты, Господи, Бог один.*

И послал Исайя, сын Амосов, к Езекии сказать: так говорит Господь, Бог Израилев: то, о чем ты молился Мне против Сеннахирима, царя Ассирийского, Я услышал. Вот слово, которое изрек Господь о нем: презрит тебя, посмеется над тобою девствующая дочь Сиона; вслед тебе покачает головою дочь Иерусалима... Кого ты порицал и поносил? И на Кого ты возвысил голос, и поднял так высоко глаза свои? На Святого Израилева. Через послов твоих ты порицал Господа... За твою дерзость против Меня и за то, что надмение твое дошло до ушей Моих, Я вложу кольцо Мое в ноздри твои и удила Мои в рот твой, и возвращу тебя назад тою же дорогою, которою пришел ты...

Так говорит Господь о царе Ассирийском: не войдет он в сей город (Иерусалим), *и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала; тою же дорогою, которою пришел, возвратится, и в город сей не войдет, говорит Господь. Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего...*

И случилось в ту ночь, пошел Ангел Господень, и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот, все

[1] 4 Цар. 18, 28–33, 35–36; 19, 1–3, 4–7.

тела мертвые[1]. Надменный же царь Сеннахирим возвратился в Ниневию, где скоро после того был убит своими детьми в то время, как пришел поклониться богам в идольском храме...

О силе молитвы праведника перед Господом может служить свидетельством и выздоровление царя Езекии от смертельной болезни.

Вскоре после отшествия Сеннахирима Езекия заболел смертельно; *и пришел к нему пророк Исаия, сын Амосов, и сказал ему: так говорит Господь: сделай завещание для дома твоего, ибо ты умрешь, не выздоровеешь*. Тогда Езекия отворотился лицом к стене и молился Богу, говоря: *о, Господи! вспомни, что я ходил перед лицем Твоим верно и с преданным Тебе сердцем, и делал угодное в очах Твоих... И заплакал Езекия сильно*. И было слово Господне к Исаии, и сказано: пойди и скажи Езекии: *так говорит Господь, Бог Давида, отца твоего: Я услышал молитву твою, увидел слезы твои,.. и вот, Я прибавляю к дням твоим пятнадцать лет*[2].

При этом сказал Исаия: *пусть принесут пласт смокв и обложат им нарыв*[3], которым страдал царь, — и когда это было исполнено, то Езекия выздоровел.

Усердна была молитва, в которой благочестивый Езекия просил Господа помочь ему, но еще пламеннее вознеслась к Богу его благодарственная молитва: *я сказал в себе: в преполовение дней моих должен я идти во врата преисподней; я лишен остатка лет своих. Я говорил: не увижу я Господа на земле живых; не увижу больше человека между живущими в мире; жилище мое снимается с места и уносится от меня, как шалаш пастушеский; я должен отрезать подобно ткачу жизнь мою; Он отрежет меня от основы; день и ночь я ждал, что Ты пошлешь мне кончину. Я ждал до утра; подобно льву, Он сокрушал все кости мои; день и ночь я ждал, что Ты пошлешь мне кончину.*

Как журавль, как ласточка, издавал я звуки, тосковал, как голубь; уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! тесно мне, спаси меня!

Что скажу я? Он сказал мне и сделал. Тихо буду проводить все годы жизни моей, помня горесть души моей...

---

[1] 4 Цар. 19, 13, 15–19; 20–23, 28, 32–35.

[2] 4 Цар. 20, 1, 3, 5, 6.

[3] Ис. 38, 21.

Господи! так живут, и во всем этом жизнь моего духа; Ты исцелишь меня; даруешь мне жизнь. Вот, во благо мне была сильная горесть, и Ты избавил душу мою от рва погибели, бросил все грехи мои за хребет Свой. Ибо не преисподняя славит Тебя, не смерть восхваляет Тебя, не нисшедшие в могилу уповают на истину Твою. Живой, только живой прославит Тебя, как я ныне; отец возвестит детям истину Твою...

Господь спасет меня; и мы во все дни жизни нашей со звуками струн моих будем воспевать песни в Доме Господнем![1]

Прочее об Езекии и о всех подвигах его, и о том, что он сделал пруд и водопровод и провел воду в город, написано в летописи царей Иудейских. И почил Езекия (54-х лет от роду) *с отцами своими*[2], и похоронен был иудеями с великим почетом на лучшем месте между царскими гробницами.

Святой мученицы
ШУШАНИКИ (СУСАННЫ),
бывшей царевны Грузинской

Дочь Грузинского царя, Шушаника жестоко пострадала за веру в Иисуса Христа от нечестивого мужа своего — вероотступника Васкена, владетельного князя Ранского или Карабахского, вассального князя Грузинского царя, — и после нескольких лет разнообразного томления скончалась в 458 году, 17-го октября. Мощи ее были перенесены в Тифлис 28-го августа 586 года и положены в приделе Метехской церкви, что ныне в замке Метехском, с южной стороны алтаря[3].

---

[1] Ис. 38, 10–20.

[2] 4 Цар. 20, 20–21.

[3] См. о ней в: *Сабинин М.П.* Полное жизнеописание святых грузинской церкви. СПб., 1871.

† ПАМЯТЬ
Печерских угодников, почивающих в Феодосиевой пещере

В 28 день августа Киевская Лавра совершает память о всех нетленно почивающих в пещере Феодосиевой. Ныне здесь открыто покоятся 46 нетленных мощей угодников Божиих. У Кальнофойского (1638 г.) показано в Феодосиевой пещере 33 святых; а у Гербиния (1674 г.) — 37. Малорусское известие «о житиях святых, в пещере преподобного Феодосия почивающих», говорит о 40 святых. Таким образом время от времени открывались мощи угодников Божиих[1]. Малорусское описание святых, как видно по содержанию его, писано после Гербиниева описания, около 1678 года[2]. Но и после того открыта была пещера с доскою, где покоились мощи священномученика Лукиана. По рукописным святцам Московским указываются в Киевских пещерах и такие угодники, о которых не говорит ни Малорусское

[1] При сличении вида пещеры Феодосиевой у Кальнофойского (*Афанасий (Кальнофойский)*. Тератургима, или чудеса, совершившиеся как в самом Печерском монастыре, так в обеих его пещерах. Киев, 1638 (далее — *Афанасий (Кальнофойский)*. Тератургима. —*Ред.*)) с видом Гербиния (*Joh(anne) Herbinio*. Kiowia subterranea. Ienae, 1675 (далее — *Herbinio*. Kiowia subterranea. —*Ред.*)) открывается, что линия пещеры на юго-западе после 1638 г. несколько изменена и, без сомнения, вследствие землетрясения, произведшего повреждения особенно в Варяжской пещере, которая шла на юг от юго-западного угла нынешней Феодосиевой пещеры. При исправлении повреждений пещеры мощи некоторых святых положены в других местах; надобно прибавить, что у Гербиния на рисунке пещеры указано несколько мощей безыменных. Конечно, имена преподобных отысканы впоследствии — по синодикам и другим записям.

[2] Это описание с кондаками и тропарями недавно напечатано в: *Модест (Стрельбицкий), еп.* Краткие сказания о жизни и подвигах святых отцов Дальних пещер Киево-Печерской лавры. Киев, 1862. Издатель полагает, что «описание» составлено в одно время с кондаками и тропарями, которых сочинителем признает он Мелетия Сирига. С мыслию его о времени «описания» нельзя согласиться, как по числу описываемых святых, так и по тому, что у Гербиния нет и намека на это описание. Малорусское описание важно тем, что взято с древних надписей, бывших на досках, закрывавших пещеры с мощами. Шесть из таких досок поныне целы, и славянские надписи на них говорят о шести пещерниках то же, что видим в Малорусском описании. «Канон преподобных дальней пещеры» (Киев, 1855) написан позже тропарей и кондаков и он менее их важен для истории.

известие, ни нынешнее описание пещер. Это означает, что мощи их были когда-то известны, но потом сокрыты переменами времени, как подобное открывается при обзоре мощей, указываемых Кальнофойским и Гербинием[1].

По указанным нами памятникам видим в Феодосиевой пещере:

а) Святителей: **Илариона Киевского, Амфилохия Владимирского, Феофила Новгородского**

Митрополит **Иларион**, как начальный Русский пещерник, имел преимущественное право на покой в пещере и притом в пещере Феодосиевой, так как здесь же была и Иларионова пещера, вошедшая в состав общей, многопещерной пещеры. К тому же он не только называется святым по надписям сочинений его[2] и в Степенной книге[3], но известен в числе Киевских подвижников по рукописным святцам, где сказано (по одному списку): «Положен бысть в Печерском монастыре». В рукописном каталоге святителей читаем о нем: «Положен бысть в Печерском монастыре и крайния ради его добродетели бысть свят и чудотворец предивен»[4]. Мелетий Сириг поет: «Михаиле, Иларионе, Петре — Божествении иерарси!» А у Гербиния Киевский патерик говорит: «Мы радуемся о своей планете Венере, о философе Иларионе, который, еще до появления Русского солнца Антония, выкопал пещеру в Берестове, в которой и жил благочестиво и почил»[5].

---

[1] Кальнофойский показывает в Феодосиевой пещере мощи: затворника Исидора, старца Евлогия и старца Даниила; но ныне их не видно. Русский паломник св. мест (1634 г.) Василий Гагара игумен: «много Полестинския земли прошел и Грузинскую — и Ефиопскую — и Мутьянскую и Сербскую — и нигде столько не нашел святых мощей чудотворцев, что в Киеве в пещерах мнозии святи во плоти опочивают нетленными, от Бога почтении, чудотворцов за 200; а инии токмо мощи лежат, и тех сказывают не одна тысяча святых» (Сказания русского народа, собр. И.П. Сахаровым. СПб., 1849).

[2] Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе: В 48 ч. М., 1843–1892. Ч. 2 (далее — Прибавления к изданию творений свв. отцов. —*Ред.*).

[3] Книга степенная. Ч. 1.

[4] Каталог Новгор. Софийск. б-ки № 203; Отеческие святцы 1718 г.

[5] *Herbinio*. Kiowia subterranea. Малорусское известие говорит: «прп. Илларион схимник такого воздержания был, иже в тыждень (в неделю) раз тилко и то мало юдал, ревнуючи прп. Феодосию, бо и сожитель его был, молитв же и молений много день и нощь с коленопреклонением и слезами творящи, угодил Господу Богу». К сожалению, не сохранилась доска пещерная с надписью, закрывавшая мощи схимника Илариона, чтобы судить, не прибавило ли чего от себя Малорусское известие

Блаженный Симон писал Поликарпу: «О митрополите Иларионе ты сам читал в житии святого Антония, что им он пострижен и таким образом удостоился святительства»[1]. По известиям преподобного Нестора знаем, что блаженный Иларион выполнял священническое служение при храме княжеского села Берестова, где был дворец великого князя и где, по примеру отца своего, любил жить благоверный Ярослав, обогащая апостольский храм дарами своими; Иларион известен был тогда как «муж благий и книжный, еще же и постник». Выкопав в Днепровской горе малую, двусаженную пещеру, он уединенно подвизался здесь в посте и молитвах; совершая служение в придворном Берестовском храме, удалялся он от шума житейского в свою пещеру для молитв и богомыслия[2]. Пострижение в иночество принял он от Антония, вероятно, незадолго до святительства. Сам он в своем исповедании говорит: «Аз мних и пресвитер Иларион»[3]. Когда умер митрополит Феопемпт († 1049), великий князь Ярослав положил возвести благочестивого и просвещенного Илариона на кафедру митрополита всей Руси. Современный летописец не говорит, по какой причине Ярослав не отправил Илариона в Константинополь для посвящения, как посвящались прежние митрополиты. Вероятно, что в этом участвовало охлаждение к Царьграду, возбужденное жестокими поступками греков с русскими пленниками[4]. Не могли не участвовать в том и смуты, какие производил тогда папа в Восточной Церкви, возбуждая недоверие к патриарху Михаилу Керуларию[5].

о схимнике Иларионе. Как бы то ни было, нельзя видеть в Иларионе Феодосиевой пещеры того послушника Феодосиева Илариона, о котором говорится в Несторовом житии Феодосия: а) Иларион Феодосиева жития — послушник, а не схимник; б) митр. Иларион имел, как сказали мы, особенные права на то, чтобы почивать в Феодосиевой пещере; но не видно причины, почему один послушник Феодосия оставлен в Феодосиевой пещере, тогда как современные Антонию и Феодосию подвижники почивают почивают в Антониевой пещере; в) по ркп. святцам показан в Киеве между святыми митр. Иларион, но не показано никакого другого Илариона; г) отзывы патерика и Сирига ясны.

[1] Послание Симона см. в: *Калайдович К.Ф.* Памятники русской словесности XII века. М., 1821. Симон употребляет слово «священства», но при сличении с Нестором и по связи мысли видно, что разумеет он святительство.

[2] Собр. л. 1, 67.

[3] Прибавления к изданию творений свв. отцов. Ч. 2.

[4] Никон. л. 1, 139.

[5] *Gieseler.* Lehrbuch der Kirchengeschichte: Bd. 1–6. Darmstadt-Bonn, 1824–1856. Bd. 2.

Печерские угодники,
почивающие
в Феодосиевой пещере

Как бы то ни было, блаженный Иларион был поставлен в митрополита в Киеве, собором Русских архипастырей. «Аз милостью человеколюбивого Бога мних и пресвитер Иларион, изволением Его, от благочестивых епископов священ бых и настолован в велицем граде Киеве, яко быти в нем митрополиту, пастуху же и учителю. Быша же си в л. 6559 (1051), владычествующу благоверному кагану Ярославу, сыну Владимиру». Так говорит сам Иларион в конце своего исповедания[1]. Нераннее известие показывает, что посвященный по древнему правилу Иларион испрашивал и получил утверждение себе в звании митрополита от патриарха[2]. И приведенные слова из исповедания Илариона митрополита дают знать, что посвященный митрополит писал и посылал куда-то свое исповедание, и, следовательно, подтверждают известие о сношении нового митрополита с патриархом. Ко времени правления Илариона Русскою Церковью относятся блистательные события церковные. В его время, говорит летопись, «вера христианская нача плодитися», т. е. приносить плоды в сознании и жизни народа. В его время начало процветать духовное просвещение, — умножены церковные училища; в его же время расцветало искреннее благочестие. К его времени относилось устройство церковного Богослужения. Он освятил храм великомученика Георгия, несколько лет остававшийся неоконченным, и установил праздновать по всей России великомученику Георгию 28 ноября[3]. Блаженный Иларион хорошо понимал и чувствовал нужды великой своей паствы, и живая любовь его к Отчизне находила средства удовлетворять им. Доподлинно неизвестно, когда последовала блаженная кончина его, но вероятно, не прежде 1066 года[4].

По своим писаниям он остается навсегда незабвенным учителем веры и благочестия. Его поучение о законе и благодати,

---

[1] Прибавления к изданию творений свв. отцов. Ч. 2.

[2] *Георгий (Конисский), архиеп.* Записки о том, что в России до конца XVII столетия не было никакой унии с Римской Церковью // Чт. ОИДР. 1847. № 8.

[3] Собр. л. 1, 69. 247. 248. По месяцесловам, освящение Георгиевского храма полагалось в 1045 г. Но это ошибка: «и святи ю Ларионом митрополитом», говорит пролог XIV в. В «Киевлянине» (1850 г.) напечатано сказание древнего пролога.

[4] 2-я Новгородская летопись под 1055 упоминает о митр. Ефреме (собр. л. 3, 122); но она составлена в XVI в. и потому не имеет права на полное доверие к себе. По Несторову житию прп. Феодосия в 1068 г. видим митр. Георгия. Итак, вероятно, кончина св. Илариона последовала в 1066 г. В одном списке святцев сказано: «преставися 6579 (1071) г.». Но это неверно.

похвала кагану Владимиру, исповедание веры и наставление о жизни[1] — блистательные памятники живого благочестия его, светлого ума и глубокого знания веры, живого красноречия и сильного чувства.

Учение о ветхом и новом законе показывает собою, что тогда имели нужду говорить против иудейства. Оно дает видеть, что безуспешные при Владимире проповедники иудейства не оставляли надежд своих на успех и при Ярославе: конечно, успехи их между хазарами слишком обольстили их. По личным сношениям с иудейскими учителями в России знали о их жестоких отзывах о христианстве, — так показывает учение Илариона. Блаженный учитель показывает превосходство благодати Христовой пред законом прежде всего типическою историей Агари и Сарры; потом раскрывает всемирное значение христианства и местное, временное — закона Моисеева. «Закон существовал прежде, но ненадолго возвысился и прешел. Вера христианская, хотя явилась и после, стала более закона и распространилась на множество языков. Благодать Христова наполнила всю землю, покрыла ее, как вода морская. Все, оставив ветхое, испортившееся по худобе иудеев, держатся нового... Прежде в одном Иерусалиме было место для поклонения Богу; ныне же — Святая Троица славится по всей земле и принимает поклонение от всей твари: малые и великие славят Бога». Затем излагается основная мысль христианства — соединение Божества с человечеством, и обличается слепота иудеев, не понявших Божественного величия в Иисусе Христе и учения пророков о Мессии. Наконец мысль о всемирном значении христианства излагается в приложении к русскому народу, причем, показывается, какие высокие благодеяния принесло с собою христианство в Россию. «Уже не без надежд мы, но уповаем на жизнь вечную; уже не капища строим, но созидаем церкви Христовы; не закалаем друг друга в жертву бесам, но Христос за нас закалается и раздробляется в жертву Богу и Отцу; уже не кровь жертв вкушаем и погибаем, но вкушаем пречистую Кровь Христову и спасаемся... Слепыми были, не зная света истинного и блуждая во тьме идолопоклонства; глухи мы были, не слыша спасительного учения; но помиловал нас Бог и пролил на нас свет ведения... Мы были прежде подобны зверям и скотам, не умели различать правой

[1] См.: Прибавления к изданию творений свв. отцов. Ч. 2.

руки от левой, привязаны были к земному и нимало не заботились о Небесном; но и к нам послал Господь заповеди, которые ведут к Жизни Вечной».

«Похвала кагану Владимиру» — одушевленное изображение заслуг и добродетелей святого великого князя Владимира, просветителя России, оканчивающееся молитвою за Россию.

В «исповедании веры» блаженный Иларион излагает свои понятия о догматах веры. Пространнее, чем другие, излагает он догматы о Святой Троице и о воплощении Сына Божия; короче говорит о будущем суде и воскресении, о почитании икон и святых. «Верую, говорит он, в Единого Бога, славимого в Троице, Отца нерожденного, безначального и бесконечного, Сына рожденного, но также безначального и бесконечного, Духа Святого, исходящего от Отца и в Сыне являющегося, но также безначального, равного Отцу и Сыну... Так верую и не постыжусь, говорит он в заключении, исповедаю пред народами, и за исповедание готов положить и душу».

Назидательное «слово святого Илариона, митрополита Киевского», помещенное в прологе[1], предлагаем здесь вполне[2].

«Молю вас, братья и сестры, позаботьтесь о вечной светлой жизни, которую Господь, по Своей милости, дает нам даром; а от удовольствий сей временной жизни будем удаляться, как от ядовитых змей; не прикасайтесь к ним. Господь приготовил нам жизнь на Небе и зовет нас. А мы, угождая телу своему сладкими яствами, питием, сном, похотями, привычками преступными, живя расслабленно, отказываемся от Небесного Царства и от Призывающего нас к нему. Он уготовал брак Сыну Своему, т. е. Небесное Царство, и послал слуг Своих звать (см.: Мф. 22, 2, 3), т. е. послал пророков, апостолов, мучеников. А мы отказываемся и говорим: жену поях, не могу идти, и еще: волы купих, иду искусить их, и еще: село купих, иду соглядать его (см.: Лк. 14, 18–20) и другими делами сей жизни отказываемся от жизни вечной, — не слышим ли, что Господь говорит: не заботьтесь о утре, что есть или пить или во что одеться. Смотрите на птиц небесных, как они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницу... смотрите на полевые цветки, как растут они, а не

[1] Пролог 21 ноября.

[2] Слово издано с рукописи XIV в. (Прибавления к изданию творений свв. отцов. Ч. 2). Оно же по рукописи XIII в. издано в: ИОРЯС. Т. V. Мы будем следовать последнему изданию в своем переводе.

трудятся (см.: Мф. 6, 25, 26, 28)? Слыша это, братия, воспрянем как от сна и пойдем по узкому пути, который ведет в Небесное Царство. Отдадим тело свое на труды, на пост, на молитву, на воздержание, на поклоны. Царство Небесное с нуждами берется и принуждающие себя берут его (см.: Мф. 11, 12). Почему же мы не жалеем себя, когда леностью своею лишаем себя жизни вечной? Понудим себя, братия, на краткое это время. Хотя бы и гореть нам во огне; но и это было бы только до смерти. Зачем же мы угождаем этому глиняному телу? Если бы знали вы небесную жизнь, вы сказали бы — пусть горим мы во огне, только бы там царствовать с Господом в великой славе, вечно. Но я не зову гореть. Нет, но потрудимся, иссушим тела свои. Господь сказал: *аще зерно пшенично пад на землю не умрет, то едино пребывает* (Ин. 12, 24). Ясно сказал тем, что если не умрет телесная похоть, то не может принести плодов духовных. Не любящий души своей в веке сем в той жизни обрящет ю (см.: Ин. 12, 25). Слыша это, станем подвизаться. Скажете ли: мы немощны? Но ты только начни, сделай начало подвигу по силе своей, сколько можешь, и Бог, видя твой подвиг, подаст тебе помощь как делателю добра. Не станем же откладывать подвига. Долга ли жизнь наша! Лет 50 или 60, а уже много 100. Много ли же нам трудиться? А между тем там на небе будем царствовать. Если же здесь станем сладко кормиться и пить и исполнять похоти плоти неудержимо, там вечно будем мучиться. Итак позаботимся. Нас зовет Сам Христос, не человек, а Царь царей и Господь всех. Преклоним ум наш к Нему, будем жить богомудренно, в посте и молитве, в труде и пении, плача о грехах своих, всегда имея пред очами Господа и день судный. Не будем ослабевать против того, как начали. Господь сказал: в чем застану, в том и сужу. Примем к сердцу это слово, не ослабеть бы нам к смерти. Не знаем мы, когда придет час смертный, похитит душу неготовую, осудит ее на вечный огонь. Если смерть застанет нас в раскаянии, то, избавясь всего горького, получим обещанные блага».

Так поучает святитель — подвижник.

О святом **Амфилохии**, епископе Владимира Волынского, которого рукописные святцы поставляют между святыми Печерскими подвижниками, летописи говорят нам только то, что он хиротонисан в 1105 году и скончался в 1122 году[1]. В одном списке святцев сказано, что «святой Амфилохий — в пещере преставися».

[1] Собр. л. 1, 119. 128. 2, 9. 287. 292. 7, 20. 24; Никон. л. 2, 38. 54.

Феофил, почивающий в Феодосиевой пещере, у Кальнофойского называется Московским епископом. Это Новгородский архиепископ, для которого сан архиепископа был причиною одних скорбей. Начало иноческой жизни полагал он в Отенской обители и при святителе Ионе был протодиаконом и ризничим кафедры. По смерти его жребием (15 ноября 1470 г.) он избран был в архиепископа. Монах Пимен, бывший ключником и успевший обогатиться на счет казны архиепископской, сильно домогался той же чести. Он пристал к партии недовольных великим князем и объявил своим друзьям: «Пошлите меня в Киев, я согласен принять рукоположение и от Григория». Но бессовестный льстец людским слабостям скоро потерял все: он уличен был в хищении казны архиепископской; его обобрали и выгнали из города. В Москву послали за дозволением Феофилу явиться для посвящения к митрополиту[1]. Скоро потом начались сильные волнения в Новгороде против великого князя. Напрасно преподобный Феофил уговаривал беспокойных искателей суеты одуматься. Имея в виду все то, что делалось тогда в Польском королевстве с православными по милости ультра-папистической партии, надобно было быть в Новгороде или слишком увлеченным земными расчетами и холодным к небу, или вовсе слепым к положению дел, чтобы желать подчинения Новгорода Польскому королю. И однако Новгород, по требованию людей своекорыстных, вступил в договор с королем польским. Феофил хотел удалиться в монастырь, но его удержали в доме архиепископа и заставили принять участие в этом договоре; для совести Феофила много значило, что в договоре настояли, чтобы православная вера оставалась неприкосновенною в Новгородских владениях и отнюдь не было бы здесь костелов; о самом посвящении архиепископа сказано, что он будет посвящаться там, где угодно Новгороду. Таким образом Феофил не желал расторгать связи с Московским митрополитом, верным блюстителем Православия[2]. Митрополит Филипп не раз присылал письменные увещания Новгороду — разорвать связь с королем[3]. Новгород решился на войну с великим князем, тогда как в то же время

[1] Акты исторические. Т. 1, № 279; Собр. л. 3, 141. 4, 235. 236. 6, 191; Книга степенная. Ч. 2.

[2] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1; Книга степенная. Ч. 2.

[3] Акты исторические. Т. 1, № 380, 281; Книга Степенная. Ч. 2.

страшный пожар истребил в нем множество домов, 8 храмов и даже немало людей. Шелонская битва (14 июль 1471 г.), в которой полк архиепископа, по его наставлению, не принимал участия, окончилась в пользу великого князя, Феофил заставил новгородцев просить милости у православного государя, и заключен был договор с ним[1]. В декабре Феофил посвящен был в архиепископа в Москве и выпросил у великого князя свободу 30 знаменитым новгородцам, захваченным в плен[2]. Архипастырь мирно занимался потом церковными делами и посещал Псков для обыкновенных судных дел[3]. В 1475 году Иоанну донесли на неправосудие сановников Новгорода; обвинение, к несчастью Новгорода, было справедливо; два раза являлся архипастырь к великому князю с ходатайством о милосердии к виновным. Иоанн III оказал некоторое снисхождение[4]. Но в 1477 году новгородская знать, по своим расчетам, сама предоставила Московскому великому князю поводы требовать от Новгорода большего, чем требовал он прежде. Некоторые из знати, после того как являлись в Москву требовать суда против своих врагов, устроили дела в Новгороде так, что явились в Москву двое чиновников веча — с признанием Иоанна государем Новгорода. При таких смутах от Новгорода потребовали, чтобы отказался он от всех древних прав своих. И действительно, старый порядок дел Новгорода уже несогласен был с переменившимся положением России. Блаженный Феофил видел это, но не видели многие в Новгороде. Архипастырь много употребил трудов на то, чтобы как великий князь смягчил суровые свои требования, так и Новгород не был слишком настойчив на свои отжившие права; не раз являлся он к великому князю с просьбами за Новгород. Иоанн сделал кое-какие уступки, но не важные. Новгород отважился снова вступить в сношения с королем, и Феофил, по званию архиепископа Новгородского, вовлечен был в это дело. Иоанн (1478 г.) вошел в Новгород с войсками; Новгородская кафедра лишена была многих сел и имуществ, собранных веками; затем заставили Феофила отказаться грамотою от управления епархией, и около трех лет жил он

[1] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1; Собр. л. 3, 142; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VI, прим. 66; Книга степенная. Ч. 2.

[2] Собр. л. 3, 183. 4, 150. 6, 194; Книга степенная. Ч. 2.

[3] Собр. л. 4, 246. 254. Грамота его в Псков о святительском суде в: Акты исторические. Т. 1, № 287.

[4] Собр. л. 4, 252. 6, 201–205; Книга степенная. Ч. 2.

в Чудовом монастыре, сперва в тесном заключении, потом больной[1]. На пещерной доске, закрывавшей мощи блаженного святителя, написано было следующее: «Когда Феофил лежал больной в Чудовом монастыре, явился ему Новгородский епископ Нифонт, почивающий в ближних пещерах, и напомнил ему обещание его поклониться Печерским преподобным. Он отправился в Киев и уже приближался к Днепру, как болезнь его усилилась, и он получил откровение, что хотя не достигнет он живым до пещер, но тело его упокоится в них, и это исполнилось»[2]. Кондак ему: «Яко воистину по имени своему житие, Боголюбезне святителю Феофиле, преподобне соблюдшу, явися тебе Христос Спас, обещая ти живот вечный и Царствие Свое, в нем же днесь ликуя, не забуди нас рабов твоих».

б) Из почивших в сане священства ныне открыто почивают в Феодосиевых пещерах: **игумен Пимен постник, Игнатий архимандрит, иеромонах Евфимий, Панкратий иеромонах и затворник, Лукиан священномученик и исповедник Памво**. В рукописных святцах упоминаются еще **преподобный Тимофей игумен, преподобный Акиндин архимандрит и преподобный Досифей архимандрит**.

Игумен **Тимофей** в 1127 году был предшественником Пимена и преемником Прохора. В 1130 году обложил он раку преподобного Феодосия серебром и золотом, на что Суздальским тысяцким Юрием Симоновичем прислано было 500 гривен серебра и 50 гривен золота. **Пимен** постник был игуменом с 1132 до 1141 года. При нем подвизались святой князь Святоша, преподобные Спиридон и Никодим; Спиридона

---

[1] Книга степенная. Ч. 2. Грамота его с отречением от кафедры см. в: Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1. Новгородские летописцы (Собр. л. 3, 138. 4, 152. 6, 19) говорят: «посади его в монастыри у Чуда и сидел полтретья лета, ту и преставися». Так как Феофил взят в Москву в январе 1480 г., то кончину его по тому счету надлежало бы отнести к середине 1482 г. Но невероятно, чтобы и после смерти его не назначили преемника ему Сергия целый год. Итак, надобно положить, что два года с половиною были временем самого тесного заключения, потом страдалец с полгода лежал больным; больному предоставили свободу пребывать где хочет, и он весною 1483 г. отправился в Киев.

[2] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры. Малорусское известие: «Прп. Феофил, епископ Новгородский, которому в хоробе указался прп. Нифонт, мовячи: иж обещался поклонитися святым Печерским, а не исполнил еси... Але гды приехали ко Днепру, указался ему Христос, ознаймуючи ему кончину и обеща душу его прияти, тилько не хай тело твое положат в Печере и так преставился, которого в колоде Днепром пущенное аж под Печеру приплыло и ту положено».

он принял и в обитель. Об иноческом подвиге его древнее известие говорит: «Имел тую благодать, иж раз тылько в тыждень (в неделю) мало едал, а беспрестанно послушание монастырское отправлял, а нигды от посту не ослобевал, и в жорнах мелючи и дрова на себе носячи, а чрез день на молитве стоял». Кальнофойский так указывает на него: «Кости святого инока Пимена»[1].

Преподобный **Досифей** архимандрит первый принес в Россию с Святой Горы Афонской чин пения дванадесяти псалмов и написал ответ на предложенные ему вопросы о жизни Афонских иноков, не вполне уцелевший в рукописях. Поелику же об употреблении чина 12 псалмов упоминается уже в послании Симона к Поликарпу, то преподобный Досифей должен быть признан предшественником преподобного Акиндина. Неизвестно, когда принято им имя Феодосия, в малой ли, или великой схиме, только в назидательном повествовании его о жизни Афонцев по спискам он называется то Досифеем, то Феодосием. «Послушники, — говорит здесь преподобный, — живут (на Афоне) по воле и благословению старца. А братия, живущие отдельно по своим кельям, держат во всю жизнь такое правило: всякий день прочитывают половину псалтири и совершают по 600 молитв: Господи Иисусе Христе! Если кто хочет прибавить, это в его воле. Сверх того полагают от 300 до 500 поклонов. Но и всякий час, сидя, ходя, лежа и занимаясь рукоделием, непрестанно с воздыханием сердечным говорят: Господи Иисусе Христе! Неумеющие грамоте совершают 7000 молитв Иисусовых, кроме поклонов и церковного правила. А более немощным — более легкое правило. Престарелым более предписывается совершать молитву Иисусову и внимание умное, а поклоны по силе. Святогорцы весьма любят молчание для Бога и бегают мятежа и бесед мирских. Скажите Бога ради и прочим братьям, кто будет спрашивать: тогда как святые отцы на Руси имеют обыкновение прочитывать всю псалтирь в Великий пост и другие посты, святогорцы живут не так: они одно держат правило во всю жизнь. Там каждому брату надобно иметь в келье иконостас или крест

[1] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры. Но здесь ошибочно сказано, что Тимофей поставлен в 1124 г. Прохор скончался 15 ноября 1127 г. (Собр. л. 2, 10. 12. 293). Пимена, постника Феодосиевой пещеры, не надобно смешивать ни с Пименом многоболезненным (7 августа), ни с Пименом сподвижниокм Кукши (27 августа): эти оба в Антониевой пещере.

и перед ним выполнять правило. Неумеющий читать должен служить рукоделием, послушанием по службе, с отсечением своей воли»[1].

По летописи, блаженный **Акиндин** архимандрит в 1231 году был на посвящении Ростовского епископа Кирилла[2]. Блаженный Симон епископ называет его «мужем святым». О ревности его к жизни духовной свидетельствует то, что приказал он благочестивому и наблюдательному Поликарпу описать жизнь Печерских подвижников в память и назидание черноризцам. Поликарп, как говорит он сам, исполнял эту волю блаженного игумена «в 15-й год игуменства» его. Поелику же Поликарп со скорбью замечает, что уже 160 лет прошло, как после летописца Нестора никто не писал о Печерских подвижниках, а преподобный Нестор о блаженных отцах писал в летописи под 1074 годом: то 15-й год игуменства Акиндинова падает на 1234 год, первый же год его — на 1219 год, и Акиндин был преемником блаженного Досифея — Феодосия[3].

Святой **Лукиан** пресвитер, «в священстве и иночестве благочестно пожив», претерпел мученическую смерть при нашествии Батыя в 1239 году[4].

Подобно святому Лукиану муки терпел за веру преподобный **Памво**. По древнему известию, Памво, «на послушании монастырском пойманный от поган, много от них пострада, не хотячи Христа отврещися, молвил им, иж ваши боги прокляти суть, а я верую во Христа истинного Бога, Который сотворил небо и землю; Той и мене избавит

---

[1] Ответ напечатан в: Прибавления к изданию творений свв. отцов. Ч. 6. По рукописи Погодина, «правило» с такою надписью: «правило Св. Горы; принес архим. Печерский Феодосий, како есмы от Св. Горы пришли». У Толстого (II, 63) то же с именем Досифея. Этим объясняется, почему митр. Евгений во 2-м изд. описания Лавры исключил Досифея в списке настоятелей: Досифей и Феодосий, скончавшиеся в 1219 г., — одно и то же лицо (*Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры).

[2] Собр. л. 1, 194.

[3] В приложении к житию Агапита Поликарп пишет Акиндину: «поелику твое преподобие повелевает, то я пишу, как достигаю твоим умом и сколько помогает память, хотя и неудачно. Пусть написанное останется будущим после нас на пользу, как блаж. Нестор написал в летописи о блаж. отцах Дамиане, Иеремии, Матфие и Исаакие и как в житии св. Антония написаны все жития их, хотя и кратко. Я буду говорить о черноризцах открыто, не таясь, как уже и сказал об них. Вот я говорю о них в 15 лето своего игуменства, а в продолжении 160 лет доселе не было упоминаемо о них».

[4] Надпись на старинной доске с изображением святого: «Лукиан священномученик пострадал от Батыя около 1243 г.». Показание, очевидно, неопределенное.

от рук ваших. Ангели визволили (освободили) его от уз и здравого в келлии посадили». Тропарь преподобному: «Неленостным послушанием и отвержением воли своей крепко себя обуздав, вдался еси за Христа на муки и раны: от Него же сугубо, всечестне отче Памво, венчався, молися о душах наших». По этим известиям, преподобный Памво, не упоминаемый Поликарпом, терпел страдания за веру от татар язычников. По всей вероятности, это было в 1240 году — когда иноки, затворившись в пещерах от врагов, вынуждены были послать Памву за пищею; как ни велика была опасность, Памво принял на себя дело послушания, но был схвачен татарами, которые подвергли его мукам. Освобожденный чудесно от смерти, он почил в затворе в 1241 году.

Преподобный **Игнатий** с 1435 года архимандрит Лавры «за святое житие, — говорит о нем древнее известие, — получил от Бога дар чудес, молитвою своею исцелял он многих недужных, кому давали просфору, освященную в служении его, получал тот исцеление». Кондак ему: «Проходя, всеблаженне, добродетелью от силы в силу и всех с тобою сущих превозвышая, всем служил еси, Игнатие, и угождал, — тем избран всем в дому Божия Матери сущим в старейшину и вождя, в чесом паче Господеви благоугодил еси, стадо Его добре упас; молися о нас, чадах твоих»[1].

---

[1] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры. Здесь преемники прп. Игнатия до Мелетия Бокуринского показаны весьма сбивчиво и неверно. Имея в виду ркп. Софийский синодик и поверив его грамотами, представляем преемников св. Игнатия: 27 — Николай в 1446 г. свидетельствовал духовную кн. Владимира Андреевича (Опис. Муз. 111), а в 1463 г. слушал рассказ о Пасхальном приветствии преподобных (сентярь 21); 28 — Иоанн 2; 29 — Иоасаф; 30 — Феодосий Войнилович с 1480 до 1491 г. (Акты Западной России. Т. 1, № 66, 111); 31 — Макарий, Слуцкий архимандрит, с 1492 г. (Там же, № 99); 32 — Филарет в 1500–1505 г. (Акты Западной России. Т. 2, № 1, 46); 33 — Вассиан Шишка упомянут в грамоте 28 ноября 1506 г. (Там же); 34 — Иона был на соборе 1509 г.; 35 — Сильвестр; 36 — Григорий; 37 — Петр; 38 — Игнатий в 1522 г. испросил грамоту на общежитие (Акты Западной России. Т. 2, № 112); 39 — Антоний с 23 апреля 1524 г., но по грамоте 17 июля 1525 г. уступил место Игнатию, а сам поступил в Овручский монастырь. В июле 1528 г. по ходатайству киевского воеводы Немировича, снова настоятель лавры (Акты Западной России. Т. 2, № 126, 135, 154); 40 — Иоаким в 1532 г. переведен из Выдубицкого монастыря; 41 — Протасий с 1535 г.; 42 — Софроний, известный по грамотам 1540 и 1541 гг. (Акты Западной России. Т. 2, № 204, 210); 43 — Вассиан грамотой 1542 г. назначен из архим. Минского (Акты Западной России. Т. 2, № 216. Т. 3, № 1); 44 — Иосиф архим. 1550 г. (Акты Западной России. Т. 3, № 112); 45 — Иларион Песочинский 1559–1566 г.; 46 — Геннадий; 47 — Мелетий.

О преподобном **Евфимии** схимнике иеромонахе Кальнофойский пишет, что ременным крестом его благословляются приходящие к нему, и некоторые больные получают исцеление; а в рукописных святцах называется он иеросхимником и молчальником[1]. По древней записке, «як в схиму постригся, негды ни с ким, ни мало, ни велико, не мовил, окроме молитвы в церкви и в келии; жадна теж покорму (никакой пищи), который огнем роблен, не идал, окроме сурового зелия». Преподобный **Панкратий** священник и чудотворец, говорит та же записка, молитвою и постом и помазанием елея исцелял больных и, нелениво подвизаясь для спасения своего, угождал Господу. Кондак ему: «В постницех явился еси велик, во иереях же нарочит и в чудотворения дарах показася славен, священне отче Панкратие; тем тя чтим и ублажаем».

Из диаконов ныне открыто почивают: **Акила, Макарий** и **Мартирий**. По древней записке, «преподобный **Акила** не только не вкушал никогда вкусной пищи, приправленной или вареной, но и суровой ел мало; пищею служила ему просфора, вкушаемая раз в неделю». В кондаке еще сказано, что при таком посте «он был тверд в бдениях молитвенных». Преподобный **Макарий,** будучи больным ребенком, обещан был Богу, если выздоровеет, и по выздоровлении отдан был Печерским отцам; обученный в монастыре всему доброму, удостоился монашества и диаконства; в этом звании еще усерднее служил он Богу постом и молитвою и сподобился дара чудес. «**Мартирий** диакон, — по древнему известию, — за великую чистоту и постнические подвиги удостоен был диаконства и дара чудес. За кого молился он, стоя на амвоне, испрашивал тому нужное, или здравие или благую мысль; бесам был страшен и издали, и прогонял их молитвою; после долгих подвигов и трудов переселился к Богу, Которому служил». Кальнофойский писал: «Тело святого инока Мартирия диакона, поныне почивающего в стихаре».

---

[1] По переводу описания Лавры (*Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры) у Кальнофойского крест Евфимия «раменный»; но в подлиннике «rzemienny krzyz». Кальнофойский пишет: «прп. Иеросхимонах Евфимий: знак того — раменный крест на святом; приходящие благословляются им и некоторые больные исцеляются» (*Афанасий (Кальнофойский)*. Терапургима). К сожалению, перевод митр. Евгения часто не точен. Например, Кальнофойский определенно говорит, целое ли тело святого лежит или только кости его. Под № 52: «преподобные двое, во Св. Духе братья, Мартирий и Моисей, положены в одном гробе; целые в телах своих». Последних слов нет у митр. Евгения. Под № 36: «кости святого инока Пимена», у Евгения — мощи. Под № 55, 56, 65 — многое не переведено.

в) С именем чудотворцев покоятся преподобные **Агафон, Григорий, Ипатий** и **Моисей**. По древней записке, преподобный **Агафон** «за постническую жизнь сподобился такого дара, что на какого больного возлагал руку, получал тот исцеление; он имел и дар пророчества, знал о времени своей смерти». Лавра молит его: «Агафон блаженный, красота постников, пророк неложный, целитель больных! Скажи нам нечувственным, нет ли в нас пути беззакония, и наставь нас твоими молитвами на путь вечный». Пищею преподобного **Григория** во всю жизнь служила невареная трава; он давал эту траву приходившим к нему, и больные исцелялись. «Преподобный **Ипатий** целебник служил святым отцам во времена болезни их; молитвенник и постник, он получил от Бога такой дар, что прикосновением руки исцелял больных; и ныне кто в болезни притекает к мощам его, получает исцеление». Преподобный **Моисей** чудотворец, желая представить тело свое чистым Богу, старался умерщвлять его разными способами: носил на голом теле железный пояс и железный крест, который устроил себе сам; за такие подвиги и труды удостоился дара чудес. Кальнофойский пишет: «Преподобные двое, во Святом Духе братия, Мартирий и Моисей положены в одном гробе, целые в святых телах своих». Ныне они покоятся отдельно.

г) В затворе приобрели спасение: преподобные **Афанасий, Анатолий, Кассиан, Лаврентий, Пафнутий, Пиор, Софроний** у Кальнофойского и по рукописным святцам еще **Исидор**. Кондак преподобному **Афанасию:** «Ведый мира сего суету быти тщетну, отвратился еси ея не только очима, но и всего себе всеконечне, преподобне, отвратив, затворился еси в темней пещере, в ней же в молитвах и слезах многовременне потружся и обрет на Небеси бесконечную радость, молися непрестанно за души наша». По древнему известию, «тому без свечки небесная (духовная) светлость светила, — исцеление подает, кто с верою приходит». По тому же известию, «преподобный **Кассиан,** затворник и постник трудолюбивый, святым послушанием принудил бесов исповедать, что в Печерском монастыре много есть таких иноков, которые могли бы прогонять бесов, и что бесы сильно боятся святых Печерских». У Кальнофойского сказано: «Лежат мощи святого инока и постника Кассияна». У Гербиния преподобный Кассиан также называется постником. Преподобному **Лаврентию** тропарь: «Затворивый себе Господа ради в темней пещере, преподобне отче Лаврентие, многолетне и Ему добре в ней угодивый, подаждь

и нам от всякого зла чувствия затворити и тмы страстей отвратитися и светлость получити Царствия Небесного». «Преподобный **Пафнутий** затворник, — по древнему известию, — оставши законником (иноком), беспрестанно плакал, воспоминаючи себе, иж придет час, когда душа с телом разлучатися будет; где станут Ангелы? Кому душа достанется? и який декрет (решение) Христос учинит? где мает душа достатися, чи до неба, чи до пекла? В котором плачу содержась аж до смерти; а умираючи видел хоры Ангелов, которые по его душу пришли и в небо запроводили». Преподобному **Пиору** тропарь: «Затворивыйся, Богоблаженне Пиоре, в месте темне и отнюдь света сего и всяких плищий (тревог) в нем сущих зрети не хотевый, света же днесь невечернего яко сподобился, моли и нам светом тем же озаритися». У Кальнофойского замечено: «Мощи преподобного старца и отца нашего Пиора; только ноги видны, а прочее тело засыпала земля». Преподобный **Софроний** затворник, по древнему известию, каждый день прочитывал псалтирь, всегда носил власяницу и еще носил на теле железный пояс.

Постники: **Вениамин, Захария, Зинон, Иосиф**; схимники: **Силуан** и **Сисой**, у Кальнофойского старцы: **Евлогий** и **Даниил**. По древнему известию, преподобный **Вениамин** «был купцом великим. Той единого часу в церкви слухаючи пильно (внимательно) набоженства (благочестие) церковного, почул оное слово с псалма: *погубиши вся глаголющия лжу* (Пс. 5, 7), взял себе тое в память, мовячи: если Господь Бог погубит глаголящих лжу, то и купцов, бо купечество без лжи не может ся обойти; а потом, почувши слово, яко не удобь богатии внидут в Царствие Небесное, раздал все имение нищим и на церкви и зостал иноком, угождаючи Господу Богу в постах и молитвах аж до смерти». Кальнофойский пишет: «Святый отец Вениамин лежит в осмоленной колоде»[1]. Преподобный **Захария,** постник, постановил «себе до смерти ничего печеного, а ни вареного, не исти, тылько суровие ярены (зерны ярового хлеба) и то раз в день, мало, по заходе

[1] Надпись на доске пещерной: «Прп. отец наш Вениам. Бесчисленными, в мире живя, обвязан был куплями житейскими. Егда же слыша словеса Евангелия, яко неудобь богати внидут в Царствие Небесное, абие измени богатство на нищету произвольную Христа ради и, раздав имение все требующим, сам присовокупился к нищим в духе, прп. Отцем Печерским, с ними же добре потрудися, пройде душею к подвигоположнику Христу прияти венец победы. Мощи его святыя зде нетленно почивают».

солнца, едал, и так був страшный бесам, же имя его гды кто спомнил боялись: той и ангели часто видал». «Преподобный **Зинон,** постник и трудолюбец, многими добродетельного иноческого жития подвиги, постом, молитвами, смирением, послушанием благоугоди Богови». Кальнофойний писал: «Почил после трудов своих благословенный инок Зинон; в теле целом лежит». Преподобному **Силуану** тропарь: «Многого ти ради воздержания и безмерного пощения приемый благодать чудотворения и к Богу велие дерзновение стяжавый, постником красота, Силуане, Тому молися, да подаст нам мир и велию милость». Древнее известие говорит, что раз «злодее прийшли красти; молитвою связал он, же не могли рушитися (двинуться) с места чрез три дни, а потом оных наказавши и до покаяния приведши, пустил». По канону, преподобный Силуан «ревнитель чистоты и хранитель садовый, татей — плоды окрасти хотящих» связал. Преподобный **Сисой** схимник, живя в пещере постнически, постом и молитвою усмирил чувственные страсти; он узнал день преставления своего и ныне подает исцеления приходящим с верою. По рукописным святцам, он был канонархистом и конечно прежде, чем принял схиму. Преподобный **Иосиф** болезненный, много лет хворая, обещался служить в Печерском монастыре до смерти, если Господь поднимет его. Бог услышал его, и он выздоровел: поступив в монастырь, усердно трудился до смерти, угождая Господу Богу постом и молитвою и служа братии. Правая рука почившего преподобного Иосифа остается в положении молящейся: три первые перста соединены вместе, два последние, безымянный и малый, пригнуты к ладони.

д) Канонархисты: **Геронтий** и **Леонтий**, «в младых летах постриглися в образ иноческий и жили угождаючи Господу Богу в постах и молитвах, подобячися совершенным святым отцем».

е) Странническую жизнь проводил преподобный **Аммоний**, полное бескорыстие стяжал **Мардарий**, молчанием спасался **Феодор**, **Паисий** и **Меркурий** жили в братской любви. Преподоный **Аммоний,** по словам кондака, много странствовал в жизнь свою. По древнему известию, «за благословением игумена ходил до Святой горы и до Иерусалима, кланяючись местам святым и ревнуючи житию святых великих отцев, а потом вернувшися, так жил святобливо (свято), иж за него многие вызорунок (образец) жития иноческого брали у старости». Преподобный **Мардарий,** по рукописным святцам «нестяжательный», по древней надписи «бескелейный». С тех пор, как стал он иноком,

«не только старался хранить пост, молитву и послушание, но приучил себя полному бескорыстию, так что ничего не хотел держать в келье своей, кроме одежды, которую носил на себе». Преподобные **Паисий** и **Меркурий** «жили в братской любви и просили Господа, чтобы нигде не разлучал Он их. Господь дал им по молитве их: на земле жили они в одной келлие и по смерти положены вместе, и на небе наслаждаются вместе радостью у Христа Господа». Любовь не умирает, сказал апостол (см.: 1 Кор. 13, 8).

ж) Трудолюбивые: **Арсений, Логгин вратарь, Нестор некнижный, Павел** и **Руф послушливые**. О преподобном **Арсении** древнее известие говорит, что «его никогда не видали праздным, а всегда то молился он, то выполнял послушание монастырское; пищи не принимал никогда прежде захождения солнца». По словам Кальнофойского, «лежит над другим в пещере»[1]. Преподобный **Логгин** исполнял послушание вратаря; «он имел, — по древнему известию, — такой дар от Господа, что знал мысли людей, с какими кто входил в монастырь и с какими выходил; кого видел с дурными мыслями, напоминал тому, чтобы отстал от злой мысли своей, грозя ему гневом Господа Бога»[2]. Преподобный **Нестор,** по древнему известию, «не книжный, не тот, что написал летописец о Руссии, а другой; этот был неученый и рода простого. Оставив свет и хлопоты мирские, так горячо служил Господу, что, слушая благочестивые поучения, никогда не дремал, молясь не думал ни о чем другом, как о Боге и о том, что говорил языком; день от дня стараясь быть лучшим, он видал при молитвах ангелов и Самого Христа, и узнал день смерти своей». Преподобный **Павел** послушливый, приняв на себя иноческий образ в Печерском монастыре, безропотно выполнял послушание, какое ни назначал ему настоятель, и никогда не был праздным, во время свободное от послушания усердно молол жерновами, изнуряя тело свое. Преподобному **Руфу** послушливому

[1] Надпись на доске пещерной: «прп. Арсений трудолюбивый никогда же являшеся празден, но всегда или моляшеся или послушание делаше монастырское; хлеба не вкушаше, разве по захождении солнца. Ныне же во свете немерцающем видения лица Божия наслаждается». Почти то же в Малорусских известиях.

[2] Надпись на доске пещерной: «прп. Логгин, вратарь Печерский, свято и праведно монастырское проходя послушание, сицеваго от Всеведца Бога сподобился дара чудотворения, яко ведал приходящих в монастырь и исходящих мысли сокровенныя; добрых во благом предложении утверждал, злых же нещадно обличал, приводя к покаянию. По многотрудном житии, отъидя к Господу, есть неусыпающий о всех приходящих к Богу молитвенник».

кондак: «Честна смерть твоя, преподобне Руфе, пред Господем; честне бо и преподобне жизнь твою в послушании святом препроводил еси; тем тя почитаем, яко послушником образ и наставника». По древнему известию, выполняя послушания, постоянно заботился быть лучшим. Почил в затворе.

з) Князь **Феодор** и **Тит-воин** почивают также нетленные[1]. По древнему известию, «преподобный **Тит-воин**, когда на войне пробили ему голову, пришел в монастырь; здесь плакал он о грехах своих до смерти; пред смертью дано ему знать, что Господь простил грехи его»[2]. Князь **Феодор** Васильевич (а не Данилович) Острожский, по летописям, усердно строил и украшал храмы православные на Волыни, тогда как папизм домогался разрушать их[3]. Искренний христианин и ревностный сын Православия, князь Феодор был мужественным защитником православных против насилий папизма. Когда Ягелло, отступник от Православия для Ядвиги, стал теснить святую веру и права русских, князь Феодор, по словам современного польского историка, «самый храбрый из всех князей Литвы и России и самый опытный в военном деле», приняв сторону низверженного защитника православных Свидригайлы, в 1432 году несколько раз разбивал поляков, взял Смотричь и едва не уничтожил польскую армию. В следующем году взял он Луцк и Каменец. Победы его вынудили Ягелла оградить законом свободу Православия, сравнять русское дворянство

---

[1] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры.

[2] Славянская древняя надпись на уцелевшей пещерной доске: «прп. Тит воин, бывший на брани, пораже бе во главу оружием едва не смертне и сего ради остави воинствование; мало нечто вознемог, прииде в монастырь Печерский и, прият быв от ту живущих преподобных отцев, облекся в чин иноческий и доблественно подвизался постом и молитвою противу невидимых супостатов, вооружися слезами же беспрестанными, толику сниска благодать, яко извещено бысть ему прежде смерти о отпущении грехов его. После переселился духом на небо к торжествующим ликом, доброподвижное же тело его зде положенное почивает». Украинское известие короче.

[3] *Перлштейн А.* Описание города Острога // Чт. ОИДР. 1847. Кн. 4. На величавых развалинах замкового Богоявленского храма надпись: «6921 (1414)». Храм Печерский, обращенный в XVII в. в костел, по визитационной книге, основан кн. Феодором Васильевичем, будто бы для доминиканцев митр. Исидора. Но в 1442 г. кн. Феодора уже не было в живых. Несецкий в свое время читал в городских Львовских книгах запись о том, что кн. Феодор построил в Галиче клироскую церковь и дал для содержания село Перечинское (*Niesiecki K.* Herbarz Polski. Lipsk, 1839–1845. T. VI).

с польским и оставить без исполнения замыслы, неприязненные Православию. Когда же Ягелло переменился в отношениях своих к Православию, князь Феодор примирился с Польшею и в 1435 году, освободясь из рук жестокого Свидригайлы, осыпан был милостями Польши. По всей вероятности, после жаркой битвы с татарами 1438 года, когда, по словам современника, «пал цвет русского дворянства», князь Феодор удалился в Печерскую обитель и сменил княжескую мантию на иноческое вретище[1]. Древнее Печерское известие говорит о нем: «Оставивши прелесть мира сего и княжескую славу, взяв на себя святое иночество, крепко подвизался он для спасения своего до самой смерти»; по древнему кондаку, бывший князь отличался «смиренным послушанием и безмолвным житием»: какой контраст с прежнею, ни от кого не зависимою и шумною жизнью! Подлинник изображает его: «Преподобный Феодор князь Острожский — надсед; брада — на конец космами, власы с ушей; на плечах клобук черный; риза преподобническая; руки накрест держит у сердца»[2].

Таким образом видим, что большая часть угодников, почивающих в Феодосиевой пещере, по ясным указаниям памятников, принадлежала кончиною XIII–XV века. После сего становится вероятным само по себе, что и те, которых время не указано ни в записках пещерных, ни в летописях, относились к тому же времени. Это видно еще и из того, что никто из почивающих в Антониевой пещере не кончил подвига своего позже 1220 года и никто из почивающих в Феодосиевой пещере не описан ни Симоном, ни Поликарпом.

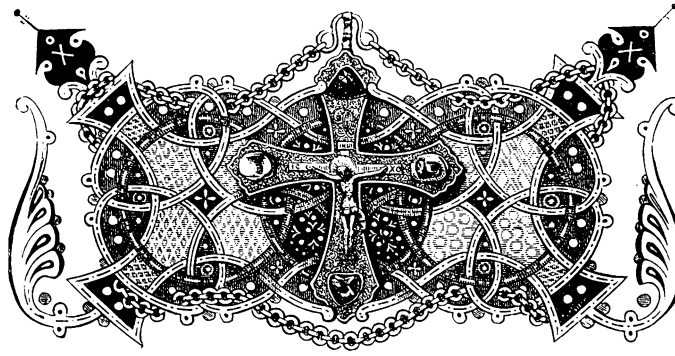
Тайновидец пишет: *и взглянул я, и се Агнец стоит на горе Сионе и с Ним сто сорок четыре тысячи, у коих имя Отца написано на челах. Это суть те, которые не осквернились с женами; ибо они девственники; они идут за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Никто не мог научиться песни той, кроме сих ста сорока четырех тысяч искупленных с земли* (Откр. 14, 1, 3, 4). «Куда идет Агнец, — говорит блаженный

---

[1] *Długosz.* Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Lib. XI; *Daniel Cramer.* Das Grosse Pommerische Kirchen-Chronikon. Lib. XX; *Зубрицкий Д. И.* Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси / Пер. Бодянский. М., 1845. В 1440 г. уже не видим кн. Феодора в числе деятелей Южной Руси; в 1446 и 1447 г. видим в Остроге кн. Василия Феодоровича.

[2] *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. В 2 т. СПб., 1866. Т. 2 (далее — *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской словесности. —*Ред.*).

Августин, — идет так, что с Ним могут идти не кто другие, как души девственные? Куда идет Он? Какие это жилища покоя? Это места, где удовольствия бесконечно более высокие, чем суетные, безвкусные, обманчивые наслаждения мира. Это даже не те места покоя, которые даны будут в Царствии Божием недевственникам. Это совсем другие жилища. Радостью девственников будет Сам Иисус, радость чрез Иисуса и в Иисусе. Это радость особого рода, не общая с радостью других святых. Другие святые, которые не будут следовать за Агнцем, будут видеть сопутствие девственников Агнцу, но не станут завидовать тому: они будут радоваться их счастью. Они не будут петь песни, а станут слушать, и в драгоценном преимуществе, которым те будут наслаждаться, найдут свою радость».



День двадцать девятый

† СТРАДАНИЕ святого АНАСТАСИЯ

Святой Анастасий родился в Струмницкой епархии, в селе Родовичах[1]. Добрые родители научили его святой вере и для того, чтобы мог он честным ремеслом добывать себе хлеб, отдали его учиться оружейному мастерству, и он изучил это мастерство. На 20 году случилось ему побывать у учителя своего в Солуне; у мастера было несколько турецких одежд, которые захотелось ему сбыть с рук без платежа таможенной пошлины. Оружейник уговорил бывшего ученика надеть на себя одно платье и выйти за город в этом платье. «В этом платье ты чистый турок», — говорил мастер. Ученик отговаривался, чувствуя опасность поручения; но по добродушию, по желанию оказать услугу учителю, согласился исполнить поручение его. Сборщики хараджа останавливают его и спрашивают тескэре — письменного вида об уплате хараджа. Анастасий отвечал, что он турок. Сборщики потребовали, чтобы прочитал салеват — магометанскую молитву. Это неожиданное требование смутило юношу. Он молчал. Сборщики с толчками ведут его к своему начальнику. Тот, допросив Анастасия, предлагает ему

[1] О мученичестве его см.: *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке, со времени завоевании Константинополя турками. СПб, 1862 (далее — *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке. —*Ред.*).

потурчиться. Молодой человек слишком далек был, чтобы согласиться на такое предложение. Выслушав ответы его, чиновник отвел его к главному сборщику. Этот сперва старался обольстить обещаниями наград за согласие принять магометанство, потом обратился к угрозам. Юноша был непреклонен. Он сознавался в своей ошибке гражданской, но ни за что не соглашался изменить святой вере.

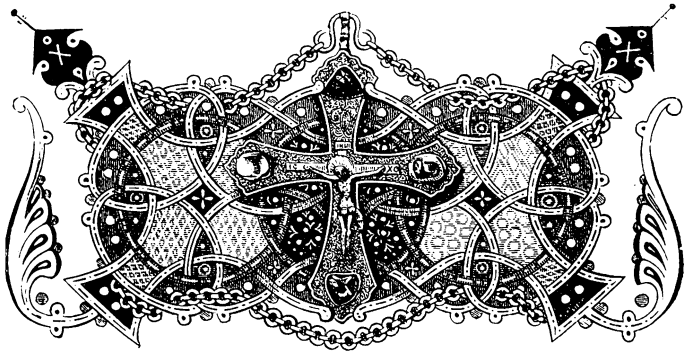
Сборщик известил о новом случае муфтия (высшее духовное лицо магометанства) и просил совета его. Тот отвечал: «У тебя в одной руке меч, в другой закон; употребляй что хочешь». Это значило, что по закону сборщик мог выдать тескэре об уплате пошлины, но тогда он, по суду муфтия, не последователь Магомета, вооруженный мечом. Что же это такое? Муфтий не только не хочет признать прав правды и любви к человечеству, но он требует беспощадных насилий и самой смерти, лишь бы христианин был исповедником алкорана. А что такое алкоран? Сборник басней, самых оскорбительных для здравого смысла[1]. Вот и полагайтесь на человеческий смысл, оставленный без откровения Божественного!

Получив ответ муфтия, начальник хараджа препроводил Анастасия к местному мулле, а с ним пять турок, которые должны свидетельствовать, что христианин хулил магометову веру, т. е. клеветать. Мулла пробовал своим красноречием склонить юношу к магометанству, но потерпел неудачу. После жестоких побоев он приказал заковать Анастасия в кандалы и бросить в темницу. При втором допросе та же неудача красноречия, те же пытки и темница. Анастасий спокойно переносил палочные побои, тяжелые оковы и смрад темничный. И в третий раз приводят исповедника к мулле, и опять выслушивает исповедник лестные обещания и страшные угрозы. Анастасий оставался твердым. На обличения свидетелей в хуле на Магомета отвечал, что не хулил он Магомета, но в совести признает показываемую хулу за верную оценку

[1] По алкорану, Бог в утешение Адаму и Еве послал с неба ковчег с изображениями всех пророков, в том числе и Магомета, и этот ковчег путешествовал с израильтянами в пустыне и хранится в храме Соломоновом (Сур. 2). Авраамом принесен был в жертву не Исаак, а Измаил, с которым он после путешествовал в Мекку и построил храм Каабу (Сур. 3 и 37). Соломон за преступление лишен был царства на 40 дней, но потом путешествовал в Мекку на ковре; а царице Савской Соломон посылал письмо с птицею Гугуд, убеждая ее принять Магометов закон (Сур. 27, 34, 38). Пресв. Дева Мария была сестра Аарона и Мариамны (Сур. 19). Иисус Христос делал из глины подобия птиц и зверей (Сур. 3 и 6). Небылицы в лицах! Иначе: не любо не слушай, а лгать не мешай, хотя бы Магомет подчас невежда темный.

Магомета и потому не принимает закона его. Обманутый в своих надеждах мулла отсылает Анастасия к мусселиму. Тот употребил все средства склонить юношу к магометанству. Чего не предпринимал он? Чего не говорил, чтобы принудить юношу к магометанству? Наконец предложил ему пару пистолетов в серебряной оправе, бархатную одежду и место чехондара при нем. Юноша, просвещенный благодатью Христовою, оставался при прежнем. Земное счастье, думал он, при муках совести — плохое счастье; а еще страшнее явиться туда с нечистою совестью. Какова вера магометан? Плоха, это давно известно. Как ни мойся они, души не вымоешь водою. Христос Сын Божий — Спаситель мира. Значит, блаженная доля страдать за веру чистую и святую. И он отверг предложения обманчивые.

Раздраженный мусселим принялся за насилия. Он жестоко избил Анастасия; потом запирают страдальца в тюрьму, на руки и на ноги набивают колодки, а шею отягчают цепью, за ногти вбивают острые иглы из тростника; бесчеловечные целый день мучили молодого человека. Не один раз мусселим призывал его к себе и заставлял принять магометанство. Страдалец был непоколебим. «Я христианин, — говорил он, — не откажусь от моей веры». Градоначальник приговорил повесить Анастасия за городом; вместе с тем тайно поручил он своим людям уговаривать Анастасия дорогою. Смерть, бывшая в виду, не изменила мыслей страдальца. Идя на казнь, истерзанный и измученный, он упал на дороге и предал дух свой Господу, августа 29-го 1794 года.



День тридцатый

Святых отцов АЛЕКСАНДРА, ИОАННА и ПАВЛА, патриархов Цареградских

Святой Александр жил в царствование Константина Великого и участвовал в I Вселенском Соборе вместо престарелого и больного патриарха Митрофана[1], по смерти которого возведен был в сан патриарха и управлял Церковью с 325 (или 326) года по 340 год. Он был ревностным защитником веры и паствы своей от козней еретиков и язычников.

Однажды, как свидетельствует Созомен[2], когда языческие философы захотели вступить в состязания о вере с православным епископом, то Александр, обратясь к тому, кто был избран для состязания, с твердостью сказал: «Во имя Господа моего Иисуса Христа повелеваю тебе молчать!» И философ внезапно стал нем. Это чудо обратило самого философа и многих к вере Христовой...

О другом чуде — внезапной смерти Ария вследствие молитвы святого Александра — свидетельствует современник его святой Афанасий в письме к Серапиону[3]: когда осужденный на I Вселенском Соборе и пре-

[1] Память 4 июля.

[2] *Эрмий Созомен Саламинский.* Церковная история: В 9 кн. СПб., 1851. Кн. 1, гл. 18.

[3] См.: *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. II.

данный отлучению от Церкви Арий, еретик, отвергавший Божество Иисуса Христа, выказав впоследствии притворное раскаяние, склонил при помощи своих единомышленников императора Константина Великого к помилованию его, то Константин повелел архиепископу Александру допустить Ария к общению церковному. Между тем, ревнитель истины святой Александр провидел неправду и лицемерие еретика и не хотел допустить его до Церкви. Не хотел он также и быть ослушником царского повеления. В тягостном недоумении Александр всею душою обратился к Богу с пламенною молитвою о том, чтобы Сам Господь, ими же ведает судьбами, не допустил вторгнуться в Церковь злейшему врагу ее... И молитву праведного исполнил Бог. Когда на другой день утром Арий, окруженный своими единомышленниками, шел в соборный храм, то на пути внезапно почувствовал сильное расстройство, кончившееся смертью в самой неблагообразной обстановке... Все поражены были внезапною смертью еретика в минуту, когда он уже торжествовал о своем кощунственном успехе, и многие признали в этом обстоятельстве чудное заступление свыше в охранение неприкосновенности Православной Церкви...

Святитель Александр скончался в 340 году, 98-ми лет от роду, оставив преемником по себе святого Павла, память которого — 6-го ноября.

Святой Иоанн постник особо воспоминается Церковью 2-го сентября.

Святой Павел управлял Церковью в сане патриарха с 780-го года. Видя усиление иконоборческой ереси, отказался от своей власти и удалился в монастырь (святого Флора), где до самой кончины не переставал влиять своими убеждениями на восстановление иконопочитания. Скончался в 784-м году, незадолго перед смертью приняв схиму.

† ПАМЯТЬ
Сербских святителей

Сербская Церковь в 30 день августа прославляет своих учителей, прославленных Господом, архиепископов **Савву Второго** и **Никодима**,

патриархов **Иоанникия, Ефрема, Спиридона, Макария** и **Гавриила**, из которых последний удостоился мученической кончины[1].

Преемник святителя Арсения Савва Второй был младший сын первовенчанного краля Стефана и племянник великого Саввы. Предслав, так назывался он в миру у сербов, возревновав идти по следам святого дяди своего, еще в молодости принял иночество. Он ходил в Иерусалим и там прожил немалое время; потом подвизался на Афоне. Ему пришлось потерпеть много бед от охотников жить на чужой счет. По возвращении его в отчизну, блаженный Арсений, чувствуя свою старость и тяжкую болезнь, посвятил его в преемники себе. В сане первосвятителя подражал он жизни предшественников своих. Любимою добродетелью его была кротость[2]. С именем святителя Саввы

---

[1] В общей службе Сербляка на 30 августа упоминается еще «Григорий Богоносный, архиепископы: Иоанникий, Иаков, Савва третий, патриархи Кирилл, Никон, Иоанн, Максим» (л. 161, 162). В предисловии Сербляка сказано: «надлежало бы нам вместити молебныя правила и сих угодников Божиих св. Григория, Сербскаго архиепископа, иже бе от корене Неманичей, его же мощи беша в монастыре Куманице на р. Лиме, прп. Стефана, его же мощи почивают в Пипере, и св. новоявленного Петра, Черныя гора митрополита: обаче ничтоже ныне обрести возмогохом». То же должны и мы сказать о Иакове — Иоанне. В Гласнике (Кн. 6) весьма мало сказано о них. Не можем не прибавить и того, что патр. Максим, сколько известен он, едва ли не напрасно причислен о. Анфимом (Записки географического общества. Т. XIII) к великим святителям; построение галереи и венчание Бранковича — не великие дела, а отношения его к св. Гавриилу очень неблаговидны. В древнем Сербском уставе (Гласник. Кн. 11) не называются святыми ни Иаков и Савва третий, ни Евствафий второй. О св. Стефане сказано под 28 мая. В одной Сербской летописи XV в. говорится, что со времени св. Неемани «явились в Сербские Церкви великие светильники миру, одни равночестные апостолам, другие миротворцы и чудотворцы и архиереи достоблаженные и множество преподобных и праведных мужей» (Русская беседа. 1860). Теперь пока неизвестно «множество» преподобных Сербской земли, а из праведных пока известен только Щилянович. Сохранилась надпись на кресте, назначенном для храма св. апостолов Петра и Павла: «и крест створи епискуп Рашки Григорие втори, яко и она вдовица две цете дадуще». Так как в устроении того же креста, по надписи, участвовал и король Милютин (см.: *Miklosich*. Monumenta Serbica), то Григорий, Расский епископ, был современником сего короля.

[2] Летопись в Гласнике (Кн. 1, 5, 6, 10); Общая служба: «радуйся, Савво вторы, подобный Моисею во кротости»; Сербляк (л. 162). По известию о первосвятителях (Гласник. Кн. 6), «еще жив сый святый сей (Арсений) постави Серблен архиепископа вместо себе Савву втораго». Так как блаж. Арсений († 28 октября 1266 г.) три года пред смертью был болен, то конечно не позже 1263 г. Савва посвящен был в архиепископа Арсением. В том же известии сказано, что Савва архиепископствовал 7 лет. Но тогда он умер в 1270 г., а этого не могло быть. В 1269 г. был архиепископом Иоанникий. Да и само известие в другом случае говорит, что Савва второй, как и Даниил, не долго был

покоится он в Печской обители, вблизи святителя Арсения[1]. Сербская Церковь поет ему: «Из корене благого благая отрасль прозябл еси, Божия разума водами напаяем, тем и плод благоуханен явился еси житием от юности, веселяя сердца и души поющия тя»[2].

Пред иконостасом Печского храма, на левой стороне, стоит рака с мощами святителя Никодима архиепископа Сербского, великого чудотворца[3]. Блаженный Никодим, природный серб, подвизался постнически на Афоне и был игуменом Хиландаря. По смерти Саввы Третьего Сербия объявила желание видеть Никодима своим первосвятителем; не хотелось ему расстаться с тихою пустынею, но Афонские отцы убедили его не отказываться от призвания Церкви. Потому «посвятили его в день Вознесения Господня и возведоша на престол святитель Саввы с многих лет приветствием глаголюще: преосвященному архиепископу Никодиму всея Сербия и поморские земли многая лета», так говорит современник[4]. Это было в 1317 году[5]. При гробе блаженного короля Милютина поднято было кровавое волнение приверженцами Симониды; энергический архипастырь остановил кровопролитие и грабеж. Потом в январе 1321 года венчал он на кралевство старшего сына Милютинова, невзирая на партию королевы[6]. Ревностный патриот был ревностным

архиепископом. Потому надобно положить, что блаж. Савва почил в начале 1268 г. В древнем уставе (Гласник. Кн. 11) сказано: февраля 12 «престависе архиеп. свет Савва втори».

[1] Записки географического общества. Т. XIII. Здесь же его изображение.

[2] Служба св. Савве // Сербляк. 1861.

[3] Записки географического общества. Т. XIII. В Сербском уставе мая 12: «престависе архиеп. светы Никодим» (Гласник. Кн. 11).

[4] *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2.

[5] Даниил пишет (см.: *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2), что кн. Милютин умер «летом яко рещи четырем минувшим архиепископу Никодиму», т. е. спустя почти 4 года после поставления Никодима в архиепископа. Поскольку же Милютин умер 20 октября 1320 г., то возведение Никодима в архиепископа было в начале 1317 г. или иначе пред Вознесением Господним. В Хиландарской грамоте Милютина подписался «Савва по милости Божией архиепископ всех Сербских и поморских земель». В приписке исчислены предшественники его: Савва св., Арсений, Савва второй, Иоанникий, Евстафий, Иаков, Евстафий второй (*Григорович В.* Очерк путешествия). В житии Милютина (Сербляк, л. 57) сказано, что при кн. Милютине были архиепископами: Савва третий, Никодим и Даниил. Это не точно. При нем были: св. Евстафий († 1279), Иаков († 1285), Евстафий 2 († 1304), Савва 3 (1305–1316) и Никодим. Но Даниил был архиепископом уже при Дечанском и Душане.

[6] Гласник. Кн. 5. В Сербляке общая служба: «радуйся, Никодиме подобный пророку Илии, доблестный ревнителю».

попечителем о делах святой веры. В предисловии к переведенному им в 1319 году уставу пишет он, что быв в Константинополе, еще в сане игумена, он расспрашивал у Иерусалимского патриарха об уставе церковном по заботе о том, «еже единствовати по словеси Богоносца братома вкупе и всей Срьпьской земли»; потом, будучи архиепископом, «послал, — говорит, — в црьскый град в монастырь святаго Предтечи и Крьстителя Иоанна и принесен ми бысть си типик Ерусалимскы и преложих и в наш езык от письмен Грьчьского езыка... Елико есть противу мощи, подвигнем се еже бдети и трезвити се в славословие Богу. Мы убо потьшимсе, братие, се с естеством и обычаем плътьскым: благи же дародатель и подвигоподавец, всемогеи Бог, веди немощь нашу, ть подасть нам мощь духовну, нь аще прьвее труд покажем»[1]. Прекрасный урок о деле спасения нашего! В 1324 году по распоряжению святителя черноризец Дамиан написал в Печской обители Апостол, доныне уцелевший, а прежде того — Параклитик и Октоих, ныне неизвестные[2]. Богомилов — бабунов первосвятитель преследовал обличениями и предавал суду, как вредных обществу и Церкви[3]. Блаженный архипастырь, искренно любивший иноческую жизнь и содействовавший процветанию ее в Сербии[4], писал грамоту о том, дабы Сербские архиепископы и Хиландарские игумены не забывали Типикарницы святителя Саввы, причем красноречиво описал жизнь святителя Саввы; это было предсмертное завещание Хиландарского подвижника и архиепископа всей Сербии[5].

---

[1] Гласник. Кн. 11.

[2] ИОРЯС. Т. II.

[3] В Сербляке служба ему: «православными ученьми твоими иноплеменныя ереси от Церкве Христовы далече отгнал еси... Певность Божественную имея, яко Илия великий, гневом дыхаеши на враги креста Христова и сих отгоняеши, яко же волки хищныя, от своего стада, пастырю блаженне».

[4] При нем в соборе вместе с епископами были игумены: Студенечский, Милешевский, Сопочанский, Банский, Градечский, Моравского градца, Рашский, Кончульский, Ораховецкий, Нагорницкий, Скопльский (*Григорович В.* Очерк путешествия). У Раича показаны еще современные свт. Никодиму игумены: Модрицкий, Хвостенский, Гостиварский (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2). Епископы при нем: Леттский, Рашский, Хумский, Хвостенский, Топлицкий, Будимльский, Дьбрский, Моравицкий, Скопльский, Призренский, Липлянский, Браничевский, Мачвенский, Градацкий и Кончульский — всего 15 (*Šafařik.* Památky dřevního písemnícství).

[5] У Григоровича показано, что грамота написана в 6840 (1332 г.). Но тут ошибка. Гласник (Кн. 6) показывает, что Никодим управлял Церковью 8 лет и, следовательно, скончался в мае 1325 г. Известно Евангелие 1329 г., писанное при архиеп. Даниле (*Григорович В.* Очерк путешествия).

Блаженный Иоанникий управлял Церковью с 1339 года сперва в сане архиепископа, а потом в 1346 году Сербский собор, состоявший из Болгарского патриарха и всех Сербских архипастырей, по желанию короля Душана, провозгласил его патриархом; патриарх вслед за тем венчал Душана царским венцом[1]. Блаженному Иоанникию много надобно было иметь высоких качеств, чтобы иметь влияние на Душана. Душан был владетель умный, энергический, но иногда бурный в порывах страстей[2]; он не был так худ, как изображали злившиеся на него греки: он страстно любил не одну свою славу, а и славу имени Христова: так показывает выполненная молитва его к победоносцу Георгию[3]! Но иметь влияние на такого человека — подвиг трудный. Блаженный Иоанникий влиянием на Душана ограждал покой Православия и вызывал Душана на благотворения Церкви[4]. Так в 1348 году

[1] Гласник Кн. 6, 11. Душан: «венчан был на царство в л. 6854 (1346) апреля 14 дня — благословением и рукою преосвященного патриарха Иоанникия и всеми архиереями Собора Сербского, благословением и рукою преосвященного патриарха Болгарского Кир. Симеона и всеми архиереями Собора Болгарского» (*Майков А.А.* История сербского языка). Поскольку же венчание Душана происходило вслед за провозглашением Иоанникия патриархом (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2), то ясно, что возведение Иоанникия в патриарший сан было делом Болгарского патриарха и Собора архипастырей. «Харьковский вестник» (1854 г.) принимает Симеона за Охридского архиепископа. Это ошибка. Симеон был Терновским патриархом (ИОРЯС. Т. VII). Записка о сербском патриаршестве, писанная полугреком, говорит: «патриарха себе избра Срьблем не по закону, ни с благословением Цароградскаго патриарха, — но поиска благословение бесчинно на архиепископу Трьновьском и на архиепископу Охридском и сбором Срьбским» (Гласник. Кн. 11). По тому известию на Соборе был и Охридский архиепископ. Кто же он был? Без сомнения, тот же «смиренный Ахридонский Анфим», который подписался под деянием Константинопольского Собора 1347 г. и которого Мелетий называет «многоученым». Но полугрек а) несправедливо называет Болгарского первосвятителя архиепископом — сама Константинопольская Церковь признала его патриархом; б) так как сербский первосвятитель признан Константинопольским Собором за независимого и всегда посвящался Собором сербских архипастырей, а патриарх Константинопольский еще при св. Савве отказался от управления Сербской Церковью, то полугрек несправедлив и в том, будто «по закону» посвящение Сербского патриарха должно быть «с благословением Цареградского патриарха». Да и при св. Иоанникии Греческая Церковь не предъявляла неудовольствий на Сербское патриаршество. Неудовольствия подняты при патр. Савве собственно за то, что Душан выгнал из своего царства греков епископов, не хотевших повиноваться воле его.

[2] Летопись в Гласнике (Кн. 5).

[3] *Сергий (Веснин), иеросхим.* Письма Святогорца. Кн. 2.

[4] *Майков А.А.* История сербского языка.

«благословением господина патриарха, кир. Иоанникия и всего збора» дана была грамота Призренскому монастырю Архангелов, с дарованием множества земель. И в том же году выдана была Душаном грамота для Иерусалимской церкви архангела Михаила, построенной кралем Милютином; последнею приписан был к той церкви храм святого Николая Вранинского со всеми селами, угодьями и поселенцами. Это было посильною помощью Православию, после того как Душан имел неосторожность отменить постановления отца и деда о Православии в Рагузе; следствием отмены было гонение на Православие в республике; православные иноки вынуждены были удалиться в Иерусалим, и для них-то оказана теперь помощь[1]. До иночества своего блаженный Иоанникий, родившийся в стольном Призрене, служил при короле в звании секретаря. Как хорошо знавший юридические обычаи страны своей, он участвовал в составлении Законника и в 1349 году утвердил его на церковном соборе[2]. Церковь чтит в святителе Иоанникии «сирот и вдов питателя, скорбящих утешителя, прибегающих помощника и тепла заступника, призывающих его скоро послушающа, самодержавного Стефана на милосердие и милость прелагающа, противные примиряюща»[3]. Он и скончался на подвиге миротворения. Душан поссорился с Венгерским королем и пригласил патриарха в Жидчу. Патриарх поспешно прибыл, сильно хлопотал о потушении ссоры и от хлопот почувствовал себя сильно нездоровым. Больного понесли его в патриаршию обитель, и он на дороге скончался, 3 сентября 1349 года[4].

---

[1] Грамота Призренскому монастырю в: Гласник (Кн. 15). О времени написания грамоты Иерусалмской церкви см. в: *Šafařik*. Monumenta Illyrica (Monuments of Old Southern Slavic Literature). Prague, 1839; *Майков А.А.* История сербского языка. Троношская летопись о Душане: «той нанесенныя им (рагузянам) обиды и повеления от деда и отца загладил и паки свободное и волное, якоже кто хощет, исповедание да держит. Итак паки воспияли рагужане, но не вси, тогда Римское исповедание» (Гласник. Кн. 5).

[2] «Закон — поставляем в л. 6857 (1349) мая 27 — честным собором нашим с преосвященным господином отцем нашим патриархом Иоанникием и всеми архиереи и церковники». Законник издан в: *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 4; *Šafařik*. Památky dřevního písemnícství. По исследованию Шафарика, Законник дополняем был в 1354 г. Законник 1349 г. оканчивается 136 статьей, остальные 64 статьи принадлежат к дополнению 1354 г. Очень может быть, что и сочиняло его какое-нибудь духовное лицо.

[3] Служба свт. Иоанникию в Сербляке (л. 168).

[4] Гласник. Кн. 6. Законник утвержден в 1349 г, но в том же 1349 г. царь Душан уже при патр. Савве утверждает земли за храмом Введения (*Григорович В.* Очерк

Так как Законник Душана составлен под влиянием великого святителя, и особенно церковные статьи его принадлежат, без сомнения, уму и перу Сербского первосвятителя, то в почесть святителю и для общей пользы выписываем церковные статьи Законника[1]:

«Ст. 1. Прежде всего надобно иметь в виду, как промышлять следует о христианской вере, о храмах, о монастырях, о священниках.

2. Начальники и прочие люди не должны жениться, не получив благословения от своего архиерея, или от духовного отца, или от поставленного архиереем.

3. Ни одна свадьба не должна совершаться без венчания. Если же совершится без благословения и дозволения Церкви, таковых разлучать и сажать в темницу.

4. Каждый должен слушаться священников и своего духовного отца. Если кто окажется виновным пред Церковью или священником или нарушит что-нибудь, особенно иноверец по своему произволу: пусть покорится Святой Церкви и исправит должное. Если же не послушается и не захочет исправиться, отлучить его от Церкви и подвергнуть наказанию.

5. Священники не должны произносить проклятия на христиан за их прегрешения. Пусть тихо и кротко приглашают их для двукратного и троекратного вразумления. Если не послушаются, отлучать от Церкви.

6. Совращающих православного христианина в латинство патриарх и митрополит с епископами убеждают наставлениями и Священным Писанием, дабы возвратились к православной вере и чистому христианству. Если кто не покорится и не захочет возвратиться в Православие, того подвергать наказанию, как предписано в законе святых отцов. Благочестивый царь будет выгонять всякую ересь из своих пределов. Кто не захочет обратиться, отбирать у него все имение и передавать тем, которые покорятся Православной вере. Иноверческих еретических попов, отвращающих людей от Православия, ловить и отсылать в рудники

путешествия). По древнему уставу: «сент. 3 престависе прьвы патриарх Иоанникие» (Гласник. Кн. 11). Итак, блаж. Иоанникий был в сане патриаршем три года с половиною и в сане архиепископа около семи лет, а в сербских поздних заметках (Гласник. Кн. 6, 11) несправделиво сказано, будто святительствовал он 16 лет. Мощи свт. Иоанникия покоятся в Печском храме, в прекрасной мраморной гробнице (Записки географического общества. Т. XIII).

[1] Переводим текст по изданию: *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 4.

и заточение. Еретические храмы освящать и передавать православным священникам; пусть наставляют в них — заблудившихся обращаться к святой вере.

7. Великая Церковь поставит протопопов по городам, местечкам и селам, чтобы умножались христиане, обращаясь из латинской ереси, где кто совратился. Выдать духовную заповедь, чтобы каждое воскресенье учили тех в храме и чтобы каждый христианин соблюдал православный, истый, закон, переданный апостолами и святыми отцами.

8. Если латинский поп совратит христианина в латинскую веру, подвергать его наказанию, по закону святых отцов.

9. Если полуверец возьмет за себя христианку, он, хищник, должен обратиться в христианство (Православие); если же не обратится, жена, дети и дом отбираются, а его отсылают в заточение.

10. Если же еретик живет с христианкою тайно, прогнать его, и кто такого укрывать будет, подвергать его наказанию.

11. Святители поставляют духовников по всем областям, по городам и селам, и те пусть будут духовники духовниками, которые получили от своих архиереев благословение на духовничество, чтобы вязать и разрешать; их должен слушать каждый, по церковному закону; а те духовники, которые не поставлены в духовников, должны быть прогнаны, — пусть Церковь накажет их по закону.

12. Мирянин пусть не разбирает духовного дела; если же окажется, что непоставленный судил церковное дело, то платит 300 перперов. Только Церковь судит о грехах и о всяком церковном деле.

13. Епископы, митрополиты, игумены не должны быть поставляемы за деньги. Иначе поставивший проклят и анафема. Те должны быть поставляемы Собором. Каждый должен судиться пред своею церковью. Если спорящие принадлежат к двум церквам: пусть ищут решения у обеих церквей. — Церковные села и церковные люди должны служить своей Церкви, а не чужой. К чужим церквам пусть не ходят ни для сенокоса, ни для пахоты, ни для сада виноградного, ни для другой работы, малой ли, или великой. Если кто вынудит на свою работу церковных подданных, царская власть отнимает у того боярина имение его и он наказывается как преступник царский и церковный.

14. Священники баштинники пользуются своею баштинною землею по своему усмотрению; они люди свободные. А тем священникам, которые не имеют батьковщины, должно давать три нивы по закону,

и эта земля (капа) священническая свободна (от подати)[1]; церковную баштину никто не должен ни купить, ни продать, за исключением промена на близкую к церкви.

15. Священник не должен отходить от своего господаря (помещика). Если господарь не выполняет законного, священник идет к архиерею, и архиерей дает знать господину, чтобы содержал священника по закону. Если же господин не послушается, тогда священник может поступить по своей воле. Если же священник — баштинник, господин не имеет права удалить его.

16. Если властели и другие люди имеют церкви на своих батьковщинах, царь и патриарх не подчиняют те церкви Церкви Великой. Баштинник имеет право ставить церковь и держать своего калугера (иеромонаха), только должен представить к архиерею для благословения ему духовной власти. Если же властелин подчинил свою церковь Великой церкви, то он уже не властен в той церкви.

21. Если властелин обесчестит архиерея или монаха или священника, то платит 100 перперов и содержится 40 дней в тюрьме, как ругатель Божий.

38. Митрополиты и епископы не должны быть поставляемы за деньги. Иначе оба лишаются престола, как поставленный, так и поставивший.

39. Игумены не удаляются без вины от церкви. В игумены монастырей поставляются люди добрые и искусные, желающие быть строителями дома Божия. Игумены должны жить в киновиях по закону и иметь совещания со старцами. При тысяче куков (хат) должны питаться в монастыре 50 монахов. Царская власть передана игуменам церкви, они заведывают имением монастырским, лошадями, овцами и всем прочим; они свободно распоряжаются всем, как требует правда и как написано в грамотах ктиторских. Пусть установят для иноков в церквах устав киновий, смотря по монастырю[2].

---

[1] Выражение списка 1390 г.: «кто не имать бащины» в списке 1701 г. пояснено словом «сирота». Кто не имел батяковщины, т.е. родовой и наследственной собственности, назывался сиротою. Другой закон: «сирота горшечник — свободен, как и поп», т. е. если горшечник не имеет родовой земли, где бы мог добывать глину, то он свободен от повинности за ремесло, как и священник.

[2] Так по изданию Шафарика (*Šafařik.* Památky dřevního písemnícství) — у Раича смысл закона довольно сильно изменен. Грамота 1348 г. Призренскому монастырю: «быть только игуменству и общему житию. Игумен сидит на соборе за одним столом с игуменами св. Стефана (Банским), Пантократора (Дечанским) и Забродским.

40. Архиереи не должны посылать мирских людей за священниками; пусть рассудительный монах посылается за ними по духовным делам; а должное с баштины пусть отбирает церковный духовник.

41. Монахи и монахини, которые, быв пострижены, живут в своих домах, должны быть выгоняемы; они должны жить в монастырях. Те монахи, которые постриглись из баштинников, не должны жить у той церкви, а пусть идут в монастырь[1].

42. Монах, снимающий монашество, должен быть заперт в тюрьму, пока не обратится к послушанию. Надобно строго смотреть за монахами, чтобы не жили вне монастыря; разве уже это пустынник, который по любви к Богу поселился в пустыне.

43. Есть еретики, которые берут из гробов мертвые тела и сожигают их. Если где окажутся такие, такое место или село платит за это беззаконие и выдает суду виновных. Если же участвовал в том священник, он лишается сана и отсылается в рудники до смерти.

44. Если кто продаст христианина иноверцу, отсечь ему руку и отрезать язык.

45. Церквам не должно быть обиды ни от кого. Если посетит царь, его принимают с почестью.

46. Церквами владеют только царь, святый господин патриарх и царский логофет, а другой никто. Царская власть освободила все церкви своей области от всех работ, малых и больших.

47. При всех церквах должны содержаться бедные, как положено первыми ктиторами. За тем смотрят митрополиты и епископы; они собирают к церквам нищих, чтобы были питаемы[2].

Игумен ставится не иначе, как из киновии, кого изберут патриарх и царь с согласия монастырской братии; если же не найдется способный, взять из Хиландаря. Игумен не сменяется, разве по великой вине... Когда приходит (на праздник) в монастырь патриарх, дарится ему конь, и когда ставит игумена, также дарится конь. Игумен не имеет права ни отдать (монастырское), ни сделать что-либо подобное, без согласия эконома и экклесиарха. Хранитель хлеба и вина выдает, как установил святый король (Милютин) в Банске, для всех одинаково хлеб, в среду, пятницу и понедельник раз в день, вино поутру и вечером; в пост каждый день однажды кроме субботы и воскресенья; трапеза — всегда» (Гласник. Кн. 15).

[1] По изданию Шафарика: «монахи, постригшиеся из подворьев монастырских, должны идти в другой монастырь. Иначе, живя в монастыре, не могут удержаться, чтобы не давать чего-либо родственникам и знакомым. Выходит и великий соблазн для братий: созывают в монастырь гостей и пришельцев».

[2] По изданию Шафарика прибавлено: «кто ли их (нищих) не узьхранит от митрополито или от игумен, да отлучит се от сана».

49. Церковные люди во всяком деле судятся пред своими митрополитами, епископами, игуменами[1].

55. Если кто ударит или убьет архиерея или монаха или священника, отсечь ему руку и потом повесить его[2].

68. Если подсудимый убежит из заключения и придет на двор царский или патриарший, то он свободен.

93. Тому, кто ест и пьет с еретиками, назначать покаяние, как предписывает восточная кафолическая Церковь, но нет запрещения для заключенных и рабов, которые едят с иноверцами»[3].

Таковы законы, утвержденные блаженным Иоанникием для Сербской Церкви!

Ефрем, сын священника, современного королю Милютину, еще в молодых летах почувствовал влечение к иноческой жизни[4]. Родители желали видеть его женатым, но он скрылся из их дома и, найдя отшельника Василия, стал жить у него в посте и молитве, и у него же скоро дал обет иночества. Родители, узнав о месте пребывания его, хотели отнять его у пустынника; но он убежал на Афон и там скрылся в одном из скитов. Во время военных тревог Ефрем с учениками своими перешел в Ибровский монастырь; здесь был он и игуменом, но недолго. Поклонившись святыням патриархии, он поселился в уединенном месте вблизи Дечанского монастыря и здесь жил строгим отшельником. По смерти короля Душана начались смуты безначалия и потом появились разбои. Отшельник Ефрем избит был до полусмерти дурными людьми, вынуждавшими поделиться с ними деньгами. Патриарх Савва, преемник святителя Иоанникия, взял старца в патриархию и назначил для него пещерную келлию; великий постник ожил и выздоровел здесь. Благочестивый князь Лазарь отправил посольство к патриарху Кон-

---

[1] Церковными людьми в Законнике называются: а) люди духовного звания; б) арендаторы церковных земель и наемные смотрители; в) поселенцы, работающие на церковных землях. Например, ст. 48: «Если церковные люди, которые держат церковные села и церковные земли, прогонят посадников (поселенцев церковных), то прогнавшие церковных людей связываются, земля отбирается у них, пока не наймут поселенцев».

[2] По изданию Шафарика: «Если кто обесчестит святителя или монаха или попа, платит 100 перпер. Если кто окажется убийцею святителя или монаха или попа, убивается или вешается».

[3] Еще есть несколько статей против нарушителей целомудрия и супружеской верности (ст. 92, 100, 101).

[4] О жизни его см. Синаксарь в Сербляке (л. 151–153).

стантинопольскому с просьбою об окончании споров, происходивших относительно Сербской Патриархии. Мир с Греческою Церковью восстановлен. Надлежало спокойно избирать нового патриарха на место почившего Саввы. Но, к сожалению, в Сербии явилось довольно искателей патриаршей кафедры. После общей молитвы собор избрал в патриарха «преподобного отшельника Ефрема», как украшенного высокими добродетелями. Блаженный Ефрем, вовсе не ожидавший такого избрания и попавший на собор случайно, горько заплакал и молил уволить его от тяжелой для него доли. Собор отвечал: указанный Богом имеет быть посвящен. Это было октября 3-го 1376 года. Вслед за тем Ефрем посвящен был в патриарха и потом венчал князя Лазаря венцом Сербских властителей[1].

Не напрасно блаженный Ефрем так плакал о том, что возлагают на него высокий сан. Время было тяжелое: столько беспорядков завелось в Церкви при расстройстве гражданского правления. Как не все областные правители охотно покорялись князю Лазарю; так не все архиереи и прочие духовные лица оказывали повиновение патриарху Ефрему, невзирая на его высокую духовную жизнь[2]. Привыкший к тихой, уединенной жизни, отягощенный нестроением дел, святитель Ефрем отказался от многозаботливой должности правителя Сербской Церкви. В 1382 году он посвятил на свое место блаженного Спиридона, а сам стал жить уединенно в Архангельской обители царя Душана. Известен ныне летописец Амартола, с припискою: «Написа се — дрьжащу престол святительства Срьбские земли преосвященному патриарху кир Спиридону, в дому святаго архистратига Михаила и Гавриила, при господине учителе, бывшем патриархе, кир Ефреме, — в лето 1387»[3]. Заметка дает видеть, что люди духовной жизни высоко уважали блаженного Ефрема и в его уединении, признавали его наставником и учителем опытным и охотно следовали советам его. Блаженный Спиридон,

[1] *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 3. Заметка: «елико больше возрасташе власть и честь Церкви Сербския, толико уже вяше начаша и охотники не добродетельми, но деньгами и разбойническо, куповати сан сей» (Гласник. Кн. 6). Титул Сербского патриарха: «всесветейшему всеблаженнейшему отцу же и господину нашему, архиепископу Пекскому прьвие Иустиниане, патриарху же всем Срьблем и Болгаром, Поморие, Далматие, Травуние и Вретанинским островом и северним странам и Белаго Подуновиня, господам господину». Так возглашали патриарху желание многих лет во время Литургии (Гласник. Кн. 9).

[2] Гласник. Кн. 5.

[3] *Григорович В*. Очерк путешествия.

заботливый о иноческих обителях[1], скончался в 1388 году почти в одно время с блаженным князем Лазарем, павшим на Косовом поле. По церковным песням, Спиридон «цевница духовная»[2]; это подает мысль, что он писал священный песни для Сербской Церкви. Мощи его почивают в храме Печской обители[3].

Так как по кончине Спиридона и князя Лазаря время было крайне смутное, то упросили блаженного Ефрема снова управлять Церковью до избрания нового патриарха. Так он довольное время снова управлял Сербскою паствою к утешению лучших людей[4].

---

[1] В 1382 г. «благословением патриарха кир Спиридона» основана обитель с храмом в с. Дренчах и освобождена от подчинения Афонской горе (*Григорович В.* Очерк путешествия). У Миклошича грамоты патр. Спирндона: Ибарской Введенской церкви 1385 г. и другая монастырю Ждрело (Жерло) или Горпаку (*Miklosich.* Monumenta Serbica). Въ последних патр. Сниридон освобождает обитель Горнакскую от подчинения местному митрополиту. Это естественно, прп. Григорий Синаит, основатель обители, пользовался высоким уважением и при жизни, а по смерти он чтится в числе святых. Патриарх пишет свою жалованную грамоту на основании грамоты кн. Лазаря († 1389). В грамоте представляется дело в таком виде, будто прп. Григорий испрашивает милостей для основанной обители. Поелику же преподобный был наставником патр. Каллиста, скорее въ 1362 г.; то едва ли прп. Григорий явился лично к кн. Лазарю и тогда, как Лазарь был только княземъ Подунавия. Потому слова грамоты о прп. Григории — дело воображения. Указанный в грамоте год ее — ошибочный, как признает и Миклошич.

[2] Общая служба в Сербляке (л. 162. 163).

[3] Записки географического общества. Т. XIII.

[4] По Троношской летописи (V, 80), вторичное управление св. Ефрема Церковью было после Саввы. Но летопись сообщает тут предания явно ошибочные: она говорит, что во второй раз призывал блаж. Ефрема на кафедру кн. Лазарь и что это было после смерти Даниила и Саввы — обстоятельства несовместимые. Патр. Даниил в 1395 г. утвердил грамоты кн. Милицы-Евгении (*Григорович В.* Очерк путешествия; *Порфирий (Успенский)*. Указатель актов, хранящихся в обители св. горы Афонской // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1847. Ч. LV (далее — *Порфирий (Успенский)*. Указатель актов. —*Ред.*)). Диплом деспота Стефана 1403 г.: «и сговори се с госпогом маикот ми кнегнном Милицом и с господином ми преосвещенним патриархом кир Данилом и с митрополити и чьстными игумени и властели моими» (*Miklosich.* Monumenta Serbica). Здесь же напечатана грамота Душана 1351 г. Которянам с привилегиями, утвержденными то «архиепископом кир Даниилом», то «патриархом кир Даниилом». Но или вся грамота подложная, или же надобно разуметь в ней архиепископа Даниила († 1338) — и следовательно принадлежит она к 1336–1338 г.; у того же Миклошича, грамота 1357 г. дана по совещанию с патриархом Саввою. Да и по другим заметкам (Гласник. Кн. 11, 6) Савва 2-й патр. долго управлял Церковью, так что св. Ефрем называется преемником его и 3-им патриархом.

Дивный подвижник, кроткий, как ангел, почил 88 лет при преемнике патриарха Даниила Савве[1]. Мощи его почивают в великой патриаршей церкви[2].

В трапезе Печского храма лежат под спудом мощи патриарха святителя Макария. Блаженный святитель заботился о распространении просвещения в Сербии. При нем печатались церковные книги в разных местах: в Милешевом монастыре Следованная псалтирь в 1557 году; Молитвослов (требник) в 1545 году; в Белграде Евангелие (1552 г.); в Меркшином монастыре Евангелие (1562 г.); в Венеции молитвослов (1557 г.); служебник (1554 г.); Постная триодь (1521 г.); в Скадаре Цветная триодь (1562 г.)[3]. Очевидно, что славянская любовь к просвещению — не то, что любовь Лютера, топтавшего в грязь древнее, апостольское, христианство и доведшего учеников своих до антихристианства[4]. Блаженный святитель, по милости Божией, имел возможность сделать многое для Сербской Церкви и по ревности своей сделал весьма многое. Брат его был визирем при султане. При его помощи получил он гаттишериф султана на возобновление монастырей и церквей, расстроенных фанатизмом магометанским[5]. Прежде всего, как естественно, обратил он старание свое на возобновление древней патриаршей обители. Первые годы свои жил он в Милешевом мо-

---

[1] Патр. Даниилом утверждены грамоты кн. Милицы—Евгении в 1395 г. (*Григорович В.* Очерк путешествия; *Порфирий (Успенский)*. Указатель актов).

[2] Сербляк (л. 153). В древнем Сербском уставе: «июня 15 престависе иже в светых патриарх з Ефрем» (Гласник. Кн. 11).

[3] *Сахаров И.П.* Обозрение славяно-русской библиографии. СПб., 1849; *Шафарик П.Й.* О древнеславянских, именно кирилловских типографиях в югославянских землях и прилегающих к ним краях / рус. пер. О. Бодянский // Чт. ОИДР. 1846. № 3. Как смотрели на печатание книг в Венеции, высказывает Дечанский иеродиакон Моисей в иредисловии к сборнику 1538 г.: «Велико поперение бысть от Измаильтян на христианех ради согрешений наших. Того ради и наше укьснение бысть в западных странах Италских, в велицей ереси Римской, не могши изыти в своем отчьству, ради Измаильтских великих поперений (*Строев П.М.* Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф.А. Толстого и купца И.Н. Царского. М., 1841 (далее — *Строев П.М.* Описание старопечатных книг славянских. —*Ред.*).

[4] Славянская оценка папе и Лютеру: на стене Болгарского Зографского монастыря представлена на море ладья с учителями Церкви и со Христом Господом на корме; с берега грозятся на нее еретики, папа старается багром опрокинуть лодку, а рядом с ним Лютер стреляет в нее из ружья (*Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы).

[5] Летопись в Гласнике (Кн. 5).

настыре[1]. Теперь он восстановлял свою кафедральную обитель. При обновлении святого престола Сербской церкви, говорит современная надпись, огромная трапеза патриархии, поддерживаемая тремя мраморными колоннами и тремя кирпичными, построена была «трудом и усердием преосвященнейшего и блаженнейшего кир Макария патриарха — в лето 7070 (1552)»[2].

Блаженный патриарх Гавриил[3] из дворянского Сербского дома Раичей[4] был первосвятителем Сербским во время весьма тяжелое. Христиане Сербии сильно страдали тогда от своеволий магометанского фанатизма. В октоихе, писанном в 1639 году в Милешевом монастыре, писавший его говорил: «Тогда подъехом нужду и гонение великое и приет мучения венец Гавриил иеромонах месяца октоврия в 9 день и много мучений подъет от трьклетого Нух паши. И тогда изгна бостанжие из монастыря и не имехом, кому плакати. И идох на царствующий град и царь (Мурат) бе на Богдаду; не имехом, кому плакати»[5]. По крайним нуждам кафедры и страны блаженный патриарх Гавриил отправился

[1] Не знаем, на чем основаны известия Момировича (*Момирович Д.* Краткая история и география Сербии. СПб., 1839 (далее — *Момирович Д.* Краткая история и география Сербии. —*Ред.*)) о перенесении патр. кафедры в 1389 г. в новый Пек, в 1438 г. в Белград. Первого не видно по житию патр. Ефрема. Стефан Деспот избирал своею столицею Белград, но по памятникам не видно, чтобы патр. кафедра тогда же перенесена была в Белград; напротив, патр. Никодим приходил в Белград на погребение деспота (*Спасич.* Кое-что о Сербской Церкви под турецким владением // Гласник. Кн. 1).

[2] Записки географического общества. Т. XIII. По надписи на Евангелии (*Григорович В.* Очерк путешествия) блаж. святитель еще жив был в 1563 г. В известии о первосвятителях Сербских (Гласник. Кн. 6) предшественниками Макария после Саввы показаны только четверо: Кирилл, Никон, Никодим и Арсений. Едва ли это было так. Патр. Кирилл известен в 1407 г. (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3). Никодим в 1427 г. погребал блаж. деспота Стефана. В Сопочанском синодике (Записки географического общества. Т. XIII) после Арсения и Никодима Павел и Феодосий и затем Макарий, после Савватия Филипп и предшественник Паисия Симеон. В известных списках первосвятителей Сербских (Гласник. Кн. 6, 11) эти четыре лица опущены. По одной летописи (*Майков А.А.* История сербского языка), в 1574 г. скончался архиеп. Антоний. Это преемник Макария (Гласник. Кн. 6).

[3] О мученичестве св. Гавриила см.: *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке.

[4] Гласник. Кн. 6.

[5] Записки географического общества. Т. XIII. Писец говорит еще, что гонение происходило при патр. Паисии, известном в 1641 и 1646 г. по его надписям на книгах (Гласник. Кн. 8). Грамота архиепископа Паисия 1633 г. см. в: *Порфирий (Успенский).* Указатель актов. Там же разрешительная грамота патр. Максима 1669 г. В Гласнике (Кн. 1) грамота патр. Максима в Сараево 7131 (1623). Если верно показан год по-

для милостыни в Валахию и оттуда явился в благотворительную Москву. Здесь в 1655 году он вместе с Антиохийским патриархом присутствовал на соборе, весьма важном для Славянских церквей. Собор определил исправить церковные книги по греческим и древним славянским книгам. Восставшие тогда же против определений собора протопоп Аввакум, главный виновник порчи книг при патриархе Иосифе, и друзья его, Коломенский епископ Павел и Муромский протопоп Даниил, отосланы были в монастыри на покаяние[1]. Блаженный патриарх, привезший в дар Москве несколько рукописей и три напечатанные на юге литургии, получил щедрую милостыню для Сербии от доброго царя[2]. Когда после долгого странствования возвратился он в Сербию, патриаршая кафедра оказалась занятою другим (Максимом). Он объяснял право свое на кафедру и несправедливое присвоение ее другим. Под турецкою властью, особенно тогда, простор был только страстям. Интриги иезуитов, злобствовавших на Россию за Хмельницкого, довели в 1657 году Константинопольского патриарха Парфения до мученической смерти: его обвинили в государственной измене за сношение с Россией[3]. Точно так же враждовавшие против блаженного Гавриила, действуя под влиянием иезуитов Австрии, где бедные искали недоступного счастья[4], донесли турецким властям, что Гавриил — государствен-

---

следней грамоты, то кроме патр. Максима, скончавшегося в 1681 г. (Гласник. Кн. 6), был еще патр. Максим предшественник Паисия.

[1] *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской церкви. В 12 т. СПб, 1883. Т. 4 (далее — *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. —*Ред.*). В то же время на Московском соборе был еще Сербский митрополит Михаил (*Строев П.М.* Описание старопечатных книг славянских). Митр. Михаил, пробыв полтора года в Москве, в 1657 г. был в Иерусалиме, где оставил сборник для Сербской обители арх. Михаила (Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1836. Ч. 11).

[2] По записям двора Московского, в мае 1654 г. прибыл в Москву Гавриил, патриарх Сербский и Болгарский; он привез с собою письменные книги: Типик и Сборник патриарха Цареградского Михаила Кавасилы на латинскую ересь, житие и повести сербских царей и патриархов, еще свиток жития всех святых сербских и откуда изыдет царствие и патриаршество, тетради Кирилла философа и учителя славянского и книгу Василия Великого с тремя напечатанными литургиями (Указатель Синодальной Ризницы). По дворцовым записям, Сербский патр. Гавриил в 1655 г. обедал у государя февраля 12 в именины царевича и февраля 20 в именины царевны.

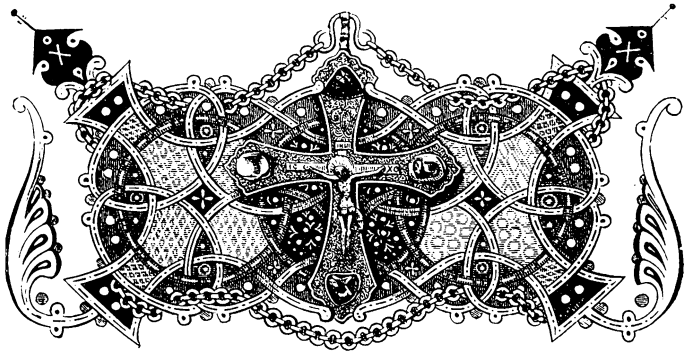
[3] *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке. Отзывы современников о Парфении см. у Арсения Суханова в изд.: *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Т. 2.

[4] *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 4.

ный изменник, жил в России. Визирь потребовал к себе блаженного Гавриила и допросил подробно о всех обстоятельствах пути его. Когда окончилось исследование, визирь, вполне узнавший несостоятельность клеветы, объявил святителю: так как тебя обвиняют в государственной измене, то по законам, как сам знаешь, ты должен быть казнен смертью; но если ты согласишься принять нашу веру, не только пощажу жизнь твою, но предоставлю тебе важную должность и ты будешь жить в почете и роскоши. Блаженный видел, что государственному изменнику не должны были предоставлять ни почестей, ни жизни, а если предоставляют, то только за измену святой вере; как же согласиться на измену вере в Господа Иисуса? Он отвечал визирю: «Я совершенно невинен в государственном преступлении, — это сознаете вы сами. Спасти же жизнь мою отступлением от веры Христианской не соглашусь никогда, пока остаюсь с здоровым смыслом. Почести и богатства ваши поберегите себе, мне они не нужны». Святитель предан был пыткам, которыми принуждали его принять магометанство. Мужественный страдалец переносил все терпеливо и благодарил Господа, что удостоил его страдать за святую веру. Потеряв всякую надежду отвлечь святителя от христианства, привели его на место казни и повесили[1]. Это было в октябре 1659 года. В Печской обители хранится посох с надписью: «Патху Ку (патриарху Кириу) Гаврилу»[2].

[1] «От Агарян удавлением скончася, от братии оболган неправедно» (Гласник. Кн. 6). Мало сказано.

[2] Записки географического общества. Т. XIII.



День тридцать первый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святого ИОАННА, митрополита Киевского

После митрополита Георгия, преемника блаженному митрополиту Илариону, блаженный Иоанн, родом, вероятно, болгарин, прибыл в Киев в сане митрополита всей России в 1080 году и скоро заслужил общее глубокое уважение[1]. Преподобный Нестор, современник и очевидец дел его, восхищенный высокими качествами его, говорит: «Подобного ему еще не было в Руси да и не будет; это муж, сведущий в книгах, искусный в учении, милостивый к убогим и вдовицам, ласковый ко всякому, богатому и бедному, смиренный и кроткий, любитель молчания, владевший даром слова и утешавший святыми беседами печальных»[2]. Древность называла святителя Иоанна пророком Христовым. По высокому изображению блаженного Иоанна у преподобного Нестора не сомневаемся, что, называя его пророком Христовым, соединяли с тем мысль

[1] Собр. л. 2. 276. Погодин полагает, что Иоанн был не грек, а болгарин, знавший греческий язык. «Каким образом грек мог прославиться красноречием между русскими, не зная русского языка? Правило его имеем только на русском языке» (*Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VII).

[2] Собр. л. 1, 89.

о прозорливце[1]. Из дел его летопись упоминает о немногих. По ней, в 1086 году он основал храм апостола Андрея в Андреевском монастыре, — причем называется он «преподобным митрополитом»; в 1087 году торжественно погребал убиенного князя Ярополка; в 1087 году освящал храм Архангела Михаила в Выдубицком монастыре[2]; 1089 году августа 14 освящал чудную, великую церковь Печерскую и вслед за тем скончался[3]. Летописи после Нестора называют его то добрым, то святым, то блаженным[4]. По рукописным святцам, он «святой Иоанн митрополит»; а в одном списке прибавлено: «Положен бысть в Печерском монастыре». Блаженный Иоанн оставил для Церкви Русской несколько сочинений[5].

Послание митрополита Иоанна к Клименту папе старшего Рима[6] — драгоценно и по содержанию своему, особенно же по духу кротости, которым дышит оно. «Приятна любовь твоя о Господе, человек Божий, достойный Апостольского престола», — так писал русский святитель. «Ты из далекой страны призираешь на нашу худость и смирение, каса-

---

[1] «Иоанна митрополита русского, нареченного пророком Христовым, церковное правило», — так надписывается правило его по всем спискам. Латино-греческий словарь объясняет слово antistitas словами Ιερέις, προφηταε επισχοποι. Но а) Иоанн в надписи уже назван митрополитом и следовательно не для чего было прибавлять еще название того же значения; б) обыкновенное народное значение пророка есть значение прозорливца и следовательно надпись, говоря о народном названии митрополита, могла иметь в виду только значение прозорливца, а не придуманное искусством значение предстоятеля Церкви.

[2] Собр. л. 1, 88. 89.

[3] Собр. л. 1, 89. Симон в послании к Поликарпу — об освящении церкви.

[4] Собр. л. 2, 276. 277. Книга степенная. Ч. 1.

[5] *Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы.

[6] Это послание, известное по некоторым славянским рукописям без имени папы, к которому писано, сочинителем Палинодии и другими приписывалось митр. Иоанну 4. Но в надписи греческого послания стоит имя папы Климента. Кто же этот папа Климент? Собственно в Риме не было папы Климента ни при Иоанне втором, ни при Иоанне 4 митр. Но по воле имп. Генриха, врага Гильдебрандова, избран был в папы архиепископ Равенский, который с именем Климента оставался папою с 1080 до 1099 г. Эта современность папы Климента ученому митр. Иоанну второго служит твердым основанием уверенности, что послание русского митрополита к папе Клименту писано митр. Иоанном вторым (*Неволин К. А.* О митрополите Иоанне II как сочинителе послания к архиепископу Римскому Клименту о опресноках // ИОРЯС. Т. II). Содержание послания говорит то же. Запад, по посланию, ищет союза с Русскою Церковью. Генрих, унижаемый и преследуемый гордым Гильдебрандом, находился в необходимости искать помощи своему делу в союзе с Русскою Церковью. Послание к папе на греческом и славянском языках напечатано в: Ученые записки академии. Кн I.

ешься нас крылами любви твоей, приветствуешь нас искренно и с любовью, предлагаешь желания духовные, догматы православной и чистой веры нашей приемлешь и изумляешься им, как возвестил нам и ясно показал епископ твоего святейшества. Так как дела в таком положении и ты таким оказываешься архиереем Божиим, не каковы были недавно архиерействовшие, возмутители и оскорбители истины: то и я, самый меньший, приветствую и мысленно лобызаю священную главу твою. Будь счастлив! Да покрывает тебя Божественная, Всевышняя рука! Да даст благий и милостивый Бог тебе и твоим дням увидеть улучшение дел между вами и нами!

Не знаю я, откуда и как явились соблазны и препятствия на пути Божием? отчего и как они доселе не исправились? Недоумеваю и не понимаю, какой жестокий демон, злобный враг истины и благочестия, наделал все это, разрушил братскую любовь вашу и союз, соединяющий христиан. Не скажу, что все погублено. Мы знаем, что вы изначала христиане по благодати Божией, и во многом мы одобряем вас. Но вы не во всем согласны с нами и кое в чем отделяетесь. Вот смотрите:

Все признают Семь Святых и Вселенских Соборов. На них благочестивая и православная вера христиан исследована, изучена, получила твердость со всею полнотою и убедительностью, они семь столпов Богословствующей мудрости; на них построила она свой святый дом — Вселенскую Церковь. Сим Святым Вселенским Соборам единомысленно последовали все предстоятели и преемники кафедры верховного из славных апостолов Петра, одни — лично присутствуя и одобряя согласием деяния и слова, другие — чрез доверенных посланных своих подавая содействующий голос Апостольской кафедры вашей. Таковы были: на Первом Вселенском Соборе Сильвестр, на Втором Дамас, на Третьем Целестин; Четвертому Вселенскому Собору был подкреплением блаженнейший и славный папа Лев, написавший послание к Флавиану премудрое и святое, которое считали столпом Православия все знаменитые того времени. На Пятом соборе был Вигилий, на шестом Агафон, муж почтенный и духовно-просвещенный. На Седьмом Вселенском Соборе святейший папа Адриан изъявлял согласие чрез посланников своих, святых и Богоносных мужей, Петра протопресвитера и игумена Римской обители святого Саввы.

Когда же все это так, откуда явились раздор и разделение? Кто посеял на Римской ниве такие плевелы? Подлинно много у вас творится дерзостей. Из многого предложу я любви твоей немногое:

Во-первых, пост субботний соблюдаете незаконно. Потом первую неделю, отделяя от Великого поста, заставляете народ есть молоко, сыр и другую вседневную пищу. Отвергаете иереев, вступивших в законное супружество. Тех, которые миропомазаны пресвитерами, в другой раз помазываете, как будто это должны совершать не иереи, а епископы. Не говорю о опресноках: это явная принадлежность иудейского служения и веры. Всего хуже то, что вы осмеливаетесь изменять святой Символ, утвержденный вселенскими определениями, и говорите, что Дух Святой происходит не только от Отца, но и от Сына...»

Представив потом опровержение каждого из выставленных своеволий запада, в обличение произвола о Святом Духе говорит: «Изумительно и страшно, как дерзаете вы изменять веру 318 святых отцов и Святых Вселенских соборов. От конца до конца вселенной, во всех христианских церквах, поется единогласно: “Веруем и в Святого Духа, Господа животворящего, от Отца исходящего, со Отцем и Сыном споклоняемого и славимого”. Для чего вы не говорите так, как все христиане, а делаете прибавление? Вы вводите новое учение. Но Апостол говорит: *иже благовестит вам паче, еже приясте, да будет проклят* (Гал. 1, 8). О! да не услышите вы над собою сего проклятия! Истинно страшно изменять и портить Святое Писание хотя бы одною йотою или одною чертою! Ужели не понимаете, как велик этот соблазн? Вы вводите две причины, два начала для Святого Духа; вы унижаете достоинство Его и впадаете в ересь Македония».

В заключение всего пишет: «Прошу и молю и припадаю к священным ногам твоим, — исправитесь во всем этом, особенно же относительно опресноков и указанного недостатка, так как то касается святого причащения, а это пагуба для чистой веры. Прости написавшего тебе это...»

«Иоанна митрополита Русского, нареченного пророком Христовым, церковное правило», писанное для черноризца Иакова, долго оставалось в составе правил Церкви Русской как объяснение правил Вселенской Церкви в применении их к нуждам Русской Церкви[1].

В правиле 4 писал святитель: «С теми, которые служат на опресноках, едят мясо в сырную неделю, едят кровь и удавленину, не должно приобщаться Святых Таин и совершать Богослужение. Но нимало

[1] Издано в: *Калайдович К. Ф.* Русские достопамятности. М., 1815. По другим спискам издано в: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Т. 2.

не возбраняется вкушать с ними пищу, по обстоятельствам, для любви Христовой. Если кто хочет под видом чистоты или по немощи избегать и сего, пусть уклоняется; но смотрите, чтобы не вышел из того соблазн или не возродилась сильная вражда и злопамятование. Надобно из большего зла избирать меньшее». Превосходное правило! Апостольское правило!

В других правилах святой Иоанн осуждает волхвование, языческие обычаи, соблазнительные песни, показывает, как грешно торговать крещеными рабами в земле половцев; священникам предписывает быть примером трезвости; князьям запрещает отдавать дочерей за иноверцев; налагает эпитимьи на нарушающих чистоту и целомудрие; дает наставления о Таинствах и разных священных предметах. «Ты спрашивал меня, — так пишет он к Иакову, — о тех, которые покупают слуг и после того, как с ними вместе молились и приобщались Святых Таин, продают их язычникам, какой подвергать их эпитимье? Закон говорит: христианина не должно продавать ни жиду, ни еретику: кто продаст жидам, тот беззаконник: он виновен не только пред законом, но и пред Богом. Представь себе Ананию и Сапфиру — и подумай. Они обещали апостолу Петру цену поля принесть Богу, но потом удержали только малую часть и осуждены на смерть. Купившие же слуг положили знамение Божие на них (крещение) и освятили молитвою, как пишешь ты, потом продают их язычникам? Они творят не тайное, а явное хищение у Бога, крадут часть, которую принесли Богу. Как думаю, они грешат столько же, сколько те, которые гонят нашу веру и многих от веры доводят до неверия. Их надобно отклонять от такого злого дела всеми убеждениями и увещаниями. Если же не послушают, то считать их за язычников и мытарей».

«Если святая трапеза деревянная и честные кресты и иконы сделаются ветхи, то отнюдь не бросать их, а поправить. Если слишком обветшают и на иконах не видно ликов, то положить их в огражденное место, где бы ни человек, ни животное не могли коснуться их нечистотою, дабы не быть нам сквернителями святыни. В случае перенесения деревянной церкви на другое место, место, где стоял алтарь и совершалась бескровная жертва, должно оградить и хранить неприкосновенным, как святыню».

«Те, которые приносят жертвы бесам, болотам, кладезям, или без благословения берут по нескольку жен, или отпускают свою жену и начинают жить с другою, или ни разу в год не приобщаются Святых Таин, тогда как не удержаны от того духовным отцом, — ты знаешь сам, все

таковые чужды чистой нашей веры, осуждены Соборною Церковью. Старайся всею силою убеждения направлять их на правый путь, вразумляй их не раз и не два, а много раз, пока узнают истину и научатся добру. Если же не покорятся, не оставят своей худой привычки, то считать их чуждыми соборной Церкви, не принадлежащими к ведению ее заповедей».

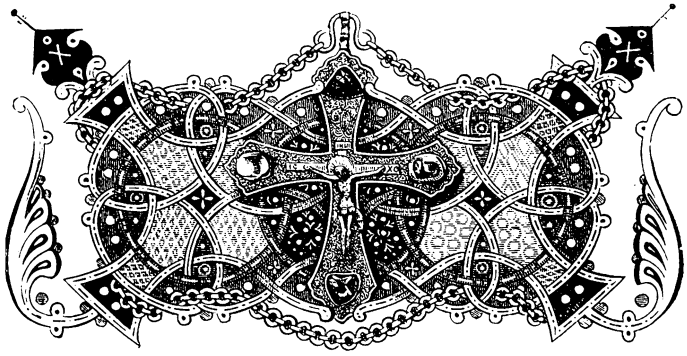
«Тех, которые совершают волхвования и чары, мужчина ли то, или женщина, должно вразумлять словом наставления и обращать от зла; если не обращаются, подвергать строгому наказанию; но не лишать жизни и не уродовать; последнего не допускает церковное учение»[1]. Припомните при этом, что на западе в XI и XII веках, по предписаниям бискупов, жгли волхвов и чародеев на кострах! Как же не говорить нам от души: слава Святой Троице, просвещающей пастырей Святой Православной Церкви!

Святого мученика и исповедника НУМИДИКА

Нумидик был исповедником веры и принял страдания за нее во время вышеупомянутого гонения от Декия в Карфагене. Сам бесстрашно исповедав на допросе веру свою, он убеждал к тому же и других христиан. Осужденный на смерть, он присутствовал при казни товарищей своих и жены, которая была сожжена; потом, истерзанный, замученный, он был оставлен замертво между телами умерших. Ночью дочь его пришла искать тела родителей, чтобы предать их погребению; когда после долгого разыскивания их среди избиенных и сожженных она нашла своего отца, то, заметив в нем признаки жизни, понесла его к себе и с любовью ухаживала за ним. Через несколько времени Нумидик оправился и впоследствии был пресвитером.

[1] Правила 22, 11, 15, 7.

СЕНТЯБРЬ



День третий

ПАМЯТЬ блаженного ИОАННА ВЛАСАТОГО, Ростовского

В Ростовском храме святого Власия почивают под спудом мощи блаженного Иоанна Власатого. На гробнице его лежат серебряный крест и псалтирь на латинском языке. На сей последней написано: «В лето 7089 (1580) сентября 3, в царство великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича в Богоспасаемом граде Ростове преставися угодник Божий Иоанн Власатый и погребен в церкви святого священномученика Власия, что в Заровье. От гроба его подаются исцеления больным, с верою приходящим. В лето 1702 в царствование великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, в неделю 2 поста, марта 1 дня прииде в Ростов преосвященный архиепископ Димитрий и прия престол митрополии Ростовской и Ярославской. От времени преставления блаженного Иоанна Власатого и милостивого даже доселе бяше на гробе его книжица сия, зело ветха, псалтирь Давида на латинском диалекте, юже угодник Божий, молився Богу, чтяше; и видев ю ветху и раздирающуся, преосвященный митрополит Димитрий повеле ю вновь переплести; обновив паки на гроб блаженного Иоанна положи, да лежит неотъемлемо в последние лета».

Так почтен был блаженный Иоанн святым Димитрием.

Кто был сей блаженный Иоанн?

Если он мог читать латинскую псалтирь, то это, по тогдашнему времени, означало, что он получил лучшее образование и был не из простого звания. Иностранные языки знали тогда в России чиновники, служившие при посольском приказе. По рукописному житию, блаженный Иоанн подвизался в Ростове, но откуда пришел он и кто таков был? — оставляет оно в неизвестности. По обстоятельствам времени Грозного царя весьма вероятно, что он скрылся из Москвы от ужасов Грозного, чтобы в тиши и неизвестности служить Господу. В Ростове жил он, сказано в кратком житии его, в виде юродивого, терпя нужды и скорби; не имея жилья своего и приходя только по временам для отдыха то к одной престарелой вдове, то к духовнику своему, Всесвятскому священнику Петру, он проводил время в умной молитве и внимании к душе своей. По житию Иринарха Ростовского видно, что блаженный Иоанн, сам возрастая в духовной жизни, подавал и другим советы на счет духовной жизни; так утешал он изгнанного из обители Иринарха. После долгих подвигов мирно почил он 3 сентября 1580 года и согласно с завещанием своим погребен был за алтарем Власиевой церкви вдовою и духовником.

Вскоре после кончины его начали истекать благодатные исцеления от его гроба. Ростовский митрополит Кирилл, будучи в преклонных летах, долго оставался без употребления ног и рук; услышав о чудесах блаженного, он велел нести себя к его могиле, и здесь после молитвы получил исцеление. Это было за полтора года до его смерти и следовательно в 1618 году.

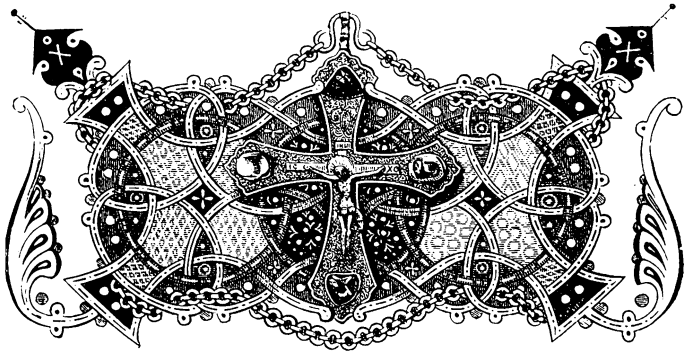
Память блаженнного Иоанна местно чтится в день кончины его и 12 ноября[1].

Святого новомученика Полиодора, за веру пострадавшего от турок в Новом Ефесе в 1794 году[2].

---

[1] Ярославские епархиальные ведомости (1860, № 26; 1862, № 18, 19). Ркп. святцы: «святый и блаженный Иоанн, юродивый Христа ради, преставися в л. 7089 сентября 3 д.».

[2] См.: *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке, со времени завоевании Константинополя турками. СПб, 1862.



День пятый

† СТРАДАНИЕ преподобного АФАНАСИЯ БРЕСТСКОГО

Уже Медведев в свое время писал: «Имать Церковь Христова Малороссийская в Брести, Литовском граде, прежде лет 40 веры ради страдавшего иеромонаха Афанасия, которого и доселе нетленны мощи пребывают»[1]. Георгий Конисский в свое время радостно говорил в слух православных и неправославных: «К числу нетленно почивающих святых надобно отнесть преподобномученика нашей Церкви Афанасия Филипповича, убиенного римскими католиками за веру в нашем православном загородном Брестском монастыре, уже более полтораста лет Божиею силою цело и невредимо почивающего»[2].

Блаженный Афанасий, сын благородных и благочестивых родителей, получил в молодых годах своих высокое образование, так что мог учить других языкам латинскому, польскому и русскому. В 1622 году гетман Сапега, по воле короля, отдал ему на воспитание мнимого сына Марины Мнишек, шляхтича Лубу; по распоряжению Сигизмунда

[1] Опис. ркп. Синод. 2, 3.

[2] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805.

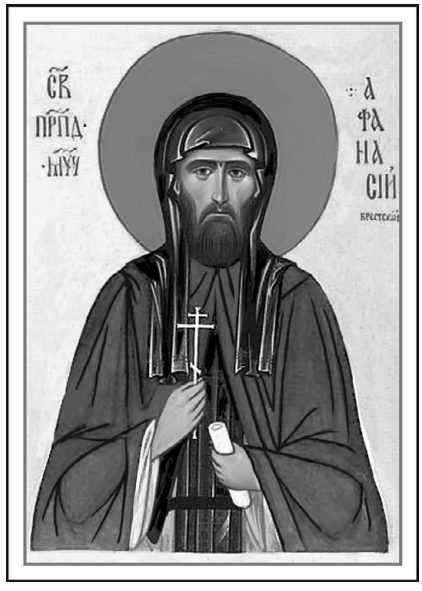
отпускали на содержание дорогого человека до 6000 злотых в год; блаженный наставник жил с питомцем своим в Брестском монастыре. Владислав, не желавший быть орудием иезуитов, как был его отец, уменьшил выдачу жалованья до 100 злотых[1]. В 1627 году блаженный принял монашество в Вильне; потом жил в обителях Кутеинской и Межигорской. Искренний подвижник благочестия и образованный защитник святой веры поставлен был в наместника обители Дубовской, что под Пинском. В 1636 году по распоряжению канцлера Радзивилла Дубовский монастырь отдан был иезуитам, и православные иноки выгнаны были из своей обители. Блаженный Афанасий перешел в Купятицкий монастырь, но и здесь не было покоя от папизма. В 1637 году Афанасий отправился для сбора милостыни в Белоруссию и отселе в Москву. Полный помыслов и забот о благе Православия, представив царю Михаилу Феодоровичу о печальной судьбе своей, он для успехов святой веры над ее врагами советовал изобразить на военных хоругвях образ Божией Матери в кресте, по его видению. По возвращении из Москвы определен он был в игумена Брестского Симеоновского монастыря. По долгу звания своего вступив в спор об имениях обители, резко обличал он поклонников папы в жадности к корысти и в происках злостных. Это навлекло на него неприятности; но митрополит Петр Могила защитил его[2]. Какая резкая разность между православным служителем алтаря Божия и папистом священником! Православному иерею говорит архипастырь его в грамоте: «Не принимай приношения жертвеннику Божию от неверных, ни от еретиков, ни от блудников, ни от прелюбодеев, ни от воров, ни от разбойников, ни от властителей немилосердых, ни от корчемников, ни от ростовщиков, ни от нарушителя клятвы, ни от ложного пастыря, ни от волхва, ни от сводника, ни от актера, ни от мучащего слуг своих голодом и побоями»[3].

---

[1] Объявление игум. Афанасия: «Сапегою отослан (Луба) в Брест-Литовский Симеоновский монастырь к нему, Афанасию, учиться русской грамоте, по польски и по латыни, где находился семь лет» (Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 3). Поскольку после того до сентября 1644 г. Луба жил в Бресте «в езуитском монастыре больше 15 лет» (*Соловьев С.* История России с древнейших времен: В 29 т. М., 1851–1879. Т. 9 (далее — *Соловьев С.* История России. —*Ред.*), то оказывается, что Филипповичу Луба отдан был в 1622 г. См. переписку между Россией и Польшей в 1613–1644 гг. (Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1862. Кн. 4 (далее — Чт. ОИДР. —*Ред.*)).

[2] Опис. ркп. Синод. б-ки 2, 67.

[3] Грамота митр. Сильвестра в «Актах, относящихся к истории Западной России».



Преподобный
АФАНАСИЙ
БРЕСТСКИЙ

Слуга папы не только не был разборчив в принятии приношений, но грабил чужое, где только мог. Блаженный Афанасий, провождая житие в страхе Господнем, учил тому же и братию и настойчиво внушал не слушать новых учений, рассеиваемых отступившими от восточной кафолической веры; особенно же в скорбях времени ожидал он всего от благодати Божией и проводил дни и ночи в молитве. Положив себе за правило читать каждую субботу акафист Матери Божией, он с точностью выполнил свое правило. Матерь Божия утешила подвижника Своего. «Иди, слуга Мой, — сказала Она блаженному, — смело говори сенату и королю, дабы не тревожили святой православной веры: иначе они навлекут на себя Суд Божий, — преданы будут во власть сильного царя и народа». Блаженный, повинуясь Матери Божией, объявлял в слух сенаторов, чего поляки должны ожидать себе за кровавые притеснения Православию[1]. Тогда в Варшаве находились послы православного царя. Блаженный Афанасий открыл послам, что иезуиты скрывают у себя лицо, опасное для России, мнимого сына Марины Мнишек, шляхтича Лубу, бывшего у него на воспитании, а теперь уже 15 лет проживающего у иезуитов; игумен доставил послам и несколько писем Лубы, где тот называет себя царевичем. По воле царя послы потребовали, чтобы выдан им был самозванец. Иезуиты боялись многого теперь и за себя; они употребили все старание, чтобы Луба не был отдан в полное распоряжение России. Паны объявили послам, что Луба — бедный шляхтич, невинный ни в чем, и Польша не может выдать его для казни. Твердый исповедник правды Божией смело повторял сенаторам, что напрасно худые люди строят ковы против православного царства, — себе во вред преследуют они Православие. От него требовали доказательств, что воспитанник его — не сын Марины. «Ни покойный Сапега, ни Мнишки не признавали Лубы за царевича», — отвечал он. «Игумен, который объявил о воре, — писали послы царю в Москву, — посажен в Варшаве в оковы и условием свободы его положена свобода Лубы»[2].

---

[1] Краткое описание жития св. Афанасия Филиповича, игумена Брестского, преподобномученика нового (Виленские епархиальные ведомости. 1864. № 1). В конце жития сказано: «сочинено 1648 г.». В Синод. ркп. «о смерти славной памяти небожчика о. Афанасия Филиповича, игумена Берестейскаго православнаго, — повесть чрез послушников его списана, року 1648, сталой» (Указатель Синодальной Ризницы).

[2] «Каждый может понять, писал преподобный, что если бы Луба был сын Мнишковой, то Мнишковы дали бы знать о своем участии. Прежде того из уст покойного

Иезуиты напрягали усилия мстить отцу Филипповичу: из Варшавской тюрьмы перевели его в Краковскую темницу, причем подвергали его брани, побоям и голоду[1]. Послы сильно заботились о спасении невинной жертвы злости. По их совету преподобный подал просьбу к королю. Так как не стали более требовать выдачи Лубы в Россию, то и невинного страдальца, святого Афанасия, освободили из темницы. Это было уже в конце 1645 года. В Киеве он в 1646 году докончил дневник свой, или записки о своей печальной жизни, не оставшейся без утешений небесных[2]. Когда Богдан Хмельницкий восстал на защиту Православия, понятно, что преподобный Афанасий, как открытый противник унии, мог повторять только проповедь свою о вреде унии. Иезуиты никак не могли простить ему и за Лубу. Тогдашние отношения папизма к Православию так описывал Хмельницкий: «Причиною, понудившею козаков восстать на ляхов, было не то, что ляхи несправедливо отбирали у нас поселения и дома, не то, что лишали нас земной отчизны, и не то, что отягощали немилостивно работами подобно фараону (все это не отказались бы терпеть козаки), но то, что ляхи, принуждая отказаться от православных догматов и присоединиться к заблуждению, злобным юродством разоряли мысленные селения и домы нетленных душ»[3]. От того, кто во всю жизнь жил по правилам чистой веры и кто открыто говорил о вреде унии и для временной и для вечной жизни, потребовали теперь признать законность унии; за несогласие же с произволами человеческими заключили в Брестскую подземную темницу и заковали по рукам и ногам в кандалы. Твердый исповедник смело объявлял гнев Божий польскому правительству за оскорбление прав человечества и защиту, оказываемую тем, которые нагло оскорбляли откровение Божие для прихотей человеческих. И за все это решено предать его позорной смерти. Когда об этом объявлено ему, он вслух всех сказал:

Сапеги слышал я, будучи учителем, следующее: я просил ковра обить над кроватию его (Лубы); он с гневом громко сказал: это на что? Кто его знает, кто он таков? И едва приказал купить коврик и одеяло» (*Соловьев С.* История России. Т. 9).

[1] Житие: «св. Афанасий потерпел на теле раны, укоризны, верыги в темницах, из коих первая была в Варшаве, вторую определили в Кракове».

[2] Опис. Синод. ркп. 1, 66–68.

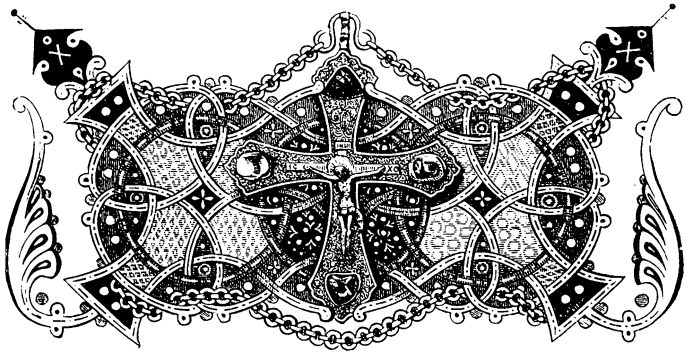
[3] Прошение к царю 1659 г. (Чт. ОИДР. 1848. № 8). Первый универсал Хмельницкого, вызвавший к войне с ляхами, написан 28 мая 1648 г. (Акты Западной России. Т. V. № 23).

«Конечно отступники от святой веры, надменные ложным просвещением, еще не малое время будут преследовать исповедников истины небесной; — но будет время, когда в Бресте и во всей окрестной стране процветет Православие, и слава его уже не померкнет; там, где будет лежать тело мое, козни врагов, отступников от святой веры, будут бессильны». Святой исповедник был обезглавлен[1]. Это было 5 сентября 1648 года[2]. Мощи его почивают открыто в соборном храме Брестского Симеонова монастыря[3].

[1] Житие св. Афанасия (Литовские епархиальные ведомости. 1864). Славянский список жития, доставленный сочинителю, несколько разнится в словах от напечатанного текста.

[2] Описание Синод. ркп. 2, 68. Июля 20 день, показываемый днем памяти прп. Афанасия (см.: *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III), конечно есть день открытия мощей его.

[3] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.



День седьмой

Святой праведной ИУДИФИ

Иудифь, дочь Мерарии и жена Манассии, из одного с нею колена и племени, *красива видом и привлекательна взором* (Иудифь 8, 7), в молодых годах лишилась мужа своего. Оставшись после него богатою вдовою, жила она в своем городе Ветилуе и, не снимая одежд вдовства, проводила богоугодную жизнь в строгом посте и молитве, и *никто не укорял ее злым словом, потому что она была очень богобоязненна* (Иудифь 8, 8).

Такая чистота душевная, умудрившая и разум Иудифи, поставила ее на тот путь, на котором оказалась она способною к подвигу самопожертвования и явилась спасительницею своего отечества.

В то время *последовало в доме Навуходоносора, царя Ассирийского, повеление — совершить, как он сказал, отмщение всей земле* (Иудифь 2, 1), пойти войною на все государства Малой Азии и соседние царства за то, что они отказали ему в помощи, которую он от них требовал во время войны с Мидийским царем Арфаксадом.

По окончании совещания со всеми своими сановниками Навуходоносор, призвав главного вождя войска своего Олоферна, который был вторым по нем, повелел ему: *выйдешь против всей земли на запад за то, что не повиновались слову уст моих, и объявишь им, чтобы они приготовляли землю и воду, потому что я с гневом выйду на них, покрою все лице земли их ногами войска моего и предам их на расхищение, долы*

и потоки наполнятся ранеными их, и река, запруженная трупами их, переполнится, а пленных их он рассеет по концам всей земли... (Иудифь 2, 6–8) Непокорных же повелел Олоферну не щадить, но предавать их смерти и разграблению...

И выступил в поход Олоферн *со всем войском своим, чтобы предварить царя Навуходоносора и покрыть все лице земли на западе колесницами, конницею и отборною пехотою своею. И с ним вышли союзники в таком множестве, как саранча и как песок земной, потому что от множества не было и счета им* (Иудифь 2, 19–20)...

И шел сильный враг, опустошая все на пути своем, выжигая жилища, разграбляя стада, опустошая поля и избивая юношей острием меча.

Страх и ужас напал на жителей приморской страны, обитавших в Тире и Сидоне, на жителей Сура и Окины, и на всех жителей Иемнаана, и все обитатели Азота и Аскалона сильно испугались его (Иудифь 2, 28)... И устрашенные изъявили ему покорность.

Испугались и сыны Израиля, жившие в Иудее, услышав обо всем, что сделал с окрестными народами Олоферн, и *трепетали за Иерусалим, за храм Господа Бога своего; потому что недавно возвратились они из плена* (Иудифь 4, 2–3) и не успели еще оправиться от бедствий, причиненных им пленом вавилонским; и с великим усердием возопили к Богу все мужи Израиля и смирили души свои с великим усердием, *и прилежно и единодушно взывали к Богу Израилеву, чтобы Он, на радость язычникам, не предал детей их на расхищение, жен их в добычу, городов наследия их на разорение, святынь их на осквернение и поругание* (Иудифь 4, 12).

А Иоаким, великий священник, и все предстоящие перед Господом священники, служители Его, препоясавши вретищем чресла свои, приносили непрестанные всесожжения, обеты и доброхотные дары народа (Иудифь 4, 14).

Таким образом, прибегнув к Богу и положась на Его помощь, иудеи решились сопротивляться страшному врагу и стали готовиться к войне.

Узнав об этом, разгневался Олоферн и, призвав к себе вождей разных народов, которые вместе с ним шли воевать против иудеев, спросил их, что это за народ, который осмеливается сопротивляться ему?

Тогда Ахиор, предводитель аммонитян, рассказал Олоферну всю известную ему чудную историю Богом хранимого народа, то наказываемого Богом, когда он уклонялся от пути, завещанного ему его Богом, то осыпаемого благами, когда он обращался к Богу своему, *потому что с ним Бог, ненавидящий неправду* (Иудифь 5, 17), и заключил свой

рассказ следующим советом: *теперь, повелитель-господин, если есть заблуждение в этом народе, и они грешат перед Богом своим, и мы заметим, что в них есть это преткновение, то мы пойдем и победим их; а если нет в этом народе беззакония, то пусть удалится господин мой, чтобы Господь не защитил их и Бог их не был за них, — и тогда мы для всей земли будем предметом поношения* (Иудифь 5, 20–21).

Услышав это, вознегодовал Олоферн и все приближенные его на дерзкий совет Ахиора... *Кто ты такой, Ахиор, с наемниками Ефрема,* — с гневом воскликнул Олоферн, — *что напророчил нам сегодня и сказал, чтобы мы не воевали с родом Израильским, потому что Бог их защищает? Кто же Бог, как не Навуходоносор? Он пошлет свою силу и сотрет их с лица земли, и Бог их не избавит их... мы, рабы его, поразим их, как одного человека, и не устоять им против силы наших коней. Мы растопчем их; горы их упьются их кровью, равнины их наполнятся их трупами, и гибелью погибнут они... А ты, Ахиор,.. высказавший слова эти в день неправды твоей, от сего дня не увидишь больше лица моего, доколе я не отомщу этому народу, пришедшему из Египта. Когда же я возвращусь, меч войска моего и толпа слуг моих пройдет по ребрам твоим, и ты падешь между ранеными их* (Иудифь 6, 2–4, 5–6)...

И приказал Олоферн отвести Ахиора в город Иудейский Ветилую, чтобы он был вестником и свидетелем исполнения слов его. Иудеи же с радостью приняли его, когда услышали рассказ его о происшедшем между ним и Олоферном. Весь народ пал тогда и поклонился Богу своему и воззвал: *Господи, Боже Небесный! воззри на их гордыню* (врага) *и помилуй смирение рода нашего, и призри на лице освященных Тебе в этот день! и утешили Ахиора и хвалили за правду его* (Иудифь 6, 19–20).

Между тем Олоферн *вывел всю свою конницу пред лице сынов Израилевых, бывших в Ветилуе... и, расположившись в долине, полки его овладели водами и источниками вод сынов Израилевых* (Иудифь 7, 6, 17), чтобы, истомив их жаждою, заставить сдаться...

Вскоре, видя себя окруженными несметными неприятельскими войсками, дошедшие до изнеможения от жажды, жители Ветилуи действительно уже готовы были сдаться, что и высказывали правителю города Озии и старейшинам.

Не унывайте, братия, — старался тогда ободрить их Озия, — *потерпим еще пять дней, в которые Господь Бог наш обратит милость Свою на нас... если же помощь к нам не придет, то я сделаю по словам вашим* (Иудифь 7, 30, 31)...

В это-то бедственное время, когда неминуемая гибель угрожала Иудейскому народу, возникло спасение его в лице доблестной женщины — чистой и высокой душою и богобоязненной Иудифи.

Узнав об обращении народа к Озии с предложением сдать город неприятелю и об ответе Озии, она призвала к себе Озию и двух старейшин города и сказала им: *не право слово ваше, которое вы сегодня сказали перед народом, и положили клятву, которую изрекли между Богом и вами, и сказали, что сдадите город нашим врагам, если на этих днях Господь не поможет нам... Кто же вы, искушавшие сегодня Бога и ставшие вместо Бога посреди сынов человеческих? Вот, вы теперь испытуете Господа Вседержителя, но никогда ничего не узнаете; потому что вам не постигнуть глубины сердца у человека и не понять слов мысли его; как же испытаете вы Бога, сотворившего все это, и познаете ум Его, и поймете мысль Его? Нет, братия, не прогневляйте Господа Бога нашего; ибо если Он не захочет помочь нам в эти пять дней, то Он имеет власть защитить нас в какие Ему угодно дни, или поразить нас перед лицом врагов наших. Не отдавайте же в залог советов Господа Бога нашего: Богу нельзя грозить, как человеку, нельзя и указывать Ему, как сыну человеческому. Посему, ожидая от Него спасения, будем призывать Его к себе на помощь, и Он услышит голос наш, если это Ему будет угодно* (Иудифь 8, 11–17).

Припомнив при этом, как Господь испытывал и праотцев их, Иудифь прибавила: *как их искушал Бог не для истязания сердца их, так и нам не мстит, а только для вразумления наказывает Господь приближающихся к Нему* (Иудифь 8, 27), и не оставит Своею милостью тех, которые Ему единому служат.

Наконец Иудифь со святым дерзновением истинной веры объявила Озии и старейшинам, что она совершит дело, которое пронесется сынами рода иудейского в роды родов... и что в продолжение дней, после которых они решили отдать город врагам, *Господь посетит Израиля ее рукою* (Иудифь 8, 33)...

«Сегодня ночью я выйду из города с моею служанкою, — сказала Иудифь, — только не расспрашивайте меня о моем предприятии, пока оно не совершится».

«Ступай с миром, — сказали ей на ее слова Озия и старейшины, — и Господь Бог пред тобою на отмщение врагам нашим!» — и вышли из шатра Иудифи и пошли к полкам своим.

Иудифь же, отпустив начальников, пала на лице и громким голосом воззвала к Господу Богу своему: *Господь — имя Тебе! Сокруши же*

крепость врагов силою Твоею и уничтожь их силу гневом Твоим: ибо они замыслили осквернить святилище Твое, поругаться над мирным селением имени славы Твоей и железом сокрушить рог Твоего жертвенника. Воззри на превозношение их, пошли гнев Твой на главы их, дай вдовьей руке моей крепость на то, что задумала я. Устами хитрости моей порази раба перед вождем и вождя перед рабом его, и сокруши гордыню их женскою рукою... Ибо не во множестве сила Твоя, и не в могучих — могущество Твое; но Ты — Бог смиренных, Ты — помощник умаленных, заступник немощных, покровитель упавших духом, Спаситель безнадежных. Так, так, Боже отца моего и Боже наследия Израилева, Владыка неба и земли, Творец вод, Царь всякого создания Твоего! Услышь молитву мою, сделай слово мое и хитрость мою раною и язвою для тех, которые задумали жестокое против завета Твоего, святого дома Твоего, высоты Сиона и дома наследия сынов Твоих. Вразуми весь народ Твой и всякое племя, чтобы видели они, что Ты — Бог, Бог всякой Крепости и силы, и нет другого защитника рода Израилева, кроме Тебя! (Иудифь 9, 8–14)

Укрепив свою душу молитвою, Иудифь оделась в лучшую одежду свою и ночью, вместе с служанкою своею, вышла из города по направлению к неприятельскому стану.

Чья ты? откуда идешь и куда отправляешься? — спросили Иудифь воины, состоявшие в передовой страже ассириян, когда она приблизилась к ним. *Я — дочь евреев и бегу от них, потому что они будут преданы вам на истребление...* — отвечала им Иудифь, — *я иду к Олоферну, вождю вашего войска, возвестить слова истины и указать ему путь, которым он пойдет и овладеет всею нагорною страною, так что не погибнет из мужей его ни один человек и ни одна живая душа.*

Когда эти люди слушали слова ее и всматривались в лице ее, — она показалась им чудом по красоте, и они сказали ей: ты спасла душу твою, поспешив прийти к господину нашему; ступай же к шатру его, а наши проводят тебя, пока не передадут тебя ему на руки. Когда ты станешь перед ним, не бойся сердцем твоим, но выскажи слова твои, и он тебя облагодетельствует (Иудифь 10, 12, 13–16).

И Иудифь, в сопровождении стражи, направилась к шатру Олоферна, который отдыхал в то время на роскошном ложе, но, услышав о появлении женщины из Ветилуи, вышел к ней и, пораженный красотою Иудифи, так же как и все его воины, стал расспрашивать ее о причине ее прихода к нему. Тогда она сказала ему, что она *раба благочестива и день и ночь служит Богу Небесному* (Иудифь 11, 17),

получила извещение от Бога своего, что иудеи будут преданы в руки Олоферна, и потому пришла к нему для избежания смерти. Вместе с тем она предупредила Олоферна, чтобы он, если не хочет быть отражен и безуспешен, не делал нападения на Ветилую до тех пор, пока иудеи не прогневают Бога, решившись употреблять пищу, запрещенную законом Моисеевым, ибо *меч не имеет силы над ними, если они не грешат перед Богом* (Иудифь 11, 10)...

«Но так как они уже готовы нарушить закон, вынуждаемые оказавшимся недостатком в воде и пище вследствие осады, то как только соделают этот грех, *будут преданы тебе на погубление,* — продолжала Иудифь, — *вот почему я, раба твоя, бежала от них, и Бог послал меня сделать вместе с тобою такие дела, которым изумится вся земля, где только услышат об них* (Иудифь 11, 15–16)»...

Теперь, господин мой, я останусь у тебя; только пусть раба твоя по ночам выходит на долину молиться Богу, — и Он откроет мне, когда они сделают свое преступление. Я приду и объявлю тебе, и ты выходи тогда со всем твоим войском, — и никто из них не противостанет тебе. Я поведу тебя через Иудею, доколе не дойдем до Иерусалима, поставлю среди его седалище твое, и ты погонишь их (иудеев), *как овец, не имеющих пастуха* (Иудифь 11, 17–19)...

Понравились слова ее Олоферну и всем слугам его. Они дивились мудрости ее и говорили: от края до края земли нет такой жены по красоте лица и по разумным речам (Иудифь 11, 20–21). Олоферн, плененный Иудифью, поверил ей и предоставил ей поступать, как ей угодно. И пробыла она в неприятельском лагере в отдельном шатре три дня, а по ночам выходила в долину Ветилуи и, *выходя, молилась Господу Богу Израилеву, чтобы Он направил путь ее к избавлению сынов Его народа* (Иудифь 12, 8). В четвертый день Олоферн сделал пир, на который пригласил и еврейскую женщину, к которой подвиглось сердце его, и сказал ей: *пей же и веселись с нами... А Иудифь отвечала ему: Буду пить, господин, потому что сегодня жизнь моя возвеличилась во мне больше, нежели во все дни от рождения моего* (Иудифь 12, 17–18).

Но, присутствуя на пиру, Иудифь не прикасалась к приготовленному роскошному угощению, но ела и пила то, что было приготовлено служанкою ее. Олоферн же *любовался на нее и пил вина весьма много, сколько не пил никогда, ни в один день от рождения* (Иудифь 12, 20), так что когда кончился пир и все разошлись, то его в бессознательном

состоянии уложили в шатре на постели его. При нем осталась одна Иудифь. В эту минуту представилась для нее возможность исполнить задуманное ею намерение...

Господи! — воззвала она к Богу в эту решительную минуту: — *Господи, Боже всякой силы! призри в час сей на дела рук моих к возвышению Иерусалима, ибо теперь время защитить наследие Твое и исполнить намерение мое — поразить врагов, восставших на нас! Потом, подойдя к столбику постели, стоявшему в головах у Олоферна, она сняла с него меч его и, приблизившись к постели, схватила волосы головы его и сказала: Господи, Боже Израиля! Укрепи меня в этот день! И изо всей силы дважды ударила по шее Олоферна и сняла с него голову, и, сбросив с постели тело его, взяла со столбов занавес* (Иудифь 13, 4–9) и, спустя немного времени, вышла из шатра и, отдав служанке своей голову Олоферна, поспешила с нею в Ветилую, пользуясь данным ей позволением выходить вне стана на молитву. Приблизившись к воротам своего родного города, Иудифь закричала сторожившим их: *отворите, отворите ворота! с нами Бог, Бог наш, чтобы даровать еще силу Израилю в победу над врагами, как даровал Он и сегодня* (Иудифь 13, 11). И когда, услышав голос ее, отворили ворота и сбежались все жители города и старейшины, то Иудифь сказала им громким голосом: *хвалите Господа, что Он не удалил милости Своей от дома Израилева, но в эту ночь сокрушил врагов наших моею рукою! — И, вынув голову из мешка, показала ее и сказала им: «Вот голова Олоферна, вождя Ассирийского войска, а вот занавес его, за которым он лежал от опьянения, и Господь поразил его рукою женщины... Жив Господь, сохранивший меня в пути, которым я шла; ибо лице мое прельстило Олоферна на погибель его, но он не совершил со мною постыдного и позорного греха* (Иудифь 13, 14–16)...

Изумленный народ преклонился и единодушно воззвал к Господу: *благословен Ты, Боже наш, уничживший сегодня врагов народа Твоего! А Озия сказал ей* (Иудифи): *благословенна ты, дочь, всевышним Богом более всех жен на земле, и благословен Господь Бог, создавший небеса и землю и наставивший тебя на поражение головы начальника врагов наших, ибо надежда твоя не отступит от сердца людей, помнящих силу Божию до века. Да вменит это тебе Бог в Вечную славу и да наградит тебя благами за то, что ты жизни своей не пощадила при унижении рода нашего, но выступила вперед, когда мы падали, ты, право ходившая перед Богом нашим! И весь народ сказал: да будет, да будет!* (Иудифь 13, 17–20).

И Ахиор, призванный из дома Озии, увидев голову Олоферна и узнав, что совершила Иудифь, припал к ногам ее, поклонился ей и сказал: *благословенна ты во всяком селении Иуды, и во всяком народе, которые, услышав о имени твоем, изумятся!* (Иудифь 14, 7)

И видя все, что сделал Бог Израилев, искренно уверовал в Бога... и присоединился к дому Израилеву (Иудифь 14, 10).

Между тем Иудифь, приказав повесить голову Олоферна на городской стене, предложила на другой день, когда настало утро, чтобы иудеи, взяв оружие, вышли отрядами на всходы горы — с тою целью, чтобы неприятели скорее и неожиданнее узнали о смерти своего вождя и смутились. Так и было. Увидев иудеев, ассирийские начальники поспешили отправиться за приказанием в шатер Олоферна и с ужасом узнали о том, что совершила еврейская женщина... и душа у них сильно смутилась, и напал страх и трепет на бывших в шатрах, которые все бросившись бежали по всем дорогам равнины и нагорной страны, и расположившиеся лагерем в нагорной стране около Ветилуи также обратились в бегство. Тогда иудеи погнались за неприятелями и со всех сторон стали наносить им поражение, покуда они не прошли за Дамаск и за пределы его. Прочие жители Ветилуи напали на стан ассирийский; разграбили его и весьма обогатились: 30 дней занимались они собиранием добычи, оставшейся после бегства войска ассирийского. Иудифи присуждено было отдать шатер Олоферна со всеми бывшими в нем драгоценными вещами. Затем весь народ и старейшины его, жившие в Иерусалиме, и сам великий священник Иоаким пришли приветствовать избавительницу народа Израильского.

И сбежались все жены Израильские видеть ее (Иудифь), *и благословляли ее, и составили из себя для нее хор; а она взяла в свои руки обвитые виноградными листьями жезлы и дала женщинам, бывшим с нею; и возложили на себя масличные венки... Она шла впереди всего народа в хоре и вела за собою всех жен... и начала перед всем Израилем благодарственную песнь, и весь народ подпевал эту песнь* (Иудифь 15, 12–13, 14): *Воспою Господу моему песнь новую!* — воспевала она. — *Велик Ты, Господи, и славен, дивен силою и непобедим! Да работает Тебе всякое создание Твое: ибо Ты сказал, и совершилось; Ты послал Духа Твоего и — устроилось, — и нет никого, кто противостал бы гласу Твоему! Горы с водами подвигнутся с оснований, и камни, как воск, растают от лица Твоего; но к боящимся Тебя Ты благомилостив! Мала всякая жертва для вони благоухания, и всякий тук ничтожен*

для всесожжения Тебе; но боящийся Господа всегда велик! (Иудифь 16, 13–16).

Прибыв в Иерусалим, в котором иудеи праздновали избавление свое от врага перед святилищем в продолжение трех месяцев, Иудифь все драгоценности Олоферна, полученные ею, отдала в жертву Господу. По возвращении своем в Ветилую, жила она в имении своем и была в свое время славною по всей земле. И состарилась в доме мужа своего, прожив до ста пяти лет, и по смерти похоронена была в пещере мужа своего Манассии.

Дом Израиля оплакивал ее семь дней... И никто более не устрашал сынов Израиля во дни Иудифи и много дней по смерти ее (Иудифь 16, 24, 25).

† СТРАДАНИЕ преподобномученика МАКАРИЯ КАНЕВСКОГО

Блаженный Макарий прожил в тяжкое время — время унии, и наконец умер мучеником. Он родился в городе Овруче, что на Волыни, в 110 верстах от Киева[1]. Благочестивые родители его Токаревские воспитали его в страхе Божием по правилам Святого Православия. С молодых лет Макарий любил молитву и храм Божий; от занятий домашних уходил в церковь и из дома родительского определялся к духовным лицам в услужение, с тем чтобы учиться у них духовному житию; мирская суета наводила на него только скуку. Страшное время унии невольно обращало всех к благочестию, тем более внимавших своему спасению вечному. Блаженный Макарий поступил в Овручский монастырь. Здесь

[1] Описание жития св. преподобномученика Макария Овручского. В нем много сведений о Каневской жизни прп. Макария, но показания хронологические неверны. Ошибки повторены даже во 2 изд. Словаря святых (Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых / Изд. 2, исправленное и дополненное. СПб., 1862).

молитва и изучение отеческих творений были любимыми занятиями его. И поныне хранится в Переяславском соборе книга сочинений святителя Иоанна Златоуста с собственноручною подписью преподобного Макария. В Овруче получил он сан иеродиакона и иеромонаха, а потом и звание настоятеля Овручской обители.

Настоятелем Овручской обители пробыл он 16 лет, с 1557 года, и много вытерпел бед и неприятностей от фанатиков папизма. Эти люди не раз нападали на монастырь его, расхищали церковную собственность и предавали насмешкам и бесчестию иноков его. Братия томились и по временам доходили до уныния; преподобный утешал их надеждами на промысл Божий и на блаженную вечность. Он особенно любил псалмы Давида и ими врачевал скорби братии своей. Повторяйте, говорил он им, повторяйте чаще слова Давида: *Господь просвещение мое и Спаситель мой: кого убоюся? Аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю* (Пс. 26, 1, 3). Раз хищные татары окружили обитель с намерением хищников и грабителей; произведя грабежи в окрестностях, они держали в осаде затворившуюся обитель, так что иноки не могли выходить ни за водою, ни за хлебом. Преподобный молился и наконец в совете с братиями положил выйти на татар с духовным оружием; совершив молебствие в храме, собор иноков с иконами и хоругвями вышел за ворота обители. Татары до того были испуганы тем, что бросились бежать и рассеялись, оставив даже всех больных под стенами обители. Это чудное избавление обители от грозившего ей опустошения исполнило сердца иноков благодарною радостью и одушевило твердостью. После того латиняне вместе с униатами пришли толпою в обитель и вызывали преподобного настоятеля на соединение с ними по духу любви или же на спор с ними о вере. Преподобный отвечал: «Какое общение возможно для нас с вами? Вы оставили правила Вселенских соборов, приняли предания лжи и вместо того, чтобы быть под главою — Христом Господом, преклонились пред властителем земным». Когда противники говорили, что и у них вера Христианская, он отвечал: «Покажите же мне веру вашу в делах. Христианские ли дела ваши, когда убиваете вы людей, истребляете заведения, воспитывающие христианское благочестие? О! воздаст вам Господь судом Своим за дела ваши!» Скоро после того ляхи, наставляемые иезуитами, разорили обитель Макария вместе с городом Овручем и опустошили все окрестности. Иноки Макария рассеялись, кто куда мог.

Черниговский архипастырь Лазарь Баранович, которого известил о своем бедствии блаженный Макарий, писал к отцу архимандриту

Овручскому от 16 мая 1671 года: «Весьма соболезную о том приключении, которого вы и отклонить не могли. В этой скорби ищите утешение в одном Боге, Который кого любит, того и наказывает. Вы находитесь, как роза между шипами: она растет между ними, а они ей ничуть не вредят; будете еще долго процветать в Церкви Божией, как в вертограде, доколе не достигнете небесного. И Христос не легко приобрел тот венец, которым теперь Он украшен: сперва на земле перенес терновые на главе Своей колючки и затем получил на небе венец неувядаемый. Умеет Господь избавлять благочестивых от напасти (см.: 2 Пет. 2, 9). Много зол праведнику, но Господь от всех избавит его (см.: Пс. 32, 20). Крепко хотелось мне жить по-приятельски с вами у Всемилостивого Спаса (в Новгородсеверском монастыре), или где бы вам понравилось; но теперь этих лык не дерут; прежде гораздо удобнее было отыскать себе место, нежели теперь. В настоящее время и сами едим хлеб в изнурении (см.: Пс. 85, 2), но готовы поделиться с вами тем же, потому что другого нигде нет, разве только там, где ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание. Желаю вам после многих лет многих обителей на небе и с молитвами моими препосылаю благословение». Попечительный архипастырь много заботился о страдальце. Он писал к гетману: «Его милость отец архимандрит Овручский, будучи не в состоянии покойно жить в своей архимандрии, ограбленный ордами и ляхами, лишенный служителей, которые умерщвлены, между тем как имения забраны, отправился на поклонение святым местам Киевским; будучи постриженцем моим, он посетил меня как сын отца и рассказал мне о своих бедствиях. Благоволите, вельможность ваша, милостиво принять его, как человека достойного и заслуженного в Церкви Божией; выслушайте его с доверием как вполне стоящего веры»[1]. По запискам о блаженном Макарии, он жил после того в Киевской Лавре и потом определен в настоятеля монастыря Каневского[2]. Когда бесталанный

[1] Письма преосв. Лазаря (Черниговские епархиальные известия. 1863). Преосв. Лазарь называл Макария своим «постриженцем» в том смысле, что в 1657 г., по смерти митр. Сильвестра, он управлял митрополией и поставил Макария в игумена Овручского. Ркп. житие говорит, что прп. Макарий посвящен в иеромонаха и в архимандрита митр. Иосифом; новое издание словаря повторяет это известие. Но тут очевидная ошибка.

[2] В ркп. и печатном житии Макария сказано, что он определен в Канев за 10 лет до его смерти митр. Киприаном. Но первое — неточно, если он и в том же 1671 г., как изгнан из Овруча, определен в Канев; а житие говорит еще, что в Киеве прожил он

сын великого отца Юрий Хмельницкий не знал, где преклонить голову, блаженный настоятель Каневский дал ему приют у себя[1].

Предание сохранило несколько дивных дел преподобного настоятеля Каневского. Раз пришел к нему житель Канева, лишившийся зрения от болезни, покрывшей тело его струпьями. Болезнь при пособии лекарств частью облегчилась; но зрение не возвратилось, и никакие советы врачей не оказали пользы слепцу. По совету родных обратился он за советом к преподобному Макарию. Преподобный отвечал, что лекарств у него нет, но предлагает Евангельский совет: веруй и молись Тому, Кто дал зрение слепому; иди, прибавил преподобный, к навечерию Богоявления Господня и молись. Навечерие совершал сам преподобный, молясь и о слепце. Когда сказал он в молитве храма: «Велий еси, Господи, и чудны дела Твои», слепец ощутил, что мимо очей его прошел резкий луч света, и он стал видеть все. В благодарность построил он храм в честь Богоявления Господня. Другой опыт: сын одной матери, молодой человек, вел жизнь рассеянную. Скорбящая мать открыла скорбь свою преподобному и просила помощи его. Преподобный взялся врачевать больного душою сына и то призывал его к себе, то бывал в доме матери, уговаривая сына прийти в себя. Рассеянный сын, долго не внимавший ничему, раз сказал: зачем принуждают его долго молиться? Преподобный отвечал: «Долгие молитвы совершают иноки по обету, и это к тебе не относится; но вот что относится к тебе: оставаться тебе без молитвы — то же, что осудить душу на голодную смерть; читай одну молитву “Отче наш”, и в ней найдешь все — и свет

будто бы 2 года, что уже и невероятно, по заботливости о нем преосв. Лазаря. Киевского митр. Киприана в это время вовсе не было; на правом берегу Днепра управлял церквами и монастырями митр. Иосиф Нелюбович-Тукальский, и он-то, конечно, вследствие ходатайства преосв. Лазаря пред гетманом Дорошенком, определил Макария в Канев. А Киприан не был ли какой-либо заграничный архипастырь, пребывавший в Украине и принявший участие в судьбе прп. Макария? В то время немалое число заграничных архипастырей проживало на Украине.

[1] Конисский: «Юрий принял монашество в Корсуне в октябре 1662 г.» (Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке / Сост. Самоил Величко: В 4 т. Киев, 1848–1864. Т. 2 (далее — Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. —*Ред.*). В 1664 г. он заключен был в Мариенбурге вместе с Иосифом Тукальским и в 1668 г., отправляясь из Умани в Киев с игуменом Уманским, был схвачен татарами и отправлен в Константинополь (Летопись событий в Юго-западной России в XVII веке. Т. 2). По времени определения прп. Макария в Каеев принимал он Юрия в Каневе в 1672 г.

Богопознания, и уроки для жизни, и утешение и силу для духа; прочесть эту молитву со вниманием, думаю, не тяжело». Рассеянный сын послушался. И что же вышло? Прочтя раз молитву, он захотел прочесть ее в другой и в третий раз. Молитва до того понравилась ему, что он стал читать ее часто и читая учился добру, — стал трудиться, стал жить внимательно к себе, переменился во всем и был утехою матери до гроба. Третий случай относился к судье-лихоимцу, который, несмотря ни на бедность, ни на слезы, продавал суд свой за деньги. Преподобный каждую субботу посылал то от имени одного, то от имени другого, деньги с запискою, где повторялось одно: «Отдаю последнее, более не имею; пощади себя и меня». Судья, пораженный такою проповедью, не только отстал от лихоимства, но и нажитое неправдою роздал по церквам. Раз по просьбе жителей посетил преподобный Макарий Переяславль. В это время один отец семейства был тяжело болен. Горюющая семья просила преподобного совершить над болящим елеосвящение. Он исполнил просьбу их, и больному возвратилось здоровье.

За два года преподобный предсказал свою страдальческую кончину; он убеждал каневцев твердо держаться Святой Православной веры и говорил: «Приять венец нетленный нельзя иначе, как совершая законно подвиг свой».

В 1678 году султан послал многочисленное войско турок и татар взять Украину для Юрия Хмельниченка. После осады Чигирина «бусуманы, так говорит летописец, 25 августа пошли из-под Бужина вверх по Днепру. Дав себе отдых после военных беспокойств, подошли они к славному казацкому городу Каневу и сентября 4, взяв его, опустошили и умертвили множество людей. Особенно в старинном и прекрасном монастыре Каневском каневцы собрались во множестве и заперлись в большой каменной церкви, надеясь спастись здесь; но турки обложили церковь соломой и дровами, зажгли и задушили всех в церкви»[1]. История преподобного Макария передает следующие частности сего страшного события: неприятели окружили монастырь, где преподобный питал каневцев молитвою и постом; они старались выманить каневцев из обители; но это не удалось. Разрушив ворота обители, ворвались они в обитель. Преподобный Макарий стоял у ворот с крестом в руках. Они схватили его, и тогда как прочие рассыпались по кладовым и погребам, варвары начали бить преподобного

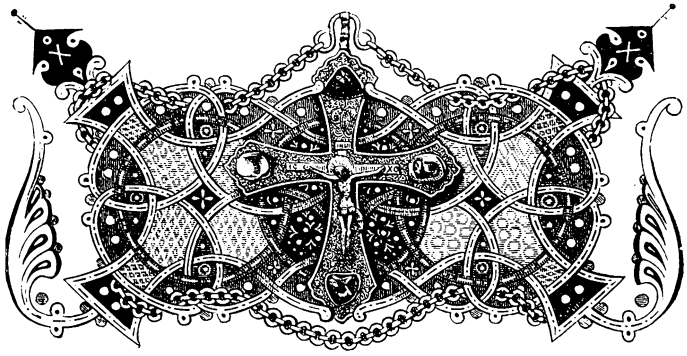
[1] Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. 2.

чем попало и ругались над святым крестом. Преподобный молил их об одном — пощадить заключившихся в храме. Они вытащили его за монастырь и продолжали бить без пощады. Страдалец со взором, обращенным к небу, молился: «Господи! приложи мне веру, да верным окажусь пред Тобою». Варвары, терзая святого, вынуждали сказать, где золото и имущество монастырское? Он отвечал: «Мои сокровища на Небе, — не собирал и не прятал я ничего». Варвары с насмешкой выслушали эти слова и, отпустив тех, которых успели схватить в монастыре, послали сказать заключившимся в храме: пусть сдадутся и выдадут все, иначе ждет их смерть. Преподобный с теми же посланными послал сказать: пусть хранят святую веру и помнят слова Спасителя: *аще терпим, с Ним и воцаримся, аще отвержемся, и Той отвержется нас* (2 Тим. 2, 12). Варвары поставили преподобного между двух столбов и железным оружием стали крутить ноги его. Он молился и терпел. Они били его в грудь и по лицу и хотели было сдирать кожу, но кончили тем, что отрубили голову; тело святого тайно унесено было во храм. Варвары зажгли храм и уморили всех бывших в нем дымом. По уходе их из Канева православные нашли в храме тело преподобномученика во власянице, с крестом на персях и с крестом в руке, — и оно было как бы живое[1].

С любовью похоронили они его в том же храме, под жертвенником. В 1688 году при возобновлении храма иноки открыли гроб и нашли тело святого совершенно целым. От мощей преподобного тогда же последовали исцеления. Но так как враги Православия не переставали по временам нападать на Каневскую обитель, то в том же году иноки перенесли святое тело мученика в Переяславскую полковую церковь святого Воскресения; когда же Переяславский епископ Захарий Корнилович, по дозволенно Петра Великого, построил кафедральный Михайловский монастырь с храмом, то в 1713 году мощи преподобного Макария перенесены были в храм обители; по ее закрытии они поставлены (4 августа 1786 г.) в соборный храм Вознесенского монастыря, где и поныне почивают.

---

[1] По ркп. житию кончина св. Макария и разорение Канева относятся к 1653 г. Но в этом году не видно ни по каким памятникам разорения Канева. А что говорится о разорении в его житии, — согласно с летописным описанием разорения 1678 г. (см.: Киевские губернские ведомости. 1846. № 2–5, 46). Письма архиеп. Лазаря не оставляют сомнения, что прп. Макарий пострадал после 1657 г. Днем кончины показано 7 сентября 1671 г. (Словарь святых).



День восьмой

Святого новомученика **Афанасия Солунского**, пострадавшего от турок в 1774 году за порицание магометанской веры и непринятие ислама[1].

ПРАЗДНОВАНИЕ СЯМСКОЙ ИКОНЕ БОГОРОДИЦЫ

В селении Отводном, близ Кубенского озера, недалеко от Вологды, крестьянин Иван Родионов два года лежал в расслаблении. В 1524 году является ему во сне Богоматерь, повелевая идти в Сямскую волость к Покровской церкви и объявить прихожанам волю Владычицы о построении здесь обители во имя Пречистого Ее Рождества, близ сей волости у речки Крутца на поляне Долгой. За исполнение сего повеления больному обещано исцеление. Повинуясь Небесному внушению, он возвестил волю Богоматери и в то же время получил исцеление. Видя в чудесном исцелении крестьянина ясное подтверждение истины слов его, жители волости в тот же год воздвигли деревянный монастырь в честь Рождества Богородицы. Чудотворная икона Рождества

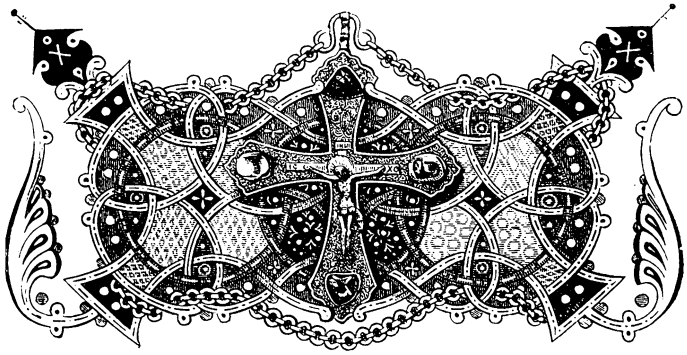
[1] См.: *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке, со времени завоевании Константинополя турками. СПб, 1862.

Богородицы с тех пор сделалась местною храмовою, известною под именем Сямской; в монастырском летописце записано много от нее чудес. В 1542 году весь этот монастырь сгорел до основания; спасена только одна чудотворная икона, и снова воздвигнуты были монастырские здания.

Преподобного ЛУКИАНА

Родом из Галича. Еще в молодых годах разделял с отцом своим Дионисием благочестивое и подвижническое уединение в Брынском лесу. После того, пожив в обители Покровской близ Углича, Лукиан (до пострижения – Иларион) удалился в пустынное место в 30-ти верстах от Переславля, поставил себе келью близ запустевшей после нашествия Литвы церкви Рождества Богородицы, в которой находилась чудотворная икона Ее; возобновил эту церковь и, приняв пострижение с именем Лукиана, священнодействовал в ней. Много потерпел от клеветы завистников. Был основателем двух монастырей: женского близ города Александрова и мужского — при опустевшей церкви Божией Матери, где и погребен по смерти своей в 1655 году. Отличался умилительным даром слова и даром прозорливости (например, задолго предсказал о губительном моровом поветрии, предупреждая народ о необходимости покаяния, так как «грядет гнев Божий великий и язву смертоносную пошлет Господь»)[1].

[1] См.: Словарь исторический о святых Российской Церкви. СПб., 1836.



День девятый

† ПАМЯТЬ святого ИОАКИМА ОПОЧСКОГО

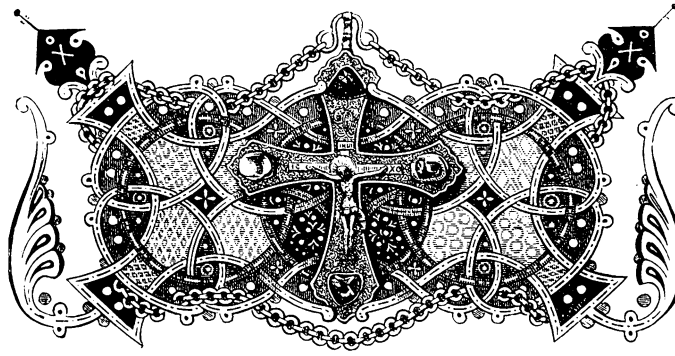
По рукописным святцам, «преподобный отец Иоаким, игумен Опочского монастыря святого пророка Илии на реке Шеломе, преставися месяца сентября в 9 день». По другим памятникам, преподобный Иоаким называется основателем монастыря в Опочском погосте, что ныне в Порховском уезде, в 20 верстах от Порхова. По писцовой книге видим в Опочском монастыре игумена Нафанаила с несколькими братьями[1], и следовательно, кончина преподобного Иоакима последовала около 1550 года, если только он жил, как полагают, в XVI веке[2]. Мощи его почивают в приходском, прежнем монастырском, храме пророка Илии, и память его местно чтится 9 сентября в день его кончины[3].

---

[1] *Неволин К.А.* О пятинах и погостах.

[2] Словарь святых полагает даже, что он жил в конце XVI и в начале XVII в., что непримиримо с Писцовой книгой. По описи 1662 г. за Опоцким Ильинским монастырем 12 дворов.

[3] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.



День десятый

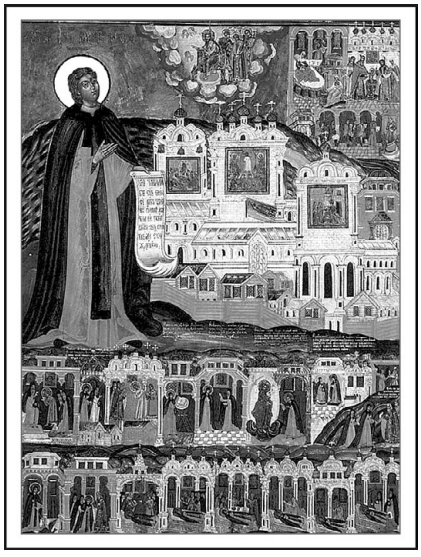
† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ИОАСАФА, в миру князя Андрея Вологодского

Жизнь преподобного князя длилась недолго, но она вся была прекрасна[1]. Князь Андрей был сын князя Заозерского Димитрия Васильевича, потомка святого князя Феодора Ярославского[2]. Князь Димитрий жил в городке близ устья реки Кубенки, где ныне село Устье; при деревне Чериковой доныне стоит часовня — памятник о дворах и теремах князя Заозерского[3]. Благоверный князь Димитрий оказывал пособия преподобному Дионисию Глушицкому при построении Глушицкого монастыря и был убит татарами. Мать кня-

[1] Ркп. сказание у Толстого 2. № 368, 53; у Царского № 124, 134. Этим сказанием немногое дополняется в известии Паисия Ярославова о Каменском монастыре (Православный собеседник. 1861. № 1). Чудеса взяты с записки неизвестнаго. Сочинитель, как говорит сам, написал и службу святому.

[2] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих: В 2 ч. / Изд. Н. Новиков. М., 1787 (далее — Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. —*Ред.*). Паисий прямо называет кн. Андрея внуком кн. Василия Ярославского, а не внуком вел. кн. Василия Московского, — как называют иные.

[3] Ярославские губернские ведомости. 1853. № 3.



Преподобный
ИОАСАФ

зя Андрея благоговейно чтила преподобного Александра Куштского и присылала подаяние в обитель его. Сын благочестивых родителей, испрошенный у Бога молитвами, с первых дней развития души воспитанный в страхе Божием, оставшись сиротою, почувствовал суетность мирской жизни, столько печальной для него по неожиданной смерти отца и по судьбе княжества Заозерского. За родство князя Шемяки с князем Димитрием, которого дочь (и сестра князя Андрея) была за Шемякою, великий князь Василий в 1447 году отдал половину Заозерья Можайскому князю Михаилу Андреевичу, а другую брату его Ивану[1]. Таким образом сыновья Димитрия перестали быть владетельными князьями Заозерскими[2]. Князь Андрей и по расположениям сердца не принадлежал к миру; а когда мир гнал его от себя, он пришел к Спасу на Каменный остров и просил игумена облечь его в иноческие одежды. И молодость князя (ему было тогда не более 20 лет)[3], и высокое происхождение его, и перестройка политического быта России, совершавшаяся волею великого князя Московского (великий князь благоволил к Кассиану, посылал его в Константинополь по делу о митрополите, но близ царя близ огня), навевали на душу Кассиана сомнения о князе Андрее. «Место твое — не здесь, а в думе бояр или на поле брани», — сказал игумен князю Андрею. «Напрасно смущаешься, — отвечал юный князь, — намерение мое твердо — не принимать услуги от других, а служить другим и несть крест по следам Господа моего». Игумен, увидав чистые желания юного князя, увещевал его, дабы, раз приняв на себя иго Христово, не колебался потом мыслями о величии мирском, а твердо шел бы по избранному пути. Затем облек его в иночество

[1] Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1, № 63, 64. Родословная: «кн. Димитрий Шемяка женился у князя Димитрия Заозерского».

[2] Пишут: «он (Андрей) остался единственным наследником удела». Это — неправда. Равно несправедливо сказано Савваитовым, будто кн. Андрей «женился у кн. Ивана у Дея, и взял в приданое Кубену, а у него взял Кубену князь великий» (Известия Археологического общества. Т. II). По родословной книге это относится к брату кн. Андрея кн. Семену; другой брат его, кн. Феодор, по родословной книге, бездетен, как и Андрей, т. е. инок (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих).

[3] По ркп. сказанию, Андрей при вступлении в обитель был 12 лет; по топографическому описанию Вологды он постригся 20 лет (Словарь святых). Первое без сомнения несправедливо. Если Андрей родился в том же 1429 г., как убит отец его, то скончался он (1453 г.) 24 лет и вступил в обитель на 19 году.

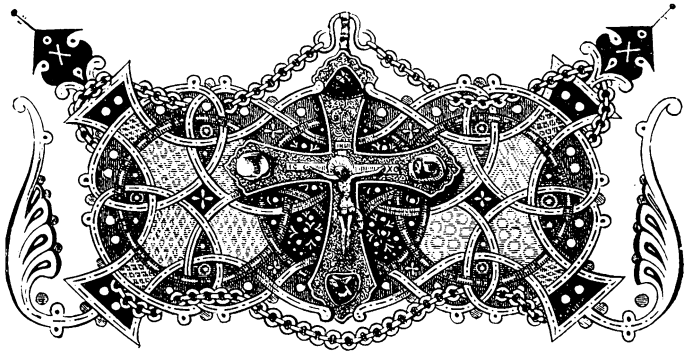
и назвал Иоасафом, именем царевича, который оставил царство для Христа. Юный Иоасаф Кубенский поручен был смотрению опытного старца[1]. Блаженный князь-инок со всею радостью выполнял обет иночества. С братиею имел он свидание только в храме; все время его посвящалось молитве и размышлениям о вечности; пост соблюдал самый строгий. Чистый душою и телом, он еще на земле удостоился посещения небесного. Раз пел он псалмы в келье и услышал голос, ответ на молитву души его; голос уверял: «Обширная пустынь, окружающая озеро, наполнится пустынниками, певцами славы Божией, и если они будут хранить заповеди Божии, все будет готово для их земной жизни». Блаженный Иоасаф рассказал об этом откровении игумену Кассиану в простоте чистого сердца своего. Князю Борису Васильевичу Ржевскому пришло на мысль посетить племянника своего и предложить ему деньги с тем, чтобы построил себе свой монастырь. Предложение приятное для самолюбия, но потому-то и опасное для душевного спасения. Блаженный Иоасаф отвечал родичу князю: «Христолюбивый князь! нам не нужны серебро и золото, когда искренно хотим жить в пустыне; раздай бедным, что назначил ты для нас, и получишь щедрую награду от Господа». Князь Борис исполнил совет искреннего пустынника. Юный подвижник как бы предчувствовал, что путь подвигов его — не долгий, и с пламенным усердием поспешал творить добро. В последний год своей жизни, а он подвизался в обители всего пять лет, только раз в неделю вкушал он пищу, в день воскресный, и в каждый воскресный день приобщался Святых Таин. Тело его от подвигов очень ослабело, но он благодарил за то Господа; в продолжение болезни, когда только чувствовал некоторое облегчение, являлся в церковь. В праздник Рождества Богородицы велел он весть себя к Литургии, приобщался Святых Таин. И возвратясь в келлию, не встал более с одра. Простясь с братиею, велел иноку читать канон на исход души, сам взял кадильницу в руки, покадил ею около себя и с молитвою на устах предал Господу дух свой 10 сентября 1453 года. Чистое тело его положено было в храме, и от него скоро стали истекать чудесные

[1] Паисий: «и даст его старцу духовному наказати его иноческому житию». Писатель жития кн. Иоасафа называет старца Григорием и выдает его за того самого Григория, который был Ростовским архиепископом. Но Григорий был Ростовским архиепископом с 1395 г., т. е. далеко прежде поступления кн. Андрея в монастырь.

исцеления. Юный князь Роман, сын князя Олега Дорогобужского, был немым от рождения; приложась к мощам блаженного Иоасафа, стал говорить свободно. Мария, женщина из богатого дома, долго была слепою и при мощах князя-инока прозрела. В 1472 году Спасский Каменский монастырь опустошен был пожаром, и после того только остатки мощей князя собраны в ковчег, но они продолжали источать исцеления. После вторичного опустошения обители пожаром святые мощи перенесены в Вологодский Духов монастырь, где находятся доселе[1]. Церковная служба святому князю известна по рукописи XVI века[2].

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Вологодские губернские ведомости. 1849. № 34.

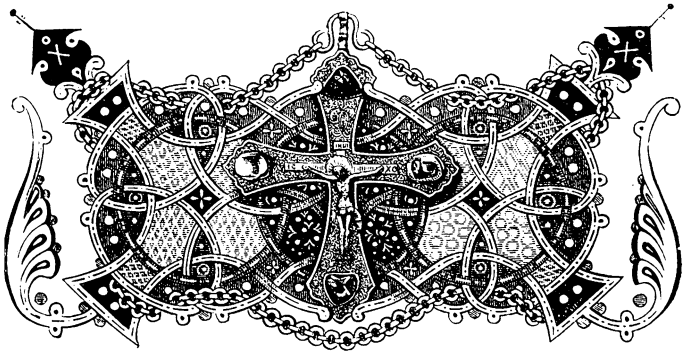
[2] Царского № 124; Толстого II, № 53.



День одиннадцатый

Святого ПАФНУТИЯ ИСПОВЕДНИКА, епископа города Таиса, в Верхней Фиваиде

Сему епископу в гонение Максимина (311 г.) избодено было правое око и сокрушено колено правой ноги, которую он влачил. Впоследствии он был членом I Вселенского Собора и весьма уважаем императором Константином. Когда на этом соборе некоторые из западных епископов заявили требование, чтобы священники и диаконы вели безбрачную жизнь, то Пафнутий, хотя сам был девственник, указал на несообразность этого с древним преданием Церкви и заметил: «Не возлагайте тяжкого ига; как бы от избытка строгости не причинить Церкви вреда. Довольно, если вступивший уже в клир, по древнему преданию, не вступит в брак». Собор согласился с мнением Пафнутия. Пафнутий скончался мирно в IV веке.



День двенадцатый

† ПАМЯТЬ преподобного АФАНАСИЯ, игумена Высоцкого, и ученика его АФАНАСИЯ игумена

Преподобный Афанасий, в крещении Андрей, сын священника Авксентия Обонежской пятины[1], в юности обучен был отцом чтению книг; отец и мать были благочестивые и воспитали сына в страхе Божием. Люди боголюбивые заботятся о том, как бы не быть в стыде за жизнь и веру свою пред Богом, и тому же учат детей своих. Таковы были родители Андрея; отец его был особенно усерден к делам звания своего; понимал сам и внушал другим, что, не занимаясь словом Божиим, люди ходят во тьме и губят себя и своих детей. Добрый

[1] Ркп. «слово о житии прп. отца нашего Афанасия Высоцкого и ученике его игум. Афанасии», написанное в 1698 г. (у Ундольского № 288); В Синод. ркп. XVIII в. № 85 вместе с житиями св. Серапиона Новгородского и Дионисия Радонежского. Слово, как слово, написано красноречиво и назидательно, но скудно историческими известиями и с ошибками против истории. По слогу и по времени оно принадлежит Кариону Истомину.

отрок Андрей, по наставлению отца своего, усердно ходил в храм Божий и в этом училище всего святого научался благочестию. При таком воспитании родилось в нем желание удалиться от мира, но он боялся решиться на то. Когда услышал он о пустынных подвигах преподобного Сергия Радонежского, он положил отдать себя в руководство великому наставнику. Оставив родину, явился он в пустыню Сергия, и преподобный принял юношу, испытал его и облек в иноческие одежды.

Новый инок с ревностью подвизался на пути спасения. Он открывал святому старцу каждый смущавший его помысел, как того и требовал святой старец. Это облегчало его в самоусовершении. *Спасение же есть во мнозе совете* (Притч. 11, 14), а совет опытного в жизни духовной очень много значит и для молодого, и для старого инока. Как легко неопытность может принять благовидные, но в сущности вредные мысли за святые и попасть на путь опасный. Опытный наставник, снимая с совести кающегося тяжести ее, указывает ученику то на опасности незримые им, то на лучшие приемы жизни. Под руководством святого Сергия Афанасий зрел в жизни духовной. Святой старец любил его и особенно отличал в нем хорошее знание святых книг. «Афанасий, — говорит жизнеописатель Сергия, — был весьма сведущ в Священных Писаниях, и многие книги руки его поныне свидетельствуют о том, потому и очень любим он был Сергием».

Дело доброго князя, как и всякого доброго начальника, заботиться и о своей душе, и о спасении поручаемых смотрению его. Так думал добрый Серпуховский князь Владимир Андреевич. Основав Серпухов, он счел нужным устроить в новом городе монастырь как училище благочестия христианского и всего доброго. Он пригласил к себе преподобного Сергия с тем, чтобы взял с собою ученика своего Афанасия, открыл святому старцу свои мысли о монастыре и просил совета его. Святой старец благословил желание доброго князя и вместе с князем осмотрел место будущей обители. Место называлось Высоким и отвечало своему имени. Оно было на возвышенном берегу реки Нары и вблизи реки Оки, в лесу, в версте от города. Святой старец благословил место, и лес был очищен. Декабря 2-го 1373 года преподобный Сергий заложил храм обители в честь Зачатия Богоматери святою Анною и основал общежительную обитель. Князь просил, чтобы Афанасий оставлен был в строителя и игумена новой обители. Не хотелось святому старцу расставаться с любимым учеником, а еще более

не хотелось блаженному Афанасию расстаться с дивным наставником; но так угодно Господу, сказал Сергий и, пробыв несколько дней в беседах с князем и новым игуменом, оставил Афанасия в Серпухове[1]. Афанасий с помощью благочестивого князя построил келью и храм. Скоро собрались к нему братья. Преподобный Сергий прислал к нему Никона, будущего игумена лавры. Это был первый инок Серпуховской; он скоро удостоен здесь иеромонашества, но недолго пробыл в новой обители. По благословению Афанасия пошел он посетить преподобного Сергия, и Сергий оставил его в своей обители. Затем поступил будущий преемник основателя обители. Сын знатных родителей Ярославских, Амос, явился с горячим усердием к иноческим подвигам; преподобный игумен постриг его в иночество с именем Афанасия. На седьмом году пребывания в обители и на третьем году иночества младшего Афанасия набожный князь Владимир построил в обители каменный собор Богоматери и при братской трапезе теплый храм. При освящении главного храма младший Афанасий посвящен был в иеродиакона. Храм освящен был блаженным Киприаном митрополитом. Конечно после этого личного свидания митрополит писал игумену Афанасию обширное послание с разными наставлениями, по просьбе самого Афанасия[2]. Игумен, основатель обители, ревностно заботился о духовном совершенстве детей своих. Обитель была общежительная. Игумен строго наблюдал за благочинием в храме и за жизнью келейною братий. Он часто предлагал поучения. По его правилам иноки его должны хранить чистоту души и тела, иметь кроткую поступь, взор потупленный, голос негромкий, умеренность в пище и питье, власяную одежду, как можно меньше быть в праздности и как можно чаще заниматься чтением книг. «Доныне, — говорит известие 1698 года, — доброписания руки его в монастыре Высоцком обретаются». Ныне известна книга Никона Черногорца, писанная в 1381 году, «при

[1] Никон. л. 4, 38. 39. 232. 233; Собр. л. 8, 21; Львов. л. 2, 149; Руский времянник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета: Разделенный на две части. М., 1790. Ч. 1 (далее — Руский времянник. —*Ред.*). В последнем говорится: «благослови ученика своего Афанасия, родом Ростовца». Но по слову о прп. Афанасии урожденцем Ростова был ученик Афанасия и его преемник — Афанасий младший. В этом отношении надобно доверить слову, по подробностям, с какими оно говорит о родителях ученика Сергиева и ученика Афанасиева.

[2] Акты исторические. Т. 1, № 383.

игумене грешном Афанасии», по его благословению[1]. Преподобный игумен управлял Высоцкого обителью до 11 лет.

Когда митрополит Киприан в начале 1383 года вынужден был удалиться из Москвы в Киев, то он писал к духовному другу своему Афанасию о намерении искать защиты у патриарха. «Ты же, — говорил святитель, — прилежи своей пастве, ведай, яко о них воздаси слово; аще ли кто не послушает, о том больше прилежи и учи, веси бо слово Господне, — маловременна жизнь наша. Отпиши же ко мне, чтобы имел я сведения о положении дел»[2]. Летопись говорит: «С ним (с митр. Киприаном) отправился в Киев Высоцкий Серпуховский игумен Афанасий»[3]. Это значит, что неудовольствия, поднятые против Киприана, коснулись и искренно преданного ему игумена, и блаженный Афанасий удалился к уважаемому им святителю. Когда в 1387 году блаженный Киприан отправился в Царьград, то и Афанасий «отыде в Царьград, оставив игуменство Бога ради»[4]. Здесь в Предтечевой обители купил себе келью и жил с несколькими учениками, занимаясь то молитвою, то книгами, то делами благотворения. Спутник митроплита Пимена иеродиакон Игнатий, описывая свое пребывание в Царьграде 1388 года, пишет: «Июля 1 пошли мы в монастырь святого Иоанна, по-гречески Продрома, по-русски Предтечи, в здесь сотворили поклонение; здесь очень хорошо успокоили нас живущие тут русские»[5]. Это — преподобный Афанасий и его ученики. Один из учеников его, списывавший в 1392 году по его воле сборник, вот что писал впоследствии: «Сию книгу писал я по благословению и совету моего старца, священночестнейшего между иноками, кир Афанасия, бывшего прежде начальником общежития и братии в монастыре на Высоком. Рассмотрев жизнь рассудительным умом своим, оставил он монастырь и все, что было дорого ему, родных, знатных знакомых и удалился в Константинополь; здесь пребывает он, как один из убогих; забывая все земное, печется только о будущем. Митрополит Киприан сильно упрашивал его (1389 г.), чтобы согласился идти в Россию и принять там почетную должность. Но он

[1] Опис. Синод. ркп. II, 3.

[2] Послание к игум. Афанасию (Православный собеседник. 1860).

[3] Троицкая летопись (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V, прим. 122). То же: Никон. л. 4, 139.

[4] Никон. л. 4, 39.

[5] Никон. л. 4, 167, 39.

отказался. «Келья моя дороже мне тех почестей», — сказал он. О, ум рассудительный! о, взор светлый! Возлюбил ты горькое и скорбное. Как же мне больно, что не умею я наслаждаться тем же. Тем, которые вкушают эту горечь, она, по пророку, слаще меда. Дивлюсь я твоему подвижническому житию; много ты учил, но я не внимаю; ты прикладывал полезный пластырь к ранам моим, а я бросаю его прочь»[1]. Прекрасная скорбь в ученике! Каков же наставник! Одним из самых любимых занятий преподобного Афанасия в Константинопольской келье было списывать лучшие книги, и не для себя одного. Сборник, списанный по его воле, заключает в себе 400 глав Максима, главы Марка, слово Симеона Нового Богослова. В 1401 году в царской обители Иперивлето «грешный Афанасий, малейший в единообразных», списал, а может быть, и перевел церковный устав, который назвал оком церковным, причем прибавлял: «Братие, проходяще книгу сию, не порецете (не произносите), Бога ради, тягости на душу мою, аще и неудобрение (несовершенство) зрите, или погрешение обрящете»[2]. С его устава списывали потом списки в России[3]. Летопись называет преподобного Афанасия добродетельным, учительным, знающим Священное Писание, и прибавляет: «О том поныне свидетельствуют писания его»[4]. По этим словам несомненно, что преподобный Афанасий писал назидательные сочинения.

Таким образом преподобный Афанасий и в Константинополе трудился для Святой Русской Церкви так, как немногие трудились в России. Известие 1698 года говорит, что преподобный Афанасий прислал из Константинополя в Высоцкую обитель «7 икон поясных окладных» и еще 3 иконы. «И ныне, — прибавляет то же известие, — те иконы в той обители в храме Пресвятой Богородицы над царскими дверьми, 7 икон, стоят, от всех зримы и чествуемы поклонением»[5].

---

[1] Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума / Сост. А. Востоков. СПб., 1842. № 360 (далее — Описание Румянцевского музеума. — *Ред.*).

[2] Описание Румянцевского музеума. № 445. «Коснулся трудолюбне книги сея, яже есть око церковное... Нас же рачительство желанием распали к таковей купли труда; аще и нехудожне сию снискахом, обаче трудне края достигохом, лету сущу 6909 мая 30».

[3] У Толстого устав 1409 года с тем же послесловием, какое написал Афанасий (1. № 11). В б-ке Казан. университета список 1429 г., списанный Ионою в Сергиевой обители (Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 75, отд. III).

[4] Никон. л. 4, 232.

[5] Иконы и ныне целы (*Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях).

Вероятно, в том же 1401 году, в котором писан был преподобным Афанасием церковный устав, опочил он от трудов своих в Константинопольской обители[1].

Пред удалением из обители Высоцкой преподобный Афанасий сам назначил в преемника себе по обители ученика своего Афанасия. Младший Афанасий оправдал все благие надежды на него. Он умножил число братий в обители, вел жизнь подвижническую и побуждал братию к жизни, достойной звания иноческого; пред кончиною своею он долго был болен и преставился 12 сентября 6904 (1395 г.). «Погребоша прямо против церковных западных дверей, идеже ныне особое каменоустройство над гробом его учинися», — говорит известие 1698 года.

В рукописных святцах сказано: «Преподобный Афанасий, игумен Высоцкого Зачатского монастыря, иже в Серпухове, новый чудотворец, преставися в лето 6904 сентября в 12 день, ученик преподобного Афанасия, дивного ученика преподобного Сергия, что после был в Царьграде и тамо преставися».

По повествованию 1698 года, во время самого погребения младшего Афанасия, брат, не пошедший на погребение по презорливому нерадению, поражен был болезнью и, придя в себя пред гробом, исцелился. Затем не раз видали преподобного ходящим с кадильницею по гробам или с горящими свечами в руках. Во время нападения Крымских татар на Серпухов и неприятели и свои из города видели старца на белом коне с жезлом в руке, смуглого лицом и с густою, черною бородою; выехав из обители, из которой однако иноки еще прежде все удалились, старец объехал стан врагов и потом с угрожающим видом устремился на врагов. Это навело такой страх на орду, что она мгновенно бросилась бежать прочь от города.

[1] После того, что сказано по современным памятникам о пребывании прп. Афанасия в Константинополе, нет нужды доказывать несправедливость известия 1698 г. о том, будто Афанасий был патриархом в Константинополе. Впрочем, и сочинитель известия 1698 г. так начинает свой рассказ о том: «обретается не во многих писаниях, аще и мало, свидетельство» и потом не раз выражает свое сомнение о верности такого свидетельства. *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III; Никон. л. 4, 39. «Бога ради остави (Афанасий) игуменство и отыде в Царьград и купи себе тамо келью, дал андрофат; и поживе в молчании со святыми старцы и тако в старости глубоце преставися ко Господу».

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ВАССИАНА ТИКСЕНСКОГО

Преподобный Вассиан, в мире Василий, из села Стрелицы, что близ Тотьмы, в мирском быту был швецом, вступал в брак и имел двух сыновей. Потом, в Тотемской обители приняв монашество, года два провел в подвигах послушания под смотрением настоятеля Ферапонта. Ревнуя же о высшем совершенстве, по благословению настоятеля поселился в 50 верстах от Тотьмы на реке Тиксне при храме святителя Николая. Сперва жил он здесь на паперти храма, потом упросил причт и окрестных жителей уступить ему место в 20 саженях от храма для хижины. Ему поставили келью, и он начал уединенно подвизаться в посте и молитве. Это было в 1594 году. Он приходил в храм на каждую службу его, а в келлие совершал иноческое правило. По благословению наставника своего Ферапонта возложил он на тело свое вериги, на плечи цепь, на чресла — железный обруч, а на голову под куколем надел железную шапку. В таком одеянии подвизался он 13 лет. Он не принимал никого к себе в келлию, кроме духовного отца, и питался подаянием, которое принимал в оконце келлии. Так подвизался раб Божий в строгом затворе, очищая дух страданиями грешной плоти, для жизни Небесной. Уразумев близкую кончину свою, пригласил он духовника, исповедался и приобщился Святых Таин и тихо предал дух свой Богу, 12 сентября 1624 года. Только при погребении узнали, какими тяжестями смирял он тело свое. По кончине его на месте его подвигов основалась обитель в честь Нерукотворенной иконы Спасителя. Почитание преподобного Вассиана началось с моровой язвы 1647 года, когда у гроба его многие получали исцеление. Ныне мощи преподобного Вассиана покоятся в приходской, прежней монастырской, церкви Спаса[1].

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. Ркп. записка о прп. Вассиане.

† ПАМЯТЬ праведного СИМЕОНА ВЕРХОТУРСКОГО

В рукописных святцах читаем: «Святой праведный Симеон Меркушинский, новый чудотворец, преставися в лето 7150 (1642)». Праведный Симеон был родом из дворян[1], но, скрыв знатность свою в смирении христианском, вел жизнь бедняка. Переходя из деревни в деревню, шил он платье, преимущественно для бедных; кончив работу, уходил из дома рано поутру, когда все спали, чтобы избежать не только денежной платы, но и слова благодарного за работу. Он доволен был и тем, что давали пищу и кров. Чаще всего проживал он в погосте Меркушах, в 50 верстах от Верхотурья, где была пристань судов, плававших по реке Туре. Он любил в тиши уединения наслаждаться природою и хвалить Творца ее. Когда не было работы, брал он уду, садился на берегу реки и доставал оттуда лишь нужное для дня. Еще поныне цела ель на утесистом берегу реки Туры, где любил сидеть блаженный, занимаясь ловлею рыбы. Вогуличи и другие инородцы края тогда были новыми христианами. Блаженный Симеон вступал с ними в разговоры и учил христианскому благочестию[2]. Располагая к себе бедных своею услужливостью, он находил сердца их открытыми для принятия наставлений его и усердно сеял в сердцах правила страха Божия. Никогда не оставлял он посещать Богослужение храма и особенно храма Меркушевского. Чистая жизнь его служила примером для всех; а этот пример особенно нужен был и благотворен для края еще дикого, недавно увидавшего свет христианский. Блаженный

[1] Ркп. сказание о житии и чудесах прав. Симеона — сочинение митр. Игнатия (*Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы); ркп. сибирский летописец Тобольской семинарии под 1692 г.; *Макарий (Миролюбов), архимандрит.* Сказание о жизни и чудесах святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца. СПб., 1857.

[2] Погост Меркуши основался в 1620 г., а Верхотурье — в 1598 г. Акты Верхотурья см. в: Временник общества истории и древностей. Кн. 25. Местность, где основалось Верхотурье, называется в актах Чудским городищем — Нарымкурою.

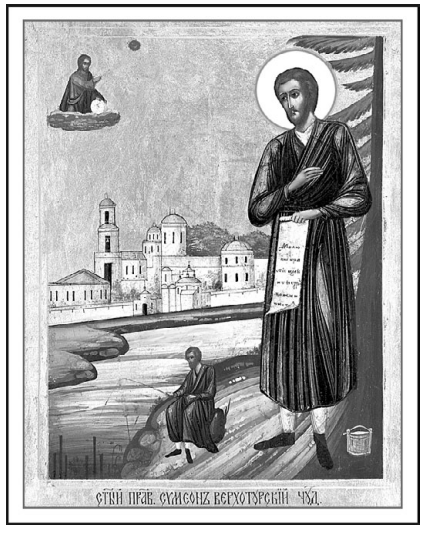
Симеон, страдавший болью живота, скончался не старым, около 35 лет, в 1642 году и погребен был при церкви архистратига Михаила[1].

Чудеса, происходившие от мощей праведника, и нетление мощей его заставляли Тобольских архипастырей не раз свидетельствовать мощи его, и митрополит Игнатий на себе испытал силу молитв праведника[2]. В 1704 году, по распоряжению митрополита Филофея и по желанию края, мощи угодника Божия перенесены в Верхотурский Николаевский монастырь и установлено праздновать 12 сентября. К этому времени сходятся и съезжаются в Верхотурье не только из ближних селений, но даже из отдаленных мест.

Праведник совершал много чудес в Меркушах, много совершал и в обители. Особенность в явлениях его та, что он с исцелением телесных болезней преподавал наставления для души. При митрополите Игнатии житель Верхотурского уезда Иаков лежал больной при смерти. Ему явился человек в белой одежде и велел объявить Верхотурскому дьячку, чтобы удерживался от пьянства, содержал пост и исповедовал грехи свои духовнику, — а самому больному приказал идти молиться над гробом праведного Симеона. Пробудясь от сна, больной почувствовал облегчение, а в Меркушах у гроба праведника совсем выздоровел. Священнику соборной Верхотурской церкви Павлу Праведникову говорил строгие укоризны за нетрезвость. Испуганный иерей просит помилования и облегчения своей болезни, обещаясь не пить вина. «Кто будет за тебя порукою?» — спросил праведный. Священник указал на крест. Праведник обличил потом иерея и в других грехах. Исцеленный иерей выполнял обещание до гроба. В 1711 году Симеон явился старцу Иакову и грозными словами привел его в ужас, так что тот пал в бесчувствии. Придя в себя, он объявил архимандриту и прочим, что праведник велел архимандриту и воеводе внушать народу удерживаться от бранных слов и нечистых дел, иначе готова казнь Божия — мор и голод. В 1749 году житель Невьянского завода, где упорно держался раскол, Василий Масленников, три года лежавший в параличе, без языка, с рукою сведенною к шее и с искривленным ртом, во сне увидел человека в белой одежде, с русыми волосами, такого, каким написан праведный

[1] *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири: В 2 ч. СПб., 1838–1844. Ч. 1 (далее — *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. —*Ред.*).

[2] Кроме ркп. жития праведника, сибирский летописец: «до Тюмени ехал (с губернатором кн. Гагариным) преосвященный Иоанн, митрополит Тобольский, для свидетельства св. мощей» (Северный архив. 7, 19).

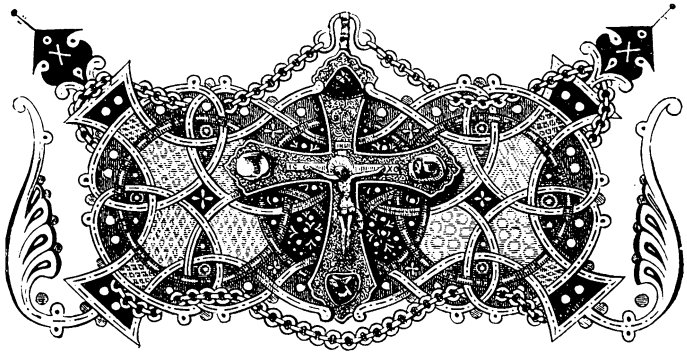


Праведный СИМЕОН ВЕРХОТУРСКИЙ

Симеон на гробовой доске. «Ты хочешь быть здоровым?» — спросил явившийся. Когда Василий отвечал, что хочет, и спросил об имени своего попечителя: «Я Симеон Меркушинский, — отвечал явившийся, — иди в Верхотурье, в обитель святителя Николая, помолись там с усердием, отслужи молебен над моими мощами и будешь здоров; да крестное знамение изображай на себе во образ Святой Троицы, тремя первыми перстами. Слушай же, иначе будет хуже». Василий с детства был раскольником. После явления он почувствовал облегчение и на другой день рассказал в Невьянской конторе все бывшее с ним. Затем был на поклонении целителю своему в Верхотурье[1]. В Верхотурской обители хранятся: а) серебряная дщица с надписью: «За чудесное избавление от тяжкой болезни молитвами святого праведного Симеона посвящается коллеж. советн. Иваном Лихаревым, 1793 года»; б) серебряный крест с надписью: «Праведного Симеона чудотворца Верхотурского молитвами исцелевшей, болевшей изломом ног, 1822 года»[2].

[1] В ркп. сказании о житии и чудесах описано до 50 чудес праведника.

[2] Вестник Географического общества. СПб., 1854. Ч. 10.



День тринадцатый

Святой великомученицы царицы КЕТЕВАНИ

Слава и украшение своей страны, блаженная Кетевань, дочь владетельного князя Багратиона Мухранского и правнучка Карталинского царя Константина III, христианским воспитанием, полученным ею от благочестивых родителей, с детства была подготовлена к высоким подвигам, которыми ознаменовалась жизнь ее, увенчанная мученическою кончиною за веру Христову.

После недолговременного супружества с Давидом Кахетинским (также из рода Багратидов), который скончался после шестимесячного царствования над Кахетиею, Кетевань, оставшись вдовою и совершенно одинокою, так как и малолетнего сына своего Теймураза она, по смутным обстоятельствам времени, отправила заложником ко двору Персидского шаха Аббаса I, поселилась в одном уединенном месте и проводила время в богоугодных занятиях и чтении Священного Писания. В это время постигло ее новое тяжелое испытание: Константин, меньшой брат ее мужа, бывший также заложником у Персидского шаха, передался ему до такой степени, что даже, отрекшись от веры Христовой по научению шаха, желавшего сделать из него орудие для подчинения себе Кахетинского царства, коварным образом убил своего престарелого отца и брата — ради того, чтобы остаться единственным наследником царства, и, вступив на престол, потребовал от Кетевани, чтобы она сделалась его супругою.

Передав через послов Константина решительный отказ ему на его предложение, Кетевань обратилась к знатным кахетинцам, прося их защиты против насилия Константина, предупредив их об опасности, которая угрожает со стороны этого убийцы всему царствующему дому и всем жителям, которых он намеревается обратить в магометанство, и сказала при этом, что если не помогут ей защититься от беззаконных требований Константина, то она оставит Кахетию и возвратится к своему семейству.

Услышав это от Кетевани, в лице которой народ чтил мудрую помощницу своего мужа в правлении страною, так как, в короткое даже время его царствования, она успела много совершить для благосостояния Кахетии, усмирила знать, привела в порядок расстроенные дела, доставила мир и благосостояние Церкви, построила несколько храмов, больниц, приютов для нищих и сирот, оградила царство даже от внешних врагов, — высшие представители народа кахетинского обещали ей защиту и действительно выступили с своими воинами против Константина и убили его, войско же персидское, которое призвал Константин, чтобы сразиться с грузинами — христианами, все было истреблено. Тогда Кетевань решилась снова принять правление над царством и поселилась в городе Греми — древней столице Кахетии, находившейся у подошвы гор, отделяющих Кахетию от Дагестана[1]. Вскоре, однако же, Кетевань, мысли которой давно уже были устремлены на служение одному Богу, почувствовала себя не в силах быть во главе царства, особенно же при таком трудном положении дел, какое было в то время; не имея кому передать управление, так как из всего царского дома не оставалось в живых никого, кроме ее сына, отрока Теймураза, бывшего заложником при Персидском дворе, она решилась устроить его возвращение и, отправив почетное посольство с богатыми подарками к шаху Аббасу I, написала ему, что если он не возвратит ей ее сына Теймураза, то Кахетия отложится от его зависимости.

Опасаясь, чтобы Кахетия не присоединилась к Турции или России, шах Аббас позволил Теймуразу возвратиться в свое царство. Велика была радость царицы Кетевани при свидании с своим сыном. В особенности была она утешена тем, что, несмотря на долгое пребывание

[1] Развалины Греми, из древних памятников которого уцелел только храм свв. Архангелов, находятся в Телавском уезде (Географическое описание Грузии царевича Вахушти / Изд. М. Брассе. СПб., 1842).

Святая великомученица
царица
КЕТЕВАНЬ

свое при Персидском дворе, он не утратил веры своих отцов. Вскоре по прибытии его передала она ему, как законному наследнику, управление всею страною, сама же успокоилась в уединении, предавшись теперь безрассеянно главной заботе о приготовлении к вечной жизни.

Но недолговременна была радость Кетевани по случаю соединения с своим сыном, недолговременно было и успокоение ее при возможности жить, как ей было по душе. Шах Аббас не оставлял мысли о подчинении ему Кахетии и, выискав коварным образом благовидный предлог, угрожал нападением на царство Теймураза. Устрашенные кахетинцы обратились тогда к своему царю и просили его послать к шаху мать свою с сыном его Александром, чтобы мудрая Кетевань «укротила гнев шаха своею просьбою и умолила бы его оставить свою мысль погубить их». Со слезами передал Теймураз своей матери просьбу своих вельмож и народа. Не предвидя пользы от исполнения этого желания, опытная царица отвечала своему сыну: «Ты знаешь, дитя мое, что много раз я принимала на себя бедственное положение Кахетии и не щадила себя для страны, но бесполезно будет предпринимать путешествие к шаху, потому что никакие мольбы не остановят его решение опустошить нашу страну»... Несмотря на эти слова Кетевани, народ не переставал умолять ее ехать к шаху ради спасения страны и, всегда готовая жертвовать собою, она решилась исполнить общее желание и в конце 1615-го года отправилась к шаху, взяв с собою младшего внука своего, царевича Александра. Ласково принял их коварный Аббас, однако же потребовал, чтобы Теймураз выслал к нему и старшего сына своего Леона, обещая воспитывать обоих детей, как прилично их высокому роду... Напрасно предупреждала Кетевань своего сына не исполнять этого требования шаха; вынужденный народом, который в отказе уступить желанию шаха видел свою гибель, Теймураз выслал к шаху и старшего своего сына Леона. Несмотря на то, он вскоре убедился, что предупреждения ему со стороны матери были не напрасны и что никакими жертвами не отвратить ему бедствий, которые готовились со стороны Аббаса. Вскоре и обрушились на Кахетию все эти бедствия. «Шах двинулся на нее с огромным войском, — пишет Аракиль, историк армянский, — и по нашествии персов страшные бедствия постигли Иверию: растление детства, смерть старцев, которых нельзя было переселить в Персию, смерть воинствующей молодежи, отказывавшейся от переселения из отечества в числе пленных, смерть иереев и диаконов, и даже епископов и монашеского чина обоего пола и отведение их в плен, убиение

малолетних, срытие святых могил и сожжение святых храмов и богатого города Греми и всех городов и сел Кахетинских»[1]. Царь Теймураз нашел в это время убежище у Имеретинского царя Георгия. Между тем, сыновья его Леон и Александр вместе с бабкою их, царицею Кетевань, томились в это время в темнице в Ширазе, по распоряжению лютого Аббаса. Оба царевича были изувечены, старший из них, не пересилив испытания, скончался.

С христианскою покорностью переносила блаженная Кетевань тяжкие испытания, постигшие ее, и всеми своими чувствами и помышлениями все более и более переносилась в иной мир; темница, в которой содержалась она десять лет, сделалась для нее местом высших духовных подвигов, которыми приготовлялась она к переходу в вечную жизнь. Неусыпными молитвами, ночными бдениями утоляла она свою душу, отрешенную от всяких земных упований. Единственным утешением служила ей возможность устроить в своей темнице маленькую церковь, в которой духовник ее ежедневно совершал Литургию.

Наконец, настало для царицы Кетевани последнее и высшее испытание: шах, давно настаивавший на том, чтобы она отреклась от веры Христовой, ублажая ее всякими блистательными обещаниями, прислал объявить ей окончательно свою волю, чтобы она или отреклась от веры христианской, или готовилась принять жестокие мучения и смерть.

Не смутилась уготованная раба Христова словами посланного от шаха: «Скажи пославшему тебя, — ответила она ему, — что ни смерть, ни жизнь и ничто не может разлучить меня с Христом Богом моим, и невозможно для меня оставить веру мою православную, ради которой готова я принести себя в жертву», и в молчании выслушав дальнейшие убеждения градоначальника, попросила его оставить ее одну на некоторое время, сама же, удалившись в свою темничную церковь, излилась перед Богом в пламенной молитве, чтобы простил ее, укрепил, был помощником сыну ее Теймуразу и «совершающим память ее подавал всегда утешение сердечное»... Затем, причастившись Таин Святых и осенив себя крестным знамением, вышла к мучителям своим и сказала им: «Делайте, что замыслили, я готова на все мучения».

И тогда начались страшные истязания над царицею-мученицею, одно зрелище которых трудно было перенести, так что и сам градоначальник, пораженный до слез, поспешил удалиться. Служители царицы

[1] *Сабинин М.П.* Полное жизнеописание святых Грузинской Церкви. Ч. 2.

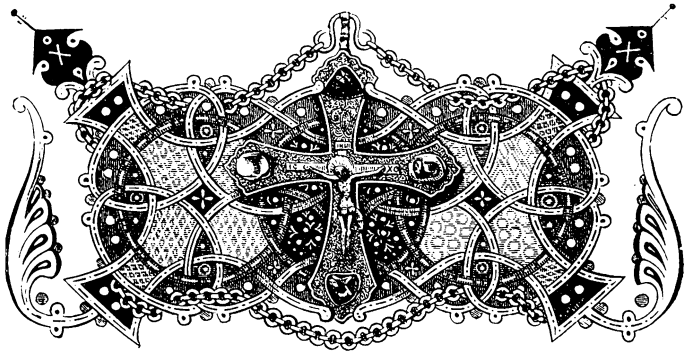
поколебались душою и умоляли ее пощадить свою жизнь... сам иерей, духовник Кетевани, смутился при виде истязаний раскаленными орудиями, и когда и его привели на площадь, где пылал костер для исповедников Христовых, то готов был уступить настояниям персов... «Чего смущаешься, Имеретин? — громко и повелительно обратилась к нему непоколебимая в твердости Кетевань, — пришло время засвидетельствовать имя Христово! Разве кто-нибудь из отрекшихся от Христа остался вечно жить на земле? Разве не лучше поспешить уйти из этого мира туда, где вечный покой и вечная радость?.. Причастимся страданиям Христовым, чтобы причаститься и воскресению Его!»

Эти слова мученицы Христовой мгновенно, как огнем, попалили малодушие в сердцах, готовых отступить от святых верований, и все воспрянули исповедниками истины и твердо приняли мученическую смерть.

Истязания же Кетевани продолжались, все тело ее было растерзано, из ран в изобилии струилась кровь, раскаленною цепью обожжены были эти раны, и раскаленным котлом покрыта была ее голова, после чего она и скончалась, до последней минуты едва уже слышным голосом призывая имя Отца и Сына и Святого Духа.

Это было 13 сентября 1624 года. Латинские миссионеры тайно взяли тело святой великомученицы и, по смерти шаха, принесли часть святых мощей ее в город Тифлис, где с торжеством и неизобразимою радостью приняты были останки ее всем народом и положены в кафедральном соборе великомученика Георгия, называемом Алавердским, под престолом — в новое утверждение Церкви и народа грузинского.

Житие царицы Кетевани описано очевидцем страданий ее, и после него и другими, и в том числе — в стихах — и даровитым сыном ее Теймуразом I.



День пятнадцатый

† Святой МАРИИ ЕГИССКОЙ

Два старца шли из Егов в Тарс, город Киликийский, пишет Иоанн Мосх. Пришедши, по усмотрению Божию, в гостиницу, расположились отдохнуть в ней. Было знойно. Здесь нашли они трех молодых людей, отправлявшихся из Егов вместе с блудницею. Старцы сели поодаль. Один из них, взяв из сумки Святое Евангелие, начал читать. Блудница, бывшая с молодыми людьми, увидав, что старец читает, оставив их, подошла и села подле старца. Старец, обратясь к ней, сказал: «Несчастная! как ты бесстыдна! Ты не устыдилась подойти к нам и сесть». Она отвечала: «Нет, отец, не отвергай меня. Я полна грехами, но Владыка Бог всех не отвергнул приблизившейся к Нему блудницы». Старец сказал ей: «Та блудница после уже не была блудницею». Она отвечала ему: «Надеюсь на Сына Бога Живого, что с этого часа и я не возвращусь к грехам моим». Оставив молодых людей и все, что имела, последовала она за старцами. Они отослали ее в монастырь, что близ Егов, называемый Нахиба. И я видел ее уже в старости, весьма благоразумно рассуждающею, и от нее самой это слышал[1]. По другим известиям она называлась Мариею и столько наконец возвысилась в духовной жизни, что творила чудеса[2].

[1] *Иоанн Мосх.* Луг Духовный. М., 1853 (далее — *Мосх И.* Луг Духовный. —*Ред.*).

[2] Пролог сентября 14. Мариею навывается подвижница и в старинном латинском переводе «Луга».

Так как блаженный Иоанн видел Марию старицею в 606 году, то кончина ее последовала вероятно в 607 году.

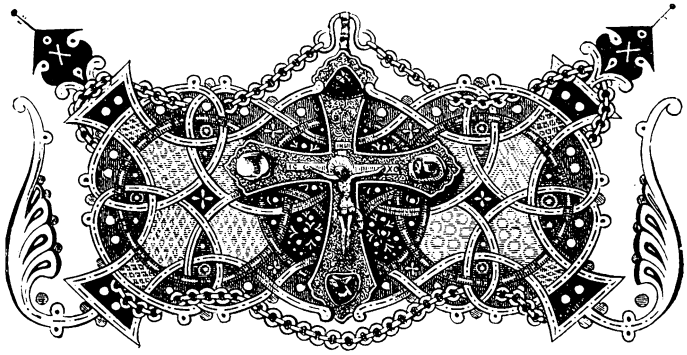
Прибавим к этому рассказ того же Мосха о событии Ликийском, современном деяниям Марии, тем более, что оно, выражая необходимость твердой верности добрым намерениям, служит дополнением к истории Марии. «Авва Николай, — пишет Мосх, — пресвитер иорданского монастыря евнухов, рассказывал нам (Иоанну и Софронию), что в стране его (он был из Ликии) есть монастырь, в котором находится около сорока дев; в этом монастыре пять дев согласились ночью убежать из монастыря и избрать себе мужей. В одну ночь, когда все монастырки спали, они хотели взять свои одежды и бежать, но вдруг все пять объяты были беснованием. Когда это случилось, они уже не ушли из монастыря и после благодарили Бога и, исповедуя грехи свои, говорили: благодарим милостивого Бога, наказавшего нас, чтобы не погибли души наши»[1].

Святой
ПЛАКИЛЛЫ ЦАРИЦЫ

Плакилла, жена императора Феодосия Великого, известна как глубоко благочестивая христианка. Усердие, с которым предавалась она делам благотворительности, было так велико, что она не только деньгами помогала бедным, но и лично посещала их и ухаживала за больными. Находя это несообразным с достоинством царственного лица, некоторые лица внушали императрице, что достаточно с ее стороны оказывать денежные пособия и неуместно посвящать беднякам свой личный труд. «Знаю, что императорскому званию прилично оказывать щедрые пособия нуждающимся, — отвечала императрица, — но думаю, что мой долг — посвящать мой личный труд ради Того, Кому угодно было возвести меня в это звание».

Таким образом, наполнив свою жизнь благотворнейшею деятельностью, императрица Плакилла мирно скончалась около 400 года.

[1] *Мосх И.* Луг Духовный. Так как Софроний стал жить с блаж. Иоанном с 594 г., то и событие Ликийское случилось около 588 г.



День шестнадцатый

† ПАМЯТЬ святых чехов княгини ЛЮДМИЛЫ, князя ВЯЧЕСЛАВА и преподобного ПРОКОПИЯ

Блаженная Людмила, бабка святого князя Вячеслава, была супруга христианского князя Богемии Боривоя[1]. Великий просветитель славян святой Мефодий, архиепископ соседней с Богемией Моравии, преподал Боривою и Людмиле наставление в чистой, святой вере и омыл их водою благодатного крещения в Велеграде[2]. Князь и княгиня Богемии были искренними христианами и по искренней любви к святой вере употребляли меры для обращения подданных к христианству. Таков же был и сын их князь Вратислав. Но язычество еще жило между богемскими славянами и особенно сильно оно было между соседними по-

[1] Житие кн. Вячеслава, писанное на церковнославянском языке Чехом вслед за смертию Вячеслава (Убиение святого Вячеслава, князя Чешского / Востоков А. Х. // Московский Вестник. 1827. № 17). Оно же с немногими переменами — в сентябрьских минеях митр. Макария. Vita et passio s. Wenzeslavi martyris, писанное по распоряжению имп. Оттона (973–983), издано в 1-м томе Script. Bohemicorum, Prahae, 1783. Житие Вячеслава, писанное в Legenda Christiani, принадлежит XIII в.

[2] ИОРЯС. Т. VIII.

лабскими славянами; дела немецкого романизма не только не сближали местных славян с христианством, напротив питали сильную вражду против него[1]. В таком положении дел неизбежна была в Богемии борьба начал языческой жизни с искренним христианством. Жена князя Вратислава Драгомира была урожденная княжна Браниборо-Стодеранская. Быть не могло, чтобы в таком глубоко-христианском семействе, каково было семейство князя Боривоя, жена князя христианина была язычницею, не крещеною, как выставляют Драгомиру легенды романизма. Но то не подлежит сомнению, что она не была искреннею христианкою, была горда и зла и по гордости дорожила всем славянским, в том числе и языческою жизнью; ненависть к христианству, воспитанная в полабских славянах жестокостями немецких миссионеров и властителей, являлась в ней в виде недоверия и холодности к христианству. Два сына Вратислава и Драгомиры, Вячеслав и Болеслав, по расположениям своим совсем не походили один на другого: сколько Вячеслав характером и делами напоминал доброго отца его, столько в Болеславе отразились качества злой Драгомиры.

Старая княгиня Людмила со смерти супруга своего князя Боривоя жила в Праге. Вратислав, хорошо понимая жену свою, поручил воспитание Вячеслава матери своей Людмиле. Блаженная княгиня желала видеть во внуке своем прежде всего искреннего христианина. «И веда и баба своя Людмила научити книгам Словенским по следу попову; и навиче разум добре», — говорит современник. Нельзя сомневаться, что «книги Словенские» здесь значат письмена славянские, те, которые изобрел святитель Кирилл; такое значение имело слово «книга» даже у Кирилла Туровского, тем более в первоначальном, церковно-славянском языке[2]. Итак известие современное значит то, что Людмила «отдала Вячеслава изучать славянские письмена по указанию священника, и он научился хорошо понимать», что читал. Вячеслав отвечал заботам доброй бабки не только усердием к учению, во и вообще поведением,

[1] Гельмольд так говорит о восстании славян XI в.: «Славяне свергли вооруженною рукою иго рабства и с такою твердостию старались защитить свою свободу, что лучше захотели умереть, чем принять имя христиан или платить дань саксонским князьям. Этот позор навлекла несчастная жадность саксонцев... Саксонцы всегда склонны более увеличивать подати, чем приобретать души для Господа. Христианство давно укрепилось бы в Славянии, если бы не препятствовала тому жадность саксонцев» (*Helmold.* Chronicon Slavorum: in 21 v. V. 1).

[2] Да и в грамоте бана Кулина 1189 г. и в других, книга — письмо, грамота (ИОРЯС. Т. I).

достойным христианского отрока. Он был добр, кроток, не заносчив, целомудрен. Образование дано было ему лучшее по тому времени. Отец посылал его в Будучь (Будечь). Молодой человек «учился там Латинской грамматике и научился хорошо»[1]. Бог подал ему Свою благодать: он умел читать латинские книги, «как хороший бискуп» (греха нечего таить, обыкновенные бискупы плохо знали латынь, хотя служили мессы по-латыни); «если брал греческие книги или славянские, то читал их без ошибок. И не только умел книги, но, исполняя требование веры, благотворил бедным». Это значит, что жил он вовсе не как молодой немецкий князь, который, пожалуй, блистал светскою образованностью, но жил как язычник, пьянствовал, буянил, развратничал.

Князь Вратислав, будучи преклонных лет и чувствуя близость смерти, созвал к себе вельмож и епископа и объявил наследником своим старшего сына; после Литургии он сам привел Вячеслава к епископу и сказал: «Преподай, Владыко, благословение сыну, наследнику моему», и святитель совершил молитву о ниспослании благословения Божия[2].

Так как Вячеслав был на 18 году возраста, когда умер отец, то мать его Драгомира начала управлять княжеством от имени сына. Правительница скоро обнаружила свой характер: она приблизила к себе людей худых, даже язычников, которых еще много оставалось в княжестве. Она стала отменять порядки, какие введены были Боривоем и Вратиславом в ослабление язычества. Дела стали приходить в расстройство.

Блаженная Людмила скорбела о несчастии отчизны. По христианской ревности к общему благу, она настояла пред Вячеславом на том, чтобы сам он вступил в управление княжеством. Добрый Вячеслав выполнил совет бабки, и вся страна обрадовалась. Для того, чтобы предупредить раздоры и смуты, Вячеслав уступил младшему брату половину княжества; эта половина, богатая и обширная, и после называлась Волеславиею (Bunzlau).

---

[1] Древний текст: «отсади же Воротислав в Будучь и нача отрок учитися книгам латинским». В «Legenda Christiani»: Wenceslaum in lege divina litteris iinbuendum tradiderat in civitatem, quae Budecz vocabatur. Тут уже примесь толкований романизма.

[2] «И взрасте отрок и яко бы уяти ему волос и призва Воротислав князь епископа етера с всем клиросом и певшим литургию в церкви святыя Марии, — поставиша на степени пред олтарем, и благослови его епископ... Умре Воротислав князь и поставиша князя Вячеслава на столе дедьи».

Драгомира, гордая и тщеславная, жестоко оскорбилась распоряжением, несогласным с ее замыслами; но до времени затаила свою злобу; ненависть ее стала отыскивать средства отмстить Людмиле. Она переливала злость свою в Болеслава, питала и усиливала в нем вражду к брату, любимому Людмилою. Тайно приискала она себе партию, чтобы ее помощью безопасно совершить злодейство над Людмилою.

Блаженная Людмила, совершив святое дело для отчизны и внука, удалилась на покой в город Течин, тем более, что видела ненависть невестки своей и желала быть вдали от зла. Драгомира нашла ее и здесь. Купленные ею два боярина явились в Течин и здесь набрали себе других головорезов. Блаженная молилась в домашней моленной, как ворвались сюда злодеи. «Так ли помните благодеяния мои?» — сказала добрая княгиня. Но изверги накинули петлю на старческую шею ее. «Лучше поразите меня мечом, — сказала Людмила, — чтобы по примеру мучеников пролилась кровь моя». Душа ее отлетела в небесные селения сентября 16 дня, в день субботний, в 927 году.

При скромной гробнице ее совершались чудеса[1].

Неизвестно, знал ли блаженный Вячеслав, что в убиении святой бабы его принимала участие мать его. Современник говорит, что Вячеслав удалил мать от двора, но прибавляет: «Пси злии, иже быша Вячеслава научили выдати матерь свою без вины». Кто эти злые псы? Какими мыслями руководились они, внушив удалить Драгомиру? — биограф не сказал. Думают, что Драгомира составляла заговор с ревнителями славянской народности, дабы противодействовать сближению Вячеслава с немецким императором и его романизмом — и что сторонники романизма успели было удалить Драгомиру от двора[2]. Если по внушениям беспокойной женщины нанесено было оскорбление послу императора, вызвавшее войну, то поступок ее, при всем патриотизме, не был благоразумным, и оставалось бы только выражение биографа признать слишком резким; но напрасно выводят из отзыва биографа заключение такое, будто князь Вячеслав думал вводить в Богемии папизм, да и еще немецкий. Хвала Древней Церкви говорит о нем, что он жил «в вере чисте», просвещенный «разумом благоверия»[3]. Если он окончил борьбу свою с императором Генрихом Птицеловом тем, что

[1] Пролог на 16 сентября.

[2] *Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмён.

[3] Канон в Минеях XII в.; Известия ИОРЯС. Т. V.

(в 928 г.) признал зависимость свою от императора; — это было следствием политической слабости Богемии пред империею, — но после того правление и законы Богемии не стали немецкими, а остались славянскими[1]. Введение романизма в Богемии началось при Болеславе; а святой Вячеслав сколько дорожил чистотою веры, столько любил и отчизну. Обращаясь к словам биографа о злых псах, вероятнейшим считаем, что биограф осуждал удаливших мать от сына собственно за то, что они, выставив преступным не совсем преступное отношение ее к императору, скрыли слишком преступное дело ее с покойною матерью, тогда как обнаружение последнего дела могло предотвратить последующие беды.

Блаженный Вячеслав христиански устраивал и дела семейные, и дела Богемии. Четырех сестер своих выдал он замуж. Соседний князь Баурзимский Радислав напал с сильным войском на города Вячеславовы. Вячеслав, любя мир, послал спросить Радислава: что побудило его к таким поступкам? Если он, Вячеслав, неправ в чем-либо пред ним, пусть скажет о вине, и удовлетворение будет сделано. Радислав отвечал, что Вячеслав должен уступить ему Богемию. Вячеслав вывел в поле сильное войско. И все-таки ему не хотелось проливать кровь ближних. Он послал предложение Радиславу: «Спор идет между нами двумя; тебе хочется владеть Богемиею, а я не согласен уступить. Пусть бой между нами двумя и решит дело. К чему кровавою битвою войск доводить дело до того, что тебе, пожалуй, не над кем будет и властвовать?» Радислав согласился на поединок и, побежденный, вынужден был на коленях просить прощения у Вячеслава.

Тогда император Оттон пригласил всех князей на сейм в Вормс. Вячеслав явился после других, быв задержан на дороге делами благочестия. При входе Вячеслава в собрание немецкие князья изъявили неудовольствие, не отдали поклона: надутость немецкая верна себе, пуста, как и глупа. Император принял Вячеслава с особенным вниманием и ласками, он сказал, что готов исполнить всякую просьбу его. Блаженный Вячеслав просил одного — мощей мученика Вита, — и император согласился на просьбу. Блаженный князь перенес мощи святого в Прагу и здесь построил для них храм в честь митрополита

[1] Cont. Reginon. ap. Perz 1. 616. Annal. Sax. an. 928. В уставе Генриха Птицелова о Магдебургских турнирах (995 г.) упоминаются Браним, князь Поморский, и Велемир Русский (Belraiarus princeps Russise).

Вита. Тогда же он перенес мощи и святой бабки своей Людмилы в Прагу, в храм святого Георгия, построенный отцом его.

Он весьма заботливо охранял покой подданных своих: чиновников избрал он из лучших христиан и строго следил за тем, чтобы в судах не тесним был невинный. По ревности к вере Христовой покупал он детей у язычников и, окрестив их, посвящал на служение Богу. Строгость его к самому себе напоминала древних пустынников. Часто сам он в течение ночи занимался печением просфор и утром сам же относил в церковь для Святой Литургии; особенно так, а не иначе, бывало, когда готовился он приобщиться Святых Таин. Если день он проводил за делами правления, то ночь посвящал на молитву. Нередко в зимнее ненастье с верным старым слугою Подивоем шел он босыми ногами к утрене в какой-либо отдаленный храм. Дряхлый Подивой иногда кряхтел от стужи. Вячеслав с улыбкою говорил ему: «Теперь зима, старче, ступай по следам моим, какие проложил я в снегу». Иногда святой Вячеслав, идя по замерзшей и кочковатой земле, раздирал до крови ноги свои. «Сущим в бедах помощник ты бысть, нищим кормление, печальным утеха», — поет ему Церковь в древней службе[1]. Князь собирал рабов Божиих — священников — и ставил по городам храмы, где каждый день совершалась служба. К его заботливости надобно отнести перевод Евангелия Иоаннова на чешский язык: остатки перевода, доселе целые, по языку относятся к его времени[2]. День Эммерама, которому посвящен был Вячеслав родителями[3], он проводил в веселии о Боге.

В последнее время блаженный хотел сам передать управление княжеством брату, с тем чтобы посвятить всего себя на служение Богу. Но брат определил ему другой путь.

«Наустиша и (Болеслава) на брата своего». Кто это и по каким побуждениям? Последствия обнаруживают дело. Советники требовали от

---

[1] ИОРЯС. Т. V.

[2] Отрывки перевода изданы Шафариком в: Evangelium Johannis. Fragment // Die ältesten denkmäler der böhmischen sprache. Prague, 1840.

[3] Древний текст: «приде день святаго Емерама, к немуже обещав святый Вячеслав, веселяшеся о Боге». В Четьях-Минеях митр. Макария вместо Емерама написали: «Авраама». Поправка неудачная. Эммеран был Французским епископом и проповедовал Евангелие в Регенбурге, где и замучен был 22 сентября 652 г. (*Alban Butler*. Leben der Väter und Märtyre. 22 September). Составители Миней митр. Макария внесли и несколько других перемен в древний текст сказания о св. Вячеславе (см.: *Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмён).

Болеслава, чтобы умерщвлена была и Драгомира. Следовательно, это не были люди, любившие славянскую народность. С другой стороны, вслед за смертью Вячеслава введены были в Богемию ксендзы, которых прежде того не терпели в Богемии. Присоедините к сему еще и то, что на Вормском сейме немцы открыто выразили свое негодование против князя, ревнителя благочестия отеческого, и благосклонность Оттона к Вячеславу могла только усилить зависть в Болеславе и возбудить решимость — стать на стороне немецкого романизма. Так более чем вероятно, что Болеслав, воспитанный злою матерью, теперь действовал сколько по своей страсти к власти, столько и по внушениям хитрых пропагандистов немецкого романизма.

На праздник святых бессребреников блаженный Вячеслав поехал в Болеславль и после Литургии захотел возвратиться в дом свой. Но Болеслав неожиданно стал добр к брату. Он упрашивал его с притворным усердием остаться. «Куда хочешь ты ехать, брат мой, когда готово у меня пиво?» Блаженный не отказал в просьбе брату, чтобы не оскорбить любви, и не поехал домой. Он предчувствовал близкую смерть. «Завтра, на утреннем бдении райского предстоятеля святого Михаила, буду пить чашу моего Владыки», — говорил он в тот же вечер. Но невинный предал себя воле Божией. Когда была рыцарская потеха на дворе брата, один из преданных ему тайно сказал ему, что брат хочет умертвить его. Блаженный князь не хотел верить и отвечал: быть не может. К вечернему пиру явилось множество друзей Болеслава. По окончании стола вечернего Вячеслав спокойно вышел и, ложась спать, помолился с обычными земными поклонами за себя и своих. На рассвете едва услышал утренний звон, поспешил встать с кровати, осенил себя крестным знамением и говорит: «Слава Тебе, показавшему нам свет». Умыв лицо и одевшись в скромную одежду, поспешил он в церковь. В воротах княжеского двора нагнал его Болеслав. Оглянувшись, Вячеслав сказал с улыбкою: «Добрый вечер был у тебя, брат мой!» Но Болеслав, выхватив из-под одежды меч, сказал: «Нынешний хочу сделать тебе лучше вчерашнего». И с этими словами ударил блаженного по голове. Крепкий силами князь не пошатнулся; повергнув на землю врага, стал над ним твердою ногою и кротко сказал: «Что ты задумал против меня, брат мой?» В эту минуту прибежал один из соумышленников Болеслава и ударил Вячеслава мечом по руке; Вячеслав, видя заговор, бросил брата и побежал к церкви. В самых дверях нагнали его убийцы и мечами прокололи его в ребра. На пороге церковном испустил

он дух с словами: «Господи! в руки Твои предаю душу мою»[1]. Это было 28 сентября 935 года[2].

Злодеи не остановились на убийстве князя. Они обратились с насилиями и против придворных его. Иные из них успели спастись от смерти, хотя и не от побоев; но отроки княжеские были убиты; священники княжии — «Божии рабы» — ограблены и выгнаны были, а их жены выданы были за других мужей; поступок с женатыми священниками означал именно то, что по немецкому уставу считали нечистою жизнь священника с законною женою и вводили безженных ксендзов. Священник Красей не осмелился везти тело святого в Прагу, но, обмыв его в своем доме, положил в церкви и покрыл тонким покрывалом. Драгомира, услышав о смерти сына, прибежала и с воплем пала на бездыханное тело. Но узнав, что она также обречена на смерть, поспешила скрыться. Три дня лежало тело князя в церкви, и кровь не преставала истекать из его ран, как бы у живого. Когда похоронен был добрый и праведный государь, кровь, которую дотоле не могли ни смыть, ни соскоблить, сама собою скрылась в землю, в виду всех. «Надеемся о Боге, — прибавляет древний повествователь, — что по молитвам и благоверию доброго Вячеслава явятся и большие чудеса».

«Помышляше себе блаженный Борис мученье святого Никиты и страсти святого Вячеслава князя» и желал себе подобной блаженной доли: так говорит древний повествователь о страдальческой кончине святых князей Бориса и Глеба. Это показывает, что при святом Владимире читали известное ныне сказание о убиении святого Вячеслава и бабки его Людмилы и уже тогда чтили память их в Церкви Русской.

Служба святому князю Вячеславу, писанная на перенесение мощей из Болеславля в Прагу, известна по Минеям XI–XIV века.

Вот некоторые песни ее:

«Тело твое святое, блаженне, прииим Праг дньнсь, предивная чудеса мирови провьзвещает (Пес. VIII). Весело ликует Праг дньнсь преславный ти град, почитая память ти и чудесы озаряя светьло вся страны

[1] По древней службе святой убит «братоубийственною рукою» от «собора безумного» (ИОРЯС. Т. V).

[2] *Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмён. У Вершинского св. Вячеслав убит в 929 г., св. Людмила — в 922 г., мощи князя перенесены в 932 г. (*Вершинский Д.С.* Месяцеслов). Все это — неверно.

(Пес. VII). Веселия добротами, преславне, паче солнца в земли Боемсце (сияеши), благодатьными зарями свыше освещен, превьзнашая Христа во векы вься» (Пес. VIII)[1].

По смерти святого Вячеслава Болеслав ввел в Чехию немецких священников с латинскою службою, которой те сами не понимали. В 967 году папа, назначая первого своего бискупа для Праги, писал: Божественная служба должна быть отправляема «не по обрядам болгарского или русского или славянского языка, но по уставам Римской Церкви»[2]. Особенно второй Пражский бискуп, славянин родом (Войтех)[3], но которого нарочно воспитывали в Магдебурге с целями романизма, фанатически гнал славянскую службу и вводил латинство в Чехии[4]. И однако в Чехии еще держалось славянское Православие. Особенно оживил его своими подвигами и деятельностью преподобный Прокопий, основатель обители на реке Сазаве.

Легенды романизма XVII века до того старались закрыть от людских взоров подвижника восточного Православия, что ни словом, ни намеком не давали знать о том, что он был богемец[5]. Только в старинных богемских известиях, хотя и кратких, показывается он в точном виде.

Сазавский инок, скрывший свое имя, писал: «Во время князя Ульриха был пустынник (eremita), по имени Прокопий, родом богемец из деревни Хотунь, весьма правильно наученный славянским письменам, изобретенным некогда святейшим Кириллом, в мире превосходный священник, совершавший чистое житие и чисто отправлявший Тайны,

---

[1] ИОРЯС. Т. V. В прологах сентября 28 вспоминается убиение св. кн. Вячеслава, а 4 марта перенесение мощей из Болеславля в Прагу.

[2] *Филарет, архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви.

[3] Войтех, по объяснению древнего жизнеописателя его, — consolatio exercitus, — радость солдат.

[4] В прибавлении к житию св. Кирилла и в некоторых синаксарях сказано: «потом же (после смерти Мефодия) многим летом минувшим, пришед Вайтех в Мораву и в Чехы и в Ляхы, разруши веру правую, и русскую (т. е. славянскую) грамату отеврже, а латинскую веру и грамоту постави, и правыя веры епископы и попы изсече, а другия разгна». Жизнь Войтеха, испорченного славянина и мечтателя, убитого немцами, см. в: *Стасюлевич М.М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: В 3 т. СПб., 1862–1865. Т. II (далее — *Стасюлевич М.М.* История средних веков в ее писателях. —*Ред.*).

[5] См.: Предисловие к Сазавскому (Реймскому) Евангелию / Изд. В. Ганка. Прага, 1846; *Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмён.

а после того облеченный в иноческую одежду жил непоколебимо в вере, один с единым Богом». Это известие внесено в летопись Космы Пражского под 1038 год[1].

Другое старинное житие святого говорит: «Бог видит, передаю я кратко правдивую историю, переведенную с славянского на латинский язык».

Прокопий, родом богемец, сын благородных родителей, родился в некоем селе, называемом обыкновенно Хотиш... Знаменитые родители его, увидя, что в отроке сияет благодать Божия, отдали его в город Велеград учителю свободных наук для обучения, дабы учась наставлен был небесной мудрости, — ибо там тогда процветала наука славянского языка[2].

В Градяцкой рукописи, по письму начала XIV века, а по языку принадлежащей к более древнему времени, находится сказание о святом Прокопии на чешском языке, в стихах. Вот оно:

Святый Прокопий — из Славянского рода,
Недалеко от Чешского брода:
Ту весь Бог добре расплодил,
В коей святой родился.
Всякий посмеет заверить,
Той веси имя Хотун.
В ней жил старый кмет,
Имел он себе много лет.
Жена его была дворянка...
Прокопий от детства своего
Хранил себя весьма честно:
По Боге Творце жил,
А мирскую суету пренебрегал
Видя то родители,
Какого имели сыночка,
Положили между собою совет:
Отослать его в Велеград,
К учителю славному,
Чтобы учил его всякому чтению.

[1] Scriptores rerum bohemicarum / F. M. Pelzel: in 3 t. Pragae, 1783–1829. T. 1.

[2] Предисловие к Сазавскому (Реймскому) Евангелию / Изд. В. Ганка. Прага, 1846; *Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмён.

Там было славно учение,
Цвело на языке Славянском[1].

Соединяя древние и верные известия, должны мы представить жизнь преподобного Прокопия в таком виде: Прокопий еще в доме родителей учился славянской грамоте, и следовательно, родители его держались правил веры и жизни, посеянных в Богемии святым Мефодием, Моравским апостолом. Для усовершения познаний они отправили его в Велеград, где тогда процветали науки, преподаваемые на отечественном славянском языке. Окончив учение, он посвящен был в священника и усердно учил вверенных ему правилам православного учения. Потом удалился в пустыню, где проводил жизнь по примеру восточных пустынников. Герцог Ульрих, гоняясь на охоте за зверьми, неожиданно нашел отшельника в глухом лесу, в пещере. В беседе с герцогом отшельник просил доброго государя построить храм святого Предтечи. И просьба его была исполнена[2]. Так основалась на реке Сазаве пустынная обитель. Так как Ульрих стал владетельным герцогом с 1012 года, то и основание обители Сазавской последовало не прежде этого года. По летописям русским, равноапостольный Владимир был в дружбе с герцогом Андреем и даже, как говорят некоторые летописи, хотел выдать за него дочь свою[3]. Понятно после того, что герцог, которого любил равноапостольный Владимир, не мог не обрадоваться желаниям блаженного Прокопия, решившегося основать православную славянскую обитель. С пособиями герцога и стараниями преподобного Прокопия обитель Сазавская цвела. В ней совершалось Богослужение, в ней исповедовали веру точно в том виде, в каком предлагали славянские просветители. До нас дошло Славянское Евангелие, писанное рукою преподобного Прокопия — и Кирилловскими буквами. Другая половина книги написана после глаголитскими буквами, и писец глаголиты в конце написал: «А друга страна тиехто книжек иенжь о подле (по) Русскою закона; — ту псал святи отец Прокоп сву руку, а то писмо Русске

[1] См. ст. Шафарика в: Wýbor z literatury české. T. 1. Prague, 1845. У Ганки еще одно старинное сказание, взятое из служебника, сходное по содержанию с первым известием.

[2] *Alban Butler*. Leben der Väter und Märtyrer.

[3] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I, прим. 468, 479, 486.

дал — небожчик карель чврти царь Рзимски, ко Славени тому то кляштру»[1]. Уцелел и другой памятник Чешского православия, современный преподобному Прокопию: это светильны Постной и Цветной триоди, оказавшиеся на переплете Апостола 1053 года[2]. Король Брячислав, преемник Ульриха, поддерживал монастырь. Но не легко было жить по-православному преподобному Прокопию. Пилатники делали все, что могли, к оскорблению преподобного Прокопия. Приблизившись к смерти, святой сказал братии своей, что спустя три дня умрет он, — при Спитичневе они потерпят гонение, но недолго; преемник его будет любить их. Так все и было. Святой почил на третий день, 1 апреля 1053 года[3]. В 1055 году Сазавских иноков выставили пред Спитичневом, будто славянская письменность «вводит ересь», и православных иноков выгнали из Сазавской обители, поместив в ней немецких ксендзов с латынью[4]. Но король Вратислав в 1061 году возвратил изгнанников в их обитель. Вратислав упрашивал самого папу, дабы он своим голосом утвердил Славянское Богослужение. Гордый Григорий VIII в 1080 году писал: «Ваше высочество просили, чтобы совершалась у вас служба на славянском языке; мы никак не можем быть благосклонны к вашей просьбе. Мы убеждены, что не напрасно угодно было Богу, чтобы некоторые места Священного Писания были сокрыты и чтобы оно было не всем ясно или понятно, дабы чрез то не пришло в пренебрежение или худо понятое не ввело в заблуждение. Не извинительно, что некоторые духовные особы беспрекословно исполняли требования народа и допустили беспорядки. Первоначальная Церковь (Богемии) много потворствовала тому; но впоследствии, когда христианство окрепло, это исправлено по строгом исследовании. Потому, несмотря на ваше требование неблагоразумное, повелеваем властью блаженного Петра и в славу Божию — противостать суетной дерзости всеми силами»[5]. Это

---

[1] Сазавское (Реймское) Евангелие / Изд. В. Ганка. Прага, 1846.

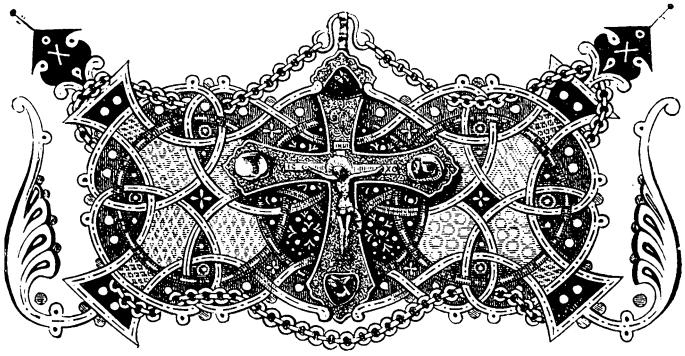
[2] ИОРЯС. Т. V, VI, VII.

[3] Weiss Leben d. Heiligen B. 19 S. 384, 385.

[4] *Cosmas Pragensis.* Chronica Boëmorum. Lib. II. «Осыпали (сазавцев) разными поношениями, внушая князю (Спитигневу) разные выдумки и клеветы, — говорили, что славянскою письменностию вводится ересь и они совсем испорчены лицемерием; потому надобно выгнать их и ввесть латинскаго аббата с братиями его».

[5] *Mansi J. D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collection. 31 vols. Florence and Venice, 1758–1798. Vol. XX.

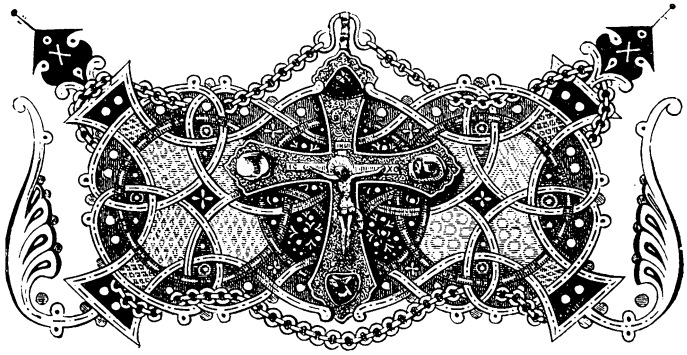
повеление суетного романизма само по себе столько неумно, что даже высказывает хулу на откровение Божие, будто оно вводит нас в заблуждение; папа не хочет понять того, что в заблуждения вводят нас произволы наши. Потому и Вратислав не обратил внимания на волю папы: славянская служба продолжалась в Сазавской обители. Голос папы должна заметить история: по сознанию папы, народ Богемии, а не одни князья, был питомцем и искренним чтителем Православия в лучшие времена свои. Остается молить Господа, да снова засияет восточный благодатный свет в стране, на которую людские страсти навели столько мрака и бед.



День восемнадцатый

Святых мучениц СОФИИ и ИРИНЫ

За исповедание Христа обезглавлены в Египте, в царствование Адриана. Мощи святой Ирины перенесены в Константинополь при Константине Великом, который в честь ее устроил храм.



День двадцатый

† СТРАДАНИЕ святого князя МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКОГО и боярина его ФЕОДОРА и память внука князя Михаила, князя ОЛЕГА БРЯНСКОГО

Михаил князь Черниговский, сын Всеволода Чермного, с молодых лет отличался благочестивым настроением души; в молодости не пользовался он добрым здоровьем, напротив, был весь расслаблен; по слуху о Переяславском столпнике Никите отправился он просить молитв праведника и по вере своей получил (1186 г.) полное здоровье[1].

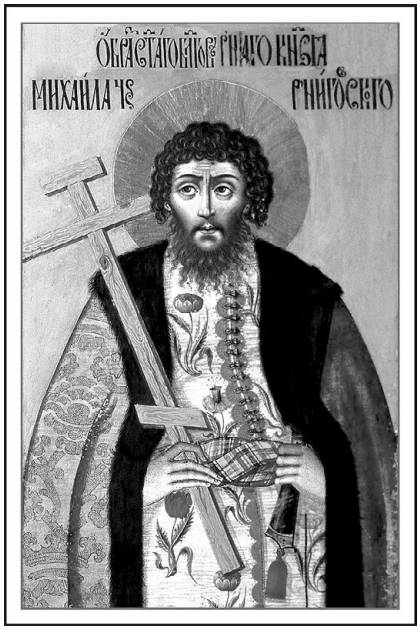
[1] См. о прп. Никите мая 24; житие благов. кн. Михаила, описанное духовником его епископом Иоанном (Черниговские епархиальные известия. 1864). Описание Андрея в сборнике Новгор. б-ки XV в. (ИОРЯС. Т. V), в Синод. б-ке № 556. Оно же в собр. л. 5, 182–184. 7, 150–156. В «Книге степенного царского родословия» (М., 1775.

В 1224 году видим его в совете князей, решавшем, идти ли навстречу татарам по призыву половцев, а в конце того же года он уже был с дружиною своею в Торжке, готовый помогать великому князю Юрию, за которым была в замужестве сестра его. Новгородцы, не приняв к себе сына Юрьева, охотно приняли к себе Михаила. Юрий при всем том, что помирился с новгородцами, взял из Торжка казну новгородскую; князь Михаил явился с просьбою возвратить Новгороду его собственность, и Георгий уважил ходатайство его. Новгородцы с восторгом благодарили князя своего за его услугу, возвратившую сотням состояние их. Умными и благодушными поступками своими Михаил снискал любовь новгородцев. «Вся область наша, — говорит новгородский летописец, — благословляла свой жребий, не чувствуя никакой тягости». Но в страшной Калкской битве убит был вместе с сыном брат Михаила Мстислав, княживший в Чернигове. Князь Михаил объявил, что должен возвратиться в родной город. Напрасно новгородцы просили его остаться с ними, напрасно говорили, что князь, любимый Новгородом, не может оставить Новгорода без оскорбления доброму сердцу своему. Михаил отвечал, что Чернигов и Новгород должны быть одно между собою, и он идет скрепить узы дружества и торговых сношений между ними[1]. Михаил занялся устройством родного ему княжества. В 1227 году он готов был воевать с соседом своим, с Курским князем Олегом. К счастью, митрополит Кирилл помирил князей. В то время смут и междоусобий миролюбивый князь не мог не вовлекаться в междоусобия, и Михаил по вызову князя Киевского должен был отправиться на Волынь для войны с Галицким князем, но этот поход кончился без бед, миром. В конце 1228 года новгородцы, теснимые князем Ярославом и своими неурядицами, отправили послов просить Михаила в Новгород. Михаил тем более поспешил в Новгород, что несчастные послы Новгорода задержаны были в Смоленске по воле Ярослава. Народ принял его с восторгом. Князь, дав клятву охранять древнюю правду Ярославову, прежде всего занялся прекращением неурядицы в Новгороде. Согласно с древним новгородским законом он решил прекратить все споры и тяжбы по взысканию оброков с поселян, переведенных или перешедших от одного владель-

---

Ч. 1) составлена из того многоречивая повесть, где составитель собственные мысли и слова выдает за мысли и слова мучеников.

[1] Собр. л. 3, 41, 42; 1, 217.



Святой князь
МИХАИЛ
ЧЕРНИГОВСКИЙ

ца к другому: «Как повелели древние князья, так и платить, — сказал он, — кто где живет, там плати; кто перешел на новую землю, свободен от дани, хотя бы и за пять лет». Поселяне, дотоле угнетенные и разорявшиеся богатыми землевладельцами, благословили доброго князя Михаила. Устроив и другие внутренние дела Новгорода, миролюбием склонив и Ярослава к уступкам в пользу Новгорода, Михаил оставил новгородцам юного сына Ростислава, а сам возвратился на юг. Он примирил с Черниговом и Киевом князя Ярослава, грозившего войною. В 1235 году Владимир, князь Киевский, и Даниил, князь Галицкий, привели войска к Чернигову; обложив город, они сожгли предместье и разорили окрестности. Михаил искусно вывел войска из Чернигова и наголову разбил князя Галицкого. Изяслав, союзник и родственник Михаила, подоспел на помощь, и Киев взят был для Изяслава, а Михаил взял себе Галич[1].

Наступило страшное время. В 1238 году татары опустошили Рязань, Суздаль и Владимир. В 1239 году обратились они на Южную Россию. В это время Михаил владел Киевом. Послы Мангу потребовали от Киева и князя, чтобы покорились добровольно хану. Михаил и его дружина видели, что нет сил победить страшного врага; но признали за низость просить себе цепей у гордого врага. Послы хана за дерзкие отзывы были убиты. Михаил поспешил искать помощи Отчизне за ее пределами, — он обратился к Беле, королю Венгерскому. Киев был взят, и еще прежде того опустошен Чернигов, дорогой Михаилу. Князь Мстислав, двоюродный брат Михаила, истощал и мужество и военные средства спасти Чернигов. Город был сильно укреплен; защитники бились с татарами, не щадя жизни. Татары выставили стенобитные машины, — на город саженей за 100 летали каменья огромные, такие, что четыре человека едва могли поднять один камень. Мстислав уступил упорному напору многочисленного врага; множество из его войска пало в битвах; город был взят и предан огню; епископа Порфирия взяли в плен, но, истомленного летами и скорбями, отпустили из Глухова, и он умер. Князь Михаил не нашел помощи у сильного Белы, — тот остался ждать своей очереди, которая и дошла до Венгрии после Киева. Михаил ездил из страны в страну. Ограбленный немцами близ Сирада, он возвратился в Киев и жил на острове против развалин древней столицы; потом переселился

[1] Собр. л. 2, 180–181.

в опустошенный Чернигов. Между тем сын его Ростислав умел снискать любовь Белы, и Венгерский король выдал за него дочь свою. Михаил, думая найти в родственнике верного союзника, в другой раз прибыл в Венгрию; но и опять встретил там прием слепого своекорыстия. Огорченный князь возвратился на родину[1].

Чиновники хана переписывали в Черниговской области всех оставшихся жителей для сбора дани; от князей требовали они, чтобы не иначе вступали они в управление областями, как явясь наперед с покорностью к Батыю. Князь Михаил, не нашедший нигде помощи отчизне, видел, что надобно покориться хану, — такова воля Божия; но что делать, если придется встретиться с язычеством двора Батыева? Святою верою надобно дорожить более всего, думал он. Благочестивый Михаил обратился за советом к отцу духовному, епископу Иоанну. Тот говорил ему: «Многие князья отправлялись в орду и поступали по воле язычника; прельстясь славою света сего, ходили сквозь огонь и кланялись идолам. Но ты, князь, не принимай в уста твои ни пищи, ни питья их; а исповедуй веру христианскую, говори, что христианам не следует поклоняться твари, а только Господу Иисусу Христу». Князь отвечал: «Пусть молитвою твоею совершится воля Божия! Я желаю пролить кровь мою за Христа и за веру чистую». Боярин Михаила Феодор сказал то же. «Если так поступите, — сказал епископ, — вы будете новыми мучениками, на утверждение другим». Князь и воевода обещались поступить так. Духовный отец дал им Святое Причастие на путь и отпустил с молитвою: «да укрепит вас Бог, за Которого желаете страдать!»

Прибыв в стан Батыя с внуком Борисом Васильковичем, Ростовским князем, и с боярином Феодором, князь Михаил объявил, что желает представиться Батыю. О нем доложили. Батый приказал позвать жрецов и сказал: «Выполните над русским князем Михаилом все, что следует по вашим уставам, и тогда представьте его ко мне». Жрецы потребовали, чтобы князь и боярин его прошли среди огня. Князь отвечал: «Христианин поклоняется Творцу, а не твари». Объявили Батыю о непокорности русского князя. Батый рассвирепел и послал вельможу своего Эльдегу объявить князю: «Как смеет он не исполнять волю царя? Пусть избирает одно из двух: или поклонится богам и будет спокойно владеть княжеством, или умрет он

[1] Собр. л. 1, 200; 2, 181.

злою смертью». Князь отвечал: «Я готов поклониться царю, — ему вручил Бог судьбу земных царств; но я христианин и не могу поклониться тому, чему поклоняются жрецы!» Так пишет современник[1].

Что это за действие, которого требовали от князя Михаила и от которого отказался он? По известию духовника — епископа Иоанна, — это было дело языческое. Так ли это было?[2] О хане Мангу западный путешественник говорит: «Он приносил жертвы небу, солнцу, луне и горам»[3]. Согласимся, что Батый «не принадлежал ни к какой секте и поклонялся только Единому Богу»[4]. Но Яса Чингисова была господствующим законом монголов; а в Ясе предписывалось вместе с поклонением верховному поклонение духам добрым и злым, поклонение солнцу, луне, стихиям, предкам. Как ни думал для себя Батый, в стане его господствовал монгольский закон с его жрецами. Даниил, князь Галичский, спустя три года после Михаила «видел здесь гнусные волхвовательные богослужения и установленные Чингисом бредни, — царей, князей, вельмож закон водил около куста кланяться солнцу, луне, земле, диаволу, умершим в аду отцам, дедам и матерям»[5]. Известно, что даже буддийские ламы вынуждены были сохранить между бурятами поклонение огню — их древнее заблуждение[6]. Гордости монголов естественно было тешиться тем, что русские отдают уважение и их религии. Если же для кого, то особенно для князя Михаила Батый не мог отменить ничего из требований жрецов монгольских. Он видел в Михаиле того, кто старался отклонить от себя монгольскую власть. «Татары выискивали случай убить его», — говорит западный очевидец событий. Этот римский миссионер не совсем верно и слишком коротко описал прием князя Михаила в Орде; но и он писал: «Южной стороне поклоняются, как Богу, и заставляют то же делать других знатных

[1] Собр. л. 5, 182–184; 7, 154–156. Сказание духовника Иоанна епископа (Черниговские епархиальные известия. 1864).

[2] К сожалению, оскорбительные отзывы о св. князе не раз высказаны были печатно Полевым, Арцыбашевым и другими (см., напр., *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России: В 3 т. М., 1838–1843 (далее — *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. —*Ред.*).

[3] *Гийом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Гл. 36.

[4] *Хондемир.* История монголов. От древнейших времен до Тамерлана. Пер. с персидск. / Предисл. и прим. В. Григорьева. СПб., 1834.

[5] Собр. л. 2, 184.

[6] *Гомбоев Галсан, лама.* Примечания о древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано-Карпини // Записки Императорского русского Археологического общества. 1857. Т. XIII

людей, которые покоряются им. Недавно Михаил, один из великих герцогов русских, приехал к Батыю; ему сказали, чтобы он поклонился Цингис-Хану на юг. Михаил отказался... У них есть идолы, сделанные из войлока: они почитают солнце, светила, огонь, воду, землю, поклоняются и приносят в жертву начатки пищи и питья»[1]. Так благоверный князь Михаил и боярин Феодор поставлены были лицом к лицу пред язычеством; им оставалось одно из двух — или поступить по совести язычника, или умереть с христианскою совестью. И летописи наши не иначе называют подвиг князя Михаила, как подвигом «за святую веру»[2], страданием за неуважение язычества[3].

Обратимся же к истории высокого христианского подвига.

Когда Эльдега услышал отказ князя исполнить то, чего от него требовали, он сказал: «Понимаешь ли, князь, что ты произносишь себе смертный приговор?» «Да, — отвечал покойно князь, — я желаю страдать за Христа моего, готов пролить кровь мою за чистую веру». Юный князь Борис Ростовский, которому Батый также объявил свою волю о Михаиле[4], со слезами говорил деду: «Государь-батюшка! поклонись». Бояре Борисовы говорили: «Готовы мы со всею страною своею принять на себя епитимию за тебя, князь». Михаил отвечал: «Не хочу я быть христианином только по имени, а дела творить язычника». Это значило, что святой князь не хотел быть лицемерным христианином и бесчестить христианство пред язычниками; он хотел быть лучшим христианином, на которого могли бы с торжеством смотреть христиане, на земле и на небе. Боярин Феодор думал между тем: не склонили бы князя мольбы своих к измене совести, — вызываемая ими в душе князя борьба с любовью к жизни, к милой семье, ко всему дорогому не кончилась бы победою худшего. И он сказал любимому князю: «Помнишь ли, государь, слова духовного отца нашего? Господь сказал: *иже хощет душу свою спасти, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, спасет ю. Кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, а душу свою погубит?* (Мк. 8, 35–36)

---

[1] *Плано Карпини, Асцелин.* Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам, в XIII, XIV и XV столетиях. СПб., 1825.

[2] Собр. л. 4, 38.

[3] Собр. л. 2, 201. 2, 181; Ростов. л. (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IV, прим. 41); Никон. л. 3, 22. 23.

[4] Об этом говорит Плано Карпини, только он ошибается, называя князя сыном Ярослава.

Иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим; а иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим (Мф. 10, 32–33)». Князь Борис и его бояре с своей стороны не преставали убеждать Михаила пощадить себя. «Не слушаю вас, не погублю души моей», — сказал решительно святой князь. И сняв с себя княжескую епанчу, бросил ее с словами: «Прочь, слава мира сего, не хочу ее»[1]. Увидев, что никакие убеждения не переменяют решимости князя, ханский вельможа отправился к Батыю передать ответы князя Михаила. «Множество христиан и язычников собралось тут слушать, что отвечает князь Михаил царю», — говорит описатель подвига. Так и христианский и языческий мир смотрели на подвиг святого князя Михаила. Мир христианский с радостью и торжеством видел, что христианский князь не унизил в себе имени христианина к соблазну братии; нет, он подал пример другим, каков должен быть искренний христианин. Мир языческий должен был сознаться, что христианство воспитывает людей высоких по духу, которые любят веру свою не до первой опасности для чести или жизни, а всё отдают за нее. Говорят, и это вполне вероятно, что Батый, выслушав ответ Михаила, сказал: «Это — великий человек»[2]. Без сомнения, твердость святого князя Михаила, восторжествовавшая над гордостью монгольскою, доставила святой Церкви ту услугу, что после Михаила князей русских уже не ставили лицом к лицу с язычеством при их приеме в Орде.

Когда Эльдега удалился, блаженный Михаил и его достойный боярин начали петь псалмы и, окончив пение, приобщились Святых Таин, которые дал им духовный отец, благословивший их на страдания за Христа[3]. «Князь Михаил! — сказали еще раз татарские чиновники, — идут от хана убить вас; покоритесь и останетесь живы». Великий князь и Феодор отвечали заодно: «Не слушаем вас,

---

[1] Собр. л. 7, 155. Иоанн: «и снем кочь свой, поверже им». Кочь княжеский — епанча или мантия. В духовном завещании 1331 г. вел. кн. Иоанн отдает сыновьям своим «коць великой с бармами» (Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1). Волынская летопись называет эту княжескую одежду западным названием — мятлею (mantel): «и виде Ярослава седяща на отне месте в черни мятли и в клобуце» (Собр. л. 2, 72).

[2] Никон. л. 3, 22; Книга Степенная. Ч. 1; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IV, прим. 43.

[3] Никон. л. 3, 26. «Призвав же Михаил священника своего, Святых и Божественных Таин от него причастися».

не хотим славы мира сего». И начали петь себе: «Мученицы Твои, Господи, не отвергошася Тебе, не отступиша от заповедей Твоих». Потом пели другие мученические стихи. Так укреплялись они на довершение высокого подвига.

Явились убийцы. Соскочив с коней, татарские палачи схватили князя Михаила, растянули за руки и за ноги и начали бить то кулаками, то палками по груди, потом повернули его лицом к земле и били ногами. Это зверство длилось долго. Даже отступник от христианства, путивлянин Дементий, оскорбился тем и ножом отрезал голову святому мученику.

Боярина Феодора стали уговаривать не следовать примеру князя и обещали ему почести. Он отвечал: «Не могу кланяться твари, хочу страдать за Христа моего, как и государь мой князь». Его стали мучить, как мучили князя, и наконец отрезали ему голову. Это было 20 сентября 1244 года[1].

Святые тела мучеников брошены были на съедение псам. Не один день лежали они, но остались целы и невредимы. Господь, за Которого пострадали мученики, явил Свое знамение в подкрепление веры слабых и унижение язычеству. Над святыми телами стоял столп светлый, горели свечи и слышны были Небесные голоса. Богобоязненные христиане, видевшие это, с радостью и слезами тайно взяли святые тела и принесли в Чернигов[2]. Так как сказание о мученическом подвиге святого князя и его воеводы написано было еще духовником их, епископом Иоанном, то нет сомнения, что память их стали чтить в Чернигове вслед за принесением мощей их в Чернигов[3]. В 1572 году святые мощи их по воле царя Иоанна перенесены в Москву из опасения, — не подверглась бы они поруганию со стороны папистов, по переходе Чернигова под власть польскую. Ныне они почивают в Архангельском соборе[4].

Святой князь Михаил за великий подвиг свой награжден и на земле благословением Небесным. Тогда как ветви других потомков

---

[1] Собр. л. 1, 201. 2, 181. 4, 38. 8, 156; Никон. л. 3, 25. Плано Карпини также пишет, что кн. Михаила побуждал к подвигу мужества русский вельможа и что последний лишен был головы, как и князь.

[2] Собр. л. 5, 155. 8, 159; Никон. л. 3, 25. 26; Книга степенная. Ч. 1.

[3] В Новгородском служебнике XV в. в молитве пред литургиею призываются в помощь наряду с другими святыми св. кн. Михаил и боярин Феодор (ИОРЯС. Т. VI).

[4] *Снегирев И.М.* Памятники московской древности.

равноапостольного давно угасли, ветви святого князя Михаила поныне еще зеленеют: князья Барятинкие, Горчаковы, Долгорукие, Елецкие, Звенигородские, Кольцовы-Мосальские, Оболенские, Одоевские, Щербатовы. В потомках его постоянно живо было благочестие. Не говорим здесь о знаменитой дочери его — о святой Евфросинии[1]. Великому родителю подражал в благочестии сын его князь Роман Брянский, а еще более внук его князь Олег Романович. В рукописных святцах читаем: «девятый благоверный князь Олег Романович Брянский, во иноцех Леонтий, преставился в л. 6740 и положен бысть в Петропавловском монастыре». Здесь в означении времени — ошибка. Князь Олег Романович, внук святого князя Михаила, в 1274 году был вместе с отцом своим на войне против Литвы. «По окончании войны, — говорит современник, — из Новгородка Литовского Олег приехал во Владимир (Волынский) к сестре своей (Ольге — Елене Романовне, супруге князя Волынского Владимира). Владимир усердно звал тестя своего к себе. "Государь-батюшка! — говорил он, — приезжай побывать в своем доме и посмотреть на здоровье дочери твоей". Но Роман отказался. "Сын мой Владимир! — отвечал он: — не могу я отлучиться от моей дружины ратной; я живу в стороне, угрожаемой войною; кто без меня управит моею дружиною? Вот пусть едет вместо меня сын мой Олег". Они поцеловались, и каждый отправился в свое место». По этому известию видим как в князе Владимире почтительного сына, хотя по другому известию он и стриг бороду, так и в князе Романе — является князь попечительный о своих подданных, жертвующий для долга самым невинным удовольствием[2]. По известию о начале Свенского мона-

[1] У св. кн. Михаила было 5 сыновей и 2 дочери: кн. Ростислав, кн. Роман, кн. Семен Глуховский и Новосильский, кн. Мстислав Карачевский и Козельский, кн. Юрий Торусский, кн. Феодулия — св. Евфросиния, кн. Мария — супруга св. кн. Василька Ростовскаго (Временник общества истории и древностей. Кн. 10; *Долгоруков П.В., князь.* Российская родословная книга: В 4 т. СПб., 1854–1857. Т. 1 (далее — *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. —*Ред.*). В синодиках Елецком («з древле составленных уписанном»), Северском и Любецком поминали родственников и потомков св. кн. Михаила: «кн. Димитрия Мстиславича Черниговского убиенного от татар за Православную веру» (неизвестного Строеву и Погодину), «кн. Иоанна Путивльского страстотерпца и чудотворца, убиенного от татар за христианы» (сына кн. Романа Игоревича, скончавшегося в 1211 г.), «кн. Иоанна Глинского, кн. Романа Новосильского, приимшего ангельский образ (внука св. кн. Михаила), кн. Иоанна (Титовича) Козельскато, приимшего ангельский образ» (правнука кн. Михаила).

[2] Собр. л. 2, 205, 206, 220. Вероятно тогда, как Олег возвращался к отцу, набожный князь Владимир Василькович «до Чернигова посла в епископью Еуангелие опра-

стыря, князь Роман Михайлович — князь благочестивый, и душевные расположения его привлекают на него особенную милость Божию. По этому известию, князь был сильно болен и чудесно исцелился на Свенской горе пред иконою Богоматери. Он тогда же поставил на месте исцеления крест, доселе целый; потом построены им на горе храм и монастырь, а чудотворная икона украшена дорогим окладом[1]. Храброго князя Романа Михайловича видим еще воюющим в 1285 году[2]. Но князя Олега после 1274 года не видим более ни в какой мирской тревоге. В древних синодиках поминали: великого князя Романа старого Чернигова и княгиню Анну и сына его князя Олега Романовича, великого князя Черниговского, Леонтия, оставившего дванадесять тем людей и приимшаго ангельский образ, во иноцех Василия[3]. Синодики дают видеть в блаженном князе Олеге нравственное мужество, расставшееся с заманчивою властию наследственного великого князя Черниговского, могшего еще располагать стами тысяч народа. По летописям видим, что после князя Романа наследовал отцу старший сын его князь Михаил, а затем в 1309 году Брянским князем был Василий Михайлович[4]. Ясно, что князь Олег, видя непрочность земного счастья, не успокаивающего собою любимцев своих, предоставил

кос, золотом писано, а оковано серебром с жемчугом и среди его Спас с финифтом» (Собр. л. 2, 223).

[1] Сказание о начале Свенского монастыря // Древняя российская вивлиофика / Изд. Н. И. Новиков: В 20 ч. М., 1788–1791. Ч. XIX (далее — Древняя российская вивлиофика. —*Ред.*); *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI.

[2] Показание некоторых (см.: *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. 1; *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. СПб., 1803–1826. Т. IV, прим. 270, 271), будто кн. Роман убит в орде в 1275 г., не стоит никакого доверия, т. к. по летописи он в 1285 г. нападал на Смоленск (Собр. л. 7, 109; Никон. л. 3, 85). В лучшей родословной (Временник общества истории и древностей. Кн. 10) просто сказано: «а другой сын его (св. кн. Михаила Роман) после отца своего на княжении, на Чернигове и на Брянске, — а убил его царь в орде».

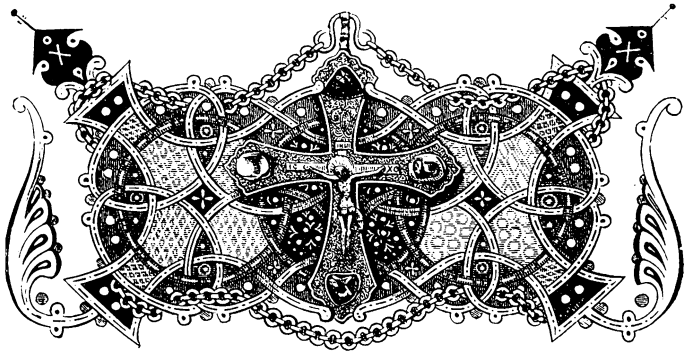
[3] Синодики Елецкий, Любецкий и Северский.

[4] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IV, прим. 119, 252; Никон. л. 3, 106. Кн. Роман Брянский, упоминаемый в 1319 г., приводивший собою в недоумение Карамзина (Т. IV, прим. 270), без сомнения не сын св. кн. Михаила, а сын внука его кн. Михаила Романовича. В синодике отличают сына св. Михаила названием «Романа старого», а о другом кн. Романе Михайловиче говорят так: «вел. кн. Романа Михайловича Черниговского, убиенного от кн. Юрия Смоленского». Да и в летописи кн. Роман 1319 г. называется зятем кн. Льва, а кн. Роман старший сам был тестем кн. Владимиру, брату Льва.

брату и его сыну княжество Черниговское и Брянское, а сам решился в одежде инока служить Господу и начал строить Петропавловский монастырь. По благочестивым расположениям детей и внуков святого князя Михаила, не можем сомневаться, что и сестра блаженного князя Ольга, получив в 1289 году богатые имения на Волыни, по завещанию супруга[1], щедро помогала брату в устроении Брянской обители. Князь-инок Василий скончался строгим подвижником. Мощи его почивают под спудом в каменном храме обители его, которую патриарх Никон, по благоговению к святому князю-подвижнику, возводил на степень ставропигии[2].

[1] Собр. л. 2, 215. Князь Владимир еще в 1286 г. отдал супруге своей г. Кобрин с несколькими селами и ее же попечению поручил созданный им Апостольский монастырь, приписав к последнему с. Березовичи (Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. № 4).

[2] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III. В 1662 г. «за Петровским (Брянским) монастырем 95 дворов» (Записки Императорского русского Археологического общества. 1861).



День двадцать первый

† ПАМЯТЬ святых преподобных Антониевой пещеры

У всех почивающих в Антониевой пещере святых общая память совершается в субботу по отдании праздника Воздвижения Креста Господня (14-го сентября). Вероятно, эта память установлена тогда, как при возобновлении пещер, поврежденных землетрясением, открыто было несколько мощей древних подвижников и устроен был храм Креста Господня, что было около 1670 года[1].

Ныне, кроме известных по особым дням памяти, в пещере Антониевой видимо почивает святой Меркурий, епископ Смоленский. Над надгробною плитою его висит святительская мантия. Лавра поет ему: «Слава Смоленскому граду Меркурий пастырь, пастырей Начальника

[1] Архим. Иннокентий в письме от 2 марта 1674 г. к Гербинию (*Herbinio*. Kiowia subterranea) писал: «лет за 60 пещеры от землетрясения в некоторых местах обвалились». При сличении пещер Кальнофойского с видом их у Гербиния, полученным от архим. Иннокентия, видим следующее: а) и после 1640 г. и прежде 1674 г. в Антониевой пещере открыты мощи прп. Георгия иконописца — в пещерной трапезе; прп. Онисима, прп. Еразма, прп. Матфея прозорливого — на западной линии; св. Меркурия епископа Смоленского на северо-восточной линии; прпп. Иоанна и Феофила на средней линии; б) в то же время мощи многих преподобных, почивавшие при Кальнофойском на западной линии, в том числе прпп. Перия и Феофила, перенесены на другие места; в) тогда же построена церковь Креста Господня и из алтаря ее устроен ход к алтарям двух пещерных церквей.

своего овцы пасый добре, духом же горя выну неразлучну быти от лица преподобных Печерских: темже по смерти чудотворне приплы в кладе и в пещере святей почивает телом, душою же радуется с преподобными во славе вечно»[1]. По всей вероятности, святой Меркурий на Смоленской кафедре был преемником блаженного епископа Лазаря; так он с своею паствою испытывал ужасы нашествия Батыева. До посвящения в сан святительский подвизался он в Печерской обители, где, по примеру других питомцев пещеры, нашел себе и последний покой[2].

На старинной иконе Печерских святых изображен в святительском одеянии «святый Симеон, епископ Переяславский». Мелетий Сириг в каноне Киевским святым молится: «Иерарх Симеон! ты сперва приносил Агнца Божия в жертву Вседержителю, а потом принес себя самого, как агнца, в жертву; спаси меня твоими молитвами»[3]. По летописям, Симеон, Переяславский епископ, окончил дни свои страдальческою смертью при нападении татар на Переяславль в 1239 году, в то самое время, когда одни полчища монголов посланы были Батыем против Чернигова, другие, как волны, напали на Переяславль. Враги Христова имени не пощадили здесь ничего святого: храмы были ограблены и осквернены; жители без пощады были избиваемы; город с его кафедральным собором предан огню, и святитель Симеон умерщвлен был[4].

Ныне видимо почивают в пещере нетленными преподобные Лука эконом, Элладий, Алексий, Сисой, Онисим и Феофил.

Преподобный Лука эконом в каноне Лавры прославляется как добрый делатель заповедей Божиих.

Преподобный Элладий называется у Кальнофойского постником и чудотворцем, и Феофил известен ему с именем чудотворца. Лавра поет: «Феофил в чудесех изящный поется, той бо еще в жизни многия

---

[1] Канон преподобным ближней пещеры. Киев, 1855.

[2] «Св. Меркурий, епископ Смоленский, убит Батыем в 1247 г. и память его 24 ноября» (*Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры). Но здесь смешан Смоленский епископ Меркурий со Смоленским мучеником, воином Меркурием, которого память 24 ноября. Впрочем, не сомневаемся, что св. епископ Смоленский Меркурий был тот самый епископ Смоленский, о котором упоминается в летописях при нашествии Батыевом 1238 г. без имени его. Считать же его преемником епископа Симеона (*Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. I), упоминаемого в 1197 г. (Собр. л. 1, 150, 151), не дозволяет житие прп. Авраамия Смоленского, где преемниками Симеона оказываются Игнатий и Лазарь.

[3] Акафистник. Киев, 1674.

[4] Собр. л. 3, 388; Никон. л. 3, 4. 5.

чудодействием удивляше, ныне же большее прием дарование иным пособствовати, яко сохрани повеления Твоя, Спасе».

Преподобного Сисоя церковная песнь называет просиявшим в посте. Мощи его, как и преподобного Алексия, открыты после 1675 года[1].

В Антониевой же пещере покоятся 12 братьев, каменоздатели и иконописцы великой Печерской церкви. Они лежат в одном общем затворе, приняв иночество по окончании работ своих. Блаженный Симон говорит о иконописцах: «Их свиты (свертки) и ныне на палатях (на хорах) и Греческие их книги сохраняются на память о чуде»[2]. Во время митрополита Сильвестра еще хранились в Печерской кладовой «Греческия книги их»[3]. Для иконописцев всего естественнее было принести с собою в Киев свертки, писанные с руководством в иконописи. И в Восточной Церкви тех времен известны были так называемые у нас подлинники, которые в полном виде состояли из трех отделов: лицевого подлинника, правил иконного писания и наставления о составлении красок[4]. По известию Симона, блаженные «мастера и живописцы окончили жизнь свою в монашеском чине и положены в своем притворе», т. е. в особой пещерной келлие, где подвизались.

Во время Кальнофойского (1638 г.) в Антониевой пещере открыто почивали еще другие преподобные, которых мощи впоследствии сокрыты. «Напротив Илии Муромца (по картине, рядом с Ильею), лежит нетленным телом святой Ефрем, бывший пресвитером, как видно по священному облачению на мощах»; далее — преподобный Иероним затворник и чудотворец; святой старец Меладий чудотворец; святой старец Пергий; святый Евстафий, бывший в миру художник золотых дел; святой

---

[1] Мощей прпп. Сисоя и Алексия еще нет ни у Кальнофойского, ни у Гербиния, тогда как у последнего видим прп. Онисима, которого еще нет у Кальнофойского. Ныне известны два канона преподобным Антониевой пещеры: один Мелетия Сирига, например в Акафистнике (Киев, 1674), другой — неизвестного, например в Службах преподобным Печерским (Киев, 1855). Так как прп. Сисоя, воспеваемого в последнем каноне, не видно у Гербиния, то это дает видеть, что этот канон вписан после 1675 г. Песни преподобным Антониевой пещеры как Сиригом, так и неизвестным, составлены, без сомнения, по надписям досок, закрывавших пещеры почивших. Немногие из таких досок, закрывавших устья пещер в Феодосиевой пещере, известны и ныне.

[2] *Симон, епископ.* Слово о создании церкви Печерской.

[3] Patericon c. 66, w Kiowie 1635.

[4] Христианские древности и археология / Изд. Прохоров В.А. СПб., 1862. Тетр. 1 (далее — Христианские древности и археология. —*Ред.*); *Сахаров И.П.* Исследования о русском иконописании. СПб., 1849.

отец Павел, инок чудесно-послушливый»[1]. О Евстафии в каноне поется: «Евстафий праведный, ты честным был делателем серебра и золота испытанного и затем перешел к деланию духовных добродетелей; украшая ими душу, представил ее чистою как золото и ныне поешь: благословен Бог отцов наших». Здесь же прославляется и «Ефрем священник»[2].

Все помянутые нами святые Антониевой пещеры показаны в числе святых и в рукописных Московских святцах XVII века[3]. Когда подвизались эти преподобные? Так как блаженный Симон упоминает только о 12 братьях и как Симон, так и Поликарп не упоминают о других; а с другой стороны и известные по летописям святители Меркурий и Симеон окончили земной подвиг в начале XIII века, после того, как окончились повести Симона и Поликарпа, то все помянутые подвижники Антониевой пещеры жили, по всей вероятности, не позже первой половины XIII века. Это подтверждается и тем, что все святые Антониевой пещеры, которых празднованию посвящены особые дни, принадлежат несомненно к XI и XII векам.

Древнее известие о событии, бывшем в пещере Антониевой при святом митрополите Ионе, говорит: в 1463 году при благочестивом Киевском князе Симеоне Александровиче и при Печерском архимандрите Николае заведовал пещерою иеромонах Дионисий Щепа. На великий день — в Святую Пасху — вошел он в пещеру преподобного Антония покадить усопших святых. Придя на место, называемое общиною, или трапезою, и кадя, сказал он: «Святые отцы и братия! сегодня великий день. Христос воскресе!» И вдруг услышал как бы голос грома: «Воистину воскресе». Так живые пред Господом по силе воскресшего Господа дали весть о своем участии в радости земли о воскресшем Господе[4].

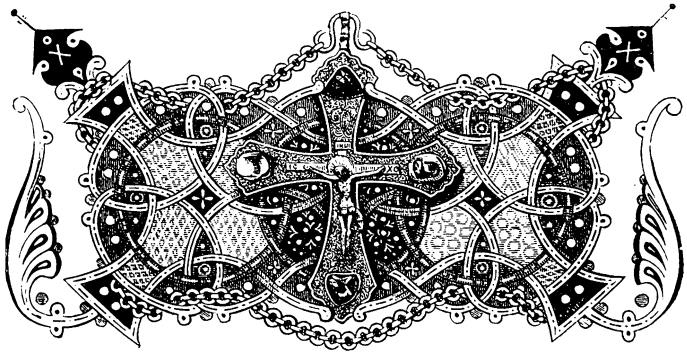
---

[1] *Афанасий (Кальнофойский)*. Тератургима; *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры.

[2] В ркп. святцах упоминаются еще «иереи Мелетий, Серапион, Филарет и Петр».

[3] Канон преподобным. Киев, 1855. Так как ныне нет открытых мощей ни прп. Евстафия, ни Матфея и Ефрема, которых однако воспевает канон, то канон неизвестного хотя написан после 1675 г., но сочинение надобно относить к концу XVII в.

[4] Об этом говорит и Гербиний (*Herbinio*. Kiowia subterranea). По виду пещеры Кальнофойского на западной линии, невдали от трапезы, почивали очень многие преподобные. Иезуит Алоизий Кулеш в своем сочинении (*Kulesza J. A.* Wiara Prawoslawna. Wilno, 1704) признает Печерских подвижников святыми (swietemi), только как иезуит усиливается доказать всеми неправдами, что «святые Печерские Киевские» были в соединении с Римскою Церковию, — были униатами. Сочинение Кулеша издано с двумя одобрениями: с одобрением Товии Арента, начальника иезуитов Литвы, и Виленского бискупа Константина Бржостовского.



День двадцать второй

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного КОСМЫ ОТШЕЛЬНИКА

Преподобный Косма Болгарин[1] происходил из рода бояр царей Болгарских. Как знатные люди Болгарии того времени непременно изучали и язык греческий: Косма также еще в юности знал и болгарский, и греческий языки. Родители готовили ему невесту; но он, пламенно желая девственной и пустынной жизни, тайно ушел от них на Афон. Приветливо принятый в монастыре Зографе, который еще в грамотах XII столетия назывался болгарским[2], блаженный Косма остался в этой обители для подвигов. Послушный воле старших, усердно исполнял возложенные на него дела и, облеченный в иночество, был экклесиархом. Сердечная простота была отличием души его, и эта простота рано открыла духовный взор его. В праздник Благовещения, по обычаю Афонскому, был в Ватопеде и Косма на храмовом празднике. К изумлению своему, видит он, — жена

[1] Жизнь прп. Космы см. в: Афонский патерик. Ч. 1.

[2] Славянские рукописи Зографа (*Григорович В.* Очерк путешествия; *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы). Зографский Апостол, писанный «в память и в вечни покои своим родителем» при царе Александре 1359 г. (ИОРЯС. Т. X).

царственного величия распоряжается в храме и потом на трапезе. «Как это так? — думает смущенный Козма, — на Афоне жена?..» «Отчего ты так грустен?» — спрашивает старец возвратившегося Косму. Косма рассказал, что видел он в Ватопеде. «Какого вида была жена?» — спросил старец. «Невиданной красоты, невиданной славы», — говорит Косма. «И ты не угадал, кто Она? Это царица Афона — Пресвятая Богородица, Она здесь благоволит начальствовать у нас», — отвечал старец. Услышав это, Косма с восторгом благодарил Небесную Царицу, что благоволила явить Себя ему, простому Косме. Спустя некоторое время он посвящен был в иеродиакона и потом в иеромонаха.

Ревностный подвижник, раз оставшись один в церкви, молился Богоматери наставить его на путь спасения. «Сыне и Боже Мой! — слышит он голос, — научи раба Твоего, как ему спастись». «Пусть удалится из монастыря на безмолвие», — говорит другой голос[1]. Узнав такую волю Божию о себе, Косма, по благословенно настоятеля, удалился в соседнюю пустыню и иссек себе в скале пещеру, на западе от Зографа. Как там подвизался Косма, знает один только Бог. Но действия подвижничества открылись и людям. Раз пришли к Косме из Хиландаря два иеромонаха посмотреть, как живет отшельник. Косма принял их приветливо, поговорил с ними духовно и при расставании заметил: «Тыквицу с вином, спрятанную вами на дороге, разбейте, — в ней — змия и впустила яд свой в вино». Хиландарцы изумились тому, что Косма узнал о спрятанной тыквице, а еще более поражены были, когда, разбив тыквину, увидали, что в ней точно змия. Они благодарили Бога, что спас жизнь их от смерти чрез угодного Ему раба Своего. Видели в преподобном и другой опыт более обширного прозрения. В Великий четверток посылает он ученика своего сказать в Хиландаре: «Пусть братия молятся за отшедшего игумена, — он борется в воздушных пространствах с злыми духами».

Братия, услышав об этом, говорили: «Мы видели игумена у утрени, и после утрени пошел он готовиться к совершению Литургии, старец — в мечтах, хотя и выдает себя за святого». Но когда пришли в келлию игумена, увидали, что игумен точно умер скоропостижно.

[1] *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы.

На северо-запад от Эсфигмена есть гора Самари[1]. Там уединился инок Дамиан. Старец дал ему заповедь — никогда не оставаться на ночь в чужой келье. По особенной нужде Дамиан ходил к соседнему брату и так как тот отлучился на это время куда-то, дожидался возвращения его до вечера. Наконец брат является, и Дамиан, выполнив дело, за которым пришел, поторопился воротиться в свою келью. Напрасно друг упрашивал его остаться у него на ночь и указывал ему на опасность ночного пути, притом пути под дождем начавшимся. Дамиан, верный заповеди, ушел. Дорогой он точно сбился в темноте с пути и не знал, где идет и куда надобно идти? «Господи! спаси меня», — воззвал он к Богу и вслед за тем очутился он близ своей келлии. Пораженный тем, что с ним было, Дамиан немедленно идет к преподобному Косме и рассказывает о случившемся. «Храни, брат, заповедь старца, и Бог сохранит тебя от смерти», — сказал преподобный Косма.

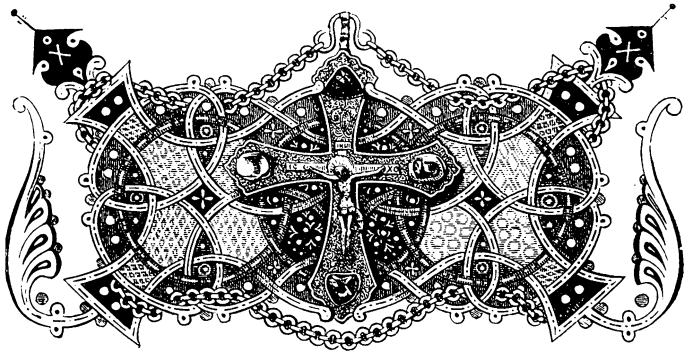
Раз преподобный Косма сильно заболел и ему захотелось покушать рыбы. Питавший Илию посылает и пустыннику Косме нужную пищу. Неожиданно пустынный орел спускается к келлии Космы и кладет рыбу. Косма поблагодарил Господа и велел сварить рыбу. Но когда подана была рыба, тайный голос говорит ему: «Отложи половину для гостя». На следующий день приходит соседний пустынник Христофор. Косма ласково принимает его: «Добро пожаловать, дорогой гость, — говорит Косма, — у меня готово угощение для тебя», и подает рыбу. Тогда Христофор с улыбкою рассказывает, что вчера мыл он пойманную рыбу, и спустившийся орел унес ее и вот принес к тебе, любя тебя. Оба радостно благодарили Бога.

Предсмертные дни были весьма тяжелы для преподобного Космы. Но он извещен был Господом о ожидающем его подвиге. Приходит Христофор к келлие Космы и слышит, что Косма говорит с кем-то. Войдя в келлию и не видя никого, спрашивает Космы: «С кем говорил он?» После некоторого раздумья преподобный, по духовной дружбе к Христофору, открывает ему о дивном посещении. «Посетил меня Христос, — говорит он в смиренной простоте, — и возвестил, что по тайному устроению спасения нападет на

[1] Самари — седло, и таков вид горы. Потому эта гора не имеет ничего общего с р. Самарою русского юга, как напротив думали иные (см: *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы).

меня сатана с полчищем и измучит мою плоть; это знак близкого перехода моего в ту жизнь; теперь оставь меня, брат, а в такой-то день навести меня». Христофор грустный удалился. Когда наступил означенный день, Христофор пришел к Косме и нашел его полумертвым. «Что с тобой?» — спросил Христофор. «Вчера с вечера напал на меня сатана с полчищем, — говорил преподобный, — и, рыкая злобою, кричал на своих: лентяи! глупцы! не умели совладать с одним. Он бил меня с неистовою злобою, и ты видишь, как изуродовал он тело мое». Недолго страдал преподобный. На третий день после сатанинских побоев причастился он Святых Таин и с молитвою на устах мирно предал душу свою Господу, сентября 22-го 1323 года[1].

[1] *Сергий (Веснин), иеросхим.* Письма Святогорца. Кн. 2.



День двадцать третий

† Святой МАРИИ МЛАДШЕЙ

Подвизалась девственницею при императоре Василии Македонянине.

Дорогое, высокое богатство — чистота девственная. Как соблюсти ее?

Надобно усердно молиться к Тому, для Кого все возможно и Кто по благости Своей готов помогать и любит дарить чистоту (см.: Флп. 4, 13; Иак. 1, 5).

Надобно бояться гордости и самонадеянности: с этими расположениями легко попадают в нечистоту.

Соблюдайте умеренность в пище и питье (см.: Рим. 13, 13).

Охраняйте чувства, взор, слух, осязанье: очи — двери смерти (см.: Иер. 9, 21). Смотрите на святое, и святое будет в уме и сердце. Берегитесь обхождения с другим полом, чтения соблазнительных книг и сладострастных картин. Кто любит опасность, попадет в нее.

Труд телесный много укрощает похотливость.

Особенно же спасителен страх Божий, страх смерти и геенны (см.: Дан. 13, 22).

Девственница Божия Мария, крепко подвизавшаяся для чистоты, богоугодно почила около 886 года[1].

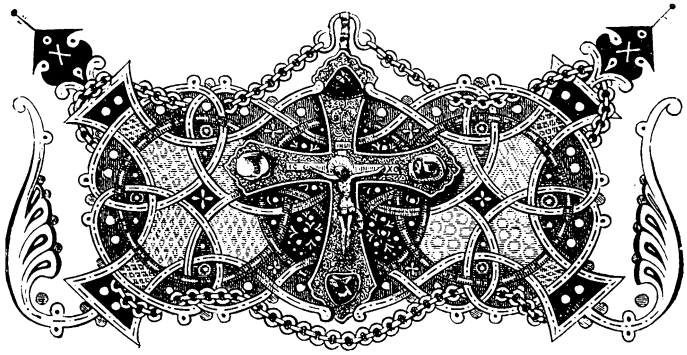
---

[1] О ней греческое сказание писано при патр. Евфимии (906–909) современником, но не издано (Fabricii bibl. Gr. X, 286). У Вершинского не упомянута эта святая (*Вершинский Д.С.* Месяцеслов).

Святых мучеников АНДРЕЯ и ИОАННА и детей Иоанновых, ПЕТРА и АНТОНИЯ

При взятии Сиракуз в мае 868 года попали мусульманам в плен четыре христианина, Иоанн с несовершеннолетними сыновьями и Андрей. Они достались на часть самому эмиру Ибрагиму, повелителю северной Африки и Сицилии, который велел воспитывать детей в законе мусульманском и потом сделал Антония сборщиком податей, а Петра, казначеем.

Но они втайне оставались христианами, пока случай или какой враг не обнаружили этого. Ибрагим, не успевши склонить их к перемене веры, осудил их на мучительную смерть: после немилосердного бичевания палачи деревянными орудиями сперва отняли им руки, потом ноги. После сего при бездыханных трупах был умерщвлен и отец. Андрей же и за сим содержался долго в тюрьме, и когда остался непреклонен в вере, то был также убит (891 г.).



День двадцать четвертый

† ПАМЯТЬ святого СТЕФАНА ПЕРВОВЕНЧАННОГО, племянника его ДАВИДА и сына короля ВЛАДИСЛАВА

«Свят Симон монах», так говорит надпись над древним изображением сына Стефана Немани. Изображение представляет первовенчанного краля Сербского с огромною бородою, в монашеской одежде, с черным платом, подвязанным под подбородком, и в черном клобуке с развалом наверху[1].

Когда престарелый жупан Неманя решился посвятить последние годы свои молитве и посту в иноческой обители, то пред собранием

[1] Записки Географического общества. Т. XIII. Еще изображение его — в Грачанице (Там же). На монетах: первомуч. Стефан передает королю длинный крест с двумя перекладинами на верхнем конце, со словами на стороне «rex», с звездою на нижнем конце (Гласник. Кн. 3). В Сербляке изображение не совсем сходно с древними.

священных лиц и вельмож Сербии передал правление Сербией старшему сыну Стефану. «Оставих на престоле моем любавного ми сына Стефана, велнего жупана и севастократора», — так говорил сам отец[1]. Стефан сын стал великим жупаном в марте 1195 года. В первое время правления покойно занимался он делами благочестия[2]. Но потом, несмотря на то, что по воле отца Стефан был великим жупаном всей Сербии, младший брат его Вулкан захотел предоставить удельному княжеству своему Зете полную независимость от брата. Венгерский король, по его просьбе, послал войска, и Вулкан стал независимым князем Зеты. Потом Вулкан стал домогаться того, чтобы согнать брата с Сербского престола. Он вошел в сношения с папою, располагавшим тогда силами Запада, и подчинился распоряжениям его[3]. Венгерский король со своей стороны дал обещание папе, по его убеждению, ввести папизм в Сербию. Война кровопролитная опустошала Сербию. Стефан мужественно, но с трудом, отбивался от неприятелей. Они даже провозгласили Вулкана королем Сербии[4]. Стефан не пренебрегал и тогдашним сильным средством против врагов. Он просил чрез послов своих мощного папу защитить права его от насилий Венгрии. Венгерский король, опасаясь, что его могут унизить пред Стефаном для целей романизма, поспешил просить папу не доверять покорности Стефана. Так замыслы страстей вошли в борьбу между собою и открыли для чистой совести путьк цели[5]. Благочестивый Стефан хорошо

---

[1] Хризовул Хиландарю (*Григорович В.* Очерк путешествия).

[2] Запись в церкви св. Стефана, в Алексинецком округе: «воздвигнеся храм сы во дни благовернаго кнеза Сгефана в л. 6707 (1199). Аз кнез Стефан с братом своим Влокмь приложих к. ризи Морове с семи старинарами... 53 винограда у Липовици» (Гласник. Кн. 1).

[3] Письмо Вулкана к папе от 2 января 1199 г. (*Theiner A.* Monumenta vetera Slavorum meridionalium. Romae, 1863).

[4] В 1202 г. папа поздравлял короля Венгерского с покорением Сербии и упоминал о том, что Венгерский король передал права свои на Сербию Вулкану (*Assemani.* Kalendaria Ecclesiae Universae. T. 1–6. R., 1755–1757. T. V (далее — *Assemani.* Kalendaria Ecclesiae Universae. —*Ред.*)).

[5] Папа в 1204 г. писал к Венгерскому королю: «не надобно забывать, что благородный Стефан, мегаложупан Сербии, чрез посланников, смиренно просил нас, дабы легат наш, явясь в Сербию, привел ее в повиновение Римской церкви (лукавое двумыслие!) и подал царству его корону. Мы с собором соизволили на прошение и поручили посольство пречестному брату нашему Албанскому епископу (т. е. in exteris). Но узнав, что это неприятно вашей светлости, за любовь твою, не без смущения, отложили свое намерение» (*Raynaldus.* Annales Ecclesiastici: in 37 vol. Vol. 20). Верить

понимал папизм. Он ограждал себя другими, более надежными мерами, чем власть князя земного. Он с сокрушением сердечным молил Небо и его друзей о помощи, — просил брата, преподобного Савву, для спасения Сербии перенести мощи преподобного отца их в Сербию. «Брат мой, — писал он, — пренебрег завещанием отца и господина своего, — привел иноплеменников на отечество свое, забрал и опустошил его, не послушав заповеди Божией: чти отца твоего и матерь. Но — мы надеялись не на оружие наше, а на силу Господа, Спасителя Иисуса Христа. И не обманулись в своей надежде. Низложив их силою Своею, Господь возвратил в свое отечество. Прошу тебя, преподобный отец Савва, — принеси благоуханные мощи святого. По отшествии вашем земля наша стала осквернена беззакониями нашими, улита кровью, пленена иноплеменными, враги одолели нас и — по взаимной ненависти мы стали смехом для соседей наших. Может быть, вашими святыми молитвами, вашим пришествием к нам всемилостивый Бог умилосердится над нами и соберет воедино рассеянных и посрамит противников»[1]. Вулкан по сербской почтительности к отцу явился на встречу мощей святого отца; потом, быв свидетелем чудес святого отца, по убеждению преподобного Саввы дал клятву не тревожить более брата в законных правах его[2]. Стефан с своей стороны помог брату вы-

---

папе на слово, будто Стефан просил привести Сербию в религиозное «повиновение Римской Церкви», может только тот, кто не знает языка тогдашней дипломатики папизма, намеренно мешавшего политическую учтивость с религиозною. Если бы папе дано было обещание папизма со стороны Стефана, он не был бы так учтив пред Венгерским королем, прислал бы и венец Стефану и под угрозою анафемы запретил бы Венгерскому называться королем Сербии. Венгерский король точно дал обещание папе привести Сербию в повиновение папе (письмо см. в: *Адам Черниговский (Zernikaw)*. De processione Spiritus Sancti a suo Patre); но с одной стороны увидал, что сербский народ повторяет анафему папе, с другой ссора Андрея с братом Мирком и венецианцами заставила Андрея хлопотать о себе, а не о папе. По этим-то причинам и папа, собравшийся по надеждам на короля Венгерского наложить властную руку на Сербию, вынужден был расстаться с мечтами.

[1] Стефан в житии отца своего (*Šafařik*. Památky dřevního písemnícтví).

[2] Св. Савва в житии Немани (Там же); Дометианово житие св. Саввы (*Дометијан*. Живот светога Симеуна и светога Савве / Публ. Ђ. Даничич.Београд, 1865). Басня Грека Никиты об отношении Стефана к гречанке Евдокии, употреблявшей в орудие злости своей Вулка, разобрана Раичем (*Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2). Книга Евангельских чтений, писанная при Волке, сыне самодержавного Стефана Немани, великом жупане Зетском и Поморском (Христианские древности и археология. Тетр. II), писана не позже 1208 г.

гнать из Хлума западника Петрислава, оставив за последним только Невесин и Дебре. Брат Вулкан скоро умер; удел его Зета предоставлен был Стефаном двоюродному брату Андрею Мирославичу[1]. Сын Вулкана, благочестивый князь Димитрий, охотно довольствовался уделом, какой назначил дядя; он построил обитель на реке Лиме в Бродареве и, приняв иночество, с именем Давида по смерти чтился Сербскою Церковью между святыми[2]. Так Стефан спокойно располагал уделами Сербии как верховный правитель всей Сербии[3].

По усмирении домашних врагов Стефану пришлось бороться с сторонними неприятелями. Против него восстали болгарский царь Борис и тесть его латинский император Цареграда. Они заняли Ниш и хотели отнять города, которые когда-то были болгарскими и потом греческими, а теперь принадлежали Сербии. Тяжело было Стефану: неприятели были сильны. Но за Стефана отец его. «Неприятели были приведены в ужас явлением святого, бросились бежать и рубили друг друга, — наконец ушли восвояси, униженные и осрамленные»[4].

Блаженный великий князь был весьма добродушен и сострадателен. Болгарский князь искал смерти князя Стрезы, родственника покойного князя болгарского Ясеня. Стреза с дружиною, верною ему, искал себе защиты в Сербии. Добрый Стефан укрыл у себя беглеца. Князь Борис с угрозами требовал выдачи Стрезы. Стефан побратался с Стрезой и дал ему для житья крепкий замок Просек, потом передал в его управление несколько других мест, принадлежавших империи. Стреза оказался великим негодяем. Женившись на незаконной дочери латинского Константинопольского императора, он скоро научился у рыцарей Запада беспутной их жизни и в надежде на тестя дозволял себе безобразия всякого рода[5]. Утешением его было сбрасывать людей

[1] Гласник. Кн. 12.

[2] Житие св. Стефана Лазаревича: «Вълкан — великий кнезь, роди сына жупава Дмитрия, в иноческом сане Давид именовашеся и светый, созда церковь при реке Лиме в месте Бродареве». Блаж. Давид похоронен был подле отца своего, у мощей св. Немани, в Студенице (Летопись в Гласнике (Кн. 5, 10)). Изображение святого Давида у Григоровича (*Григорович В.* Очерк путешествия).

[3] Стефан в 1217 г. назывался: «велии краль, наместный господин все Срьбске земле и Диоклие и Дальматие и Травуние и Хльмске земле» (Споменници № 51; *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2).

[4] Стефана житие Немани (*Šafařik.* Památky dřevního písemnícství).

[5] Вот что делали рыцари запада, взяв Константинополь: «святые образа бесстыдно потоптаны. О горе! мощи святых мучеников заброшены в места всякой мер-

с утеса в бурный Вардар, который справедливо назывался хищною рекою[1]. Не было проезда никому мимо замка Стрезы, — каждому грозила опасность от прихотей жестокого владельца. Стефан не раз посылал к Стрезе с напоминанием о долге правды и человеколюбия; Стрезе все было нипочем. Наконец, Стреза поднялся войной против благодетеля своего и грозил согнать Стефана с престола. Не внявший убеждениям святого Саввы нечестивец поражен был гневом Божиим: ночью в ужасе от привидения заколол сам себя[2].

Точно так же неожиданно погиб грек Михаил, захвативший у Сербии Драч. Опаснее был Венгерский король, поднявшийся против Стефана по наущению злившегося латинского императора. Тогда как последний шел к Сербии с востока, Венгерский король с севера вступил в Сербию. Неожиданное примирение Венгерского короля с Стефаном заставило латинянина возвратиться ни с чем.

По окончании этих бед блаженный Стефан, благоговея к памяти великого отца своего, как образца правителя умного и молитвенника в загробной жизни, описал житие великого жупана Стефана Немани.

Так как по завоевании Константинополя латинянами (1204 г.) насилия романизма стали настойчивее, а меры вредить Православию шире и сильнее, то Стефан в ограждение безопасности Сербии вступил (в 1216 г.) в брачный союз с внучкою Венецианского дожа Дандоло. Папа побаивался сильной тогда Венецианской республики. Потому, когда сильные родственники жены Стефановой попросили у папы для Стефана королевского венца и защиты против Венгрии,

---

зости... Божественное тело и кровь Христовы были разлиты и разбросаны по земле. Некоторые из них разбивали драгоценные чаши, их украшения прятали в пазуху, а из них пили, как из бокалов... Когда им нужно было вынести из храма священные сосуды — предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, которым обложены были кафедры, амвоны, врата, они ввели в притворы мулов и лошадей с седлами... Какая-то женщина, — восседая на патриаршем престоле, пела неприличные песни и ломаясь скакала вокруг... Разве могли пощадить жен, дочерей и дев посвященных Богу те, которые не щадили Самого Бога?... Кто сколько-нибудь противоречил им или отказывал, тому грозил нож»... Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина: В 2 т. СПб., 1860–1862. Т. 1; *Стасюлевич М.М.* История средних веков в ее писателях. Т. III.

[1] Западный паломник называет Вардар «fluvius rapax», хищною рекою, так как течение ее бурное (aqvae cursu rapido). (Wilhelmus Tyrius ap. Murator. Italic. 2. 287).

[2] Дометианово житие св. Саввы; Стефан в житии Немани(*Šafařik.* Památky dřevního písemnícství); Никон. л. 2, 281. Особое сказание о Стрезе-Крезе, с примесью вымыслов, в Гласнике (Кн. 8).

папа в 1217 году поспешил прислать ему венец, а королю Венгерскому послал запрещение называться Сербским королем[1]. Чтобы не быть непризнательным к папе, Стефан утвердил за Млетским Бенедиктинским монастырем остров Млеть и Бабино поле[2]. Папа мог тешиться мыслью, что приобрел себе нового подданного — короля; но благочестивый сын Немани, видевший мерзости питомцев папы в Цареграде, не мог и думать о религиозном союзе с папою; во всю жизнь не искал он суетной славы; кротость составляла отличительный характер его. «Аз грешный Стефан», так писал он в грамотах. Современные владетельные лица по какому-то странному увлечению один пред другим спешили выпрашивать у папы королевский венец, как например современный князь Болгарский[3]; но блаженный Стефан принял венец, когда тот прислан был папою, а не искал его. К тому же сербский народ не был доволен и тем, что православный властитель вступил в сношение, хотя и политическое, с ненавистным папою. Так королевский венец, присланный папою в Сербию, не произвел перемены в отношениях Сербии к Православию. Когда же святой Савва посвящен был в архиепископа Сербского, то по совещании с представителями Сербской земли короновал он брата своего венцом, присланным от греческого императора, помазал его святым миром и одел в королевскую мантию. При этом блаженный король торжественно исповедал, что он — верный сын восточной Православной Церкви[4].

Вслед за тем сделаны были распоряжения в ограничение произволов иноверия[5]. Возвышение Сербского властителя возбудило за-

---

[1] *Assemani*. Kalendaria Ecclesiae Universae. T. VI. В 1220 г. Стефан в письме к папе Гонорию, посланном с епископом Мефодием, называет себя «rex coronatus», следовательно, тогда он уже носил королевский венец. Папу просил он: benedictio et confirmatio Dei et vestrae sit, si placet, super coronam. Ясно, что Мефодий ездил не за короною к папе, а с учтивою благодарностию за корону (*Raynaldus*. Annales Ecclesiastici: in 37 vol. Vol.20 ad ann. 1220.

[2] *Майков А.А.* История сербского языка. Бенедиктинский монастырь на Млете существовал с 1155 г. *Daniele Farlati*. Illyricum sacrum. 8 vols., Venice, 1751–1819. Vol. VI.

[3] Отношение Римских пап к Болгарской церкви см. в: Православный собеседник. 1865.

[4] Летопись: «сьветом всех венчавает брата своего великаго жупана» (*Šafařik*. Památky dřevního písemnictví).

[5] Акафист Сербляка: «радуйся, прелести славный победителю... радуйся, злых козней иноверия разрушителю».

висть в Венгерском короле, а новое венчание его — досаду в папе за пренебрежете к его дару. Король Венгерский объявил Сербии войну; по личным сношениям святого Саввы с Венгерским королем война отклонена[1].

Первовенчанный краль употребил власть свою на ослабление в народе обычаев несогласных с христианством. В грамоте Жичскому монастырю изложил он меры против своевольных разводов брака и против таких же сочетаний брака. По первому предмету писал он: «Если кто окажется нарушителем страшной заповеди», прогонит от себя жену: то «с виновного взыскать 6 лошадей в пользу короля и в пользу судьи 2 лошади, а с бедного поселянина — 2 вола», брак же остается в силе. Если жена по своей воле оставит мужа, муж наказывает ее по своему усмотрению, если же участвовали в том родители, «они наказываются, смотря по их состоянию». Первовенчанный запретил сочетания в родстве, например по смерти жены брать за себя сестру ее; в предупреждение незаконных сочетаний повелел обращаться пред браком к священнику с просьбою разыскать, нет ли родства между желающими брачиться[2]. Для того, чтобы в благонамеренных распоряжениях по церковным делам не допустить какой-либо ошибки против постановлений Вселенской Церкви, он входил в письменное сношение с просвещенным Болгарским архиепископом Димитрием Хоматиным, знатоком церковных правил[3].

Святой король много благотворил храмам и обителям Православия: Студенице, Милетскому, кафедральному в Жиче, Сопочанам[4], Которскому монастырю Превале, где впоследствии паписты отравили зараз 72 инока[5]. Не говорим о Хиландаре.

---

[1] Дометианово житие св. Саввы.

[2] *Miklosich*. Monumenta Serbica. Жичская грамота издаваема была и прежде (*Schaffarik P.J.* Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der serbischen Mundart. Pesth, 1833), но не в точном виде. О ней см. в: ИОРЯС. Т. I, VII.

[3] В Баварской греческой рукописи (cod. 45) вопросы Стефана, короля Сербского, и ответы Димитрия Хоматина, числом 13.

[4] «Ктитор святаго места сего», — так говорит надпись в Сопочанском монастыре на изображении первовенчанного (Записки географического общества. Т. XIII). Грамоты монастырям Студеничскому, Милетскому и Жичскому см. в: *Miklosich*. Monumenta Serbica.

[5] *Попов А. Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. По летописи, св. Савва в первое путешествие на восток идет «чрез Херцоговину, проповедуя людям путь спасения, даже до Котора» (Гласник. Кн. 5). Еще Неманя «Котор остави, утвердив

Некрепкий здоровьем, блаженный Стефан в болезни почувствовал близость смерти и желал принять пострижение от руки святого брата своего. Святитель Савва, имея в виду неглубокую старость его, отвечал, что еще будет время для выполнены желания. Когда же по новому призыву к умирающему королю явился владыка, брат-король лежал уже бездыханный. Пораженный скорбью святитель помолился, и Стефан ожил, чтобы выполнить желание его[1]; пострижение совершено, и он предал дух свой Господу, сентября 24-го 1224 года. Тело короля-инока чрез год по смерти оказалось нетленным, и он причтен к лику святых[2].

Из четырех сыновей его трое: Родослав (с октября 1224 г.), Владислав (с февраля 1230 г.) и Стефан Урош, храпавый (с 1239 г.), один за другим были венчанными королями Сербии[3].

Сын, король Владислав, как и отец, чтится в числе святых. Ему пришлось потерпеть довольно тревог от людских слабостей. Брат его Родослав, сведенный с ума беспутною женою, венецианкою, за беспутства выгнан был из Сербии, и Владислав объявлен был

ин и вознес двор свой в нем, иже е и доселе», говорит первовенчанный. Царь Душан в 1351 г., подтверждая привилегии, данные которянам предками его, ограждает безопасностью «монастырь светаго Георгиа со всем метохиом своим» (*Miklosich.* Monumenta Serbica).

[1] Раич говорил, что св. Савва скорбел о неожиданной смерти брата оттого, что будто Стефан не назначил преемника престола (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2). Но первовенчанный еще в Жичской грамоте назвал Родослава «первенцем, Божиею милостию наместником своим».

[2] Дометианово житие св. Саввы. По летописи: «в л. 6722 (1224) преставися первовенчанный краль Стефан» (Гласник. Кн. 1). Тело святого Стефана-Симеона сперва положено было в Студенице, близ мощей отца его. Король Урош 3 положил мощи в мон. Сопочанах. По смерти Стефана Лазаревича, при нашествии турок, они сокрыты были в земле. В 1629 г. по явлению св. короля были открыты и потом, разделяя судьбу бедного народа своего, переходили из одного места в другое, пока в 1839 г. не возвратились в Студеницу. Синаксарь Сербляка л. 12. 13; Гласник. Кн. 5; Записки географического общества. Т. XIII.

[3] Житие св. Стефана Лазаревича: «Стефан первовенчанный роди 4 сына: Родослава, Владислава, Стефана, Предслава; Стефан же наречен бысть Урошь в прадеда своего и сье храпавый краль». Последний назывался еще Драгославом (Летопись в Гласнике (Кн. 1); *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2). Сербский октоих Уварова, писанный при кралe Стефане Уроше (ИОРЯС. Т. I), должен быть отнесен ко времени 1237–1270 гг. При том же Уроше в 1252 г. переведен был Номоканон с полными правилами и толкованиями (*Григорович В.* Очерк путешествия), который потом перешел в Россию. Об Уроше летопись в Гласнике (Кн. 5).

преемником его[1]. Но Родослав грамотою от 4 февраля 1234 года объявил из Дубровника, что он — король Сербии и надеется возвратить себе престол, которого лишен братом. Убеждения святителя Саввы заставили Родослава принять монашество[2]. Едва окончились эти тревоги, как Владимир, граф Омышский, с своими омышанами, привыкшими к морскому разбою, опустошил приморские земли Сербии. Расправившись оружием с грабителями, Владислав обязал рагузян грамотою не помогать ни Владимиру, ни другому подобному, в действиях неприязненных для Сербии[3]. Заботясь о внутреннем устройстве Сербии, король Владислав отыскал серебряные рудники в стране своей и разработкою их обогатил Сербию. По известию Даниила, «желая достигнуть небесных селений, он построил на земле храмы прекрасные и снабдил их дарами (землями) и всякими принадлежностями[4]; им с основания построен храм Вознесения Господня, называемый Милешев, в который он перенес из Тернова тело великого архиерея Саввы. Благотворения же его нищим, странным, больным — неисчислимы. Королевствовав 7 лет, перешел в вечность с радостью о Господе. Тело его положено было в его монастыре Милешеве[5]. На монетах писался он “раб Христов Владислав” и изображался “стоящий король с венцом на главе, в длинной одежде, опоясанный, с державою в правой руке”»[6]. В Милешевской обители еще

---

[1] Летопись в журнале «Архив югославской истории» (1854. Т. III).

[2] Дометианово житие св. Саввы; летопись в Гласнике (Кн. 5).

[3] О Владимире, графе Омышском, см.: *Francesco Maria Appendini*. Notizie istorico-critiche sulle antichita, storia e letteratura de Ragusei: in 2 t. Ragusa, 1802. Т. I.

[4] В Гласнике (Кн. 7) указывают церковь св. Стефана в Белом поле, построенную королем Владиславом (см.: Записки географического общества. Т. XIII). В 1242 г. король Владислав дал земли монастырю св. Николая Вранинскому и еще Богородичному монастырю, что в Быстрице (*Miklosich*. Monumenta Serbica).

[5] Родослав у Раича (*Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2). Основания для мысли, что Владислав был жив при короле Уроше I, приводимые Майковым (*Майков А.А*. История сербского языка), очень не тверды. По летописи «Владислав, муж во крепости, умирает, не оставив сынов, но токмо две дщеры» (Гласник. Кн. 5). Изгнание Родослава из Сербии надобно относить к январю 1234 г., а февраля 4-го 1234 г. написан им из Рагузы протест против брата. Итак, Владислав управлял Сербиею в 1234–1242 гг., восемь лет. Даниил считает 7 лет оттого, что пока Родослав не принял монашества, он назывался еще королем.

[6] Гласник. Кн. 3. В грамотах Владислав писался так: «Стефан Владислав с помокию (помощью) Божиовь краль всех Рашских земель и Диоклитие и Далмацие и Травуние и Захльмие». Царь Алексей Михайлович грамотою 1653 г. дозволил

цело на стене изображение с надписью: «обретение мощем святого Стефана»[1]. В древнем Сербском уставе, под 30 июля, сказано: «бысть объявление мощем краля Владислава, хтитора Милешевского, в дьни многокрасного царя Уроша»[2].

† УБИЕНИЕ преподобного ГАЛАКТИОНА ВОЛОГОДСКОГО

По воле грозного царя князь и боярин Иван Иванович Бельский лишен был жизни[3]. Чтобы спасти жизнь невинного семилетнего сына его, князя Гавриила, родственники погибшего князя тайно увезли юного князя в город Старицу. В зрелом возрасте молодой князь видел, что ему остается скрыться как можно дальше от грозных взоров царских, и он удалился в Вологду. Здесь, верный своему положению, он поселился у чеботаря, и бывший князь научился сапожному ремеслу; это доставляло средства к жизни его. Вступив в супружество, недолго утешался он супругою: она умерла, оставив на руках его дочь. Отягченный превратностью земной жизни, Гавриил выпросил себе у жителя Вологды местечко на реке Соденке, окопал его рвом, поставил себе келлию и стал подвизаться в посте и молитвах, не оставляя ремесла своего. То, что получал он за работу свою, делил на три части: одну посвящал Богу, другую отдавал нищим, а третьею питался. Время от времени возрастая в жизни духовной, он наконец определил себя на жизнь самую невеселую для плоти; чтобы лишить себя удо-

---

Милешеву монастырю чрез 4 года присылать в Россию 4 иноков для сбора подаянии (см. грамоту в: Северный архив. 1823. Ч. 5).

[1] Записки географического общества. Т. XIII.

[2] Гласник. Кн. 10. На стене Рыльского храма изображен «св. Владислав краль Сербский» (*Григорович В.* Очерк путешествия).

[3] Ркп. житие прп. Галактиона, писанное в 1857 г., у Толстого 1. № 171, у Царского № 134.

вольствия видеться с людьми, близкими душе его, он приковал себя к стене цепью; богобоязненные люди подавали ему в окошко пищу; когда склонял его сон, он становился на колени, и держась за цепь, засыпал сном легким и прерывистым; пищею его был только сухой хлеб с водою. Тайно приняв на себя иночество с именем Галактиона, он не имел ничего в своей келье, кроме одной рогожки и бывшей на плечах бедной одежды. К затворнику стали приходить за советами, и он принимал всех одинаково, богатого и бедного; слово его исполнено было силы, утешало печальных и вразумляло забывчивых. Молитва его достигала крепости духовной. Раз в Вологодской стороне было бездождие; епископ с крестным ходом пришел к церкви Святой Троицы, стоявшей вблизи келлии Галактионовой, и послал просить затворника помолиться вместе со всеми о бедствии общем[1]. Послушный слову святителя затворник, вопреки своему правилу, оставил свою келью и пришел в храм на всенародную молитву. И Господь послал обильный дождь жаждущей земле.

Приближалось время кончины преподобного и страшное время для Вологды. Подвижнику Божию открыто было о наступающих для Вологды бедствиях. Он вышел из своей кельи в цепи своей, явился в земскую избу и объявил: «Грехи призвали на нас ляхов и Литву; пусть начнут пост и молитву и поспешат построить храм Знамения Богоматери, и Небесная Царица, как прежде Новгород, избавит Вологду от гнева Божия». Но один из именитых, Нечай Проскуров, сказал: «Не о нас, а о себе хлопочет он, — ему хочется только иметь храм вблизи себя; а что будет с храмом, когда умрешь ты, старец?» Старец отвечал строго: «Гнев близок к Вологде; что же до меня, то на моем месте прославится Бог, построена будет обитель». Затем объявил, что Троицкий храм, построенный Нечаем, будет сожжен, и дом Нечая запустеет. Проходя мимо храма святого Димитрия Прилуцкого, он

[1] В ркп. житии, епископ, приглашавший преподобного на общую молитву, раз называется Кириллом, а в другой раз Корнилием. Но ни Кирилла, ни Корнилия не видим по спискам между Вологодскими епископами, современными Галактиону. Это был, без сомнения, блаженный епископ Антоний, который из архимандрита Болдинского поступил в 1586 г. на Вологодскую кафедру и скончался 28 октября 1588 г. (*Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. I). По ркп. святцам он в числе святых и с именем чудотворца; тело его почивает в кафедральном соборе, и память его чтят в Вологде, совершая над ним панихиды (*Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях).

громко сказал: «Чудотворец Димитрий молил Спасителя за город; но его оскорбили тем, что вокруг его храма настроили лавок и завели шум торговый; вот увидите, что и этот храм разорен будет». До какой степени нужна была Вологде проповедь о покаянии, и как исполнилось пророчество праведника над некаявшимися, показывает известие современного святителя.

Вот что писал в Москву Вологодский архипастырь Сильвестр: «Нынешнего 7121 (1612) сентября 24 дня с понедельника на вторник, в последнем часу ночи, разорители нашей чистой, Православной веры и ругатели Креста Христа, поляки и литовцы с черкасами и русскими изменниками нечаянным набегом пришли в Вологду, взяли город, умертвили людей, осквернили церкви Божии, сожгли город и посады, — воевода князь Иван Одоевский ушел, а окольничий и воевода князь Григорий Долгорукий и дьяк Истома Карташев убиты; меня грешного взяли в плен, держали у себя 4 ночи и не раз присуждали к казни, но Господь умилостивился надо мною, — едва живого отпустили. Когда ляхи и Литва пришли к Вологде, то, по грехам нашим, по нерадению воевод не было ни разъезжих караулов, ни сторожей на башнях, на городской стене и в крепости; у ворот было несколько человек на карауле, да и те не слыхали, как литовцы вошли в город, а большие ворота не были заперты. С 25 сентября неприятели оставили Вологду. Воевода Григорий Образцов с своим полком прибыл с Белоозера и занял Вологду: но никто не слушает его, друг друга грабят... Все от пьянства: воеводы пропили Вологду»[1].

По житию затворника, дом и храм Нечая сожжены, как и городской храм святого Димитрия. «Преподобный Галактион затворник убиен бысть от поляков и Литвы в лето 7121 (1612) месяца сентября в 24 день»[2]. Благоговейные погребли тело подвижника Божия в его келье. По временам совершались здесь чудесные исцеления. При епископе Варлааме (1627–1645) над мощами преподобного построен был храм в честь Знамения Богоматери и устроилась обитель; а при архиепископе Маркелле (1645–1663), знаменитом ревнителе о правильном

[1] Донесение напечатано в: *Щекатов А. М.* Словарь географический Российского государства: В 7 ч. М., 1801–1809. Ч. 1 (далее — *Щекатов А.М.* Словарь географический. —*Ред.*). См.: Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодоровича / Издан по списку князя Оболенского. М., 1853.

[2] Ркп. святцы.

писании святых икон[1], построен соборный храм в честь Святого Духа, и скит Галактиона стали именовать монастырем Святого Духа[2]. Так исполнилось предсказание страдальца!

На пути правды — жизнь (Притч. 12, 28).

Путь глупого прямой в его глазах; но кто слушает совета, тот мудр (Притч. 12, 15).

Ныне, если услышите голос Его (Господа), *не ожесточите сердца вашего* (Пс. 94, 8).

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного АВРАМИЯ МИРОЖСКОГО

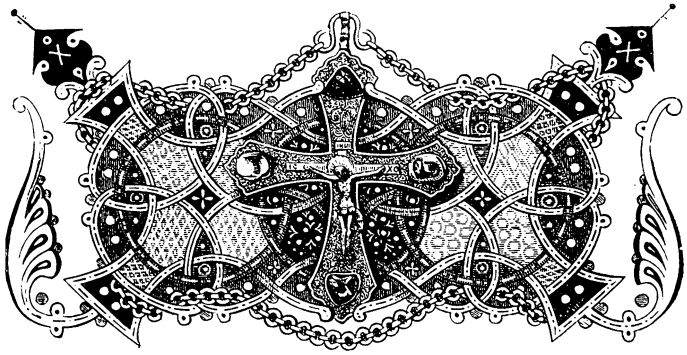
В рукописных святцах читаем: «Преподобный Аврамий, игумен Спасского монастыря, иже на Мироже реке», во Пскове. Единственным памятником трудов основателя обители, но памятником прочным и прекрасным, остается каменный храм обители, целый с XII века. Он весь складен из плитняка и доныне сохраняет древний квадратный вид свой. В алтаре на горнем месте сохранились остатки фресок XII века, случайно открытые в недавнее время при починке храма. Над средним окном изображено — деисус — моление Богоматери и Предтечи пред Спасителем. Ниже был целый ряд

[1] Жалоба царю Алексию: «добру ревность по Бозе показал господин преосвящ. Маркелл архиепископ Вологодский во своей епископьи, — в конце заказал плохим мастерам икон не писати на большая уничижения... анафеме предал, токмо кто дерзнет бесчинно писати Св. Христов образ или Богородичпый».

[2] Словарь святых. Служба прп. Галактиону написана была около 1700 г. Иваном Слободским, чтецом и певцом Вологодского архипастыря. В предисловии он пишет, что в 1697 г. архиепископ Гавриил осматривал мощи прп. Галактиона и нашел их нетленными (ИОРЯС. Т. VI). По древней описи Вологодского архиерейского дома «грамота Андреяна патриарха о свидетельстве прпп. Галактиона и Герасима Вологодских писана 7199 г. (1691)».

изображений: на правой стороне Спаситель преподает Святой Хлеб шести апостолам; остальное сокрыто под слоем позднейшей штукатурки. Так как обитель стоит за городом, на дороге из Литвы и Ливонии, то легко подвергалась она разграблению неприятелей, и все, что можно было унесть, разрушить и сжечь, погибло. Преподобный Аврамий скончался 24 сентября 1158 года; мощи его почивают под спудом в Спасском храме Мирожской обители, приписанной к архиерейскому дому; память его местно чтится 24 сентября. Тогда же празднуется находящейся здесь же Мирожской иконе Богоматери, прославившейся в 1567 году[1].

[1] *Толстой М.* Святыни и древности Пскова. М., 1861 (далее — *Толстой М.* Святыни и древности Пскова. —*Ред.*); *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V. Служба Мирожской иконе Богоматери в рук. XVI в. (Описание Румянцевского музеума. № 397).



День двадцать шестой

Святого и праведного ГЕДЕОНА, судии Израильского

Гедеон, из колена Манассиина, Самим Богом призван был к избавлению своего народа от насилий мадианитян, которые уже семь лет распоряжались в земле Израильской, как своей. Когда Гедеон выколачивал пшеницу в укромном месте, чтобы скрыть от мадианитян, то явившийся ему Ангел Господень от лица Господа сказал: *иди и спаси Израиля от руки Мадианитян* (Суд. 6, 14) и знамением Небесным укрепил веру его. Скоро появились враги, перешли реку Иордан и расположились в долине Израильской, принадлежавшей колену Иссахарову. И вострубил трубою Гедеон, и созвал к себе воинов из колен Манассиина, Асирова, Завулонова и Неффалимова.

Накануне битвы обратился Гедеон с молитвою к Богу и сказал: «*если Ты спасешь Израиля рукою моею, как говорил Ты, то вот я расстелю на гумне отстриженную шерсть; если роса будет только на шерсти* (на руне), *а на всей земле сухо, то буду знать, что спасешь рукою моею Израиля, как говорил Ты». Так и сделалось. На другой день, встав рано, он стал выжимать шерсть, и выжал из шерсти орошенной целую чашу воды. И сказал Гедеон Богу: «не прогневайся на меня, если еще раз скажу и еще только однажды сделаю испытание над шерстью. Пусть будет сухо только на шерсти, а на всей земле пусть будет роса». Так и сделал Бог в ту ночь: только на шерсти было сухо, а на всей земле была роса* (Суд. 6, 36–40).

Получив таким образом новые знамения Божественного своего призвания, он, по повелению Божию, с тремястами безоружных воинов окружил ночью стан неприятельский и внезапным, при трубных звуках и восклицаниях, открытием светильников привел неприятелей в такое смятение, что они поражали друг друга и обратились в бегство. Захваченные в бегстве цари мадианитян, Зевей и Салман, были преданы смерти за убийства, совершенные ими над израильтянами на горе Фаворе.

Благодарные израильтяне предлагали Гедеону царскую власть; но он сказал: *ни я не буду владеть вами, ни сын мой; Господь пусть владеет вами* (Суд. 8, 23).

И был Гедеон судьею в Израиле сорок лет, и во дни его земля Израильская наслаждалась миром. Избавление, доставленное чрез него Израилю, и впоследствии помнилось (см.: Пс. 82, 10–12), а пророки видели в этом событии радостное знамение спасения Богом во Христе (см.: Ис. 9, 4–7; 10, 25–27).

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ЕФРЕМА ПЕРЕКОПСКОГО

Жизнь уединенная влекла к себе Евстафия с молодых его лет[1]. Обученный грамоте, он любил и в доме родителей, Стефана и Анны, поститься и молиться и не любил забав юности. По влечению души своей он тайно ушел в Кашинский монастырь[2]. Родители, узнав о ме-

[1] Ркп. житие прп. Ефрема (у Царского № 136). Оно называется сочинением Романа, ученика Ефремова. Но по множеству хронологических и исторических ошибок, из которых некоторые, но не все, указаны в: *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V. Несомненно, что известное ныне житие — переделка записок ученика Ефремова, составленная человеком подобным о. Василию; многословие и напыщенность говорят о том же.

[2] По ркп. житию Евстафий удалился в Колязин монастырь; но этот монастырь основан позже 1433 г. Сожитие Макария Колязинского с Евстафием в Каблуковом монастыре ввело в ошибку, повторенную и в словаре.

сте пребывания его, долго уговаривали его возвратиться в дом их; после разговоров с ним они уступили его желаниям, — сами посвятили себя уединенной жизни и скончались в иночестве. Пробыв три года в Кашинском монастыре, пришел он в обитель преподобного Саввы Вишерского, тогда еще «малоогражденную, в ней же церковь малая древяная». Здесь на 25 году жизни принял он пострижение с именем Ефрема и со всею ревностью проходил монастырские послушания. Под руководством великого подвижника блаженный Ефрем прожил 25 лет. Он столько приобрел у великого аввы духовной опытности, что преподобный Савва пред смертью своею (1462 г.) поручил обитель свою Андрею и Ефрему, как опытнейшим из учеников своих[1].

После кончины преподобного Саввы блаженный Ефрем недолго оставался в Вишерской обители; он удалился на западный берега озера Ильменя, к устью реки Веренды, и на берегу речки Черной поставил себе келлию. Место здесь было глухое, безмолвное, самое приятное для пустынника. Один из окрестных жителей нечаянно набрел на хижину Ефрема и изумился, что в такой глуши живет человек; беспомощному отшельнику принес он потом хлеба и муки. Отшельник благодарил Господа. Затем прибыл к Ефрему подвижник Фома с двумя учениками; они поставили себе келью вблизи келлии Ефремовой. За ними вслед пришли и другие. По просьбе новых спостников своих блаженный Ефрем принял на себя сан священства и игуменства. Любимый ученик дивного Саввы, столько лет подвизавшийся под его руководством, известен был многим по своей жизни. Ему скоро доставили средства построить сперва деревянный храм Богоявления, а потом и каменный, в честь святителя Николая. Гораздо более надобно было употребить трудов и времени, чтобы местность обители, болотистую и нездоровую, сделать удобною для пребывания на ней. Преподобный копал каналы для осушения места, а чтобы доставить в обитель чистую воду, провел он из Веренды в озеро проток. Оттого-то и пустынь его в свое время называлась Перекопскою, а по протоку Веренды — Верендовскою. Блаженный игумен являлся первым во всех работах и послушаниях. Ходил в пекарню готовить хлебы и просфоры, носил воду и рубил дрова, часто ходил в служебную палату и, во время отдыха братии, молол за других

[1] В житии сказано, что Ефрем удалился из Вишерской обители в 1450 г. Но Пахомий, писавший жизнь прп. Саввы около 1465 г., говорит, что Ефрем в 1462 г. был еще в Вишерской обители и выслушивал завещание прп. Саввы об обители. Словарь и здесь повторяет старую ошибку.

рожь. По его установлению каждый брат молол ночью назначенную часть ржи; после утрени братия также шли на работу в поле или огород, после Литургии и трапезы снова трудились. В подвигах труда и молитв преподобный Ефрем достиг осмидесятилетней старости и мирно преставился 26 сентября 1492 года[1]. Трудолюбивое тело его положено было близ построенного им храма святителя Николая.

Впоследствии монастырь от частых наводнений перенесен был на другое место, безопасное от наводнений, и над гробом преподобного Ефрема поставлена была часовня; в 1545 году мая 16-го святые мощи его перенесены были в обитель и тогда же установлено было праздновать память его[2]. В 1582 году главный каменный храм обители с приделом в честь преподобного Ефрема от нападения ляхов стоял без служения и 13 келий обители оставались пустыми[3], но потом обитель была восстановлена[4].

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святого апостола и евангелиста ИОАННА БОГОСЛОВА

Сей день Церковь празднует торжественнее, нежели дни прочих апостолов и евангелистов, яко паче иных Христу Богу возлюбленного. Другой праздник в честь сего апостола Церковью установлен 8-го мая, в воспоминание чудесных знамений, при гробе его совершившихся.

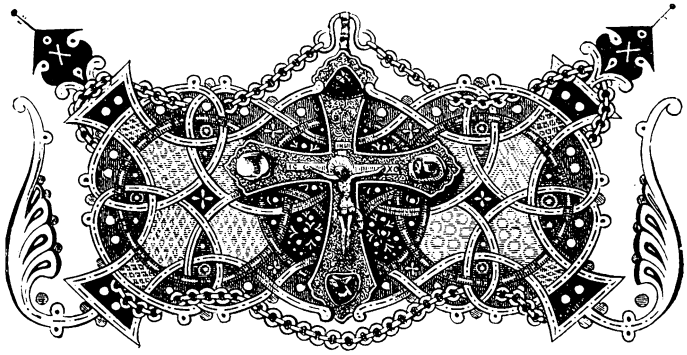
---

[1] По ркп. житию преподобный преставился при архиеп. Геннадии, следовательно не раньше 9 декабря 1484 г. С другой стороны, в 1462 г. не могло быть ему меньше 50 лет. Потому кончину его остается отнести к 1492 г.

[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V. Служба прп. Ефрему 16 мая (Минея мая. М., 1646) составляет почти буквальное повторение службы прп. Савве (октября 1); к сожалению, не исключены из нее и некоторые исторические черты жизни прп. Саввы. В святцах устава XVI в. (Толстого 1. № 100) 17 мая «перенесение мощей Ефрема игумена Перекопского».

[3] *Неволин К.А.* О пятинах и погостах.

[4] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.



День двадцать седьмой

Святой новомученицы АКИЛИНЫ

Далеки от нашего времени те века, когда мир, охваченный борьбою двух враждебных начал — естественного человеческого состояния и Богооткровенного, изливался мученическою кровью за поддержание истины, сошедшей на землю и воскресившей умиравшее духовною смертью человечество. Истина восторжествовала. Но и доныне не истощаются жертвы в борьбе хотя и обессиленной, но все еще действующей тьмы против света. И преимущественно соблюдается и отстаивается вера, т. е. истина, в сердцах «малых» мира сего, непричастных влиянию ни растлевающего большею частью величия земного, ни заглушающих нередко в душе все доброе богатств и прочих благ мирских, мало подлежащих, наконец, веянию современных интеллигентных измышлений...

С особенною наглядностью выступают подобные примеры в истории сношений мусульманского Востока с порабощенными христианскими народностями. Какое еще множество является жертв между ними не только что во время войн, периодически воспламеняющихся между борцами враждебных верований, но и в мирное время — в последние, далекие от веков всеобщего гонения христиан столетия!

Такою жертвою во второй половине XVIII века (1764 г.) была и воспоминаемая сегодня, в день своего мученического подвига, молодая, едва вышедшая из детского возраста простолюдинка, но уже вместившая в своей непорочной душе, воспитанной христианкою-матерью,

весь завет, выношенный и переданный многочисленными поколениями просвещенных православною верою предков.

Твердо восстала и против родного отца, и против сильных властителей 15-ти летняя Акилина (родившаяся в селе Закливери в Адрианопольской епархии), когда они потребовали от нее обращения в чуждый душе христианки ненавистный ислам.

Произошло это по следующему поводу: отец Акилины, хотя и православный по происхождению от православных родителей, но, как видно, малодушный, слабый верою, поссорившись однажды с одним турком и убив его, в избежание смертной казни за такое преступление принял ислам, оправдывая себя при этом, может быть, тем, что в глубине души ему никто не может помешать сохранять свои верования...

Таким же образом отнесся он и к обращению своей дочери в мусульманскую веру, которого потребовали от нее как от дочери принявшего магометанское исповедание, когда ей минуло 15 лет. «Послушай меня, дочь, — сказал Акилине отец ее, — прими ислам; турки приступают ко мне настоятельно, чтобы я обратил тебя в их веру... Раньше или позже, но тебе этого не избежать, так уже поспеши исполнить их требование, чтобы они оставили меня в покое»...

«Никогда не буду я так маловерна, чтобы отречься от моего Господа Иисуса Христа, Который потерпел ради нас крестную смерть! — отвечала Акилина, — и если меня будут вынуждать, то я скорее соглашусь принять мученическую смерть, чем уступить...»

Потеряв надежду убедить свою дочь потурчиться, отступник отец предоставил своим единоверцам поступить с нею, как они захотят. Фанатики немедленно послали за Акилиною в дом ее матери. Поняла мать, зачем требуют на суд дитя ее, и, прощаясь, со слезами уговаривала Акилину помнить всегдашние наставления ее... «Пришел тот час, к которому постоянно я приготовляла тебя! — говорила она своей дочери, — крепись, и да ничто не отлучит тебя от Христа!»

«Не бойся, мама, Бог поможет мне, молись за меня», — отвечала плачущая девушка, с трудом отрываясь от своей матери, последовавшей, впрочем, за нею до самого суда, куда Акилина была представлена одна...

Здесь ни ласки, ни угрозы, ни самые жестокие побои не могли склонить дочь истинной христианки отречься от верований, в которых мать возрастила ее с самого детства.

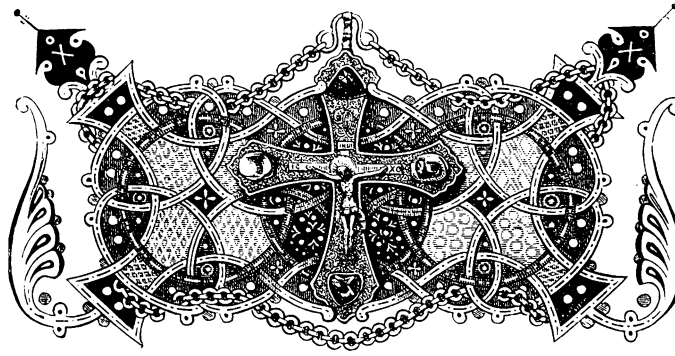
«Разве есть в вашей вере что-нибудь такое, что могло бы меня принудить променять на нее нашу чудесную веру Христову? И вы все — живые мертвецы!» — Смело отозвалась Акилина на убеждения своих палачей.

Раздраженные ее сопротивлением, турки напали на нее с усиленною яростью и «били ее до тех пор, пока она, привязанная к столбу, не повисла на нем, как мертвая. Весь пол покрылся кровью и кусками ее истерзанного тела»[1]. Тогда, отвязав умирающую, ее отправили в дом матери. Очнувшись через несколько времени, мученица сказала своей матери: «Мама, я исполнила твое завещание: я обещала сохранить веру и сохранила ее»... Неземным восторгом заменилась тогда неутешная печаль матери о пострадавшей дочери. Еще несколько времени продлилась благодатная, предсмертная беседа между мученицами за Христа, среди которой Акилина предала свою душу в руки Божии.

Останки ее были погребены христианами.

Прежде чем проявила такую твердость души и высоту веры простолюдинка-ребенок, она ничем, по-видимому, не отличалась от толпы, она составляла часть ее, этой простой толпы, которая и вся, и взятая в отдельности, свято блюдет в себе сокровище духа, невидимо таит его, но проявляет в данные моменты сокрушительным образом в отношении к враждебному духу. Это-то и не служит ли упованием и ручательством, что если и затмевается и растлевается истина в умах отдельных личностей, то все же выносят ее в себе массы «малого» простого, неиспорченного сердцем люда и сохранят ее победоносною до конца веков...

[1] *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке.



День двадцать восьмой

† Святой ЕВСТОХИИ

По стопам блаженной матери Павлы следовала блаженная дочь Евстохия.

Хотя Евстохия и воспитывалась под надзором благочестивой вдовы Маркеллы[1], но нелегко было дочери сенаторской, девушке из самого аристократического и богатого дома, решиться на нищету Христову, тем более, что Евстохия первая из благородных дев Рима решалась посвятить себя девству[2]. Родные восстали с силою против ее монашества. Тетка Протекстата, аристократка высшего полета, по воле мужа сбросила с Евстохии смиренную одежду ее и пышно нарядила ее, «желая победить решимость дочери и желание матери». Что же случилось? Бог — Помощник добру и против греха. По известию блаженного Иеронима, «в ту же ночь видит она — тетка, — явился ей грозный ангел и говорит: “Ты ли смела предпочесть волю мужа воле Христовой? Ты коснулась святотатственными руками главы девы Божией. Руки твои будут сохнуть, чтобы почувствовала ты себя; спустя 5 месяцев приблизишься ты к гробу. Если будешь упорствовать в нечестии, лишишься и мужа и детей”. Все выполнилось в свое время, и позднее раскаяние

[1] *Hieronymus Stridonensis.* Epistolae / Ed. Migne. Ep. 127 (далее — *Hieronymus.* Ep. —*Ред.*).

[2] *Hieronymus.* Ep. 22, quando prim a Romanae urbis viigo nobilis essent caepisti, tanto tibi amplius laborandum est.

запечатлела смерть»[1]. Мужественная девушка твердо шла своим путем и не смотрела на суд гордого мира. Иероним справедливо писал: «Кто храбрее Евстохии, которая обетом девства взяла в плен ворота благородства и гордость консульского рода»[2].

Блаженный Иероним, содействовавший советами Евстохии в решимости жить девою для Господа, в 383 году написал для нее обширное сочинение о девстве. «Пока мы живем в этом хрупком теле, — писал он, — пока носим сокровище в глиняном сосуде (см.: 2 Кор. 4, 7), и плоть борется с духом, как дух с плотью (см.: Гал. 5, 17), дотоле нет верной победы. Потому постоянно необходимы смирение и труд. Особенно для молодого тела нужно воздержание: свобода, какую дозволяют себе многие в этом отношении, вызывает жалкие последствия. Надобно уклоняться от сношения с лицами, от которых веет мирщиною. Редко ходите и на поклонение мученикам, поклоняйтесь им в келье вашей. Трудно, чтобы душа человеческая не любила ничего, не увлекалась какими-нибудь чувствами. Пусть же плотская любовь побеждается любовью духовною, пусть одно желание ослабляется другим. Обливайте, обмывайте ложе ваше, бодрствуйте в уединении; пойте сердцем и устами: “Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его, очищающего вся беззакония твоя, исцеляющего вся недуги твоя”. Преимущества девственной жизни слишком высоки, чтобы не уважать и не любить их полною душою». Указывая на средства охранять дорогое сокровище, предлагает как можно более оставаться в уединении, заниматься молитвою, не слушать льстецов. «Не уверяйте себя, будто вы молоды, нежны, слабы и потому не можете заниматься рукоделием. Не отзывайтесь ни о ком дурно; попостясь несколько дней, не думайте, будто превосходите тем в добродетели людей, которые не постятся. Пусть вы и поститесь, но можете быть нетерпеливы, заносчивы; а другой не постится, зато кроток и смирен». Надобно притом опасаться и тщеславия, не выставлять из себя особенности. «Когда поститесь, будьте веселы лицом. Одеяние ваше пусть будет довольно чисто, а не гнусно, чтобы проходящие не указывали пальцем». «Как и тщеславие, скупость – вещь дурная». Изобразив жизнь разных подвижников Востока, говорит: «Не смотрите на тех, которые заботливы о плоти, о приобретении имущества, считают доходы. Не говорите: “Та и та

[1] *Hieronymus.* Ep. ad Laetam 107.
[2] *Hieronymus.* Ep. ad Pammachium.

пользуется своею собственностью, в почете у людей, к ней собираются братья и сестры, и перестала ли она быть девою?" Бог смотрит на нас не так, как люди. Если по телу она и дева, но не знаю, дева ли она по душе? Апостол так определил деву: *да будешь святою по телу и по душе* (1 Кор. 7, 34)... Надобно нам смотреть не на жизнь грешных, а на жизнь святых, мучеников, апостолов»[1].

Прибыв в Иерусалим с матерью, посетив святые места его, побывав у пустынников Востока, Евстохия от имени своего и своей матери писала в Рим к Маркелле письмо[2], приглашая ее на Восток.

«Начиная со времени вознесения Господня и до сего дня, — писала она, — как многие епископы, мученики, красноречивые учители посещали Иерусалим. Им как бы недоставало чего-то в их благочестии, уме, добродетели, если бы не поклонились Христу в тех местах, откуда распространился свет Евангельский, зажегшийся с Креста. И в самом деле, если оратора осуждают за то, что не изучал он греческих наук в Афинах, а в Ливии, и с латинскими знакомился не в Риме, а в Сицилии, так как каждая провинция имеет свои преимущества, которых нет у другой, — как же верить, что, не посещая христианских Афин, могут восходить на высоту христианской мудрости?

Не отвергаем, что Царство Божие внутреннее должно быть внутри нас и что есть великие, святые люди и в других странах. Но мы хотим сказать, что первые, лучшие люди всего света собираются здесь. Мы не принадлежим к первым, а к последним, и пришли сюда, чтобы видеть первых всех стран. Лучшие цветы, дорогие камни — это лики иноков. Британия, отделенная от нашей страны, так как хочет успевать в христианском благочестии, должна присылать своих с Запада на Восток, чтобы они могли видеть место, которое знают только по слуху и по описанию Священного Писания. Что сказать об Армении, Персии, Индии, Египте, столько плодовитом иноками, о Понте и Каппадокии, о Сирии и Месопотамии, о всем Востоке? Со всех сторон спешат сюда, и мы можем видеть разные образцы добродетели. Языки разные, а благочестие одно. Почти столько же ликов поющих, сколько разностей племенных. При этом первая добродетель христиан — обращение, далекое от гордости и суетности; спорят только о том, чтобы превзойти в смирении».

---

[1] *Hieronymus.* Ep. ad Eustochium.

[2] *Hieronymus.* Ep. 46.

Описав другие добродетели, которые видятся в опытах, обращается к Вифлеему. «Эти ясли, где лежало Божественное Дитя! Ах! их надобно чтить более молчанием, чем словами. Куда годятся обширные портики, великолепные комнаты, покрытые золотом, высокие здания, убранные трудом голодных и слезами рабов?... Вот в этой пещерке земной родился Творец мира; здесь повит пеленами, посещен пастырями, показан звездою, принял поклонение волхвов. Конечно и в Риме есть церковь... Но самое величие города, его могущество и слава, надобность видеться и видеть, поздравлять и поздравляться, хвалить и бранить, слушать или говорить, видеть такое множество людей — очень далеки от тишины и покоя иноческого. Если видим приходящих, теряем молчание; если не видим, считают это за гордость. Отдавая визит за визит, переступаем гордый вход, под бранью слуг входим в золоченые двери».

«В городке Христовом сельская простота и молчание; их нарушают только звуки псалмов. Куда ни посмотришь, слышишь хвалы Богу. Поселянин за плугом поет: аллилуйя. Жнец, покрытый потом, оглашает себя псалмами, и виноградарь, обрезывающий лозу, издает звуки Давидовой песни. Псалмы — единственная песня в этой стороне; это любимая песня здесь; это и песнь пастуха, и песнь пахаря».

После живого, картинного описания страны Евстохия живо описывает воображаемое пребывание Маркеллы в святой земле.

«О! когда же ангел-путник принесет нам весть: наша Маркелла в гавани Палестинской! Когда лики иноков и инокинь суетливо будут готовиться к ее приему!... Вот наступает день, когда рука об руку вступаем в пещеру Спасителя, плачем на гробе Господа, плачем с сестрою, плачем с матерью; лобызаем крест; входим на Елеонскую гору и летим на крыльях духа вслед возносящегося Спасителя; видим Лазаря, обвернутого пеленами; видим реку Иордан, который так весел был при крещении Иисуса; посещаем пещеры пастухов и молимся в гробнице Давидовой[1]; видим пророка Амоса, как он на скале играет на пастушеской свирели. Спешим к Аврааму, Исааку и Иакову и к памятникам жен их[2]; видим поток, в котором Филипп крестил евнуха... Идем в Назарет

[1] 3 Цар. 11, 43; 25, 4; 2 Пар. 26, 23; 28, 27; 32, 33; Деян. 2, 29. Гробницы иудейских царей на Сионе в царском саду. Ныне известные царские гробницы, на расстоянии 90 шагов от Дамасских ворот, принадлежат Иродовой фамилии.

[2] Быт. 49, 51. О пещере Авраамовой довольно говорит Даниил, который замечает: «а Рахиль лежит у Вифлиома на пути» (Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в нач. XII в. / Изд. А. С. Норов. СПб., 1864 (далее — Путешествие игумена Даниила. —

и, по значению имени его, видим прекрасные цветы Галилеи[1]. Невдали отсюда встречаем Кану, где Спаситель претворил воду в вино[2]. Потом идем на Фавор и желаем видеть пребывание Спасителя не с Моисеем и Илиею, как Петр, а с Отцом и Святым Духом. Потом мы на Генисаретском озере и отселе в пустыне, где накормлены раз пять тысяч, в другой четыре тысячи четырьмя и семью хлебами. Идем далее и видим городок Наин, при воротах которого воскрешен сын вдовы; далее в виду гора Хеврон и поток Эндор, при котором побежден Сисара[3], еще Капернаум, избранное место чудес Христовых[4]. Теперь возвращаемся мы, сопровождаемые Христом, чрез Силом, Вефиль и другие места, где построены церкви, — победные знаки Иисуса, возвращаемся в свою пещеру. Кончив путешествие, мы будем часто плакать и еще чаще петь, молиться непрерывно и, уязвленные любовию к Иисусу, станем повторять: "Я нашла Его, Которого любит душа моя; я нашла Его и держу Его и никогда не отпущу Его" (см.: Песн. 3, 4)».

Маркелла была уже дряхла для дальних путешествий; но письмо к ней о Востоке, без сомнения, произвело в Риме сильные движения. Оно может принести пользу и тем жалким больным, которые больны сомнениями о Евангельской истории.

«И слово, и походка, и жизнь ее — училище добродетели», — писал Иероним к Лете о Евстохии, советуя отослать дочь к ее тетке[5]. Павла

Ред.)), а также Зосима (Книга глаголемая Ксенос, сиречь Странник диакона Зосима о пути иерусалимском до Цареграда и до Иерусалима // Сказания русского народа, собр. И. П. Сахаровым. СПб., 1849 (далее — Книга глаголемая Ксенос. — *Ред.*)).

[1] Путешествие игумена Даниила; *Joseph Franz Allioli.* Biblische Alterthümer. Landshut, 1825 (далее — *Allioli.* Biblische Alterthümer. — *Ред.*).

[2] Игум. Даниил полагал Кану Евангельскую в 9 верстах от Назарета. Норов думает, что Кана эль Джемиль есть Кана Иисуса Навина (Нав. 19, 28), расположенная в 2 часах пути от Назарета, а Евангельская Кана есть Кана-Кефр, находящаяся на расстоянии одного часа пути от Назарета (Путешествие игумена Даниила). Но Робинсон и старые западные паломники оправдывают Даниила (*Allioli.* Biblische Alterthümer).

[3] Наин в долине Езраелевой в 2 часах от Фавора на юго-запад от него; Эндор между Наином и Фавором. О Фаворе см.: Путешествие игумена Даниила; *Allioli.* Biblische Alterthümer.

[4] Мф. 9, 1; 17, 21; Лк. 2, 28; Мк. 2, 1. Капернаум, по частому пребыванию в нем Спасителя, называется Его городом. Кафар-Наум поселение Наумово, во время Иеронима город, в VII веке уже без стен, при Даниле — село, с XVI столетия — развалины (Путешествие игумена Даниила).

[5] *Hieronymus.* Ep. 107.

точно воспитывалась у тетки, когда еще жива была святая бабка Павла, и внучка языческого жреца была потом искреннею инокинею.

Когда в 404 году умерла святая Павла, потеря такой матери горько была оплакиваема дочерью. В утешение Евстохии Иероним красноречивым пером описал жизнь святой Павлы.

Евстохия теперь начальница общины, чем была мать. Надобно было заботиться о содержании обителей. Но было ли чем содержать? «Свидетель Иисус, — писал Иероним, — мать не оставила для дочери ни копейки; все роздано бедным; осталась только чужая медь, долги и множество братий и сестер. Содержать их трудно, а отсылать грешно. Но будь покойна, Евстохия: ты богата великим наследством, часть твоя — Господь»[1].

Только с надеждою на Господа Иисуса и управляла общиною Евстохия. Блаженный Иероним продолжал помогать ей советами, ободрял ее утешениями небесными. Он перевел для Вифлеемских обителей иноческие правила святого Пахомия. Толкования на пророков Иезекииля и Исайю посвятил Евстохии, которая под его руководством давно изучила еврейский язык. После молитвы изучение подлинного смысла Священного Писания было для Евстохии самым приятным и освежающим трудом. Современник Палладий писал: «Дочь блаженной Павлы, Евстохия, и ныне подвизается в Вифлееме; она, говорят, жена самая целомудренная и содержит общежитие 50 дев»[2].

В 416 году пелагиане, в бешенстве гнева на обличителя их Иеронима, ворвались в его монастырь, убили нескольких людей, в том числе диакона, ограбили и сожгли монастырь его; потом ворвались в монастырь Евстохии, ограбили, что могли захватить; инокини спаслись бегством, но вся прислуга была перебита остервенелыми. Блаженная Евстохия и младшая Павла писали в тоне весьма умеренном о постигшем их несчастии к патриарху Иннокентию; не называя по имени бунтовавших, они выставляли только беззащитное свое положение. Папа писал настойчивое требование к Иерусалимскому патриарху Иоанну — обуздать дерзости еретиков[3]. «Если ты не сделаешь того, то сам потребован будешь к церковному суду»[4]. Но Иоанн уже умер. Пе-

---

[1] *Hieronymus.* Ep. 108.

[2] *Палладий Еленопольский.* Лавсаик. Гл. 110.

[3] *Aurelius Augustinus.* De gestis Pelagii (CPL, N 348) // PL. 44.

[4] *Hieronymus Stridonensis.* Epistolae / Ed. Migne. Inter.

лагиане усмирены были по соборному определению патриархом Проилием[1]. В следующем 418 году страшное землетрясение навело ужас на всех в Палестине, — многие ожидали кончины мира[2]. Ряд скорбей приготовил подвижницу к переходу в блаженную вечность. Незадолго пред смертью глубокого старца-наставника, 28 сентября 419 года, почила преподобная Евстохия[3].

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ИРОДИОНА ИЛООЗЕРСКОГО

Преподобный Иродион был учеником преподобного Корнилия Комельского и им был пострижен в иночество. Под руководством великого подвижника ученик созрел в духовной жизни. По кончине наставника своего (1537 г.), когда многие из братии стали расходиться по пустыням, блаженный Иродион удалился в Белозерскую страну и сперва жил в убогой хижине на берегу озера Удро, где провел довольно времени в уединении. Потом, по внушению высшему, перешел на остров Илоозера, купил у крестьянина остров, издавна называвшийся Озадским, в 15 верстах от Белоозера, построил на нем келлии и храм

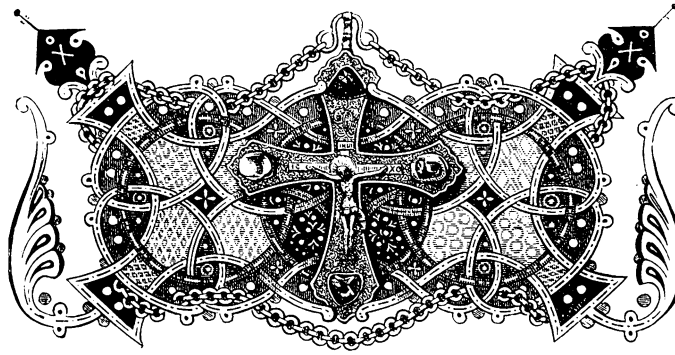
[1] Папа от 21 сентября 417 г. писал в Карфаген: «вот у нас послание Проилия, Иерусалимского епископа, поставленного на место Иоанна, который был когда-то защитником Пелагия на соборе, где председательствовал св. Феодот, епископ Антиохийский. Пелагий уличен обвинителями, и его выгнали из св. мест Иерусалимских». То же: *Marius Mercator.* Commonitorium super nomine Cælestii // PL. 48.

[2] *Муравьев А.Н.* Путешествие ко Святым местам в 1830 г.: В 2 ч. СПб., 1832. Ч. I.

[3] По Римскому мартирологу, сентября 28: «кончина св. Евстохии девы, дочери блаженной Павлы; она, воспитанная при яслях Господа с другими девами, сияла многими добродетелями и переселилась ко Господу». Усуардов умноженный мартиролог, сентября 28: «кончина девы Евстохии, дочери св. Павлы вдовицы; сколько уважал ее св. Иероним, показывают его к ней письма и к матери ее, равно и то, что называет он ее дорогим украшением девства и Церкви» (*Hieronymus Stridonensis.* Epistolae / Ed. Migne).

в честь Рождества Богоматери. Это было началом Илоозерской Озадской пустыни. Так как окрестные жители не имели приходских храмов, то они сходились в храм обители для молитв. Здесь же крестили детей их, отпевали усопших и венчали браки. По временам шумные собрания мирян тревожили преподобного, и он затворялся в своей келлии; но он терпел эти неудобства для нужд святой веры, а нарушавших благоговение лишал своего благословения, которым дорожили простые сердца. Преподобный изнурял тело свое постом, проводил ночи в молитве и каждую субботу приобщался Святых Таин. Ангел возвестил ему о близкой кончине его; приняв схиму и приобщившись Святых Таин, мирно почил он 28 сентября 1541 года и похоронен был в часовне, построенной им. Некто Софоний неблагововейно воткнул посох в могилу преподобного и внезапно ослеп; долго пробыв слепым, усердно молился он в часовне о прощении грехов своих; явившийся Иродион возвратил ему зрение; обрадованный Софоний велел написать икону преподобного в том виде, в каком явился он ему, и поставил ее в часовне. Инок Вассиан, иконописец, плыл по озеру в лодке. Поднялась страшная буря; отчаиваясь в жизни, Вассиан призывал на помощь блаженного Иродиона; на одной доске принесен он к берегу, и здесь явившийся ему Иродион сказал: «Вот ты и спасен, брат мой! иди — живи у старца Иродиона». В 1653 году, по благословению митрополита Никона, Белозерский архимандрит свидетельствовал чудеса, по временам совершавшиеся именем Иродиона. После того на месте часовни построен был каменный храм в честь Рождества Богородицы с приделом в честь преподобного Иродиона Илоозерского[1].

[1] Ркп. житие прп. Иродиона в импер. б-ке № 726. Ркп. святцы: «прп. Иродион пустынник, иже бысть на Иле озере, ученик прп. Корнилия, преставися в л. 7050 сентября 28 день» (*Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях).



День двадцать девятый

Преподобного КИРИАКА ОТШЕЛЬНИКА

Преподобный Кириак, коринфянин, сын священника, восемнадцати лет от роду (около 465 г.) тайно от родителей отправился в Иерусалим и, обойдя святые места, перезимовал в одном монастыре близ Сиона, а потом пошел в пустынную лавру преподобного Евфимия (20 января), который, испытав, постриг в иночество и послал на Иордан к преподобному Герасиму (4 марта). Герасим велел ему жить в общем монастыре на различных послушаниях. По смерти же преподобного Герасима (475 г.) Кириак возвратился в лавру преподобного Евфимия (умершего несколько прежде) и испросил у игумена Илии позволения жить в уединенной келье. Это было на двадцать седьмом году возраста его. Он имел собеседником только монаха Фому, совершенного житием, но и с тем скоро разлучился. Ибо посланный в Египет по монастырским делам, Фома был удержан Александрийским патриархом Тимофеем и посвящен во епископа Абиссинии.

Десять лет пробыл он в лавре и сделан был диаконом; затем, по случаю раздора между монахами, удалился в монастырь Сукийский (Ветхую Лавру), где, только после четырехлетнего искуса, допущен к диаконскому служению, а через три года после сего и пресвитерства удостоен. Пробыв тут тридцать лет, семидесятилетний Кириак удалился

на безмолвное житие в пустыню и провел там 15 лет. Затем возвратился в Сукийскую обитель и преставился тут, более 107 лет от роду, в 557 году.

Святой преподобной МАРИИ ПАЛЕСТИНСКОЙ

Была чтицею при храме Воскресения во Иерусалиме; злой дух уязвлял многих ее красотою. Узнав о сем, она отошла в пустыню, где прожила 18 лет, питаясь моченными бобами и водою, взятыми при отшествии ее в пустыню, но которые благодатью Божиею не истощались до ее кончины, последовавшей в 553 году. Подробно ее жизнь см. 7-го февраля, вместе с житием святой Мастридии и двух неизвестных по имени подвижниц.

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного КИПРИАНА УСТЮЖСКОГО

Во время Ростовского князя Константина Всеволодовича, так говорит Устюжский летописец, землевладелец Двинской трети и Устюжской волости, презрев прелести мира, принял на себя иноческий образ и назван Киприаном. Когда принял он иночество, граждане Великого Устюга убедили его устроить святую обитель иноческую близ города Устюга на удобном месте. Обойдя город, осмотрев места удобные для жития иноков, избрал он место при озерках, за Острожскою осыпью. Здесь

поставил он себе малую келийцу. С 1212 года инок Киприан начал строить обитель в честь Введения Богоматери во храм и Святого Архистратига Михаила. Граждане, видя богоугодную жизнь его, приносили нужное для устроения и содержания обители; а иные стали и жить вместе с ним. Он принимал всех с радостью и любовию, а примером жизни учил тому, как достигать спасения и избавиться вечных мук. Впоследствии отдал он обители все свое имущество, села, деревни, пахотную и сенокосную землю, которая была у него в Устюжской и во многих других волостях. С того времени святая обитель его стала распространяться и не имела ни в чем нужды. Преподобный отец Киприан признан был начальником святой обители и пастырем Христова стада. Так говорит летописец[1]. Поныне сохраняется в обители дикий камень — памятник подвигов преподобного: этот камень то служил ему возглавием, то держал он его в руке во время ночи, чтобы не давать себе сна и бодро молиться духом[2]. «В 1279 году сентября 29 дня, — продолжает летописец, — инок Киприан, начальник архангельского монастыря, скончался и погребен был в обители своей близ святых ворот. Впоследствии над гробом его построен храм Преполовения, и гроб его остался внутри церкви, за левым клиросом, у стены; над ним устроена гробница»[3].

По известию XVII века, в 1621 году один из монастырских слуг, возвращаясь из Верхотурья, под Пыскорским монастырем, неосторожно грыз корень какого-то растения, данный ему в виде лекарства, и от того сделался так болен желудком, что его, едва живого, с трудом могли довести до своего монастыря. Здесь он лежал больным целый год. Перепытав разные лекарства и не получив пользы, он обратился с усердною молитвою к преподобному Киприану, «обещался отслужить в часовне над гробом его панихиду и положить покров на гробницу». Лишь только окончена была панихида и положен был покров, больной Иоанн стал так здоров, как бы никогда и не был больным[4].

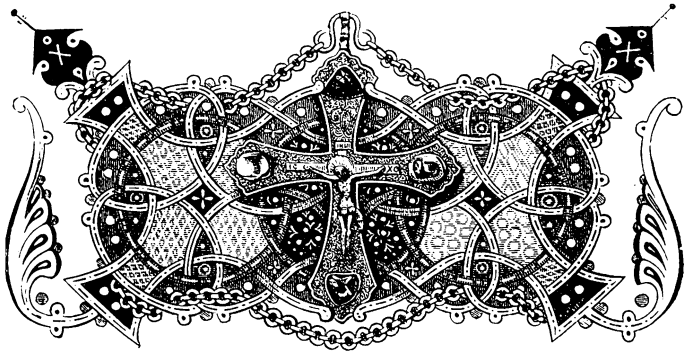
---

[1] *Савваитов П.* Описание Велико-Устюжского Архангельского и приписного к нему Троицкого Глединского монастырей. СПб., 1848 (далее — *Савваитов П.* Описание Велико-Устюжского Архангельского.... —*Ред.*).

[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. III, прим. 186.

[3] *Савваитов П.* Описание Велико-Устюжского Архангельского...; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

[4] *Савваитов П.* Описание Велико-Устюжского Архангельского... Святцы: «прп. Киприан, строитель Архангельского монастыря, иже на Устюге».



ПРИЛОЖЕНИЕ

4-ГО ЧИСЛА
Святитель ИОАСАФ, епископ Белгородский

Святитель Иоасаф родился в Прилуках, бывшей Полтавской губернии, 8 сентября 1705 года, на праздник Рождества Пресвятой Богородицы. При крещении назван Иоакимом. Он происходил из древнего благочестивого малороссийского рода Горленковых.

В 1712 году семилетнего Иоакима отец отдал в Киевскую духовную академию. В стенах академии он ощутил влечение к монашеской жизни. В течение семи лет испытывал себя будущий святитель и наконец открылся родителям. Долго мать с отцом упрашивали сына-первенца не принимать монашеский постриг. Но в 1725 году он тайно от них принял рясофор с именем Иларион в Киевском Межигорском монастыре, а 21 ноября 1727 года был пострижен в мантию с именем Иоасаф в Киево-Братском монастыре. Это событие совпало с завершением обучения в духовной академии. Через год инок Иоасаф был хиротонисан архиепископом Варлаамом (Вонатовичем) в сан иеродиакона. Его оставили преподавателем в Киевской духовной академии.

После смерти преосвященного Варлаама Киевской кафедрой стал управлять архиепископ Рафаил (Заборовский). Архиепископ Рафаил обратил внимание на выдающиеся способности молодого

подвижника и привлек его для более широкого служения Церкви. Ему было поручено ответственное послушание в должности экзаменатора при Киевской архиепископии. В ноябре 1734 года архиепископ Рафаил посвятил иеродиакона Иоасафа в сан иеромонаха и перевел из училищного Братского монастыря в Киево-Софийский архиерейский дом. Одновременно он был назначен членом Киевской духовной консистории.

Исполняя должность экзаменатора, он приложил много усилий к исправлению нравственных недостатков приходского духовенства. Консисторская должность святителя была прекрасной школой для его организаторских способностей. В это время он хорошо изучил нужды священнослужителей, достоинства и недостатки епархии. Здесь ясно определилась всесторонность деловых качеств Иоасафа, сочетающаяся с большими внутренними подвигами. Он быстро восходил по лестнице духовного совершенства, о чем свидетельствует сохранившееся его произведение «Брань седми честных добродетелей с седми грехами смертными».

24 июня 1737 года иеромонах Иоасаф был назначен настоятелем Свято-Преображенского Мгарского монастыря с возведением в сан игумена. В своем монастыре все силы игумен полагал на благоустройство обители, в прошлом бывшей оплотом Православия в борьбе с унией. В монастыре находились мощи святителя Афанасия, патриарха Константинопольского, Лубенского чудотворца (память 2 мая). Несколько раз патриарх Афанасий являлся игумену Иоасафу, свидетельствуя о своем покровительстве.

В 1744 году митрополит Рафаил возвел игумена Иоасафа в сан архимандрита. В конце того же года он был вызван в Москву и распоряжением Святейшего Синода назначен наместником Свято-Троицкой Лавры. В обители преподобного Сергия он так же самоотверженно исполнял послушания Церкви (в те годы требовалось много сил для восстановления монастыря после пожара).

2 июня 1748 года в Петропавловском соборе Петербурга архимандрит Иоасаф был хиротонисан во епископа Белгородского. Вступив на архиерейскую кафедру, святитель Иоасаф строго следил за благочестием и состоянием храмов, за правильностью совершения богослужения и особенно за нравственностью паствы. Особенно большое внимание святитель уделял образованию духовенства, правильному соблюдению ими устава и церковных традиций. Как и прежде, святитель Иоасаф все

силы отдавал архипастырскому служению, не щадя своего здоровья. Своему келейнику Стефану накануне преставления святитель запретил домогаться священного сана и предупредил, что в случае непослушания его постигнет безвременная кончина. Другому келейнику, Василию, святитель указал, что он будет диаконом, сана священника никогда не достигнет. И это предсказание впоследствии исполнилось. Почил святитель 10 декабря 1754 года. Прославление святителя Иоасафа в лике святых состоялось 4 сентября 1911 года.

Память святителю совершают дважды в год: 4 сентября — в день обретения мощей и 10 декабря — в день блаженной кончины.

11-ГО ЧИСЛА
Преподобный
СИЛУАН АФОНСКИЙ

Преподобный Силуан Афонский (мирское имя — Симеон) родился в 1866 году в селе Шовском Шовской волости Лебединского уезда Тамбовской губернии в благочестивой семье крестьянина Иоанна Антонова. Родители его были людьми трудолюбивыми, кроткими и от природы мудрыми, хотя и неграмотными. Большая и дружная семья, вспоминал впоследствии старец, жила бедно, однако нуждающимся в помощи никогда не отказывала, порой делясь с ними последним. Особенно радушно в семье принимали странников. Отец беседовал с ними о Боге и христианской жизни, и эти беседы производили сильное впечатление на восприимчивую душу отрока.

С детства Симеон трудился вместе со старшими, в меру сил помогая отцу в поле и братьям на строительных работах в помещичьем имении. По этой причине, видимо, он вынужден был оставить сельскую школу, проучившись в ней только «две зимы». Но стремление к знаниям (которое характеризовало его отца, «томившегося своей темнотой») было присуще преподобному всегда.

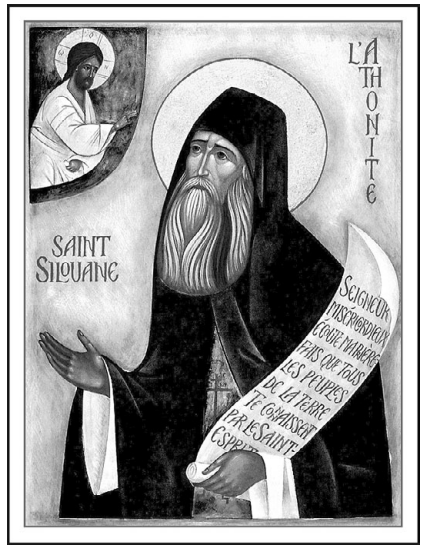
Жизнь набожной семьи Антоновых была неразрывно связана с храмом, посещение которого прививало Симеону с младенчества чувство благоговения перед словом Божиим, воспитывало его в духе христианского смирения и других добродетелей. В храме он постигал церковную грамоту, учился сосредоточенной молитве, внимал чтению «Житий святых». Спустя несколько лет юноша, возлюбив Господа всей душой, открыто пожелал удалиться в монастырь и принять постриг в Киево-Печерской Лавре. Его стремление, однако, не встретило поддержки у отца, который настоял на том, чтобы сын сначала поступил на воинскую службу и лишь после ее прохождения решил, кем ему быть.

Повинуясь родительскому слову, Симеон вернулся к своей обычной жизни. Было ему в ту пору девятнадцать лет. Благочестивое намерение вскоре оставило его, и он, подобно многим своим сверстникам, поддался соблазнам мира. Молодой, красивый, сильный, а к тому времени уже и зажиточный, он наслаждался жизнью и в шумной суете мира начал было забывать первый зов Божий к иноческому служению.

Но Господь уберег его от погружения в греховную пучину, вновь призвав уйти от мирской суеты и вступить на путь монашества. Произошло это, по свидетельству старца, при следующих обстоятельствах: однажды, вернувшись домой с гулянья, он задремал и в тонком сне, глядя на себя как бы со стороны, увидел, как в него проникает «злосмрадный змий». Почувствовав отвращение, он проснулся и в момент пробуждения услышал произнесенные Самой Пресвятой Богородицей слова: «Ты проглотил змия во сне, и тебе противно; так и Мне нехорошо смотреть на то, что ты делаешь».

Осознав свои грехи, юноша горячо раскаялся в них перед Господом и возблагодарил Божию Матерь за явленную к нему доброту. Это событие имело решающее значение для выбора дальнейшего пути. К нему вновь вернулось желание посвятить свою жизнь Богу.

Воинскую службу Симеон проходил в Санкт-Петербурге. Был он воином исполнительным, в поведении примерным, в отношениях с товарищами по службе верным, за что его любили сослуживцы. В армии с особой силой проявился дар его мудрого совета, следуя которому, многие обрели душевный покой и благополучие. Уйдя на службу с живой верой и глубоким покаянным чувством, Симеон никогда не забывал о Боге. К тому времени чудесным образом определилось и место его будущих монашеских подвигов — Святая Гора Афон, куда он был «от мрака греховного к свету Истины Христовой Самой Пречистой



Преподобный
СИЛУАН
АФОНСКИЙ

призван». Он часто думал об иноческой жизни и, желая хоть как-то помочь насельникам монастыря, несколько раз посылал на Афон накопленные им деньги. О внутреннем состоянии преподобного в тот период красноречиво свидетельствуют слова его сослуживцев: «А он умом на Афоне и на Страшном Суде».

Незадолго до окончания воинской службы Симеон решает испросить молитв и благословения отца Иоанна Кронштадтского — святого праведного Иоанна. Не застав его, он оставляет записку со словами: «Батюшка, хочу пойти в монахи; помолитесь, чтобы мир меня не задержал». В казарме он уже на следующий день почувствовал вокруг себя «адское пламя», которое «гудело» с тех пор не переставая повсюду, где бы он ни находился.

Много лет спустя в записках преподобного прочтут: «О великий отец Иоанн, молитвенник наш! Благодарю я Бога, что видел тебя, благодарю и тебя, пастырь добрый и святой, ибо ради твоих молитв я расстался с миром и пришел на Святую Гору Афонскую, где увидел великую милость от Бога».

Всего одну неделю Симеон пробыл дома. Собрав подарки для монастыря и необходимое в дорогу, он попрощался со всеми и отправился на Афон. Осенью 1892 года преподобный прибыл на Святую Гору и был принят послушником в Русский Пантелеимонов монастырь в пору расцвета этой обители.

Жизнь старца в монастыре была проста, доступна и внешне ничем не примечательна: сначала его послушанием была тяжелая работа на мельнице, на смену которой пришел хлопотливый труд эконома, заведование мастерскими, продовольственным складом, а на склоне лет — торговой лавкой.

Пройдя путь начальных иноческих испытаний, он в 1896 году был пострижен в мантию с именем Силуан, а в 1911 году — в схиму с оставлением прежнего имени.

Своих учеников преподобный не имел и в послушании у какого-либо определенного старца не находился. «Трудно жить без старца, — говорил он впоследствии. — Неопытная душа не разумеет воли Божией, и много скорбей перенесет она прежде, чем научится смирению». Сам он, подобно большинству монахов, воспитывался в атмосфере общей для иноков Афона духовной традиции, проводя, как того требовал многовековой уклад жизни в обители, дни в непрестанной Иисусовой молитве, длительных богослужениях в храме, постах и бдениях, частой

исповеди и причащении Святых Христовых Таин, чтении духовных книг и труде.

С первого и до последнего дня преподобный явил собой образ совершенного послушания; для него игумен, духовник и просто старший брат — добрые наставники. Если монахи и миряне, считал он, будут слушать духовников и пастырей своих без их осуждения, без возражения и без внутреннего сопротивления, то и они сами не лишатся спасения, и во всей Церкви будет полнота жизни.

Прожив сорок шесть лет в обители с общежительным уставом, подвижник никогда не стремился к уходу в затвор или к удалению в пустынь, считая, что без благоволения Божия они сами по себе являются лишь вспомогательными средствами, а не целью христианской жизни. В то же время он был далек и от мирских интересов. Постоянно находясь среди людей, старец хранил ум и сердце от посторонних помыслов, очищал их от страстей для молитвенного предстояния Богу, утверждая, что это самый короткий путь ко спасению. Он не искал мученичества, но всей своей жизнью повторил аскетический опыт отцов Церкви — известных подвижников благочестия. Каким был этот путь для преподобного?

По афонскому обычаю, новоначального послушника вводили в жизнь монастыря исповедью. Испытав в Таинстве Покаяния радость очищения и освобождения от тяготивших его грехов, Симеон, однако, сразу же подвергся нападению помыслов — о возвращении в мир и женитьбе. Сознание того, что он снова опечалил Божию Матерь, потрясло послушника, открыло ему, что и здесь, на Святой Горе, как казалось, в пристани спасения, возможны искушения и даже погибель. Отрезвленный своим духовным падением, он стал много и усердно молиться, прибегая преимущественно к Иисусовой молитве, которая вскоре вошла в его сердце и стала сама совершаться в нем непрестанно. Этот дар был получен преподобным от Пресвятой Богородицы по сокрушенной молитве перед Ее образом и явился прочной основой его духовной жизни.

Послушник Симеон продолжал подвиг бдения, поста и сердечной молитвы, но не покидала его и духовная борьба с новыми искушениями — тщеславием и гордостью. Они, не давая душе возможности «вступить на путь веры», то возносили Симеона «на Небо», вызывая в нем чувство якобы собственной непогрешимости — «Ты теперь святой», то низвергали долу, казалось, уже в вечную гибель, говоря ему:

«Ты не спасешься». Диавольские нападения все возрастали, привнося чувство богооставленности, доводя Симеона до отчаяния. И когда он посчитал, что «Бога умолить невозможно», Господь непостижимо явился послушнику во время вечерни в храме пророка Божия Илии и духом ввел его в Небесную обитель. В тот момент, по свидетельству старца, он всем своим существом почувствовал, как благодать «мученичества» наполнила его, и он познал Господа Духом Святым. С тех пор все происходящее в мире он рассматривал лишь в соотношении с опытом души, познавшей своего Творца. «Иное дело веровать в Бога, — говорил он, — и иное знать Бога».

Явление Господа Иисуса Христа принесло послушнику радость Пасхи, Воскресения, ощущение перехода от мрака духовной смерти к неизъяснимому свету жизни. Однажды познав Духом Святым Божественную любовь, он начинает несравненно глубже и острее переживать потерю благодати: «Кто потерял ее, тот неутомимо день и ночь ищет ее и влечется к ней. Она теряется нами за гордость и тщеславие, за неприязнь к брату, за осуждение брата, за зависть, она оставляет нас за блудную мысль, за пристрастие к земным вещам, за все сие уходит благодать, и опустошенная и унылая душа скучает тогда о Боге, как скучал отец наш Адам по изгнании из Рая».

Старец Силуан часто вспоминает иноческое служение преподобного Серафима Саровского, чудотворца, душа которого, познав Господа, неудержимо стремилась к новым подвигам ради стяжания благодати. «Познавшая Бога душа, — запишет преподобный Силуан позднее, — ничем не может удовлетвориться на земле, но все стремится ко Господу и кричит, как малое дитя, потерявшее мать: скучает душа моя по Тебе и слезно ищу Тебя».

Как обретается и удерживается благодать, почему и за что оставляет она душу верующего человека, — эти вопросы становятся важнейшими в жизни подвижника.

Постоянно пребывая в подвиге, он воздерживался во всем и от всего, что могло бы мешать стяжанию благодати: спал мало, урывками, до двух часов в сутки, сидя на табурете; не делал послаблений в посте и ограничивал себя в еде, советуя обращавшимся к нему «кушать столько, чтобы после принятия пищи хотелось молиться»; отсекал свою волю, считая, что это приносит «пользу большую» для души. Она тоскует, молится, плачет, пребывая в борьбе, чтобы удержать благодать, но Божественный свет, если и возвращается, то ненадолго, а затем,

как прежде, снова оставляет послушника. «За то страдаем мы, — пояснял старец, — что не имеем смирения. В смиренной душе живет Дух Святой, и Он дает душе свободу, мир, любовь, блаженство». Стяжать смиренный дух — «это великая наука, которую скоро не одолеешь».

Прошло 15 лет со дня явления преподобному Господа. Его ум вновь омрачается диавольскими нападениями и потерей мира души. Со временем эти страдания усиливаются мучительными бореньями с бесами, по ночам отрывавшими его от непрестанной внутренней молитвы. О том, какую душевную боль ему пришлось претерпеть при этом, подвижник говорил так впоследствии: «Если бы Господь не дал мне вначале познать, как много Он любит человека, то я и одной такой ночи не вынес бы, а их у меня было множество».

В одну из таких ночей, когда, несмотря на все старания, молитва не приходила к преподобному, он с сокрушением в сердце воззвал: «Господи, Ты видишь, что я хочу молиться Тебе чистым умом, но бесы не дают мне. Научи меня, что должен я делать, чтобы они не мешали мне?» «Гордые всегда так страдают от бесов», — был ему ответ. «Господи, научи меня, что должен я делать, чтобы смирилась моя душа?» И снова в сердце прозвучал ответ от Бога: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». По словам старца, Господь пожалел его и Сам научил, каким образом душа должна смиряться и становиться неприступной для врагов: при приближении греховных помыслов она признает себя достойной вечной муки и нисходит во ад, чтобы силою адского пламени выжечь в себе действие всякой страсти и с чистой молитвой обратиться к Господу, уповая на спасительное действие любви Христовой и тем самым избегая отчаяния. «И этим, — говорил преподобный, — побеждаются враги; а когда я умом выхожу из огня, то помыслы снова приобретают силу». Эта способность возобновлять в себе подлинное переживание адских страданий ради очищения души от страстей с тех пор не покидала его.

Дарованное Господом откровение явилось для монаха Силуана не только чрезвычайно важным практическим указанием, но и положило начало новому этапу в его духовной жизни. Постепенно в молитве подвижника начинает преобладать скорбь о мире, не ведающем Бога. Как объяснял старец, люди забыли Господа, сотворившего их, и ищут своей свободы, не понимая, что вне Бога, вне Истинного Источника жизни ее нет и быть не может. Свобода — только в Господе, Который по милости Своей дает прибегающим к Нему благодать Святого Духа.

В Нем, Святом Духе, в Его познании содержится освобождение от рабства греха и страха смерти.

Он учит любви Божией и дает душе силу жалеть даже идущих греховным путем. «Где нет любви к врагам и грешникам, там нет Духа Господня». Речь идет о врагах веры Христовой. Сам старец делил людей не на врагов и друзей, а на познавших Бога и не познавших Его.

Подлинно по-христиански спасти ближнего можно только любовью. В любви ко всем людям преподобный видел уподобление Господу Иисусу Христу, Который «руки распростер на Кресте», чтобы всех собрать. Любовь Христова не может претерпеть ничьей гибели и в своей заботе о спасении всех объемлет не только мир ныне живущих на земле, но и уже умерших и сошедших в самый ад. И если ликует и радуется душа при спасении людей, то столь же сильно плачет и молится она, видя обратное — их гибель.

«Молиться за людей — это кровь проливать», — говорил преподобный. И он жил страданиями всего мира, забывая самого себя, и не было конца его молитве, призывавшей все народы Земли познать Господа Духом Святым. По глубокому убеждению старца, если бы это совершилось и люди, оставив свои увлечения, всей душой устремились бы к Богу, то изменилось бы лицо Земли и судьбы всех людей и весь мир преобразились бы «в один час».

Вся жизнь его была сердечной молитвой «до великих слез», исключительно высоким подвигом любви к Господу. «Мир стоит молитвою, — утверждал преподобный, — а когда ослабнет молитва, тогда мир погибнет». В этой молитвенной устремленности он достиг такого внутреннего состояния, при котором провидел происходящее и прозревал будущее человека, открывая глубокие тайны его души и призывая всех вступить на путь спасительного покаяния. Непрестанная молитва не оставляла подвижника до последнего часа его земных странствий.

11 сентября 1938 года старец схимонах Силуан мирно скончался. Он явил своей подвижнической жизнью пример кротости, смирения и любви к ближним.

Спустя пятьдесят лет, в год празднования 1000-летия Крещения Руси, Священный Синод Константинопольской Православной Церкви причислил блаженного старца к лику святых.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II имя преподобного Силуана Афонского было внесено в месяцеслов Русской Православной Церкви под 11 сентября.

Однако задолго до официальной канонизации для поклонения честной главе преподобного, покоящейся в Покровском храме святогорской Пантелеимоновой обители, приезжало немало паломников с верой в его молитвенное предстательство перед Господом.

Врачуют души верующих и писания подвижника о сущности христианской жизни и монашеского делания, переведенные на многие языки и получившие большую известность за глубокую духовность и мудрость содержащегося в них слова. Его слово — простое и доброе, но чтобы следовать ему, необходимо вступить на путь самоотречения и всецелого послушания воле Божией, каким прошел и сам святой старец. Будучи нашим современником, сыном Российской земли и Церкви Русской, он свидетельствовал о спасительности евангельской истины, преподанной всем нам Господом нашим Иисусом Христом, о высоком значении учения Православной Церкви, подтверждая тем самым, что в мире преходящих ценностей неизменными и подлинно ценными для всех времен являются лишь нравственные, духовные основания жизни человека.

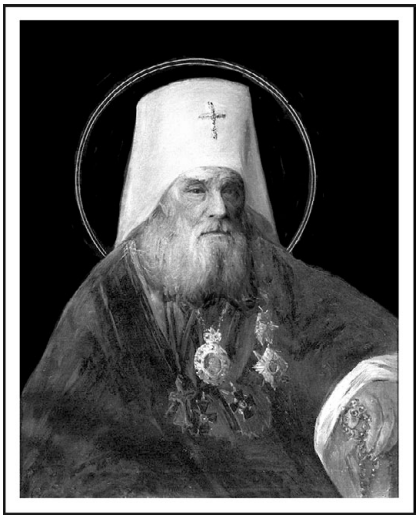
23-го числа

Святитель ИННОКЕНТИЙ, митрополит Московский и Коломенский

Святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский, просветитель Сибири и Америки, родился 26 августа 1797 года в селе Ангинском Иркутской епархии в семье бедного причетника. Во Святом Крещении он был назван Иоанном. По окончании Иркутской духовной семинарии в 1817 году юноша получил посвящение в сан диакона, а в 1821 году — во священника. Три года он проходил священнослужение в Благовещенском храме в Иркутске, проявив себя ревностным и усердным пастырем. В 1824 году будущий святитель, вместе с другими священнослужителями Иркутской епархии, получил

от епархиального начальства письменное приглашение на миссионерское служение на Алеутские острова. Вначале он отказался, но затем, вняв призыву Божию потрудиться на ниве духовного просвещения, дал свое согласие. Вместе с женой, тещей и детьми священник Иоанн Вениаминов отправился в семимесячное, весьма опасное путешествие из Иркутска на северо-восток. Шестнадцать лет провел священник Иоанн Вениаминов на Алеутских островах и на острове Ситхе. Он сумел овладеть алеутским языком и различными наречиями местных племен. Переплывая с острова на остров, часто подвергаясь смертельной опасности, претерпевая всякую нужду и лишения, неутомимый миссионер продолжал благовествовать веру Христову. Он крестил тысячи людей, перевел на алеутский язык Евангелие, катехизис и некоторые богослужебные книги. В редкие часы отдыха будущий святитель занимался метеорологическими наблюдениями, вел этнографические записи, описывал быт и нравы местных жителей. Эти труды были изданы в 1840 году в трех томах и назывались «Записки об островах Уналашкинского отдела». В 1833 году святитель Иннокентий написал на алеутском языке одно из лучших творений православного миссионерства — «Указание пути в Царствие Небесное».

В 1840 году священник Иоанн Вениаминов прибыл в Петербург, чтобы напечатать осуществленные им научные труды и переводы Священных Книг на алеутский язык. К этому времени он овдовел. По решению Святейшего Синода он был пострижен в монашество и принял рукоположение во епископа Камчатского и Алеутского. Еще 28 лет святитель Иннокентий трудился на огромных просторах Камчатки и Восточной Сибири, Амурского и Уссурийского краев, просвещая светом веры Христовой коряков и чукчей, тунгусов и якутов, ламут и юкагир, а также другие народности, не приобщенные к христианской культуре и цивилизации. Под непосредственным руководством и при ближайшем участии святителя Иннокентия были осуществлены переводы Евангелия и некоторых других Священных книг на якутский и тунгусский языки, составлены соответствующие словари и грамматика. В 1852 году Якутская область была отчислена к Камчатской епархии и город Якутск стал резиденцией святителя Иннокентия. Учитывая кочевой образ жизни якутов, он благословил устраивать в населенных пунктах небольшие часовни, а приходских священников снабдил переносными антиминсами, чтобы они могли почаще посещать эти часовни, а в случае необходимости совершать богослужения под



Святитель
ИННОКЕНТИЙ,
митрополит Московский
и Коломенский

открытым небом. В 1854 году во время нападения англичан (в связи с Крымской войной) на наши дальневосточные владения святитель Иннокентий отправился на Амур через Аян, захваченный англичанами, и вел с ними переговоры.

Известный русский писатель И.А. Гончаров, по завершении кругосветного путешествия на фрегате «Паллада», в сентябре — ноябре 1854 года находился в Якутске, где лично познакомился со святителем Иннокентием и был свидетелем его неустанных переводческих и архипастырских трудов. Он писал о святителе Иннокентии как о приветливом, общительном человеке, отличавшемся высоким трудолюбием, знавшем свой край, заботившемся о просвещении его жителей. И.А. Гончаров назвал святителя Иннокентия «величайшим патриотом». В 1857 году переводческий комитет, трудившийся под руководством святителя Иннокентия в Якутске, закончил свою деятельность. Под его редакцией вышли переводы на якутский язык всех книг Нового Завета (кроме Апокалипсиса); из Ветхого Завета были переведены книги Бытия и Псалтирь; из богослужебных книг — Служебник, Требник, Каноник, Часослов. К лету 1859 года в московской Синодальной типографии были изданы все эти переводы. 19 июля 1859 года святитель Иннокентий совершил первое богослужение на якутском языке. Миссионерские заботы архиепископа Иннокентия простирались и на более отдаленные народы, жившие по Амуру и даже за границей Китая, где оказывались люди, слышавшие христианскую проповедь и выражавшие желание креститься. Как человек, преданный своей Родине и близко принимавший к сердцу ее интересы и величие, архиепископ Иннокентий проявил большую заботу о благоприятном для России разрешении Амурского вопроса. Для этого он сам совершил путешествие по Амуру и составил подробную записку «Нечто об Амуре», в которой, на основании личных наблюдений и опросов, решает вопрос о необходимости Амура для России и о возможности как навигации по Амуру, так и заселения его берегов. В качестве миссионера архиепископ Иннокентий назначил в эти места своего сына, священника Гавриила Вениаминова.

9 мая 1858 года святитель Иннокентий вместе с Н.Н. Муравьевым прибыл в Усть-Зейскую станицу, заложил там храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Святитель Иннокентий на этом месте основал город Благовещенск. Он вдохновил Н.Н. Муравьева-Амурского на великие труды по укреплению и преобразованию дальневосточного края. По обоюдному согласию святителя Иннокентия

и Н.Н. Муравьева Благовещенск должен был стать главным городом всего Приамурья. В Благовещенск была перенесена кафедра святителя Иннокентия, и оттуда он решил начать проповедь Евангелия китайцам. Между тем Н.Н. Муравьев отправился в пограничный китайский город Айгун, где в ходе дипломатических переговоров был заключен исторический Айгунский договор, подтверждавший права русских на все течение Амура и Уссурийский край. Айгунский договор создал благоприятные условия для дальнейшего просвещения Приамурья. При посредстве Н.Н. Муравьева и русского комиссара в Китае вице-адмирала графа Е.В. Путятина с Китаем было заключено соглашение, по которому всем христианским миссионерам предоставлялась там полная свобода Евангельской проповеди. Тогда же в Камчатской епархии были открыты два викариатства — в Новоархангельске и Якутске.

Благодаря неослабным усилиям святителя Иннокентия в 1870 году была учреждена самостоятельная Якутская епархия. В это время святитель Иннокентий был уже митрополитом Московским и Коломенским (с 5 января 1868 года), непосредственным преемником святителя Филарета (Дроздова; память 19 ноября). Находясь на кафедре Московских святителей, он учредил Православное Миссионерское Общество, которое в течение девяти лет под его председательством достигло замечательных успехов. Много трудов положил святитель Иннокентий и на благоустройство вверенной ему Московской епархии, улучшение преподавания в духовно-учебных заведениях, облегчение нужд духовенства, благотворительность. «Он привлек к себе любовь не только духовенства, но и паствы своей добротой, доступностью, простотой обращения. Он явил в себе образ любвеобильного отца-пастыря и своим примером разрушил искусственные преграды, установившиеся между епископами и паствой... Он являлся наружно тем, чем был внутренне: прямым, честным, искренним, любвеобильным и благожелательным пастырем. По нравственному характеру он был человек дела и труда, на подвиг, на лишения и на терпение всегда готовый, к себе неумолимо строгий, неустанно деятельный».

Дважды (в 1860 и 1861 гг.) святитель Иннокентий встречался с Апостолом Японии — святителем Николаем (Касаткиным; память 3 февраля), которому передал свой духовный опыт.

Замечательный проповедник, святитель Иннокентий говорил: «Только тот, кто избыточествует верою и любовью, может иметь уста и премудрость, ей же не возмогут противиться сердца слушающих».

23 сентября 1977 года определением Священного Синода Русской Православной Церкви (в ответ на просьбу Священного Синода Православной Церкви в Америке от 8 мая 1974 года) митрополит Иннокентий, святитель Московский и апостол Америки и Сибири, был причислен к лику святых. Празднование его памяти установлено дважды в год: 31 марта — в день блаженной кончины († 1879) и 23 сентября — в день его прославления.

26-го числа

Святитель ТИХОН, патриарх Московский и всея Руси

Святитель Тихон родился 19 января 1865 года в семье сельского священника Торопецкого уезда Псковской губернии Иоанна Белавина. В миру он носил имя Василий. Детские и юношеские годы его прошли в деревне в непосредственном соприкосновении с крестьянством и близости к сельскому труду. С юных лет он отличался особой религиозной настроенностью, любовью к Церкви и редкой кротостью и смирением.

Никакого сильного покровительства он не имел и своим великим и славным служением всецело обязан помощи Божией, даровавшей ему мудрость и трудолюбие, восприняв которые, он предал всего себя воле Божией.

Годы учебы Василия прошли в Псковской духовной семинарии в 1878–1883 годах. Скромный семинарист отличался ласковым и привлекательным характером. Он был довольно высокого роста, белокурый. Товарищи любили его. К этой любви всегда присоединялось и чувство уважения, объяснявшееся его религиозностью, блестящими успехами в науках и всегдашней готовностью помочь товарищам, неизменно обращавшимся к нему за разъяснениями уроков, особенно за помощью в составлении и исправлении многочисленных в семинарии сочинений. В этом юный Василий находил для себя даже какое-то удовольствие, веселье и с постоянной шуткой, хотя наружно и с серьезным видом, целые

часы проводил с товарищами, поодиночке или группами внимавшими его объяснениям. Примечательно, что товарищи в семинарии шутливо называли его «архиереем». В Санкт-Петербургской духовной академии, куда поступил он в 19 лет, не принято было давать шутливые прозвища, но товарищи по курсу, очень любившие ласкового и спокойного религиозного молодого человека, называли его «патриархом». Впоследствии, когда он стал первым, после 217-летнего перерыва, Российским патриархом, его товарищи по академии не раз вспоминали это пророческое прозвище.

В детстве, когда Василий был еще малолетним, его отцу было откровение о каждом из его детей. Однажды он с тремя сыновьями спал на сеновале. Ночью вдруг проснулся и разбудил их. «Знаете, — заговорил он, — я сейчас видел свою покойную мать, которая предсказала мне скорую кончину, а затем, указывая на вас, прибавила: этот будет горюном всю жизнь, этот умрет в молодости, а этот — Василий — будет великим». Понял ли старец священник, что его сына будут на всех ектениях по всей России и даже по всему миру поминать «Великим господином»? Пророчество явившейся покойницы со всею точностью исполнилось на всех трех братьях.

В 1888 году Василий Белавин 23 лет от роду окончил академию и в светском звании получил назначение в родную Псковскую духовную семинарию преподавателем. И здесь он был любимцем не только всей семинарии, но и города Пскова. Жил он в патриархальном Пскове скромно, в мезонине деревянного домика, в тихом переулке близ церкви «Николы со Усохи».

Стремясь своей чистой душой к Богу, он вел строгую, целомудренную жизнь и на 26-м году жизни, в 1891 году, принял монашество. На его постриг собрался почти весь город. Опасались, выдержат ли полы тяжесть собравшегося народа, ибо церковь находилась на втором этаже семинарского здания, поэтому к дню пострига поставили подпорки к потолкам в нижнем этаже. Постригаемый сознательно и обдуманно вступал в новую жизнь, желая посвятить себя исключительно служению Церкви. Ему, с молодости отличавшемуся кротостью и смирением, было дано имя Тихон — в честь святителя Тихона Задонского.

Из Псковской семинарии иеромонаха Тихона перевели инспектором в Холмскую духовную семинарию, где он вскоре стал ее ректором в сане архимандрита. На 34-м году жизни, в 1898 году, архимандрит Тихон был возведен в сан епископа Люблинского с назначением его викарием Холмской епархии.

Епископ Тихон ревностно отдавался работе по устройству нового викариатства, а обаянием своего нравственного облика он приобрел всеобщую любовь не только русского населения, но и литовцев и поляков.

14 сентября 1898 года владыка Тихон был направлен для несения ответственного служения за океан, в далекую американскую епархию, в сане епископа Алеутского.

Возглавляя Православную Церковь в Америке, епископ Тихон многое сделал в великом деле распространения Православия, в благоустройстве своей огромной епархии. На ее территории жили люди разных национальностей: русские, сербы, украинцы и другие славяне, греки, арабы, креолы, индейцы, алеуты и эскимосы. Одни были из православных стран — России, Греции, Сербии, другие из стран Оттоманской или Австро-Венгерской империй, некоторые стали православными благодаря миссионерским усилиям на Североамериканском континенте — Аляске и Алеутских островах. Епископу столь разнообразной паствы необходимо было быть щедрым, гибким и иметь ко всем сердечное расположение.

22 мая 1901 года епископ Тихон освятил при закладке камень в фундамент Свято-Николаевского собора. Такая церемония состоялась в Нью-Йорке впервые. Примерно через год, в ноябре 1902 года, сирийские и русские приходы в Нью-Йорке имели уже настоящие дома молитвы: сирийский храм в Бруклине во имя Святителя Николая был освящен 9 ноября 1902 года; 23 ноября был освящен русский храм также во имя Святителя Николая, архиепископа Мирликийского, чудотворца. Строительство храма Пресвятой Троицы в Чикаго заняло меньше года — с апреля 1902 года по март 1903 года.

Одновременно с заботой о строительстве церквей епископ Тихон осуществляет пастырские поездки по своей епархии. Епархиальный журнал «Вестник» тех лет давал ежемесячную хронику его постоянных и трудных визитов на Аляску, на Алеутские острова, в Канаду и в разные части Соединенных Штатов. Каждое пастырское посещение занимало определенное время: нужно было проверить приходские счета, рассмотреть проекты строительства, проверить школьников, встретиться с духовенством, прочитать письма и другие бумаги. Епископ Тихон посещал самые разные общины. Хорошо известно, что в те годы, когда он управлял Североамериканской епархией, с Православной Церковью воссоединилось множество униатов.

При своих пастырских поездках епископ Тихон пришел к выводу о необходимости переименования епархии. В качестве показателя миссионерских корней епархиальный архиерей назывался епископом Алеутским и Аляскинским, хотя кафедра с 1868 года была в Сан-Франциско. Просьба епископа Тихона состояла в том, чтобы епархия называлась Алеутской и Североамериканской. Святейший Синод счел его доводы состоятельными и в 1900 году принял по ним положительное решение.

В июне 1903 года епископ Тихон отправился в Россию на сессию Святейшего Синода. Тогда и было получено разрешение осуществить некоторые планы и проекты. «Вестник» от 15 сентября 1903 года опубликовал письмо епископа Тихона о Североамериканской семинарии.

12 декабря 1903 года Святейший Синод принял решение о создании Аляскинского викариатства в Североамериканской епархии. Викарным епископом был назначен Преосвященный Иннокентий (Пустынский).

Епископ Тихон возвратился в Нью-Йорк 24 января 1904 года. Вскоре Святейший Синод сообщил епископу Тихону об удовлетворении его просьбы о возведении архимандрита Рафаила в сан епископа Бруклинского, второго викария. Хиротония состоялась в сирийском храме Святителя Николая в Бруклине 12 марта. Храм был полон верующими. Архимандрит Рафаил прочитал Символ веры частично на славянском и частично на арабском языках.

19 мая 1905 года Епископ Тихон был возведен в сан архиепископа.

В документе, написанном архиепископом Тихоном в декабре 1905 года, он высказывался о возможности рассмотрения вопроса об автокефалии. Сербскую миссию он предложил сделать викариатством с центром в Чикаго. Греческие общины, писал он, должны быть организованы так же, как Сирийская и Сербская миссии. Он усматривал необходимость автономии и независимости только в вопросах, влияющих на внутреннюю жизнь или структуру каждой национальной епархии или викариатства, и подчеркивал также необходимость согласованных общих решений, выработанных епископами на заседаниях под председательством архиепископа в вопросах, касающихся всех.

Как епископу миссионерской епархии, распростершейся по всему континенту, епархии с многонациональной паствой, владыке Тихону приходилось думать о создании таких учреждений, которые помогли бы Церкви в Америке стать самостоятельной. Существовала очевидная необходимость в школе. Условия, в которых совершались пастырские

труды в Северной Америке, весьма отличались от условий в России. Большинство служивших в миссии священников прибыли из-за границы, где они и получили свое образование. Такая зависимость от помощи извне была для епархии нежелательной. В 1905–1906 учебном году Миссионерская школа в Миннеаполисе (штат Миннесота) была преобразована в семинарию. В 1913 году она была переведена в Танальфи (штат Нью-Джерси). В семинарии было воспитано два поколения священников для Церкви в Америке.

Становящаяся все более самостоятельной Церковь нуждалась также и в монастыре. В июне 1905 года архиепископ Тихон дал благословение иеромонаху Арсению (Чаузову) на создание монастыря близ Саут-Канаана в Пенсильвании. К моменту перевода архиепископа Тихона в Ярославль Свято-Тихоновский монастырь был уже освящен и насчитывал пять насельников.

С самого начала своего служения в Америке архиепископ Тихон при малейшей возможности созывал епархиальное духовенство для обсуждения проблем жизни миссии.

На последней сессии Собора рассматривались богослужебные вопросы. Эта дискуссия была вызвана расхождениями в совершении обрядов и служб в разных приходах. Некоторые выступали за единообразие, но Собор согласился с мнением архиепископа Тихона о том, что различия совершенно естественны, поскольку Православие в Америке возникло благодаря выходцам из разных стран, и что священник должен объяснить прихожанам разницу между главным и второстепенным. Если расхождения не затрагивают сути веры, они приемлемы.

В Америке, как и в предыдущих местах службы, архиепископ Тихон снискал себе такую всеобщую любовь и преданность, что американцы избрали архиепископа Тихона почетным гражданином Соединенных Штатов.

В 1907 году он был назначен на Ярославскую кафедру. Одним из первых его распоряжений по епархии было категорическое запрещение духовенству при личных обращениях к архиерею класть вошедшие в обычай земные поклоны. В Ярославле святитель быстро приобрел любовь своей паствы, оценившей его светлую душу и теплую заботу о всех пасомых. Его полюбили как доступного в общении, разумного и ласкового архипастыря, охотно откликавшегося на все приглашения служить в многочисленных храмах Ярославля, в его древних монастырях и приходских церквах обширной епархии. Часто посещал он церкви без всякой пышности, ходил

пешком, что в ту пору было необычным делом для русских архиереев. А при посещении церквей вникал во все подробности церковной обстановки, поднимался иногда на колокольню, к удивлению батюшек, не привыкших к такой простоте архиереев. Но это удивление скоро сменялось искренней любовью, поскольку он разговаривал с подчиненными просто, без всякого следа начальственного тона. Даже замечания обыкновенно делались добродушно, иногда и с шуткой, которая еще более располагала виновного устранить замеченную неисправность.

Владыка Тихон оказывал неизменную поддержку тем церковным кругам, которые боролись за правду и церковную свободу. На этой почве у него произошло столкновение с ярославским губернатором, вследствие которого он 22 декабря 1913 года был переведен на Литовскую кафедру. Верующие Ярославля приняли сторону архипастыря и выразили ему сочувствие, избрав его почетным гражданином своего города.

После перевода в Вильну он сделал особенно много пожертвований в различные благотворительные учреждения. Здесь также выявлялась его натура, богатая духом любви к людям. В Вильне от православного архиепископа требовалось много такта. Нужно было регулировать отношения между местными властями и православными жителями края. Для любящего во всем простоту архиепископа Тихона труднее всего было поддерживать внешний престиж духовного главы господствующей Церкви в крае, где высоко ценилась пышность во всем. Простой и скромный Владыка не оправдывал требований ревнителей внешнего блеска, хотя в церковном служении он не уклонялся, конечно, от подобающего церковного великолепия. Он часто ездил из Вильны на свою архиерейскую дачу в простой коляске и в дорожной скуфейке, но все, кто его встречал и узнавал: русские, поляки, евреи — низко ему кланялись. Во время прогулки по «кальварии» — так назывался ряд католических часовен вокруг архиерейской дачи, посвященных разным стадиям крестного пути Христа на Голгофу, — перед архиепископом вставали и его приветствовали католики, служившие при часовне, хотя он был в подряснике и шляпе.

Здесь, в Вильне, преосвященного застало в 1914 году объявление войны. Его епархия оказалась в сфере военных действий, а затем через нее прошел и фронт, отрезавший часть епархии от России. Преосвященному пришлось покинуть Вильну. Сначала он поселился в Москве, куда перешли многие виленские учреждения, а потом в местечке Дисне, на окраине своей епархии. Во всех организациях, так или иначе помогавших пострадавшим на войне, обслуживавших духовные нужды

воинов, преосвященный Тихон принимал деятельное участие, посещал и болящих, и страждущих, побывал даже на передовых позициях, под неприятельским обстрелом, за что позднее он был награжден орденом.

Для преосвященного владыки Тихона, верного своему архиерейскому долгу, Церковь и ее интересы всегда были дороже всего. Он противился любым посягательствам государства на Церковь. Это, конечно, влияло на отношение к нему правительства. Именно поэтому он довольно редко вызывался в столицу для присутствия в Святейшем Синоде. Когда же произошла февральская революция и был сформирован новый Синод, архиепископа Тихона пригласили в число его членов. 21 июня 1917 года Московский епархиальный съезд духовенства и мирян избрал его своим правящим архиереем, как ревностного и просвещенного архипастыря, широко известного даже за пределами своей страны.

Москва торжественно и радостно встретила своего избранника-архипастыря. Он скоро пришелся по душе москвичам, и духовным и светским. Для всех у него находился равный прием и ласковое слово, никому не отказывал он в совете, в помощи, в благословении. Владыка охотно принимал приглашения служить в приходских церквах. Церковные причты начали наперебой приглашать его на служение в престольные праздники, и отказа никому не было. После службы архипастырь охотно заходил и в дома прихожан, к их великой радости. Вся Москва за короткое время узнала своего архиерея и полюбила его.

15 августа 1917 года в Москве открылся Поместный Собор, и Тихон, архиепископ Московский, был удостоен сана митрополита, а затем был избран председателем Собора. Много мудрости и такта требовало от него руководство Собором. Надо было примирять и направлять в единое правильное русло на благо Церкви противоречащие друг другу взгляды его членов, разного рода течения соборных групп.

Собор ставил своей целью восстановить жизнь Русской Церкви на строго канонических началах, и первой большой и важной задачей, остро вставшей перед Собором, был вопрос о Патриаршестве.

«Почему необходимо восстановить Патриаршество? — спрашивал Собор в своей исчерпывающей, блестящей речи архимандрит, позднее архиепископ священномученик Иларион (Троицкий). — Потому что Патриаршество есть основной закон высшего управления каждой Поместной Церкви». Церковное законодательство в лице апостольских правил совершенно недвусмысленно требует: «Епископам всякого народа — в том числе и русского, разумеется, —подобает знать первого из

них и признавать его как Главу... Вся Вселенская Христова Церковь до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без Первоиерарха».

На Соборе все тревожились о судьбе московских святынь, подвергавшихся обстрелу во время революционных событий. И вот первым спешит в Кремль, как только доступ туда оказался возможным, митрополит Тихон во главе небольшой группы членов Собора.

Приступили к выборам патриарха. Решено было голосованием всех членов Собора избрать трех кандидатов, а затем предоставить воле Божией посредством жребия указать избранника. Свободным голосованием членов Собора на Патриарший престол были избраны три кандидата: архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) и митрополит Московский Тихон.

Перед Владимирской иконой Божией Матери, перенесенной из Успенского собора в храм Христа Спасителя, после Божественной литургии и молебна 5 ноября схиигуменом Зосимовой пустыни Алексий, член Собора, благоговейно вынул из ковчежца один из трех жребиев с именем кандидата, и митрополит Киевский Владимир провозгласил имя избранника — митрополита Тихона. Когда торжественная депутация членов Собора во главе с высшим духовенством явилась в церковь Троицкого подворья в Москве для «благовестия» о Божием избрании и для поздравления вновь избранного патриарха, святитель Тихон обратился к соборному посольству с кратким словом.

«Ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: *плач и стон и горе* и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (см.: Иез. 2, 10; 3, 1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжелую годину! Отныне на меня возлагается попечение о всех церквах Российских и предстоит умирание за них, во вся дни».

Великое церковное торжество происходило в Успенском соборе 21 ноября 1917 года. За Литургией два первенствующих митрополита при пении «аксиос» трижды возвели Божия избранника на патриарший трон и облачили его в подобающие его сану священные одежды.

Когда митрополит Владимир вручил ему с приветственным словом жезл святителя Петра, митрополита Московского, святейший патриарх ответил исполненной глубины прозрения речью:

«Патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку Илии явился Господь не в буре, не в трусе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укоры: «Господи, сыны Российские оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, стреляли по храмовым и кремлевским святыням, избивали священников Твоих», — слышится тихое веяние словес Твоих: «Еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным Ваалом и не изменили Богу истинному» (см.: 3 Цар. 19, 14 и 18). И Господь как бы говорит мне так: «Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на погибель, на заклание, овец, поистине жалких. Паси их, и для сего возьми сей жезл благоволения. С ним потерявшуюся — отыщи, угнанную — возврати, пораженную — перевяжи, больную — укрепи, разжиревшую и буйную — истреби, паси их по правде Сам Пастыреначальник, молитвами Пресвятыя Богородицы и святителей Московских. Бог да благословит всех нас благодатию Своею. Аминь».

После Литургии патриарх, по древнему обычаю, с крестным ходом обошел вокруг Кремля, окропляя его святой водой.

Патриарх Тихон не изменился, остался таким же доступным, простым, ласковым человеком, когда стал во главе русских иерархов. Но мягкость в обращении Святейшего Тихона не мешала ему быть непреклонно твердым в делах церковных, где было нужно, особенно в защите Церкви от ее врагов.

Своей жизнью он явил редкий нравственный облик христианина-монаха, отличаясь глубокой религиозной настроенностью, духом целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви. Святейший Тихон воистину благодатная личность, человек живший для Бога и Богом просветленный.

«Молитвенник народный, старец всея Руси», — называли патриарха пасомые.

Все соприкасавшиеся со Святейшим Тихоном поражались его удивительной доступности, простоте и скромности. Многие нечуткие или недальновидные люди не понимали его, злоупотребляли этими сторонами его души, готовы были видеть в нем «просто симпатичного человека», а между тем здесь-то и проявляется истинная святость. Широкую

доступность Святейшего нисколько не ограничивал его высокий сан. Двери его дома всегда были для всех открыты, как открыто было каждому его сердце — ласковое, отзывчивое, любвеобильное. Будучи необыкновенно простым и скромным как в личной жизни, так и в своем первосвятительском служении, святейший патриарх не терпел и не делал ничего внешнего, показного. Он являл собой пример великого благородства.

Огромные задачи стали перед Святейшим Тихоном. Ему была вверена многомиллионная, необозримая по территории Русская Православная Церковь со всеми ее духовными и материальными ценностями. Вот почему в сознании своей великой ответственности он всегда, по завету Христа, Божие отдавал только Богу.

Тяжел был его крест. Руководить Церковью ему пришлось среди всеобщей церковной разрухи, без вспомогательных органов управления, в обстановке внутренних расколов и потрясений, вызванных всевозможными «живоцерковниками», «обновленцами», «автокефалистами». «Тяжелое время переживает наша Церковь», — писал в июле 1923 года Святейший.

В период церковного безвременья его имя было светлой лампадой, указывающей путь к истине Православия. Своими посланиями он звал народ к исполнению заповедей Христовой веры, к духовному возрождению через покаяние. А его безукоризненная жизнь была примером для всех. Нельзя без волнения читать призыв к покаянию патриарха, обращенный им к народу пред Успенским постом.

«Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета. Где же причина? Вопросите вашу православную совесть. Грех... — вот корень... болезни. Грех растлил нашу землю... Грех, тяжкий нераскаянный грех вызвал сатану из бездны. О, кто даст очам нашим источники слез?! Где ты, некогда могучий и державный русский народ? Неужели ты не возродишься духовно?.. Неужели Господь навсегда закрыл для тебя источники жизни, погасил твои творческие силы, чтобы посечь тебя, как бесплодную смоковницу? О, да не будет сего! Плачьте же, дорогие братья и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о великих грехах вашего Отечества, пока оно не погибло до конца. Плачьте о самих себе и о тех, кто, по ожесточению сердца, не имеет благодати слез».

Ни один воскресный или праздничный день не проходил, чтобы Святейший не служил в московских храмах или окрестностях Москвы. Выезжал он либо в карете, пока было можно, либо в открытом экипаже,

а перед ним обычно ехал иподиакон в стихаре с высоким крестом в руках. Народ благоговейно останавливался и снимал шапки. По-прежнему храмы эти даже в будние дни во время служения бывали переполнены. В уездных городах Московской губернии стечение народа было огромное, встреча и проводы патриарха — очень торжественные. Рабочие везде покидали работу, и все светские и промышленные учреждения не работали в течение всего пребывания патриарха в городах.

Патриарх ездил в Богородск, промышленный город Московской губернии, а позже — в Ярославль и в Петроград.

В жизни святейшего патриарха пребывание его в Петрограде было одним из радостных событий. От вокзала до Александро-Невской Лавры по Старо-Невскому проспекту были выстроены крестные ходы и депутации от приходов. Все бросались к экипажу, плакали, становились на колени. Патриарх, благословляя всех, стоял в коляске до самой Лавры. Здесь его ожидали викарии епархии Преосвященные епископы Нарвский Геннадий, Ямбургский Анастасий и Ладожский Мелхиседек, около двухсот священников и более шестидесяти диаконов в облачениях. После молебна в переполненном соборе патриарх обратился с речью о стоянии за веру до смерти.

Дни пребывания патриарха в Петрограде были днями настоящего всеобщего ликования; даже на улицах чувствовалось необычайное оживление. Самыми торжественными моментами были его службы в соборах Исаакиевском, Казанском и в лаврском. В Исаакиевском соборе при встрече патриарха пел хор из шестидесяти диаконов в облачениях, так как соборный хор пришлось распустить из-за отсутствия средств. Сослужили патриарху митрополит, три викария, восемнадцать протоиереев и десять протодиаконов. На праздник Вознесения в Казанском соборе после Литургии был совершен крестный ход. На последней торжественной службе в Лавре был хиротонисан во епископа Охтенского единоверческий архимандрит Симон, принявший потом мученическую смерть. Святейший ездил в Иоанновский монастырь на Карповке и служил панихиду на могиле отца Иоанна Кронштадтского. Он посетил также и Кронштадт.

В церковном служении патриарх Тихон соблюдал ту же простоту, какой он отличался в частной жизни: не было у него грубости по отношению к служащим, тех громких окриков и суетливости, какими иногда сопровождается торжественная служба. Если нужно было сделать какие-либо распоряжения, они отдавались тихо и вежливо, а замечания

делались исключительно после службы и всегда в самом мягком тоне. Да и мало их приходилось делать: служащие проникались тихим молитвенным настроением патриарха. Торжественное его служение со множеством архиереев и клириков, многолюдные крестные ходы всегда совершались чинно, с особым религиозным подъемом.

В Москве патриарх жил в прежнем помещении московских архиереев, на Троицком подворье Сергиевой Лавры, «у Троицы на Самотеке». Этот скромный, хотя и просторный дом имел крестовую церковь, где монахи Сергиевой Лавры ежедневно совершали положенное по Уставу богослужение. Рядом с алтарем помещалась небольшая молельня, уставленная иконами; в ней патриарх и молился во время богослужения, когда не служил сам. Дом был окружен небольшим садиком, где патриарх любил гулять, насколько позволяли дела. Здесь часто к нему присоединялись и гости, и близко знакомые посетители. Уютный садик, забором отделенный от соседних дворов, но соседские детишки взбирались иногда на высокий забор, и тогда патриарх ласково оделял их яблоками, конфетами. Стол патриарха был очень скромный: черный хлеб подавался по порциям, часто со жмыхом, картофель без масла.

Для Церкви начались трудные времена: отбиралось церковное имущество, разграблялись храмы, осквернялись святыни, преследовалось и массово истреблялось духовенство. Со всех концов России приходили к патриарху известия об этом.

Для спасения тысяч жизней и улучшения общего положения Церкви патриарх принял меры к ограждению священнослужителей от чисто политических выступлений. 25 сентября 1919 года, уже в разгар гражданской войны, он издал Послание с требованием к духовенству не вступать в политическую борьбу.

Отсутствие враждебности к существующей государственной власти и призыв к гражданской лояльности стали свойственны посланиям патриарха задолго до того, как стало ясно, что большевики победят в гражданской войне. Осенью 1919 года патриарх Тихон, обращаясь к русскому духовенству, писал: «Памятуйте же, архипастыри и отцы, и канонические правила, и заветы святых апостолов: блюдите себя от творящих распри и раздоры, уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, повинуйтесь вашему человеческому начальству в делах внешних (см.: 1 Пет. 2, 13–14), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию,

ибо Богу, по апостольскому наставлению, должны повиноваться более, чем людям (см.: Деян. 4, 19; Гал. 1, 10)». Таким образом, патриарх Тихон в этот решающий момент войны выразил верность принципу невмешательства Церкви в политическую борьбу при сохранении своей внутренней свободы.

Патриарх отказался от участия в политической борьбе. Когда отъезжающий в добровольческую армию просил тайного благословения вождям белого движения, патриарх твердо заявил, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избегнуть упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику.

На основании циркуляра Народного Комиссариата юстиции от 25 августа 1920 года власти на местах «проводили полную ликвидацию мощей». Такие действия еще ранее в обращении святейшего патриарха в Совнарком были квалифицированы как нарушение Декрета об отделении Церкви от государства.

Летом 1921 года разразился голод в Поволжье. Патриарх организовал Комитет помощи голодающим, открытие которого 1 августа 1921 года ознаменовалось патриаршим богослужением в храме Христа Спасителя при огромном стечении духовенства и народа. После молебна было прочитано патриаршее воззвание о помощи голодающим, обращенное к Православной России и ко всем народам земли. Комитет, возглавляемый патриархом, собрал большие средства и сделал очень много для голодающих. В Послании патриарх Тихон благословил добровольное пожертвование церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления, рекомендуя контроль над их использованием. Однако позднее, по постановлению ВЦИК от 23 февраля 1922 года, изъятию подлежали все драгоценные предметы. Таким образом, речь шла об изъятии предметов, имеющих сакральный характер в Православной Церкви, что по церковным канонам всегда рассматривалось как святотатство (73-е апостольское правило). Патриарх не мог одобрить такого полного изъятия, тем более что у многих возникли сомнения в том, что все ценности пойдут на борьбу с голодом. На местах насильственное изъятие вызвало повсеместное народное возмущение. По России прошло до двух тысяч процессов и расстреляно было более десяти тысяч верующих. В связи с делом об изъятии церковных ценностей 31 июля 1922 г. были расстреляны митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), архимандрит Сергий, мученики Юрий и Иоанн (память

31 июля). Послание патриарха расценивалось как саботаж, в связи с чем он находился в заключении с апреля 1922 года по июнь 1923 года.

По делу над группой московских священников об изъятии церковных ценностей сам патриарх неоднократно вызывался в суд в качестве главного свидетеля.

Как вспоминает очевидец допроса патриарха и поведения обвиняемых и слушателей, «когда в дверях зала показалась величавая фигура в черном облачении, сопровождаемая двумя конвойными, все невольно встали. Все головы низко склонились в глубоком почтительном поклоне. Святейший патриарх спокойно-величаво осенил крестом подсудимых и, повернувшись к судьям, прямой, величественно строгий, опершись на посох, стал ждать допроса.

— Вы приказывали читать всенародно Ваше воззвание, призывая народ к неповиновению властям? — спросил председатель.

Патриарх отвечал спокойно:

— Власти хорошо знают, что в моем воззвании нет призыва к сопротивлению властям, а лишь призыв сохранить свои святыни и во имя сохранения их просить власть дозволить уплатить деньгами их стоимость, и, оказывая тем помощь голодным братьям, сохранить у себя свои святыни.

— А вот этот призыв будет стоить жизни вашим покорным рабам, — и председатель указал на скамьи подсудимых.

Благостно-любящим взором окинул старец служителей алтаря, ясно и твердо сказал:

— Я всегда говорил и продолжаю говорить как следственной власти, так и всему народу, что во всем виноват я один, а это лишь моя Христова армия, послушно исполняющая веления ей Богом посланного главы. Но если нужна искупительная жертва, нужна смерть невинных овец стада Христова...

Тут голос патриарха возвысился, стал слышен во всех углах громадного зала, и сам он как будто вырос, когда, обращаясь к подсудимым, поднял руку и благословил их, громко, отчетливо произнося:

— Благословляю верных рабов Господа Иисуса Христа на муки и смерть за Него.

Подсудимые опустились на колени... Допрос патриарха был окончен... Заседание в этот вечер более не продолжалось...»

Благодатная сила благословения Святейшего видна из последующих событий.

«На рассвете 25 апреля 1922 года был вынесен приговор: 18 человек — к расстрелу, остальные — к различным срокам каторги. На предложение председателя просить высшую власть о помиловании было отвечено горячей речью протоиерея Заозерского и отказом от лица всех приговоренных... Только вздох пронесся по залу при объявлении приговора. Ни стона... ни плача... Приносилась великая искупительная жертва за грехи русского народа, и безмолвно разошелся народ. Было уже светло, солнце всходило, когда раскрылись тяжелые двери суда и приговоренные "смертники", окруженные лесом штыков, показались на площади... Шли с непокрытыми головами, со скрещенными на груди руками, со взором, поднятым высоко к Небу, туда, где ждет их Благостный Искупитель мира, где все прощено, все забыто, где нет ни страданий, ни зла. И громко, ликующе лилась их песнь: "Христос воскресе из мертвых..."»

На долю патриарха Тихона выпало возглавление Русской Православной Церкви во время ее перехода к новой, самостоятельной жизни в условиях нового государственного строя. Этот переход, сопровождавшийся открытым столкновением двух противоположных мировоззрений (религиозного и атеистического), был крайне тяжелым и кровавым. И если бы не умиротворяющие свойства души Святейшего, его кротость, добродушие и мудрость, этот переход, конечно, был бы еще острее.

Патриарх рассказывал, что, находясь в заключении, читал газеты и с каждым днем все более скорбел о том, что обновленцы захватывают Церковь в свои руки. Кроме того, у него утвердилось понимание, что наконец появился «новый» закон, революционный хаос кончился, что пред ним находится настоящая государственная власть, с которой следует искать возможные пути к нормальным взаимоотношениям. Тем, кто не понимал его поступка и соблазнился им, он говорил: «Пусть погибнет мое имя в истории, только бы Церкви была польза...» Англиканскому епископу Бюри, который также просил объяснений, патриарх напомнил слова апостола Павла: *Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас* (Флп. 1, 23–24). Он добавил, что лично с радостью принял бы мученическую смерть, но судьба остающейся Православной Церкви лежит на его ответственности.

Но еще за несколько лет до ареста патриарх ясно заявил в воззвании от 25 сентября 1919 года: «Установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя

ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение».

Постоянной заботой святейшего патриарха было выхлопотать для Русской Православной Церкви регистрацию, а вместе с нею и возможность легального существования в пределах СССР. Как писал об этом позднее митрополит Сергий (Страгородский, 2 мая 1944 г.), «Отсутствие регистрации для наших церковно-правительственных органов создает много практических неудобств, придавая всей нашей деятельности характер какой-то нелегальности, хотя мы и не совершаем ничего запрещенного законом Республики, что, в свою очередь, порождает много всяких недоразумений и подозрений».

Особенно много послужил Русской Православной Церкви Святейший Тихон в мучительную для Церкви пору так называемого «обновленческого раскола». Святейший проявил себя верным служителем и исповедником неповрежденных и неискаженных заветов истинной Православной Церкви. Он был живым олицетворением Православия, что бессознательно подчеркивали даже враги Церкви, называя ее членов «тихоновцами».

Вожди раскола собрали свой «суд», на котором сняли со Святейшего Тихона священный сан и лишили монашества.

В самом процессе «суда» были нарушены не только канонические, но и общечеловеческие требования, произошло заочное осуждение Святейшего, без приглашения его на суд, по докладам трех не заслуживающих доверия обвинителей. Обвинения совсем не были подтверждены ни допросом свидетелей, ни рассмотрением документов, не были даже проверены свободным обсуждением членов «суда», несмотря на то, что председателю «суда» было подано более ста записок с требованием слова!

Находясь под арестом, патриарх в своем Послании от 6 декабря 1922 года призывал «по долгу своего первосвятительского служения всех верных сынов Божиих стать твердо и мужественно за веру Божию и на защиту Святой Церкви». Выход на свободу Святейшего принес огромную пользу Церкви, восстановив и утвердив в ней законное церковное управление.

Это еще больше озлобило многочисленных врагов Православной Церкви, продолжавших ненавидеть ее предстоятеля, Святейшего Тихона.

Мало того, они покушались на жизнь патриарха. 26 ноября 1924 года несколько преступников ворвались в комнаты патриарха и убили вышедшего на шум его келейника Я. О. Полозова.

Стремясь не на словах только к истинному церковному миру, Святейший патриарх поручил состоявшему при нем архиерейскому Синоду вести переговоры с главенствующими обновленцами о присоединении их к Православной Церкви.

Толпами шли обновленческие священники и архиереи на путь покаяния пред Церковью, и ничего они не встречали у Святейшего, кроме безграничной ласки и всепокрывающей, подчас совсем незаслуженной любви. «Он имел особенную широту взглядов, способен был понять каждого и всех простить», — вспоминал о Святейшем Тихоне митрополит Сергий.

Но это не было уклонением от православия. Наоборот: «Прошу верить, что я не пойду на соглашения и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости Православия», — твердо и авторитетно сказал патриарх. (Резолюция о примирении с Красницким на адрес елизаветградского духовенства от 26 июня 1924 года).

Вот почему 5 апреля 1924 года он издал новое, краткое, но содержательное Послание, обличающее тяжкие преступления вождей обновленческого раскола. В этом Послании Святейший патриарх на основании церковных канонов и от имени единомысленной с ним Российской Православной Церкви подверг обновленцев каноническому запрещению и подтвердил, что они, впредь до раскаяния, находятся вне общения с Церковью.

Истина Православия восторжествовала, и Святейший Тихон мог писать Константинопольскому патриарху: «Весь русский православный народ сказал свое правдивое слово как о нечестивом сборище, дерзко именующем себя Собором 1923 года, так и о нечестивых вождях (обновленческого) раскола... Верующие не со схизматиками (раскольниками), а со своим законным и Православным патриархом».

Святейший патриарх Тихон верил в духовное, истинное обновление Русской Церкви. Однако не мог Патриарх не и видеть многих уродливых явлений в жизни нашего общества: безверия, нравственной распущенности. Это нашло отражение в его воззваниях к Русской Церкви. В них был и горячий протест против грубого материалистического понимания жизни, и присущее душе Святейшего чувство глубокого смирения, сознание человеческой неправды пред Божественной Истиной.

«Ныне нужно дерзновение веры, — писал патриарх, — беспрестанное ее исповедание. Да возгорится пламя Светоча вдохновения в Церкви Российской, да соберутся силы, расточенные в безвременье.

Пусть верные чада в союзе любви соединяются с архипастырями и пастырями своими и вместе являют служение в духе и силе» (18 декабря 1917 года). «Очистим же сердце наше покаянием и молитвою», — звал Святейший патриарх.

В период кровавых междоусобиц, полных ужаса и страданий, которые «не могут не производить гнетущего впечатления на сердце каждого христианина» (Послание 1919 года), он многократно обращался к верующим с церковной кафедры со святыми словами пастырского назидания о прекращении распрей и раздоров.

После освобождения из заключения патриарх проживал не на Троицком подворье, а в Донском монастыре. К нему со всех концов России приезжали разные лица. В его приемной можно было увидеть епископов, священников и мирян: одни — по делам церковным, другие — за получением патриаршего благословения и за утешением в горе. Доступ к нему был свободный, и его келейник лишь спрашивал посетителей о цели прихода. Патриарх помещался в трех комнатах, первая из которых в указанные часы служила приемной. Обстановка патриарших покоев поражала своей простотой, а беседа с ним, по словам видевших его, производила сильное впечатление. Святейший находил всегда несколько слов для каждого, даже приходящего только за благословением. Приезжих он подробно расспрашивал о положении Православной Церкви в провинции.

О большой любви и благоговейном уважении к нему верующих красноречиво говорит та трогательная заботливость, которой был окружен Святейший. Верующие следили, чтобы он ни в чем не нуждался, а после его освобождения, радостного для всех, осыпали цветами своего любимого Первосвятителя.

Многие тысячи людей стекались на дивные службы; к патриарху, простому и скромному и вместе неотразимо величественному на фоне общего великолепия службы, тянулись взоры и души верующих.

Его огромный авторитет и общее почитание не ограничивались пределами России. Православные Восточные патриархи приветствовали его в 1917 году как своего брата и до самой его смерти поддерживали с ним, насколько было возможно, самую тесную каноническую связь. Когда обновленцы в 1924 году стали распространять свою очередную ложь об «устранении» Святейшего всей Восточной Церковью, патриарх Сербский Димитрий в особой грамоте опроверг это утверждение, а обновленцам ответил советом «прекратить церковную смуту

и подчиниться Святейшему Тихону, единственному Главе Российской Православной Церкви».

Крайне больно было переживать все церковные беды любящему, отзывчивому сердцу патриарха. Внешние и внутренние церковные потрясения, «обновленческий раскол», непрестанные первосвятительские труды и заботы по устроению и умиротворению церковной жизни, бессонные ночи и тяжелые думы, более чем годичное заключение, злобная клевета, травля со стороны врагов, глухое непонимание и неуемная критика со стороны, подчас и своей среды, подтачивали его силы. Начиная с 1924 года Святейший патриарх стал настолько сильно недомогать, что в день Рождества Христова написал свое завещание, в котором, согласно Постановлению Священного Собора от 25 апреля 1918 года, указывал себе преемника по управлению Русской Церковью. (В силу этого распоряжения Святейшего Тихона после его кончины патриаршие права и обязанности перешли к митрополиту Крутицкому и Коломенскому Петру.)

Усилившаяся болезнь сердца вынудила Святейшего лечь в больницу доктора Бакунина. Однако, находясь там, патриарх Тихон регулярно выезжал по праздничным и воскресным дням для служения в храмах. В воскресенье 5 апреля 1925 года, за два дня до своей кончины, Святейший патриарх, несмотря на болезнь горла, поехал в церковь Большого Вознесения на Никитской служить Литургию. Это была его последняя служба, последняя Литургия...

Результат долгого богослужения и последующего за ним наставления, сказанного Святейшим Тихоном новопоставленному епископу, не замедлил обнаружиться прежде всего в сильном воспалении горла. Однако Святейший, по-видимому, чувствовал себя окрепшим и даже предполагал через несколько дней совсем выйти из больницы, тем более что приближалась Страстная Неделя. Но Господь судил по-иному. В самый день праздника Благовещения Господь призвал к Себе Первосвятителя Русской Церкви.

Имеется знамение милости Божией Матери к святителю: в больнице, где находился перед кончиной патриарх Тихон, не было иконы. Он попросил принести икону, не указав, какую именно; его просьбу исполнили и из Зачатьевского монастыря принесли икону Благовещения Пресвятой Богородицы.

В этот день, во вторник 25 марта (7 апреля), в последний день земной жизни, патриарх принял митрополита Петра и имел с ним продолжительную беседу, после которой чувствовал себя очень утомленным.

Вечером дежуривший при патриархе послушник К. Пашкович предложил ему прилечь отдохнуть, так как Святейший страдал бессонницей: «Ночь все равно, ваше Святейшество, вы проведете беспокойно». На что Святейший ответил: «Теперь я усну... крепко и надолго... Ночь будет длинная...»

В половине двенадцатого ночи у Святейшего начался сердечный приступ. Умирал он с тихой молитвой к Богу, молитвой благодарности, славословия, и, крестясь, произнес: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, слава Тебе...» — в третий раз перекреститься он не успел.

На следующий день была совершена во всех московских храмах Литургия Иоанна Златоуста с поминанием почившего святителя.

Знаменательно, что патриарх умер в день памяти праведного Лазаря и вслед за его погребением началась Страстная седмица.

В продолжение четырех суток осиротевшими архипастырями и пастырями Православной Церкви служились панихиды над телом усопшего, и день и ночь беспрерывно шел к нему верующий русский народ. После многочасового стояния в огромной очереди вереницей входили в собор люди, съехавшиеся из тех городов России, куда успела дойти весть о кончине.

Проститься с патриархом пришло около миллиона человек, хотя всех прощавшихся в продолжение четырех дней не мог вместить собор. В Вербное воскресенье, в Неделю ваий, хоронила Православная Российская Церковь своего патриарха. Отпевание совершали 63 архиерея, в числе которых были 5 митрополитов, во главе с Местоблюстителем Патриаршего престола высокопреосвященным Петром (Полянским), митрополитом Крутицким и Коломенским, и около 400 священнослужителей.

Покой почивший патриарх обрел под сводами Малого храма Донского монастыря в честь Похвалы Пресвятой Богородицы, в южном приделе.

Святитель Тихон, Святейший Патриарх Московский и всея Руси, был прославлен на Освященном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 1989 году. Память ему совершается 25 марта, 26 сентября и в воскресение после 25 января — в день Собора новомучеников и исповедников Российских.

Долгие годы одной из трагических тайн церковной жизни советского времени была для православных людей судьба мощей святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси.

Говорили, что в 1927 году после закрытия Донского монастыря чекисты извлекли тело святителя Тихона из могилы в Малом соборе монастыря и сожгли его в крематории. По другим версиям, тело было тайно перезахоронено на Немецком кладбище или где-то в Донском монастыре. То, что останки святителя Тихона могли быть уничтожены, не вызывало удивления: ненависть к патриарху у советской власти была исключительной.

В мае 1991 года была возобновлена монашеская жизнь в Донском монастыре. Вскоре после празднования четырехсотлетия обители начался ремонт в Малом Донском соборе. 18 ноября, через две недели после окончания ремонта, Малый Донской собор был подожжен. Разбив окно, злоумышленники бросили бомбу с зажигательной смесью рядом с гробницей патриарха. В несколько минут выгорел почти весь храм — сохранился только алтарь и четыре чудотворные иконы в трапезной части.

Промыслительно было попущено это зло: именно во время второго затянувшегося ремонта Малого собора и были обретены мощи Святителя. День поджога — 18 ноября — особо знаменателен. В этот день в 1917 году в Храме Христа Спасителя жребий патриаршества пал на святителя Тихона.

В день праздника Сретения Господня с благословения приступили к раскопкам, и на глубине около метра обнаружили каменный свод склепа. Было вынуто несколько камней, в образовавшееся отверстие протиснули свечу и заглянули внутрь. Склеп был пуст.

Когда прошло первое разочарование и немного пришли в себя, то продолжили поиски и выяснили, что был найден не склеп, а часть старинной отопительной системы, выложенной под полом. После раскопа калорифера и дальнейших работ был обнаружен настоящий склеп патриарха — мощное, необычайно укрепленное сооружение. Подняв одну из плит, покрывавших погребение, обнаружили дубовый гроб, на котором лежала мраморная табличка: «Патриарх Московский и всея Руси Тихон», год и день интронизации, день и год смерти.

Об этом событии было сразу сообщено Святейшему патриарху Алексию, который знал о ходе всех работ по поиску мощей Святителя Тихона. Через некоторое время патриарх приехал в монастырь. Его встречали колокольным звоном, в полночь он звучал, как на Пасху.

Трудно передать те чувства, которые испытывали в ту ночь собравшиеся у открытой могилы. Пред ними были благодатные святые мощи. Это произошло 19 февраля.

Через несколько дней мощи святителя омыли по древнему чину, облачили в новые святительские одежды и уложили в специально изготовленную раку.

Святые мощи, несмотря на влажность в склепе, сохранились почти полностью. Полностью сохранилась десная рука, большая часть туловища, часть ног, волосы, борода и все кости. Сохранилась даже вербочка (святителя хоронили на Вербное Воскресение).

Подобно тому как в начале века святитель Тихон был дан Церкви в период смутных времен, чтобы укрепить Ее, так и теперь Господь явил его святые мощи небесного покровителя Москвы и молитвенника о душах наших.

27-ГО ЧИСЛА

Священномученик ПЕТР, митрополит Крутицкий

Священномученик Петр (в миру Петр Федорович Полянский) родился 28 июня 1862 года в селе Сторожевом Коротоякского уезда Воронежской губернии в благочестивой семье приходского священника.

В 1885 году он по первому разряду закончил полный курс Воронежской Духовной семинарии и был определен на должность псаломщика при церкви села Девицы в родном ему Коротоякском уезде. Два года спустя будущий Местоблюститель Патриаршего престола был принят вольнослушателем, а после сдачи экзаменов — студентом Московской духовной академии. В студенческие годы он, по воспоминаниям его сокурсника митрополита Евлогия (Георгиевского), отличался благодушием, покладистостью, доброжелательностью, академию он закончил в 1892 году со степенью кандидата богословия, полученной за курсовое сочинение «О пастырских посланиях», и был оставлен при Академии помощником инспектора.

Одновременно с исполнением многотрудных и хлопотных обязанностей помощника инспектора будущий святитель безвозмездно преподавал Закон Божий в частном женском училище Сергиева Посада. Помимо этого он проходил еще должность секретаря Общества спасения на водах. При большой загруженности церковными и общественными послушаниями Петр Федорович Полянский находил время и для научных занятий, работал над магистерской диссертацией на тему: «Первое послание святого апостола Павла к Тимофею. Опыт историко-экзегетического исследования», которую успешно защитил в 1897 году. В 1895 году будущий святитель — в должности церковного старосты у себя на родине, в селе Сторожевом Воронежской губернии.

В 1896 году он в течение недолгого времени преподавал греческий язык в Звенигородском духовном училище.

В декабре 1896 года Указом Святейшего Синода Петр Федорович Полянский был назначен смотрителем Жировицкого духовного училища, и будущий святитель привел Жировицкое училище, по отзыву ревизора Нечаева, в блестящее состояние.

В Жировицах, как и ранее в Сергиевом Посаде, священномученик Петр служение Церкви сочетал со служением обществу, участвуя в первой всероссийской переписи населения, исполняя обязанности члена-соревнователя Попечительства о народной трезвости, почетного мирового судьи Слонимского округа. 10 лет будущий митрополит трудился в Жировицком училище, в стенах древней обители, одного из форпостов Православия на западе России.

В 1906 году он был перемещен в Петербург, на должность младшего помощника правителя дел Учебного Комитета при Святейшем Синоде; впоследствии он стал членом Учебного Комитета, исполняя главным образом обязанности ревизора духовных учебных заведений. При переводе из Жировиц в Петербург священномученик Петр обнаружил подлинно христианское бессребреничество; жалование его убавилось в два с половиной раза; он лишился казенной квартиры, какую имел при училище. И это его новое недостаточное жалование оставалось неизменным вплоть до 1915 года, когда он уже был высокопоставленным чиновником.

За время служения в Учебном Комитете священномученик Петр объездил с ревизиями едва ли не всю Россию, обследовав состояние духовных семинарий, епархиальных женских училищ в Курской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Минской и в ряде других

епархий, побывал в Сибири, на Урале, в Закавказье. И после каждой такой поездки им собственноручно составлялся подробный, обстоятельный отчет, в котором предлагались уместные меры по улучшению состояния обследованной школы.

В Петербурге священномученик Петр близко познакомился с архиепископом Литовским Тихоном, будущим Всероссийским патриархом. Еще со времени службы в Московской Духовной академии он был в дружеских отношениях с Сергием (Страгородским). Так Господь промыслительно соединил его узами дружбы с двумя другими Предстоятелями Русской Церкви периода гонений на нее.

В 1917 году Россия и Русская Православная Церковь вступили на путь тяжких испытаний.

Вскоре после прихода к власти большевиков, в январе 1918 года, был издан Декрет об отделении Церкви от государства, который среди прочих дискриминационных мер лишал Церковь прав юридического лица и предусматривал конфискацию всего церковного имущества. Финансирование из казны всех церковных учреждений, в том числе и Учебного Комитета при Священном Синоде, прекратилось.

В 1918 году Учебный Комитет был закрыт, и священномученик Петр переехал в Москву, где принял участие в деяниях Поместного Собора, состоя в его секретариате. На Соборе было возобновлено его близкое знакомство со Святейшим патриархом Тихоном.

В 1920 году патриарх Московский и всея России Тихон предложил священномученику Петру принять постриг, священство и епископство и стать ему помощником в делах церковного управления. Предложение это было сделано в пору кровавых гонений на Церковь, когда замучены были уже тысячи священнослужителей и более десяти архиереев, когда епископство, как и в древние времена, сулило не почет и безбедную жизнь, а голгофские страдания.

И священномученик Петр отнесся к призыву Первосвятителя как к призыву свыше, от Бога.

В ту пору он жил в Москве, в доме своего брата, священника церкви Николы-на-Столпах Василия Полянского. Поведав брату и родным о предложении Святейшего патриарха, он сказал: «Я не могу отказаться. Если я откажусь, то я буду предателем Церкви, но когда соглашусь, я знаю, я подпишу сам себе смертный приговор».

Так, в 58-летнем возрасте он выбрал стезю, которая, по его же словам, оказавшимся пророческими, возвела его на Голгофу. Будущий

Предстоятель Русской Церкви принял постриг и благодать священства от руки митрополита Сергия, которого он впоследствии назначит своим Заместителем, а его хиротонию во епископа Подольского, викария Московской епархии, возглавил Святейший патриарх.

Сразу после хиротонии епископ Петр был арестован и сослан в Великий Устюг. Там он жил вначале у знакомого священника, потом в сторожке при городском соборе. В ссылке он имел возможность совершать Божественную Литургию в сослужении городского духовенства.

После освобождения патриарха Тихона из-под ареста многие сосланные и томившиеся в заключении архиереи и священники получили возможность вернуться к своему служению.

Среди них был и епископ Подольский Петр. Возвратившись в Москву, он стал ближайшим помощником Первосвятителя, был возведен в сан архиепископа, потом митрополита Крутицкого и включен в состав Временного Патриаршего Синода.

По возвращении Святейшего патриарха Тихона к церковному управлению приходы, захваченные обновленцами, переходили под омофор Первосвятителя; священники, подчинившиеся раскольническому Высшему Церковному Управлению, приносили покаяние в совершенной ими измене.

Перед угрозой потери влияния и власти предводители раскола ищут объединения с Патриаршей Церковью, надеясь при поддержке гонителей Церкви — гражданских властей — возглавить ее. В окружении Святейшего патриарха часть епископов готова была искать компромисса с раскольниками; но среди архиереев, твердо выступивших тогда против каких бы то ни было уступок обновленцам, был священномученик Петр. На совещании епископов, состоявшемся в Свято-Даниловом монастыре в конце сентября 1923 года, он высказывался против компромисса с раскольниками. И эта линия церковной политики победила.

В последние месяцы исповеднического жития Святейшего патриарха Тихона его верным первым помощником во всех делах церковного управления, в том числе и во взаимоотношениях с гражданскими властями, был митрополит Петр.

Незадолго до своей блаженной кончины, в день Рождества Христова, Святейший патриарх Тихон составил новую редакцию своего Завещания о преемстве Патриаршей власти в условиях, когда невозможно было созвать избирательный Поместный Собор.

Новая редакция Завещания гласила: «В случае нашей кончины наши Патриаршие права и обязанности, до законного выбора нового патриарха, предоставляем временно Высокопреосвященнейшему митрополиту Кириллу. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к Высокопреосвященнейшему митрополиту Агафангелу. Если же и сему митрополиту не представится возможность осуществить это, то наши Патриаршие права и обязанности переходят к Высокопреосвященнейшему Петру, митрополиту Крутицкому».

В день погребения Святителя Тихона, 12 апреля 1925 года, состоялось совещание собравшихся на его отпевание архипастырей; ознакомившись с текстом Завещания, епископы постановили подчиниться воле почившего Первосвятителя. Поскольку митрополиты Кирилл (Смирнов, † 20 ноября 1937 г.) и Агафангел (Преображенский, † 16 октября 1928 г.) томились в ссылке, обязанности Патриаршего Местоблюстителя возложены были на упомянутого в Завещании митрополита Крутицкого Петра.

Возложив на себя бремя высшей церковной власти, митрополит Петр совершал свое Первосвятительское служение в крайне трудных для Церкви условиях, когда половина епископата и многие тысячи священников находились в лагерях и ссылках, когда Церковь страдала не только от внешних и явных врагов своих, но также и от расколов, спровоцированных ее гонителями: нешвенный хитон Христов пытались разодрать обновленцы и украинские самосвяты, а также приверженцы иных, имевших локальное распространение расколов. Выбирая линию церковной политики в отношениях с государственной властью и раскольниками, митрополит Петр следовал по пути, проложенному его святым предшественником патриархом Тихоном, — твердое стояние на страже Православия, бескомпромиссное противодействие обновленчеству, лояльность в отношениях с государственной властью, но без роняющих достоинство Церкви заявлений об идеологической близости с ней или о том, что Церковь пользуется в Советском государстве свободой.

В 1925 году обновленцы готовили очередной лже-собор. Как и прежде, вновь делались попытки договориться с Патриаршей Церковью об объединении; и некоторые из православных священнослужителей готовы были пойти навстречу коварным предложениям об объединении.

В этих обстоятельствах Глава Церкви митрополит Петр обратился к архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской

Церкви с посланием, в котором бесстрашно обличил происки раскольников, за спиной которых стояли гонители Церкви, а колеблющихся и малодушных убеждал хранить верность Православию и канонической правде.

После издания Послания Патриаршего Местоблюстителя по замыслам обновленцев подчинить себе «тихоновцев» через объединение с ними нанесен был удар. В обновленческих газетах и журналах развязана была кампания травли Местоблюстителя Патриаршего Престола. Его обвиняли в сношениях с церковной и политической эмиграцией, в стремлении «посчитаться с современной властью».

В недолгое время своего Первосвятительского служения в Москве митрополит Петр часто совершал Божественную Литургию в московских приходских и монастырских церквах. Особенно он любил бывать в Свято-Даниловом монастыре, арестованного священноархимандрита которого, архиепископа Феодора (Поздеевского, † 23 октября 1937 г.), Местоблюститель высоко ценил за его непоколебимое стояние на страже Православия, за неукоснительное следование канонам, за обширную богословскую образованность и глубокий ум.

30 августа (12 сентября) 1925 года на престольный праздник Патриарший Местоблюститель служил в Троицком соборе монастыря, где покоились мощи благоверного князя Даниила Московского. Монастырь был заполнен молящимся народом. Путь к раке со святыми мощами устилал ковер из живых цветов. Войдя в храм, митрополит Петр прошел к мощам святого и благоговейно приложился к ним. Некоторые монахи видели, что, когда он пошел к солее, над мощами образовалось как бы облако, в котором возник образ святого князя Даниила; и во все время, пока митрополит шел к алтарю, образ этот сопровождал его.

Священномученик Петр помогал многим заключенным и сосланным. Он сам отправлял деньги митрополиту Казанскому Кириллу, архиепископу Никандру (Феноменову, † 3 марта 1933 г.), своему предшественнику по Крутицкой кафедре, томившемуся в ссылке в Туркестане, секретарю патриарха Тихона Петру Гурьеву и другим изгнанникам. Полученные деньги митрополит Петр обычно сразу отдавал для отправки в тюрьмы, лагеря и места ссылки. Он благословил приходские причты жертвовать в пользу заключенных священнослужителей.

Вся деятельность Патриаршего Местоблюстителя вызывала крайнее недовольство гонителей Церкви. В ГПУ был выработан план по устранению митрополита Петра и учинению нового раскола. Своим орудием враги Церкви избрали нескольких честолюбивых архиереев

во главе с епископом Можайским Борисом (Рукиным, † 1931 г.), к этой группе принадлежал и архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский, † 9 марта 1932 г.), впоследствии возглавивший ее.

Нельзя перечислить все интриги, коварство, ложь, которые были использованы для достижения этой цели — разрушить Церковь, но святитель остался верен своему долгу заботы о Церкви и народе Божием.

Власти понимали, что им не удастся сделать из него орудие в исполнении своих разрушительных для Церкви замыслов. 11 ноября 1925 года комиссия по проведению декрета об отделении Церкви от государства при ЦК ВКП(б) постановила: «Поручить т. Тучкову ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев... В целях поддержки группы, стоящей в оппозиции к Петру, ...поместить в "Известиях" ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора. Просмотр статей поручить т.т. Стеклову П.И., Красикову П.А. и Тучкову Е.А. Им же поручить просмотреть готовящиеся оппозиционной группой декларации против Петра. Одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие».

В конце ноября проведены были массовые аресты священнослужителей, близких митрополиту Петру. Среди арестованных в ноябре и декабре 1925 года были епископы Амвросий (Полянский, † 1934 г.), Тихон (Шарапов, † 3 октября 1937 г.), Николай (Добронравов, † 10 декабря 1937 г.), Гурий (Степанов, † 1938 г.), Иоасаф (Удалов, † 2 декабря 1937 г.), Пахомий (Кедров, † 11 ноября 1937 г.), Дамаскин (Цедрик, † 10 сентября 1937 г.), а также бывшие обер-прокуроры Святейшего Синода Владимир Саблер и Александр Самарин. Местоблюститель видел, что неминуем и близок его арест. Предвидя самые худшие последствия для себя, он 5 и 6 декабря 1925 года составил два документа. В первом из них он писал: «В случае нашей кончины наши права и обязанности как Патриаршего Местоблюстителя до законного выбора нового патриарха предоставляем временно, согласно воле в Бозе почившего Святейшего патриарха Тихона, Высокопреосвященным митрополитам Казанскому Кириллу и Ярославскому Агафангелу. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам тому и другому митрополиту вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые передать Высокопреосвященному митрополиту Арсению. Если же и сему митрополиту не представится возможным осуществить это, то права и обязанности Патриаршего

Местоблюстителя переходят к Высокопреосвященному митрополиту Нижегородскому Сергию».

В распоряжении, составленном днем позже, 6 декабря, говорилось: «В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященному Сергию (Страгородскому), митрополиту Нижегородскому. Если же сему митрополиту не представится возможности осуществить это, то во временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя вступит Высокопреосвященный Михаил (Ермаков, † 17 марта 1929 г.), Экзарх Украины, или Высокопреосвященный Иосиф (Петровых), архиепископ Ростовский, если митрополит Михаил (Ермаков) лишен будет возможности выполнять это мое распоряжение. Возглашение за богослужением моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, считается обязательным».

В эти скорбные дни Местоблюститель Патриаршего престола составил также нечто вроде завещания, в котором он излагал свое видение положения Церкви и призывал пастырей и всех верных чад церковных хранить верность Спасителю, свято блюсти Предание Церкви и священные каноны. Он писал: «Меня ожидают труды, суд людской, но не всегда милостивый».

9 декабря 1925 года по постановлению Комиссии по проведению Декрета об отделении Церкви от государства Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Петр был арестован. По распоряжению Местоблюстителя исполнение его обязанностей перешло к митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому). А для митрополита Петра началась страда мучительных допросов и нравственных истязаний в неволе.

12 декабря состоялся первый допрос священномученика. Обвинение было стандартным — контрреволюционная деятельность.

На допросе 18 декабря следователь спросил митрополита Петра: «А возможно ли признание Церковью справедливости социальной революции?» — «Нет, невозможно, — ответил заточенный Патриарший Местоблюститель. — Социальная революция строится на крови и братоубийстве, чего Церковь признать не может. Лишь война еще может быть благословлена Церковью, поскольку в ней защищается отечество от иноплеменников и православная вера».

Святитель Петр страдал в застенке ГПУ не только от тяжких условий неволи и изнурительных допросов; еще большую боль причиняли

ему тревога за судьбу Церкви, ответственность за которую он нес перед Богом. Назначенный им Заместитель митрополит Сергий взял на себя бремя церковного управления, но власти не разрешали ему переехать из Нижнего Новгорода в Москву. Тем временем в Москве вокруг епископа Можайского Бориса, интриговавшего против митрополита Петра в сотрудничестве с агентами ГПУ, и архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) сложилась группа епископов, которые самочинно объявили об образовании Высшего Временного Церковного Совета (ВВЦС), которому усваивали полноту церковной власти. Митрополит Сергий запретил в священнослужении архиепископа Григория и единомышленных с ним архиереев за учинение раскола.

До митрополита Петра сведения о церковных событиях доходили в урезанном виде; дозировали их поступление к нему Тучков и сотрудники ОГПУ; их целью было дезинформировать Патриаршего Местоблюстителя, подтолкнуть его на неверные шаги и тем запутать и еще более усложнить ситуацию с высшим церковным управлением, привести ее к полному расстройству и обезглавить Церковь.

Находясь в одиночном заключении, лишенный надежных сведений о положении Церкви, митрополит Петр тяжело скорбел, сомневаясь в правильности принятого решения об образовании коллегии. Все это сказалось на его здоровье; после встречи с архиепископом Григорием он заболел тяжелым нервным расстройством и 4 февраля был помещен в тюремную больницу.

Некоторое время спустя Тучков снова вел переговоры с митрополитом Петром, предлагая ему на этот раз учредить Синод с обязательным включением в него архиепископа Григория и иных раскольников при условии, что митрополит Сергий будет лишен прав заместительства и получит назначение в дальнюю Красноярскую епархию. Главной целью Тучкова было добиться устранения Заместителя Местоблюстителя, и он клеветал на митрополита Сергия, обвиняя его в интригах и политиканстве, но митрополит Петр решительно отказался от коварных предложений своего главного палача.

5 ноября 1926 года митрополит Петр был приговорен к трем годам ссылки. В декабре его этапировали через пересыльные тюрьмы в Тобольск. Только тогда, освобожденный из одиночного заключения, он узнал о положении церковных дел и 1 января в Пермской пересыльной тюрьме составил послание, в котором подтвердил упразднение коллегии, утвердил запрещение в священнослужении архиепископа

Григория и единомышленных с ним архиереев, наложенное его Заместителем, и сообщал пастве о решении митрополита Агафангела об отказе от притязаний на Местоблюстительство.

21 января 1927 году на свидание к митрополиту Петру в пересыльную Свердловскую тюрьму пришел архиепископ Григорий, и в беседе с ним митрополит подтвердил, что между ними нет молитвенно-канонического общения, что архиепископ вместе со своими сторонниками учинили раскол, который не может быть терпим в Церкви. Тогда же Местоблюстителю Патриаршего Престола удалось передать свое обращение на волю, и оно стало широко известно в церковных кругах.

Местом ссылки митрополита Петра назначено было село Абалак. В феврале 1927 года узник был доставлен туда; ему велено было поселиться на территории закрытого Абалакского монастыря. Пока ремонтировали отведенную ему комнату в монастыре, святитель жил в поселке. Монахиня Иоанновского монастыря Евгения (Манежных) помогала владыке по домашнему хозяйству, но ежедневную работу 65-летний старец выполнял сам — топил печь, варил пищу, убирал жилье. Прожил он там, в относительном покое, недолго. В начале апреля его снова арестовали и доставили в Тобольскую тюрьму. Участь арестованного главы Русской Православной Церкви решал ВЦИК, по Постановлению которого он был сослан за Полярный круг, на берег Обской губы в поселок Хэ.

Там, лишенный всякой медицинской помощи, уже тяжело больной, он был обречен на медленное умирание. Местные священники, обдорский, абалакский и хэнский, были обновленцами и к сосланному Местоблюстителю относились неприязненно. Митрополит Петр в обновленческие храмы не ходил, а глядя на него, перестали их посещать и другие верующие, которые раньше, из-за отсутствия православных храмов, ходили к раскольникам.

В конце 1928 года заканчивалась трехлетняя ссылка священномученика Петра, но 11 мая 1928 года Постановлением Особого совещания ОГПУ срок ссылки был продлен на 2 года. Здоровье святителя становилось все хуже: он с трудом переносил лютый северный климат, особенно в зимние месяцы в связи с полярной ночью.

15 июля 1928 года он направил заявление в Особое Совещание ОГПУ и во ВЦИК: «...Оставление меня в селе Хэ Обдорского района, далеко за Полярным кругом, среди суровой обстановки слишком

пагубно отражается на моем здоровье, которое после моего годичного проживания здесь пришло в окончательный упадок. Дальнейшее оставление меня в настоящем, трудно переносимом климате, ...равносильно обречению на смерть».

Заявление узника последствий не возымело.

29 марта 1929 года ГПУ провело у Владыки обыск. Искали переписку, но ничего не нашли. Митрополит не хранил у себя письма.

Особенно большие страдания причиняла сосланному Местоблюстителю Патриаршего престола тревога за судьбу Церкви. Гонения на нее не прекращались. Арестовывали архипастырей, пастырей и самоотверженных, стойких церковных деятелей из мирян. 12 декабря 1926 года по обвинению в причастности к нелегальным выборам патриарха арестован был заместитель Местоблюстителя митрополит Сергий. После его ареста обязанности заместителя исполняли митрополит Иосиф (Петровых), а после вскоре последовавшего ареста митрополита Иосифа архиепископ Серафим (Самойлович). По освобождении митрополита Сергия и его возвращении к исполнению обязанностей Заместителя Местоблюстителя он вместе с образованным им Временным Патриаршим Синодом издал «Декларацию», в которой подчеркивал лояльность Церкви государственной власти. Издание этого документа, а также переводы архиереев с кафедры на кафедру по требованию властей и увольнение на покой епископов, находившихся в лагерях и ссылках, вызвали протесты нескольких архипастырей, некоторые из них порвали общение с митрополитом Сергием.

Летом 1929 года епископ Дамаскин (Цедрик), один из них, через монахиню Ирину (Бурову) передал сосланному митрополиту Петру письмо Местоблюстителю, в котором сообщал ему о новых нестроениях в Церкви и просил ответов на разные вопросы церковной жизни, в том числе и о границах полномочий митрополита Сергия. Вместе со своим письмом епископ Дамаскин передал Местоблюстителю и копии критических писем митрополита Кирилла к митрополиту Сергию и письма других архиереев с критикой «Декларации».

Ознакомившись с предоставленными ему документами, митрополит Петр в декабре 1929 года направил своему Заместителю письмо, не лишенное чувства горечи. «Мне сообщают о тяжелых обстоятельствах, складывающихся для Церкви в связи с переходом границ доверенной Вам церковной власти. Очень скорблю, что Вы не потрудились посвятить меня в свои планы по управлению Церковью».

Заточенный Первосвятитель не знал всех обстоятельств церковной жизни, он не знал, что митрополит Сергий лишен был возможности поддерживать с ним общение через переписку и поэтому вынужден был принимать решения по делам церковного управления, не обсуждая их предварительно с Патриаршим Местоблюстителем. Завещательное распоряжение митрополита Петра, которым он назначил его своим заместителем, не содержало в себе никаких ограничений его полномочий, не содержало и требования о необходимости предварительного обсуждения с ним принципиально важных решений. «О себе лично скажу, — пишет в заключение письма митрополит Петр, — что я прошел все виды страданий, какие можно себе представить, казалось, что у меня одно время года — время скорби, но Господь, видимо, не оставляет меня. Он поддерживает мои силы, ослабляемые тяжелыми условиями изгнания, и вносит в душу успокоение, которое если и отравляется, то только болью о Церкви...»

В феврале 1930 года митрополит Петр отправил из поселка Хэ второе письмо своему заместителю.

«Я постоянно думаю о том, — писал он, — чтобы Вы являлись прибежищем для всех истинно верующих людей. Признаюсь, что из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносится Ваше имя. Исполнен я душевной боли и о возникающих раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях. Может быть, эти сообщения пристрастны, может быть, я достаточно не знаком с характером и стремлением лиц, пишущих мне. Но известия о духовном смятении идут из разных мест и, главным образом, от клириков и мирян, оказывающих на меня сильное давление. Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания — это послужило бы не для блага Церкви. ...Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства...»

В сопроводительной записке к письму митрополит Петр среди прочего написал: «Ваши полномочия есть Богом благословенные и имеют обязательную силу». Когда письма митрополита Петра получили огласку, власти были встревожены тем, что плененный ими глава Русской Православной Церкви продолжает активно влиять на ход церковных

дел. Приближался конец срока ссылки, и митрополит Петр, не зная, что его ожидает в действительности, все свои вещи раздал нищим. Но 17 августа 1930 года он был арестован.

Три месяца его продержали в Тобольской тюрьме, потом перевели в тюрьму Свердловска. Там его допрашивал уполномоченный ОГПУ — однофамилец владыки. Он предложил узнику снять с себя звание Патриаршего Местоблюстителя, угрожая в противном случае продлением тюремного заключения. В заявлении, поданном на имя Председателя ОГПУ 27 марта 1931 года, священномученик Петр откровенно объяснил причины, по которым он не может согласиться с предложением ОГПУ: «Прежде всего я нарушил бы установленный порядок, по которому Местоблюститель остается на своем посту до созыва Поместного Собора. Собор, созванный без санкции Местоблюстителя, будет считаться неканоническим и постановления его недействительными... Далее, моя смена должна повлечь за собою и уход моего Заместителя митрополита Сергия... К такому обстоятельству я не могу отнестись равнодушно. Наш одновременный уход не гарантирует церковную жизнь от возможных трений, и, конечно, вина ляжет на меня... Лично о себе я не хлопочу: дней моей жизни осталось немного... Я только опасаюсь, что распоряжением и деланием наобум могу нарушить свой долг и внести смуту в души верующих».

В ноябре 1930 года против митрополита Петра было возбуждено новое дело по обвинению в том, что, находясь в ссылке, он «вел среди окружающего населения пораженческую агитацию, говоря о близкой войне и падении советской власти и необходимости борьбы с последней, а также пытался использовать Церковь для постановки борьбы с властью». Обвинение было явно клеветническим. Для того чтобы хоть чем-нибудь обосновать его, начальнику Тобольского Окротдела ОГПУ было приказано «раздобыть данные, уличающие Петра Полянского в сношении с церковниками и попытках руководства Церковью в антисоветском направлении, обратить внимание на его связи с тобольским духовенством... Подтвердить свидетельскими показаниями все факты антисоветской агитации со стороны Полянского, и в особенности факты направления верующих на активную борьбу с обновленцами».

Вызванный на допрос 30 ноября, митрополит Петр показал: «Я написал митрополиту Сергию письмо, в котором сообщил о дошедших до меня слухах о том, что в Церкви происходят раздоры и разделения...

Далее, находясь в Абалаке, ссыльный священник обратился ко мне с предложением, очевидно, идущим из Тобольска, о награждении некоторых духовных лиц. Я ему ответил, чтобы местный архиерей написал мне по этому поводу. Со своей стороны я имел в виду представить это митрополиту Сергию со своим мнением».

12 декабря митрополиту Петру было предъявлено обвинительное заключение. В этот день он собственноручно записал показание: «В предъявленном обвинении виновным себя не признаю...»

За допросами последовало одиночное заключение в Свердловской тюрьме, продолжавшееся почти год — без передач, без свиданий с кем бы то ни было, кроме уполномоченных ГПУ и тюремных надзирателей, почти без прогулок, без медицинской помощи. Здоровье старца-узника было подорвано. Мучительные боли наступали после каждого приема пищи. Ночами мучили приступы астмы. От духоты тюремной камеры часто случались обмороки, во время которых узник часами лежал на холодном тюремном полу.

Весной 1931 года в Свердловскую тюрьму явился Тучков и на допросе митрополита Петра сделал ему циничное предложение стать осведомителем, угрожая в случае отказа новым сроком заключения. Предложение это было отвергнуто узником с негодованием.

Страдания митрополита Петра после визита Тучкова были настолько тяжелы, что спустя несколько дней его парализовало; отнялись правая рука и нога. Рука впоследствии поправилась, а нога так окончательно и не выздоровела, что вызывало затруднения при ходьбе.

После ареста прошло 9 месяцев, но Местоблюстителя не выпускали из одиночки.

«Дело» митрополита Петра рассматривалось 23 июля 1931 года Особым совещанием ОГПУ, которое постановило: «Полянского — Крутицкого Петра Федоровича заключить в концлагерь сроком на 5 лет. Считая срок с момента настоящего постановления», иными словами, без зачета года, проведенного в одиночной камере. В администрацию Свердловской тюрьмы направлена была служебная записка, составленная сотрудниками ОГПУ Аграновым и Тучковым: «Полянского (Крутицкого) Петра Федоровича, осужденного к заключению в концлагерь, просьба содержать под стражей во внутреннем изоляторе».

После объявления приговора следователь посоветовал святителю раскаяться и написать покаянное заявление о своем участии в Союзе

русского народа. «Я не только не участвовал в такой организации, — ответил узник, — но даже и не слышал, чтобы подобная организация существовала в Советском Союзе».

Томясь в тюремном изоляторе, священномученик тяжело страдал от мучительных условий заключения, от усугубившихся болезней. Не постигая еще всей меры бесчеловечности той власти, которая обрекла его без всякой вины на тяжкие страдания и смерть в неволе, он продолжает обращаться к своим палачам с заявлениями, в которых просит об облегчении своей участи.

В июле 1933 года условия заключения Патриаршего Местоблюстителя были еще более ужесточены: ему заменили ночные прогулки в общем дворе на прогулки в прохожем дворике, подобном сырому погребу, на дне которого постоянно скапливалась вода, а воздух был наполнен испарениями отхожих мест. Когда заточенный митрополит впервые увидел ночью свое новое место прогулки, ему стало дурно: он едва смог добраться до камеры и не сразу потом пришел в себя.

Святитель тяжко страдал от годичного заключения, от бесчеловечного содержания в тюрьме, от изнурительных болезней и просил власти об облегчении своей участи. Митрополита Петра мучили для того, чтобы заставить его отказаться от Местоблюстительства и тем самым ввергнуть Церковь в пучину нестроений и хаоса. Поэтому зная, какие пагубные для Церкви последствия может иметь его отречение от звания, ценою тяжких мучительных страданий митрополит Петр совершал подвиг исповедничества.

Шли годы, а он оставался в заточении, где условия его содержания становились все более страшными. Священномученика перевели из Свердловской в Верхнеуральскую тюрьму особого назначения. Надзирателям было запрещено выводить его в такие места, где бы он мог встретить других узников. Срок его заключения заканчивался 23 июля 1936 года, но за две недели до окончания срока Особым совещанием при НКВД СССР было решено продлить заключение митрополита Петра еще на 3 года. Президиум ВЦИК удовлетворил ходатайство Особого совещания НКВД о продлении срока. 1 сентября 1936 года об этом было объявлено узнику.

В конце 1936 года в Патриархию поступили сведения о смерти Местоблюстителя Патриаршего Престола. В январе 1937 года по нему отслужена была панихида в Богоявленском соборе.

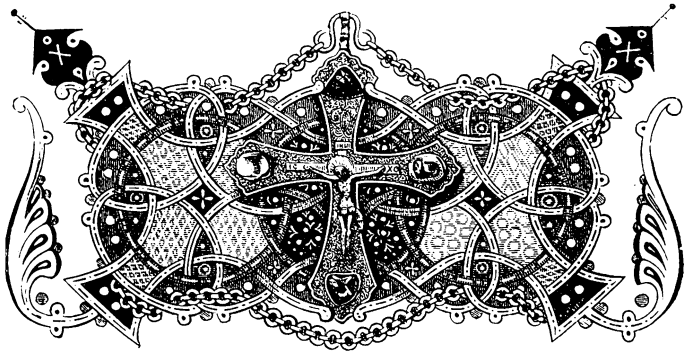
В декабре 1936 года, согласно завещанию митрополита Петра, составленному 5 декабря 1925 года, митрополиту Сергию был усвоен титул Патриаршего Местоблюстителя.

Между тем митрополит Петр был еще жив. Но в июле 1937 года по распоряжению Сталина был издан приказ о расстреле в течение четырех месяцев всех находившихся в тюрьмах и лагерях исповедников. В соответствии с этим приказом администрация Верхнеуральской тюрьмы составила обвинение против митрополита Петра: «Отбывая заключение в Верхнеуральской тюрьме, проявляет себя непримиримым врагом Советского государства, клевещет на существующий государственный строй, обвиняя в “гонении на Церковь”, “ее деятелей”. Клеветнически обвиняет органы НКВД в пристрастном к нему отношении, в результате чего якобы явилось его заключение, так как он не принял к исполнению требование НКВД отказаться от сана Местоблюстителя Патриаршего Престола».

2 октября 1937 года тройка НКВД по Челябинской области приговорила митрополита Петра к расстрелу. Священномученик Петр был расстрелян 27 сентября (10 октября) в 4 часа дня, увенчав свой исповеднический подвиг пролитием мученической крови за Христа и Церковь. Место погребения священномученика Петра остается неизвестным.

Священномученик митрополит Петр, Местоблюститель Патриаршего престола, был прославлен в лике святых на Освященном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, проходившем в Москве 18–22 февраля 1997 года. Память Петру, митрополиту Крутицкому, совершается 27 сентября в день мученической кончины и в воскресенье после 25 января — в день Собора новомучеников и исповедников Российских.

ОКТЯБРЬ



День второй

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного КАССИАНА УГЛИЧСКОГО

Преподобный Кассиан, в мире Константин, был из иностранного княжеского рода и прибыл в Москву вместе с Софиею, невестою великого князя Иоанна, дочерью морейского владельца[1]. Долго ли пробыл он при дворе великой княгини, неизвестно. Жизнеописатель говорит только, что жизнь придворная не была по душе его и что он любил жизнь тихую и строго наблюдал за своею совестью[2]. По нераннему рукописному житию преподобного Паисия Угличского, блаженный Константин до поступления своего к ростовскому архиепископу живал у преподобного Паисия Угличского[3]. В 1481 году избрал он себе

[1] Пролог 21 мая: «бяше от италийския страны, от Амория, рода княжеска, мавнукскаго града». Но а) Мавнуком крымским до 1475 г. владели готфы (*Казанский С.П.* Село Новоспасское, Деденево тож, и родословная Головиных, владельцев оного. М., 1847); б) Морея— не часть Италии, а Мавнука не было ни в Морее, ни в Италии. Остается признать за верное только то, что Константин родился в Морее от благородной фамилии; а вероятным надобно сочесть, что он был славянин, так как в Морее жили тогда большею частию славяне.

[2] Пролог мая 21.

[3] По полному житию Паисия блаж. Константин был в Паисиевой обители при заложении каменного Покровского храма в 1479 г. и при освящении его в 1482 г. и притом был в сношениях с угличским князем Андреем.

скромное место боярина при ростовском архиепископе Иоасафе, бывшем князе Исааке Михайловиче Оболенском, хотя и предлагали ему место при дворе самого великого князя. Так он уже не искал более на земле счастья, после того как родина его стала страдать от нечестивых турок. Выбор его был вполне рассудительный! Вот что писал умный современник его: «Зимою (1482 г.) возвратилась из бегства великая княгиня София; она бегала от татар на Белоозеро, а не гонял ее никто. Тем местам, где ходили, досталось хуже, чем от татар, от боярских холопов и от кровопийцев христианских. Воздай им, Господи по их делам! Там проживали жены их; а они любили жен более, чем святую веру; они готовы были предать святые церкви, в которых просветились Святым Крещением. Милостивый Бог не презрел слез христианских. Храбрые воины русские! старайтесь охранять отчизну свою, русскую землю, от нечестивых, — чтобы очи ваши не узрели разграбления святых церквей и ваших домов, убиения детей и позора жен и дочерей, как это потерпели от турок болгары, греки, трапезонцы, морейцы, албанцы, хорваты, босняки, манкупцы и жители Кафы. Они скитаются по чужим сторонам бедственно, достойно укоряемые за малодушие. Иные убегали с большим имуществом, с женами и детьми, но вместе с золотом потеряли земное счастье. Бог — свидетель, своими глазами видел я государей, убегших от турок с имением, скитающихся странниками и просящих смерти как милости»[1]. Это описание дает нам видеть, с какими расположениями души был в России бедный и благородный чужестранец Константин: за прошлое он не мог упрекать себя, потому что был еще молод, когда прибыл в Россию, и едва ли не дитятею был, когда турки захватили христианский юго-восток. Но он чувствовал и над собою гнев Божий и считал грехом искать веселой жизни; он хотел трудиться и молиться. В 1489 году блаженный Иоасаф, отягченный несправедливым гневом великого князя, отказался от кафедры и удалился в Ферапонтов монастырь, на место иноческих подвигов своих[2]. Сюда вместе с ним перешел и князь Константин. Здесь в молитве и чтении книг находил он покой душе. «Кассиян, бывый князь, добродетельный зело, пострижен преподобным отцом Мартинианом», говорит древнее известие[3].

[1] Львов. л. 3, 174–176; Собр. л. 6, 232.

[2] Геннадий в письме к Иоасафу: «дошло до моего слуха, что вел. князь посылал за тобою не раз и ты не поехал... Если Бог положит на сердце государя послать за тобою, не отказывайся, ступай к нему; ты можешь показать твердость в своем деле, как тебе угодно — только бы спросил тебя государь» (Руский времянник. Ч. 2).

[3] Так сказано и в полном житии Паисия Угличского.

Это было не при жизни преподобного Мартиниана († 1483 г.) и не по воле князя Константина. Последнему не хотелось принять на себя иночества, хотя и уговаривали его блаженный Иоасаф и другие; явившийся ему в сонном видении Мартиниан грозил подвергнуть его строгому наказанию за сопротивление доброму совету. «Видел я во сне, — рассказывал он Иоасафу и старцу Филарету, — благолепную церковь с иноками; посреди ее как бы кафедра и на ней преподобный игумен Мартиниан, с жезлом в руке. "Постригись", — говорит мне игумен. "Не постригусь", — отвечал я. "Если не послушаешься, — продолжал он, — буду бить тебя жезлом", и хотел ударить меня. От страха я проснулся и кричал: Филарет, Филарет». Константин тогда же, по его просьбе, пострижен был с именем Кассиана[1].

В обители Ферапонтовой жил он недолго. С несколькими братьями он удалился с Белоозера в удел доброго угличского князя Андрея, с которым был дружен еще в мире[2]. В 15 верстах от Углича, на берегу Волги и реки Учмы, водрузил он крест, поставил кельи и по благословению ростовского архиепископа построил храм в честь Успения Богоматери. Но храм поврежден был разливом Волги. Добрый князь Андрей доставил ему средства построить храм и кельи на новом месте и назначил еще пособия на содержание обители. Все это было не позже 1491 года, так как в сентябре этого года князь Андрей заключен был великим князем в темницу, из которой уже не выходил до близкого гроба. В Угличе духовным другом и собеседником Кассиана был преподобный Паисий. Блаженный игумен покровский пред кончиною своею поручил надзирать за его обителью «преподобному Кассияну, начальнику пустыни на Учме»[3]. Столько Паисий уважал Кассиана! Блаженный основатель Учемской обители «поживе в своей обители лета довольна», представляя в себе образец иноческих добродетелей. Предузнав свое отшествие ко Господу, он преподал наставление братии[4] и, приобщившись Святых Таин, преставился 2 октября 1504 года[5].

---

[1] Пролог 21 мая.

[2] По прологу, Кассиан крестил у кн. Андрея сына Димитрия; но Димитрий родился в 1477 г. и следовательно Кассиан воспринимал его от купели еще тогда, как был в мире.

[3] Ркп. полное житие Паисия.

[4] Пролог 21 мая.

[5] Прп. Кассиан преставился 2 окт. 7072 (1553 г.) (*Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV), по ркп. святцам — 2 октября 7076 (1567 г.). Но то и другое показание неверно. Если Константин в 1472 г. прибыл в Москву, будучи 30 лет, и тогда в 1520 г. ему было 68 лет, а в 1562 г. было бы 120 лет, между тем ни в Прологе,

Углицкая летопись, говоря о событиях 1609–1611 годов, пишет: «Жалкие ляхи, ворвавшись в обитель чудотворца Кассияна, встретили здесь немногих граждан; одни из них бросились к соборной церкви, с намерением выломать двери, но по ходатайству преподобного Кассияна поражены были слепотою и в ужасе, не зная, куда идти, едва отведены были своими и все ушли назад»[1]. В первом из 25 описанных чудес, за год до нашествия ляхов, видели преподобного Кассиана в белых ризах и с возжженными в руках свечами, обходящим монастырь свой. Седьмое чудо: игумен Герман долго страдал ногами и исцелился тем, что присыпал к ранам землю с гроба преподобного. Священнику живописцу, желавшему написать образ преподобного как можно точнее (9 чудо), преподобный сказал: «пиши мою браду долее, чем у князя Романа, но седины должны быть чуть видны». Священник написал, но чувствовал, что не точно. Преподобный явился ему в монашеском облачении, с бородою до персей, которая была не черна и не раздваивалась надвое, а как бы обложена серебром. В конце XVII века называли преподобного Кассиана великим между чудотворцами[2]. Ныне мощи его почивают под спудом, в храме обители его, закрытой с 1764 года[3].

† ПАМЯТЬ блаженного КИПРИАНА СУЗДАЛЬСКОГО

По рукописным святцам, «святой блаженный Киприан, Христа ради юродивый, бысть в Воскресенском селе на Увоти реке, суздальский

ни в других памятниках нет и намека на такую необыкновенную старость его; напротив, по видению он был не старее 65 лет. Жалованная грамота от 1 июня 1552 г. Учемскому Богородичному монастырю дана была при игумене Пахомии (Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1. № 171) и следовательно она решает, что прп. Кассиан скончался прежде 1520 г. В Словаре святых годом кончины его поставлен1504 г.

[1] *Кисель Ф.* История города Углича. Ярославль, 1844.

[2] Так в ркп. полном житии прп. Паисия. О чудесах см.: Ярославские епархиальные ведомости. 1861. № 39.

[3] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.

чудотворец, преставися в лето 7130 октября во 2 день», следовательно в 1622[1]. Блаженный Киприан жил на небольшом острове при устье реки Уводи (в Ковровском уезде), а в воскресные и праздничные дни приходил молиться в храм села Воскресенского. Место, где пребывал он, в 7 верстах от Воскресенского, известно ныне под именем пустыни Киприановой, а ямы местности называются пещерами Киприана. Иначе это памятники подвижничества его, тогда как для большинства казался он малоумным, или простяком. «Простота — верный вождь для праведных, а лукавство законопреступников губит их», говорит премудрый (см.: Притч. 11, 3). Это испытал на себе блаженный Киприан. Гроб его и ныне видят под полом Воскресенской церкви[2]. В 1751 году в память его построен храм в Воскресенском[3].

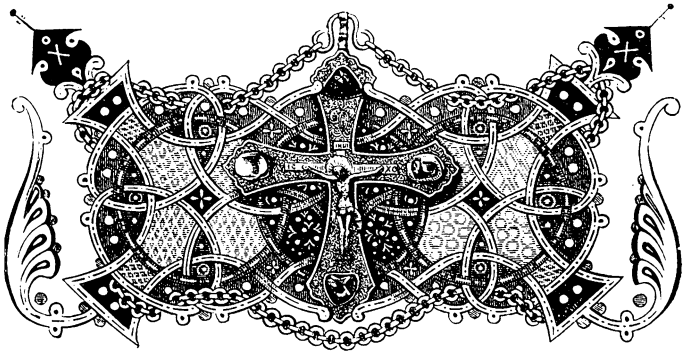
О юродстве еще преподобный Никон Черной горы писал в своем 38 послании, и преподобный Кирилл Белоезерский записал это в своем сборнике: «О юродстве и прежние отцы говорили, что это — путь необязательный, а дело благорассуждения, — оно может служить даже соблазном и во вред. В житии святого Симеона юродивого для Христа пишется, что он молился за соблазняющихся, да не вменится им в грех. Потому святой собор запретил, чтобы ныне не было того»[4]. Не погрешим, если прибавим к сему, что самое вредное для нас дело — страсть к просторной жизни. Пусть боятся более всего этой страсти на всяком пути.

[1] По другому известию, «святый Киприан, Христа ради юродивый, суздальский, бе л. 7140 (1632), июля в 25 д.». Едва ли в этом году и в это число не удостоверялись в нетлении мощей.

[2] Отечественные Записки. 1857, июль.

[3] Владимирские губернские ведомости. 1857. № 8.

[4] Обозрение рук. прп. Кирилла Белоезерского // Чт. ОИДР. 1860.



День третий

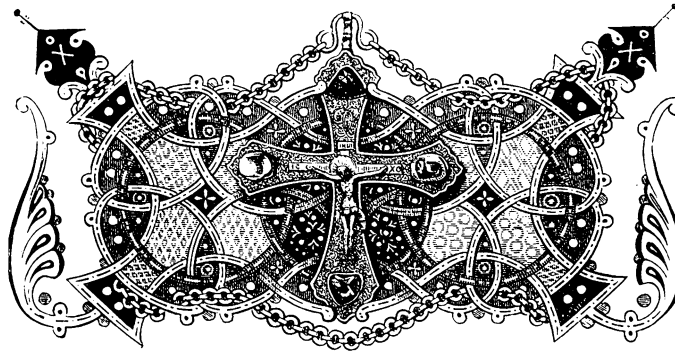
Святых священномучеников
ДИОНИСИЯ,
епископа Парижского,
РУСТИКА
пресвитера
и ЕЛЕВФЕРИЯ
диакона

Дионисий — первый епископ Лютеции в стране Паризиев, нынешнего Парижа; пострадал с пресвитером Рустиком и диаконом Елевферием в гонение Валериана (253–259); все трое обезглавлены. Тела их похоронены верными на горе, которая от них получила название горы Мучеников (Mons martyrum, нынешний Монмартр).

Преподобного Иоанна Хозевита, епископа Кесарийского. Родом египтянин, подвизался в пустыне Хузивской (между Иерусалимом и Иерихоном); в 518 году сделан был епископом Кесарии Палестинской, славился учительностью и добродетелями, но лет через семь отказался от престола и возвратился в свой пустынный монастырь, где и скончался около 532 года.

Святого священномученика Дионисия Ареопагита. Член ареопага (суд в Афинах), обращен к вере проповедию апостола Павла в Афинах (см.: Деян. 17, 34) и был первым там епископом; скончался мученически в царствование Домициана.

Святого Исихия Безмолвника. Подвизался на Афонской горе. Выздоровев от тяжелой болезни, он затворился в келлие и безмолвствовал 12 лет, не выходя из нее. Его дивное безмолвие образовало на Афоне скит безмолвников — исихастов, которые боголюбивым братством своим представляли некогда целую школу умной молитвы, или сокровенного делания. Скончался в VI веке.



День четвертый

Святого
ПАВЛА ПРЕПРОСТОГО

Назван препростым за свое чрезвычайное незлобие и простосердечие святой преподобный Павел, живший в IV веке. До иночества он был земледелец. Сочетавшись браком с женою благообразною, но неблагонравною, и узнавши, спустя долгое время, о ее супружеской неверности, он решился навсегда оставить ее, детей и дом свой и скрытно удалился в пустыню с твердым намерением посвятить себя служению Богу в иноческом звании. Пришедши к преподобному Антонию Великому, он тихо постучал в дверь его келлии, и на вопрос его «что тебе надобно», отвечал: «Хочу быть иноком». Антоний, увидев, что пришелец уже стар, сказал ему: «Ты не можешь быть иноком, потому что у тебя не достанет сил для перенесения пустынных трудов и напастей; иди лучше в селение и работай». Когда же Павел обещал ему исполнять все, что он ему прикажет, то авва отвечал: «Я говорю тебе, что ты стар и не можешь быть монахом; если же хочешь монашества, то иди в монастырь, где есть много братий, которые могут понести немощь твою, а я живу здесь один и по пяти дней ничего не вкушаю; поэтому ты со мною жить не можешь». Сказавши сии слова, Антоний затворился в своей келлие и три дня потом не выходил из нее. В четвертый же день, раскрыв двери и увидев, что Павел не отходил от его кельи, хотел отогнать его от себя и повторил прежде сказанные ему слова. Но он оставался на том же месте и говорил: «Я умру здесь, а не отойду». Святой пустынник, зная,

что старец не принес с собою ни хлеба, ни воды, и уже четвертый день остается без пищи, опасался, чтобы он не умер от голода, не привыкши так долго поститься. Поэтому, приняв его к себе, позволил ему подкрепить свои силы малым количеством пищи и сказал: «Ты можешь спастись, если будешь послушен и исполнишь все, что я повелю тебе». Павел отвечал ему: «Всё, что ты скажешь, отче, я готов исполнить».

Преподобный Павел, поживши много лет в святой и богоугодной простоте своей, в глубокой уже старости преставился в Жизнь Вечную около 338 года. «Иже прост и невежа на земли бе, ныне премудрейший есть на небеси, паче всех любомудрцев мира сего, и с мудрыми Херувимы зрит Христа Божию силу и Божию премудрость: то бо есть мудрость правая, еже боятися Бога, и Ему в простоте духа и незлобии сердца работающи благоугождати. Молитвами, Господи, угодника Твоего препростого Павла умудри нас в делании заповедей Твоих: даждь нам начало премудрости, страх Твой имети, да страхом Твоим уклонившеся от зла, сотворим благое пред Тобою, и обрящем милость Твою вовеки».

† ПАМЯТЬ
святого
ВЛАДИМИРА ЯРОСЛАВИЧА,
князя новгородского,
и матери его, святой
АННЫ

Владимир Ярославич, старший сын князя Ярослава Великого, родился в 1020 году. В 1034 году великий князь Ярослав посадил его в Новгороде и дал новгородцам грамоту с повелением: «По этой грамоте давайте дань»[1]. В это время Владимир был еще только 14 лет и, без сомнения,

[1] Собр. л. 3, 1; 5, 130, 136.

состоял под руководством опытного воеводы, каким был Вышата, и благочестивого епископа Луки. Возмужавший князь отличался в воинских делах отвагою и мужеством, свойственными роду его. В 1042 году ходил он с новгородскими дружинами на ямь, нынешних финнов, и разбил их[1]. В следующем году Ярослав послал Владимира с сильным войском наказать коварных греков за оскорбления русских купцов и за умерщвление одного из них. Послы императора Мономаха вышли к Владимиру навстречу с обещанием наказать виновных. Но тем, которые много раз обманывали, не верят, и князь шел вперед. Император велел взять под стражу всех русских, бывших в Константинополе, и выслал корабли против судов Владимира. Три галеры с греческим огнем врезались в средину русских судов и зажгли их, поднявшаяся буря разметала и потопила малые суда русские, в том числе и судно Владимира. Иван Творимич, из дружины княжеской, спас своего князя и воевод Ярослава, взяв их к себе на лодку. Спасшиеся на берегу, в числе 6000, решились с Вышатою возвратиться на родину сухим путем, а князь с остальными судами пустился в обратный путь морем. Император послал за русскими сухим путем и морем; 24 галеры обогнали Владимира и стали в заливе; князь разбил их наголову и пришел в Киев с множеством пленных. Вышата отважно дрался с дунайским греческим войском, но оставшиеся в живых 800 человек взяты были в плен и только чрез три года отпущены были в Россию[2].

Сын благочестивого строителя киевского Софийского храма оставил по себе прочный памятник благочестия в Новгороде — Софийский собор, доселе целый. Великолепный для того времени храм заложен был в 1045 году и освящен 14 сентября 1049 года[3], а пред тем построена была каменная крепость в Новгороде[4]. Благочестивый князь усердно поучался в законе Господнем, по его желанию списаны были (1047 г.) книги пророческие с толкованиями отцов; священник писал ее 7 месяцев; много значило, что списана была полезная книга; а еще более важно то, что списаны были книги Слова Божия, а не слова человеческого[5].

---

[1] Собр. л. 3, 1; 5, 137.

[2] Собр. л. 1, 66, 67; 5, 137; *Joannis Zonarae*. Annales / Ed. Weberi: In 2 v. Bonnae, 1841–1844. V. I.

[3] Собр. л. 1, 67; 3, 2, 121; 5, 134. Супрал. л. 13. В новой летописи освящение отнесено к 6560 г. Но по другим оно было 14 сентября 6558 г. (летопись 5, 138; 7, 332).

[4] Собр. л. 3, 211.

[5] Исследование в переводе пророчеств, вошедших в список священника Упира см. в: *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской

Господь взял к Себе доброго князя еще в молодых его летах, князь скончался 32 лет, 4 октября 1051 года и положен был в созданном благочестивою ревностью его Софийском храме[1]. По летописи, уже в 1180 году в мраморной гробнице благоверного князя Владимира положен был искренно-христианский князь Мстислав[2], и следовательно, уже известны были нетленные мощи благоверного князя Владимира, и для них устроена была особая рака. «1439 году архиепископ Евфимий позлати гроб князя Владимира, внука великого Владимира, и подписа: такожде и матери его гроб подписа и покров положи, и память им устави творити на всяко лето октября 4 дня»[3].

Святая мать святого князя Владимира, супруга великого князя Ярослава, преставилась февраля 10-го 1051 года[4]. Блаженный Иларион митрополит в одушевленной речи своей говорит равноапостольному Владимиру: «Посмотри и на благоверную сноху твою Ирину; посмотри на внуков и правнуков твоих, как содержат они благоверие, тобою преданное; как часто посещают святые храмы, как славят Христа, как поклоняются имени Его»[5]. По этой похвале видим, что благоверная княгиня была благочестива не только для себя, но воспитывала благочестие в детях и внуках своих. По житию преподобного Феодосия видим, что когда мать Феодосия объявила желание поступить в монастырь (а это было в 1036 г.), святой Антоний «возвестил о ней княгине, и та приняла ее в женский монастырь святого Николая»[6]. Это показывает, как великая княгиня рада была делать

Синодальной библиотеки. М., 1855–1869. Отд. I (далее — *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание рукописей Синодальной библиотеки. — *Ред.*). Обзор толкований см. там же. Отд. II.

[1] Собр. л. 1, 69; 3, 2, 121, 212; 5, 138. В новгородском синодике супруга кн. Владимира — кн. Александра, а мать — христолюбивая кн. Анна (Описание Румянцевского музеума. № 571; *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора. СПб, 1858 (далее — *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора. —*Ред.*)).

[2] Собр. л. 3, 216. *Соловьев П.* Описание новгородского Софийского собора.

[3] Собр. л. 3, 113; Чт. ОИДР. 1860. Кн. 1.

[4] Собр. л. 1, 63; 5, 138. Февраль мартовского 1050 г. принадлежит к 1051 январскому году. Потому и в надгробной надписи справедливо показан 1051 г. годом кончины св. Анны.

[5] Митр. Илариона похвала кагану Владимиру (Прибавление к Творениям святых отцов: В 48 ч. М., 1843–1892. Ч. 2). Иларион говорил похвалу свою ранее 10 февраля сентябрьского 6559 г.

[6] Несторово житие прп. Феодосия (Ученые записки второго отделения Императорской академии наук. СПб., 1856. Т. 2 (далее — Ученые записки академии. —*Ред.*)).

дела добрые и как она уважала таких людей, каков Антоний. Женский монастырь святой Ирины, построенный Ярославом в Киеве, конечно построен был и по усердию благочестивой супруги его Ирины. Нежная мать с первенцем своим переселилась из Киева в Новгород и здесь провела последнее время жизни своей. Дочь Олава, короля шведского, называвшаяся в земле своей Ингигердою, по-гречески Ириною, пред кончиною своею приняла иночество с именем Анны и первая показала пример князьям и княгиням русским, как приятно душе менять пышную княжескую одежду на рубище иноческое. На древних Новгородских иконах она именуется святою Анною. Мощи ее почивают поныне открыто в Софийском соборе, где память ее совершается 4 октября и 10 февраля[1].

Святого священномученика Иерофея, епископа Афинского. Друг Дионисия Ареопагита, подобно ему, хотя несколько позже, обращен к вере апостолом Павлом; после Дионисия епископствовал в Афинах и скончался мученически.

† ПАМЯТЬ праведного СТЕФАНА ЩИЛЯНОВИЧА

Праведный Стефан Щилянович родился от родителей благочестивых в Жупе, ныне называемой Паштровитье, в южной стороне Захолмья. Еще в юности оказался он боголюбивым; когда же достиг

[1] Собр. л. 1, 65; 2, 24, Синопсис 62 (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. II, прим. 34). Недавно ошибочно писали: «мать Владимира во Св. Крещении названа св. Анною». Стыдно ныне говорить такую неправду.

зрелого возраста, то старался исполнять волю Божию со всем усердием. Он был умен, храбр, хорошо знаком с военным делом. Вступив в службу при сербском деспоте, выполнял все поручения верно и успешно. Вместе с тем пребывал он верным слугою пред Господом, страхом Божиим отгонял он от себя самые помыслы греховные, тем более не допускал души до того, чтобы овладел ею какой-либо грех. Храм Архангела Михаила в Призрене, построенный благочестивым воеводою Щиляновичем, поныне еще цел[1]. За верную службу деспот дал ему земли близ Срема. Стефан жил здесь праведником, делился избытками с бедными и в сношениях с соседями соблюдал честность и правду. Случился жестокий голод в краю, не от неурожая хлеба, а от того, что нечестивые турки, воюя не один год с сербами, угнали весь скот у христиан и лишили средств к обрабатыванию земли. Праведный Стефан открыл житницы свои для несчастных и кормил бедность в голодное время. Поелику же насилия и грабежи турок не прекращались и после голодного года, а защищаться от них не было сил, то Стефан вынужден был отдаться под защиту венгерского короля. Король с удовольствием принял в службу честного и храброго воина; он подарил ему прекрасные земли по берегам Дравы[2]. Праведник продолжал жить для ближних и в страхе Божием. В 1515 году блаженно скончался он. Супруга его Елена, с честью похоронив тело его, удалилась к родным в Германию. Спустя неделю после того турки завладели краем. В одно время увидали они над могилою свет. Думая найти зарытое серебро, откопали могилу и увидали нетленное тело. По докладе паше, стали расспрашивать: кто похоронен был? Знавшие объявили, что это — праведный Стефан, благотворитель бедных. Оказалось, что паша, бывший христианин, был родственником блаженного Стефана Щиляновича. Благоговейные иноки выпросили у паши за щедрый подарок мощи праведника и перенесли их в монастырь Фруштской горы, Шишатовец. Супруга Елена, услыхав о нетленном теле праведного мужа, хотя и была удерживаема родными, поспешила прибыть в Шишатовец и облобызала мощи праведника. Приняв монашество, она стала жить уединенно

[1] Записки географического общества. Т. XIII.

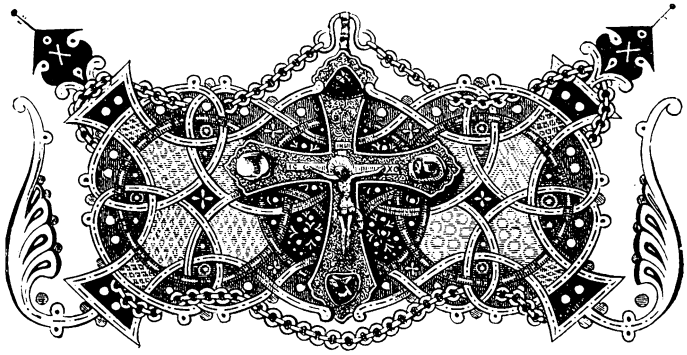
[2] В нынешней Славонии. О переселениях сербов 1481–1526 гг. с правого на левый берег Дуная см.: *Попов Н.А.* Сербы в Австрии // Русский Вестник. 1865. № 5 (далее — *Попов Н.А.* Сербы в Австрии. — *Ред.*).

невдалеке от монастыря, в молитве и посте. Спустя три года она скончалась и похоронена была в обители. Мощи праведного Стефана почивают в храме обители[1].

«Слава во бранех, воине Стефане Щиляновичу, великий целебниче приходящим к тебе с верою», — так Сербская Церковь говорит в молитве своей[2].

[1] Синаксарь и служба в Сербляке (1861 г.). На картинке св. Стефан назван деспотом и изображен в деспотском одеянии. Но синаксарь не говорит, что он был деспотом (*Раич*. История разных славенских народов. Ч. 3; *Попов Н. А.* Сербы в Австрии).

[2] Страдание его из ркп. Предтечевой обители (Афонский Патерик. Ч. 2).



День пятый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобной ХАРИТИНЫ княжны

По памятникам, преподобная Харитина была урожденная княжна литовская и подвизалась в новгородском девичьем монастыре святых апостолов Петра и Павла на Синичьей горе[1]. Время подвигов ее неопределенно показано в памятниках[2], так что остается определять его соображением; а между тем это время может показать особенность и в жизни духовной княжны. Известно, что каменный храм обители, где почивают мощи преподобной, построен в 1192 году[3]. Если же храм Петра и Павла существовал уже тогда, как блаженная Харитина начала жить в Новгороде, то время жизни ее в Новгороде надобно отне-

[1] Ркп. святцы: «святая княжна инокиня Харитина, яже в девичьем (Отен. Петровском) монастыре, бысть в л. 6000 мес. окт. в 5 д.». По поздней надписи на раке она «княжна чехиня» и вместе «из рода королей литовских» (*Макарий (Миролюбов), архимандрит.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. В 2 т. М., 1860. Т. 1 (далее — *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде. —*Ред.*)): явная несообразность.

[2] По ркп. святцам показано время ее 6000 л. (пр. 61), а на раке преподобной «7000 л. окт. 5 д.».

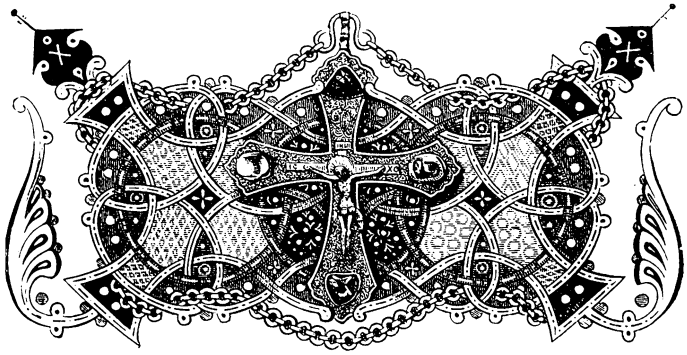
[3] Собр. л. 3, 20, 126.

сти к XIII столетию; с другой стороны известно, что вторая половина XIII столетия была бурным, кровавым временем для Литвы. В 1265 году многие лица княжеского литовского дома поспешно удалились из Литвы в Россию, князь Довмонт — во Псков, а сын князя Товтивилла с двором своим убежал из Полоцка в Новгород[1]. По летописи, новгородцы хотели тогда перебить прибежавших к ним литовцев за прежние обиды Литвы Новгороду, но князь Ярослав не допустил их до того[2]. Таким образом открывается, что литовская княжна Харитина была из числа лиц, гонимых бурею времени, помимо личных дел своих. Оттолкнутая миром, она не искала более ничего в мире и посвятила всю жизнь свою на служение Господу. Приняв иночество, она за добродетельную жизнь поставлена была в начальницу обители и до самой кончины своей была образцом смирения, чистоты и строгого воздержания для подчиненных ей. Так христианская добродетель не имеет нужды в счастьи для своих успехов; она и от несчастья крепнет и растет и переводит чтителя своего с земли на Небо. По памятникам, княжна Харитина почила 5 октября 6000 л. или 7000 л. Обращая это неопределенное время в определенное, после сказанного по летописям, полагаем, что святая княжна игуменья окончила подвиги свои в 6790=1281 октября 5 день. С 1764 года храм апостолов Петра и Павла, где почивают мощи ее под спудом, — кладбищный Софийской стороны. Память ее местно чтится 5 октября[3].

[1] Собр. л. 5, 191; 7, 164.

[2] Собр. л. 3, 58; 5, 192.

[3] Отенские святцы: «память октября в 5 день» (*Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1).



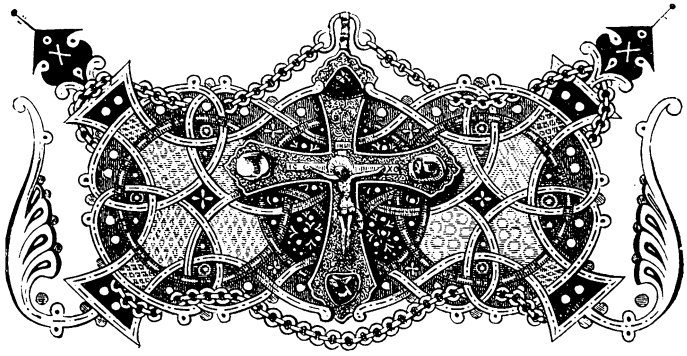
День седьмой

† ПАМЯТЬ преподобного СЕРГИЯ ПОСЛУШЛИВОГО

Имя послушливого, с которым преподобный Сергий почивает в Антониевой пещере[1], стоит повести. Оно показывает нам, что послушание — великое дело в христианской жизни, подвиг, прославляемый Господом. С недавнего времени стали и у нас говорить, как говорила несчастная реформация, что «в наше время покорность чужой воле — дело лишнее, ныне каждый сам в состоянии избирать лучшее». Полно, тому ли учит нас откровение Божие? Не говорит ли оно, что самоволие — самое опасное дело, дело погубившее не только людей, но и духов более сильных, чем люди? О! да избавит Господь каждую христианскую душу от мыслей и дел сатаны! Как совершается в душе спасительное преобразование блаженным послушанием? Самолюбие — самое страшное зло в душе нашей: все грехи — отрасли его. Послушание — бич самолюбия. По мере отвержения своей воли и преданности воле Божией самолюбие стесняется, ослабляется, по-

[1] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры. Ркп. святцы: «прп. отец Сергий постник». У Кальнофойского: «прп. отец Сергий»; в каноне «Сергий единонравный Нектарию послушливому».

давляется в душе. Болезненно это стеснение самолюбия послушанием: гордость возмущается против чужой воли и хочет отстаивать свою волю. Но чем менее щадит себе послушливый, тем более одерживает побед над господствующим злом души. В послушливом вместо любви к себе развивается и крепнет любовь к Господу: для кого, как не для Господа, отрекается он от своей воли? Так бичевал самолюбие послушанием во всю свою жизнь и почил святым рабом Божиим Сергий Печерский и почивает нетленный!



День восьмой

Преподобного ТРИФОНА ВЯТСКОГО

Как прекрасны ноги проповедающих мир, проповедающих благое! (Рим. 10, 15).

Это восклицание пророка, повторенное апостолом, можем мы повторить и при мысли о блаженном Трифоне Вятском, проповеднике веры и добра с молодых лет и до гроба[1].

Сын благочестивых земледельцев мезенских (Архангельского края), деревни Малой Немигожки[2], Трифон с юных лет чувствовал влечение жить для одного Господа. Его хотели сочетать браком, и раз братья положили девушку в той клети, где спал он, но как от наваждения бесовского бежал от нее целомудренный юноша. Тайно удалясь из дома родительского, он, в одежде нищего, пришел в Устюг и здесь несколько времени прожил под руководством благочестивого приходско-

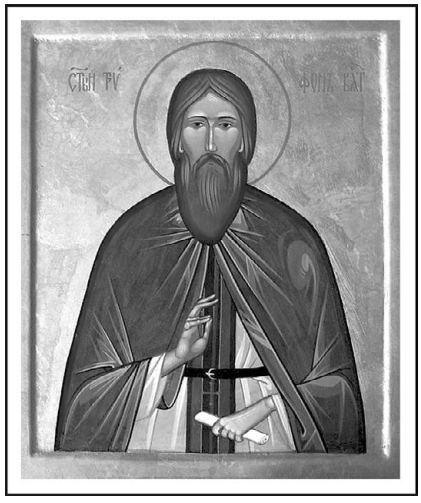
[1] Ркп. житие прп. Трифона, писанное вятчанином, в б-ке Московской духовной академии и у Царского № 136. Первая половина его, где вятчанин писал по слухам и рассказам, иногда легковерным, требует особенной осмотрительности и проверки. Повествователь не заметил странности, что у него Трифон в молодых летах, 20 лет и около того, то и дело творит чудеса, а Трифон старец-подвижник не совершил почти ничего чудесного. Жизнь духовная не так идет.

[2] Житие по полной редакции. См.: Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 15.

го священника Иоанна. Потом, по его благословению, жил в соседней волости Шемоксе, снискивая хлеб трудом и тайно подвизаясь в молитве. Хозяева, полюбив его за любовь к труду и кротость, хотели связать его узами брака и уже обручили его с невестою, но, вспомнив обещание совести жить в целомудрии, он тайно убежал в Орлец, городок Строгановых. Тут поселился он близ приходской церкви и целый год терпел то зной, то холод, в разодранной одежде. Раз в жестокий мороз люди Строганова встретили его на улице и в злостной шутке столкнули его с крутой горы к реке; снег засыпал его своими глыбами, и едва спасся он от близкой смерти. Не жалуясь никому, смиренный юноша скрылся из Орлеца в село Никольское, принадлежавшее кафедре епископа. Проведя здесь несколько времени в подвигах молитвы при приходской церкви, отправился на реку Каму. В Пыскорской обители изучал он монашеское житие и принял пострижение от игумена Варлаама. Ему тогда было 22 года. И это было не прежде 1565 года[1]. Не опуская ни одной службы церковной и неся труды от души в пекарне, он ночью выходил на болото и полунагой давал насекомым терзать свое тело. От изнурения подвигами он сделался тяжко болен и 40 дней лежал больным. Явившийся святитель Николай исцелил его и сказал, что явился на помощь к нему с тем, чтобы еще более утвердился он на добром пути.

Блаженный Трифон решился искать более глубокого безмолвия. Он спустился по Каме до устья реки Мулянки, к месту нынешнего города Перми. По тайному влечению, пройдя верст 5 по Мулянке, вышел он на берег, поднялся на гору и увидал местность чудную: окруженная густым лесом, она благоухала цветами. Нельзя было не полюбить такой местности любителю безмолвия. Скоро узнал он, что тут мольбищное место остяков, куда собираются они приносить жертвы. Для пламенного подвижника веры это было новою причиною избрать это место для своего пребывания. Когда остяки услышали, что на их заветном месте поселился какой-то странный человек, старшина Зевендук с 70 остяками пришел посмотреть, кто этот смелый человек? Они нашли его копающим землю, и орудия земледелия показались им страшными. Зевендук начал расспрашивать, кто он таков? и зачем пришел? «Я раб

[1] Пыскорский монастырь основался в 1558–1560 гг. (*Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. II; Дополнения к Актам историческим. Т. 2; Пермские губернские ведомости. 1857. № 23, 24). Городок Орлец или Орлов на Каме построен в 1524 г. Царская грамота о его построении см. в: Дополнения к Актам историческим. Т. 1. № 117.



Преподобный
ТРИФОН ВЯТСКИЙ

Господа моего Иисуса Христа», — отвечал Трифон. «Кто же Бог твой и почему ты раб Его?» — спросил язычник. Трифон в ответе своем объяснил суету идолов, показал Промыслителя и Творца мира, рассказал историю сотворения и падения человека, пришествие Спасителя рода человеческого, указал на будущий Суд всемирный и на горькую вечность грешников. Простые дети природы с изумлением слушали поучение отшельника и сказали о нем князю Амбалу. «Ни мы, ни отцы наши не слышали ничего подобного», — говорили они о слышанном от Трифона. Амбал сказал, что в свое время посмотрит он на странного пришельца. Феодор Сухоятин, давно знакомый с этою стороною по торговым делам своим, подарил Трифону топор такиянского железа, лучшего в сравнении с русским; он же рассказал, в каком уважении у остяков и вогулов требище, вблизи которого живет он, и как боятся все коснуться чтимого, но грозного дерева топором.

Трифон до шести недель постился и молился и потом, взяв икону Деисус (изображение Спасителя с молящимися Богоматерью и Предтечею), пошел к боготворимой ели. Она отличалась от других и вышиною и толстотою; две сажени было ее в объеме, и ветви ее шли от ствола на четыре сажени. Став на колена пред иконою, усердно молился он Господу о разрушении лести бесовской, держащей бедных людей в пагубном мраке. Затем, громко повторяя имя Господа Иисуса, стал рубить дерево и наконец свалил его. Приношения, висевшие на сучьях ели и состоявшие из шелковых ширинок, мехов, золота и серебра, предал огню, как и дерево. Князь Амбал, услышав о том, пришел со многими остяками и дивился тому, как грозное дерево мог испепелить пустынник! «За одно намерение оскорбить ель, — говорил он Трифону, — наказывались другие смертью; ужели ты сильнее богов наших»? Преподобный отвечал: «Вы уже слышали, какого Бога проповедую я вам; Его силою я, меньший раб Его, совершил это дело, которому вы дивитесь, — совершил с тем, чтобы это дерево не губило вас и ваших детей». «Велик Бог христианский, Он сильнее богов наших», — воскликнули остяки. Тем не менее они отправились в местечко Сылву к начальнику городка. «Инок христианин, — говорили они, — в худой одеже поселился в лесу, срубил и сжег мольбищное дерево наше и, проповедуя Христа, велит нам креститься; что делать нам с этим человеком»! Приказчик Строгановых Третьяк Моисеевич, уже слышавший о преподобном Трифоне, сказал князю Амбалу: «Я знаю человека, о котором вы говорите; он человек добрый: если он учил вас веровать во Христа Господа, делайте то, что

приказывает он вам; слушаясь святого человека, получите жизнь вечную». Остяки изъявили негодование на истребление их бога, но после увещаний несколько успокоились. Между тем новое обстоятельство вызвало неудовольствие у остяков против Трифона. Стало известно, что черемисы грабят по Каме суда и идут воевать с остяками. Это узнали от русских, бежавших к остякам от черемисов. Остякам пришло на мысль, что Трифон откроет черемисам жилья остяков по неудовольствию за их нерасположение к нему. Зевендук и другие положили убить Трифона. Они пришли на место пребывания его, но по милости Божией не отыскали Трифона, хотя он стоял в своей келлие на молитве. После того малопомалу появилось в остяках сперва уважение к человеку Божию, потом к проповедуемому им учению. Прежде других приняли христианство дочери остяцкого князя Амбала и вогульского Безяка. Вслед за ними крестились и многие другие. Крестившиеся стали приносить Трифону мед, воск и кое-что другое. Радуясь обращению к святой вере, Трифон с любовью принимал приношения и обращал их то для прославления имени Божия, то на помощь бедным. Памятниками обращения мульских остяков к святой вере служат Никольский храм в Верхних Мулах и две часовни Нижних Мулов, известные по писцовой книге 1624 года[1].

Братия Пыскорской обители, услышав о славных подвигах Трифона, пожелали видеть его в своей обители; они просили приказчика Строгановых доставить к ним отца Трифона. Преподобный, против воли прибыв к ним в обитель, провел здесь немного времени, но и в короткое время успел обратить ко Христу остяков, живших около Соликамска, в том числе богатого землевладельца Иртега, которого потомки Иртеговы живут еще поныне[2]. По его желанию жить уединенно, Строгановы, Иаков и Григорий, предложили ему, что может он жить в их отчине на реке Чусовой. Трифон перешел на Чусовую. Здесь, разогнав страх суеверов пред местом, где решился он жить, поставил часовню с святыми иконами, а потом устроил монастырь в честь Успения Богоматери[3]. Но здесь встретилось искушение, удалившее Трифона из Перми. Чтобы приготовить землю для посева хлеба, зажег он около келлии своей пни и корни срубленных дерев. Огонь, усиленный ветром, распространился

[1] Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1857, февраль.

[2] Грамота о разделе имения между детьми Иртега и родственника его, Шуртега, относится к 1579 г.

[3] Ныне здесь село Чусовское, доселе называемое монастырем.

по лесу и истребил огромные запасы дров, приготовленные для соленых промыслов строгановских. Местные поселенцы, озлобленные потерею дров, гонялись за Трифоном, чтобы убить его. Строганов Григорий посадил его в оковы; потом советовал ему удалиться из его владений. Отец Трифон поручил обитель ученику своему Иоанну, а сам решился перейти в Хлынов. Января 18-го 1580 года пришел он в первый вятский город и отправился к Хлынову. Странник обходил в Хлынове храмы Божии и всего чаще посещал церковь святителя Николая, где стояла чудотворная великорецкая икона святителя. Диакон этой церкви Максим Мальцов полюбил раба Божия и принимал его у себя. Потом и другие хлыновцы стали приглашать его в свои дома. Ознакомясь с окрестной местностью Хлынова, он избрал место для обители и, явясь в собрание вятских людей, просил дозволения устроить обитель за городом у двух церквей, из коих одна, ветхая, была в честь Успения Богоматери. Все обрадовались такому предложению.

С просьбою вятчан об обители преподобный отправился в Москву. Святитель посвятил Трифона в иеромонаха — строителя новой обители, а царь Иоанн Васильевич дал грамоту на землю для обители[1]. По возвращении в Хлынов на месте ветхой церкви преподобный начал строить каменный храм. Скоро собралась братия в новую обитель. Новый вятский воевода, Василий Овцын, верный слуга царский и богобоязненный правитель, особенно помогал преподобному в ограждении обители от крайних нужд; он часто беседовал с преподобным о спасении души. По его предложению вятчане охотно доставили пожертвования для нового обширного храма Успения Богоматери, и храм был построен. Число братии увеличилось до 40, а средства к жизни были недостаточные. Преподобный снова отправился в Москву; он просил царя Феодора дать угодья монастырю. Добрый царь милостиво принял просьбу, «велел дать угодья, села и озера с рыбною ловлею братии на пропитание». Так пишет сам преподобный в своем завещании. Вероятно, в это время патриарх почтил его самого саном архимандрита и дал для обители много икон, книг и утвари. В Москве принимал его князь Иван Михайлович Воротынский, скорбевший с княгинею о бездетстве своем. Преподобный сказал боярину: «Князь, ты призрел меня, бедного старца, Бога ради; но не меня ты почтил, а Господа, исполняя запо-

[1] Царская грамота от 2 июня 1580 г. (Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1. № 305).

ведь Его; знай же, что у тебя родится сын Алексий». Князь и княгиня приведены были в смущение приятною для них вестью; они просили молитв преподобного, дали ему много милостыни для обители, и через год слово старца исполнилось. После того Воротынский был самым усердным благотворителем Трифоновой обители. Преподобный, став архимандритом людной обители, не изменил своей подвижнической жизни: не дозволял он себе ни вкусной пищи, ни мягкой одежды; на теле носил он тяжелые вериги и жесткую власяницу. Все, что присылали ему, отдавал он в монастырскую казну, а в келье его были только книги и иконы.

Строгая жизнь преподобного не нравилась некоторым. Малопомалу усилилось неудовольствие против него. Старец решился уклониться от зла, тем более, что может он, думалось ему, послужить краю на другом пути. Он передал управление обителью ученику своему Ионе Мамину. Последний, будучи из дворян московских, легко достиг того в Москве, что определен был в настоятеля обители вятской. Старец отправился странствовать.

Никита Строганов построил для изгнанного старца келью в Сольвычегодской Введенской обители и содержал его на свой счет. Старец пожелал помолиться в Соловецкой обители. Строганов дал ему судно с запасами и людьми для доставления на остров; но старец, так жаловался впоследствии Строганов, отпустил людей, продал запасы и судно и, побывав в Соловках, употребил дары Строганова для вятских обителей. Строганов не совсем понимал старца. Душа старца горела желанием содействовать христианскому просвещению глухого края, тогда как вятская сторона имела нужду и в монастырях, и в храмах, и даже часовнях. В это время устроялся в Слободском монастырь в честь Богоявления Господня[1]. И на устроение этой обители старец отдал часть даров Строганова. Блаженный понимал, что достанется ему от Строганова за неточное выполнение воли его. Но любовь терпелива. Поныне еще целы часовни по берегам Камы и Вятки, которые строил Трифон на пути от Строгановых варниц к Хлынову. По дороге из Слободского в Кай в селе Верхосвятском стоит «обыденная» церковь, ныне весьма

[1] Грамота патр. Иова от 4 января 1599 г. о построении Богоявленского монастыря в Слободском (Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1. № 11). Здесь Трифон называется архимандритом и настоятелем Вятского монастыря. По этому видно, что Иона оставлен был блаж. Трифоном в виде казначея монастыря и что он после 1599 г. выхлопотал себе и звание настоятеля.

ветхая, построенная блаженным старцем во время болезни[1]. Вот на что употреблял блаженный старец дары Строганова!

В новой Слободской обители с радостью покоили старца, заботливого о ней. Он не хотел быть никому в тягость; напротив, горел желанием облегчать других. С учеником своим Досифеем отправился он в Сольвычегодск за милостынею для новой обители. С простотою любящей души явился он к благодетелю своему Никите Строганову, но тот с гневом прогнал его от себя. Преподобный покойно отправился в другие дома, а вечером сказал ученику своему: необходимо терпение для добра; завтра ты один явишься к Строганову в храме, после утрени. Строганов, узнав, что Досифей — ученик Трифона, сверх ожидания принял его с смиренною любовью. «За оскорбление раба Божия я много страдал в эту ночь», — говорил он. Потом рассказал, что давно знает Трифона и много помогал ему и что поступок Трифона с судном, назначенным в Соловки, вызвал из души его гнев, с каким вчера принял его; «чувствую и исповедую мой грех, — прибавил добрый христианин, — проси отца Трифона посетить дом мой благословением». Принятый с любовью Строгановым, старец Божий получил щедрую милостыню для обители.

В последние годы жизни своей Трифон еще раз странствовал в Соловецкую обитель на поклонение чудотворцам. Соловецкие старцы советовали ему остаться в их обители, указывая ему на его дряхлость. Душа его стремилась в любимую Успенскую обитель свою. Больной довезен он до Хлынова. Но когда послал послушника просить настоятеля Иону принять его в обитель: жестокий ученик отказал. Больного принял в свой дом диакон Максим. Здесь пробыл он два месяца, и так как чувствовал, что уже недолго жить ему, просил протоиерея и священников упросить настоятеля принять его в обитель. Сердце Ионы смягчилось, и при встрече просил он у наставника прощения. «Бог да простит тебя, сын мой, — отвечал старец. — Случившееся — дело старого врага нашего, он давно борется с боящимися Господа». Иона, ожидавший упреков, поражен был кротостью учителя; преподобный рад был, что опять в своей обители[2].

Для любимой обители, основанной им, он написал духовное завещание. Сказав о том, каких трудов стоило ему основать и оградить

[1] Журнал МВД. 1843. № 4; 1844. № 5.

[2] Ркп. житие прп. Трифона.

обитель Богоматери, он так говорит к братии: «Собранное о Христе стадо, отцы и братья! послушайте меня грешного. Хотя я груб и хуже всех, но Бог и Пречистая Матерь Его дозволили мне худому заведывать домом своим. Молю вас, для Бога и Пречистой Матери Его, имейте духовную любовь между собою. Без нее никакая добродетель не полна пред Богом. Уста Христовы изрекли ученикам: *да любите друг друга. О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 34–35). По словам апостола Павла, *друг друга тяготы носите* (Гал. 6, 2). Не осуждайте пред Богом один другого, в храме ли, или в келье, наедине ли, или в общении с братиею. Келейные молитвы совершайте со страхом. А церковного пения отнюдь не пропускайте; хотя бы и дело было, бежи в церковь Божию на духовное пение. Прежде всего отдавайте Божие Богу, а потом выполняйте другие дела. *Друг друга честью больша себе творите* (Флп. 2, 3). Благословляю я грешный архимандрит Трифон быть вместо меня в доме Пречистой Богородицы ученику моему, келейному старцу Ионе Мамину. И вы, отцы и братья, повинуйтесь ему во всем, слушайте его. Когда из вас позовет он на службу, Бога ради, выполняйте службу без ропота. Берегите монастырское; за монастырь, без благословения настоятеля, не давайте, и монастырским добром не дружитесь ни с кем, и родным не давайте ничего монастырского без благословения настоятеля. И себе в собственность также не берите ни из денег, ни из построек и ни из чего другого.

Ты, брат и господин, старец Иона! Бога ради и для Пречистой Богородицы и для своего родителя будь усерден в послушании по молению нашему. Заботься о доме Пречистой и о стаде — братстве, собранном во Христе, о вотчинах и угодьях... Бога ради, ревнуй святым отцам, как ими узаконено жить в монастырях и лаврах, т. е. святыми Евфимием Великим, Саввою Освященным, Феодосием Киновиархом, также святыми отцами просиявшими в России, Сергием, Варлаамом, Кириллом, Зосимою и Савватием. Молю тебя, Бога ради, имей любовь к братии и понеси тяготу. Писано: *вы сильные немощи немощных носите* (Рим. 15, 1). Бесчиния пусть не будет. По апостолу, *настой, обличи, запрети благовременно и безвременно* (2 Тим. 4, 2). Прошу тебя, Бога ради, не вводи хмельного питья в дом Пречистой. Как при моей жизни не было хмельного питья и столов по кельям, так и после меня пусть не будет того. Прежде всего пусть у тебя не будет ни для себя, ни для гостей хлебного питья и столов. Для братии на трапезе пусть будет пищи довольно и квас хороший. Утешай братию, чтобы не было

скудости в трапезе. Дом Пречистой не оскудеет от того... Если будете иметь любовь между собою, то дом Пречистой никогда не оскудеет.

Бога ради, не забудьте меня грешного; поминайте меня на литиях и на панихидах, больших и малых. Поминайте всегда, и вас помянет Бог. Да будет с вами мир и милость Господа нашего Иисуса Христа и пречистой Матери Его и мое благословение, во веки веков, аминь»[1].

Преподобный скончался 8 октября 1612 года.

Мощи его почивают под спудом. Местная память о нем совершается в день кончины его.

К колодезю, который выкопал он сам, каждый год в субботу четвертой недели Великого поста собираются на богомолье и из окружных сел.

Святого ИГНАТИЯ МУЧЕНИКА

Преподобный Игнатий, в крещении Иоанн[2], родился в селении Эски-Загора епархии Терновской. Родители его, Георгий и Мария, переселясь в Филиппополь, отдали здесь сына учиться грамоте. Имея хорошие способности, он скоро выучился тому, чему учили. С молодых лет он почувствовал стремление к пустынной жизни и удалился в обитель преподобного Иоанна Рыльского. Старец попался ему человек жестокий; шесть лет жил он у этого старца, выполняя должность чтеца в храме и с весельем незлобия перенося от старца брань и побои. Наконец, когда гневный старец бурею гнева подверг опасности жизнь послушливого Иоанна: тот вынужден был убежать от него.

В то время шла война между сербами и турками. Магометане принуждали отца Иоаннова идти на войну в звании тысященачальника, как человека сильного и храброго, но он отвечал, что не может воевать против единоверцев и единоплеменников. Дикари прокололи ему бок

[1] Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 15.

[2] Молебное пение в память св. кр. Стефана дечанского. Белград, 1850.

и потом лишили его головы. Недовольные тем, в бешенстве фанатизма захватили жену и двух дочерей страдальца и страхом принудили потурчиться. Иоанн, переодевшись, скрылся в доме доброй старушки; его искали здесь, но не угадали переодетого. Добрая старушка выпроводила его в Валахию. Переходя из одного места в другое, попал он в Бухарест и здесь подружился с блаженным Евфимием[1].

В Бухаресте и тогда жил разврат. Иоанн, опасаясь соблазнов, решился пробраться в Афон. Дорогою был он в Шумле и здесь в скорби узнал о падении друга своего Евфимия. Между тем разбойничья шайка турок, производя грабеж, захватила Иоанна и принуждала его потурчиться. Иоанн дал обещание принять ислам и, оставленный на свободе, убежал из Шумлы в Эски-Загоры. Отсюда с одним афонцем обители Григориевой пришел на Афон и поселился в Григориате. Пробыв здесь и в других местах несколько времени, пришел в скит Анны к блаженному Василию. С ним вместе по надобности отправился он в Солунь; здесь при них пострадал за Христа преподобный Давид; твердость страдальца одушевила Иоанна желанием пролить кровь свою за веру Христову. По возвращении в скит старец скоро заболел и умер. Иоанн перешел в такой же строгий скит Кавсокаливский. Скит святой Анны на восточном скате горы Афона; «тут же неподалеку скит Кавсокаливский и третье отшельническое место — Каруля. Все эти высшие школы подвига устроены в местах диких, трудных и едва доступных путнику. Восточная оконечность Афона до сих пор верна первому образцу афонского подвижничества, оставленному на Горе святым Петром». Так говорит недавний посетитель Афона[2]. В Кавсокаливском скиту Иоанн узнал, что друг его Евфимий совершил мученический подвиг. Радуясь блаженной доле друга, Иоанн еще более стал желать мученичества. Явясь к преподобному духовнику Никифору, усердно просил он принять его в духовное руководство. Старец поручил его старцу Акакию. Пища его была хлеб и вода и то в малой мере; день и ночь молился он коленопреклонно и читал Священное Писание. Невзирая на такие подвиги, он был весел. Древняя злоба подняла против него сильную брань плоти; он пал на землю и долго лежал, борясь с адским огнем; потом прибежал к попечителю своему Акакию и просил помощи. Старец утешал скорбевшего. Подвижник пришел в церковь, взял в руки икону

[1] См. о нем: Афонский патерик. Ч. 2.

[2] *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы.

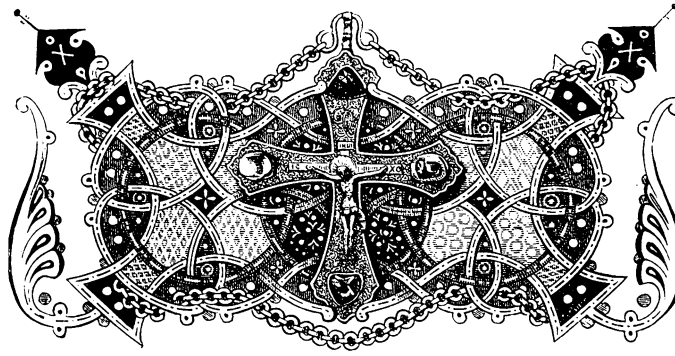
Богоматери и, лобызая, со слезами молил Пречистую избавить его от брани. Пречистая не оставила без помощи. Блаженный почувствовал внезапно чудное благоухание, и брань не возвращалась более. Когда духовник Никифор увидел в Иоанне твердую решимость быть верным исповедником имени Христова, он постриг его в иночество с именем Игнатия и потом отпустил его в Константинополь с опытным старцем Григорием.

Прибыв 29 сентября в Константинополь, нашли путники нужное платье и решено было начать в пятницу подвиг. В назначенный день блаженный Игнатий являлся в суд, но узнал, что заседания не будет до вторника. Исповедник готовился слезною молитвою пред иконою Богоматери в доме одного христолюбца Григория. Во вторник, явясь в суд, он говорил судье: «Дурные люди выдают поддельную монету за настоящую да и еще насилием принуждают брать ее». «Да, это — дело недоброе, — сказал кадий. — Кто же эти такие нечестивцы?» «Вы — магометане, — отвечал исповедник. — В молодых годах ваши турки насилием принудили меня дать обещание отречься от Христа и принять магометанство. Вижу нечестие обещания моего — и свободно говорю, что магометанство ложь и пагуба души». С этими словами сбросил он с головы зеленую повязку. «Кто тебя привел сюда?» — с гневом закричал судья. «Мое собственное желание — очистить совесть свою, — и, вынув икону Спасителя, прибавил: — Видишь Судию вселенной». «Оставь глупости, — сказал наглый кадий. — Лучше будет, если выполнишь обещание, — будешь и в почете и с деньгами. Иначе готова страшная казнь. Подумай хорошенько». Исповедник отвечал с улыбкою: «Охотно уступаю тебе все счастье земное; бедняку магометанину не может достаться иная доля, кроме земной, скотской жизни. А там и ему и его обманщику куда как плохо будет!» Судья изменился от гнева в лице, и слуги заперли Игнатия в сторожке, надев на него железные цепи. Недовольные тем, они то нагло насмехались над ним, то били его, заставляя принять магометанство. Кадий, окончив другие дела, вновь потребовал к себе исповедника. «Кто привел тебя сюда?» — снова спросил кадий. «Господь Иисус Христос», — отвечал исповедник. «Послушай, друг мой, — ласково говорил кадий, — ты горяч и заносчив, — одумайся; придется тебе испытать такие муки, о каких ты и не думаешь». «Вечная участь, судья, сто́ит того, чтобы хлопотать о ней не холодно. Равнодушие в таком деле не умно и преступно. Если уже не дорожим мы небесною истиною и покойно любим

ложь человеческих произволов (а как это безнравственно и низко!), то уже слишком неумно быть беззаботным насчет своей вечной участи. Не так ли? Между тем нетрудно понять, что сколько рай Магометов грязен и вонюч, столько же Рай, открытый Христом Господом, — истинный Рай. Итак, прикажешь ли отрубить мне голову или повесить, готов на все с радостию», — говорил исповедник. Судья велел отвести его в темницу. Спутник Григорий с радостью выслушал, что было со страдальцем. И другие христиане также хвалили Господа и молились за исповедника. Что делали в темнице с Игнатием, доподлинно неизвестно, но константинопольские христиане говорили, что страдальца жестоко терзали там. Когда кадий вновь призвал к себе Игнатия и увидел, что ни ласки, ни пытки не изменяют твердого исповедника: он определил удавить его. Так святой, повешенный на Парма-кани, был задушен 8 октября 1814 года в Четверток в 6 часов.

Старец Григорий, спустя три дня, за дорогую цену купил мощи мученика и 20 октября прибыл с ними на Афон[1].

[1] На Афоне чтят память мученика 20 октября, в день перенесения мощей на Афон, и еще 1 мая (Афонский патерик. Ч. 2).



День девятый

Святой ПУБЛИИ диаконисы

Антиохия — в начале христианства — столица Востока, с 500 000 жителей. Нигде язычество не являлось в такой полноте безобразия своего, как в Антиохии. Здесь был сброд магов, мим, жрецов, город плясок, вакханалий, оргий исступленных, разврата наглого, роскоши бешеной. Когда явилось тут христианство, чудная перемена произошла в роскошной столице востока. При святителе Златоусте в Антиохии и ее окрестностях были уже целые сонмы чистых дев. Вот что говорит он в одной беседе антиохиянам: «Девы, еще не достигшие двадцатилетнего возраста, проводившие все время в своих покоях, воспитанные в неге, почивавшие на мягком ложе, пропитанные благовониями и дорогими мастями, нежные по природе и еще более изнеженные от усердных ухаживаний, не знавшие в продолжение целого дня другого занятия, как только украшать свою наружность, носить на себе золотые уборы и предаваться сластолюбию, не делавшие ничего даже для себя, но имевшие множество служанок, носившие одежды более нежные, чем самое их тело, употреблявшие тонкие и мягкие покрывала, постоянно наслаждавшиеся запахом роз и подобных благовоний, — эти девы, быв внезапно объяты огнем Христовым, бросили всю эту роскошь и пышность; забыв о своей нежности, о своем возрасте, расстались со всеми удовольствиями, подобно храбрым борцам, вступили на поприще

подвигов. По-видимому, говорю я невероятное, однако ж верное. Я слышал, что эти столь нежные девы достигли такой строгости в жизни, что надевали на свои нагие тела самые грубые власяницы; ноги их оставались босыми, и ложем их были тростниковые прутья, большую часть ночи проводили они без сна. Трапеза у них бывает только вечером, трапеза, на которой нет ни трав, ни хлеба, а только бобы, горох, елей и смоквы. Постоянно заняты они прядением шерсти и другими более трудными рукоделиями, чем какими занимались у них служанки. Они взяли на себя труд лечить больных, носить одры их, умывать ноги им. Многие из них занимаются и приготовлением пищи. Такую имеет силу огонь Христов!»[1]

При Златоусте в Антиохии явились даже и порицатели девства, точно такие же, каковы они и ныне. Нового не придумали новые умники, а повторяют старое, изношенное. Для них святитель Златоуст писал в Антиохию обширное сочинение о девстве. Дав понятие об истинных девах, показав и то, что между еретиками не может быть истинных дев, как не было их между язычниками, он пишет: «Скажет кто-нибудь: если лучше не касаться жены, то к чему же введен в мир брак? Что помешает быть истреблену людскому роду, если на место умерших не будет рождающихся? Род наш держится не силою брака, а силою Господа, сказавшего: *растите́ся и множи́теся* (Быт. 1, 28)... Без воли Божией брак не умножит людей и девство не уменьшит... Не девство грозит гибелью людскому роду, а грозят беззаконные сожития. Это показано в быстром истреблении всех животных при Ное. Если бы сыны Божии воспротивились гнусной похотливости и не смотрели преступными очами на дщерей человеческих, погибель не пришла бы. Когда мир весь наполнился людьми, остается одна причина брака — предотвращение нечестивой похотливости». Выставив те неудобства, какие влечет за собою второй брак, и показав, что всякий брак есть неотвратимое рабство, картинно изображает, как легче деве, чем замужней достигать Царства Небесного, и решает кое-какие недоумения[2].

Христовым огнем, о котором говорил Златоуст, горела душа благородной антиохиянки — святой Публии.

---

[1] Беседа 13 на Послание к ефесянам. СПб., 1858.

[2] *Johannes Chrysostomus.* Opera omnia / Opera et studio Bernardi de Montfaucon. 13 v. V. 1. Содержание другого сочинения его — «Апология монашества» — см. в: *Филарет, архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви.

Дочь благородных родителей, по их желанию выдана была замуж за благородного антиохийца; но с мужем жила недолго, — он скоро умер. Благословенным плодом честного брака был сын Иоанн. Мать воспитала его как искренняя христианка. Оттого вышло, что Иоанн немало времени начальствовал над пресвитерами антиохийскими и, быв много раз избираем на апостольскую кафедру, всегда уклонялся от начальствования[1]. Блаженная Публия со времени вдовства своего вела жизнь строгую, в посте и молитве. При такой жизни почтенная священным саном диаконисы[2], она собрала себе дев и вдов, решившихся, подобно ей, жить для Господа; с ними проводила она жизнь точно так, как писал святитель Златоуст, снявший свою картину дев и с общины благородной Публии; с ними постоянно славила она Творца и Спасителя Бога[3]. Так прожила она подвижнически несколько лет. На престол империи взошел Юлиан и открыто стал на сторону язычества; гордый умом своим, он старался дать языческому богослужению великолепие и возможно лучший смысл, на словах выставлял из себя защитника всякой истины и человечности, а на деле нагло осмеивал святую веру, дозволял гнать и сам гнал христиан. Он прибыл в Антиохию и здесь поступал как фанатик язычества; велел выбросить мощи святого Вавилы из храма, «обещался стереть с лица земли всю породу галилеян», — так называл он христиан и велел не иначе называть их[4]. Раз он должен был проходить мимо молитвенного дома

[1] Так говорит блаж. Феодорит (*Феодорит, Киррский*. Церковная история. СПб., 1852. Кн. 3 (далее — *Феодорит, Киррский*. Церковная история. — *Ред.*)). Краткий менолог: «родила того чудного Иоанна, называемого Златоуст». Это неправда. Мать Златоуста называлась Анфусою (*Сократ Схоластик*. Церковная история: В 7 кн. / Пер. СПбДА. СПб., 1850. Кн. 6). Вероятно, что сын св. Публии был тот Иоанн, которого св. Мелетий посвятил в апамейского епископа (*Феодорит, Киррский*. Церковная история. Кн. 5). В славянском прологе 9 октября «приближися браку, родивши Феодора, святаго пресвитера». Что это значит? Не более, как ошибка писца, перешедшая в печать. Менолог Василия: «на короткое время связанная узами брака родила святейшаго пресвитера Иоанна».

[2] Менолог Василия: «диакониса Церкви, в Антиохии сирской». В прологе: «Поплии служебницы» (διακονισσην).

[3] *Феодорит, Киррский*. Церковная история. Кн. 3. В западных мартирологах св. Публия — игумения.

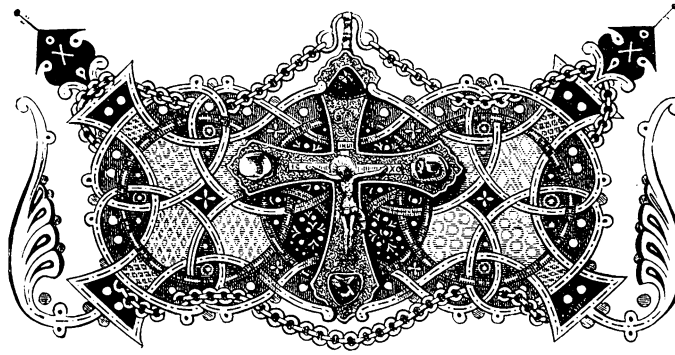
[4] Св. Златоуст в слове о св. Вавиле. Юлиан следовал эпикурейцу Лукиану, который говорил (in Philopatr.) об ап. Павле: «когда встретится со мною тот галилеянин, плешивый, с орлиным носом, восходивший с земли на третье небо». Раз Юлиан писал в Артабию (Ep. 7): «клянусь богами, я не умерщвлял галилеян и не хочу, чтобы

Публии. Подвижницы пели утренние хвалы Богу. Когда отступник шел мимо обители дев, подвижницы громче обыкновенного запели все вместе, считая гонителя достойным презрения и осмеяния. *Идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих,* возглашали они с Давидом и, его словами изобразив бесчувственность их, с его негодованием пели: *подобнии им да будут творящии я и вси надеющиеся на ня* (Пс. 113, 16). Слыша это, нечестивец вспыхнул и с гневом запретил петь псалмы, когда он будет проходить мимо. Тот, кто сердится на правду, выказывает только свою слабость и вызывает против себя новую смелость правды. Когда Юлиан снова проходил мимо обители, святая Публия велела петь: *да воскреснет Бог и расточатся врази его* (Пс. 67, 1). Юлиан в бешенстве приказал привести к себе начальницу хора. Пред ним предстала старица, достойная всякого почтения и по летам своим, и пользовавшаяся общим уважением в Антиохии за высокие добродетели свои. И однако он приказал одному из слуг бить по щекам проповедницу правды, и тот обагрил свои руки кровью ее. Бестрепетная диакониса говорила Юлиану, что жалеет о больной душе его, но считает истину Божию выше всего. С хвалою Богу на устах возвратилась она в свою обитель. Считая Юлиана за одержимого злым духом, как одержим был Саул, она продолжала петь для него священные песни, с теми мыслями, что авось либо и отступник придет в себя[1]. Недолго после того длилась жизнь ее: она с миром предала дух свой Господу, а Юлиан погиб на войне[2].

терпели они неприятности не по правде». Но он лгал. Когда один префект наказал язычников за умерщвление нескольких христиан, Юлиан жестоко наказал его за это. В Антиохии пострадали при Юлиане: Евгений и Макарий февраля 19, Феодорит пресвитер марта 8, Евсигней августа 5, Ювентин и Максим сентября 5, Артемий октября 20, Феодор ноября 23.

[1] *Феодорит, Кирский.* Церковная история. Кн. 3. То же в обоих менологах. Мартиролог Барония под 3 октября: «В Антиохии (кончина) святой игумении Публии; она, когда отступник Юлиан проходил мимо, пела со своими девами Давидову песнь: идоли язык сребро и злато, — подобни им да будут творящии я; по приказанию императора били ее по щекам и жестоко обругали».

[2] Оба менолога на 9 октября. Мартиролог Усуарда умноженный под 8 июня: «Публии вдовы и игумении, о которой причастная история в гл. 36 шестой книги». Римский мартиролог Барония под 9 октября.



День десятый

† СТРАДАНИЯ болгарских мучеников — иноков Зографской обители

Император Михаил Палеолог думал укрепить слабую империю свою союзом с папою — униею. Уния объявлена им в 1274 году, а в следующем году подвергал он казням осуждавших унию в столице. В 1278 году издан им был указ вводить унию всеми мерами насилия[1]. Афонские иноки отправили послание к Михаилу. Здесь они основательно доказали, что ни главенство папы, ни поминание его в церквах, ни совершение Евхаристии на опресноках, ни прибавление к Символу веры: и от Сына, не должны быть терпимы. «Мы ясно видим, — продолжали они, — что ты еретик, но умоляем тебя: оставь все это и пребывай в том учении, которое ты принял... Отринь несвятые новые учения ложного знания, прибавляющего к вере догадки»[2]. Особенно сильные протесты заявлялись со стороны славянских общин: сербский краль Милютин заявил протест мечом, отобрав у империи несколько городов, где жили славяне. Гордый Михаил сильно раздражен был. Бродячие

[1] *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах / Под ред. В.Н. Карпова: В 13 кн. СПб. 1862 (далее — *Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. —*Ред*.).

[2] Это послание отыскано о. Порфирием: Четыре беседы Фотия, святейшаго архиепископа Константинопольского, и рассуждение о них архимандрита Порфирия Успенского. СПб., 1864.

Болгарские мученики — иноки Зографской обители

крестоносцы, выгнанные из Палестины и укрытые в Романии, заявили Михаилу ревность свою огнем и мечом раздвигать власть папы. Михаил нанял еще турок и татар. Так, он в 1283 году двинулся против Сербии. На пути был теперь ненавистный ему Афон. Чтобы не раздражать греков, он положил и на Афоне излить злость свою за унию особенно на славянах. Еще под актом 1162 года подписался «Симеон инок и игумен Зографо»[1]. Столетием позже в Зографе конечно жили только одни болгары, считавшие Зограф своим монастырем, как сербы Хиландарь. По воле Михаила, слуги папы обрушились всею злобою своею на зографцев. Когда предъявлено было зографцам настойчивое требование принять унию, никто не хотел слушать о папизме. Большинство зографцев рассеялось, кто куда мог. Самые твердые, в числе 26, заперлись в военной башне. Это были игумен Фома, иноки: Варсонофий, Кирилл, Михей, Симон, Иларион, Иаков, Иов, Киприан, Савва, Иаков, Мартиниан, Косма, Сергий, Мина, Иоасаф, Иоанникий, Павел, Антоний, Евфимий, Дометиан, Парфений и 4 мирянина. Когда, невзирая ни на какие убеждения и ни на какие угрозы, зографцы не хотели слышать об унии, считая ее нечестием евангельской веры, твердые исповедники, все 26, были сожжены в башне[2]. На наружной стене Зографа представлено «мучение 26 зографских иноков, сожженных папою в монастырской

---

[1] *Григорович В.* Очерк путешествия; *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы. Григорович справедливо полагает, что грамота имп. Льва, вписанная в зографский хрисовул ц. Душана, принадлежит скиту, который впоследствии присоединен к болгарскому Зографу; но все-таки остается неизвестным, кем и когда устроен Зограф для болгар. Славянские рукописи Зографа и показания актов о древнейших монастырях Афона см. там же. Грамота Зографу болгарского царя Иоанна Ясеня 1192 г.; другая грамота болгарского царя Александра 1342 г. см. в: *Аврамович.* Описание древностей сербских.

[2] Афонский патерик. Ч. 1. Особое сказание напечатано в книге: *Никон.* Рай мысленный: Слово благополезное о создании мон-ря Пресв. Богородицы Иверские иже на Святе озере / Изд. Валдайского Иверского мон-ря. [Б. м.], 1659. Григорович (*Григорович В.* Очерк путешествия) указывает в хиландарской рукописи повесть о разорении Афона: но неизвестно, то же ли это, что напечатано в Иверском монастыре. Гуманные дела латынян на Афоне показаны и в послании Прота к вел. кн. Василию Васильевичу, писанном в 1445 г. (например в 9 т. летописи занятый археографической коммисией стр. 31). О зографцах здесь сказано, что они за твердость в вере задушены огнем в башне «и ныне мощи тех в освящение имамы». Ватопедский настоятель убеждал своих удалиться из обители; лучшие послушались его и удалились с настоятелем; упорные остались и предались латинянам; так как они преданы были настоятелем анафеме, то по смерти тела их лежат черные как уголь. О времени события здесь говорится так, что это было по окончании власти латинян над Цареградом.

башне 10 октября 1284 года за Православие»[1]. По январскому счету годов это было 10 октября 1283 года. Император Михаил, не дойдя до Сербии, скоропостижно умер в 1283 году. Ныне известно «исповедание» вдовы Михаила, где она обязалась пред Церковью не поминать души усопшего мужа своего Михаила. «Царственность моя, — писала она, — ненавидит и считает гнусным то дело (унию), которое недавно случилось в Церкви и смутило ее всю... Поелику же Церковь Божия осудила Векка (патриарха) за хульные догматы его и с ним Мелитениота и Метохита и отлучила от общения с собою, то и царственность моя, вследствие такого решения ее, достойно считает их отобщенными и отверженными. А так как та же святая Церковь Божия определила не удостаивать уставных поминовений и скончавшегося супруга моего, владыку и царя, за помянутое дело и смятение, то и царственность моя, предпочитающая всему страх Божий и покорность Святой Церкви, одобряет и принимает это определение и никогда не понудит совершать поминовение о душе владыки и супруга моего»[2].

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ блаженного АНДРЕЯ ТОТЕМСКОГО

Блаженный Андрей[3], уроженец села Усть-Толщемского, по смерти родителей жил в Галичском монастыре у одного инока. Живший здесь подвижник Стефан подал ему совет принять на себя иго юрод-

[1] *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы.

[2] Исповедание отыскано и издано о. Порфирием: Четыре беседы Фотия, святейшаго архиепископа Константинопольского, и рассуждение о них архимандрита Порфирия Успенского. СПб., 1864. После того конечно не будут более поднимать сомнений против разорения Афона папизмом в 1283 г., как сомневались доселе Григорович (*Григорович В.* Очерк путешествия) и поклонник горы (*Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы).

[3] Ркп. житие блаж. Андрея Тотемского.

ства для Христа, и — Андрей стал юродом. В зимнее время ходил он без обуви и в разодранной одежде; пищею служили ему хлеб и вода. Каждый год обходил он для поклонения святыне окрестные обители и опять возвращался в Воскресенскую обитель. По смерти наставника своего Стефана перешел он в Тотьму и поселился у церкви Воскресения Христова на берегу реки Сухоны. Здесь он продолжал подвиги юродства: днем ходил он там и здесь, а ночь проводил в молитве; что давали ему добрые люди, тайно раздавал он нищим. Наконец он еще при жизни обнаруживал в себе благодать Божию, исцеляющую недуги. Раз зимою шел он, по обыкновению босой, к храмовому празднику, за 50 верст от Тотьмы. С ним встретился на дороге старшина дикарей, Ажбакай, страдавший глазами; зная по слухам Андрея, он упрашивал его исцелить глаза его и давал ему значительную сумму денег. Андрей, не взяв ничего, убежал; Ажбакай умылся снегом, на котором стоял юродивый, и получил исцеление.

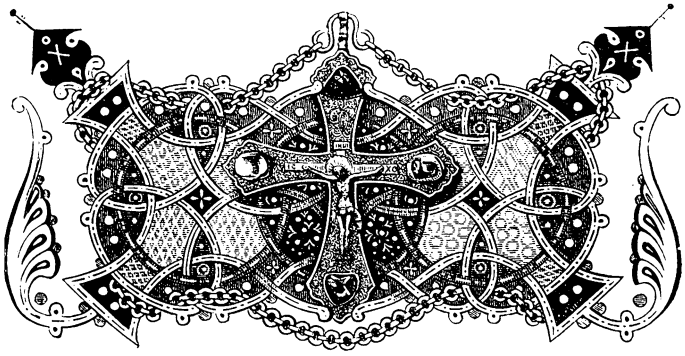
Почувствовав близость кончины, блаженный позвал к себе воскресенского пономаря Иоанна, которого любил, и просил пригласить священника Афанасия для исповеди и причащения его Святыми Тайнами. Причастившись Святых Таин, попросил клирика оставить его одного; потом, позвав его, сказал: «брат, пришло время разлучения души с телом». Иоанн в слезах зажег свечу пред иконою и покурил фимиамом. Вслед за тем блаженный тихо скончался с руками сложенными на груди крестообразно; его похоронили, по его желанию, под колокольнею. Десять лет юродствовал Андрей. Кончина его последовала 10 октября 1673 года, когда было ему 35 лет от роду. По кончине своей блаженный Андрей прославился чудесами. На раке преподобного Феодосия Тотемского 1800 года в клеймах изображены: преподобный Вассиан Тиксенский, Андрей, юродивый Тотемский, Прокопий, юродивый Усьянский, и блаженный Максим Тотемский[1].

[1] *Нафанаил, архим.* Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря преподобного Феодосия с приложением вида монастыря. М., 1850. О прп. Вассиане см. сентября 12; св. Максиме — января 16. В ркп. святцах: «св. праведный Прокопий Устьянский, чудотворец, иже на Ваге; обретены быша мощи его в л. 7200 (1692)». До записке о вологодских святых мощи Прокопия открыто почивают в устьянской церкви вельского уезда и были свидетельствованы в 1696 и 1739 г. холмогорскими преосвященными; местная память его июля 8 (Вологодские епархиальные ведомости. 1864).

Святых мучеников ЕВЛАМПИЯ и ЕВЛАМПИИ

Пострадали в гонение Диоклетаново и Максимианово. Евлампий, юноша, скрывавшийся с другими христианами в тайном месте, был послан ими в Никомидию купить хлеба. Увидев над воротами прибитый царский указ против христиан, стал порицать его, за то схвачен язычниками и представлен на суд. Судья убеждал Евлампия воздать честь богам и, найдя его непреклонным, предал пыткам: после бичевания и терзания тела железом его пытали огнем.

Услыша о том, сестра его Евлампия пришла на место мучения и, исповедуя себя христианкою, сказала мучителю: «И я готова терпеть за Христа, как и брат мой Евлампий». Мучитель велел бить ее по лицу, и бита была до изуродования. Евлампий укреплял сестру, говоря: «Не бойся, сестра, убивающих тело, а душу погубить не могущих». (см.: Мф. 10, 28). После сего мучитель велел выколоть очи Евлампию, а сестру повесить за волосы и бить. Наконец осуждены были на казнь. Воины повели их на место казни; но святая Евлампия скончалась при обезглавлении брата, и потому исполнители казни не коснулись тела ее.

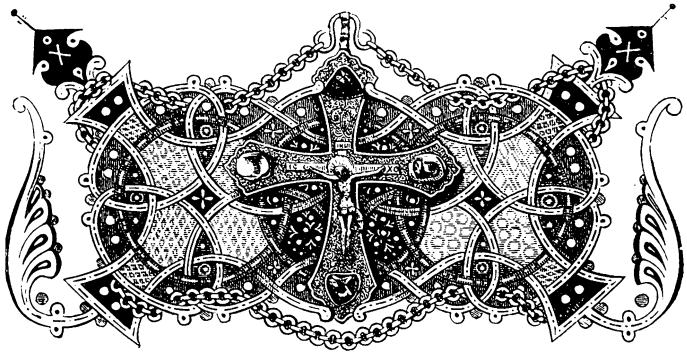


День одиннадцатый

† ПАМЯТЬ преподобного ФЕОФАНА ПЕЧЕРСКОГО

Мощи преподобного Феофана постника открыто почивают в Антониевой пещере. Обстоятельства жизни его не описаны в памятниках лавры. Имя постника, с которым известен он, дает видеть, что строгий пост был тот путь, которым он приблизился к Господу[1].

[1] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры. В ркп. святцах: «прпп. отцы Феофан и Пимен постники». У Кальнофойского: «св. отец Феофан постник».



День двенадцатый

† СТРАДАНИЕ святителей МАКСИМИЛИАНА и КИРИНА, епископов Норичских

Местом проповеднического служения святителей Максимилиана и Кирина была Норика[1]. Это была страна славян — норичей, получивших свое название от пребывания в горных норах, в пещерах и ущельях. «Норцы суть словене», — говорит и преподобный Нестор. Норичи — часть вендов, занимавших, под разными частными названиями, обширную страну между Адриатикою и Дунаем и от вершины Дуная далеко на запад[2]. Император Август, покорив норичей, построил

[1] Жизнь св. Максимилиана, описанная в 13 столетии патавским пресвитером, изд. int script. rerum austr. Т. 1. и с объяснениями Ганзена: Germania sacra. Т. 1. Извлечения у Вейса: Leben d. Heiligen; Leben u. Werken d. Heiligen.

[2] Известия Страбона, Птоломея, Ливия, Плиния — у Черткова (*Чертков А.Д.* Пеласго-Фракийские племена, населявшие Италию. М., 1853); фракийские племена в Италии (Временник общества истории и древностей. Кн. 16; *Савельев-Ростиславич Н.В.* Славянский сборник. СПб., 1845). Дионисий периэгет: «норики, панноны и мизы, живущие на южной стороне Дуная, все происхождением фраки, выходцы из северной Фракии; все берега Истры, по всему ее течению, заселены одними фраками». Папа Григорий в 600 г. писал к салонскому епископу: de slavorum gente,

в стране норичей несколько крепостей, в том числе Лерх (Lavreacum). Ныне родина святого Максимилиана называется Крайною, как крайняя страна славян, оттесненных немцами на юг. Ныне в Каринтии до 400 000 вендов или словенцев и до полутора миллиона кроато-сербов[1].

Блаженный Максимилиан родился в городе Зелье (Celeius), при вершине реки Савы. Сын богатых родителей, на 7 году имел наставником священника Орания (пахаря), человека образованного и искреннего христианина. На 19 году лишившись матери (отец его еще за 6 лет пред тем умер мучеником при Декии), Максимилиан остался наследником богатого имения; но он роздал его бедным и, дав свободу рабам, предал всего себя на служение Господу.

Около 260 года святитель Максимилиан избран и посвящен был в епископа Норичского, для которого кафедра назначена была в городе Лерхе. В этом звании он с полною ревностию трудился над распространением святой веры между славянами. Он не только просвещал евангельским учением родной свой край, но путешествовал на запад в нынешнюю Баварию, тогда населенную славянами. Плодами трудов его пользовались здесь целые века и после него. Здесь найден пергаменный сборник X века: в нем две исповеди и поучение славянского языка, с отличиями сербского наречия, писаны латинскими буквами. Поучение то самое, которое читается в прологе под 25 апреля. Исповеди и поучение по содержанию назначены для новокрестившихся славян[2]. Блаженный святитель с любовью заботился о возможном успокоении больных и бедных, особенно же тех, которые терпели гонение за святую веру от язычников. Когда император Нумериан объявил гонение на христиан, префект Норики своею жестокостью навел ужас на христиан, и немалое число их от страха приносили жертвы. Святитель поспешил в родной свой край, чтобы присутствием своим и живым словом ободрить дорогих родичей. Явясь к префекту, он в присутствии других сказал: «Не для того ли ты прислан сюда, чтобы защищать страну от врагов? А ты оказываешься самым жестоким врагом». Префект смутил-

---

quae vobis valde imminet, affligor et conturbor; affligor in his, quae iam in vobis patior; contristor, quia per Histriae aditum iam in Italiam intrare caeperunt. О хорутанских славянах см.: *Шафарик*. Славянские древности. Т. 2. Кн. 1.

[1] *Häufler Joseph Vincenz*. Sprachenkarte der österreichischen Monarchie sammt erklärender Uebersicht. Pest, 1846.

[2] Часть поучения см.: *Срезневский И. И.* Древние памятники письма и языка юго-западных славян // Христианские древности и археология. СПб., 1864.

ся; потом с важностью сказал: «Ведите почтенного в храм Марса, для принесения жертвы». Не заставили святителя поступить в оскорбление имени Христову никакие угрозы префекта. И префект приказал отсечь Максимилиану голову. Определение выполнено 12 октября 282 года[1].

Мученическая кончина святителя содействовала распространению христианства между славянами на реке Саве и на берегу Адриатики. Вскоре после святителя (в 297 г.) в прибрежной Норике некоторые из воинов вытерпели самые жестокие мучения за святую веру[2].

Блаженный Иероним в своей хронике почтительно говорит о святителе и мученике паннонском Кирине; Пруденций воспел его в стихах; третий древний учитель относит его к знаменитейшим свидетелям Христовым. О мученичестве его сохранилась и древняя запись[3].

Кафедра святителя Кирина была на реке Саве в Сиске (Siscia), ныне торговом местечке, тогда как кафедра святителя Максимилиана в Загребе.

Когда префект нижней Паннонии Максим поднял жестокое гонение против христиан, святитель Кирин удалился из города своего. По приказанию префекта долго искали его и, схватив, представили к начальнику. «Зачем ты бегал?» — спросил Максим. «Напрасно думают, — отвечал епископ, — будто страх гонял меня; я исполнял волю Господа моего, который сказал: когда гонят вас в одном городе, уходите в другой». «Кто это предписал?» — спросил префект. «Христос, истинный Бог», — отвечал Кирин. «А ты не знаешь того, — говорил Максим, — что указы императоров найдут тебя везде? Тот, Которого называешь ты Богом, не избавит тебя; вот ты теперь пойман». Кирин отвечал: «Он всегда с нами, где бы мы ни были, и Он может помочь, когда захочет. Он был со мною, — и теперь Он укрепляет меня». «Ты уклоняешься от исполнения воли государей наших, — говорил Максим. — Непослушание — преступное».

---

[1] *Henricus Canisius.* Antiquae Lectiones, seu antiqua monumenta ad historiam mediae aetatis illustrandam. 6 volumes. Ingolstadt, 1601–1608. V. VI; в житии Руперта: «св. Максимилиан из зелья — прекрасно управлял лерхскою церковию.... Он пришел на родину и здесь — лишается головы». В прибавлениях к Усуардову мартирологу гревенский мартиролог: «12 октября Максимилиана лерхского епископа и мученика, который при имп. Каре и Нумериане принял мученический венец.... потом перенесенный баварским графом в Потавию весьма чтится». Моланово издание: «в Зелье (Celenoe), что в Паннонии, Максимилиана, лерхского епископа и исповедника; тело его перенес в Лерх Руперт, баварский апостол (590 г.), построивший много церквей в честь его; наконец в Потавию (на р. Драве) перенес имп. Генрих 2» († 1024). Patrol. 124, 569. 570.

[2] *Weiss.* Leben d. Heiligen. V. VI; Martyrologia Adonis; Usuardi (Lat. Patrol. T 123. 124).

[3] Acta martyrum sincera; *Weiss.* Leben d. Heiligen zu 4 Iuni.

Епископ отвечал: «Не исполняю оттого, что та воля противна воле Божией; боги ваши — пустота; а Бог, Которому служу я, — на небе и на земле, Он выше всего и все держит, все Им создано и Им же сохраняется». Максим сказал: «Ты выжил из ума и бредишь; слушайся, иначе готовы муки и смерть». Епископ отвечал: «Напасти, которыми грозишь ты, считаю за славу, и обещаемая смерть даст мне жизнь вечную; покланяюсь Богу моему и Ему приношу достойную жертву, но не земным царям». Префект приказал жестоко бить его. Потом сказал, что если Кирин послушается, признает могущество богов, которым подчинена Римская империя, предоставлена ему будет должность жреца в храме Юпитера; иначе отослан будет к префекту верхней Паннонии. Епископ отвечал: «Я и без того истинный священник, приношу себя Богу моему». Максим велел держать его в темнице и в тяжелых оковах.

В темнице святитель славил Господа за участь свою и молился. В полночь темница озарена была сильным светом. Начальник темницы Маркелл, увидав это, пал к ногам епископа и со слезами говорил: «помолись за меня Господу; верю, что нет другого Бога, кроме чтимого тобою». Блаженный епископ наставил его и запечатлел его именем Иисуса Христа. Спустя три дня Максим велел отправить Кирина к префекту первой Паннонии[1].

По всем городам придунайским вели епископа в оковах. Префект Паннонии возвращался из Чепрега (de civ. Scarabetensi), и ему представили Кирина; но он велел весть Кирина в Сабарию, где сам будет. Благочестивые жены принесли тут епископу пищу и питье; он благословил приношение за веру их, а они лобызали оковы его. Когда покушал он, стражи повели его в Сабарию (ныне Сарвар, при Рабе). Префект был в театре, когда представили ему Кирина. Прочитав уведомление, спросил он: «Правда ли все то?» Епископ отвечал: «В Сиске исповедал я Бога истинного; Ему всегда покланялся и Его ношу в сердце; Он единственный истинный Бог, и от Него никто не отлучит меня». Префект употребил все, чтобы поколебать твердость святого; говорил, что жалеет старость его и что не умно пренебрегать жизнью. Все было напрасно. «Не похожу я на безумных, — говорил исповедник; — они, по желанию жизни

[1] В актах префект первой Паннонии Аманций. У Пруденция: Hicsub Galerio duce, qui tunc illyricos sinus urgebat ditionibus. Так как Иллирия заключала под собою как верхнюю, так и нижнюю Паннонию, то Галерий был начальником и над Максимом; последний, не имея права на жизнь подсудимого, отсылает его к Галерию. Префект Иллирика назывался и Аманцием и Галерием: два имени одному лицу — обыкновенное дело.

отрекаясь от Бога, истинно умирают; а я, исповедуя, перехожу к Вечной жизни; законы ваши не удовлетворяют меня, и я исполняю повеления Христа Бога моего, возвещенные для верных». Префект решил бросить Кирина в реку с камнем на шее. Когда он был брошен, то еще долго оставался на поверхности воды, убеждал зрителей быть твердыми в вере и не страшиться ни мук, ни смерти; наконец, только по молитве его, волны скрыли его. Святой увенчался мученическим венцом в 309 году[1].

Мученическая кончина святителя Кирина, как и страдание святителя Максимилиана, не только вызвали подражателей святому примеру между верующими[2], но содействовали распространенно веры между славянами на реке Саве и на берегу Адриатики: епископ Мурсы, что на реке Саве, защищал Православие на Сердикском соборе 347 года; епископ Ядрский с Адриатики был на Аквилейском соборе 381 года[3].

† ПАМЯТЬ
преподобных
АМФИЛОХИЯ, МАКАРИЯ, ТАРАСИЯ и ФЕОДОСИЯ ГЛУШИЦКИХ

Блаженный Амфилохий[4] уже иноком пришел из Устюга к преподобному Дионисию Глушицкому, когда у него основались обители

[1] *Hieronymo*. Chronicon ad an. 310: «Кирин, сисьский епископ, славно умирает за Христа. Ибо когда с жерновным камнем на шее брошен был в реку, то весьма долго плавает на поверхности, разговаривает со зрителями, чтобы не устрашались примером его, и едва молитвою достигает того, чтобы был погружен».

[2] Проспер в хронике о св. Кирине: cum sociis gloriose pro Christo interficitur. В иеронимовом мартирологе в один день со св. Кирином in sabaria civitate Rustuli cum aliis duobus.

[3] *Wiltsch*. Handbuch der kirchlichen. О состоянии Православия и папизма в прибрежных городах Адриатики: «епархиа православна у Далмации» (Сербо-далматинском магазин. Загреб, за лето 1850 г.).

[4] Ркп. житие прп. Дионисия Глушицкого.

Глушицкая и Сосновец. «Отче! спаси меня», — сказал Амфилохий Дионисию при первой встрече. «Зачем ты принял на себя труд такой, чтобы прийти сюда»? — отвечал Дионисий. «Я пришел, — говорил Амфилохий, — поклониться Пречистой Богоматери и просить молитв твоих». Дионисий призвал ученика Макария и сказал: «Пришел к нам в монастырь наставляемый Богом инок Амфилохий и хочет с нами приносить молитвы Богу». Макарий отвечал: «Прости меня невежду, отче, не понимаю, что говорить»? «Говори, послушник, что Бог положит на сердце», — сказал Дионисий, и Макарий произнес: «Благословен Бог, хотящий всем человеком спастися».

«Да даст тебе Бог говорить полезное», — прибавил игумен. Видя такую простоту наставника и ученика, Амфилохий пал к ногам Дионисия и сказал: «Понимаю теперь пути твои, отче, и как не ища славы человеческой, ищешь ты только славы Божией». Дионисий, подняв его, сказал: «Зачем ты, брат мой, отягчаешь грешного человека? Богу — слава. Он один может спасти и меня и тебя». Амфилохий со слезами объявил, что он решился быть послушником Дионисия. Игумен не скрыл, что жизнь в его обители сурова и трудна. «Если хочешь пребывать здесь, — прибавил Дионисий, — сотворим завет не разлучаться друг с другом, пока останемся на земле». Амфилохий решился на все и со всею точностью исполнял устав общежития. Он был помощником Дионисия при построении нового, более обширного, храма. Кротость и смирение его были примерные, и забота его относилась только к душе. Пред кончиною своею преподобный Дионисий, призвав Амфилохия, сказал ему: «Вижу, что смерть близка ко мне, тебе же велит Господь жить, — предай тело мое земле; не оставляй сего места, подвизайся каждый день. Кто из нас может заплатить чем-нибудь Владыке Христу»? Когда Амфилохий стал плакать о разлуке с учителем, он сказал: «Ты еще не довольно подвизался для получения назначенной тебе награды», — и поручил ему управление обителью[1]. По рукописному описанию святых, преподобный Амфилохий скончался спустя 15 лет после преподобного Дионисия и, следовательно, в 1452 году. В обители замечен день кончины его 12 октября. Преподобный был роста среднего, с бородою невеликою и серебристою[2].

[1] Ркп. житие прп. Дионисия.

[2] Изображение прп. Амфилохия см. в: Христианские древности и археология. Кн. 7.

Мощи его почивают под спудом, рядом с мощами учителя его, в храме посвященном их имени. Рака над мощами устроена в 1645 году усердием гостя Бахтеяра Булгакова[1].

По житию преподобного Дионисия, блаженный Макарий, рожденный в Ростове, еще двенадцатилетним Матфеем взят был из дома родительского в обитель Дионисия и пострижен был в иночество; он жил в келье игумена и под его надзором обучался иноческой жизни. Авва полюбил его за чистоту души, и по его просьбе Макарий посвящен был в иеромонаха Ростовским архиепископом Дионисием (1396–1416 гг.). Блаженный Макарий до самой кончины преподобного наставника своего жил при его келье. После Амфилохия он был игуменом Глушицкой обители. Мощи его почивают под спудом, осененные ракою. Служба ему отправляется общая с другими глушицкими преподобными по древней рукописной монастырской книге[2].

Блаженный Тарасий был игуменом Пермской обители, но добровольно оставил начальство, чтобы быть в послушании другого. Когда сказали Дионисию о прибытии его в Глушицкую лавру, он вышел навстречу Тарасию. «Издавна желал я видеть лицо твое, честный отче, и много молил о том Господа», — сказал Тарасий при встрече с Дионисием. «Благословен Бог, пославший к нам недостойным мужа опытного и благоговейного», — отвечал Дионисий. «Тебя прославил Господь по делам твоим, — сказал Тарасий. — Позволь же моему смирению подражать тебе и исполнять твою волю; вот небольшое имение, которое принес я с собою; причисли меня к твоей пастве». «Не ты ли, как подражатель истинного Пастыря Христа, — говорил Дионисий, — был сам пастырем и целителем людей, блуждавших во мраке язычества в земле пермской»? Тарасий сказал, что чувствует нужду быть учеником другого, опытнейшего. С того времени игумен Тарасий проводил суровую пустынную жизнь наравне с прочими, сохранял строгий пост и приобрел благодатные слезы умиления, текшие

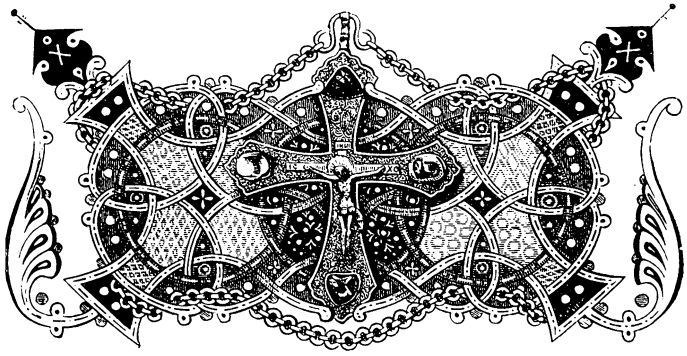
[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III. В синод. ркп. XVII в. № 610 кроме службы одному прп. Дионисию, общая служба Дионисию и Амфилохию (*Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской словесности. Т. 2).

[2] Ркп. житие Дионисия; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V. По ркп. святцам Макарий преставился 13 мая. В святцах устава XVI в. (Толстого 1 № 100) под 13 мая «прп. Макарий Глушицкий».

часто из очей его. Он прожил при преподобном Дионисии 10 лет и преставился при игумене Амфилохии, вскоре после наставника своего, в 1440 году. Служба ему общая с преподобным Макарием. Мощи его осенены ракою.

О блаженном Феодосии известно только то, что он был учеником преподобного Дионисия и мощи его почивают вблизи мощей Тарасия[1].

[1] Ркп. житие прп. Дионисия; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III; Ркп. святцы.



День четырнадцатый

† ПАМЯТЬ преподобной матери нашей ПЕТКИ-ПАРАСКЕВЫ БОЛГАРСКОЙ

«Закон любви таков, — говорит описатель жизни святой Параскевы, — что он побуждает обновлять в памяти любезных нашему сердцу, чтобы могли мы созерцать в уме образ их и живописать речи их. Тем более отрадно для сердца воспоминание о Божиих угодниках, столько полезное для всех. Как в летние дни, под благотворными лучами солнца, все оживает и растет, так и духовная повесть, прогоняя облако печали, веселит и живит душу и, подавая силу усердию нашему, ведет нас к лучшему. Уже во всей Мизии, Фракии Далматии славится имя преподобной Параскевы»[1].

Родители блаженной Петки были славяне и люди не бедные, пользовавшиеся известностью; жили они в местечке Эпиватос (Пират, турецкий Баядос), на взморье, между Силимвриею и Константинополем. Кроме дочери Петки был у них сын. Его отдали они в училище, а дочь воспитывалась в доме родителей, под надзором матери. В Петке

[1] Житие св. Параскевы, описанное патр. Евфимием около 1385 г., напечатано в Гласнике (Кн. 8), но по такому списку, в котором листы перебиты, а издатель не позаботился привести их в порядок. Список у Царского № 135. Несколько измененное у свт. Димитрия в Четьях-Минеях октября 14 день.

рано открылось пламенное желание жить для Господа. *Иже хощет по Мне идти, да отвержется себе* (Мф. 16, 24): эти слова, слышанные ею в храме, как стрела, пронзили сердце ее, и она, при выходе из храма, отдала богатое свое платье встретившемуся бедняку, выменяв на его лохмотья. Родители побранили ее за выменянный наряд; но сердце ее горело любовью к Господу. Спустя несколько времени опять отдала она свою одежду нищенке и потом не раз повторяла то же самое. Бранили ее резко, но она чувствовала, что иначе не может она жить.

Брат Петки, когда достаточно научен был Священному Писанию, пожелал иночества и с согласия родителей постригся под именем Евфимия. Восходя постепенно в жизни духовной, он стал мужем твердым. По известности о его высокой жизни возведен он был на епископскую кафедру епархии Мадитской; здесь он прославился добродетелями и борьбою с еретиками. Он почил в глубокой старости, и тело его положено было в соборном храме, где источало чудеса. Михаил Пселл в похвальном слове патриарху Михаилу Керуларию (1043–1058) с похвалами отзывается о святителе Евфимии как о современнике или несколько прежде процветавшем на кафедре Мадитской, на берегу моря[1].

По смерти родителей блаженная Петка решилась совсем расстаться с миром. По сведениям, собранным святогорцем Никодимом, прежде чем удалилась она в палестинскую пустыню, посетила Царьград и обошла святые места его; здесь выслушивала она наставления ревностных подвижников. По их совету поселилась в предместье ираклийском при уединенном храме Покрова Богоматери; она провела здесь в молитвах, посте и слезах пять лет.

Исполняя давнее желание свое, отправилась она в Палестину и, поклонившись местам, освященным жизнью Спасителя, осталась жить в Иорданской пустыне. Одному Господу известны все подвиги равноангельского пустынного жития преподобной девы. Истаивая то от зноя, то от холода, она питалась только травою и то по закате солнца. Злой дух искушал ее мечтами и привидениями, но «добрая Петка Вышнего положи прибежище себе». Так провела она жизнь до старости, не давая себе покоя, в ожидании Небесного Жениха.

Однажды, когда она стояла на молитве, явился ей Ангел и сказал: «Оставь пустыню и возвратись в твое отечество, — там тебе надобно

[1] *Wiltsch*. Handbuch der kirchlichen.

Преподобная
ПЕТКА-ПАРАСКЕВА
БОЛГАРСКАЯ

оставить тело на земле и душою прейти к Господу». Преподобная возрадовалась, что близко время разрешения ее от тела, но жаль ей было расстаться с пустынным уединением. Повинуясь воле Небесной, она отправилась в Отечество, и на море довелось ей испытать бурю. Прибыв в Константинополь, посетила святую Софию и во Влахернском храме молилась пред чудотворною иконою Богоматери.

Воротившись в родное местечко Пират, она не застала в живых никого и из знакомых, и при храме святых апостолов пребывала в молитве. Прошло два года по возвращении ее из пустыни. Блаженная молилась в уединении своем и на молитве предала дух свой Богу. Тело ее похоронено христолюбивыми, как тело странницы, никому не сказавшей о себе, откуда она. Это было в первой половине XI столетия.

Близ того места, где похоронена была преподобная, подвизался столпник. Случилось умереть моряку, и тело его брошено было невдали от того места. Смрад от тела до того был силен, что столпник вынужден был сойти со столпа и просить близких жителей предать земле тело несчастного. Благочестивые люди взялись копать могилу и обрели тело, к которому не коснулось тление. Сперва испугались они и недоумевали: что делать? Как незнакомые с духовными вещами, по простоте, оставили они нетленное тело в могиле и тут же закопали смрадный труп. Потом, когда один из них, благочестивый Георгий, после вечерней молитвы лег на покой, явилась во сне облеченная в царственное одеяние дева, окруженная воинами; свет, окружавший ее, до того был силен, что не мог он смотреть; один из воинов подошел и, взяв его за руку, сказал: «Георгий! зачем вы так презрели тело преподобной Параскевы? Немедленно выньте его из смрадной могилы и положите в раке; Царь хочет прославить ее на земле». Тогда и дивная дева сказала смущенному Георгию: «Поспеши вынуть мои мощи, — не могу терпеть смрада; родина моя Пират, где вы живете». В ту же ночь благоговейная жена Евфимия имела подобное видение. Когда огласились оба явления, поспешили к могиле и вынули нетленное тело святой девы; оно с торжеством положено было в соборном храме апостолов, и от него потекли потоки исцелений: слепые прозревали, хромые начинали ходить, больные тяжкими болезнями получали здравие.

Прошло почти два столетия после кончины преподобной Параскевы. Константинополь и близкие к нему места были в руках

папистов — крестоносцев. Болгарский царь Иоанн Ясень, сын старшего Ясеня, решился освободить святые мощи Параскевы из нечистой власти папистов[1]. Франки трепетали Ясеня. Потому, когда объявил он, что желает перенести мощи преподобной в свой стольный город, они немедленно согласились отпустить их. Так с торжеством встретили их царь и патриарх Василий в Тернове, и они положены были (1238 г.) в построенном для них храме преподобной Параскевы[2].

Когда султан Баязет взял Тернов, все святыни были разграблены; валахский властитель успел взять мощи преподобной, одетые в одном рубище, и перенес их в свою столицу. В 1396 году Валахия также попала под власть магометан и владетель ее сослан был в Бруссу. Благочестивая княгиня сербская Милица, быв у султана, выпросила мощи преподобной Параскевы, и они перенесены были в Сербию[3]. При господаре Василии Лупуле, в 1641 году благоговейно перенесли их в Яссы, и они покоятся поныне в ясском соборном храме Трех святителей. Славою чудес своих они везде прославляли, как и прославляют, веру Христову, на утверждение слабых в вере[4].

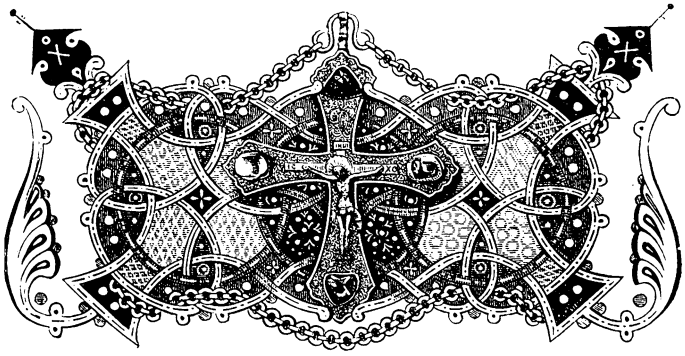
---

[1] Сказание: «грьчскаго царствиа скиптру изнемогшу, попущением Божиим римляне... царствующий удрьжаше градь, весь святые сьсуды безстудне вьземше и еще же и честные святых мощи, церковну всю утварь и царскаа вьса имения и вьсу, просто рещи, града красоту. Вьса вь римь отпустише й отслаше... Благочестивому цару бльгарскому Иоанну Асеню, сыну стараго царя Асеня, никакоже тех лаяний ужасьшуся, нь и паче време благополучно обреть, на нечестивых одрьжаше храборне вскочи и вьсе македонское обьемшу одрьжание и еще же и Серь» и пр. Македонию и Фракию отнял у латинян и греков Ясень старый, а не сын Ясеня старого. Сын доканчивал дело отца: он восстановливал болгарскую народность, почти не употребляя крутых мер (*Stritteri*. Bulgarica. § 267, 274, 277–281).

[2] Пролог октября. 14. Храм св. Петки ныне мечеть (*Григорович В.* Очерк путешествия).

[3] У Царского № 135 «сказание, како принесена бысть преподобная в славную сербскую землю, списано Григорием Цамблаком». В списке русских городов XIV в.: «обону страну Дуная Тръновъ, ту лежит св. Пятница».

[4] *Даскалов Хр. С.* Открытия в древней столице Болгарской Тернове. Письмо к О.М. Бодянскому. М., 1859; *Григорович В.* Очерк путешествия. Патр. Нектарий (в ответах паписту Петру), перечисляя святых нового времени, пишет: «известна нам и Параскева новая, чтимая пресветлыми торжествами во всей Болгарии, но ее тело перенесено из Константинополя в Молдовлахию и врачует, как сами видели, многих».



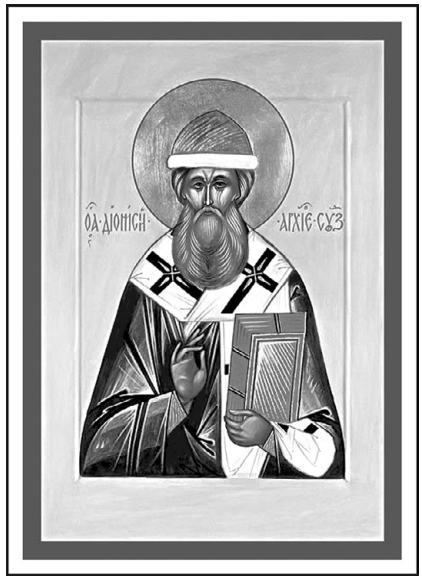
День пятнадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святителя ДИОНИСИЯ, архиепископа Суздальского

С молодых лет посвятив себя на служение Богу, блаженный Дионисий, в мире Давид, по примеру киевских печерских подвижников ископал себе пещеру на берегу Волги, в 5 верстах от Нижнего Новгорода. В Печерской обители его сохраняется Печерская икона Божией Матери с предстоящими Антонием и Феодосием, принесенная Дионисием из Киева[1]. Это дает видеть, что блаженный Давид пострижен был в иночество в Киевской пещерной обители и отсюда принес на берег Волги любовь свою к пещерной жизни. В пещере своей блаженный Дионисий сперва жил один отшельником. Когда же явились желающие подвизаться вместе с ним иночески, он основал (около 1335 г.) монастырь в честь Вознесения Господня[2]. Строгою подвижническою жизнью и обширным знанием правил веры и благо-

[1] *Макарий (Миролюбов), архим.* Памятники церковных древностей Нижегородской губернии. СПб., 1857 (далее — *Макарий (Миролюбов), архим.* Памятники церковных древностей Нижегородской губернии. —*Ред.*).

[2] Книга Степенная. Ч. 1. В 1343 г. из Печерской Дионисиевой обители отправился прп. Евфимий для основания монастыря в Суздале; а до того времени он жил у Дионисия, конечно, не менее 8 лет.



Святитель
ДИОНИСИЙ,
архиепископ Суздальский

чества приобрел он себе известность и уважение. В нем видели «мужа кроткого, рассудительного, знающего Святое Писание, учительного, славного по постничеству и исполненного любви ко всем»[1]. Под его руководством получили начальное иноческое образование преподобные Евфимий Суздальский и Макарий Унженский. Он преподавал наставления блаженной княгине Феодоре. В Печерской обители, под его руководством, образовались учительные старцы, каков был Павел Высокий. По его благословению 12 учеников его, в том числе преподобный Евфимий, насадили иноческие обители в разных местах страны суздальской и нижегородской[2].

Святитель Алексий, лично зная добродетели и образованность Дионисия, в 1374 году посвятил его в епископа Суздальского[3]. В следующем году блаженному архипастырю пришлось подвергать собственную жизнь опасности для спасения других. Народ, раздраженный своеволием Мамаевых послов, перебил нескольких из них; по распоряжению князя главный посол, мурза Сарайко, заключен был с дружиною его в крепость, для его же безопасности. Но так как дознано было, что дикая дружина замышляет убийства, то хотели развести татар в разные места. Узнав о том, Сарайко бросился со слугами в дом владыки, зажег двор и начал стрелять в народ. Дионисий старался успокоить и чужих и своих, но едва не лишился жизни — одна стрела татарская вонзилась в мантию его. Раздраженный народ перебил озлившихся степняков[4]. В 1377 году святитель оплакал погибель войск нижегородского и московского на реке Пьяной и следовавшее затем опустошение Нижнего татарами[5]. По смерти святителя Алексия († 1378 г.) преподобный Сергий, в первый раз узнавший Дионисия еще в Печерском монастыре (в 1365 г.), предлагал великому князю Димитрию избрать Дионисия в митрополита. Но великому князю и боярам непременно хотелось видеть митрополитом Митяя, придворного священника. К сожалению, светским людям нравятся митяи — люди ловкие и легкие, для которых благочестие — дело неважное. Митяй избран в митрополита. Любимец великого князя не соблюдал даже

[1] Книга Степенная. Ч. 1; Собр. л. 8, 20, 21.

[2] Ркп. житие прп. Евфимия.

[3] Никон. л. 4, 38; Собр. л. 8, 20.

[4] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V, прим. 31; Собр. л. 8, 21, 22.

[5] Собр. л. 8, 25, 26.

приличий в новом своем счастье. Он вел себя так гордо и заносчиво, что, не посвященный в сан святителя, облекался в митрополичью мантию, носил белый клобук, обращался с духовенством властительски и брал себе доходы первосвятителя[1]. Он просил великого князя, чтобы посвящение его совершилось в Москве. Великий князь пригласил епископов для посвящения Митяя. Блаженный Дионисий, явясь к великому князю, смело сказал: «Кто это учит тебя, государь, переменять закон по своему усмотрению? Не следует быть тому, чего желают от тебя и от нас». Великий князь отказался от своего желания. Митяй сильно оскорбился разрушением мечты своей и кипел досадою на Дионисия. «Почему ты, — сказал он Дионисию, — не был у меня до сего времени и не принял моего благословения»? Дионисий отвечал: «Оттого, что я — епископ, а ты священник, — ты не имеешь права благословлять меня». Митяй задрожал от гнева, грозил с криком, что лишит Дионисия священства и своими руками сдерет скрижали с мантии его. После того Митяй поспешил в Царьград. Дионисий отправился туда же, потому что его вызывал к себе патриарх, да и надобно было искать себе защиты. Это было в 1380 году[2].

В Царьграде Дионисий пробыл более года. Он употребил это время для пользы не только своей паствы, но и всей Русской Церкви. Для паствы своей послал он из Константинополя два точные списка с иконы Божией Матери Одигитрии, потом приобрел часть животворящего древа и мощи некоторых святых[3]. Важнее же всего было то, что он объяснил патриарху опасность, в какой находится Русская Церковь от ереси стригольников, усилившейся во Пскове и Новгороде. Патриарх, лично узнав высокие достоинства Дионисия, почтил его саном архиепископа, дал ему фелонь с крестами и стихарь с источниками. Если бы Дионисий желал высшей чести, при расположении к нему патриарха он, после несчастной смерти Митяя, мог бы испросить себе

[1] Книга Степенная. Ч. 1; Никон. л. 4, 52, 66–68; Собр. л. 4, 73.

[2] Никон. л. 4, 70, 71, 82, 83; Типогр. л. 140, 141; Собр. л. 8, 30. Грамота патриарха в: Акты исторические. Т. 1. № 251. «Князь великий — отпусти Дионисия на том слове, яко не ити ему к Царюграду, но ждати до году Митяевой митрополии». Если Дионисий обещался только не препятствовать Митяю получить сан в Царьграде, то он не изменил и этому слову.

[3] Книга Степенная. Ч. 1. Один список коны Одигитрии послан был Дионисием в нижегородский Спасский собор, где он и ныне сохраняется (*Макарий (Миролюбов), архим.* Памятники церковных древностей Нижегородской губернии).

сан митрополита. Но он не искал земной чести, — а славы Божией желал. «Мы нашли его, — писал патриарх в грамоте, — достойным всякой похвалы: видели пощение и слезы его, молитву и милостыню, все, чем обозначается духовный Божий человек; он присутствовал и на святом соборе, духовно беседовал с епископами о Священном Писании, причем показал ревность к вере и глубокое разумение священных правил. Потому и удостоен он почетного сана, с возведением кафедры его на степень архиепископии, второй после Новогородской; даны ему стихарь с источниками и фелонь с четырьмя крестами и ликами евангелистов»[1]. Патриарх поручил просвещенному и ревностному архипастырю лично быть в новгородской пастве и употребить старание об истреблении там ереси. «Смирение наше и великий собор, — писал патриарх псковичам, — послали к вам боголюбивого архиепископа Суздальского Дионисия, мужа честного, благочестивого, добродетельного, известного хранителя священных канонов; он от лица нашего посетит и благословит вас, научит и наставит, устроит должное и соединит вас с соборною апостольскою Церковью Божиею; вы должны узнать, что отлучающиеся от Церкви отлучаются от Самого Христа Бога; все, что услышите из уст его, примите как наше собственное слово»[2].

Снабженный патриаршими грамотами, блаженный Дионисий в конце 1381 года возвратился в Россию. Он был в Новгороде и Пскове и успел сильно потрясти там тлетворную ересь стригольников[3]. В это же время он установил общежитие в псковском Снетогорском монастыре. «При Божией помощи, — писал он в грамоте монастырю, — как заповедал мне святейший Вселенский патриарх, заботливый о спасении душ и обращении заблудших, возвращаю я на верный путь, к иноческому общежитию, уклонившихся от него». Разрешив виновных в своеволии, постановляет: «Ни игумен, ни братья не должны иметь ничего своего; не должны

[1] Акты исторические. Т. 1. № 251.

[2] Акты исторические. Т. 1. № 252. Грамота новгородцам в: Acta Patriarch of Constantinople / Ed. Miklosich. Vindobon., 1860. Т. 2 (далее — Acta Patriarch of Constantinople. —*Ред.*).

[3] Собр. л. 3, 93; 4, 83; Никон. л. 4, 129–131, 299, 300; Книга Степенная. Ч. 1; Просветитель, или обличение ереси жидовствующих: Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1857 (далее — Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. —*Ред.*).

ни есть, ни пить у себя по кельям; одежду необходимую должны брать у игумена, притом одежду простую, из обыкновенных, а не из немецких сукон, шубы бараньи и без опушки; обувь, онучи брать у игумена; лишнего платья не иметь». Такое установление оправдывает он затем словами Василия Великого, Ефрема, Лествичника и других[1]. К празднику Богоявления (1382 г.) прибыл он в Суздаль и затем был в Нижнем. В любимой Печерской обители своей оплакал он кончину великого старца Павла, подвижника учительного[2]. Великий князь увидал теперь достоинства блаженного Дионисия и в июне 1383 года отправил его в Константинополь для поставления в митрополита, на место Пимена, доставшего себе высокий сан помимо великого князя. Достоинства Дионисия известны были в Константинополе, и потому там согласились исполнить просьбу о нем великого князя, если полномочные собора найдут дело Пимена неправым. Блаженный Дионисий, возвращаясь в Россию чрез Киев, задержан был здесь литовским князем Владимиром Ольгердовичем. Князь литовский объявил, что, если Московский князь по своей воле изгнал из Москвы Киприана, митрополита всей России, то князь Киевский, следуя ему, задерживает Дионисия. По отношению к святой Церкви это означало, что произвол человеческий вводит с собою в Святую Церковь только страдания и неустройства. По отношению к блаженному Дионисию это значило, что Господь еще раз и уже в последний подвергает его очистительным скорбям. «*Господь кого любит*, — учит Священное Писание, — *того наказывает: бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6). *Благо мне что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим* (Пс. 118, 71), исповедует священный певец. Блаженный Дионисий в пещерной келье проводил время в молитве и сокрушении сердечном[3]. Подвижник-пастырь скончался в Киевской пещере 15 октября 1384 года[4].

---

[1] Акты исторические. Т. 1. № 250.

[2] Никон. л. 4, 141; Типогр. л. 18.

[3] Никон. л. 4, 142, 144, 147, 148; Типогр. л. 184, 185; Собр. л. 8, 48, 49; Соборное деяние 1389 г. у Калачова (*Калачов Н.В.* Архив исторических и практических сведений, относящихся до России: В 6 кн. СПб., 1858–1869).

[4] По Воскр. л. (Собр. л. 8, 49) скончался 15 октября 6893 (1384). По Львов. л. 2, 186. «Тогда же (6893) преставися в Киеве Дионисий митрополит, октября 25 и положен в пещере». В синодике нижегородского Печерского монастыря сказано: «преосв. митрополит Дионисий, иже бысть архиепископ суждальский, а прежде того был начальником Печерскаго монастыря, преставися 6983 октября в 15 день, а память

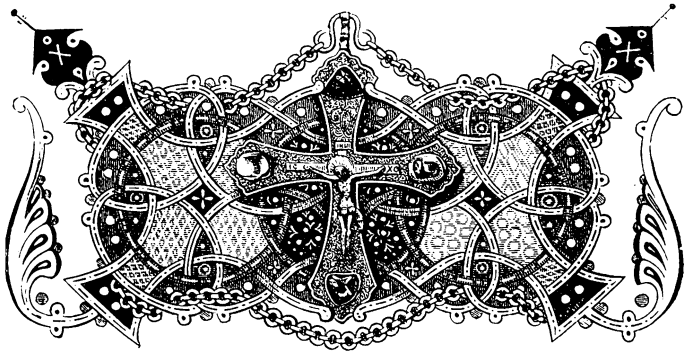
«Тело же его, — говорят летописи, — и доныне цело и нетленно»[1]. По древним памятникам называется он чудотворцем[2]. В Печерском каноне молятся святителю Дионисию[3].

его в 26 день июня». Ниже о нем же: «на память прп. отца нашего Давида (26 июня) и на преставление в 15 день октября — в оба дни служити собором и кормы на братию ставити большия». Это записано конечно скоро после смерти Дионисия.

[1] Типогр. л. 184, 185; Львов. л. 2, 166: «...глаголют, яко и доныне лежит в теле»; «...глаголют же, яко и до ныне в теле лежит» (Книга степенная. Ч. 1). Воскр. л. (Собр. л. 8, 49): «положен был в пещере Антониеве и тело же его и доныне цело есть и нетленно»; а ниже, под 1389 г. «лежит в пещере Феодосиевой». В софийск. л. (5, 239) «положен бысть в пещере Онтониев». Ныне в Феодосиевой пещере прп. Дионисий.

[2] Синодик 1552 г. нижегородского Печерского монастыря «писан в Печерском монастыре Вознесения Господа нашего — и преподобного чудотворца Дионисия» (*Макарий (Миролюбов), архим.* Памятники церковных древностей Нижегородской губернии). Месяцеслов Любецкого. СПб., 1730 г.; *Вершинский Д.С.* Месяцеслов. Память св. Дионисия, архиеп. Суздальского, под 26 июня.

[3] Мелетия канон, песнь 9, тропарь 2.



День шестнадцатый

ПАМЯТЬ святой ЕВПРАКСИИ, княжны Псковской

Блаженная Евпраксия, в мире Евфросиния, была дочь полоцкого князя Рогвольда Борисовича[1] и супруга князя Ярослава Владимировича. Отец Ярослава, князь Владимир Мстиславич, княживший в Пскове, несмотря на то, что женат был на дочери рижского бискупа, много терпел оскорблений и бед от немцев и вынужден был вместе с псковичами не раз воевать против коварного ордена[2]. Ярослав, не наученный опытом отца, думал жить счастливо между немцами: недобрый муж бросил добрую жену свою, ушел из Пскова к рыцарям и там женился на немке, получив во владение городок Оденпе (Медвежью голову), заодно с немцами не раз нападал на русские поселения; в 1231 году он захватил Изборск, но псковичи схватили его здесь и заточили в Северный Переяславль[3]. Благочестивая супруга его, брошенная легкомысленным

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IV, прим. 103.

[2] Слова летописей см.: *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VI.

[3] Собр. л. 3, 48. 49; 4, 177, 178; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. III.

мужем, обратилась к подвигам благочестия. Она основала в Пскове женский монастырь святого Иоанна Предтечи. Каменный храм Предтече, построенный ею, доселе цел и сам собою говорит как о своей древности, так и о благочестии строительницы. Он сложен из крепкой, тесаной плиты, с перемежкою четвероугольных кирпичей такой глины, обжиги и цвета, каких не видно во Пскове; кирпичи весьма сходны с голландскими и английскими. Так праведница не жалела издержек для дома Божия и дорогою ценою выписывала кирпич из заграничных мест. Не найдя утешения в мире, она искала их в Господе; приняв иночество, она была настоятельницею основанной ею женской обители. При гробнице ее доселе стоит настоятельский черный посох ее. Праведница приняла мученическую смерть от руки пасынка своего в городе Оденпе. Летописи не объясняют, почему пасынок поступил так с доброю материю. Но принимая во внимание, что пасынок был сын немки, папа Григорий домогался склонить Ярослава к принятию папизма, о чем писал послание к нему, и по наставлению бескорыстных немцев Ярослав отказал дерптской Церкви «половину своего законного наследства», которого не имел[1]; присоединяя к тому то, что смерть праведницы последовала на другом году после знаменитой победы Невского над немцами, считаем вполне вероятным, что мученическая смерть Евпраксии была делом жадного до корысти немецкого папизма, излившего месть свою над нею за неудачи Ярослава и за свое собственное бесславие. Мощи праведницы принесены были во Псков и, здесь погребенные, скоро ознаменовались чудом; она умерщвлена 8 мая, а с 18 мая открылось знамение. Современник пишет: «В 18 день мая 1243 года в псковском монастыре святого Предтечи явилось знамение от иконы Спасителя, стоящей над гробом княгини, супруги князя Ярослава Владимировича, которую убил пасынок ее в Медвежьей Голове: 12 дней истекало миро от иконы и наполнило 4 вощаницы, как скляницы. Две вощаницы привезены были на благословение в Новгород, а две оставлены во Пскове. Слава Тебе, Господи! давшему нам грешным и недостойным рабам такое благословение! Уповаем на Тебя, Вседержитель! Ты человеколюбивый призираешь на нас убогих великою милостью»[2]. Мощи

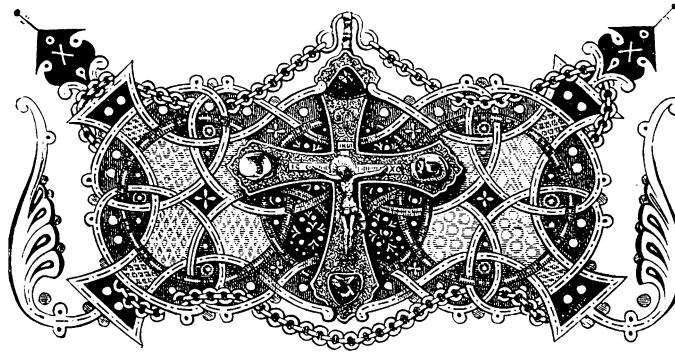
[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. III, прим. 341.

[2] Собр. л. 3, 54; 5, 182; Книга степенная. Ч. 1. «Вощаницы» — вощеные чаши над деревянными, росписными, свечами, куда ставились свечи. Образцы их см. в: Древности Российского государства. Отд. I.

святой княгини-инокини почивают под спудом в Предтечевом храме; в ногах ее погребена келейница ее, монахиня Снандулия. Лик праведной княгини изображен древним письмом на двух иконах: на одной она молится пред Иоанном Предтечею и апостолом Андреем; другая икона при чудотворной иконе Спасителя. Память праведницы местно чтится 16 октября[1].

Святого мученика Лонгина сотника, равноапостольного. Лонгин сотник, бывший при Кресте Господнем и исповедавший Распятого Сыном Божиим (см.: Мф. 27, 54), принял крещение от апостолов и проповедовал Христа в Каппадокии, откуда был родом. За свидетельство о Христе иудеи истязали его и испросили у римских властей повеление обезглавить его.

[1] *Толстой М.* Святыни и древности Пскова; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.



День семнадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного АНТОНИЯ ЛЕОХНОВСКОГО

Сын тверских боярских детей Вениаминовых, Антоний[1], по любви к пустынной жизни, жил отшельником в 12 верстах от Новгорода на реке Переходе, в Рублевой пустоши. Потом, желая облечься в иноческий образ, пришел к пустынному иноку Тарасию, жившему в 3 верстах от Рублевой, на Леохнове, и был им пострижен. Пустынники построили здесь храм в честь Преображения Спасителя. Это было не позже 1556 года. Царь Иоанн, по просьбе Антония, дал новой Леохновской пустыни землю и рыбную ловлю в озере Ильмене[2]. В Антониеву пустынь собрались ревнующие о душевном спасении и в том числе были благородные. Антоний служил для них образцом строгого подвижничества и был почтен саном игумена[3]. Всего прожил он в иноческой жизни 56 лет и столько успел

[1] Ркп. житие прп. Антония, написанное келарем Корнилием, к сожалению, не совсем толково: Корнилий хотя говорил о преподобном языком цветистым и вычурным, но не умея совладеть с делом, говорит очень темно и с пропусками нужного.

[2] Акты исторические. Т. V. Так как кончина его, на 85 году жизни, последовала в 1611 г., то родился он в 1526 г., и во время принятия священства в 1556 г. ему было 30 лет.

[3] По старшему списку святцев: «прп. Антоний, игумен Ивецкого монастыря, иже под Старою Русою, на Леохнове, бысть в лето 6900 октября в 17 день».

в жизни духовной, что в последние годы известен был по опытам духовной прозорливости. Когда шведы стали в 1611 году опустошать окрестности Новгорода, митрополит Исидор вызвал уважаемого старца с учениками в Новгород. Антоний был тогда уже 85 лет. В праздник Воздвижения Креста Господня причастился он Святых Таин; тогда же сказал он вслух другим, что тело его будет покоиться в пустынной обители его. Октября 17 мирно предал он дух свой Господу[1]. Тело его, по опасностям военным, предано было земле в Новгороде у церкви святого евангелиста Луки[2].

Когда шведы удалились из России и разоренные жители стали возвращаться на свои места: любимый ученик Антония Григорий пришел на пепелище обители Антониевой; предав земле тела избиенных братий, поставил он себе келлию и близ ее часовню в честь Преображения Господня. Спустя несколько годов явившийся ему во сне Антоний сказал: «Брат Григорий! иди в Новгород, скажи митрополиту Киприану и старшинам города, чтобы положили меня на месте моей обители». Видение повторялось три раза, и в третий явившийся грозил наказанием за непослушание. Митрополит совершил крестный ход к храму евангелиста и, когда откопали могилу, мощи преподобного оказались нетленными. Тогда же прозрел слепец Иосиф; а когда понесли мощи, на дороге прозрел другой. По распоряжению митрополита, юрьевский архимандрит с честью препроводил мощи преподобного в Леохновскую обитель; здесь совершилось еще несколько чудес. Перенесение мощей было 13 июля 1620 года. Ныне мощи преподобного почивают под спудом, в каменной Преображенской церкви, где один придел в 1788 году освящен во имя преподобного Антония[3].

Святого пророка Осии. Из племени Иссахарова, современник Иеровоама 2-го, царя Израильского, и Езекии Иудейского, предварил Рождество Христово за 820 лет. Обличал пороки израильского народа,

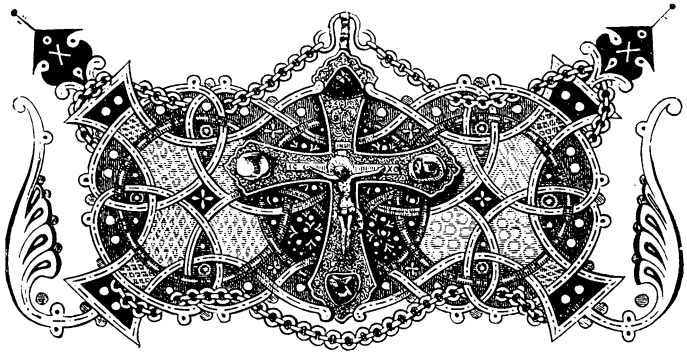
[1] Отенские святцы: «прп. Антоний Леохновский, за Ильменем озером в Леохновой пустыни, преставися в лето 7100, от Новгорода 50 поприщ; мощи под спудом; службы нет, тропарь и кондак есть, память октября в 17 день».

[2] Каменный храм св. Луки — на Софийской стороне. *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1. Здесь кончина прп. Антония отнесена к 1524 г.; это ошибка. *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V.

[3] Ркп. житие; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V.

предсказал о распространении Богопознания на земле и прекращении ветхозаветных жертв, в частности — о возвращении Богомладенца из Египта (Ос. 11, 1).

Святого преподобномученика Андрея Критского. Критским называется по родине; будучи пресвитером в Константинополе, он всенародно обличил в храме святого Маманта императора Константина Копронима за нечестие его, был бит и с бесчестием влачим по городу. Когда же привели его на место казни злодеев, то некий ревнитель иконоборства бросился на него с топором и умертвил (в 767 г.). Тело его брошено в нечистое место; но благочестивые люди извлекли его оттуда и похоронили в монастыре.



День восемнадцатый

Святой ЗЛАТЫ великомученицы

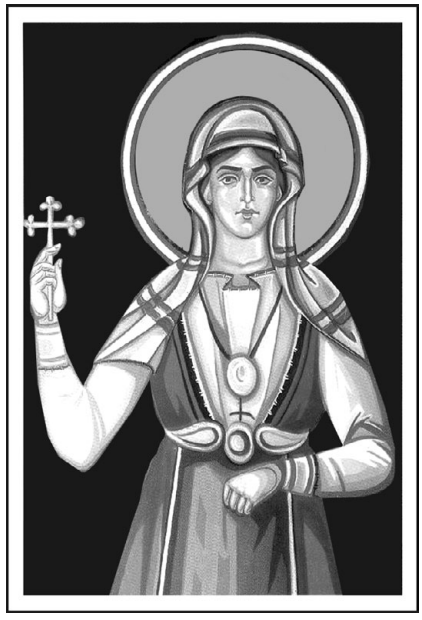
Святая девственница и невеста Христова Злата родилась и пострадала в Мглинской болгарской епархии, в селении Златинах. Дочь бедного простого поселянина, она сияла как душевными, так и телесными высокими качествами: душевными — твердою верою в Господа Иисуса, смирением и чистотою сердца, телесными — красотою редкою, которая и была поводом к тому, что жизнь ее украсилась страданиями великой мученицы. Местный турок, прельщенный редкою красотою Златы, решился найти время и во что бы то ни стало удовлетворить своей гнусной страсти. Раз Злата вместе с другими отправилась в лес за дровами. Сладострастный турок, подговорив подобных ему негодяев, при их помощи схватывает ее и уводит в свой дом. Он старается сперва совратить ее в ислам разными обещаниями и дает ей слово жениться на ней; за отказ же грозит ей пытками. Злата поражена была дерзостью, но отказалась с твердостью. Призвав в помощь имя Господа Иисуса, она отвечала: «Я верую и покланяюсь только Господу Иисусу и от Него не отрекусь, хотя бы изрубили меня; да и я же дала обет девства, которому также не изменю ни для чего». Турки поняли, что эту девушку нельзя склонять на свою сторону обыкновенными средствами, а нужно придумать что-нибудь особенное. Они поручают ее женщинам, которые в подобных делах способнее завлечь девушку в обман. И чего не делали

они с бедною? Каких хитростей не употребляли, чтобы совратить Злату в скотскую чувственную жизнь магометанства! И прелести роскошной жизни, и выгоды богатства, и увлечения чувственности представляли ей в картинах самых заманчивых. Все оказалось напрасным. Чистая душа Златы ощущала зловоние проповедниц и с трепетом отвращалась от них. Пение их было для нее пением сатанинским. Турчанки были раздражены твердостью Христовой невесты; они призывают родителей и трех сестер страдалицы, чтобы те употребили свое влияние на девушку, — склонили ее к магометанству; иначе, говорили, и их подвергнут жестоким пыткам. Пораженные страхом, родители и сестры уговаривали Злату принять магометанство, но и их слова не изменяли намерений ее. «Дочь наша, дорогая наша! — рыдая говорили отец и мать, — пожалей нас и сестер; мы все погибнем, если не согласишься на желания турок, Бог милостив, — простит грех твой, вынужденный необходимостью».

Можно представить себе борьбу, которую должна была вытерпеть Злата. Любовь к родителям, любовь к сестрам влекла в одну сторону, а долг христианки требовал своего. Слезы родителей и сестер раздирали, мучили сердце ее. Наконец она сказала: «Если уже и вы понуждаете меня отказаться от Христа Господа, — то вы не родители и не сестры мне! Отцом моим остается один Господь Иисус и матерь — Пречистая Матерь Его, — а братья и сестры — мученики и мученицы».

Когда неверные и особенно похититель девушки увидели, что все хитрости их не привели их ни к чему, то обратились к пыткам. Сперва в продолжение трех месяцев били каждый день страдалицу палками. Потом вырезали из спины ее ремни и повесили пред глазами; кровь струилась из нее и покрыла весь пол. Мало им было и того. Звери, а не люди, накалив железный прут, прокололи голову ее с одного уха до другого.

Терпение страдалицы очевидно было не по силам человеческим. Оно было делом сильной благодати Христовой, всегда близкой к сердцам смиренным. При высоком терпении своем страдалица не ожидала от себя особенного. Это она выразила в опыте. До нее дошел слух, что в селении находится игумен Ставроникитского афонского монастыря, духовник отца ее, отец Тимофей. Она посылает к нему одного христианина с усердною просьбою своею помолиться за нее, дабы Господь сподобил ее окончить свой подвиг богоугодно. Смиренная молитва ее исполнена: Господь дал силы окончить подвиг великой мученицы.



Святая великомученица
ЗЛАТА

Кровожадные магометане повесили наконец страдалицу на пустыре и изрубили все тело ее в куски. Так святая Злата, очищенная огнем страданий в чистое золото, предала душу свою Господу, Которого возлюбила любовию крепкою, как смерть. Великая мученица переселилась на небо в октябре 1795 года[1].

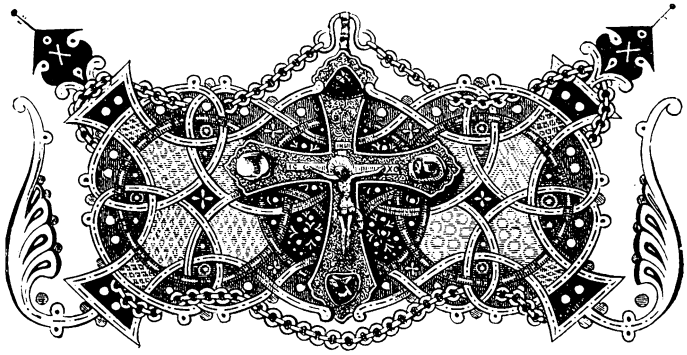
† Преставление преподобного Давида Серпуховского

Блаженный Давид полагал начало монашескому житию под надзором преподобного Пафнутия Боровского, в его обители[2]. Потом подвизался в безмолвном уединении. В 1515 году построил на реке Лопасне, в 23 верстах от Серпухова, храм Вознесения Господня и тем положил начало пустынной обители, известной под именем Давидовой Вознесенской пустыни. Мощи преподобного старца, почившего 18 октября 1520 года, почивают в соборном каменном храме обители, где хранится и гроб преподобного Моисея Угрина, подвижника печерского[3].

[1] *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке. Описание составлено из слов духовника о. Тимофея.

[2] Ркп. святцы.

[3] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV. По одному списку святцев, преподобный преставился октября 18, а по другому — 28 июня. Первый заслуживает более доверия, по другим примерам дознанной точности показаний.

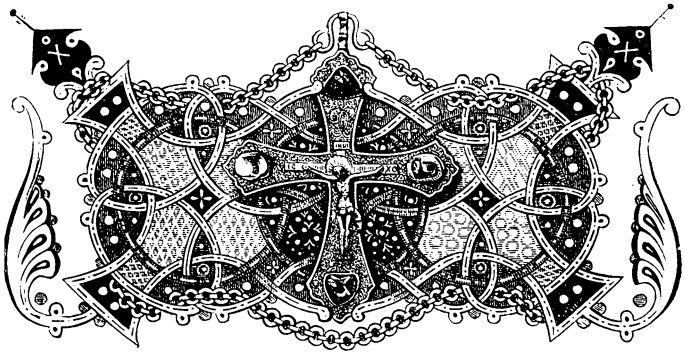


День двадцать первый

ПАМЯТЬ преподобных ФЕОФИЛА и ИАКОВА ОМУЧСКИХ

Преподобные Феофил и Иаков сперва подвизались на острове Коневце вместе с преподобным Арсением. Потом в 1396 году основали пустынь в честь Успения Богоматери на реке Омуче, в округе Демянского погоста, в 65 верстах от Порхова. Феофил был основателем пустыни, а Иаков — устроителем обители. Блаженная кончина их последовала около 1412 года октября 21 день. Мощи их почивают под спудом в Успенском храме, с 1764 года приходском[1].

[1] По Отенскому списку святцев, «прп. Феофил пустынник в Феофиловой пустыни, на р. Шелони, в лето 6904 (1395) месяца октября в 21 день, мощи под спудом, тропарь и кондак есть. Прп. Иаков начальник Успенского монастыря на Шелоне». По старшему списку святцев «прпп. отцы Иаков и Феофил, омучские, игумены Рождества Богородицы Коневского монастыря, быша на Ладожском озере в лето 6904 (1395) месяца октября в 21 день». По записке 1580 г. «Феофилова пустынь была ружною: на нее отпускали 6 руб. 3 алтына и 4 деньги» (Временник общества истории и древностей. Кн. 24). Это указывает, что еще раньше того времени стали чтить прпп. Феофила и Иакова. *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.



День двадцать четвертый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ затворника ИОАННА

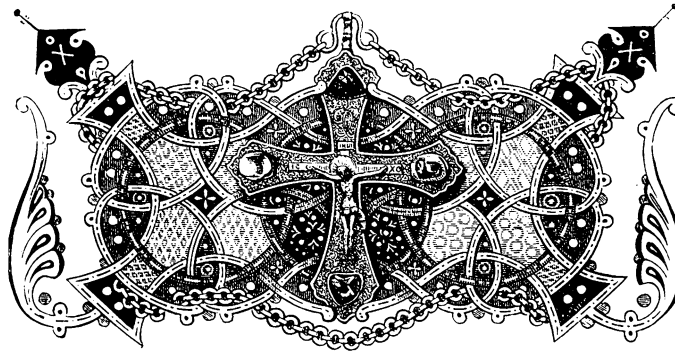
В летописи читаем: «Октября 24 (1616) преставися Иван, что в стене жил 22 лета; ядь же его рыба, а хлеб не ел, а жил во граде, якоже в пустыни, в молчании великом»[1]. Это было во Пскове. Тяжко было время для Пскова, когда блаженный Иоанн, по благой воле своей, совершал изумительные свои подвиги в городской стене. В 1592 году осаждали Псков шведы; с 1608 года семь лет сряду рыскал около Пскова с разбойничьими шайками своими лях Лисовский. Густав Адольф осаждал Псков с своими шведами, тот Густав, который с огнем и мечом проповедовал мнимое евангельское христианство. Блаженный Иоанн во все это время только молился и терпел изумительный пост; среди шума военных браней, среди волнений гордого ума и малодушного маловерия, он жил как в пустыне, беседуя с Господом и для Него каждый день распинал плоть свою. Какое высокое состояние духа! Вера мнимых евангеликов воспитала ли хотя одного такого подвижника, каков был Иоанн? Нет, не воспитала, да и никогда не может воспитать. В том-то и беда лютеранства, что вера его ослабляет и погашает высокое подвижничество евангельское: обманывая себя надеждами на веру, покойно идут путем широким. Надежды блаженного Иоан-

[1] Собр. л. 4, 332.

на, надежды православного, искреннего благочестия христианского не остались в стыде. 17 октября 1616 года Густав Адольф отступил от Пскова. «Тогда же, — говорит современник, — боголюбивый воевода и граждане псковские воздали благодарение Живоначальной Троице, совершили по всем церквам всенощное бдение и вознесли хвалы пред чудотворным образом Пресвятой Богородицы, который принесен был из Печерской обители во Псков на защиту города. Так псковичи прославили Бога и Пречистую Матерь Его, избавившую Псков от безбожных немцев»[1]. Праведный Иоанн почил спустя 7 дней после того[2].

[1] Повесть о прихождении свейского короля Густава Адольфа ко граду Пскову. СПб., 1858. Повесть об осаде Пскова Густавом издана в V т. Собр. л.

[2] *Евгений (Болховитинов), митр.* История княжества Псковского: В 4 ч. Киев, 1831. Ч. 3; Словарь святых.



День двадцать пятый

Святой КАЛИИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ и терпеливой вдовы

Блаженны милостивые: они помилованы будут, сказал Господь (Мф. 5, 7). *Кто сеет скупо, для того и жатва скупа; а кто сеет щедро, для того щедра и жатва; ...доброхотно дающего любит Бог,* учит апостол (2 Кор. 9, 6, 7). Все это видим исполнившимся над святою Каллиею. Она прославлена на земле и на небе за подвиги искреннего милосердия. Муж ее был богатый купец. Каллия с юности любила благотворить бедным, богатство мужа доставляло ей средства помогать нищете. Но муж ее сколько был богат, столько же и жаден до денег. Раз целые три года плавал он по морю, занимаясь торговыми оборотами. Милостивая супруга его щедро раздавала без него милостыню. Она твердо выполняла наставления Господа: *продавайте имения и давайте милостыню; приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает* (Лк. 12, 33). *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Мф. 16, 26). Возвратившийся муж, увидев, что жена растратила для нуждающихся очень и очень много денег, столько любимых им, до того рассвирепел на жену, что замучил ее до смерти. Бог прославил щедрую жену нетлением

тела ее[1]. Блаженный патриарх Антоний (893–895 гг.) выстроил женскую обитель для мощей святой Каллии[2]. «Хромые и больные гробу ее кланяются и исцеляются», — говорит русский поклонник, поклонявшийся белице Каллии в 1420 году[3].

Вот что значит богатство, расточаемое для бедных. Но бедность терпеливая и благочестивая также близка к Небесному Царству.

Около того времени, как жила Каллия, некая бедная вдова благодушно переносила горькую бедность и усердно сохраняла заповеди Всевышнего.

Священник позван был к ней, умирающей, для приобщения Святых Таин; в то же время звали его за тем же к богатому князю. Он пренебрег бедною вдовою и пошел к богачу. Возвратясь от князя, нашел он нового посланного звать к умирающей вдове. Гордый и корыстолюбивый, не пошел он к нищете. Дьякон его, богобоязненный и благочестивый, выпросил у него дозволение идти и приобщить умиравшую. Придя к ней, к изумлению, видит тут Пресвятую Деву, и чистые девы одевают бедную больную в чистые одежды. К новому изумленно, Небесная Царица благоговейно поклонилась пресвятому Телу Христову. Чистые девы пали пред ним на землю. Встав, девы дали знать диакону, чтобы он совершил свое служение. Когда больная приобщена была Святых Таин, девы приняли святую душу ее и вознеслись на небо. Диакон пошел потом в дом богача. Здесь видит он при постели умирающего страшных темных духов, и один из них насильно вытащил душу из грешного тела. В ужасе диакон упал на землю. Является Пресвятая и говорит: «Не бойся, возлюбленный служитель! сохраняй заповеди Сына Моего, и духи злобы не будут иметь власти над тобою; тебе готово Царство Небесное». Диакон пал пред Царицею Небесною, и она удалилась.

Блажен человек, который переносит искушение, потому что он, усовершаясь искушением, получил венец жизни, который обещал Господь любящим Его (Иак. 1, 12). *Мы хвалимся и скорбями, зная, что от скорби*

---

[1] Книга, глаголемая Ксенос.

[2] *Du Cange.* Constantinopolis Christiana // Historia Byzantina duplici commentario illustrata. Venetia, 1729 (далее — *Du Cange.* Constantinopolis Christiana. —*Ред.*). Здесь говорится, что монастырь называли то μονη τγ Καυλεα, то μονη Καλεως (чит. Καλλιας), и остается нерешенным, не назывался ли патр. Антоний, строитель обители, Антонием Кавлеем по монастырю своему. Дю-Канж не называет и того, женский или мужской был монастырь Каллии. Но Зосима говорит: «подалее стоит монастырь женский Повасильяс (чит. Кавлеас): ту лежит св. Калия белица».

[3] Книга, глаголемая Ксенос. В «Месяцеслове» Вершинского нет этой святой.

происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, — а надежда не постыждает (Рим. 5, 3–5). *Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны* (Евр. 12, 8). Таково учение слова Божия.

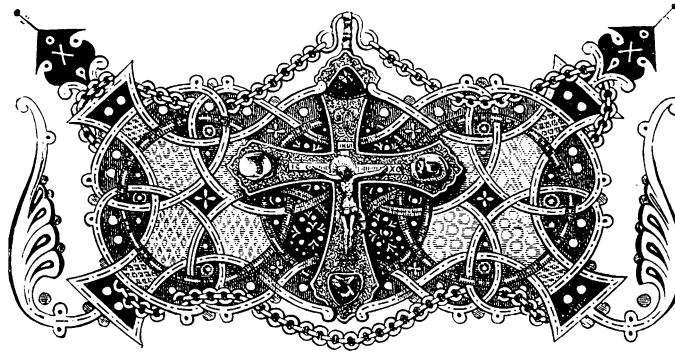
Святых мучеников МАРКИАНА и МАРТИРИЯ нотариев

Нотариями назывались чиновники при дворе патриарха, состоявшие под начальством главного нотария, в ведении которого состояла переписка по делам, подлежавшим вместе суду церковному и гражданскому, например по части завещаний, отпуска рабов на волю, найма церковных имений и т. п. Маркиан чтец и Мартирий иподиакон были при этом доверенными лицами патриарха Павла исповедника (6 ноября), писали его послания в защиту православной веры и сами были великими проповедниками веры. По изгнании и смерти Павла ариане старались привлечь их на свою сторону и, когда не успели в том, обвинили пред императором Константином (которым эти еретики управляли) в государственном преступлении и довели до смерти; оба обезглавлены в 355 году.

ПОМИНОВЕНИЕ ВОИНОВ, НА БРАНИ УБИЕННЫХ

В субботу перед 26 числом октября, так называемую Димитриевскую, Церковью в XIV столетии установлено поминовение православных воинов. Димитрий Иоаннович Донской, родившийся

26-го октября, по одержании славной победы над Мамаем на Куликовом поле в 1380 году 8-го сентября путешествовал в московскую обитель Живоначальной Троицы к преподобному Сергию, игумену этой обители, из которой были и пали на брани два инока, Александр Пересвет и Ослябя, и, совершив там поминовение убиенных воинов, предложил Церкви творить сие поминовение ежегодно в субботу Димитриевскую. С того времени эта суббота причислена Церковью к родительским. Впрочем, в эту субботу православные христиане, посещая кладбища умерших, поминают не только православных воинов, за веру и Отечество живот свой в брани положивших, но купно с ними и всех вообще усопших своих.



День двадцать седьмой

† ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ святого АНДРЕЯ, князя Смоленского

В 1540 году преподобный Даниил Переяславский[1], быв в Москве, предложил великому князю Иоанну Грозному, что переяславские храмы святого Предтечи и святителя Николая, стоящие у городских ворот, очень обветшали, так что необходимо построить новые; при этом преподобный известил, что у ветхого храма святителя Николая в земле лежат мощи святого князя Андрея Смоленского, которому в прежние времена, как он твердо помнит и знает, была служба со стихирами и каноном и лик его писался на иконах, но почему ныне не отправляется пение — неизвестно. Об этом же преподобный доложил и святителю Иоасафу. Великий князь и митрополит приказали построить новые храмы и вместе дозволили преподобному вместе с местным духовенством осмотреть гроб святого князя Андрея. В Переяславле очень обрадовались вести Даниила о гробе князя и хотели звонить, чтобы собрать народ. «Повременим, — заметил один из священников, — пока Богу угодно будет явить мощи раба Своего; совершим без звона молебное

[1] Так говорит повествование о св. кн. Андрее в ркп. Сергиевой лавры (у Царского № 44; Описание Румянцевского музеума. № 371).

пение». Благоразумный совет был выполнен. После молебна разобрали надгробный памятник и начали копать могилу. Народ собрался во множестве — и иные из духовных пришли со свещами; все молили Господа об откровении благой воли Его. Наконец открыли гроб и в нем мощи, обвернутые берестою, мощи нетленные и издававшие благоухание: волосы русые и долгие, одежда целая с медными пуговицами, положенная на стороне. Крупицы бересты, осыпавшиеся при отгребании земли, с верою брали недужные и исцелялись. Преподобный послал священника Константина известить о том митрополита и великого князя. Из Москвы присланы были Чудовский архимандрит Иона, впоследствии Суздальский епископ, и Богородский протоиерей Гурий для поверки донесения и перенесения мощей в храм.

После молебна в соборе архимандрит спросил Даниила: «По какой причине и с чьего дозволения начал он отыскивать мощи»? Старец отвечал, что предварительно извещал о том митрополита и государя и с их дозволения открыл мощи святого князя; причем представил архимандриту древнюю икону князя и службу ему прежних времен. «Не мною это написано, — прибавлял преподобный, — книга старая, как видите; спросите и народ, что он знает и как исцелялись больные». Призваны исцелившиеся. Пристав Иван Окляча заявил, что он много лет страдал головною болью так, что не мог кланяться, и как только прикоснулся к мощам, перестала боль. Женщина из Переяславля сказала, что три года болело у нее горло, так что не могла говорить; но когда по обретении мощей проглотила несколько крупиц от бересты, которою обернуто святое тело, внезапно перестала боль, и она проговорила, что могут подтвердить соседи. Другая женщина объявила, что ее слепую привели к святым мощам, и она стала видеть. Архимандрит Иона и после того говорил Даниилу, будто бы «владыка митрополит ничего не знает о том и ничего не приказывал». Старец заплакал и сказал: «Не будем искушать Духа Святого, действующего в чудных рабах Своих. Не говори также, будто ничего не известно великому отцу нашему и святителю. Бог мне свидетель, что извещал я его сам и не только его, но благочестивого самодержца, и по их воле осмелился я открыть святые мощи». Преподобный сказал потом, что излишне пытливые, или по другим, более худым побуждениям противодействующее святому делу будут наказаны; митрополит лишится престола, архимандрит и протоиерей жестоко пострадают. Слово святого старца впоследствии исполнилось. Это слово сперва смутило следователей, но потом объявили они его за

плод дряхлой старости. Впрочем, очевидность дела вынудила кончить преступный спор. Мощи блаженного князя положили в новый гроб, обвили их плащаницею и совершили службу. Храм святителя Николая с того времени стали называть храмом святого князя Андрея, переяславского чудотворца; существовавший при нем женский монастырь закрыт в 1764 году[1].

Кто был сей праведный князь и когда жил?

По повествованию о нем, после смерти его нашли записку: «Аз есмь Андрей, един от смоленских князей»; нашли также золотую цепь и перстень, которые потом взял себе великий князь Иоанн Васильевич и за то дал жалованье для церкви святителя Николая. По преданию, князь удалился из родной стороны по крамолам; в Переяславле жил он как никем не знаемый бедняк и исправлял должность пономаря при церкви святителя Николая; от бедности терпел всякую нужду, но был усердным молитвенником храма, вел жизнь чистую и строгую. Так провел он 30 лет![2] Таковы данные о жизни того, кто не хотел быть знаемым во время земной жизни своей!

По этим данным видно, что благоверный князь Андрей Смоленский жил прежде великого князя Иоанна III (1464–1506). По родословным спискам смоленских князей известны два князя Андрея, жившие прежде великого князя Иоанна, — князь Андрей Владимирович и князь Андрей Федорович Фоминский. Но первый убит в 1224 году на реке Калке и, следовательно, не кончил дней подвижником в Переяславле. Отец князя Андрея Фоминского, князь Феодор слепой Фоминский, был современником великому князю Симеону Гордому († 1353), тогда как смоленское княжество, при умножении князей смоленских (их было в одно и то же время до 17) раздроблено было на мелкие части. Не удивительно, что при дележе достояний произошли ссоры между родичами, как это бывало тогда. По древнему памятнику, сын князя Андрея, Феодор, удалился в Тверь[3]. Конечно в то же время и блаженный

---

[1] Ркп. повествование о св. кн. Андрее; Книга Степенная. Ч. 2; Руский времянник. Ч. 2. В ркп. Румянцева № 371 служба бл. князю.

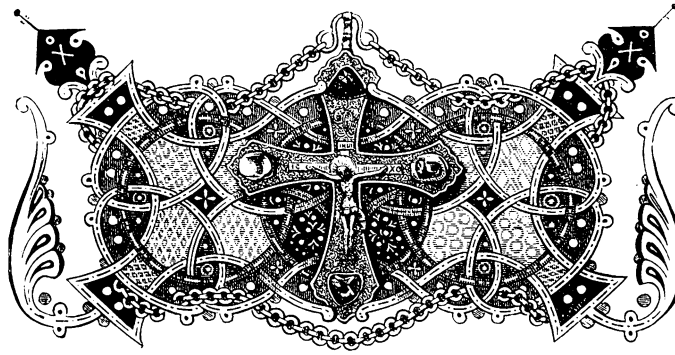
[2] Ркп. повествование о св. кн. Андрее; Книга Степенная. Ч. 2; Руский времянник. Ч. 2.

[3] *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. 1. По древней родословной (Временник общества истории и древностей. Кн. 10): «у другаго сына княж Константинова, у князя Феодора Слепаго сын Андрей Коробья; а у Андрея сын Феодор и тот во Тверь пришел». Здесь же сказано, что вел. кн. Симеон Гордый выдал за старшего

князь Андрей, наскучив тревогами жизни и их нравственною тяготою, скрылся из Смоленска, чтобы в неизвестности совершать подвиги благочестия. Время князя Андрея Феодоровича Фоминского не далеко и от времени великого князя Иоанна III, так что до последнего легко могли сохраниться перстень и цепь первого. По таким соображениям кончина святого князя Андрея последовала не раньше 1390 года. Около того же времени полагается кончина блаженного князя и в рукописных святцах[1].

брата Феодора Слепого, за Феодора Красного свою сестру Евдокию; а кн. Константин, родоначальник князей Фоминских, был сын кн. Юрия, только не Святославича, а Константиновича. Таким образом видно, что отец кн. Андрея, кн. Феодор Константинович, скончался никак не позже 1370 г.

[1] По отенскому списку «преставися в лето 6800», т. е. 6898 (1390).



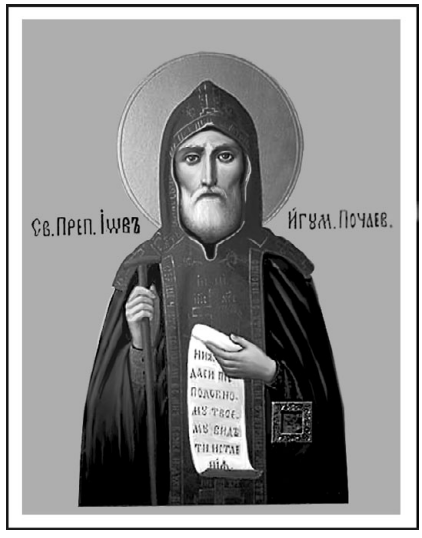
День двадцать восьмой

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ИОВА ПОЧАЕВСКОГО

Преподобный Иов, в крещении Иоанн, сын православных родителей из Покутья, прозываемых Железо[1], полагал начало подвижнической жизни в Угорницком Спасском монастыре, одном из карпатских. Сюда поступил он 10 лет и спустя два года пострижен был в монашество. Возрастая послушанием, чистотою и кротостью в жизни духовной, он утешал друзей благочестия жизнью своею. Здесь же удостоился он, против воли своей и по воле настоятеля, сана священства, что было конечно не прежде, как на 30 году жизни его. В сане священства Иов удвоил ревность свою к подвижничеству. Известность добродетелей его разносилась по Украине. По любви к благочестию и чистой вере князь Константин Константинович Острожский, узнав о духовной твердости его, выпросил его у угорницкого игумена для должности настоятеля Дубенской обители своей[2]. Дубенский крестный монастырь

[1] Житие прп. Иова описано учеником его, Досифеем. В «Страннике» помещено жизнеописание прп. Иова, составленное свящ. Ев. Струменским, но очень бедное (см.: *Струменский Е.С.* Краткое жизнеописание преподобного Иова, игумена Почаевского // Странник. 1864. Кн. 11).

[2] Прп. Иов, скончавшийся в 1651 г., жил до 100 лет и, следовательно, поступил в Угорницкую обитель в 1561 г., стал иеромонахом в 1581 г. Управление Дубенскою обителию принял он около 1588 г.



Преподобный
ИОВ ПОЧАЕВСКИЙ

расположен был на острову, омываемом с трех сторон рекою, близ города Дубно. Благочестивый князь с тем вызвал блаженного Иова в свою обитель, чтобы поддержать искреннее благочестие в иноках обители среди разливавшейся порчи нравов, растлеваемых папизмом. Князь Константин при всем том, что владел огромным богатством, старался жить по уставу Православной Церкви, в Великий пост вкушал хлеб с водою и занимался только молитвою. Для поддержания Православия содержал он училища, издавал книги, как то: Библию, творения Василия Великого и другие. Но папизм незримо портил людей. Вот явилась и уния — проводник растлевающего папизма. Пока жив был князь, он, сколько мог, охранял Православие даже за пределами своих владений. Но в 1608 году он умер. Униат Поцей, сперва епископ Владимирский, потом митрополит, поступал с православными как палач, иезуиты, наставники его, поступали еще жесточе. По их наставлениям недостойный, полупомешанный сын великого отца, князь Януш Острожский стал фанатиком папизма; в 1615 году чрез иезуитов лишил он наследства племянников своих, князей Константина и Ивана, за то, что не согласились они быть папистами. Так и город Дубно попал в когти иезуитов[1].

Можно представить себе, каково было блаженному игумену дубенскому при таком положении дел Православия! Он собрал в обитель свою многочисленное братство, которое по его наставлению усердно занималось изучением писаний святых отцов. К нему приходили многие слушать наставления его в благочестии. Строгий подвижник твердо боролся с скорбями времени и утешал других в скорбях. Жестокие страдания, переносимые Православием от иезуитов и прельщенной ими шляхты, не только не ослабляли благочестия, напротив возвышали его. Вот что пишет современник Копыстенский о галицкой Руси: «В России нашей року 1621 преставися пустынножитель в галицкой пущи, в ските над речкою, Бартемова прозываемою, был муж преподобный, в великой схиме нареченный Иов, в малой Иезекииль, в крещении Иоанн, который в Святой Горе афонской многи лета в трудах и подвигах иноческих честно прошедши, в отчизний край изволением Божиим завитавши, на предреченном местцу скит заложив и многи в нем любоподвижнии

[1] В 1636 г. иезуиты достигли того, что 40 священников выгнаны были из своих приходов, по приговору трибунала. *Карашевич П.И.* Очерк истории Православной Церкви на Волыни. СПб., 1855.

чада, наследники святых оных первых пустынножителей отшельников зоставил»[1]. Блаженный настоятель Дубенской обители более 20 лет управлял иноческой Дубенской обителью, но когда увидел, что нельзя уже ему оставаться более в том крае без вреда себе и другим, удалился в Почаевскую обитель[2].

Карпатская Успенская обитель Православия уже славилась тогда чудесами Богоматери[3]. А блаженному Иову пришлось видеть их вместе с делами папизма и протестантства. Последнее любит величать себя именем евангельского учения. А это-то самоуслаждение и есть верный признак печального заблуждения. Практика протестантская слишком далека от духа евангельского, с какой стороны ни посмотрите на нее. Наследник имений Анны Гойской, благочестивой благотворительницы Почаевского монастыря, был тем же в одежде протестанта, чем Поцей — в рясе униатской. Он отнял у обители имения, пожертвованные ей Гойскою, и всячески теснил иноков, разгонял богомольцев ее и хотел совсем разорить ее. В 1623 году 19 июня послал он толпу слуг в монастырь разграбить его. В исполнение воли пана ограблены были все драгоценные утвари обители и унесен был чудотворный образ Богоматери. Для Фирлея и этого было мало. Он нарядил свою жену в священные одежды, дал ей в руки святой потир, и она стала произносить хулы на Святую Евхаристию Православия и на Богоматерь. Но в то же время злой дух овладел богохульною женою. Страшные ее

---

[1] *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание рукописей Синодальной библиотеки. Отд. II. Ч. 3. Это тот самый Иоанн Вышневский, который в начале унии писал с Афона послания в Малороссию в подкрепление Православию (*Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы).

[2] По словам Досифея, управление Дубенскою обителию преподобный продолжал до 20 лет. Если управление начать с 1586 г., то окончание приходилось бы на 1606 г. Но невероятно, чтобы последнее было прежде смерти кн. Константина (1608 г.) и весьма вероятно, что фанатик Януш выгнал блаж. Иова из Дубенской обители после смерти отца своего, в 1610 или 1611 г.

[3] Чудо от иконы Богоматери над татарами было в 1607 г. Анна Гойская в своей записи 1597 г. говорит: «в имении моем при селе Почаеве с давних времен существует каменный храм Успения Пресвятой Богородицы; дабы при той церкви постоянно совершалось славословие Божие, я вознамерилась устроить там монастырь и дать ему фундуш»; иноки сей обители «должны быть не иного исповедания, как только греческого Восточной Церкви». Сигизмунд II письмом 1554 г. подтвердил привилегию, данную Успенскому Почаевскому храму в 1527 г. (Акты — в Почаевском монастыре) При Успенском храме живали иноки и прежде Гойской, но по временам рассеваемы были татарами.

муки прекратились лишь тогда, как чудотворная икона благоговейно возвращена была в монастырь. Это было тогда, как блаженный Иов был игуменом Почаевской обители[1]. Он выполнял здесь должность настоятеля с ревностью подвижника. Днем трудился он для обители: то садил сам деревья в садах монастырских, то укреплял плотины около монастырской ограды; работал от души, как поденщик, но для Господа. С братьями обходился кротко и ласково: никто не слыхал от него слова резкого. Из уст его всего чаще слышались слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». Раз, проходя чрез гумно монастырское, застал он крадущего пшеницу. Вор в испуге пал к ногам игумена и умолял не объявлять о его поступке. Преподобный не только не укорил его ни одним словом, но еще сам поднял на плеча его мешок и отпустил с миром, напомнив ему только о том ответе, который должны мы дать за дела свои пред Судом Божиим. Гонители Православия фирлеи окончили наконец актом примирения свои распри «с иноками не в унии состоящими», это было в 1642 году, при преподобном Иове[2].

Блаженный Иов, окончив дело с фирлеями, принял великую схиму с именем Иоанна. Большую часть времени проводил он теперь в пещере, в строгих подвигах поста и молитвы. «Если бы каменная пещера, в которой тайно подвизался преподобный, имела уста, — говорит ученик его Досифей, — она о многом поведала бы». Впрочем, не оставлял он забот и об иноках обители и в 1649 году. Под его смотрением построен был великолепный храм Святой Троицы[3]! В пещеру затворялся он иногда на три дня, иногда на целую неделю, чтобы проливать слезные молитвы за себя и за бедствующее Православие края. Однажды во время пламенной молитвы его небесный свет осиял пещеру его и отразился из глубины пещеры на храме оби-

---

[1] «Гора Почаевская» (Почаевский м-рь, 1793): «потом (после возвращения св. иконы) иноцы аще и велие имеяху попечение купно с игуменом своим, пречестным первее в мантии на имя Иовом, а послежде в схиме, си есть в святом великом ангельском образе, Иоанном Железом (его же тело и доселе в пещере, в монастыре здешном сущей, нетленно опочивает) о том, дабы были возмогли похищенныя вещи церковныя, наипаче фелоны, бисеры, сребро и злато, отыскати, но не возмогша». Игумен почаевский в 1626 г. — Иоанн (см. *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI).

[2] Акт примирительный в архиве Почаевской обители см.: Журнал Министерства народного просвещения. 1845. Кн. 45.

[3] Гора Почаевская. Почаевский м-рь, 1793.

тели. Свидетель сего чуда Досифей пал в ужасе. От подвигов стояния молитвенного отекли ноги у преподобного и покрылись ранами. Это можно видеть и поныне на нетленных мощах его. Гниение страдавших ног было так сильно, что тело кусками отпадало от костей, но преподобный переносил все с терпением, по примеру древнего Иова. Тогда как проводил он такую подвижническую жизнь, дожил он до 100 лет и, назначив день смерти своей, тихо, без всякого страдания, почил 28 октября 1651 года.

Над мощами преподобного явился свет. Сам преподобный явился Дионисию Болобану, митрополиту Киевскому, и сказал, что Господу угодно открыть мощи его. Видение было в другой и в третий раз. В последний раз святой старец являлся с угрозою гнева Божия за невыполнение Божией воли о нем. Наконец митрополит Дионисий с архимандритом Феофаном и с братией Почаевской обители (8 августа 1659 г.) открыл гроб преподобного и мощи его найдены нетленными. При этом последовали исцеления.

Самое замечательное исцеление совершилось над больным почаевским игуменом Досифеем. Накануне праздника Воздвижения Креста Господня прибывшая в обитель благородная панна Домашевская услышала с прислугою своею необыкновенное пение, исходившее из храма, тогда как в окнах светился огонь. Сперва подумали, что иноки совершают всенощное служение. Посланная служанка Анна нашла церковные двери отворенными, в храме слышала пение и, когда вошла в храм, увидела преподобного Иова среди светлых мужей, совершающих молитву. В страхе стояла она неподвижно, но преподобный, обратясь к ней, сказал: «не бойся, девушка, иди и позови ко мне игумена обители Досифея». «Он лежит на смертном одре», — отвечала Анна. Преподобный подал ей шелковый плат, омоченный в миро, и велел отнести к больному. Анна пошла и у дверей келии стала звать игумена в храм от имени преподобного Иова. Больной сперва принял этот зов за мечту; потом, оградив себя крестным знамением, взял плат, положил его на себя и, почувствовав себя окрепшим, встал с постели и пошел в храм. Экклесиарх, пришедший к началу утрени, изумился, увидав того, кто вчера лежал на смертном одре. «Как это ты, отче, пришел сюда?» — спросил он игумена. «Отец наш Иов молится за нас и прислал мне исцеление», — отвечал игумен с восторгом и рассказывал, что было. Храм, построенный панною Домашевскою, поныне еще цел и цело завещание ее 1655 года, которым просит она

похоронить ее в церкви, построенной ею, «по чину восточного православного исповедания».

Оставляя давние чудеса преподобного Иова, припоминаем чудо наших времен. В 1832 году девица Матрона, Оренбургской губернии, три года страдавшая головною болью и отвращением ко всему святому, в Киеве видела во сне старца, украшенного сединою, и близ него некую Жену в белом одеянии. По слухам о чудесах Почаевской иконы Богоматери, отправилась она в Почаевский монастырь и здесь над мощами преподобного Иова получила облегчение, а пред чудотворною иконою полное исцеление[1].

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святителя ДИМИТРИЯ, митрополита Ростовского

В том же году, как скончался дивный подвижник юга преподобный Иов Почаевский, в южном местечке Макарове у благочестивого сотника Саввы Григорьевича Тупталы родился Даниил[2], который в свое время, еще в земной жизни, явится великим светильником не для одного юга, но и для всей России. Чудное промышление Божие о Церкви русской!

Юный Даниил Саввич после домашнего воспитания отдан был в киевскую коллегию и здесь проходил по порядку классы учения, ревностно и с отличными успехами. Когда коллегия во время войны была расстроена и два года (1666–1667 гг.) совсем не преподавали в ней учения, Даниил Саввич, расставшись с нею в классе риторики, 1668 года 9 июля принял пострижение и имя Димитрия в Киевском Кирилловском монастыре; это было на 18 году от роду и там, где его отец был ктитором обители. Савва Григорьевич отличался живою любовью

[1] Христианское чтение. 1834. Ч. 1.

[2] Жизнь свт. Димитрия весьма подробно и отчетливо описана в: *Нечаев В.П.* Святый Димитрий митрополит Ростовский. М., 1849.

к благочестию. Посвящая милого сына на служение Господу, он построил в обители трапезный храм в честь великомученика Димитрия — ангелу сына-инока. Три дочери его, сестры Даниила Саввича, были одна за другою игуменьями Иорданской женской обители, и самая эта обитель устроена заботливостью боголюбивого Саввы Григорьевича. Прасковья Тупталова, младшая из игумений, скончалась в 1710 году. Мать († 1693) и отец († 1703) похоронены в храме Кирилловского монастыря[1]. Юный инок Димитрий в 1669 году посвящен в иеродиакона в Каневе митрополитом Иосифом Тукальским. Келейная молитва, строгий пост, неуклонное посещение храма Божия, чтение книг были его занятиями, которыми очищалась и просвещалась душа его. Игумен обители отец Мелетий Дзик, бывший ректор его по коллегии, любил его как сына и в обители докончил научное образование его. В 1675 году Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский и блюститель митрополии, по ходатайству доброго игумена, посвятил Димитрия в иеромонаха и, узнав дарования его, оставил при кафедре своей в должности проповедника. В это время «иеромонах Димитрий Саввич» в книжке «Руно орошенное», описал чудеса Черниговской Ильинской иконы Божией Матери[2]. Два года проповеднического служения при Черниговской кафедре столько прославили отца Димитрия, что имя его стало известным в Украине и Литве и его желали иметь проповедником разные места. Сам же он искал только пищи благочестию. Понуждаемый благочестивым усердием, он отправился в Новодворский монастырь для поклонения чудотворной иконе Богоматери и был в Виленском монастыре Святого Духа. Белорусский епископ Феодосий Васильевич приглашал его в Слуцк; здесь в братском Преображенском монастыре,

[1] Игумения Параскева Тупталова в 1710 г. завещала Кириловскому монастырю «двор свой отечний, близ притисскаго Николы». Кириловский игумен Иннокентий Монастырский в 1684 г. купил для обители дом с садом па Подоле, «близ пляцу некгдысь салтановскаго, на котором теперь (в 1684 г.) мешкает пан Савва Туптало, сотник казацкий киевский». При бесприходном иорданском храме, отданном в 1605 г. в заведование кирилловского игумена Василия Красовского, девичий монастырь в первый раз упоминается в завещании митр. Гедеона в 1689 г. и первой игумении его — Тупталовы. См.: Киевские епархиальные ведомости. 1863. № 22.

[2] Сочинитель книжки «Руно орошенное» (Новгород, 1678; Чернигов, 1680), которую приписывали и Лазарю Барановичу и Лаврентию Крещановичу (*Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви: В 2 т. СПб., 1827. Т. II) виден в четырех стихах предисловия: «иеромонах. Димитрий Савич».

пользуясь любовью ктитора Иоанна Скочкевича, более года проповедовал он слово Божие. Из Слуцка отлучался он не один раз для поклонения разным святыням Православия. Почтив надгробным словом Скочкевича, святитель Димитрий в 1679 году возвратился в Украину, где гетман «принял его весьма милостиво и благодетельно», как говорит он сам. В Крупицком Николаевском монастыре проводил он время в молитве, а в праздничные дни проповедовал в Батурине, по желанию благочестивого Самойловича. В следующем году приглашали его на игуменство в Кирилловский монастырь, но он отказался, конечно потому, что и сам опасался обители, где могли беспокоить его родные, да и полюбивший его гетман не хотел с ним расстаться. В 1681 году предложили ему игуменство Максаковской обители, и он с письмом гетмана явился к Лазарю Барановичу. «Не читая письма, сказываю: да благословит вас Господь Бог не только игуменством, но по имени Димитрия желаю вам и митры; Димитрий да получит митру», — так говорил умный архипастырь при встрече с Димитрием, радуясь и за паству свою, которая будет иметь такого редкого игумена. Он благословил его и своим посохом. Марта 1-го 1682 года Димитрий переведен на игуменство Крупицкого монастыря, но спустя полтора года отказался от начальствования, чтобы вести жизнь отшельническую.

Еще архимандрит Иннокентий Гизель, исполняя мысль митрополита Петра Могилы, выпросил у патриарха Иоакима четьи-минеи митрополита Макария, чтобы при их пособии составлять жития святых. Преемник его архимандрит Варлаам упросил Димитрия, как известного ему и по жизни, и по дару слова, принять на себя труд составления житий. От труда благочестивого, хотя и тяжелого, Димитрий не отказался. В июне 1684 года переселился он в лавру и начал писать Четьи-Минеи. В 1685 году имел он два видения, которые показывали, что небожители благоволят к его новому занятию. В одном представлялось ему, что смотрению его поручена пещера с мощами святых и он перекладывал мощи великомученицы Варвары в лучшую раку; при этом святая Варвара, явясь как живая, на слова его «благодетельница моя! умоли Бога о грехах моих», отвечала: «Не знаю, умолю ли; ты молишься по-римски», т. е., как понял смиренный Димитрий, коротко и редко. Когда же он смутился тем, она прибавила с веселым лицом: «Не бойся». Это было 10 августа 1685 года. Другое видение было в ноябре 1685 года. Святой мученик Орест, явясь с веселым лицом, говорил ему: «Я больше претерпел мук за Христа, нежели ты написал». Показав

на левом боку великую рану, проходящую сквозь внутренность, сказал: «Это мне железом прожжено». Указав на рану на локте правой руки, прибавил: «Это мне перерезали». То же сказал, показав рану на локте левой руки. Открыв потом раны на сгибе обоих колен, сказал: «А это мне косою рассекли». «Видишь ли, — прибавил мученик, — не больше ли претерпел я страданий за Христа, чем ты написал?» Димитрий, слушая это, думал: «Который это Орест? Не тот ли, который празднуется 13 декабря»? На эту мысль мученик отвечал: «Я не из пяточисленных, но тот Орест, которого жизнь ты ныне писал». Два года Димитрий занимался житиями святых, свободный от должностей. В январе 1686 года гетман убедил его принять на себя игуменство в Батуринском монастыре. Хотя занятия по обители и особенно в шумном тогда Батурине отнимали у него немало времени от занятий житиями, но в письме от 15 марта 1688 года он писал, что уже «написал житий святых месяцев шесть». В следующем году Лавра приступила к изданию первой части сочинения. Между тем из Москвы поднялись тревоги на малороссийскую Церковь по поводу спора о Святой Евхаристии, поднятого Лихудами. Патриарх Иоаким сперва спрашивал митрополита Гедеона и архиепископа Лазаря: как думает Малороссия об унии? и как думает о времени пресуществления Евхаристии? Святой Димитрий от имени больного митрополита писал тогда гетману: «Мы не считаем себя обязанными следовать тем нескольким русским, которые вовлечены лестью в унию с римским костелом и от самовластия папы заражены многими ересями и единомысленны с папою... О форме освящения Евхаристии, слышали мы, рассуждают греческие или греко-латинские учители в Москве, но этот спор не дошел до нас; мы как научились от отцов наших, так исповедуем; Бог даст, под управлением вашей вельможности, будут поданы отзывы о том людей сведущих и благочестивых». Эти тревоги не прошли без неприятностей для занятий святителя Димитрия житиями святых. Патриарх Иоаким, не доверяя православию малороссийских ученых, как состоящих под влиянием Запада, вытребовал в Москву Четьи-Минеи Макария и в грамоте выражал сильное неудовольствие за печатание первой части Миней без его рассмотрения, указав при том на несколько ошибок в печатном издании ее. В половине 1689 года святитель Димитрий был сам в Москве с новым гетманом. «Мы посещали его — патриарха — часто», замечает он в своем дневнике. Личными объяснениями легко разрешились недоразумения, и «святейший, — говорит Димитрий, — благословил мне

грешному продолжать писанием жития святых». По возвращении из Москвы Димитрий усердно продолжал заниматься благочестивым трудом своим, и замеченные в первой части недосмотры заставили его только удвоить осторожность. Чтобы иметь более свободы для труда своего, он начал жить в ските близ церкви святого Николая Крупицкого. Новый патриарх Адриан прислал от 3 октября 1690 года похвальную грамоту Димитрию. «Сам Бог, — писал патриарх, — да воздаст ти, брате, всяцем благословением за твои богоугодные труды в писании, исправлении и тихом издании книги душеполезных житий святых за три месяцы первые. Той же да благословит, укрепит и поспешит потруждатися тебе даже на всецелый год». В ответ на это послание Димитрий излил живейшую благодарность доброму пастырю Церкви за его внимание к труду для святых и просил прислать взятые у него минеи Макария. Получив Минеи на весь год, святитель Димитрий заключился в новой келие скита и отказался от управления монастырем Батуринским, которым заведовал шесть лет. За год пред тем скончался под кровом любви Димитриевой в Батуринской обители чудный Адам Черниговец, оканчивавший здесь драгоценный труд свой об исхождении Духа Святого от Отца. В мае 1693 года Димитрий отправил в типографию вторую часть труда своего; но, получив в том же году «книги Болланда», еще поправлял эту часть по новому источнику, и она напечатана была уже в 1695 году. В предисловии ко второй части он исправил и погрешности первой части. Патриарх прислал снова одобрительную грамоту. После того занятия святителя Димитрия житиями святых продолжались спокойно, и в 1700 году напечатана была третья часть, а в 1705 году — последняя.

Между тем труженик Божий вызываем был к разным служениям Церкви. В 1694 году поручен ему был Глуховский Петропавловский монастырь, а в июле 1697 года посвящен он в архимандрита Черниговского Елецкого монастыря. Но чем выше становилось положение его в виду людей, тем смиреннее становилась душа его пред Господом. «Я не таков, — писал он к другу Феологу, — каким считает меня любовь твоя. Я не благонравный, а злонравный, исполненный худых навыков, и по смыслу далекий от умных людей; глуп я и невежда, а светение мое — тьма и пыль. Молю братскую любовь твою помолиться за меня Господу, дабы просветил тьму мою и извлек честное из недостойного... Считаю делом любви вашей то, что благодарите вы Бога за возведение меня на архимандрию Елецкую. Но я несчастный недостоин ни любви

вашей, ни архимандрии. Знаю, что Господь Бог попускает и недостойным, в числе которых я первый, получать почетные звания; это творит Он по недоведомым судьбам. Потому-то я в страхе, нося честь не по достоинству моему».

Во время управления Елецкою обителью был сильный голод в Черниговском краю. Елецкий настоятель питал всех подданных обители из запасов обители, а для других бедняков покупал хлеб на свой счет. Так кормил он нуждающихся во все голодное время.

Когда в 1700 году надлежало представить образованного и строгого по жизни архимандрита для занятия иераршеской кафедры Сибири, представлен был святитель Димитрий. В феврале 1701 года приветствовал он в Москве царя речью и 21 марта посвящен в митрополита Тобольского. Но здоровье его было очень слабо, чтобы бороться с суровостью сибирского климата, и он сделался болен. Петр Великий посетил его и дозволил ему оставаться в Москве до нового назначения. Января 4-го 1702 года определили его в митрополита Ростовского. В течение годового пребывания в Москве он ознакомился с новым порядком дел, который вводил Петр Великий, заключил связь дружбы с митрополитом Стефаном Яворским, блюстителем патриаршества, и сказал несколько проповедей. Марта 1-го 1702 года прибыл он в Ростов и, остановясь в Яковлевском монастыре, указал в правом углу монастырского собора место для своего погребения.

Святитель обратил пастырское внимание прежде всего на служителей Церкви и к глубокой скорби увидал, что невежество его было до крайности и небрежение о звании изумительно. Он обратился к ним с двумя «окружными посланиями». В первом обличал невежество и нерадение их относительно тайны исповеди. Во втором подверг рассмотрению небрежность и грубые мнения о таинстве Евхаристии. Чтобы приготовить сколько-нибудь достойных служителей алтаря Божия, завел он при архиерейском доме училище из трех классов; часто посещал сам классы, следил за успехами учеников, предлагал вопросы и возбуждал любовь к святым истинам; иногда сам исправлял должность учителя, в другое время способным объяснял Священное Писание. Святитель Божий служил образцом ревности к высокому долгу пастыря. Во все воскресные и праздничные дни совершал он служение и редко без проповедания слова Божия. В июне 1706 года, быв в Ярославле, встревожен он был детскими помышлениями некоторых стариков своей паствы. Брить бороду и усы, чего требовал

царь, казалось им то же, что искажать образ Божий. При выходе из собора после Литургии остановили его вопросом: «как поступить им? Они готовы положить на плаху голову, но не брить бороды». «А что отрастет: голова или борода?» — спросил святитель. «Борода», — отвечали они. «Ну так лучше вам не беречь бороды, которая не раз может отрасти», — сказал святитель. Попечительный архипастырь написал потом для своей паствы рассуждение «об образе Божием», которое впоследствии много раз было издаваемо для всей России. Он рассылал и другие наставления по своей пастве, как то: вопросы и ответы о вере, где говорил и о перстосложении для креста, «зерцало православного исповедания», наставления для Евхаристии. В конце 1705 года и в 1706 году был он в Москве для чередного занятия делами церковными; там он нередко занимался проповеданием слова Божия. Зная, что для Церкви Русской недостает истории бытия людей, и уверенный в пользе сей истории особенно для пастырей народных, святитель решился заняться составлением летописи людей, а прежде того написал свод разных счислений времени. Он пересылал по частям труд свой на рассмотрение к блюстителю патриаршей кафедры, митрополиту Стефану. Тому было много скорбей по управлению, скорбей таких, которые по временам заставляли думать о покое. Ростовский святитель и в судьбе людей прошлых времен и в своей собственной видел, как неизбежны скорби на земле, и утешал первосвятителя и самого себя мыслями христианскими, самым верным врачевством против земных скорбей. Он писал блаженному Стефану: «Сколько могу, молю Господа, крепкого и сильного, да укрепит Он архиерейство ваше в ношении тяжкого креста. Не ослабевай, святитель Божий, под тяжестями. Ветвь под тяжестью приносит плоды. Не думай, что труды твои напрасны. *Приидите ко Мне*, говорит Господь, *вси труждающиеся и обремененные* (Мф. 11, 28). Велика награда перенесшим труды и зной дня. Не в суете те, которыми умно управляется корабль Христовой Церкви среди бурь. Ваше преосвященство считаете блаженным уединение. И я ублажаю его. Но худо ли рассуждение и святого Макария Египетского о пустынниках и о трудящихся для пользы других? Он пишет: “Одни (пустынники) с помощью благодати заботятся только о себе; другие (учители) стараются принести пользу душам ближних. Последние много выше тех”. Подвизайся же, Христов подвижник, о укрепляющем Иисусе. Бремя возложено на ваше святительство не случайно, а по смотрению Божию. Готов для вас и венец праведной награды. Благо

носить иго Христово; да будет же легким бремя Его!» Занятия летописью остановлены были сеятелями лжи. Учители раскола, проникая из Брынских лесов в паству Димитрия, требовали от пастыря обличений. В 1708 году занялся он обширным «розыском» о брынской вере. Тогда же, узнав в одном священнике наглого защитника суеверных толков, святитель отрешил его от места, с тем чтобы шел он в монастырь. Пронырливый священник нашел себе защиту у доброй царицы Прасковьи Феодоровны, которая весьма уважала святителя Димитрия и была им уважаема. На просьбу царицы за пронырливого попа святитель отвечал: «Много досады причинил он мне, пред множеством людей поносил мое смирение, называл меня еретиком, римлянином, неверным. И я все это прощаю ему для Христа моего, Который, быв укоряем, не укорял и сносил страдания терпеливо. Смотря на незлобие Спасителя Моего, простил я священника, не запретил ему священства, а предоставил ему избрать себе место в монастыре. Но страшусь гнева Божия, если пущу в Христово стадо волка одетого в овечью шкуру — губить души человеческие раскольничьим учением. Итак, молю ваше царское благородие не прогневаться на меня, что не могу выполнить невозможного».

Святитель Димитрий изображал на печати своей герб благородной фамилии своей и знаки святительства[1]. Это значило, что людям смиренным давал он видеть, к их вразумлению, преимущества свои, данные ему свыше, — также он помнил в душе о своих немощах. Выше всего были для него дела звания. Свой «розыск» о брынской вере посылал он по частям ученым друзьям своим — иноку Феологу и справщику Поликарповичу для предварительного пересмотра и, окончив к Троицину дню 1709 года, разослал его по своей епархии. Оканчивая розыск, хотел он возвратиться к продолжению летописи. Но Господь судил иначе. Болезни тела, изнуренного учеными трудами и подвигами, становились чаще и тяжелее, и близился конец земной жизни его. Да и человек Божий созрел для Вечности Блаженной. Подвижник Божий во всю жизнь соблюдал строгое воздержание, мало вкушал пищи. В первую неделю великого поста он только раз принимал пищу; в страстную неделю вкушал только в четверток. Сам искренно благочестивый, он питал и поддерживал благочестие и в служивших при его доме. Он советовал им при каждом ударе колокола вспоминать о смерти и, ограждая себя крестным знамением, читать «Отче наш»

[1] *Тромонин К. Я.* Достопамятности Москвы. М., 1843–1845.

и «Богородице Дево, радуйся». Посетителей оделял иконами и советами любви. Любовь к Распятому за нас Господу обращал он в главное начало жизни своей, и эта любовь расширяла сердце его для объятия всех любовью. За три дня предсказал он кончину свою, и смерть нашла его коленопреклоненным на молитве, на 58 году жизни его, 28 октября 1709 года.

Спустя 42 года после кончины тело святителя обретено нетленным, хотя лежало в сыром месте и без каменного свода. Омофор и саккос, митра и шелковые четки были невредимы, а дубовый гроб сгнил. Со времени открытия мощей потекли исцеления от живого пред Богом святителя: больные горячкою, иные и с помешательством ума, получали здоровье, людям, не владевшим по несколько лет ни ногами, ни руками, возвращалось употребление пораженных членов; бесноватые, как видели они, были осеняемы святителем и становились здоровыми. После того указом 1757 года установлено праздновать во всей Русской Церкви 28 октября день кончины святителя и 21 сентября — день открытия мощей его[1].

Святитель Димитрий — святой учитель Церкви всех времен. Льзя ли не насладиться учением его?[2]

Из догматических сочинений святителя Димитрия самый важный труд его — «розыск о брынской вере», написанный с ясным и глубоким разумением христианства. Сочинитель уличает раскол в полном несоответствии его духу евангельскому. Частными мнениями раскольников он мало занимался и выставляет их только как странности или как улики в главном грехе раскола; не занимается ими и потому, что, как писал он, «довлеет моей худости писать о сем, чего в тех книгах (увете и жезле) не написано; написанная же повторяти не настоит нужда»[3]. Вера раскольников — неправая, учение их вредно душе, дела их богопротивны: вот три мысли, которые раскрывает он в трех частях розыска. Ныне явилась мода выхвалять раскол за его нравственность, и даже говорят, что доселе смотрели только на теоретические мысли раскола и не ценили жизни его. Пусть послушают святителя, какую

[1] Печатное житие святителя с службою; Описание Ростовского ставропигиального первоклассного Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря и приписанного к нему Спасского, что на Песках. СПб., 1849.

[2] Пересмотр всех сочинений свт. Димитрия см. в: *Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы. Кн. 1, § 250.

[3] Письмо 6 к Феологу.

цену дает он жизни раскольничьей. Метко и сильно поражает розыск врагов Святой Церкви. За то и злятся же они на сочинителя розыска. В 1766 году шайка раскольников решилась было украсть и сжечь мощи святителя, но не успела в покушении оттого, что святитель сам известил архимандрита о замысле злодеев[1].

После розыска достойны внимания «зерцало православного исповедания» и «ответы о вере» — то и другое род краткого катехизиса, примененного к нуждам времени; последнее отличается систематическою строгостью, а первое — подражанием известному «исповеданию веры». Сочинение «о пресуществлении Евхаристии» приближает святую тайну к общему разумению сравнениями с явлениями природы, занимая выражения и у школьной учености.

«Четьи-Минеи» святителя Димитрия — образцовое сочинение по искусству изложения, по критической осторожности в выборе известий и по духу благочестия. «Да не будет ми лгати на святого», — сказал сочинитель и выполнил свое слово, предложив чтение самое назидательное.

Всех проповедей святителя издано до 94 и еще две речи. Искренность убеждения и глубокое благочестие составляли лучшую собственность их. Живостью речи и выражениями сильными проповедник поддерживает внимание слушателей к нему и не дозволяет скучать даже сухостью созерцательных истин. Тонкий вкус благочестивого проповедника виден особенно в том, что у него редко, не так, как у Яворского, встречаются странные приемы речи, занятые у школы, например, остроты польских ученых или намеки на богов. «Внутренний человек, в клети сердца своего поучающийся и молящийся» — прекрасное наставление для упражнения во внутренней молитве. «Молитва исповедания к Богу» — вопль грешника, кающегося с живою скорбью о грехе и тихою надеждою на Благого. «Исповедание грехов пред иереем» пересказывает грехи против Бога, ближних и самих себя, чего сам грешник не решился бы или не умел бы высказать. В размышлениях «о страданиях Спасителя» слышится голос души, дышащей тою любовью к Распятому за нас, которая говорила в апостоле: *мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. 6, 14). Одно из них писано стихами. Духовные песни (канты)

[1] Следственное дело о том см. в: Описание Ростовского ставропигиального первоклассного Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря и приписанного к нему Спасского, что на Песках. СПб., 1849.

святителя Димитрия петы были, по его приказанию, в последние часы жизни его. Это одно показывает значение их для душевного назидания. Песни: «Ты мой Бог, Иисусе; Иисусе мой прелюбезный, воплю к Богу в беде моей» — такие песни, которые всегда могут доставлять пищу и сердцу и уму. Наконец, «духовное завещание» святителя — урок для иночески-пастырской жизни. Повторим его здесь.

«Я, смиренный архиерей Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский, внимаю гласу Господа моего, глаголющего в Святом Евангелии: *будите готови, яко в онь же час не мните, Сын человеческий приидет* (Мф. 24, 44). *Не весте бо, когда господь дому приидет, вечер, или полунощи, или в петлоглашение, или утро, да не пришед внезапу, обрящет вы спяща* (Мк. 13, 35–36). Внимая сему гласу и страшась его, особенно оттого, что часто подвергаюсь недугам, день ото дня изнемогаю телом, на всякий час жду того страшного часа, указанного Господом, и по силе готовлюсь к исходу из сей жизни. В таком расположении счел я за нужное известить духовною грамотою моею всякого, кто бы захотел после смерти моей отыскивать келейное имение у меня: пусть не трудится он понапрасну и не тревожит служивших мне для Бога. Пусть знает он, что сокровищ и богатства не собирал я от юности моей (не из тщеславия говорю о том, но извещаю ищущего мое имение). С того времени, как принял я святой иноческий образ, постригся в Киевском Кирилловом монастыре, на осмнадцатом году возраста моего, и дал обещание Богу любить произвольную нищету, — с того времени и до приближения моего к гробу не приобретал я имущества, кроме святых книг, не желал иметь лишних одежд, ни вещей, кроме самых нужных. И душою и на деле старался я, сколько мог, соблюдать нищету и нестяжательность. Не заботился о себе, а полагался на Промысл Божий, который никогда и не оставлял меня. Подаяния, какие доходили до рук моих от благодетелей или из доходов по должностям, употреблял я на мои и на монастырские нужды там, где был игуменом или архимандритом. Точно так же и в архиерейском сане не собирал я келейных доходов, которые притом и не были большими, но иное употреблял на мои нужды, другое на нужды нуждающихся, как приводил Бог. Итак пусть никто не трудится по смерти моей отыскивать какое-либо келейное сокровище. Ничего не оставляю я даже и на погребение мое. Пусть особенно при смерти явится пред Богом иноческая нищета. Убежден я, что Ему приятнее будет, если ни одной копейки не останется после меня, чем то, когда бы раздавали множество собранного. Если меня,

такого бедняка, никто не захочет предать обычному погребению, прошу тех, кто помнит о своей смерти, оттащить грешное тело мое в убогий дом и там бросить между трупами. Если же воля начальствующих повелит погребсти меня по обычаю, молю христолюбивых погребателей — похоронить меня в монастыре святого Иакова, епископа Ростовского, в углу церкви, где указал я место; смиренно молю о том. Кто захочет безмездно, для Бога, помянуть грешную мою душу, да помянут он будет в Царствии Небесном. Требующий же мзды за поминовение, прошу, пусть не трудится поминать меня нищего, который ничего не оставил на поминовение. Бог же да будет милостив ко всем и ко мне грешному, вовеки. Аминь».

Святых мучеников Терентия и Неониллы с семью чадами их. О сих мучениках сохранилось только краткое известие, что за исповедание Христа и нежелание принести жертву идолам мучимы были в гонение Декия (250–252) и умерщвлены в Сирии.

Святой великомученицы ПАРАСКЕВЫ-ПЯТНИЦЫ

Святая великомученица Параскева, нареченная Пятницею, достопримечательна как по этому имени, так по жизни и страданиям, сообразным с сим именем. Родители ее, иконийские христиане, особенно уважали день страданий Господних — пятницу, а потому, когда Бог, в этот же день, даровал им дочь, назвали ее также Пятницею (Параскевою по-гречески). Впоследствии оказалось, что Параскева, сохраняя память о страданиях Христовых своим именем, сохраняла ее и в своем сердце, а наконец сама приобщилась страстям Христовым своими страданиями. Оставшись по смерти родителей при значительном имении, святая дева богатство свое раздавала меньшей братии Христовой, посвятила девство Господу и, непрестанно воспоминая Господа, прославляла Его и между язычниками в Иконии. За дерзновенное исповедание

Распятого святую ввергли в темницу, а потом предали игемону на истязания, в царствование Диоклетиана (257–304). Ужасны были муки, какие наложил на нее мучитель; но велика открылась и благодать, сохранившая ту, для которой было *еже жити Христос: и еже умрети, приобретение* (Флп. 1, 21). Преподобную деву растерзали до костей; но в темнице посетил ее Ангел, представил очам ее любезные для нее предметы — орудия Страстей Христовых, и — вдруг все раны мученицы закрылись, вся она сделалась здравою. Новое чудо явилось, когда ввели святую в капище идольское; по ее велению все идолы в капище пали и обратились в прах. Затем следовали для исповедницы новые мучения — ее опалили свечами; но огонь факелов вдруг столь сильно воспламенился, что пожег многих нечестивых, близ мученицы стоявших. Наконец святая Параскева усечена мечом.

Произнося — Параскева — это греческое имя великомученицы, Церковь соединяет с ним и перевод его на нашем церковно-отечественном языке. Этот перевод усвоен имени великомученицы, согласно с толкованием, какое она сама дала на греческом языке своему имени пред своими мучителями, которые спрашивали ее о значении его.

В честь святой великомученицы Параскевы в 1865 году основана женская община в Инсарском уезде Пензенской губернии на месте явления иконы около 1780 года. Вот как говорит об этом предание. Явилась икона одному бывшему на службе солдату, родом из села Рузаевки, Инсарского уезда, Пензенской губернии. Этот солдат был так сильно болен ногами, что ему никак нельзя было пребывать на службе, а потому он лежал в лазарете. Средства врачей нисколько не пособили ему. В одно время во сне явилась ему прекрасной наружности женщина с крестом в руках и говорит: «Хочешь ли быть здоров и желаешь ли идти на родину?» Солдат, проснувшись от сна, почел это видение за обыкновенный сон и никому ничего не сказал; во вторую и третью ночь ему было то же самое видение и в третью ночь еще добавлено было: «Ты чрез три дня будешь совершенно здоров, и чрез три дня тебя отпустят на родину; когда придешь домой, не забудь сходи в деревню Пайгарму, пройди в лес, держась от деревни в левую руку к оврагу, к кустарнику; там на полдороге найдешь большую муравейную кучу, от которой сойди вниз под гору прямо, и увидишь небольшую яму воды и в ней мой образ; вычисти эту яму, опусти сруб, сделай часовню и поставь в нее мою икону, тогда ты никогда не будешь болеть ногами». После сего видения солдат действительно чрез три дня сделался здоров, и ноги его — как никогда

не болели, чему обрадовался и удивился как сам, так и врачи. Солдат рассказал им свое троекратное сонное видение и заявил, что он верит явлению вполне. Врачи сочли его исцеление делом врачевания силы Божией и на третий же день выписали его из больницы и исхлопотали ему отпуск. Солдат, усердно помолившись Господу, чтобы Он даровал ему здоровье чрез Свою угодницу святую мученицу Параскеву, отправился на родину. По прибытии в деревню Пайгарму, солдат отправляется в лес по тому направлению, как ему сказано было во сне, действительно находит муравейную кучу и, сойдя ниже под гору, увидел яму с водой и в ней образ своей целительницы — святой мученицы Параскевы. Долго он молился со слезами, взяв икону, поцеловал ее и поставил на куст. Со временем вырыл глубокую и широкую яму, опустил сруб, и вода быстрою струей потекла из родника; затем построил часовню и перенес в нее икону мученицы Параскевы. С этого-то времени, как рассказывают старожилы, стал ходить православный народ к сему месту на богомолье, и всякий, по вере своей, получал различные исцеления. Сюда и поныне стекается народ главным образом в 9-ю пятницу после праздника Пасхи. Так как со дня постановки часовни простой народ с году на год все большим числом приходил к роднику и явившейся иконе, то владельцы земли, потерпев большие убытки от того, что народ мял покосы и молодые побеги леса, приказали разобрать часовню, а икону отнести в приходскую Рузаевскую церковь. На другой же день икона опять явилась в том же роднике, чему православный народ обрадовался и еще более стал иметь веру к явленному образу. Но владельцы земли, не веря явлению иконы, вначале приказали было уничтожить родник; затем вздумали несколько ниже устроить водяную мельницу и спустить всю воду в пруд мельницы. Наняли мастера, приказали созвать народ, сколько потребовалось для прудов, плотины, канав, и завалить родник, в котором явился образ. Народ, по приказанию мастера, набивал мешки песком и глиной, заваливал родник; трудились над этим местом целое лето, но не могли завалить родника. Днем во время работы завалят родник совершенно, так что нигде нет воды, ночью вода опять начинает выбивать сильной струей. Мастер мельницы, видя, что сила человеческая не может стоять против силы Божией, бросил работу и ушел без всякого расчету от землевладельца, который после сего совершенно оставил мысль о постройке мельницы.

Далее предание говорит, что один из живущих в ближайших селениях татар вздумал было поругаться над источником, засорить его

и взять железный обруч с части сруба. Но Господь наказал его: татарин потерял зрение, ослеп. Будучи человеком богобоязливым, татарин стал очищать и поправлять источник и просил Бога Единого простить ему вину и возвратить зрение. Искреннее раскаяние было принято Господом: татарин вновь прозрел. Местное духовенство передает, что с того времени и были установлены ежегодные крестные ходы из ближайших селений на место источника и явленной иконы, — крестные ходы продолжаются до настоящего времени.

Освобождение крестьян (1861 г.) поставило помещиков в необходимость продать землю; ее купили крестьяне мордва и, вырубивши лес, пожелали открыть женский монастырь. Будучи направлены в своем желании к соседней землевладелице, Марии Михайловне Киселевой, крестьяне при помощи и содействии последней исходатайствовали высочайшее разрешение на открытие Параскево-Вознесенской общины, которая и была открыта 20-го июля 1865 года. Пожертвованной на общину земли было от Марии Михайловны Киселевой 20 десятин, крестьянина села Болдова Василия Губкова — 16 десятин, крестьянина села Мордовской Пишли Николая Роланкина — 5 десятин, Дмитрия и Петра Костиных, Семена и Степана Захаровых тоже — 5 десятин, а всего 46 десятин.

Святой
ФЕВРОНИИ ЦАРЕВНЫ

Дочь императора Ираклия, блаженная Феврония, с юных лет пожелала служить Единому Господу. Две сестры ее, Августина и Мартина, украшались титулом Августы, а Феврония подвизалась в уединении, заботясь только о том, как бы не лишиться славы вечной, приготовленной для всех страданиями Сына Божия[1].

Святой апостол учит: *не замужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою телом и духом* (1 Кор. 7, 34). Здесь

[1] *Du Cange*. Familiae Byzantinae // Historia Byzantina duplici commentario illustrata. Venetia, 1729.

две высокие мысли о деве: дева, посвящающая себя Богу, заботится о славе Божией, потом она же заботится об освящении души и тела.

Кто так искренно и полно предан славе Господа, как та душа, которая не развлекается ничем земным? *Замужняя заботится о мирском, как угодить мужу* (1 Кор. 7, 34). Умное угождение мужу — дело должное; это не то, что служение страстям и грешной воле. Но земля и небо — не одно и то же. Услуживать мужу и услуживать Господу — вещи разные по предмету, по достоинству, по последствиям. Прямое и полное служение Господу — занятие самое высокое и самое достойное желаний человеческих.

Освящение души и тела — другой предмет забот девы. Чистота и невинность — свойства богосозданной природы человеческой. С расстроенною грехом природою недоступна на земле невинность райская; но она возвращается постепенно, по частям, при пособиях благодати Божией. И вот о возвращении этой-то невинности воздыхает дева, ее-то старается она усвоить себе подвигами.

Властью над стремлением к другому полу человек ставит себя выше животного. Зверь неудержимо влечется, следует влечению телесной природы. Человеку дана разумная свобода, чтобы господствовать над веществом. Честь ему, слава ему, если торжествует он победу над веществом. Само язычество уважало девственную чистоту: и оно для служения известным божествам назначало дев и юношей чистых, хотя с худым успехом. Тело христианина — собственность Божия, храм Святого Духа (см.: 1 Кор. 6, 15, 19; 3, 16, 17); страшно злоупотреблять членами его (см.: 1 Кор. 4, 18); только для обуздания грешной плоти указан брак (см.: 1 Кор. 7, 3, 2). Чистым же обещается высокое счастье (см.: 2 Кор. 7, 1; 1 Кор. 7, 35). «Ничто так не приближает к Богу, как добрая, целомудренная и богоподобная чистота, которая доставляет честь и делает нас способными предстоять Господу без развлечения».

Более чем вероятно, что святой Иоанн патриарх († 595) писал для святой царевны свое «Послание к деве, преданной Богу». Прочитаем некоторые места из этого обширного, прекрасного послания.

«Хотя и успеешь в добродетели, не возносись добротою твоею, чтобы за тщеславие не отвратился от тебя Бог... Если уловлена будешь когда-нибудь глазами, как Давид, худо отворивший окна; если глаза твои возмутят душу твою, закрой с воздыханием око свое, худо смотревшее. Иначе навык греховный ведет споткнувшегося к худшему. Если имеешь чистую одежду, не везде ходи в ней, чтобы как-нибудь не замаралась...

Упражняйся непрестанно в Священном Писании. Как вино, когда пьют его, прекращает печаль и производит в сердце веселость, так и духовное вино, когда пьешь его, производит в душе радость... Все настоящее слабее паутины, обманчивее сновидений. Спаситель ублажает скорбящих, чтобы наслаждение приятным не удерживало в своей власти пристрастных к нему. Как Авраам, услышав слова: *изыди от земли твоей* (Быт. 12, 1), вышел, оставим и мы обычные наклонности наши, чтобы, упражняясь в умерщвлении, переселиться в горний город; будем всегда носить мертвенность Иисуса в теле своем и помнить слова: *трезвитесь, бодрствуйте* (1 Пет. 5, 8)... Много купцов, которые, обнищав, снова обогащались и, после кораблекрушения продолжая торговать, поправляли свое состояние. Неужели для нас приготовил Бог огонь? Нет, для диавола и ангелов его; только пусть сами мы не разводим того огня... Если не можешь быть солнцем, будь по крайней мере звездою, восходи с земли к небу; начни ревновать светлым звездам... Подвижник не намащается миром, ибо это есть забота только низложенных. Какую приносит пользу слоновой костью или серебром оправленный одр? Попечение об этом излишне и с неба низводит гнев... Ты возжелала девства? Храни заповеди, и Господь сохранит тебя. Если молясь скажешь: *сохрани мя, Господи, яко зеницу ока* (Пс. 16, 8): скажет тебе и Он: *храни Моя заповеди и поживеши, словеса же Моя, яко зеницы очию* (Притч. 7, 2). Если будешь расположена так, Господь, усвоив Себе попечение о тебе, скажет: *касаяйся вас, яко касаяйся в зеницу ока Моего* (Зах. 2, 8)... Многие девы понесли мученичество. Если же другие перенесли смерть, ужели ты не можешь превозмочь похоти? Надобно властвовать не только над похотью, но и над гневом. Язык твой должен говорить немного... Берегись, чтобы язык не погубил тебя: *язык,* говорит Иаков, *заражает все тело* (Иак. 3, 6); когда заразится все тело, необходимо повредится и ум... Язык заключен двумя преградами: зубами и губами, чтобы, подобно целомудренной девице, не произносил ничего безрассудного... Сладок ночной сон, но будь уверена, что ничего нет слаще пения псалмов. Тебе тяжко спать на земле? Но вспомни, что мученики были повергаемы на горящие угли. У тебя очень горько во рту от поста? Но Христос для тебя вкусил желчи. Ты плачешь о себе? Но ты никогда не плакала, как Павел, о спасении других. Облегчай труд надеждою: за печалью следует радость»[1].

[1] *Иоанн Постник*. Послание к деве, преданной Богу. О покаянии, воздержании и девстве / Пер. Д.С. Вершинского // Христианское чтение. 1826. Ч. 24.

По таким правилам, с такими мыслями подвизалась святая царевна Феврония. Чистая душою и телом, почила она в 632 году, когда отец ее император сражался с персами[1].

Память ее чтится Греческою Церковью октября 28 дня[2].

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святителя АРСЕНИЯ, архиепископа Сербского

Как по сербским памятникам показано чтить в 28 день октября память святителя Арсения, архиепископа Сербского[3], так в русском лицевом подлиннике изображен «Арсений святой, архиепископ Сербский, сед»[4].

Сын православных родителей, славян, живших в Среме, блаженный Арсений, почувствовав в себе влечение к уединенной жизни, удалился в монастырь и принял монашество. Спустя некоторое время, услышав о подвигах Саввы Сербского, приходит он в Жичский монастырь. Духовный святитель на первый раз назначает ему простые послушания; потом, узнав его способности и ревность к подвигам, определил его в екклесиарха; это назначение одушевило Арсения на подвиги самого искреннего служения Господу. Когда ожидали, что венгры по внушению оскорбленного папы вторгнутся в Сербию с опустошениями, как вторгались они прежде, Савва поручил Арсению искать в Сербии покойное место для кафедры архиепископа, и Арсений нашел Печь;

[1] *Никифор, патр. Константинопольский.* Краткая история со времени после царствования Маврикия // PG 100.

[2] Menologium ex ed. Basnagii ad 28 Octob. Minaea graeca Octob.; в «Месяцеслове» Вершинского она опущена.

[3] Гласник. Кн. 9. Сербляк.

[4] Христианские древности и археология. Тетр. 8. «Ризы кресты», т. е. священническая риза с крестами, полиставрион, так сказано в надписи; а на рисунке Арсений в мантии.

место, говорил он Савве, ограждено с востока двумя высокими хребтами, — кажется весьма удобно для архиепископии. Святитель одобрил выбор. Арсений поставлен в игумена Жичского. Отправляясь в первый раз на восток, святитель Савва поручил Жичскому игумену не только обитель, но и некоторые дела кафедры[1]. По возвращении с востока, к утешению своему, нашел в Жичской обители такой порядок, какого только мог желать. Решившись на вторичное путешествие в Иерусалим и вместе на отречение от кафедры, святитель назначил испытанного им Арсения в преемника по себе и посвятил его в архиепископа. Святитель Савва уже не возвратился живым в Сербию; на возвратном пути скончался он в Тернове. «И горько и стыдно нам, — говорит Арсений кралю Владиславу, — что просветитель Сербии лежит в чужой стороне», и наконец чрез год мощи святителя Саввы перенесены были в Милешев монастырь[2]. Самая усердная деятельность Сербского архиепископа обращена была теперь на устроение архиепископии в Пече и на построение там храма в честь апостолов Петра и Павла[3]. Нападение монголов, врывавшихся в Сербию из Венгрии в 1242 году, останавливало успехи забот святительских о кафедральной обители[4], но продолжительное управление Сербскою Церковью дозволило усердному архипастырю совершить свои намерения относительно архиепископии. В 1263 году он был еще жив[5]; последние три года своей жизни он был сильно болен, очищаясь скорбями для вечности, и почил октября 28-го 1266 года[6]. На алтарной стене печского храма еще читается прекрасная надпись: «Го-

[1] Троношский поздний летописец (Гласник. Кн. 5) выставляет дела так, как будто нападение венгерцев, по случаю которого Савва посылал искать новое место для архиепископии, было в отсутствие Саввы на Восток и однако при крале Первовенчанном. Это путаница. Святой Савва отправлялся на Восток по смерти Первовенчанного. Между тем ни при Родославе, ни при Владиславе не видно нападений Венгрии на Сербию; напротив, Владислав взял Срем у Венгрии (*Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2).

[2] Записки географического общества. Т. XIII.

[3] Ныне Печский храм в честь Вознесения Господня (Записки географического общества. Т. XIII), но начальный был в честь апостолов.

[4] *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2.

[5] В послесловии к шестодневу и. экзарха Феодор пишет: «в лето 6771 (1263) — при внуке св. Симеона и при сыне Первовенчанного короля сербского, Стефане Уроше, при архиепископе Арсении — написана книга повелением “Дометиана иеромонаха, будуща тогда духовника своего братства хиландарские лавры”» (*Калайдович К.Ф.* Иоанн, экзарх Болгарский. М., 1824).

[6] По синаксарю Сербляка, он управлял Церковию 30 лет (Гласник. Кн. 6).

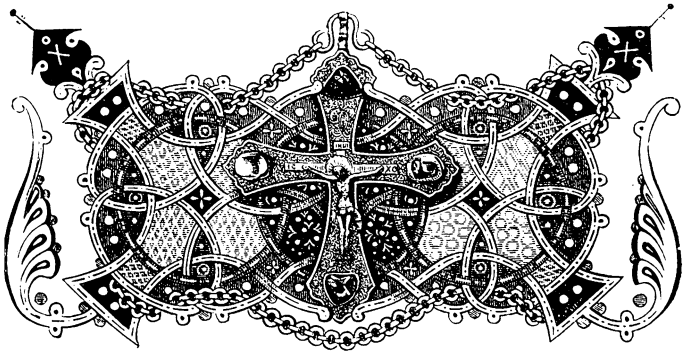
споди Боже наш, вонми, посети и благослови храм сей... помените же и меня грешного Арсения». На левой стороне царских дверей у иконостаса стоит рака с главами святых «пятизарных» мучеников, которые получил блаженный Арсений из болгарского Тернова. У столба на правой стороне храма гробница из белого мрамора, в которой покоятся мощи основателя Печской обители святителя Арсения[1].

Просвященный Даниил передает чудный опыт загробной деятельности святителя Арсения. Болгарский князь Шишман, призвав в помощь хищных татар, двинулся с войсками, чтобы ограбить богатую тогда Печскую обитель. «В ту нощь спящим им близ места того Бог великое знамение страха яви им, молитвами угодников Своих и архиерея Христова Арсения, лежащего ту в доме святых апостолов. Знамение глаголю таково, яко видети им столп огнен великий, сходящий с небесе, от него же лучи пламенны исходяще паляху лица их, и мужие, огнени образы имуще, такожде и оружия имуще в руках своих, с нуждою великою гоняху секущи полки их». Шишман в ужасе бежал и растерял большую часть войска. Это было при короле Милютине[2].

Память священномученика Неофита, епископа Урбнисского, в Грузии. Пострадал в 643 году от магометан, сделавших в это время первое свое вторжение в Грузинские земли. Неофит был захвачен в плен, принуждаем к отречению от Христа и, как непреклонный в своей вере, обезглавлен.

[1] Записки географического общества. Т. XIII.

[2] *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2. Об этом говорит и краль Милютин в своей грамоте.



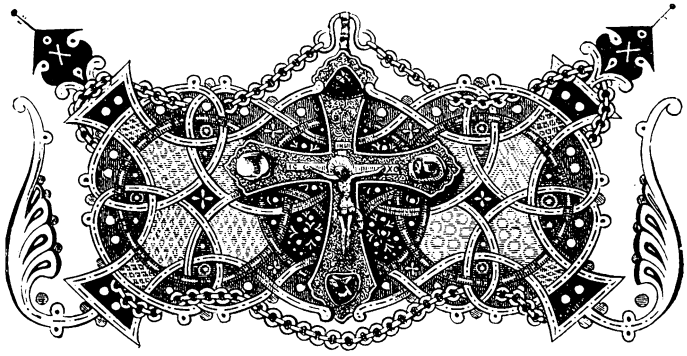
День двадцать девятый

Святой преподобномученицы АНАСТАСИИ РИМЛЯНКИ

Анастасия[1], трех лет оставшись сиротою, была воспитана в общине девственниц близ Рима и в гонение Валерианово (256–260) схвачена по повелению префекта, который обратил на нее внимание по тому случаю, что многие граждане язычники, желавшие иметь ее супругою, получили отказ и стали жаловаться на ее презрение к богам и веру в Распятого. Судья сказал ей: «Пощади красоту свою, поклонись богам, выходи замуж, и будешь жить в славе и почете!» Но святая отвергла его предложение, была бита по устам и обнажена. «Находишь ли удовольствие стоять обнаженной пред всеми?» — спросил судья. Анастасия отвечала: «Это не мне стыд и позор, а тебе!»

После сего ее предали пыткам, после коих отрезали сосцы и язык; наконец обезглавили. Верные похоронили тело ее.

[1] О ней пролог, Четьи-Минеи, греч. Минея октября 29. *Du Cange*. Constantinopolis Christiana.



День тридцатый

ПАМЯТЬ святого МИЛЮТИНА, короля Сербского, брата его краля Драгутина и матери их Елены

«Иди со мною, — говорил святой Георгий магометанину, — я покажу тебе краля Милютина, лежащего в этом городе — Софии; он почивает, как уснувший, и, как цветок, издает благоухание»[1].

Блаженный Милютин был младший сын короля Стефана Уроша I и внук Первовенчанного[2].

Старший брат его Драгутин недолго управлял всею Сербией (1270–1275 гг.). Сломав себе ногу, он отяготился в душе тем, что для него отец удален был с престола и добровольно предоставил престол Сербии брату своему Милютину, а сам поселился в Среме[3]. Драгутин,

[1] Страдания св. Георгия см. в летописи археографической комиссии.

[2] По известию Гласника (Кн. 11) в сербской ркп. «Житие богоноснаго Стефана, правещаго скиптры кралевства всее сьрбскые земли» Милютина. Это житие, с заменою сербских выражений славянскими, напечатано в Сербляке. Оно писано не раньше 1360 г. и потому не без ошибок.

[3] Летопись (Гласник. Кн. 5) выставляет управление Драгутина в прекрасном виде. Об отношениях сына к отцу говорит так: венгерский король Владислав выдавал

мало виновный в печальной участи отца, действовал так не только по голосу нежной своей совести, но и по убеждениям сербского народа, весьма строгого чтителя заповеди Божией: *чти отца твоего и матерь твою* (Исх. 20, 12). Вот что пишет серб, биограф блаженного Стефана деспота: «уважение сербов к родителям так велико, что ни один сын, хотя бы и в своем доме, не смеет вкушать пищу вместе с отцем своим, а стоит у стола как слуга. Это можно видеть как у богатых, так и у бедных, не исключая крайней нищеты. И не слышно, чтобы кто-либо оскорбил отца своего или мать»[1]. После того понятно, что нелегко было Драгутину примирить с собою и мать свою, но он наконец примирил ее с собою. Младший брат, хотя и король всей Сербии, уважал старшего, предоставив ему титул короля сремского, и они соединяли свои силы, когда нужно было действовать против сторонних врагов. Драгутин много трудился над обращением босанских еретиков богомилов к правоверию и был чудным подвижником Божиим, закрытым от взора людей. По известию духовника его, после немногих годов супружества не касался он тела жены своей, а жил с нею, как брат с сестрою; милостыню нищим, обителям иноческим и храмам раздавал щедрою рукою; между прочим посылал он дары и храмам России, столько страдавшей от татар; он был в дружеской связи с великим князем Василием Ярославичем († 1276). Для тайных подвигов выкопана была у него могила; в ней набросаны были каменья и черепья; здесь-то проливал он слезы о грехах и проводил ночи в молитвах; когда от утомления засыпал, острые каменья скоро пробуждали его. Пред смертью († 22 марта 1316) принял монашество с именем Феоктиста. Когда готовили его к гробу: «обретоша его препоясавшася острою тростью по нагу и во власяное вретище облеченна и тростину влепшуся до внутренния кости; хотяще отъяти от тела его, не возмогоша и на мнозе мыюще водою едва разлучиша оную от тела сего блаженнаго»[2].

дочь свою за Драгутина с тем, чтобы отец вслед за браком передал управление сыну Драгутину, и условие было принято Урошем. Когда же Урош не выполнял условия и думал передать престол Милютину: то венгерский король начал войну, войско его вынудило Уроша удалиться на границу Сербии, а сербское перешло к Драгутину. Время смерти Уроша в летописи — 1270 г. (Гласник. Кн. 11, 5). На монетах Драгутин в таком виде: первовенчанный Стефан передает Драгутину Стефану хоругвь с звездою на конце; король без венца, в мантии (Гласник. Кн. 3).

[1] Житие Стефана деспота.

[2] Слова Даниила см. в: *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2. Троношская летопись (Гласник. Кн. 5) говорит еще, что сремский король: а) устроил

Дубровницкая торговая республика поспешила выпросить у нового короля грамоту о свободе торговли ее в Сербии. Краль Милютин в 1276 году писал: «а) какую оказал им милость брат мой Стефан (Драгутин), ту же оказывает и мое королевство; б) купцы их могут свободно торговать в моей земле, пока не оскорблена будет правда; в) они дают королевству 2000 перпер каждый год, на Димитриев день; г) если окажутся виновными пред моим королевством, то разбирает дело суд по закону; если судом не решится дело, то за три месяца объявляется срок, к которому купцы их должны выехать из Сербии с своим имуществом»[1].

Недолго после того Милютину пришлось начать войны с соседями. Того требовали дела Отчизны и веры. Войны шли одна за другою в продолжение 20 лет и все были изумительно счастливы. Признательный пред благодеющим Господом благочестивый краль сам описывает эти дела в одной грамоте, и нам остается прибавлять только пояснения к его известию.

«Будучи рабом Господа моего Спаса Христа, — так пишет он, — я, Стефан Урош, по милости Божией король и самодержец всех сербских и поморских земель, уразумел сладкие для меня слова Твои, Иисусе, поучающие нас в святом Евангелии: да просветится свет ваш пред людьми, чтобы видели добрые дела ваши и прославили Отца Небесного. Узнав, что ничего нет лучше для царей и архиереев, как объяснять

несколько каналов; б) построил монастырь Рачу над Дриною, монастырь Ловницу, украшенный зеленым мрамором, храм в невесинском окружии; в) супруга его создала после него в ядарском округе монастырь Троношу; г) сыновьями его построен в зворническом округе монастырь Тамна. Другая летопись (*Šafařik*. Památky dřevního písemnícství) о Драгутине: «на любовь Божию и на Православие распаляе се, — пожить богоугодно житие, инокыих любе, старцы почитае, младых питее, всяку правду и истину исполняе, к сим же постом и молитвою свое тело удручае». Гильфердинг: «в церкви (Юрьевых столпов) направо от дверей находилась гробница с мощами короля Драгутина, в монашестве Феоктиста, обновителя обители Юрьевых столпов. Они лежали невредимы долго после запустения монастыря, пока святотатственная рука каких-то новопазарских христиан Знобичей не похитила их для распродажи по частям» (Записки географического общества. Т. XIII). «Житие благочестивого краля Стефана сремского, монаха Феоктиста» писанное Георгием Грамматиком, в серб. ркп. Здесь сказано: «бысть же преставление сего блаженнаго мес. мартиа в 22 день» (Гласник. Кн. 11). Служба св. Милютину в Сербляке воспевает обоих братьев королей и матерь их Елену.

[1] Сербскии споменници № 24. Этот уговор возобновлен был спустя 5 лет другою грамотою, 1281 г. № 31. По житию, Милютин «владяше аки краль и самодержец уже от 1275 лета».

с благоговением закон Божий на соборах, пришел я в соборную Печскую церковь и, поклонившись иконам, лобызал честную руку Предтечи Иоанна, приняв благословение отца моего духовного кир Никодима, архиепископа Сербского, и сущего с ним Собора, полагаю на Соборе, чтобы не остались в забвении чудные дела Божии: совершить обновление Хиландаря, возобновить писание в Жичской обители, отдать селище Улиарское для Печской обители». Дела Божии были таковы.

«Греческая империя простиралась до Липляны, и греки делали насилия». Столько говорит король о причинах войны с греками. Очевидно, он не вполне высказался. С одной стороны, за сербскими горами, на равнине македонской, были поселения славянские; когда-то входили они в состав болгарского царства, а теперь были во власти греков. Это для славянской души было ненормально, оскорбительно. С другой, Михаил Палеолог в 1274 году составлял в Константинополе собор о принятии унии с папою. За исключением придворной партии, все другие были против папизма. Михаил обратился к мерам насилия против несоглашавшихся с его мыслью. Жестокости по местам и по временам были бесчеловечные; особенно сильно страдали афонцы, досылавшие смелое обличение Михаилу; в 1279 году жестокости усилились[1]. И вот благочестивый король объявляет мечом протест против папизма. Он решил избавить от папизма по крайней мере дорогих славян.

«Благословясь, — говорит он, — пошел я в пределы греческого царства и, когда никто не противился, занял оба Пролога с городами и округами, славный город Скопле, потом Овчеполе, Златову, Пианец; покорил все места и выслал греческие власти из тех пределов. Озлившиеся, лукавые греческие начальники обнесли меня пред царем Палеологом. Он набрал татар, турков, франков и пошел войною на короля; но дойдя до Илангыфа, где храм святого Георгия, внезапно скончался и похоронен в Силиврии. Военачальники его устремились с войском на Сербию; доходили до Липляны и Призрена и, наделав много бед, воротились. Одна часть татарского ополчения доходила до реки Дрима, но, переплывая ее, частью побита, частью потонула; голова старейшины их Черноглава принесена была королю. Приняв смелость и благословение, с помощью брата моего Стефана, краля сремского,

[1] См. октября 10 числа. Родослов Даниила, повторяя слова грамоты, называет имп. Михаила мужем кровей, человеком лукавой веры (*Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2).

пошел я опять в пределы греческие, дошел до места на судне и, отпраздновав там Рождество Христово, дошел до Святой Афонской Горы. Заняв все пределы струмские и серские, Хрисополь и другие ближние места и взяв богатства и имущества, возвратился на родину. Отпустив краля Стефана опять на Грецию, взяли мы землю Дебрскую, державу земли Кичавскую, землю Поречскую и все это присоединили к нашему королевству. Потом воевали мы Влахиотскую землю (Эпир) и взяли там неисчислимые богатства».

Все эти военные действия в краях империи, имевшие своим последствием присоединение славянских поселений к сербскому королевству, происходили в 1382–1385 годах[1]. Цена этих приобретений славянства возвышалась еще отношением их к папизму. Палеологовы бродячие толпы крестоносцев немного нанесли вреда Сербии, но что они делали на Афоне? Они предавали пыткам и смертям разным исповедников православия. Милютин оградил славян от свирепых произволов романизма[2].

«В Браничеве два брата вельможные Куделин и Дреман с своими силами нападают на брата Стефана короля, присоединив к себе много татарских войск. Тогда Стефан приходит к моему королевству и, став станом на Мораве у Мачковцы, просит помощи. Мое кралевство немедля идет с войсками на тех безбожных и достигает желаемого; дурные эти люди обратились в бегство, переходят Дунай и погибают. Затем поднялся князь Шишман болгарский, живший в городе Бдыне (Виддине) и владевший многими соседними болгарскими городами. Он, присоединив к себе проклятый татарский народ, дошел до места Хвостна и хотел занять место Ждрело. Тут случилось великое чудо: явились огненный столп и мужи огненного вида и прогнали болгар. Тогда мы

[1] Даниил не многое прибавляет к известиям грамоты (см.: *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2). Пахимер (*Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Кн. 2) и Никифор Грегорас (*Никифор Григора*. Римская история // Под ред. Шалфеева. СПб., 1862) только в общих чертах указывают на эти войны Сербии: так они приятны были на вкус греческий (*Stritteri*. Serbica. § 81, 85).

[2] Грек замечает, что преемник Михаила дозволил наемному войску вступить в Сербию всего более из опасения, что иначе беспокойные толпы могли пускаться на грабежи в империи. Житие Милютина: «устремишася на сербскую землю, плена ради, — обаче разсыпани быша поспешествующу Господу». Даниил: «противу толикаго множества и силы не сотвориша толики пакостя отечествию благочестиваго» (Афонский патерик. Ч. 1). Михаил Палеолог «скоропостижно умер в конце 1283 г.» (*Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Кн. 6, гл. 36).

пошли до города Бдына. Он на деревьях переходит реку Дунай. Заняв все его владения, мое кралевство готово было разорить все жилья и город, где был дворец его. Но он униженно умоляет, как самый последний из слуг, обещаясь быть в полном послушании моему кралевству. От меня предложено, чтобы взял себе в жену дочь вельможи моего, великого жупана Драгоши, и он так и поступил. Потом выдал я дочь мою за сына его Михаила».

Война с западною Болгариею происходила в 1292 году. Шишману вздумалось поживиться на счет Сербии, как Милютин усиливался на счет империи; но Стратимир не расчел, что у него далеко не те средства, что у Милютина[1].

«Сильный, нечестивый царь татарский Ногай поднимается против меня со всеми силами. Мое кралевство посылает ему дары. Беззаконный царь, спешивший против меня, возвращается назад. Послал я к нему на службу сына Стефана с знаменитыми начальниками. Когда уже отчаивались в возвращении его, он воротился невредимый; закипело междоусобие у нечестивых».

Татарин Ногай, столько известный России, в 1294 году свергнул с болгарского престола Тертера и посадил Смильцу; гордый хан грозил тем же и Милютину. Недолго после того закипело междоусобие между сыновьями Ногая; старший сын Тшуке (Цока) разбил наголову младшего; тот обратился с жалобою к хану Тохтаге; война кончилась пленом и смертью Ногая, в 1299 году[2].

«Безбожные персы и арабы вооружились на христианский род. Они поселились в великой Романии и укоренились тут на полной свободе, живя 20 лет. Мое кралевство призывает некоторую часть их на службу, к зависти соседей царей. Когда же задумали они погибель моему кралевству, тогда я смирил их вконец не только в моем кралевстве, но и в Романии; города их были разрушены; никого не осталось из

[1] Житие Милютина: «вниде с силами своими до Хвостна, недалече от печьския патриархии, которую опленити хотяше» (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2). Ждрело — жерло, узкая долина между параллельными горами, по которой протекает река, в Пожеравичском округе (Гласник. Кн. 4). Догадка Раича о времени войны против Куделина и Дремана (2, 454) неверна; надобно отнести войну эту к 1291 г.; притом более чем вероятно, что эти разжившиеся аристократы Драгутина действовали по внушениям Шишмана, завидовавшего, как говорит Даниил, Милютину и после уничтожения их хотевшего завладеть их уделом.

[2] *Hammer Purgstall J.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak. Pesth, 1840.

этого нечестивого рода во всей Романии, за исключением тех, которые стали рабами сербских начальников».

Выгнанные из Палестины крестоносцы, смешавшиеся там с арабами, явились во Фракии с именем арабов; сперва терпели их, дали им земли в Романии. Но, обжившись, они стали хозяйничать на манер разбойников: захватывали чужую собственность, похищали жен и девушек. Преследовавшие их магометане увеличивали страдания православных. Бессильная империя не могла совладать с буйными бродягами — фонами. Когда обязавшиеся служить Милютину составили заговор на жизнь его: Милютин решился рассчитаться с незваными гостями по-своему. Он выгнал всех их за Дунай, за исключением лучших, оставшихся в числе прислуги[1].

«Кир Андроник Палеолог, вселенский царь, умолил искреннего сына державного царства послать войско против персов в Анатолию. Убежденный молением тестя, отрядил он дружину с великим воеводою Новаком Гребестрекою. Она, дойдя до города Ираклии, радостно встречена была Андроником и, войдя на суда, перешла в Анатолию. После многих сражений одержала победу и с благодарностью Андроника возвратилась»[2].

Слабость империи была так велика, что и от восточных врагов надлежало защищать ее сербскому королю.

Милютин не упоминает в грамоте о своей войне с Андроником[3], начавшейся с 1298 года. Лучший греческий полководец заперся тогда в Солуне и боялся выйти из крепости. Сербы свободно заняли все места от Вардара до Афона; полководец Андроников писал наконец в столицу, что нет никакой надежды одержать оружием победу над королем и единственное средство спасти империю — мир с Сербией, тем более, что империи грозит еще опасность от магометан. Тогда началась борьба греческой хитрости с открытым славянским умом. После долгих переговоров император предложил королю руку дочери своей Симониды. Милютин, вдовец после первого брака,

---

[1] Троношская летопись в Гласнике (Кн. 5).

[2] *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2. О Новаке Гребострекe из рода Комненов, см: Гласник. Кн. XII.

[3] Грамота напечатана у Григоровича (*Григорович В.* Очерк путешествия). Она дошла без конца и потому без года. Но так как в ней говорится о войне с Персиею 1303 г. и король называет императора тестем своим, то надобно положить, что писана она не прежде 1304 г.

согласился[1]. Война с магометанами, упоминаемая в грамоте, была в 1303 году и после нее Милютин венчался с Симонидою[2]. Несомненно, что греческая империя окончила бы свое существование еще при Милютине, если бы Милютин захотел того. Его великодушию одолжены были тем, что истощенная империя продолжала еще влачить свое существование. Но едва ли не лучше было бы для всех, если бы умный и полный жизни король сербский взял в свое управление империю. Турки не окрепли бы в силах, на несчастье христианскому миру. И близкие следствия примирения с империей были горьки для Сербии. Испорченная гречанка Симонида наделала

[1] О времени войны с греками Пахимер у Раича (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2). Грегорас и Пахимер (*Stritteri.* Serbica. § 83–91) бьются из всех сил закрыть то молчанием, то нарядными словами и клеветою униженную Милютиным империю. Клеветы их слишком пошлы. Впрочем, злость Пахимера и Грегоры на Милютина понятны. Но странно, что не только Рейхель (Записки Императорского русского Археологического общества. Т. I), но и Майков (*Майков А.А.* История сербского языка) повторяет клеветы известных людей о многоженстве Милютина. Отчего это так? Бредут вслед за Дю-Канжем, тогда как в устаревшем Дю-Канжевом сочинении оказываются ныне ошибки едва не на каждой строке. Майков даже запутался в противоречиях: то говорит, что Милютин вступал в брак с Елисаветою венгерскою, то называет Дечанского, сына Елисаветы, незаконным сыном Милютина. Майков думает, что Милютин по политическим видам дозволял себе поступки оскорбительные для христианской нравственности. Нет, искренний христианский король не мог быть так легкомыслен. Закон Христов для него выше всего. Да и политика, нравящаяся Майкову, самая ненадежная политика, которой следуют только жалкие глупцы. Майков до того странен, что пишет: «Милютин вступил в брак с сестрою Драгутиновой супруги Екатерины». Да ведь даже ни один ксендз не согласился бы венчать такого брака, не только православный священник! Сербскому священнику известен был закон Первовенчанного, читал он и Библию. По древнему житию св. краля, Екатерина, супруга Драгутина, была дочь венгерского короля Владислава, а Елисавста, жена Милютина, была дочь кор. Андрея Венецианца. (Сербляк л. 55). Кроме Цамблака (Гласник. Кн. 10) все летописи называют Дечанского сыном от первого брака Милютинова, совершившегося в 1271 г. (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2; Гласник. Кн. 10; 1; 5; 11). В надписях над стенными изображениями первая супруга Милютина называется кралицею Еленою (Записки географического общества. Т. XIII), но и жена царя Душана, сестра болгарского царя Александра, называлась то Рагозною (см.: *Мавро Орбини.* Книга историография початия имене, славы, и разширения народа славянского и их Царей и Владетелей под многими имянами и со многими Царствиями, Королевствами, и Провинциами. СПб., 1722), то Еленою (в надписях и грамотах). Имя Елены было любимым именем королей славянских.

[2] *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2. Обручение кор. Милютина с Симонидою совершено было охридским архиепископом Макарием в 1300 г., а брак отложен был до брачного возраста Симониды (*Пахимер.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Кн. 4).

много бед Сербии и Милютину. Интригами своими она довела мужа до того, что старший сын, Стефан, наследник престола, был ослеплен и отослан в Царьград под стражу[1].

Последние военные дела Милютина относились к 1318 году. Папа сильно негодовал на благочестивого и умного короля. Да и было за что! Папа совсем собрался было причислить Милютина и его королевство к числу подданных своих, написал Милютину послание с исповеданием веры, какое тот должен принять, назначил полномочных послов своих для совершения соединения с римскою Церковью, в один день подписал целых шесть грамот о Милютине. А Милютин не только отверг предложение папы об унии, но укрощал папизм везде, где только мог. Силою оружия смирив рагузян, захватывавших православные города для себя и папизма, он «наложи даньки рагузянам двояки ради исповедания римского», а от Венгрии отобрал несколько пограничных мест[2]. Сборы папы присоединить Милютина

[1] Цамблак в житии Дечанского: «да не кто възнить ме, сия слыше, Стефана похваляти и того достохвальнаго и светого нашими словесы безчестити. Да не будет таковаго безместья. Такового бо отьца яко благочьстыва и правиа веры поборника с светыми имаыы и яко от Бога того мощемь нетленно соблюдаемым покланяемьсе тем и целуем, освещение приемлюще... Нъженьское обличаем еже с диаволом согласие. И зазору малу подлежит: зане послушав ту немилосердия суду отдаст первородного» (Гласник. Кн. 11). То же летопись в Гласнике (Кн. 10). Житие Милютина выставляет волне правым Милютина и вполне виновным сына. Неловкий прием биографа! Ложь не красит никого. Милютинович (История сербского народа. Белград, 1833) пишет: «если судить беспристрастно, то видно, что согрешили оба — отец и сын; сын тем, что поднял руку на отца, а отец тем, что не освободил сына от казни ослепления». Милютинович дополняет суд свои известиями, что как сын не без основания доверял врагам греческой партии, так и отец боролся с интригами той же партии, — возвратив братьев Симониды к их матери. Мнения Дечанского о партии Симониды оправдались и событиями, следовавшими за смертию Милютина. Блаженный же Милютин в отношении к сыну точно увлекся злостными наговорами Симонидовой партии. Такова земная святость людей!

[2] *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2; Троношская летопись в Гласнике (Кн. 5). Здесь неприязненные отношения к Дубровнику относятся к событиям, следовавшим после 1303 г. Венеция присылала послов и грамоту к Милютину в 1309 г. (Гласник. Кн. 11). Письма папы об унии писаны в 1308 г. (Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium / Ed. Ljubič. Zagr., 1868; Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов А. И. Тургеневым: В 2 т. СПб., 1841–1842. Т. II (далее — Акты исторические, извлеченные из иностранных архивов. —*Ред.*). Кто лгал на Милютина, будто он изъявлял желание унии, как писал папа, послы ли рагузинские, доставившие папе послание Милютина, или за одно с ними и коллегия папская, столько всегда совестливо и смиренно объяснявшая учтивости

и его подданных к числу слуг папы, если не были одною комедией, где все было фальшь, — означали неумный шаг высокомерия, не думавшего встретить отпора своим желаниям. Во всяком случае неуспех римской манифестации был горек, особенно когда Милютин подбавил горечи распоряжениями в Рагузе и Мачве. Такого удара самолюбию гордому не могли простить в Риме. С 1314 года папа начал проповедовать крестовый поход против Милютина; он поднимал против него едва не половину Европы — императора немецкого, королей польского, венгерского, богемского, неаполитанского. В 1318 году Роберт венгерский соединился с Карлом сицилийским и графами бребирскими. Роберт занял Босну и Мачву. Сицилийцы вступили в Эпир. Но бунт, поднявшийся в Венгрии, заставил Роберта поспешить в Венгрию. Сицилийцы выгнаны были из Эпира. Мечты папы об унии Эпира рассеялись, хотя он благодарил трех эпирских вельмож за противодействие «схизматику королю сербскому». Так прошла буря, поднятая папою[1]!

Подвиги благочестия краля Милютина были изумительные. Сказав в грамоте своей о решимости принести жертвы для трех храмов Божиих, он сказал только о начале дела. С 1304 года деятельность его посвящалась преимущественно на устроение внутреннего быта королевства.

Всех храмов каменных построено им более 40 и при многих устроены иноческие обители, а при других поставлены и кафедры. Самые видные и самые богатые храмы его: храм Богородицы в Трескавице с иноческою обителью[2], кафедральный храм архидиакона Стефана в Банске, назначенный строителем для своего погребения, изумивший массами золота[3] кафедральный монастырь с больницами

государей, — остается неизвестным; но несомненно то, что Милютин никогда не желал унии; он не любил папизма и при всей кротости своей стеснял его даже в Рагузе, — двойная подать, наложенная им на рагузских папистов, отменена была только Душаном (Тронош. л. 67).

[1] *Момирович Д.* Краткая история и география Сербии; *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2; *Майков А.А.* История сербского языка.

[2] О Трескавице грамота Душана: «его же дед и родитель — посетише благыми милостынями» (Гласник. Кн. 13).

[3] Летопись: «баньско злато — не обретаетьсе нигде же» (*Šafařik*. Památky dřevního písemnícтví). Другая летопись (ibid): «св. прьвом. Хр. Стефана при граду Звечани, еже есть Баньска, идеже и светые его мощи лежать, и вьсе стени златом украси, яко же мнети се полите или позлащене бытии».

в Призрене, своей столице[1], кафедральный храм Богоматери на реке Грачанице[2], храм святого Георгия в кичавском округе[3]. Храмы краля Милютина — византийского стиля, с четырьмя или 8 колоннами, поддерживающими купол или купола, с фресками Панселиновой школы, с крещальнею на западе; южная колонна поныне увешивается волосами, обрезываемыми при крещении и напоминающими об обете крещения, — прекрасное отличие[4]! Милютин и в чужих местах строил храмы молитвы и дома призрения. В Константинополе построен им храм и при нем обширный странноприимный дом, а на содержание их назначены были земли. В Солуне построены храмы святителя Николая и Святой Троицы[5]. Особенно же обеспечен был

[1] Троношская летопись: «во Призрену многиа церквы н больницы созда». (Гласник. Кн. 5). Житие: «в своем престольном граде Призрене храм Успения Богородицы и многия больницы (воздвиже)». Даниил: «созда церковь Успения — яже глаголется епископия призренска» (*Рапч.* История разных славенских народов. Ч. 2).

[2] В дарственной грамоте Грачанице король Милютин пишет: «увидав разрушение и упадок храма Св. Богородицы грачаницкого, епископии липлянской, создал его с основания, расписал, украсил снаружи и внутри... Вот я Стефан грешный, король Урош второй, пишу ей хризовул. Вот люди, которых призвал епископ Игнатий... В Сухогреле, которые вписаны в хризовуле, взял и дал я св. Николаю, епископии дебрской... Краль земель по своей милости дает, епископии ли призренской или липлянской» (см.: ИОРЯС. Т. VII). Троношская летопись: «новую шестотрулную (с шестью куполами) на реци Грачаницы созида» (Гласник. Кн. 5).

[3] Житие: «в области Кучи храм св. великом. Георгию с драгоценными утварьми». Даниил указывает еще три храма в Скопле — Троеручицы, царя Константина и митр. Никиты, в Сераве — церковь св. Георгия, в Нагоричном — св. Георгия, в Студенице — св. Иоакима и Анны, в Ораховице — св. Георгия. Житие прибавляет еще храм Божией премудрости в Средце (*Рапч.* История разных славенских народов. Ч. 2).

[4] *Felix Philipp Kanitz*. Serbiens byzantinische Monumente. Vienna, 1862. Гельфердинг о сопочанском храме, который возобновляем был кор. Милютиным: «на наружной стене колокольни — замечательная картина: одни тешут камень, другие месят известь, третьи носят воду; над одним, который управляет работою, написано: “Васта”; в другом месте надпись “агонисате” — подвизайтесь. Тут костюмы сербского простонародья XIII стол.» (*Гильфердинг А.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии // Записки географического общества. Т. XIII (далее — *Гильфердинг А.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии)).

[5] *Šafařik*. Památky dřevního písemnictví. В солунской обители св. Николая жили сербы еще в 1185 г., как видно из слов Евстафия Солунского (*Tafel.* De Thessalonica). Ныне в Солуни храм св. Николая τ. αρχόντων, т. е. королей сербских (*Григорович В.* Очерк путешествия). «Странноприимный дом крали» в Константинополе известен и по греческим рукописям (*Du Cange*. Constantinopolis Christiana). В Варе в 1319 г. в честь св. Николая Милютин устроил серебряную икону святителя с серебряными подсвечниками (Гласник. Кн. 7).

им Хиландарь, хотя не забывались и другие монастыри Афона[1]. «Как часто, — говорит новый западный писатель и притом протестант, — западные писатели смеялись над множеством сербских монастырей! Но государство сербских кралей пало, и монастыри, ими основанные, связуя собою народность с религией, наиболее содействовали к сохранению той и другой; справедливо объясняют переход босняков к исламу тем, что в Боснии было менее монастырей, нежели в Сербии... Монастыри древних королей пользовались почитанием всех сербских племен»[2]. Этот урок истории особенно должны затвердить непонятливые ученики Лютера, бессознательно повторяющее слова недовольства его монашеством, тогда как и история обличает их несогласие с Евангелием.

Историк блаженного краля и духовник его пишет: «Бедные и нищие шли к нему не только из его отечества, но из стран заморских и с островов и из града Иерусалима. Из Азии приходили к нему странники, хромые, слепые, больные, и никогда никто не отходил без пособия. Трудно знать, сколько раздавал он денег. Когда наступала ночь, чудный государь снимал с себя королевскую одежду и, надев простую и дырявую, а лицо закутав, с двумя или тремя верными слугами шел отыскивать бедность, одним давал деньги, другим одежду и пищу. Он твердо помнил слова боговдохновенные: блажен призираяй на нища и убога: в день лют избавит его Господь... Надобно еще знать подвиги Милютина, известные нам, продолжает духовник, изнурения тела,

---

[1] В Карее Евангелие 1316 г. с припискою: «господин наш Стефан краль, сын великаго краля Уроша, унук первовенчаннаго краля Стефана Немани, иже многы победы сотвори, сии книгы повеле написати при архиепископе осмом Савве, рукою Георгия дьяка Радослава 6824 (1316)» (*Григорович В.* Очерк путешествия); четыре грамоты Милютина Хиландарю см. в: *Аврамович.* Описание древностей сербских; *Григорович В.* Очерк путешествия. Замечательны особенно две (у Аврамовнча № 2. 3). Здесь говорит Милютин, что им сооружен при Хиландаре в Хрусии пирг, большой и крепкий, огражденный стеною, для защиты Хиландаря от морских разбойников; внутри стен храм Вознесения Господня и кельи, из которых одна для самого краля; старец управляющий пиргом избирается из хиландарских братий, общим советом, и без вины не удаляется от управления; в пользу пирга дается село Куцево со всеми доходами. Первая грамота 1302 г. Житие Милютина: «прежде всех церковь хиландарскую, до основания разорив, болшую созда и украси». То же Даниил (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2).

[2] *Ранке Л.* История Сербии по сербским источникам / Пер. с нем. Петр Бартенев. М., 1857.

ночные бдения, теплые слезы, незлобивый и приветливый нрав. Богатства его в серебре, золоте, скотах, конях, нивах — неисчислимые. И однако все это не изменяло доброй души его, и гордость не доступна к нему была до смерти»[1]. Блаженный Милютин, при всем счастии, сохранял простую жизнь, какую любил отец его. Замечателен следующий случай. Михаил Палеолог, научившийся у папы употреблять всякие средства для достижения цели, хотел обманом запутать в свой союз короля Уроша. Он отправил великолепное посольство в Сербию и с ним дочь свою, предлагая ее в супругу сыну короля Милютину. «Что это такое? К чему это? — говорил король пышному посольству. — Мы не привыкли к такой жизни». И указав рукою на девушку, одетую очень просто и сидевшую за прялкою, продолжал: «Вот в каком наряде водим мы снох своих». Послы умники потоптались, потоптались и — обратили оглобли назад, чтобы доставить Михаилу незавидное имя глупца[2].

Благочестивый король приблизился к смерти тяжкою болезнью, постигшею его в дворце породимльском, и, скончавшись октября 29-го 1320 года[3], погребен был в Баньской обители, согласно с давним желанием его[4]. Спустя два года с половиною, после нескольких знамений, откопали гроб, и тело короля оказалось нетленным до того, что не спал и волос с головы его[5]. Мощи его положены были в богатой раке и перенесены в великолепный храм Софии, построенный им самим[6].

Мать блаженного краля Елена, по общему отзыву, также была примерною христианкою. Она была умна и добра, вела жизнь воздержную

---

[1] Родослов у Раича (История разных славенских народов. Ч. 2).

[2] *Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах; *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2.

[3] Год смерти его определяется вступлением сына его на престол, которое последовало 6 января 1321 г. Грегорас (*Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2) также пишет, что кор. Милютин умер в 1320 г., вынудив пред тем тестя своего выслать к нему Симониду, не возвращавшуюся к нему после смерти матери своей.

[4] *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2; житие Милютина.

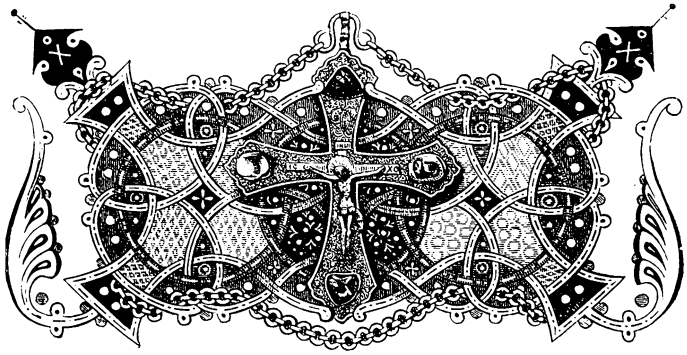
[5] *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2. В Грачанице изображение его: король старец с длинною седою бородою. То же в монастыре Юрьевых столбов (Записки географического общества. Т. XIII). Вероятно, тогда же написана служба ему, на 30 октября (*Григорович В*. Очерк путешествия; Гласник. Кн. 11; Царского № 563).

[6] Мощи поныне в Софии... (*Григорович В*. Очерк путешествия; Сербляк л. 57. 58).

и чистую. В Скутаре, где жила она после супруга своего, она строила дома для бедных поселян, обители для девственников и воспитала в местных жителях страх Божий. Так близ Спича устроен был ею Речский монастырь и наделен угодьями[1]. Пред смертью, в глубокой старости, приняла она иночество и скончалась 8 февраля 1306 года. Тело ее похоронено было в монастыре Градце архиепископом Саввою II в присутствии короля сына. Спустя три года тело найдено нетленным, и Рашский епископ Павел поставил раку с мощами в храме пред иконостасом[2].

[1] Хризовул 1313 г. кор. Милютина: «сие прилагаю св. монастырю Богороды Рьтчской — Дубровину... от Списа... какое отдала мати моя госпожа кралица Елена ищо... она дала и записала» (Ученые записки академии. Т. III).

[2] *Раич*. История разных славенских народов. Ч. 2. На стене сопочанского храма изображена «света Елена монахея» (Записки географического общества. Т. XIII). В древней сербской рукописи (Гласник. Кн. 11) «житие богоугодно и жизнь непорочна благочестивые и христолюбивые госпожи нашее блаженные монахеи Елены».



ПРИЛОЖЕНИЕ

31-ГО ЧИСЛА

Священномученик протоиерей ИОАНН

Священномученик Иоанн Кочуров родился 13 июля 1871 года в селе Бигильдино-Сурки Данковского уезда Рязанской губернии в благочестивой и многодетной семье сельского священника Александра Кочурова и его супруги Анны.

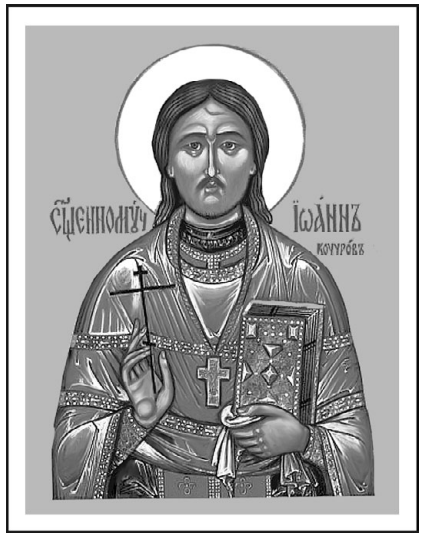
Священник Александр Кочуров, с момента своего рукоположения 2 марта 1857 года почти всю жизнь прослуживший в Богоявленской церкви села Бигильдино-Сурки Рязанской епархии и все эти годы успешно совмещавший свое приходское служение с исполнением обязанностей законоучителя Бигильдинского народного училища, ярко запечатлел в сознании своих сыновей, и в особенности наиболее духовно чуткого из них Иоанна, образ исполненного глубокого смирения и вместе с тем высокого вдохновения приходского пастыря.

Основанное на замечательных традициях семей потомственного русского духовенства и связанное с естественным следованием народному православному благочестию воспитание отца Иоанна предопределило его вступление на стезю подготовки к пастырскому служению. Пребывание отца Иоанна сначала в Данковском духовном училище, а затем в Рязанской духовной семинарии сопровождалось не только

выдающимися успехами в изучении богословских и общеобразовательных дисциплин, но и замечательными примерами церковного благочестия, которые он проявлял в достаточно суровом и не всегда безупречном в нравственном отношении быту провинциальной духовной школы.

Закончив в 1891 году Рязанскую духовную семинарию и прекрасно выдержав вступительные испытания в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, отец Иоанн стал студентом одного из лучших богословских учебных заведений России. В период обучения отца Иоанна в Санкт-Петербургской Духовной Академии определилась его склонность рассматривать богословское образование в качестве подготовки прежде всего к своему будущему пастырскому служению. При этом уже в студенческие годы отец Иоанн связывал возможность своего пастырского служения с миссионерской деятельностью, в которой для него воплощался идеал православного пастыря. По окончании 10 июня 1895 года Санкт-Петербургской Духовной Академии со званием действительного студента отец Иоанн в соответствии с его давним желанием был направлен на миссионерское служение в Алеутскую и Аляскинскую епархию.

Приезд отца Иоанна с матушкой Александрой в протестантскую Америку привел его в соприкосновение с жизнью, во многих отношениях не схожей с привычной для него жизнью православной России. Оказавшись в первое время своего пребывания в США в Нью-Йорке, разительно отличавшемся по своему бытовому и духовному укладу от русских городов, и еще не успев освоить английский язык, отец Иоанн благодаря братской поддержке представителей небольшой православной общины Нью-Йорка смог без особых психологических и житейских осложнений включиться в жизнь незнакомой ему страны. Следует подчеркнуть, что церковная жизнь обширной по своей территории, но весьма малочисленной по количеству духовенства Алеутской и Аляскинской епархии в различных районах страны обладала весьма существенными особенностями. Если в Северной Калифорнии, на Алеутских островах и Аляске, где русские православные приходы существовали к этому времени около 100 лет, церковная жизнь осуществлялась на основе достаточно многочисленных приходских общин, обладавших значительными материальными возможностями и уже не в одном поколении своих членов связанных с традиционным укладом жизни Америки, то в большинстве остальных районов страны православная церковная жизнь только зарождалась и в значительной степени предполагала со



Священномученик
протоиерей
ИОАНН

стороны православного духовенства необходимость миссионерского служения, призванного создать полноценные православные приходы в среде разноплеменного и многоконфессионального местного населения. Именно в один из таких районов епархии и предстояло отправиться отцу Иоанну, рукоположенному в сан священника 27 августа 1895 года преосвященным Николаем, епископом Алеутским и Аляскинским.

Начало приходского служения отца Иоанна оказалось связано с открытым в 1892 году преосвященным епископом Николаем православным приходом города Чикаго. Назначенный в 1895 году Указом Святейшего Синода настоятелем чикагской церкви святого равноапостольного великого князя Владимира, отец Иоанн соприкоснулся с приходской жизнью, разительно отличавшейся от упорядоченной, укорененной в вековых традициях жизни православных приходов в России.

Оказавшись на малочисленном и многонациональном по составу прихожан чикагском приходе храма Святого Владимира и приписанной к нему церкви Трех Святителей города Стритора, отец Иоанн окормлял представителей малоимущих слоев эмигрантов православного вероисповедания и не имел возможности при осуществлении своей деятельности опираться на прочную приходскую общину, которая располагала бы сколько-нибудь значительными материальными средствами. Православный приход Владимирской чикагской церкви состоял из немногих коренных русских выходцев, из галицких и угорских славян, арабов, болгар и аравитян. Православный приход города Стритора состоял из работающих на копях словаков, обращенных из униатов. Такой состав прихожан чикагско-стриторского прихода требовал от отца Иоанна умелого сочетания в его деятельности пастырско-литургического и миссионерско-просветительского элементов. Уже в первые три года своего приходского служения отцом Иоанном были присоединены к Православной Церкви 86 униатов и 5 католиков, а число постоянных прихожан в храмах чикагско-стриторского прихода возросло до 215 в Чикаго и 88 в Стриторе.

При обоих приходских храмах успешно функционировали детские церковные школы, в которых обучались более 20 учеников и курс обучения в которых предполагал еженедельные субботние занятия в период учебного года и ежедневные занятия в каникулярные периоды.

Продолжая в своей деятельности лучшие традиции русской православной епархии в Северной Америке, отец Иоанн организовал в Чикаго и Стриторе Свято-Никольское и Трех-Святительское братства,

ставившие своей целью активизацию социальной и материальной взаимопомощи среди прихожан чикагско-стриторского прихода и «Православного Общества Взаимопомощи».

Особое значение в решении проблем богослужебной жизни прихода, вверенного пастырскому попечению отца Иоанна, имело вступление на Алеутскую и Аляскинскую кафедру 30 ноября 1898 года святителя Тихона, будущего патриарха Московского. Впервые прибыв в Чикаго 28 апреля 1899 года, святитель Тихон преподал свое архипастырское благословение отцу Иоанну и его пастве и уже на другой день совершил осмотр территории, которую предполагали сделать местом для постройки нового храма, столь необходимого чикагскому приходу.

Отец Иоанн обратился к святителю Тихону с прошением о предоставлении ему отпуска для путешествия на Родину для сбора средств, которые позволили бы приходской общине Чикаго приступить к строительству нового храма и создать первое в Чикаго православное кладбище. Успешно совместив путешествие на Родину со сбором средств для нужд прихода, отец Иоанн вскоре после своего возвращения из отпуска приступил к возведению нового здания храма, на закладку которого 31 марта 1902 года прибыл святитель Тихон. Возведение нового храма было завершено в 1903 году. Его освящение в честь Святой Троицы, совершенное святителем Тихоном, стало настоящим праздником для всей русской православной епархии в Северной Америке.

В феврале 1904 года отец Иоанн был назначен председателем Цензурного Комитета Алеутской и Североамериканской епархии, членом которого он уже являлся на протяжении 7 лет. В июне 1905 года отец Иоанн принял активное участие в заседаниях подготовительного съезда епархиального духовенства в Олдфордже, на котором под руководством святителя Тихона обсуждались вопросы, связанные с подготовкой первого Собора в истории Алеутской и Североамериканской епархии.

В священническом служении отца Иоанна в Северной Америке наступал качественно новый период, когда, став благодаря своей выдающейся пастырско-приходской и епархиально-административной деятельности одним из наиболее авторитетных протоиереев епархии, отец Иоанн во все большей степени привлекался высоко ценившим его святителем Тихоном к решению важнейших вопросов епархиального управления. В мае 1906 года отец Иоанн был назначен благочинным Нью-Йоркского округа восточных штатов, а в феврале 1907 года ему суждено было стать одним из наиболее активных участников первого

Собора Североамериканской Православной Церкви в Майфилде, ознаменовавшего преобразование быстро увеличивающейся Алеутской и Североамериканской епархии в Русскую Православную Греко-Кафолическую Церковь в Америке, на основе которой со временем возникла Православная Церковь в Америке.

В июле 1907 года, покидая дорогой его сердцу чикагско-стриторский приход, с которым были связаны 12 лет его миссионерско-пастырского служения, протоиерей Иоанн отправился в неизвестность, ожидавшую его на Родине, с которой отныне и навсегда было связано его священническое служение.

Возвращение отца Иоанна летом 1907 года в Россию не только ознаменовало для него начало служения в знакомой ему по годам студенческой жизни Санкт-Петербургской епархии, но и поставило его перед необходимостью применить свои пастырские дарования на уже частично освоенном им в Америке поприще духовного просвещения. На основании Указа Санкт-Петербургской Духовной Консистории отец Иоанн в августе 1907 года был приписан к клиру Преображенского собора города Нарвы и с 15 августа 1907 года стал исполнять обязанности законоучителя Нарвских мужской и женской гимназий.

Общий уклад жизни небольшой уездной Нарвы, в которой русские православные жители не составляли и половины населения, отчасти воспроизводил для отца Иоанна знакомую ему по Америке атмосферу осуществления пастырского служения в духовно-социальной среде, пронизанной инославными влияниями. Однако осуществление им законоучительской деятельности в двух средних учебных заведениях, в которых безусловно доминировали русский культурный элемент и православная религиозная направленность, позволяло отцу Иоанну ощущать себя в знакомой с детства атмосфере русской православной жизни.

Очевидные успехи отца Иоанна в его законоучительской деятельности дополнялись все эти годы радостью от того, что четыре его старших сына, учившиеся в Нарвской гимназии, имели возможность получать гимназическое духовное воспитание под его непосредственным руководством.

В ноябре 1916 года, когда указом Санкт-Петербургской Духовной Консистории отец Иоанн был назначен на освободившуюся вторую вакансию в Екатерининском соборе Царского Села в качестве приходского священника, его мечте о возобновлении своего служения приходского пастыря в одном из храмов на Родине суждено было сбыться.

Тепло и с большим уважением принятый паствой Екатерининского собора, отец Иоанн с первых месяцев своего приходского служения зарекомендовал себя не только как ревностный и благоговейный совершитель службы Божией, но и как красноречивый и эрудированный проповедник, собиравший под своды Екатерининского собора православных христиан со всех концов Царского Села.

Однако события Февральской революции, разразившейся в Петрограде уже через 3 месяца после назначения отца Иоанна в Екатерининский собор, стали постепенно втягивать Царское Село в водоворот революционных событий. Солдатские волнения в воинских частях, расквартированных в Царском Селе, многомесячное заточение императорской семьи в Александровском дворце, которое привлекало к городу внимание представителей наиболее непримиримо настроенных революционных кругов, толкавших страну на путь междоусобной смуты, наконец общее внутриполитическое противоборство, начавшееся в России в период участия страны в кровопролитной войне с внешним врагом, постепенно изменяли обычно спокойную атмосферу Царского Села, отвлекая внимание его жителей от повседневного добросовестного исполнения своего христианского и гражданского долга перед Церковью и Отечеством. И все эти тревожные месяцы с амвона Екатерининского собора звучало вдохновенное слово отца Иоанна, стремившегося внести в души царскосельских православных христиан чувство умиротворенности и призывавшего их к религиозному осмыслению как своей внутренней жизни, так и происходивших в России противоречивых перемен.

Через несколько дней после захвата большевиками власти в октябре 1917 года эхо грозных событий, произошедших в Петрограде, отозвалось и в Царском Селе. Стремясь вытеснить из Царского Села казачьи части генерала П. Н. Краснова, сохранившие верность Временному правительству, к городу двинулись из Петрограда вооруженные отряды красногвардейцев, матросов и солдат. Утром 30 октября 1917 года, находясь на подступах к Царскому Селу, большевистские отряды стали подвергать город артиллерийскому обстрелу. В Царском Селе, жители которого, как, впрочем, и все население России, еще не подозревали о том, что страна оказалась ввергнутой в гражданскую войну, началась паника, многие горожане устремились в православные храмы, в том числе и в Екатерининский собор, надеясь обрести за богослужением молитвенное успокоение и услышать с амвона пастырское

увещевание в связи с происходившими событиями. Весь клир Екатерининского собора живо откликнулся на духовные вопрошания своей паствы и после особого молебна о прекращении междоусобной брани, совершенного под сводами заполненного храма, настоятель собора протоиерей Н.И. Смирнов вместе с двумя другими соборными священниками отцом Иоанном и отцом Стефаном Фокко приняли решение о совершении в городе крестного хода с чтением нарочитых молений о прекращении междоусобной братоубийственной брани. Проповеди священников были лишены какого-либо политического оттенка.

Крестный ход затянулся. Сумерки сменились вечером. В руках молящихся зажглись свечи. Пел весь народ. Как раз в эти минуты из города отходили казаки. Священников предупреждали об этом. «Не пора ли прекратить моления?!» «Мы исполним свой долг до конца! — заявляли они. — И ушли от нас, и идут к нам — братья наши! Что они сделают нам!?»

Желая предотвратить возможность боев на улицах Царского Села, командование казачьих частей вечером 30 октября стало выводить их из города, и утром 31 октября, не встретив какого-либо сопротивления, в Царское Село вступили большевистские отряды. Один из безымянных очевидцев последовавших затем в Царском Селе трагических событий в письме выдающемуся петербургскому протоиерею Ф.Н. Орнатскому, которому самому вскоре довелось принять мученическую смерть от богоборческой власти, безыскусными, но в этой безыскусности глубоко проникновенными словами повествовал о страстотерпчестве, выпавшем на долю отца Иоанна.

«Вчера (31 октября), — писал он, — когда большевики вступили вкупе с красногвардейцами в Царское, начинался обход квартир и аресты офицеров, а о. Иоанна (Александровича Кочурова) свели на окраину города, к Федоровскому собору, и там убили за то, что священники, организуя крестный ход, молились будто бы только о победе казаков, что, конечно, на самом деле не было и быть не могло. Остальных священников вечером отпустили, таким образом, одним мучеником за Веру Христову стало больше. Почивший хотя и пробыл в Царском [Селе] недолго, но снискал себе всеобщие симпатии, и на его беседы стекалась масса народу».

Уже упоминавшийся выше петроградский корреспондент воспроизвел ужасающую картину мученической гибели отца Иоанна и последовавших за ней событий с дополнительными подробностями.

«Священники были схвачены и отправлены в помещение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Священник отец Иоанн Кочуров запротестовал и пытался разъяснить дело. Он получил несколько ударов по лицу. С гиканьем и улюлюканьем разъяренная толпа повела его к царскосельскому аэродрому. Несколько винтовок было поднято на безоружного пастыря. Выстрел, другой — взмахнув руками, священник упал ничком на землю, кровь залила его рясу. Смерть не была мгновенной... Его таскали за волосы, и кто-то кому-то предлагал "прикончить его как собаку". Наутро тело священника было перенесено в бывший дворцовый госпиталь. Посетивший госпиталь председатель думы вместе с одним из гласных, как сообщает "Дело народа", видел тело священника, но серебряного креста на груди уже не было...»

Последнее упомянутое корреспондентом трагическое обстоятельство, которое сопровождало мученическую смерть отца Иоанна, приобретает особый духовный смысл в связи с оказавшимися в каком-то смысле пророческими словами, произнесенными отцом Иоанном за 12 лет до своей кончины в далекой Америке при вручении ему золотого наперсного креста во время чествования 10-летия его священнического служения. «Целую этот Святой Крест, дар вашей братской любви ко мне, — проникновенно говорил тогда отец Иоанн. — Пусть он будет поддержкой в трудных минутах. Не буду говорить громких фраз о том, что я не расстанусь с ним до могилы. Эта фраза громка, но неразумна. Не в могиле ему место. Пусть он останется здесь на земле для моих детей и потомков, как фамильная святыня и как ясное доказательство того, что братство и дружество — самые святые явления на земле...»

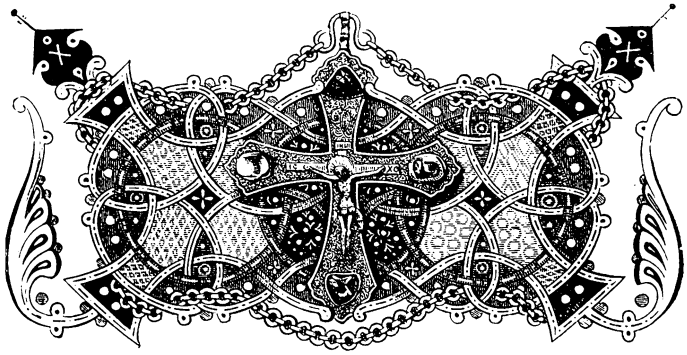
Через 5 месяцев после кончины отца Иоанна 31 марта 1918 года, когда количество поименно известных Святейшему Синоду убиенных священнослужителей уже достигло 15 человек, в храме Московской Духовной семинарии Святейшим Патриархом Тихоном в сослужении 4 архиереев и 10 архимандритов и протоиереев была совершена первая в истории Русской Православной Церкви XX века «заупокойная Литургия по новым священномученикам и мученикам». Во время произнесения на заупокойной Литургии и панихиде молитвенных возношений «Об упокоении рабов Божиих, за веру и Церковь Православную убиенных» вслед за первым убиенным архиереем митрополитом Киевским и Галицким Владимиром поминался первый убиенный протоиерей Иоанн — отец Иоанн Кочуров, открывший своей

страстотерпческой кончиной исповедническое служение сонма новомучеников Российских XX века.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и по представлению блаженнейшего Феодосия, митрополита всей Америки и Канады, комиссия по канонизации святых изучила материал, связанный с жизнью и подвигом отца Иоанна Кочурова, и на Освященном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, проходившем в 1994 году священномученик отец Иоанн Кочуров был прославлен в лике святых.

Память священномученику Иоанну совершается в день его мученической кончины, 31 октября, и в воскресенье после 25 января — в день Собора новомучеников и исповедников Российских.

НОЯБРЬ



День второй

† ПАМЯТЬ
святителя
ВИКТОРИНА,
епископа и мученика Патавского

Патава, место кафедры святителя Викторина, находилась на реке Дрине, на самой границе Паннонии с Норикою, среди поселений славянских. Так и ныне Петтау в Штирии, стране славянцев.

Блаженный Иероним писал: «Викторин, епископ Патавский, не так хорошо знал по-латыни, как по-гречески. Потому сочинения его, важные по мыслям, по строю слов кажутся небогатыми (viliora). Сочинения его — следующие: комментарии на Бытие, на Исход, на Левитик, на Исаию, на Езекииля, на Аввакума, на Екклезиаста, на Песнь Песней, на Апокалипсис Иоанна, против всех ересей, и многое другое. Наконец увенчался он мученичеством»[1].

При другом случае блаженный Иероним, поставляя святителя Викторина между «столпами Церкви», говорит: «Мученик Викторин одобряет тем простоту свою, что не мыслит ни на кого зла[2]; он может сказать с Апостолом: хотя не искусен я в слове, но не в ведении»[3].

---

[1] *Hieronymo*. De viris illustribus urbis Romae. § 74.

[2] *Rufinus Aquileiensis*. Historia Monachorum Seu Liber De Vitis Patrum.

[3] *Hieronymo*. Proleg. comm. in Iesaia.

Мученическая кончина святого святителя последовала в гонение Диоклетиана и вероятно в 303 году[1].

Если, по словам Иеронима, Викторин лучше знал по-гречески, чем по-латыни, то это значит, что он не был природным латинянином; а что он не был греком, показывает имя его. В отрывке из толкования его, как и в замечаниях на Апокалипсис, не только нет чистоты латинского языка, а попадаются и грамматические неправильности. Итак, самые сочинения говорят, что святитель Викторин не был латинянин, а был уроженец славянской страны и природный славянин.

По мыслям сочинения Викторина важны, говорил Иероним. Выслушаем сохранившееся размышление его о устройстве мира[2]; оно познакомит и с некоторыми местными обыкновениями христианскими того времени.

«Размышляя об устройстве мира, где живем мы, останавливаюсь на скорости устройства его, показанной Моисеем в его Книге Бытия. Всю эту громаду устроил Бог в шесть дней, украсив ее знамениями величия Своего, а седьмой день освятил благословением покоя. Так как по сему известию седмеричным числом дней управляется земное и небесное, то сею седмерицею измерю отношение всех седмиц и постараюсь, сколько могу, объяснить деятельность Божественной силы.

Вначале сотворил Бог свет и разделил его на двенадцать часов дня и ночи; это с тем, чтобы день, полный трудов людских, заменялся покоем ночи и затем опять был день; так труд облегчаться должен покоем ночи — и покой должен умеряться занятием дня. В четвертый день сотворил два светила на небе, большое и малое, чтобы одно служило днем, а другое ночью, — солнце и луну и прочие звезды поставил на небе, чтобы светили земле и разделяли времена, годы, месяцы, дни и часы стояниями.

Спрашивается, почему в этот день, называемый четвертым, должны мы поститься до девятого часа или до вечера или даже продолжать пост до следующего дня?.. Человек Христос Иисус, Он же и Виновник

[1] Мартиролог Адона под 2 ноября: «рождение святого Викторина, епископа Петавионского, который увенчался мученичеством в гонение Диоклетиана». По словам Иеронима (Ep. 45 ad Pavlin.) «Викторин увенчался славным (inclyto) мученичеством». Но деяния мученичества его не дошли до нас. *Weiss.* Leben d. Heiligen.

[2] См.: Religiae sacrae, vol. III. Oxonii. 1815. Латинский текст сильно испорчен от невежд писцов.

всего, в четвертый день (в среду) был взят нечестивыми[1]. Ради того плена и для величия дел Его, для времени столько спасительного людям, столько плодоносного и благотворного, совершаем мы усугубление поста.

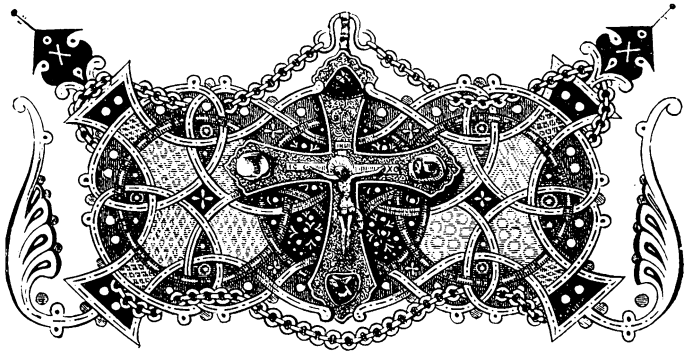
В пятый день земля и вода выставили свои порождения. В шестой день создано то, чего еще недоставало; Бог создал человека из земли, владыку тварей, какие живут на земле и в воде. Притом прежде сотворил Ангелов и Архангелов, потом человека, давая преимущество духовному пред земным. Прежде создан свет, потом земля. День шестой называется параскеви, приготовлением земли к царству. Введена порча Адамом, которого создал Он по образу и подобию Своему. Прочие дела совершены прежде, чем сотворил ангелов и образовал человека, дабы не думали, что они были помощниками. В этот день ради страдания Господа нашего Иисуса Христа совершаем стояние пред Богом, или пост.

В седьмой день Бог успокоился от всех дел Своих и благословил его и освятил. В этот день имеем обыкновение отлагать (вкушение пищи) для того, чтобы в день Господень приступить с благодарением к хлебу. В пяток назначается отложение (пищи) для того, чтобы не казалось, будто с иудеями отправляем субботу[2]: Сам Господь субботы говорит чрез пророков Своих, что ненавидит субботы их душа Его (см.: Ос. 2, 11), и уничтожил Он субботу плотью Своею, а еще прежде повелел Моисею, чтобы обрезание не переходило на осьмой день, когда придется оно в субботу... И Иисус Навин, преемник Моисея, также нарушил субботу, — ибо в день субботний повелел сынам Израиля

[1] «Вы поститесь или пять дней, или в среду и пятницу; потому что в среду последовало осуждение Господа, когда Иуда обещал продать Его за деньги; а в пятницу Господь потерпел страдание на кресте, при Понтийском Пилате» (Постановления Апостольские, рус. пер. Казань, 1864. Кн. 7, 23 (далее — Постановления Апостольские)). «В четвертый день (в среду) определили вознести Его на крест. Это знал и Иуда... Иуда ушел и сказал священникам: что хотите вы дать мне? Я вам предам Его» (Постановления Апостольские. Кн. 5, 14). Так говорит о среде Святое Евангелие (Мф. 26, 3, 15). В мыслях синедриона и Иуды Иисус в среду уже взят был в плен, но выполнение страшной мысли совершалось в четверг, после таинственной вечери.

[2] Parasceve superpositio flat. Superponere, superpositio — технические слова, означающие отложение пищи. По мыслям св. Викторина, пощение пятка — пощение ради страданий Господа; прибавление к тому воздержания дня субботнего допускалось собственно как приготовление к приобщению Святых Таин, совершавшемуся в воскресный день. Впоследствии на Западе оставили пост субботний, хотя уже и не приобщались Святых Таин в воскресенье.

обходить стены Иерихона с звуком труб и объявить войну иноплеменным. Маттафия, вождь Иудейский, также нарушил покой субботы, ибо умертвил в субботу военачальника Антиоха, царя Сирского. И Давид с своими товарищами нарушил субботу, как читаем у Матфея (12, 3). Так должна быть истинная и праведная суббота в седьмое тысящелетие. Господь назначил для тех седьми дней по тысяще лет на каждый». Выставив затем примеры важного значения седмеричного числа, продолжает: «Виновник всего творения Иисус праведный. Он называется Словом... Сие Слово, когда создало свет, называется Мудростью; когда — Небо, — Разумом; когда землю и море, — Советом; когда образовало человека, Благочестием... Кто, наученный закону Божию, полный Духа Святого, не изумляется душою, что Архангел Гавриил благовествовал Деве Марии в тот же день, в который змей прельстил Еву, — в тот же Святый Дух осенил Деву Марию, в который создан свет; жил Он во плоти в такие же дни, в какой созданы земля и вода?.. Пред иудеями доказал Он человечество Свое, когда алчет, жаждет, принимает пищу и питье, когда ходит и удаляется, когда спит, когда ходит ногами по бурной воде и повелевает ветрам, исцеляет больных, выправляет хромых, возвращает зрение слепым и слух глухим».



День третий

Преподобной княжны АННЫ ВСЕВОЛОДОВНЫ

Ряд святых Русской Церкви начинается равноапостольною княгинею Ольгою. Княгини прежде князей принимают на себя иго иночества. Из княжеского рода прежде всех постриглась в иночество супруга великого князя Ярослава Ирина, в иночестве святая Анна. Второю инокинею, но первою девственницею из княжеского рода была блаженная Анна, дочь великого князя Всеволода. Она постриглась в 1086 году[1], тогда как первым добровольным иноком из князей был святой Николай Святоша, поступивший в иноческую обитель в 1106 году. Магдалина прежде апостолов посетила гроб Спасителя и видела Его воскресшим. Таковы жены!

Отец благоверной Анны великий князь Всеволод Ярославич, по словам летописи, «с детства любил Бога и правду, оделял бедных, чтил епископов и священников, особенно же черноризцев, воздерживался от пьянства и похоти; потому и был нежно любим отцем своим»[2]. Он любил образованность, говорил на пяти языках иностранных. Мать Анны была греческая царевна, дочь императора Константина Мономаха; ее благочестие доставило России неоцененное сокровище — святые мо-

[1] Собр. л. 1, 88.
[2] Собр. л. 1, 89, 92.

щи великомученицы Варвары[1]. Брат Анны Владимир Мономах своими добродетелями приобрел такую любовь народа, что и поздние потомки его пользовались ее теплотою. Он любил монашество и ясно понимал значение его. Он завещал детям: «Принимайте епископов и игуменов с любовью, — наделяйте их, чтобы они молились за вас Богу». А летопись говорит: «Он любил иноческий чин, поил и питал приходящих к нему иноков и инокинь, как мать своих детей»[2]. В такой-то семье родилась и воспиталась благоверная Анна. Под благотворным влиянием ума и благочестия она образовала из себя образец девственной красоты — честь и славу княжеского дома. Предмет нежнейшей любви родителей, она называлась уменьшительным именем Янкою, по-нынешнему Аннушкою[3].

Благоверная княжна с юных лет возлюбила Господа. Родители, как ни нежно любили ее, не полагали препятствия любви ее к Богу. Они благоговели к словам апостола: *незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом, и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. Посему кто не выдает девицу, делает лучше* (1 Кор. 7, 34, 38). Юная княжна предпочла девство всем наслаждениям светской молодой жизни, и не напрасно. «Девство, — говорит Антоний Великий, — подобие ангелам, духовная и святая жертва, благоухающая роза, оживляющая и близких к ней, приятнейшее благовоние для Господа Иисуса Христа, великий дар Божий, залог будущего наследия в Небесном Царстве»[4]. Князь Всеволод построил каменный храм Апостола Андрея и при нем монастырь; княжна Анна посвятила здесь девство свое Господу. Это было в 1087 году[5]. Вслед за тем при-

---

[1] Книга степенная. Ч. 1; *Фундуклей И.* Обозрение Киева в отношении к древностям. Киев, 1847 (далее — *Фундуклей И.* Обозрение Киева). Митрополит Никифор о Мономахе: «его же из утробы освяти и помаза, от царской и княжеской крови смесив». Сам Владимир в своей духовной: «аз худый дедом своим Ярославом благовольным славным наречен в крещении Василий, русским именем Володимир, отцем взлюбленным и матерью своею Мономахы».

[2] Собр. л. 1, 102, 112.

[3] *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. В 5 т. М., 1768–1848. Т. 3, прим. 355 (далее — *Татищев В.Н.* История Российская). Уменьшительными именами назывались младшие князья и княжны. Но поелику Анна была старшею сестрою, то уменьшительное имя ее не могло быть следствием сего обычая, а указывало на другую причину — на особенную любовь к ней в семье родной.

[4] Письмо 17. О девстве.

[5] Собр. л. 1, 88. Переслав. л. 50. «В л. 1086 заложи церковь св. Андрея при добром митрополите Иоанне в монастыри, в нем же постриже Всеволод дщерь свою Янку и строи девичь монастырь».

няла она обитель в свое ведение и употребила меры к ее внешнему и внутреннему благоустройству[1]. Три года спустя предприняла она путешествие в тогдашнюю столицу Православия, в Константинополь. Это путешествие было вполне благочестивое. Княжна-инокиня желала видеть лучшее иноческое благочиние, чтобы научиться ему для себя и для других[2]. Она привезла с собою наблюдения полезные не только для своей обители, но и для других обителей. «Анна, — говорит древний повествователь, — ходила туда (в Константинополь) не напрасно, а с тем, чтобы вдвойне быть полезною, себе и другим инокиням Русской земли»[3]. В Киев возвратилась она (в 1090 г.) с новым митрополитом Иоанном скопцом[4]. Благочестивая княжна-инокиня своим примером возбуждала сильное движение в сердцах современниц, к их лучшему счастью. Сестра ее, княжна Евпраксия, в 1106 году по ее примеру приняла иночество[5]. Вторая супруга великого князя Всеволода, ее мачеха, пожелала быть погребенною в ее обители[6]. Блаженная Анна собрала в свой монастырь множество черноризиц. Это тем более составляло великий и добродетельный подвиг со стороны блаженной Анны, что современное ей русское женское общество еще не забывало обычаев разгульного язычества, предавалось по временам самым нечистым веселостям и ему не по душе было строгое девство[7]. Самоотречение благоверной княжны, ее строгая жизнь одушевляли живших с нею ревностию к подвигам жизни духовной. Княжна наравне со всеми жила по иноческим правилам, в посте, молитвах и глубоком смирении[8]. Юных девиц обучала она чтению, пению, письму и некоторым полезным рукоделиям[9]. Блажен-

---

[1] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 2.

[2] Собр. л. 1, 89.

[3] Книга степенная. Ч. 1.

[4] Собр. л. 1, 89; Книга степенная. Ч. 1.

[5] Собр. л. 1, 120; 2, 287. Евпраксия скончалась июля 10-го 1109 г. и положена была у южных дверей великой Печерской церкви (Собр. л. 1,121; 2, 228).

[6] Собр. л. 2, 3. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. II, прим. 156.

[7] Прп. Феодосий в поучении «О казнях Божиих» обличает «пьянство, блуд, игры злыя, скоморохов, гусельщиков, волхование, чародеяние». В другом порицает обычай целоваться на пирах с женским полом. Неизвестный учитель XII в. о посте и служении церковном между делами ненавистными Богу поставляет «идолослужение, моление при колодезях и реках, песни бесовския, плясание, бубны и сопели, козицы и игры бесовикия» (Православный собеседник. 1858. № 1).

[8] Собр. л. 1, 88; Ростов. л. (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. II, прим. 156); Книга степенная. Ч. 1.

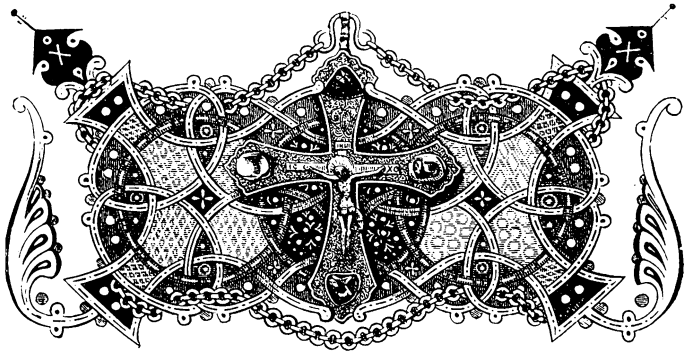
[9] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 2.

ная Анна 26 лет провела в иноческих подвигах. В рукописных святцах читаем: «В Андреевском монастыре святая княжна Анна Всеволодовна в инокинях преставися в лето 6624 (1116) месяца мая в 18 день». По летописям, она почила от трудов 3-го ноября 1112 года[1]. Потому мая 18-ый день, вероятно, был днем памяти о ней по случаю обретения мощей ее. Монастырь, где подвизалась блаженная Анна, долго назывался Янчиным, сохраняя благоговейную память о своей основательнице[2]. Он стоял вблизи Михайловского монастыря, но разрушен был Батыем; развалины его указывают в саду и под жилыми строениями одного обывателя[3].

[1] Собр. л. 1, 127, 136; 2, 3, 289; Словарь святых; *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской словесности. Т. 2.

[2] Собр. л. 1, 136; 2, 295; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. III, прим. 3, 359.

[3] *Фундуклей И.* Обозрение Киева. Развалины и найденные в них вещи описаны в Журнале Министерства народного просвещения (1833. Кн. 3), только здесь ошибочно отнесены они к Феодоровскому монастырю.



День седьмой

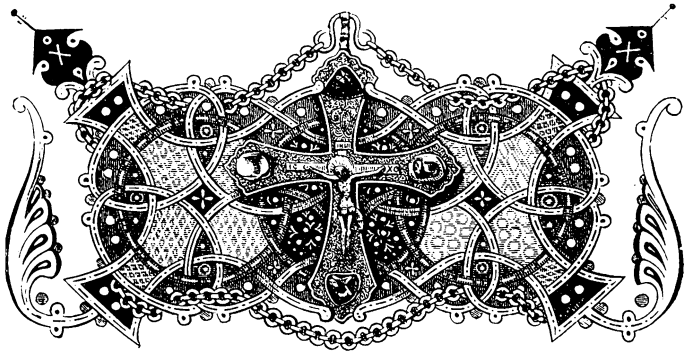
Святого мученика ИЕРОНА и дружины его — святых тридцати двух мучеников: Исихия, Никандра, Афанасия, Никона, Лонгина, Феодора, Валерия, Феодула, Евгения, Епифания, Феодота, Аникиты, Илариона и прочих

Иерон, сын христианки, уроженец города Тианы в Каппадокии, достигнув совершеннолетия, был потребован на службу; ему предстояло поступить в числе способнейших юношей в дополнительный отряд того войска, которое предназначалось между прочим для действий против христиан, значительно распространенных в Армении и Каппадокии в царствование Диоклетиана, и которые упорно противились повелению императора — чтить богов и соблюдать языческие постановления. Не пожелал христианин служить с язычниками, не мог он также решиться оставить свою слепую и престарелую мать, и потому, воспротивясь посланным за ним воинам, которые хотели взять его насильно, Иерон с дружиною своею скрылся в пещере, где и продолжал успешно сопротивляться, когда воины снова приступали к пещере с тем

чтобы его захватить. Он однако же уступил настояниям друга своего Кириака, посланного к нему местным правителем с поручением убедить его пойти в войско. Дойдя с воинами до города Мелитины, Иерон был заключен в темницу вместе с другими тридцатью двумя христианами. Спокойно приняв свою участь, он и в других возбуждал и поддерживал бодрость для предстоящего подвига. Поэтому, когда Иерон и дружина его были призваны к допросу, то с непоколебимою твердостью исповедали имя Христово и никакими угрозами, никакими лестными обещаниями нельзя было их заставить отречься от Христа. Тогда все они были приговорены к смертной казни. Прежде совершения ее над ними все они были подвергнуты истязаниям; у Иерона, как более всех виновного в сопротивлении воинам, была отсечена правая рука. После истязаний протомились мученики еще несколько дней в темнице; затем, снова вызванные на суд и снова отказавшиеся отречься от Христа — все они были обезглавлены в 298 году. Тела их тайно были взяты и погребены христианами. Они были обретены нетленными (как свидетельствует Прокопий), когда строился храм святой Ирины, по приказанию Иустиниана[1].

«Лик мученический ясен, полк светоносен, сошед к нам разумно, Церковь днесь просветил есть чудными зарями. Тем же празднующе честную память их, просим от Тебе, Спасе наш: тех молитвами от бед избави нас, да поем Ти: аллилуйя!» — взывает к Богу Церковь именем святых мучеников, празднуя их память.

[1] *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. II.



День девятый

† ПАМЯТЬ преподобного ОНИСИФОРА ПЕЧЕРСКОГО

«Слышал я дело чудное, — повествует святой Симон, — слышал от благоговейных старцев; а они, по их словам, слышали от самовидцев дивного чуда, бывшего в игуменство Пимена (1132–1141 гг.) в Печерском монастыре. Был муж совершенный, украшенный всеми добродетелями, именем Онисифор, саном иерей. Он сподоблен был от Бога дара прозорливости, так что видел в другом согрешения его. Но я об одном скажу. Был у сего блаженного Онисифора духовный сын, чернец и друг. Тот старался подражать ему и казался постником, но ложно; выставлял себя целомудренным, а тайно ел и пил и проводил время в нечистоте. Но это было сокрыто от духовного человека. Никто и из братии не понял его. В один день, будучи здоров, внезапно умер он. И — никто не мог приблизиться к его телу из-за смрада, выходившего из трупа его. На всех напал ужас. Отрекаясь нуждою, не находя себя в состоянии от смрада совершить над ним обычные пения, положили его особо и, став издали, совершили пение, а некоторые, заткнув нос, отнесли его кое-как и положили в пещере. Много раз был слышан крик, как бы кого мучили. Пресвитеру тому явился преподобный Антоний и грозно говорил: «Зачем ты положил здесь такого гнусного

беззаконника? Такого еще не было здесь. Он осквернил святое место». Пресвитер, встав после того видения, пал на лице и, молясь Господу Богу, говорит: «Зачем, Господи, сокрыл Ты от меня дела этого человека?» «Затем, — сказал ему явившийся Ангел, — чтобы показать его всем согрешающим и некающимся; пусть, увидев, покаются». Сказав это, стал невидим. Пресвитер рассказал об этом игумену Пимену. На другую ночь опять слышал он: «Выброс его скорее вон, в пищу псам; он недостоин быть здесь». Пресвитер, услышав это, обратился к молитве, и был к нему голос: «Если хочешь, помоги ему». Посоветовавшись с игуменом, положили, чтобы кто-нибудь зацепил его веревкою, выволок вон и бросил в воду, так как от смрада никто не мог приблизиться туда, где была пещера. Затем святой опять является и говорит: «Жаль мне стало брата того. Находящиеся со мною здесь — не хуже тех, которые прежде закона угодили Богу. Я молил Господа Бога о спасении живущих в обители и — Господь сказал мне: Я слышал; Я сказал Аврааму, — для 20 праведников не погублю города, тем более для тебя и сущих с тобою помилую грешника». Онисифор пересказал все виденное и слышанное начальнику своему и всей братии. Тело брата перестало издавать смрад. Один из братии, по просьбе моей, рассказал мне это событие со слов тех первых черноризцев»[1]. Такова повесть Симона!

Кальнофойский пишет о пещере преподобного Антония: «Здесь лежат нетленные два брата Спиридон и Онисифор. Из них когда один наперед отшел ко Господу, другой подвинул его с места, чтобы опочить подле него». Память преподобного Спиридона октября 31, а Онисифора ноября 9. Итак Онисифор почил после Спиридона и он-то подвинул почившего, чтобы почивать подле любимого и уважаемого духовного сына преподобного Спиридона[2]; таким образом блаженная кончина преподобного Онисифора, современника игумену Пимену (1132–1141 гг.) и преподобному Спиридону, последовала ноября 9-го 1148 года. Блаженный митрополит Сильвестр, передав повествование Симона о преподобном Онисифоре, говорит в заключение: «Этою историею, братья иноки, святой Симон напоминает нам, чтобы тщательно оберегали мы благодатное звание свое, чтобы не были овечками кормленными или волками домовыми, чтобы не были на дворе убогими,

[1] Симон в ркп. Послании.

[2] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры. В ркп. описании святых: «прп. отец иерей Онисифор».

а в келлии богатыми, постниками пред людьми, как фарисеи, а в келлии обжорливыми. Судия праведный за все, что сделано тайно, будет платить явно, на Суде Своем»[1].

Священное Писание учит нас, что кто скрывает проступки свои, тому не будет счастья; а кто признается и оставляет, тот будет помилован (см.: Притч. 28, 13). *Если бы мы судили самих себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся Господом, чтобы не быть осужденными с миром* (1 Кор. 11, 31, 32)[2].

Преподобного ИОАННА КОЛОВА

Иоанн, по прозванию Колов, что значит короткий, так как он был малого роста, подвизался в Скитской египетской пустыне в V веке и был наставником святого Арсения Великого (память 8 мая). Пылкий по природе, он успел достигнуть полной кротости и смирения. «У тебя злое сердце», — укорил Иоанна однажды один из братий. «Это правда, — с искренностью согласился осужденный, — и даже более злое, чем ты думаешь»...

Иоанн, ревнуя о своем спасении, с таким же усердием старался и о спасении других. Многих успел он обратить к покаянию, между прочими Таисию (память которой 16-го мая) и Паисия, совратившегося с доброго пути, успел так тронуть, что тот, внезапно и безвозвратно

[1] Patericon.

[2] Напрасно Ф. Прокопович не обратил достаточного внимания на слова умного митр. Сильвестра, так верно понявшего смысл Симоновой повести о др. Оинсифоре. Если бы было иначе, ему не только пришлось бы оправдываться в усвоявшихся ему хулах на преподобных Печерских, но уважение к толкам протестантов не увлекало бы его и до того, чтобы высказывать такую несправедливость: «о Печерском месте ложно разславили, что аще кто, и без покаяния преставився, на месте оном погребен будет, спасен будет» (Чт. ОИДР. 1862. Т. 2). Протестантский рационализм часто попадает в двойной грех — и в грех пред историею, и в грех пред точным смыслом Священного Писания.

отступившись от всего своего достояния в мире, провел остальную свою жизнь в покаянии в дикой пустыне.

Иоанн преставился около 430 года в пустынной келлии близ города Кольцума (ныне Суэца). По смерти его остались записанными многие замечательные его изречения и описание жития преподобного Паисия (память его 19-го июня), составленное им для пользы общей. В этом житии повествователь представляется неоднократно в близких сношениях с преподобным Паисием, с которым сначала жил в одной пустыне, потом, разлучившись, посещал его и беседовал с ним.

Преподобного СИМЕОНА МЕТАФРАСТА

Симеон Метафраст, родом из Константинополя, благородного происхождения, получил блистательное образование, по окончании которого был принят ко двору и, успев обратить на себя внимание своими дарованиями и заслугами, занимал последовательно важные государственные должности. Между тем в душе его преобладало благочестие; все преимущества, которыми предоставляло ему пользоваться его блистательное мирское поприще, не препятствовали ему быть тайным аскетом. Послужив своему Отечеству как дипломат и воин, облеченный многими наградами за свои заслуги, Симеон сверх того известен и в Церкви по своей духовной деятельности, так как он много потрудился над составлением жизнеописаний святых. Наименование Метафраста (перелагателя) он получил за то, что давал древним жизнеописаниям святых лучший вид по содержанию и по слогу. Он составил их в числе 122-х и исправил многие другие.

«Писаниям священным посвящал ты труды, — восхваляется сладкий писатель метафразов в службе, составленной в честь его, — исследывая и испытывая жизни святых: их мучения и подвиги возвеличил твоими метафразами», т. е. переложениями, при которых он с рассмотрением удерживал из древних источников то, что ему

не представлялось невероятным, и отстранял иное, «не изменяя предмета, но исправляя ошибки в словах». Этот труд Симеона, хотя и не строго исторический, так как у него не было ни средств, ни времени поверить со всею строгостью древние источники, тем не менее имел большое значение, так как, по свидетельству Михаила Пселла, недалекого по времени от Метафраста, «те, которые прежде него описывали деяния святых Божиих, частью писали несправедливое, частью изображали доблести святых без силы и красоты; о делах важных писали без должного внимания, отчего происходило, что некоторые не хотели и читать писанного, а другие обращали даже в предмет насмешек или презрения чтение повествований о рабах Божиих».

Кроме метафраз блаженный Симеон написал еще несколько слов[1], молитв[2], песней[3], краткие мысли и составил извлечения из творений Василия Великого и Макария Великого.

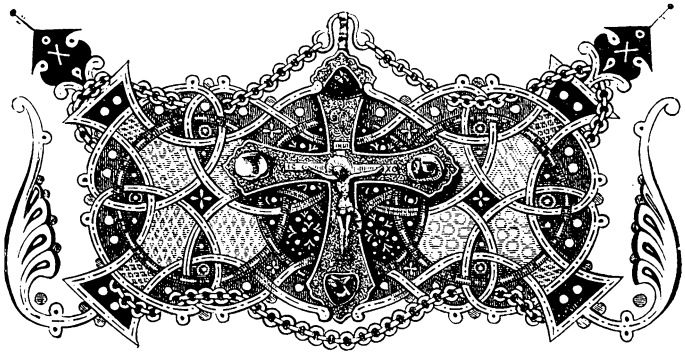
В благодарность «мужу святому, который с большим трудом и потом изобразил мученические подвиги за истину, в хвалу Божию и вечное прославление мучеников», греческие отцы причислили его к лику блаженных и установили день празднования торжества его — 27-го ноября.

Симеон преставился в половине X века.

[1] Плач Богоматери над гробом Спасителя; Слово об Успении Богоматери; О жизни Ея; Слово на Великую Субботу.

[2] Между прочими: молитвы перед приобщением и после приобщения.

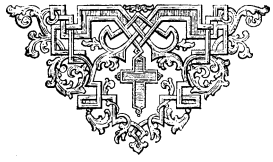
[3] Канон на Великий Пяток в Триоди; канон Марии Египетской на 1-ое апреля, несколько песней стихами.

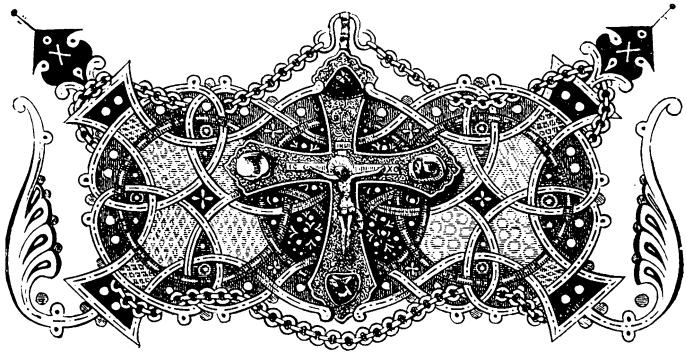


День десятый

Святого НОННА, епископа Илиопольского

Святой Нонн, прославившийся своею святою жизнью сначала в Тавеннском монастыре, был после того (с 448 г.) епископом в Едессе и потом (с 451 г.) в Илиополе, где обратил в христианство до 30 000 арабов. Последние три года жизни снова украшал собою Едесскую кафедру и мирно скончался в 471 году. О нем упоминается в житии святой Пелагии (8-го октября), которую он обратил на спасительный путь.





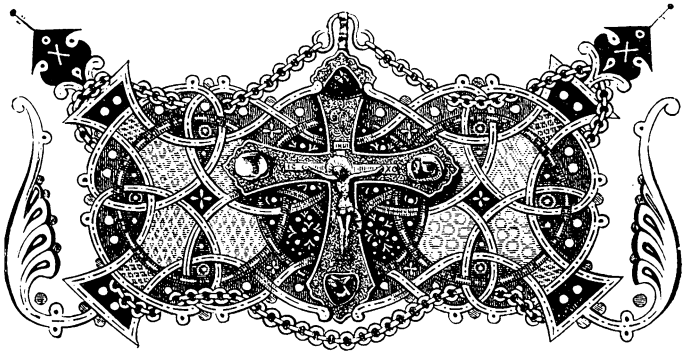
День одиннадцатый

Святого великомученика МИНЫ

Мина, родом египтянин христианской веры, служил в войске, но когда изданы были указы Диоклетиана против исповедующих христианство, оставил военную службу и в пустыне угождал Богу. Однажды в городе Котуане совершался праздник языческий, сопровождавшийся, по обычаю, пьянством и распутством. Среди неистовой толпы появился Мина и стал обличать идолопоклонников. Его узнали сослуживцы, и градоначальник, после краткого допроса, велел отвесть его в тюрьму.

В следующее утро его вывели на суд, и градоначальник, который не смог преклонить его к нечестию словами, приказал бить его воловьими жилами и жечь тело огнем. Наконец сказал: «Мина! выбирай одно из двух: или будь нашим, и мы перестанем тебя мучить, или оставайся Христовым и гибни». Мина отвечал: «Я был Христовым, остаюсь и останусь Христовым». Тогда велено его влачить по земле, усыпанной крючками, трезубцами и гвоздями железными, наконец обезглавить и сжечь (304 г.). Это было во Фригии.

Некоторые останки тела его собраны верными и принесены в Египет, в отечество его — в город Александрию — и положены в честном месте, на котором впоследствии устроена и церковь.

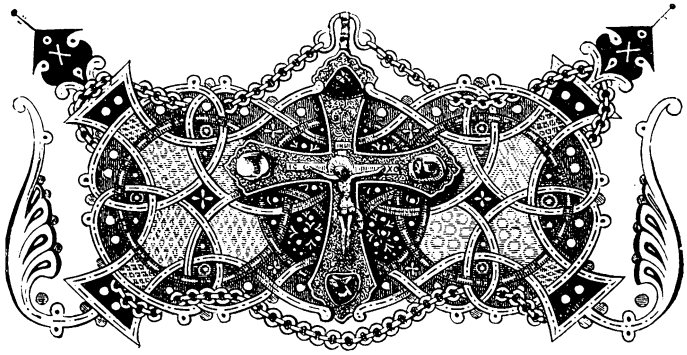


День пятнадцатый

† ПАМЯТЬ преподобного ФИЛИППА РАБАНГСКОГО

Преподобный Филипп полагал начало монашескому житию в обители преподобного Дионисия Глушицкого. В 1447 году он основал на реке Сухоне и Рабанге обитель с храмом Преображения Господня. Это в нынешнем Кадниковском уезде, в 32 верстах от Вологды. Здесь и почил он ноября 15. Мощи его покоятся под спудом в храме обители, закрытой в 1764 году[1].

[1] Ркп. святцы; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях; Словарь святых; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. V.

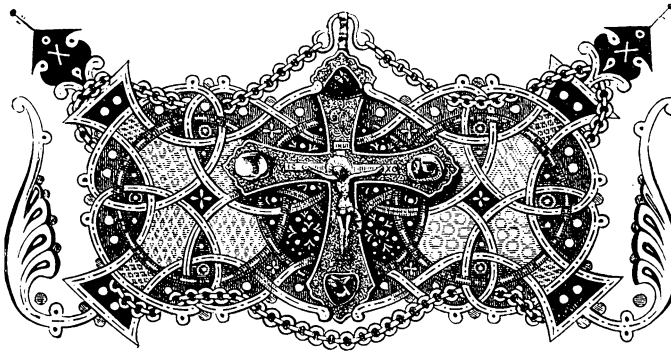


День шестнадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного СЕРГИЯ МАЛОПИНЕЖСКОГО

Блаженный Сергий 62 года священствовал при Малопинежской приходской церкви Сольвычегодского уезда. Чувствуя близость кончины, он принял монашество и схиму и почил 16-го ноября 1585 года на 92 году своей жизни. Память его установлено праздновать в 1655 году[1].

[1] Ркп. житие // Вологодские епархиальные ведомости. 1864.



День восемнадцатый

Блаженной МАГНЫ АНКИРСКОЙ

«В городе Анкире Галатской, — пишет усердный посетитель подвижников Палладий[1], — много дев, около двух тысяч или более; они подвизаются в святой, добродетельной жизни, хранят воздержание и совершают дело святое с ревностью. Между ними первое место по благочестивой жизни занимает Магна, жена почтеннейшая и опытнейшая. Не знаю, называть ли ее девою или вдовою. Мать вынудила ее выйти замуж, но она отклоняла от себя мужа под разными предлогами, давала вид, будто больна она, и, таким образом, осталась неприкосновенною и непорочною, как говорят родные ее. Муж ее скоро умер, и она осталась единственною наследницею после него. Тогда она всю себя посвятила Богу». *Великое приобретение быть благочестивым и довольным* (умеренным в желаниях). *Мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него* (1 Тим. 6, 6–7). *Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неосквернённым от мира* (Иак. 1, 27). *Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении* (1 Тим. 5, 17). Таково учение апостольское! Так и поступала блаженная Магна. «Богатство, какое было у нее, раздала она на мона-

[1] *Палладий Еленопольский*. Лавсаик. Гл. 119.

стыри, на дома бедных и странных, церквам, епископам, вдовам, сиротам и прочим нуждающимся. Охотною душою, но тайно, совершала она подвиги благотворительности». Не только не выставлялась пред людьми благотворительницею, но старалась скрывать добрые дела свои и от себя самой; она боялась обманчивой приятности славы людской так же, как своего самолюбия, и берегла сердце свое в смирении. Вместе с тем, она «ревностно посещала Богослужение церковное, вела жизнь подвижническую, воздержную. Знаменитейшие епископы уважали ее. Стараясь исполнить всякую добродетель, она жила надеждою на жизнь лучшую — загробную».

В жизни блаженной Магны более всего изумительно то, что она, выданная в замужество, с такою твердостью воли отстояла свою девственную чистоту. Так в лучшие времена христианства любили девство! В одном провинциальном городе были целые две тысячи дев! Ликия была областью соседнею с Галатией. Анкирские девы, конечно, читали разговор: «Праздник дев» святителя и мученика Мефодия, писанный им, когда был он епископом Олимпа Ликийского. Если ныне, к несчастию людей, мало ценят девство, не так думали в лучшие времена. Вот как учил о девстве великий учитель-мученик:

«Велико, выше природы, чудно и славно девство. Это — питие, которое источается не землею, но Небом. Господу предоставлено было преподать сие учение (о девстве) людям. Он один, пришедши на землю, научил человека возноситься к Богу. Архиерею и Главе пророков и Ангелов прилично именоваться и Главою девственников. Ветхозаветные еще не могли вместить девства[1].

И закон свидетельствует, что *очиститися чистотою Господу* есть великий обет, выше всех обетов (Чис. 6, 2–3). Что же значит посвятить себя Господу? Если уста мои буду отверзать для изъяснения Писания или для того, чтобы православно и достойно воспевать по силе Бога, и буду заключать уста, полагая хранение им, чтобы не говорить

[1] Св. Григорий Назианзин: «девство прежде являлось в редких и покрытое полумраком. Когда же Хрисхос родился от чистой Девы Марии, оно явилось для людей в свете блистательном, отрешенное от мира и развязывающее мир немощный. Столько превосходит оно узы брака, сколько душа выше тела, небо земли, жизнь ветхая выше жизни исчезающей. Брак — снисхождение к похоти, а девство — слава. Любовь, стремящаяся к одному, близится ко Христу, любящему любящего, встречающему идущего. Любя Его, дева оставила мир и не может смотреть на другое; связана она сладкими узами» (*St. Gregory of Nazianzus.* Opera / ed. Migne. V. III).

суетного: то чисты уста мои и посвящаются Богу. Если и взор приучу не прельщаться красотою телесною и не услаждаться зрелищами бесстыдными, но взирать на небо: то чисты и очи мои и посвящаются Господу. Если буду заграждать слух от злословия и поношений и отверзать для слова Божия, то и слух посвятила я Господу. Если чиста я сердцем, все помышления посвящаю Господу, не думаю ни о чем суетном, не живут во мне гордость и гнев, размышляю о законе Господнем день и ночь; то истинно совершаю обет великий: *еже очиститися чистотою*. Сонм дев, по преданию, именуется бескровным жертвенником Божиим»[1].

В конце разговора девы поют «Песнь Христу Богу».

Одна из дев:
Девы! с небес гремит глас, пробуждающий мертвых.
Он велит всем вместе, в белых одеждах
И с светильниками, нестись к востоку, на сретение Жениху.
Восстаньте прежде, чем Царь войдет в двери.

Лик дев:
Тебе посвящаю себя чистою и с светоносным
Светильником сретаю Тебя, Женише.

Одна из дев:
Удалясь печального людского счастья, пренебрегши
Утехами жизни, наслаждением любви, ищу одного –
Быть под спасающею десницею Твоею.
Даруй мне, Благий, вечно зреть красоту Твою.

Лик:
Тебе посвящаю себя чистою, и пр.

Одна:
Оставив ложе и дом брака тленного для Тебя,
Царь мой, пришла я в непорочной одежде,
Дабы войти с Тобою в блаженный Чертог.

Лик:
Тебе посвящаю себя чистою, и пр.

[1] Слово 5. В «Постановлениях Апостольских» (кн. 3, гл. 5) жертвенником Божиим называются вдовицы, обрекшие себя Богу. Но св. Поликарп в послании пишет приветствие «девам, именуемым вдовицами». Следовательно, ясно, что вдовицами назывались и обетные девы.

Одна:
Забыла я родину, возлюбив красоту Твою, Боже-Слове;
Забыла лики дев, подруг моих;
Мной хвалились бы — забыла я и о том — мать и сродники мои.
Ты, Христе, стал всем для меня.

Лик:
Тебе посвящаю себя чистою, и пр.

Одна:
Омывший толпы в струях чистительных Предтеча Твой
За любовь к чистоте доведен до смерти;
Но, окропляя кровью своею землю,
Взывал пред Тобою блаженный.

Лик:
Тебе посвящаю себя чистою, и пр.

Одна:
И Твоя Матерь, Родительница Жизни, Благодатная,
Недоступная, Непорочная Дева, нося в бессеменном чреве
Плод чистый, подпала сомненью в неверности;
Но к Тебе, Блаженный, взывала Она.

Лик:
Тебе посвящаю себя чистою, и пр.

Все:
Блаженный, живущий в чистых селениях небесных,
Все содержащий вечною силою!
Се предстоим мы; прими нас,
Отче, с Сыном Твоим, в двери Жизни Вечной[1].

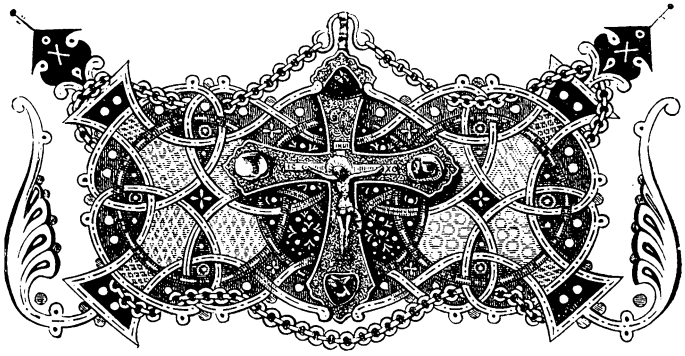
Так пела в жизнь свою и блаженная Магна.

Кончина святой инокини последовала, по времени видевшего ее, не прежде 425 года[2].

---

[1] *St. Methodius of Olympus*. Opera / ed. Migne. V. XVIII.

[2] У Виллефора 2, 261. Sainte Magna, 4 Siecle.

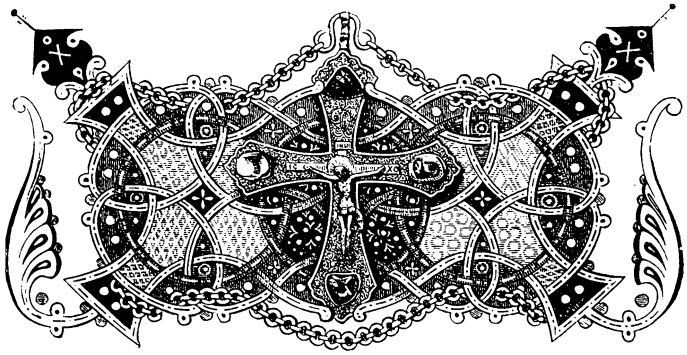


День двадцатый

Святого ИСААКА, архиепископа Армянского

Исаак, сын великого Нерсеса, родился в Константинополе в то время, как отец его пребывал здесь в качестве посланника от своего царя.

В 390 году Исаак возведен был на кафедру архиепископа и управлял Армянскою Церковью в продолжение 50-ти лет, ознаменовав свое правление такими заслугами, главная из которых: перевод Священного Писания на отечественный язык, — которые доставили ему наименование «второго просветителя Армении». Он скончался в 440 году.



День двадцать первый

† УБИЕНИЕ благоверного князя Ярополка — ПЕТРА ИЗЯСЛАВИЧА

«Во время великого князя Всеволода (1078–1093 гг.), — говорит древнее известие, — было много людей Богоугодных, иноков и мирян, мужеского пола и женского, которыми совершались и чудеса»[1]. В числе высоких по духу современников Всеволода был блаженный князь Ярополк — Петр Изяславич. Он был правнук равноапостольного Владимира. При отце своем, великом князе Изяславе Ярославиче, он был сыном примерным, помощником ему и в счастье и в несчастии. В 1070 году разбил он Всеслава Полоцкого, ограбившего пред тем Новгород[2]. С 1073 года, когда братья выгнали отца его из Киева, почти 5 лет делил он с ним изгнание из Отчизны; был с ним и у короля Польского и у императора, потом по поручению отца отыскивал помощь у мощного тогда папы Гильдебранда. Благоговейный князь благоговейно поклонялся в Риме мощам апостолов Петра и Павла, отдал почесть сильному на Западе Римскому архиепископу и жаловался на Польского короля Болеслава, которым ограблен был отец его. Папа, волнуемый мечтами о власти, хотел видеть в вежливости Русского князя покорность папе религиозно-политическую и в таком

[1] Книга степенная. Ч. 1.
[2] Собр. л. 1, 85; 5, 143.

духе писал к Изяславу о сыне[1]. Но это были мечты папы, не более. В 1087 году, по смерти Святослава, Изяслав без всякого стороннего пособия стал опять великим князем России, а Ярополк получил Вышгород. В том же году вместе с великодушным отцом своим Ярополк помогал дяде Всеволоду и в сражении потерял отца. Новый великий князь Всеволод дал племяннику отчину отца своего Туров и присоединил к тому Владимир[2]. Ярополк благодушно принял, что дали, и не искал старшего стола княжеского, на котором сидел отец его[3]. Он твердо следовал доброму правилу отцов: «По старой памяти, младшие должны старейшего иметь вместо отца»[4]. Он старался, чтобы благотворить другим по средствам, какие были в его руках. Князья Рюрик и Володарь Ростиславичи, не имевшие наследственного удела и изгнанные из Тмутаракани, не знали, где приклонить головы. Ярополк дал им пристанище в своем уделе. Они отплатили ему за то, как язычники. В его отсутствие Ростиславичи скрылись из Владимира, наняли за деньги, едва ли не полученные от Ярополка, бродячие дружины и захватили Владимир. Великий князь послал сына своего Мономаха против Ростиславичей, и тот выгнал их из Владимира. Ярополк с честью вступил в свой город и заключил тесную дружбу с Мономахом[5]. К сожалению, эта дружба скоро была потревожена. Тревожные племянники не давали покоя великому князю, домогаясь уделов. Безудельный Давид Игоревич грабил греческих торговцев и наносил вред торговле России с Востоком; Ростиславичи были еще более своевольны и дерзки. Дабы сколько-нибудь усмирить беспокойных, великий князь дал Давиду Дорогобуж, а Ростиславичам Перемышль и Теребовль, тогда как эти города составляли с Владимиром одно целое[6]. После того, как отец Ярополка положил жизнь за Всеволода,

---

[1] Акты исторические, извлеченные из иностранных архивов. Т. I; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. II, прим. 128–130.

[2] Собр. л. 1, 87; 5, 148.

[3] Книга степенная. Ч. 1.

[4] Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1.

[5] Мономах в духовной: «и на ту весну к Ярополку (ходил) совокуплятися на Броды.... На ту зиму идохом к Ярополку совокуплятися на Броды и любовь велику сотворихом» (Собр. л. 1, 103). Следовательно, Мономах два раза ходил для Ярополка против Ростиславичей, весною и зимою.

[6] О Ростиславичах летописи под 6605 г. «А им же раздаял Всеволод городы, Давыду Володимир, Ростиславичам Перемышль Володареви, Теребовл Василькови». Святополк, выгоняя после Ростиславичей из Червенских городов, говорил: это волость

Ярополк не мог надеяться того, что Всеволод будет отнимать у него части владений его, потому больно было ему, что Всеволод поступает с ним не по его надеждам; советники говорили ему, что Всеволод, отняв немногое, захочет отнять все; потому надобно предупредить насилия; но добрый князь не хотел восставать против дяди; он винил во всем беспокойных Ростиславичей и потому велел собирать войско против них. Великий князь, поняв дело по-своему, послал войска свои против Ярополка. Ярополк вынужден был бежать в Польшу, чтобы там найти помощь; мать, жена, имение, дружина Ярополка захвачены были в Луцке и перешли в руки Всеволода; Владимир отдан Давиду; значит, все сделали, чего ожидали от Всеволода советники Ярополка и чего не ожидал сам он. В следующем году, старанием доброго Мономаха, Владимир возвращен Ярополку. Но вскоре после того неожиданно последовала страдальческая смерть доброго князя. По каким-то делам Ярополк отправился из Владимира в Звенигород Галицкий. «Когда князь, — говорит современник, — дорогою лежал на возу, нерядец, один из свиты его, ехавший на лошади, по наущению злых людей (вероятно, Ростиславичей) проколол князя саблею. Ярополк вскочил, вынул из себя саблю и громко сказал: ох! коварный враг убил меня». Нерядец бежал в Перемышль к Рюрику Ростиславичу, а Ярополк умер от раны. Это было 22 ноября. Отроки взяли тело его и повезли во Владимир, а оттуда в Киев. «Великий князь Всеволод, Мономах, Ростислав, все бояры, блаженный митрополит Иоанн с черноризцами и пресвитерами, все киевляне горько плакали над ним; с псалмами и песнями провожали до монастыря святого Димитрия; приготовив тело его, с честью положили в мраморном гробе, в церкви святого Петра, которую сам он начал строить; это было 5 декабря». Современник говорит затем о блаженном князе: «Много вытерпел он бед, без вины выгоняем был братьями своими; обижаемый, ограбляемый, понес еще насильственную смерть. Но он сподобился Вечной жизни и покоя. Этот блаженный князь был тихий, кроткий, смиренный, братолюбивый; он каждый год давал десятину из всего имения своего Святой Богородице. Всегда молил он Бога так: “Господи Боже! приими молитву мою, — дай мне смерть, как двум братьям моим, Борису и Глебу, от чужой руки, чтобы омыл я грехи мои кровью моею и избавился от сего суетного,

---

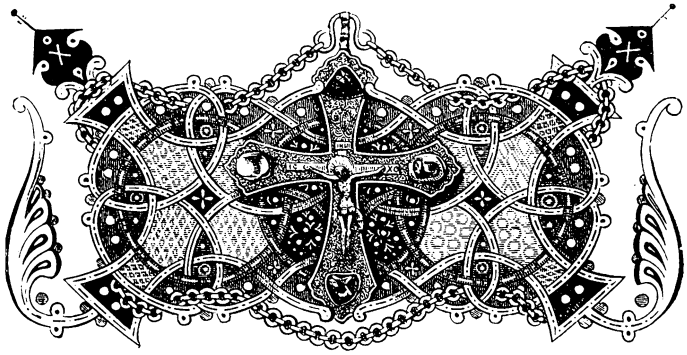
отца моего и брата. О Всеволоде летопись под 1093 г. «седящу ему Кыеве, печаль бысть ему от сыновец своих, яко начаша ему стужати, хотя власти, ов сея, ов же другое».

мятежного мира, как вражией сети". И вот молитва его не отринута Богом! Он получил блага, которых ни глаз не видел, ни ухо не слышало, и которые не всходили и на сердце человеку, те блага, которые уготовал Бог любящим Его»[1]. Так пишет преподобный Нестор в своей летописи! Киевская летопись, говоря о дочери блаженного князя Ярополка, жене князя Глеба Всеславича, пишет: «Эта блаженная княгиня вместе с своим князем имела великую любовь к Святой Богородице и к отцу Феодосию, ревнуя отцу своему Ярополку. Ибо сей Ярополк отдал (Печерской обители) все имение свое, волости Небольскую, Деревскую и Луцкую и около Киева; а Глеб дал вместе с княгинею при жизни своей 600 гривен серебра и 50 гривен золота; по смерти князя княгиня дала 100 гривен серебра и 50 гривен золота; по смерти своей отдала 5 сел и с челядью и все до холстины»[2]. Итак, блаженный Ярополк, сколько был сам благочестив, столько же внушал благочестие и семье своей. Другие известия прибавляют еще, что блаженный князь не любил нетрезвости и насмешек, и любил слезы умиления, никому не мстил и был весьма образован[3]. Так, памятники Церкви, начиная с преподобного Нестора до Степенной книги и Никоновой летописи, показывают, что убиенный князь Ярополк Изяславич считался в числе угодивших Господу жизнью своею и особенно страдальческою невинною смертью. В рукописном описании святых XVII века он также поставлен в числе святых и память его показана под 21 ноября.

[1] Собр. л. 1, 88, 89, 103; 7, 3, 4; Книга степенная. Ч. 1.

[2] Собр. л. 2, 82.

[3] Книга степенная. Ч. 1; Никон. л. 1, 189, 190.



День двадцать шестой

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святителя ИННОКЕНТИЯ, епископа Иркутского

Отрасль древней дворянской Волынской фамилии Кульчицких, блаженный Иннокентий получил умственное образование в Киевской академии[1]. В Киевской лавре пострижен был в иночество и здесь же приял священство. В 1710 году отправлен он вместе с двумя другими к должности учителя в Московскую академию; в 1714 году получил здесь звание префекта и в том же году переведен в Невскую лавру, с званием соборного иеромонаха. Здесь он выполнял служение обер-иеромонаха по флоту, иначе, был начальником флотских иеромонахов, надзирал за их поведением, разрешал сомнения их и о нуждах духовных сносился с Синодом. В 1720 году архимандрит лавры Феодосий Яновский посвящен в епископа Новгородского, а Иннокентию поручено исправлять должность наместника лавры[2]. Когда государь Петр I, по представлению Сибирского губернатора, повелел, чтобы при Русской

[1] Жизнь святителя в Иркутской стороне описана по актам Иркутска (см.: Иркутские епархиальные ведомости. 1863–1864), только здесь много и такого, что не относится к жизни святителя, и многого нет такого, что входило в круг жизни свт. Иннокентия.

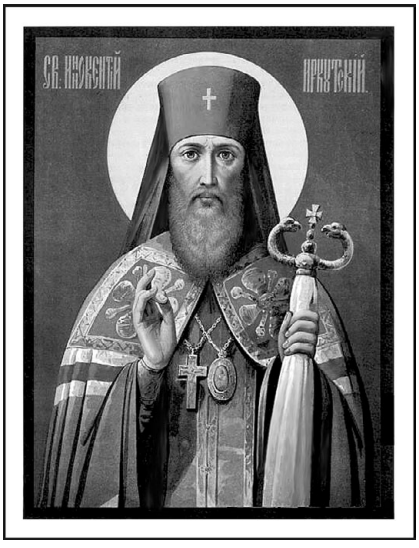
[2] *Смирнов С.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855.

Пекинской миссии был, как и при Римской миссии, епископ, для такого великого служения назначен был блаженный Иннокентий. При этом Святейший Синод 14 февраля 1721 года докладывал государю: «Определенного в Хинское государство, иеромонаха Иннокентия Кульчицкого, архиереем Иркутским и Нерчинским, для близости к оному государству, посвятить ли и оного для удобнейшего обхождения от Сибирской епархии отделить ли?» Государь отвечал: «В архиереи посвятить, но лучше бы без титула городов, понеже сии городы порубежные к Хине, чтобы иезуиты не перетолковали низко и бедства б не нанесли»[1]. Блаженный Иннокентий 5 марта 1721 года хиротонисан был в епископа, и дабы, согласно с соборным правилом, именовался он епископом определенной Церкви, он наименован епископом Переяславским. Китайское правительство тогда хорошо расположено было к Русскому двору и очень довольно первою Русскою миссией для Пекина, которой начальником был архимандрит Иларион. Это подавало надежды на то, что блаженный Иннокентий благосклонно будет принят Пекинским двором. Апреля 19 новый святитель выехал из Петербурга с двумя иеромонахами, пятью певчими и 3 служителями. Из патриаршей ризницы выданы были ему серебряные сосуды и омофор; прочую же утварь, по распоряжению Синода, взяли в Суздале из ризницы митрополита Ефрема[2].

В марте 1722 года святитель прибыл в Иркутск и в Селенгинске за Байкалом должен был ожидать распоряжений о пути в Пекин. На содержание его с свитою назначено было отпускать из Сибирских доходов 1500 рублей. Государь, хорошо знавший людей, видел и давал знать, что иезуиты могут повредить святому делу и потому нужна осторожность в деле. К сожалению, в его отсутствие (он отправился в Персидский поход) из Сената написали в Китайский трибунал грамоту в таком виде: «на место умершего архимандрита, для отправления церковной службы и для всех прочих церковных дел, по воле государя, посылается духовная особа, господин Иннокентий Кульчицкий с двумя иеромонахами, двумя диаконами и несколькими служителями. Сенат дружелюбно просит, дабы Хинское величество позволил помянутому господину Кульчицкому с находящимися при нем совершать в Пекине

[1] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: В 45 т. СПб., 1830–1851. Т. VI. № 3734.

[2] Указатель Синодальной Ризницы.



Святитель
ИННОКЕНТИЙ,
епископ Иркутский

Божественную службу по обычаю христианскому и посещать своих единоверцев в других местах. За то со стороны царского величества обещается в пределах Русских исполнять желание богдыхана». Посланник Измайлов, долженствовавший открыть путь для миссии в Пекине, ласково принят был Пекинским двором. Он не заключил договора с двором богдыхана, потому что еще не решены были дела пограничные; но ему обещали дать место в Пекине Русскому купечеству и построить двор для Русской миссии. После того надобно жалеть, что отношение Сената о миссии уже не застало Измайлова в Пекине. Ему, конечно, удалось бы личными объяснениями рассеять подозрения китайцев, возбужденные неосторожною бумагою Сената. Без него же Мунгальский трибунал прислал ответ: «По указу богдыхана не велено пропускать в Пекин господина Иннокентия Кульчицкого, оттого что о нем нет письма от Сибирского губернатора и не приложено знака печати, какая дана Измайлову»[1]. Поспешили послать отношение губернатора и печати. Но трибунал тогда прямо написал: не может он пропустить Иннокентия, потому что он назван духовною особою и великими господином.

Так святителю Иннокентию пришлось оставаться в Селенгинске и ждать решения недоумений. И он пробыл здесь целые три года. Можно представить себе, как томительна была эта неопределенность положения! Как тяжело было ждать и ждать и не видеть конца ожиданиям! Это время было временем очищения сердечных глубин святителя. Теперь обучалась душа его терпению и полной покорности воле Божией. Но святитель нашел и в Селенгинске предметы для своей деятельности, согласные с его назначением. Святейшим Синодом он назначен в проповедника святой веры, хотя и не в пределах России. Святитель старался выполнить это назначение в круге доступном для него. Он проповедовал святую веру язычникам, кочевавшим около Селенгинска, бурятам и мунгалам. И проповедь его не была бесплодна: он обратил значительное число язычников к свету Христову. В рукописном акафисте святителю читается: «Горькие испытания терпеливо подъял еси, препирался с полчищами неверных и суеверных». Другой акафист поет: «Услышав ухищренные Хиннов глаголы, яко не подобает

[1] Измайлову даны были в Пекине сто сургучных печатей для прикладывания их к паспортам о свободном пропуске русских в Пекин (*Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. II).

ти прияту быти в их царство, обратился еси с Евангелием к языком своего царства Монгольским... Радуйся, яко проповедию Евангелия, тобою к языком Монгольским принесенною, злоухищрение душ человеческих жестоко посрамися». Пребывание святителя в Селенгинске благодетельно было и тем, что подкрепляло в вере и благочестии туземных христиан, довольно ослабевших от влияния соблазнов язычества. Акафистная песнь поет ему: «Ово просвещал еси светом Евангелия Христова неверующие языки Монгольские, ово утверждал еси верующие в послушании Православной Церкве уставом».

В марте 1725 года святитель по указу Синода переехал в Иркутский Вознесенский монастырь ожидать новых распоряжений о своей миссии. Здесь встретились ему свои искушения. Настоятель монастыря архимандрит Платковский искал и надеялся быть настоятелем Пекинской миссии; а вместе был человек с страстями самыми необузданными: на него жаловались все, до кого только он касался; он уже состоял под судом, по указу Синода: но не хотел отвечать никому о своих поступках. Когда святитель прибыл в монастырь, к нему обратились с жалобами обиженные; святитель утешал несчастных, сколько мог. Инквизитор Иовлев не раз просил святителя защитить его путем суда от нападений Платковского. Святитель объявлял, что он не вправе рассматривать дела архимандрита, не состоящего в его ведении; самая прислуга архипастыря получала от него строгое приказание не вступать в сношение ни с кем из монастырских. Тобольский митрополит, услышав о вызове блаженного Иннокентия в Иркутск, писал к нему: «Преосвященнейший архиерею Божий! благодетель мой! многим многих Иркутских духовных лиц нестроением и неизобретением к следствию о делах их достойных делателей принуждены есмы трудити ваше преосвященство, прося, дабы соблаговолили о тех их делах приказать исследовать, кому ваше преосвященство заблагорассудите. Предая себе в надежду вашу во всем неотъемлемой любви, явственно зде оные полагаем». Излагаются три дела, в том числе об Иркутском протопопе. Затем митрополит Антоний и губернатор князь Долгоруков, по совокупном совещании, просили блаженного Иннокентия исследовать по указу Синода дикие дела Платковского. Но святитель не взял на себя ничего ни по тому, ни по другому отношению, так как высшая власть указала ему другие занятия[1].

[1] Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 18, 19; 1864. № 6.

В июне 1725 года по воле императрицы Екатерины повелено для окончательного решения дел с Китаем отправить полномочным посланником графа Владиславича-Рагузинского и с ним отправиться преосвященному Иннокентию, если не будет препятствия со стороны китайцев. Рагузинскому предписано было не объявлять китайцам о епископском сане Иннокентия, а только называть его духовным лицом. Весною 1726 года преосвященный Иннокентий отправился в Селенгинск ожидать посланника. Китайские пограничные чиновники с почетом встретили Рагузинского на границе; почетно принят он был и в Пекине; после некоторых затруднений согласились и на договор; Рагузинский поручил комиссару Лангу писать и заключить договор, но о миссии блаженного Иннокения не было и помину[1]. Да и не хотел ничего делать Рагузинский для святителя. Когда был он в Селенгинске, он не удостоил святителя Иннокентия даже того, чтобы видеться с ним. Он еще в Иркутске дал слово молодцу Платковскому, что он, Платковский, а не кто другой будет в Пекине начальником миссии. Потому еще тогда как Рагузинский еще не выехал из Китая, в Петербурге, в Верховном Тайном Совете решено было дело о предмете, касающемся более Церкви, чем государства. Святитель Иннокентий, пребывая в Селенгинске, 24 марта 1727 года получил неожиданный указ. «Сего генваря 7 дня, — говорится в нем, — в указе ее Величества из Верховного Тайного Совета Святейшему Синоду написано: доносил ее Величеству отправленный к Китайскому двору чрезвычайным посланником и полномочным министром ее Величества Иллирийский граф Савва Владиславич с границы Китайской от речки Буры, от 31 августа (1726 г.), что китайские министры (?), которые его на границе принимали, вашего преосвященства туды с ним графом в Китай без указа Хинского не пропустили, и не чает де он, чтобы ваше преосвященство китайцы приняли; токмо де по его старанию в бытность при Китайском дворе, куда уже он из Сибири поехал, паки архимандрит и священники в Пекине приняты будут, а ваше преосвященство никог-

[1] В 5 пункте трактата, по воле богдыхана, сказано: «коен (дом), который ныне для русских в Пекине обретается, будет для них и вперед приезжающих, которые будут жить в сем доме, и что Российский посол, Иллир. гр. Савва Владиславич представил о строении церкви, то она и сделана в сем доме усердием вельмож китайских... В сем доме будут жить один лама (священник), ныне в Пекине обретающийся, и прибавятся другие три ламы, которые прибудут, как решено». В Словаре святых ошибки и неточности.

да не допуститеся, и представлял он граф Владиславич, чтоб послать Вознесенского архимандрита Антония, который при Иркутском живет и учит несколько детей языку мунгальскому и бывал в Пекине». Совет определил сделать согласное с мнением посланника распоряжение. Святейший Синод предписал пребывать преосвященному Иннокентию в Иркутском Вознесенском монастыре[1].

Отчего это так, что святое дело Евангелия рушилось?

Нет сомнения, что тут действовали интриги иезуитов, опасавшихся и того, что на них откроют глаза китайцев. Много значило и то, что царствовавший тогда Ионг-Чисенг по случаю раздоров, происходивших между миссионерами двух латинских орденов, объявил запрещение принимать христианский закон. Но обе эти причины еще не объясняют всего дела. Полномочный посланник успел же заставить Пекинский двор выполнить много такого, что далеко более важно для Пекинского двора, чем прием Русского епископа[2]. В рукописном акафисте святителю читаем: «Всякие скорби и горькие испытания терпеливо подъял еси, отче, яко добр воин Христов, терпя наветы и клеветы от коварного начальника миссии и клевретов его». По этим словам, архимандрит Платковский сильно противодействовал отправлению святителя в Пекин. Для него это и естественно: столько же неистовый в делах дурных, сколько и малодушный пред несчастием, он употреблял все меры к тому, чтобы избавиться от бед назначением его в Пекин. Несчастный не избежал Суда Божия. Как ни укрывался он за Рагузинского, в 1731 году провезли его из Пекина мимо Иркутска скованным[3]. Но, если Платковский мог действовать против святителя клеветою, значит был кто-то, кто принимал клеветы и портил все дело святое. Кто же это? Конечно, посланник Рагузинский. По одному ли увлечению клеветой тот действовал? Рагузинский — торгаш, под защитою Меншикова, был грабителем Малороссии[4]. Платковский предложил в распоряжение торгаша все монастырские житницы, как откроется впоследствии, и торгаш выставил Платковского самым способным миссионером для Пекина, и ненужным — святителя.

---

[1] Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 21, 24.

[2] *Плюшар А.А.* Энциклопедический лексикон: В 17 т. СПб., 1834–1841. Т. 11.

[3] Указ сената мая 1732 г. *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. Ч. 1.

[4] *Судиенко М.* Материалы для отечественной истории: В 2 т. Киев, 1853–1854. Т. 2.

Для каждого православного приятно то, что Платковский назначен был в Пекин без всякого участия правления церковного. Совет распорядился по своему усмотрению, не спросив у Синода даже сведений, кто такой Платковский? Тем-то и жалки люди, что тогда, как мечтают о своей премудрости, способной знать все и управлять всем, делают такие дела, которые наносят им только стыд и бесчестие.

Святейший Синод со своей стороны не замедлил вывести святителя Иннокентия из его тяжкого положения. Он постановил то самое определение о блаженном Иннокентии, которое полагал он еще при Петре Великом. Указом 15 января 1727 года Церковь Иркутская, входившая дотоле в состав Тобольской епархии и с 1707 года управлявшаяся викарным епископом, поставлена в ряду самостоятельных епархий, а святитель Иннокентий наименован епископом Иркутским и Нерчинским. Так он начал собою ряд святителей Иркутской Церкви! Не скоро дошло определение Синода до святителя Иннокентия, но дошло. По получении указа святитель разослал окружную грамоту к своей пастве с пастырским наставлением. «Понеже благословением Божиим, — писал он, — Ее Императорское Величество, имея сердце свое благодатное в руце Божией, по докладу Святейшего Правительствующего Синода благоволило мя милостивым своим указом определить в Иркутскую епархию настоящим епископом и титуловать себе по той епархии, того ради молю прежде всех творити моления за Ее Императорское Величество и всю ее высокую фамилию, Святейший Правительствующий Синод, такожде и о нашем смирении, титулуя нас Иркутским и Нерчинским. Прочее молим вас и архипастырски увещеваем, да такожде мудрствуете единодушно, друг друга честью больша творяще, мир и любовь между собою имуще, якоже святой апостол Павел поучает. Елика пречестна, елика прелюбезна, елика прехвальна, в сих поучайтеся, сим последуйте, сии держите, да тако и временная благая и вечная удостоитесь наследствовати. Всеусердно сего желаем и благословение посылаем. Аминь. Сентября 1-го 1727 года»[1]. Тобольским митрополитом в ведение нового Иркутского архипастыря переданы 3 монастыря, 9 городских церквей и до 33 поселянских; Иркутский Вознесенский монастырь отдан был Синодом в полное распоряжение святителя Иннокентия[2].

---

[1] Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 22. В Словаре святых сказано, что свт. Иннокентий был только викарным епископом Иркутским. Неправда!

[2] Странник. 1863, январь.

Бывают люди по нравственному устройству своему такие, что они и себе строят один вред, и тому, кто каким бы то ни было образом стал на их дороге, наносят муку. Таковы были по отношению к святителю Платковский и Рагузинский!

Спустя недели две по вступлению на Иркутскую кафедру святитель Иннокентий получил от посла Рагузинского письмо, где тот, известив, что дела с Пекином идут мирно и что в Пекин назначен архимандрит Платковский, писал: «Прикажите архимандриту дать священника доброго и искусного да иеродиакона, всего два человека из церковных учителей, да архимандрит третий, да трех учеников по выбору его архимандрита. И оным жалованье всего 1250 рублей на первый год. И то жалованье доведется им выдать немедленно из наличных монастырских денег да из конфискованных инквизиторских». Затем пишется, чтобы снабдить архимандрита утварью, которая дана для Пекинской миссии. Письмо доставлено с границы нарочным, адъютантом Рагузинского. Святитель немедленно сделал возможные распоряжения. Забайкальскому вдовому священнику Филимонову, изъявлявшему желание отправиться в Пекин, предписано явиться в распоряжение архимандрита Платковского; туда же предписано явиться посольскому иеродиакону Серапиону; архимандриту выдано из монастыря 300 рублей. Послу Рагузинскому отправлен 13 сентября следующий ответ: «Сиятельнейший граф, Савва Владиславич, мой милостивейший благодетель! великое благодарение Богу, в Троице славимому, да будет, яко вашему сиятельству чрез неусыпные труды и поты, без кровопролития даде одержать победу и вместо брани вожделенный дарова мир, о чем не токмо я недостойный и не токмо все Российское государство, но и вси окрестные государства, хотящие мира, возрадуются и возвеселятся и рекут: блажен человек той, иже совокупи обоя во едино, иже сотвори такое дело, которое трудно было к совершению. Писали ваше сиятельство в письме, которое получено сего 1727 года сентября 5 дня чрез господина поручика, к нашему смирению: 1) что отправляется в Китай архимандрит Антоний Платковский, а определенные ему 550 рублей и при нем посылающимся единому священнику, единому иеродиакону и 3 человекам ученикам по 130 рублей на первый раз жалованья дать из наличных в монастыре Вознесенском денег. А наличных в монастыре том денег токмо обрелось 400 рублей. Из того числа отдано архимандриту 300 рублей при нашем смирении и при помянутом поручике и при братии того монастыря. А одно сто

осталось на разные монастырские нужды, которыми и со срочными нельзя расплатиться. А конфискованные инквизиторские деньги ко мне не надлежат: понеже я, как то чинилось, в Иркутску не был и того ничего не знал и ныне, сколько их есть числом, не известен; я к сим деньгам касаться не смею. Иркутский воевода Измайлов, по указам Ее Величества, как хощет, так с ними и да творит. А монастырь Иркутский едва не в конец разорен оным посылаемым архимандритом, чего для при сем моем покорном писании вашему сиятельству, ради свидетельства, выписанный из книг расходных монастыря того экстракт посылаю, что он деньгами и товаром, кроме животных и прочих от посуды медной, оловянной и поливяной и юфтей и иных мелочей и хлебных раздарунков и кроме школы, на которую сверх надлежащего иждивения употребилось, что, за краткостью времени по восприятии моем Иркутской епархии, еще не следовано, из того монастыря забрал. Ваше сиятельство можете выразуметь, коликое число им архимандритом забрано и сколько еще на нем денег того монастыря счисляется. Может он из того числа себе и прочим при нем к показанным 300 выделить жалованье, а остальные деньги, аще превысокая вашего сиятельства к убогому монастырю обрящется милость, приказать ему назад в монастырь возвратить. 2) Еще же писали ваше сиятельство, чтобы отдать архимандриту ризы, книги и церковную утварь, которую я брал имянным блаженныя и вечно достойныя памяти Его Имперaторского Величества указом и указом Святейшего Синода из разных мест, о чем и в Святейший Синод репортовано, где, что и от кого взято именно. Я ныне без послушного из Святейшего Синода указа тех всех вещей, которые приличествуют к моему архиерейскому служению, отдать не посмел, кроме того, что к архимандричью служению принадлежит, о чем и реестр посылается при сем письме, в которых вещах он и расписался своеручно».

Все, что предлагал теперь святитель, дышало умом, любовью, смирением — изумительными. Если потерянный Платковский не видел своих наглостей из кроткого вразумления святительского, это для него естественно. Более изумительно то, что Рагузинский не понимал неправд своих, на которые так умно указывал святитель в предостережение ему[1]. Рагузинский, по гордости, счел себя еще вправе снова оскор-

[1] Если епископу со всею его свитою (2 иеромонаха, 5 певчих, 3 служителя) назначено правительством 1500 руб., с чего Рагузинский назначает архимандриту с 5 лицами

блять святителя. Октября 15 Платковский явился в Иркутск с длинным письмом Рагузинского. Посол писал, что он остановил миссию по трем причинам. «Не мню, — говорил он, — чтоб Святейший Синод принял за противность, ежели бы ваше преосвященство на такую нужную посылку отдали достальные из конфискованных инквизиторских денег. Второе архимандрит привез с собою попа мирского, о котором доказывают здешние жители, что он — вседенная пьяница. Третья же превеликая — известился из письма вашего преосвященства, будто он архимандрит монастырь разорил и много монастырских денег забрал неправдою, — по регистру показано, что архимандрит монастырю виноват 3794 рублей; а архимандрит объявил, что он монастырю и никому ни копейки не виноват». Потому посол просит расчесть архимандрита с монастырем или же отпустить его в Синод для принесения оправдания.

Все три претензии несправедливы и оскорбительны, не к чести посла. В первой звучит самонадеянность, привыкшая не уважать закона. Священник Филимонов прежде святителя был Забайкальским инквизитором и если имел он слабость, то и лучших не было, по крайней мере из тех, которые пожелали бы отправиться в Пекин. Для расчетов монастыря с Платковским преосвященный назначил комиссии. Платковский поспешил послать просьбу к Тобольскому митрополиту — сообщить в Иркутск указ, который давал ему право получать из Вознесенского монастыря доходы равные настоятелю Чудова монастыря и с тем вместе дозволял взять оконфискованные деньги инквизитора. Комиссия, по рассмотрению всего дела, при всем желании сделать приятное страшному Рагузинскому, определила: истраченные Платковским во время пребывания его в Москве 632 рубля взыскать с него, равно взыскать 400 рублей, взятые в виде жалованья соразмерного с жалованьем Чудовского монастыря, также взыскать 54 рубля излишне взятые, — во всех этих случаях деньги браты произволом; о прочих предметах войти в рассмотрение в последующее время. Платковский сперва не хотел исполнить определение комиссии и объявил, что отправляется с жалобою в Синод. Но это только выходка лукавства. Он хорошо понимал, что Синод поступит с ним не мягко. Потому заявил он письменно, что платит монастырю долги свои и прекращает всякий иск на него. Тобольский митрополит доставил сведение, что никакого

1250 руб.? Святитель искусно указывает на странность этой щедрости, когда говорит, что иеромонаху, как и 3 мальчикам, Платковский требует до 130 руб. на каждого.

указа из Синода не было об уравнении прав Платковского с правами Чудовского настоятеля и что с Платковского следует взыскать 200 рублей — 100 рублей взятые им у архимандрита Гедеона Вишневского и 100 рублей должные Тюменскому монастырю.

Между тем графа Рагузинского уведомили стороною, что по записям архимандрита Платковского в монастырских книгах значится неоплаченным долг за послом и его свитою. Это глубоко уязвило Рагузинского и заставило переменить тон обращения своего со святителем. В письме от 8 февраля 1728 года он извещает святителя, что никогда не желал он обижать монастыря; писарь посольства брал из обители разные припасы, всего на 60 рублей, и обменял 5 лошадей на монастырские лошади и за все расплатился, в чем имеется квитанция; секретарь Глазунов для себя брал припасы на 6 рублей и также расплатился с Платковским. Потому просил для защиты чести его обратить внимание на сей предмет, оканчивая так письмо: «Рекомендуя себя вашим архипастырским святым молитвам, желая вашего преосвященства благословения, целуя святые ваши руце, с глубочайшим респектом пребываю». Когда показали это письмо Платковскому, он поспешил доставить монастырю показанные в письме деньги. По требованию комиссии уплатил он еще 400 рублей Посольскому монастырю. И поспешил в Селенгинск[1].

Неприятные отношения Рагузинского и Платковского не останавливали занятий святителя по епархии.

Игумен Пахомий производил следствие о убиении крестьянина Лобанова священником Орловым и закрыл виновного. По принесении жалобы наряжена святителем комиссия. Орлов, уличаемый свидетелями, сознался, что он в кабаке играл в карты с двумя причетниками и с Ильею Лобановым; в ссоре, подравшись с Лобановым, пихнул его от себя, и тот, ударившись об лавку, умер; следователю Пахомию дал 6 рублей и два конца китайки. Пахомий также сознался в своей вине. Решение последовало такое: так как священник Орлов играл в карты и еще в кабаке и в драке убил человека, а по совершению убийства подкупал следователя и совершал служение, то, согласно с регламентом, подвергнуть его жестокому телесному наказанию, лишив права на священнослужение; Пахомия послать в хлебню сеять муку, взять в штраф 10 рублей, деньги и китайку возвратить владельцу.

[1] Москвитянин. 1846. № 8; Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 28, 32.

Весьма замечательна инструкция святителя священнику Даниилу Иванову.

«Ведать тебе заказ Заморский (Забайкальский) во всем Селенгинском дистрикте, а в действии поступать по сим пунктам:

1. Объехать тебе церкви в твоем заказе и смотреть всего благочиния церковного и над священниками и над всем причтом, а именно: не бесчинствовали бы, не шумели бы по улицам или в церкви пьяни; не пьют ли вино по кабакам и прочее по прибавлению регламента о священниках.

2. Указы Его Величества рассылать, — а для рассылки оных посылать поочередно в твоем заказе дьячков и пономарей, аще куда скорых и певных попутчиков не прилучится; а подводы дьячкам и пономарям брать от церкви до церкви.

3. Тебе священнику давать венечные памяти ко всем церквам своего заказа, по правилам святых апостол и святых отец и по указам Его Величества; а аще где далеко, то и иным приказывать; собирать пошлину по прежнему обыкновению без излишества; такожде давать дьячкам и пономарям указы по указу преосвященного со взятием пошлин; в прошениях о местах прописано бы было, руга ли ему, или из доходов питаться будет и что он добрый и не подозрительный человек.

4. Тебе ж повсегодно собирать со всех церквей твоего заказу данные по табели окладные деньги без излишества. Аще где возобновятся по указу часовни, данные окладные собирать же и отдавать...

5. Аще кто на священника или на причетника подаст тебе доношение, тебе смотреть, аще в каком важном деле есть, отсылать в Иркутский архиерейский приказ к решению, аще же о маловажных делах, таковые самому по правилам и регламенту решать, без всякой понаровки.

6. О своем решении дела доносить в приказ.

7. Доставлять от всех церквей метрические тетради и исповедные записи.

8. Надзирать за тем, чтобы не было беспаспортных духовных лиц в округе, и если окажутся, доставлять к преосвященному.

9. Надзирать за тем, нет ли раскольников, и если окажутся, доносить.

10. Не поступать сверх права, предоставленного инструкциею, и дела должности исполнять усердно и по совести.

11. На бумагу, чернила брать со всех церквей по пропорции, сколько изойдет; также и писчику определить с каждой церкви по рублю, а больше не определять.

12. Подводы разложить на священников с причетники и собрать с них деньги в одну сумму, по рассмотрению прихода, с кого надлежит больше, с кого меньше, чтоб в том никому не было обиды; когда придут какие указы, то наймовать из той суммы собранной без излишества и рассылать, куда надлежит».

Иркутские священники, полагая, что преосвященный, живя в Вознесенском монастыре, в 5 верстах от города, не может знать, что у них творится в городе, продолжали по укоренившемуся обычаю очень рано служить Литургию, к неудовольствию граждан. Святитель узнал о беспорядках и приказал послать следующий указ (13 ноября 1727 г.) Иркутскому протопопу: «Известно учинилось его преосвященству, что к Литургии Божией весьма рано в Иркутске благовест бывает; а многие той ради вины, за неотправлением дел им врученных, слушания Литургии лишаются. Того ради повелевается вам, чтоб в малые дни к Литургии благовест был в полтора часа дни (с восхода солнца), а в великие — в 3 часа. Ради же лучшего порядка всякому, когда можно выслушать, петь во всякой день в соборах понедельно раннюю Литургию, а именно в отдачу часов, не продолжая благовеста, но токмо трижды в колокол ударить».

Указом Синода от 22-го августа 1727 года предписано было донести о состоянии епархиальной школы. Святитель, согласно с регламентом, предписал (от 4-го января 1728 г.) духовенству немедленно доставить в Иркутскую духовную школу, открывающуюся в Вознесенском монастыре, всех детей от 7 до 15 лет возраста; Русская школа в том же году и открыта в монастыре, а вместе с тем продолжала существовать Мунгальская школа, оставленная Платковским крайне неустроенною.

По распоряжению Синода в 1727 году отменены духовные инквизиторы, а бывших инквизиторов велено строго поверить и снова усилить поповских старост. Избранный для Иркутска и Иркутской десятины поповский староста получил от святителя две инструкции: в одной изображены постоянные обязанности его; другою дано поручение обревизовать церкви своего округа по всем отношениям и между прочим отобрать книжку «Правда воли монаршей».

Так как в разное время поступили донесения о разных беспорядках, совершающихся в Забайкальских церквах и приходах, то в феврале

1728 года святитель дал игумену Пахомию инструкцию, с которою тот должен осмотреть Забайкалье и, где будет нужно и возможно, произвесть следствие. Беспорядки, по донесениям, относились особенно к делам брачным.

Один из Иркутских священников жаловался, что священник соседнего прихода, и после недавнего разделения приходов, исправляет требы в его приходе, к его обиде. Святитель двумя предписаниями (от 19-го марта 1728 г.) поставил в непременную обязанность, «чтоб священники от своего в другой приход за требами не ходили без позволения приходского священника, кроме необходимой нужды, и ни в един дом не вступали молитвить, крестить, погребать и причащать; на исповедь принимать хотящих и из чужого прихода невозбранно, а к причастию отсылать в приход его, давая отпускное письмо, что был на исповеди и достоин причаститься, для лучшего усмотрения по указам, что прихожанин его не раскольник ли. А кто из мирских, прибавлял святитель, по ссоре с священником будет звать священника из чужого прихода молитвить, крестить, причащать и браком сочетавать, таковым объявлять наше неблагословение».

Священник монастырской Валдайской слободы, за которого по его неуменью подписался сын, жаловался, что поселенцы вопреки договору три года не доставляют ему по 4 пуда хлеба со двора. По расследовании дела святитель предписал уплатить за 1727 год полное количество хлеба, а за другие года, по бедности крестьян, пострадавших от недорода хлеба, священник подождет уплату до лучшего времени.

Поселенцы Кудинской слободы жаловались, что священник их Феодор ведет жизнь нетрезвую, в Пасху от нетрезвости оставил ризы в крестьянской избе, где они оставались 9 недель, а между тем донес, будто ризы украдены пономарем. Этот священник и по ревизии благочинного оказался очень неисправным. Но заменить его было некем, — так мало способных было к священническому служению! Преосвященный приказал священника за пьяную жизнь и за клевету на пономаря, а пономаря за доказанную нетрезвость наказать плетьми и возвратить на место служения.

Сельский священник, по записке городского священника Васильева, похоронил у церкви повешенного преступника, вопреки 23 пункта инструкции патриарха Адриана. Святитель обязал обоих священников подпискою выкопать похороненного и перенесть на своих плечах в убогий дом, а Васильеву еще уплатить 5 рублей штрафу.

После недорода хлеба 1727 года по Байкалу весною 1728 года открылась грозная засуха. Святитель от 16-го мая предписал церквам Иркутска и Иркутской десятины в каждой Литургии присоединять моление о прекращении засухи, по субботам петь акафист Богоматери, а в воскресенье собираться в собор для общего молебствия. Моления, говорил святитель, должны окончиться в Ильин день. Июля 30-го выезжал из Иркутска Рагузинский и бурею загнан был в Вознесенский монастырь, где и простился со святителем. Дождь шел такой сильный, что по улицам Иркутска вода стояла по колено.

Святителю пришлось очищать паству свою от незаконных браков, которые бывали нередки в пастве, остававшейся без близкого надзора архипастырского.

Крестьянин Флоров жаловался: женатый сын его Матфей, по болезни, путешествовал по святым местам России. Жена его Авдотья без него незаконно родила сына и потом повенчана с крестьянином Аввакумом. Исследование, оправдав это донесение, открыло и то, что Флоров просил 25 рублей с Аввакума и получил 8 рублей за разрешение невестке вступить в новый брак. Святитель утвердил такое решение своего приказа: Флорова за то, что взял 8 рублей и обещал «отпорную (отпускную), бить плетьми нещадно, чтоб иным так невесток продавать было не повадно»; наказав плетьми, отослать в монастырь на покаяние, а Аввакуму запретить жениться. В конце года Аввакум просил святителя: так как Матфей не хочет жить с Авдотьею, а ему, Аввакуму, при его молодости трудно уберечься от греха, то дозволить Авдотье жить с ним. Святитель написал: «Да последняя не будет горшая, и первый муж отрекся от Авдотьи, того для выслать ее из монастыря ко второму мужу».

Такого же содержания были решения о солдатке, вышедшей замуж при живом муже.

Иркутский протопоп Петр Григорьев предписал сельскому священнику повенчать родственника его Елезова, у которого жена была больная. Это было пред поступлением святителя на Иркутскую кафедру. Определено: протопопу год служить в звании рядового священника; венчавшего священника послать в монастырь, с лишением прихода; Елезову жить со второю женою; но за то, что не испросил он законного развода, взыскать с него 20 рублей на построение собора и 10 рублей на расходы по канцелярии[1].

[1] Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 35–38, 41–46.

Так как указом Петра I предписано было содержать на свечную сумму богадельни при церквах, то святитель 8-го апреля 1728 года потребовал донести ему о состоянии церковных богаделен. Старосты отвечали, что все свечные деньги употребляются на расходы по церкви. Святитель обратился к другой стороне дела, приказал подтвердить, дабы церковные свечи продавались в форме, показанной в указе государя, и если сильный окажется нарушителем закона, то доносить ему. Какое было последствие? Один наглец, пойманный с неформенными свечами на рынке, едва не задушил причетника, поймавшего его.

В том же году святитель обращал внимание на небывших у исповеди и Святого Причастия. В 1727 году в одном Иркутске оказалось не бывших у исповеди 420 человек. Сообщено было о нарушителях долга в губернскую канцелярию для взыскания законного штрафа. Канцелярия отвечала, что по манифесту штраф прощен, но сделано внушение виновным выполнять постановление Церкви.

Замечателен случай, как наказано свыше лукавство, уклонившееся от исполнения воли архипастыря. Святитель при пересмотре списка детей духовных предписал, дабы выслан был в училище сын священника Космы. Священник отвечал, что сын уже исправляет должность причетника. Святитель написал: это не мешает ему поучиться в училище. Лукавый священник поспешил женить сына. Но что вышло? «Возвращаясь на лошади из лесу, — доносил староста, — сын Космы упал с лошади и до того расшибся, что едва ли останется живым».

Казачий сын Федор Евдокимов 4-го декабря 1728 года умер внезапно. Жена просила у преосвященного разрешения удостоить его христианского погребения. По следствию оказалось, что Евдокимов 3-го декабря пьянствовал с ясачными. Преосвященный решил похоронить его в 2 верстах от села без священнического погребения.

В акафисте поют святителю: «Радуйся, неусыпный страже, вверенные ти души, кровию Христовою искупленные, бденным молением и путным человеческие силы превосходящим обхождением добре сохранивый». В начале 1729 года святитель по зимнему пути обозревал епархию на левой стороне Ангары. В тех местах жили поселенцы Вознесенского монастыря. Милостивый святитель еще прежде простил им недоимки за два года. Теперь они собрали для архиерейского дома по пуду пшеницы со двора. Хотя святитель не получал ни копейки жалованья ни для себя, ни для дома, по странному недосмотру высших,

но в облегчение поселенцев он приказал доставить пшеницу на монастырских подводах.

На сторожа Тихвинской церкви донесено, что он с церковным ключом был в питейном доме и там нетрезвый подрался с другим. Святитель убедил сторожа сознаться во всем и повелел: виновного держать сутки в монастырской хлебне на цепи, с тем чтобы сеял он муку; затем отпустить с подпискою — вперед церковного ключа не носить в кабак и жить трезво.

В Посольском монастыре один послушник назвал другого беглым солдатом. Следствие подтвердило жалобу, равно и то, что обиженный не был солдатом. Если бы название «беглый солдат» услышано было в гражданской канцелярии, то это грозило бедами и монастырю. Потому преосвященный приказал наказать виновного телесно, в виду братства, в предостережение другим.

Дела по сбору казенных податей с монастырских крестьян были нелегки. Особенно же много тревог и неприятностей наносил откуп винной продажи. Откупщики чрез гражданскую канцелярию настаивали на том, чтобы им не препятствовали продавать вино не только в селах монастырских, но даже вблизи монастырей. Святителю тяжело было видеть, что развращают народ пьянством и оскорбляют обители молитвы. Он приказал отвечать канцелярии, что епархиальным начальством не получено никакого указа по этому предмету из Святейшего Синода. Канцелярия пропустила это мимо ушей и в новой бумаге грозила штрафами и судом за невыполнение требований. Святитель вынужден был уступить насилию, тем более, что за правдою отправляться из Иркутска в столицу далеко.

В марте 1729 года монах Посольского монастыря донес святителю, что игумен того монастыря Иов наказал монаха Игнатия за плотской грех так жестоко, что тот скоро умер, и что производивший по сему делу следствие скрыл правду. Святитель вытребовал игумена и монахов в Иркутск и здесь поручил двум следователям отыскать правду. По рассмотрении нового следствия приказ положил и преосвященный утвердил: за то, что Иов упрашивал и научал братию скрыть правду, взять с него 10 рублей; за то, что приказал бить Игнатия плетьми, по 154 артикулу устава, наказать самого плетьми; а за то, что обнаружил грех духовного своего сына в слух братии, на соблазн, лишить управления монастырем и послать в Селенгинский монастырь с запрещением священнослужения на четыре года. Селенгинский архимандрит,

почтенный старец, уже в июле того же года просил святителя разрешить Иову священнослужение. 30 июля 1730 года было написано: «Божиею милостью преосвященный Иннокентий, епископ Иркутский и Нерчинский, в Святотроицком Селенгинском монастыре обретающемуся бывшу игумену Иову. По благодати дара Всесвятого и Животворящего Духа, данной нам от Самого Великого Архипастыря Господа Бога нашего Иисуса Христа, подавшего власть вязати и решити, прошедшего 1729 года марта 22 дня по следственному в нашем приказе делу, отлучен ты Посольского монастыря игуменства и велено тебе быть в Троицком монастыре в братстве четыре года. Но ныне тогожде Господа Бога властью, для нужды в Троицком Селенгинском монастыре, что не имеется ни единого иеромонаха для священнослужения, разрешаем вам, повелевая быть в Троицком монастыре, совершать по должности священнической всякие нужды, повеленные по правилам святых апостол и отец, а у архимандрита быть в послушании без прекословия. Иеромонаху Иову о вышеписанном чинить по сему нашего архиерейства указу». В игумена Посольского монастыря определен был иеромонах Паисий и оставлен судьею в духовном приказе.

Царскою грамотою 1709 года дозволено дворянскому сыну Никите Варламову построить в Нерчинске монастырь на свое иждивение и по устроению быть игуменом, при том — выбрать после Никиты способного из мирян для управления экономиею монастырскою, а «игуменам не ведать крестьян, ведать им токмо Церковь Божию». Понятно, что при таком положении дел не могло быть порядка в обители. Игумен Панкратий (бывший Никита Варламов), по старости, отказался от игуменства, и святитель поставил в Нерчинского игумена иеромонаха Нафанаила. Когда Нафанаил прибыл в монастырь, то на первых же порах пришлось ему выслушать брань и грубости: ссоры и брань, своеволие и непослушание в обители — непрестанные. Ропот, по наущению старика Панкратия, особенно усилился, когда храмы Нерчинской обители, по тогдашнему порядку, обложены были пошлиною на содержание кафедры. Нафанаил с отчетами по благочинию вынужден был явиться сам в Иркутск для личных объяснений о положении дел. Святитель послал 17 июня 1729 года следующую грамоту:

«Указ нашего архиерейства Нерчинского Успенского монастыря монахам, вкладчикам и крестьянам. Известно нашему архиерейству от достоверных персон учинилось, а наипаче от того монастыря игумена Нафанаила, который в прошлом годе по просьбе вашей, а по благодати

Всесвятого Духа, чрез мерность нашу произведен к вам в игумена, что от монахов и бельцов носятся ему укорительные бездельные слова, такожде во многих случаях и монастырских трудах, которые бывают для общей монастырской пользы, чинится непослушание. Того ради мы вас отечески увещеваем и повелеваем, дабы вы игумену Нафанаилу, яко отцу своему и начальнику, во всем повиновались и без его повеления ничесоже действовали и между собою яко зверье не ссорилися, под неблагословением Божиим и нашим. Аще противно будете чинить, и аще от него на вас впредь будет в чем прошение, то таковый к ответу по указам ее императорского величества взят будет в Иркутск. Прочее же Бог мира и любовь да пребывает с вами и наше недостойное благословение».

В ведение Иркутского архипастыря в 1729 году поступила военная церковь Якутского полка, назначенного оберегать Китайскую границу. Полковник Бухгольц писал к святителю о полковом священнике иеромонахе Феофане Канарском: «Пьянствует и напивается не в указные дни и дело свое не отправляет; в Великий пост на Страстной неделе пил и непотребства чинил»; полковник просил прислать другого священника. Но в Иркутской епархии тогда мало было священников; притом по фамилии иеромонаха видно, что он был воспитанник Киевской коллегии, где образовался и святитель Иннокентий. Потому святитель надеялся, что увещание его вразумит виновного. Он писал к нему: «Честный отец Феофан! аще и недостоин ты такого честного названия, а достоин бесчестия, токмо за политику пишем. Как твоей образине не в укорство, что ты позван от Господа Бога о всем мире святую жертву приносить и пасти стадо словесных овец Его, о них же истязан будеши и ответ даси в день страшного испытания, а ты того звания не содержишь, но беспрестани пьянствуешь и напиваешься пьян безвременно, а дела своего не отправляешь и чинишь многие бездельные непотребства, что видно от писания к нам превосходительного господина полковника Ивана Дмитриевича и от слов честных персон. То ли дело священническое? Сие тебе ныне пишем, увещевая тя отечески, негли исправишися. Аще не будеши исправен, знай себе, что нечестно из полку переменен будеши, позван к нам на суд и приимеши достойное по делам твоим. Но прошу, исправься. Епископ Иннокентий. Апрель 1730 года». Канарский умер марта 28-го 1731 года, и на его место определен Иоанн Осколков.

В мае 1729 года по одобрению прихожан посвящен во священника Тресковского Иов Зырянов из дьячков. В следующем году местный пономарь жаловался, что Зырянов, напившись пьян, требовал «привесть

пономаря к нему в духовный приказ» для объявления, что он не пономарь местный. Святитель написал: «Священнику в пьянстве не храбрствовать и дому своего духовным приказом не называть; аще же впредь бесстудие его Иовлево явится, то будет жестоко наказан; а пономарю быть по прежнему».

Извещенный о том, что в некоторых Иркутских церквах священники не совершают службы в воскресные и праздничные дни, святитель предписал доносить ему каждую неделю о неисправных причтах.

Донесено было, что проживающей у Ивана Шункова лама построил молельню. Шунков наивно сознался в оказании пособия построению кумирни, по той причине, что лама, говорил он, будет молиться своему богу, и у него будут держаться дети. В Нерчинскую городскую канцелярию сообщено: наказать публично суевера Шункова в предостережение других.

Комиссар Засухин потребовал со священника Дмитриева пошлину за баню. Священник сказал, что у него баня церковная, за которую пошлину пусть платят прихожане. Комиссар посадил священника под арест на два дня, и когда священник заметил, что комиссар не вправе распоряжаться священником, а должен сообщить о нем начальству его, тот отвечал с наглою дерзостью, что не хочет знать духовного начальства. Святитель велел сообщить губернской канцелярии, дабы она подтвердила Засухину и другим самовольно не брать священников под арест и о виновных доносить духовному начальству, в полной уверенности, что виновные не будут оставлены без суда, а от дерзких слов насчет духовенства и его начальства удерживаться.

По указу 1723 года часовни были закрыты; но потом дозволено возобновлять их по благословению архипастыря. Священник Григорий Смагин без воли святителя дозволил в 1729 году за рекою Ангарою, в версте от храма, возобновить часовню и нанять к ней в дьячка каторжника, а другую часовню велел восстановить в деревне Евсеевой. Святитель велел самовольного священника «выстегать» и взыскать с него 5 рублей, а часовни упразднить.

Самые теплые заботы святителя обращены были на Монгольскую школу, открытую по указу при Вознесенском монастыре. Она была не устроена при Платковском во всех отношениях. Святитель привел в порядок помещение ее; приказал, чтобы учились в ней и церковнославянскому; вызвал способных учителей, прибавил им жалованье; подвергал штрафу 15 рублей тех духовных, которые не выслали в школу детей

7–15 лет. В школу принимались и дети светских людей. В 1728 году сын поручика Изотова дал подписку в том, что «покамест не изучит Мунгальского языка совершенно, не оставит он школы». В училище было 32 ученика, тогда как и в 1809 году было их не более 70. Святитель сильно заботился и о доставлении школе нужных книг. В 1729 году писал он Лангу: «Благородный господин Лаврентий Лаврентьевич! Мой всегдашний друг! в нынешнем 1729 году февраля 28 дня подал нам Мунгальской школы учитель, некрещеный лама Лапсан, доношение и объявил, что он учит собранных по указу детей в школе Мунгальского языка, а книг у него Мунгальских малое число; а которые есть, и те иные ученики изучили, и уже учить стало не по чему; а есть-де книги за Байкалом у разных лам, без которых во учении Мунгальской грамоты пробыть невозможно. А какие книги и у которых есть лам, приобщил при доношении реестр. Просил, чтобы оные книги указом его величества от лам для переписки были взяты в Иркутскую школу; а когда перепишутся, то паки тем ламам отдадутся. Прошлого 1728 года в июле месяце против словесного объявления учителя Лапсана о книгах посылал я в Иркутскую провинциальную канцелярию промеморию о посылке за море, к кому надлежит, его величества указа для взятия ради переписки тех книг у лам. Сего марта 18 дня ответствовано из канцелярии ко мне, что комиссару Чечеткину в прошлом июле об отобрании тех книг было писано, но от комиссара и поныне ответа не было; а ныне к комиссару Бейтону о том указ послан. Того ради прошу ваше благородие постараться об отобрании книг у лам и присылке к нам в Иркутск для переписки их; а как переписаны будут, то старые тем ламам для возврату к вашему благородию пришлю. А какие книги и у кого именно и которые нужнейшие, тому прилагается при сем моем письме реестр. Надеюся сему от вашего благородия статися скорее, нежели от Бейтона. Марта 29-го 1729 года».

Спустя три месяца Ланг прислал следующие книги: 1. Сунду, в ней 237 листа. 2. Також Сунду, 259 листа. 3. Пайма Мингату, 447 листов. 4. Чингис Ханкиту. 5. Гус Ламайн Туку. 6. Хотола Тедусексен Хан Кабудуна Туку. 7. Одесек Хане.

Все эти книги немедленно были списаны, списки отданы Лапсану для школы под расписку июля 27-го 1730 года, а подлинные отосланы с нарочным для возвращения их ламам.

Содержание Мунгалоцерковной школы стоило святителю немалых забот и огорчений. По указу Синода на школу должны были доставлять хлеб и одежду монастыри Киренский, Посольский и Селенгинсий.

Но Тобольский митрополит Антоний, даже вопреки прежнему распоряжению, запретил Киренскому настоятелю доставлять хлеб на содержание Иркутской школы и велел Киренскому монастырю быть в ведении Тобольской митрополии. Святитель Иннокентий предписывал Нерчинскому монастырю доставлять хлеб на содержание 7 учеников из числа 35, но обитель сгорела. Оставалось святителю содержать Мунгалоцерковную школу из доходов Вознесенского монастыря, который питал и его самого.

По странному недосмотру при определении святителя Иннокентия на Иркутскую епархию не сделано было распоряжения о жалованье. Границы Иркутской епархии также не определены были Синодом; а Тобольский митрополит, по видам экономии своего дома, хотел удерживать даже некоторые округи, бывшие в ведении викария епископа Иркутского. Это было сильным отягощением и для церквей, отдаленных от Тобольска на 1000 и 2000 верст. Святитель Иннокентий представил Синоду о нужде в жалованье и о границах Иркутской епархии, требуемых самою местностью. Донесения о том и другом посланы были в 1728 году с доверенными лицами, по указу Синода. Святейший Синод постановил определение свое августа 29-го 1729 года как о назначении жалованья и о сумме на построение архиерейского дома, так о пределах епархии, в которую включены были, согласно с ходатайством святителя Иннокентия, не только Селенгинский округ, но и округи Якутский и Илимский. Определение это сообщено было Сенату; но пришлось долго ждать Сенатского распоряжения.

Святитель Иннокентий боролся с крайними нуждами. В его руках были средства, данные ему для китайского пути. Но только в 1730 году, когда начался размен товаров в Кяхте, открылась возможность сбыть с рук китайское жалованье; да и тут встретились неприятности. В мае 1730 года святитель писал в Иркутскую провинциальную канцелярию: «прошедшего 1726 июля 10 принял я, по указу блаженной и вечно достойной памяти его императорского величества Петра Великого для пути Китайского из Иркутской провинциальной канцелярии из казны государственной, в жалованье, товаров мягкою рухлядью, в Китайскую руку, в чем в оной канцелярии и расписался; с товаром жалованным и тракт я имел до Селенгинска, где и жил близ года, ожидая себе приема в Китай. Но по указу императрицы Екатерины в Китай мне путь пресечен, а велено выехать в Иркутск. Товар оный с собою вывез для того, что в то время в Угру с мягкою рухлядью для продажи ходить было не повелено. А ныне у Кяхтинской крепостцы мягкой рухляди

торг чинится с Китайскими купцами свободно. Того для желаю я оный товар, мне в жалованье данный, из Иркутска послать для продажи в Кяхту со вкладчиком Вознесенского монастыря Саввою Боковым да с певчим Андреем Поповым. Прошу, чтобы Иркутская провинциальная канцелярия благоволила для продажи в Кяхтинской крепостце на жалованный товар для ведома тамошних командиров Бокову и Попову и о пропуске на Никольской заставе и по пригородам и острогам пожаловать ее императорского величества указ». При этом приложен список жалованных товаров: «Якутских горностаев десять тысяч, Якутской белки три тысячи, четыре рыси, один корсок, двести лисиц белодушек, один мех горностаевый, четыреста песцов». Воевода Измайлов признал товар, как казенное жалованье, не подлежащим таможенной пошлине, и выдал билеты Бокову и Попову. В октябре получено было из Кяхтинской таможни уведомление, что русский товар выменен на китайский. Оставалось обменять последний на деньги. Между тем, Тобольская канцелярия потребовала, дабы, невзирая ни на что, взыскали пошлину за товар. Святитель вынужден был объяснить дело Тобольскому губернатору Плещееву в смиренном письме и формальном отношении. По этим помехам товар русский остался непроданным до самой кончины святителя.

Почти два года прошло, а Сенат не отвечал Синоду на сообщение его о Иркутской епископии. Марта 31-го 1731 года Синод снова сообщал о том Сенату, но и после того Сенат молчал полгода. Наконец, 27 октября 1731 года Синод взошел с докладом к самой императрице. Определение о границах епархии было утверждено. Затем и Сенат поспешил распорядиться о выдаче жалованья Иркутскому епископу и об отпуске суммы на построение архиерейского дома. Но этими плодами забот святителя пришлось пользоваться преемникам святителя Иннокентия, а не ему самому. Тернистым путем недостатков и скорбей святитель приблизился к концу земной жизни[1].

Святитель Иннокентий никогда не отличался крепким здоровьем во время служения в Иркутске[2]. Октябрь и ноябрь месяцы 1731 года он лежал больным и не был в состоянии совершать служение даже для

[1] Иркутские епархиальные ведомости. 1864. № 3–8, 13, 15, 19–22, 33–36.

[2] Архиерейский приказ, предписывая церквам молиться об облегчении страданий больного святителя (от 26 ноября 1731 г.), писал: «его архиерейство Божиим посещением от нескольких лет присещен болезнию, от чего яко в приношении спасительныя за православныя христианы Божественной службы, тако в исправлениях духовных

ожидавших посвящения в диаконы и священники. Во время болезни он благодарил служивших ему; обещал, если выздоровеет, наградить всех из своих рук; особенно заботился он о построении каменного храма в Вознесенской обители на место прежнего деревянного, крайне обветшавшего. Он жалел, что правительство не назначает жалованья ему и дому, из чего первая тысяча рублей давно обещана им на построение каменного храма. Он заповедовал братии, в случае кончины его, позаботиться о храме, тем более, что о собрании средств для него он уже много заботился. Ноября 24-го, чувствуя усиление болезни, приказал он вынуть из кладовой 300 рублей и удовлетворить всех жалованьем, а прочие суммы монастыря при всей братии привесть в точную известность, наложить на мешки печати и надписи о количестве суммы; тогда же велел принесть любимую песцовую шубу и подарил ее наместнику Паисию за его услуги. Ноября 25-го приказал молиться в храмах Иркутска о облегчении страданий его, что и было исполнено. Ноября 27-го, утром, святитель Божий почил мирно, не будучи в летах преклонной старости, но истощенный заботами и скорбями жизни.

По явлениям из загробной жизни, святитель был таков: волосы темнорусые, густые, продолговатые и отчасти кудрявые, лицом смугловат, роста среднего, борода русая.

В 1764 году по случаю производившихся работ под алтарем Тихвинской церкви гроб святителя видели совершенно целым; даже бархат, которым он был обит, не был поврежден сыростью места; когда открыли гроб, святое тело оказалось совершенно нетленным и издавало весьма приятный запах.

При императоре Павле сенаторы Ржевский и Левашов, ревизовавшие Иркутскую губернию, донесли государю о нетленных мощах и чудесах святителя. В 1800 году Синодом предписано было духовным лицам поверить на месте донесение сенаторов. Строгое следствие вполне оправдало все известия их. Затем предписано праздновать во всей России память святителя Иннокентия ноября 26-го дня.

Вот некоторые из чудес святителя:

В 1770 году жена Иркутского регистратора Пелагея Судейкина, две недели страдавшая горячкою, видела видение: ей представлялось, что она в Тихвинской церкви, и святитель в алтаре совершает утреню.

имеет остановку. Но оная болезнь иногда и умалилась. А ныне чрез трехнедельное время вящше преумножилась».

Она просила благословить ее, и он вышел из алтаря, благословил, потом выслал ей с ангеловидным юношею часть артоса; она вкусила артос и почувствовала себя здоровою. Затем пожелала она отблагодарить целителя, но, не зная, как призывать его, спросила: какую читать молитву ему? Святитель, остановив служение свое, вышел к ней и развернул пред нею свиток, где Пелагея прочитала: «Милостивый мой наставниче, благоутробия сокровище, правоверия учителю, архиереев похвала, беспомощных заступниче, отче наш иерарше, моли Бога о нас». Пробудившаяся Пелагея почувствовала себя совершенно здоровою и тотчас встала.

Якутский купец Павел Сергеевич Лебедев переломил себе ногу и уже не чаял быть живым. В ночь (3-го января 1785 г.) вошел к нему в спальню святитель с жезлом и сказал: «Проси помощи у Иннокентия, что в Иркутске». Купец проснулся, но, не дав значения видению, опять заснул. Опять является святитель и, упрекая в неверии, ударяет жезлом в пол. Больной, пробудившись, видит на полу знак удара и начинает верить. Пред утром в третий раз видит святителя и уже получает облегчение болей, прежнюю ломоту в ноге заменяет зуд. Поутру он уже мог ходить без костыля и поспешил отправиться к гробу святителя.

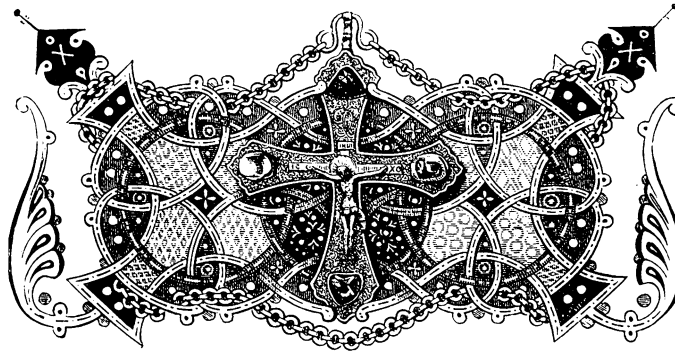
В 1786 году протоиерей Иаков Загоскин, долго страдавший глазною болезнью и, наконец, почти совсем лишившийся зрения, призывал святителя на помощь себе. Сидя в креслах, он забылся в легкой дремоте, и внезапно явился ему святитель Иннокентий в полном облачении, в каком почивает во гробе; положил на голову его руку и приказал призывать имя его чаще. Спустя немного прояснилась слепому комната, а потом и ясно стал видеть все.

У Иркутской мещанки все тело покрыто было ранами, и она не двигалась шесть лет. В легкой дремоте видит она старца в белом одеянии, с русыми волосами и проседью в бороде, среднего роста. Он сказал ей, что «пришел исцелить ее», и подал питье, которое показалось ей на вкус приятным; вслед за тем она уже могла положить на себя крестное знамение, чего два года не могла делать, и даже встала с постели и перешла в другой покой. Явившийся был точно такой, каким представлялся святитель на виденной ею иконе его.

Одна слабоумная, завезенная в Иркутск из Екатеринбурга, находясь в тяжкой болезни, просила денег у своих благодетелей, в доме которых жила. «На что тебе они?» — спрашивали ее. «Надобно, — говорила она, — идти за реку, ставить свечи там, где живут одетые

в черное платье и погребен старец». Слабоумная переплыла быстро Ангару и заставила нищую указать ей дорогу в обитель Вознесенскую. Здесь усердно молилась она в продолжение всей Литургии пред иконою Богоматери и часто подходила к окну подалтарной палатки, где была гробница святителя. Спустя два дня она не только исцелилась от болезни, но и стала с полным здравым рассудком. Она рассказала теперь, кто она и откуда. Прежде же никто не знал того; сказала и о том, что ей во сне явился святитель, велел исповедаться и приобщиться Святых Таин, прибавив, что скоро, в такой-то день, она умрет. Действительно, в назначенный святителем день она умерла. Это происшествие было в 1796 году[1].

[1] Ркп. описание чудес свт. Иннокентия. Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 7; 1864. № 48.



День двадцать седьмой

† ПАМЯТЬ преподобного ДИОДОРА ЮРЬЕГОРСКОГО

В 25 верстах от Олонца к северу, при озере Юрьеве и на горе того же имени, в самом начале XVII столетия поселился отшельник Диодор и построил обитель с храмом Святой Троицы. В те времена немало являлось желающих заводить новые обители; но Диодор был не из числа многих[1]. Уроженец Турчасовского прихода, Диомид, на девятнадцатом году жизни отправясь в Соловецкий монастырь для молитвы, остался здесь жить и, по испытанию в послушании, пострижен в иночество игуменом Антонием; настоятель поручил его в надзор духовному иноку, иеромонаху Иосифу Новгородцу. Похоронив отца своего, скончавшегося иноком на Соловках, Диодор пожелал видеть Соловецких отшельников, о которых говорил ему Иосиф. Он ушел на пустынный остров, не взяв с собою ни пищи, ни питья; ходя 40 суток по острову, он изнемог до крайности; некоторые из братьев нашли его под деревом едва живым; они принесли его на монастырское подворье и призвали духовника. После исповеди, укрепившись пищею, ревни-

[1] В ркп. «Житие и подвиги прп. Диодора»: «новоявленнаго чудотворца, составльшаго пречестный монастырь Живоначальной Троицы, нарицаемыя Юрьевы горы».

тель отшельнической жизни поселился на пустынном острове при двух найденных им отшельниках. Отселе ходил он беседовать и с другими отшельниками, каковы были: старец Ефрем, Никифор белец, Алексей Калужанин, Иоасаф, Тихон Москвич, Феодор Рязанец, Трифон, Иоасаф, Севастьян и другие. Пустынник Тихон, по настоятельной просьбе его, рассказал о себе, что он ушел из Алексина во время расстриги, оставив все свое, и, переплыв на утлой лодке море, после трехлетней борьбы живет покойно. Никифор, встреченный без всякой одежды, поспешил скрыться и только сказал: «Посещай, посещай, Диодор, чтоб и самому иметь от Бога утешение». Диодор усердно посещал пустынников, доставляя им необходимое для жизни. Впоследствии братья обители стали роптать на то и говорили: «Хлеб обители тратится на тех, которые не трудятся для обители». Особенно же когда ушел в отшельничество больничный келарь Кирик, лучше которого никто не ходил за больными, братья сильно возмутились, и игумен Иринарх вынужден был принять меры против страсти к отшельничеству. Он послал «братию, стрельцов и рабочих» на острова с тем, чтобы они возвратили отшельников в монастырь; тогда Диодор заключен был в оковы, в больнице, и к нему приставлена была стража. Спустя три месяца он снова ушел на остров и прожил здесь полгода. Брат его, живший также в Соловецком монастыре, отыскал его, но в самом жалком положении, расслабевшим от борьбы с нечистыми духами. Диодор решился теперь расстаться с Соловками и удалился на Онегу. Невдали от Кеноозера, в пустынном лесу, избрал он себе место для пребывания и начал подвизаться. Но соседние жители вынудили его уйти отселе. Ему понравилась Юрьева гора, над озером Водлом; здесь водрузил он крест, поставил келлию и начал подвизаться в молитве; сюда вскоре пришел к нему Прохор, и они 7 лет провели отшельниками. После того Диодор решился основать здесь обитель Святой Троицы и отправился в Москву; при посредстве келаря Сергиевой лавры Александра Боголепа получив доступ к царице, старице Марфе Ивановне, получил он от нее разную утварь и 200 рублей денег; царь Михаил дал старцу грамоту; от других благотворителей получено им 300 рублей. Так были построены храм и обитель. Храм пришлось поставить на том месте, где было когда-то кладбище идолопоклонников, что не обошлось без привидений. Скоро собралось довольное число братий и построен был еще храм Богоматери с приделом в честь Соловецких чудотворцев. Хлебопашества своего еще не было у обители,

а место было вдали от поселений. Оттого случилась нужда в хлебе. Поднялся ропот на старца: деньги, говорили, истратил на храм, а питаться нечем. «Потерпите», — отвечал старец и сам стал на молитву. Ему явился светлый старец. «Кто ты?» — спросил Диодор. «Я Александр Ошевенский, — сказал явившийся, — не скорби, а утверждай братию; пропитал же Господь народ Израильский в пустыне, а вас немного; будет время, что здесь соберется множество братии; теперь же скажи братии, чтобы ловили рыбу в озере». Старец не с первого раза поверил явившемуся, опасаясь обольщения: три раза являлся ему небожитель и только тогда, как явившийся прочел молитвы, Диодор выслушал его доверчиво. Братья столько наловили рыбы, что, оставив себе нужное, продали на 60 рублей и купили хлеба. В другой раз избавились от голода тем, что нечаянно нашли в лесу черную куницу и продали ее за 8 рублей. В монастырь прислан был патриархом инок Феодосий, человек беспокойный. Раз так озлобился он на старца, наставлявшего его добру, что хотел убить его. Он завел преподобного в лес под каким-то предлогом, жестоко избил его до того, что бросил под деревом, считая его умершим. Когда старец, придя в себя, добрел кое-как до кельи, Феодосий испугался и бросился в ноги настоятелю, прося простить его. «Бог да простит тебя, чадо, это не твое дело, а дело врага», — отвечал незлобивый старец и не сказал тогда никому о случившемся. Феодосий и тогда не переменился. Он начал возмущать братию против настоятеля и уговорил некоторых удалиться из обители: 17 человек убежали с Феодосием из обители, похитив, что только могли, из собственности обители. Диодор благодарил Бога, что избавил обитель от смут и тревог. Много и других скорбей пришлось видеть Диодору; но он переносил терпеливо. Большая часть времени его проходила в уединенной молитве. Приблизился и конец жизни его. Собираясь ехать в Каргополь по нуждам обители, преподобный собрал братию и убеждал проводить жизнь иноческую и не слушаться людей подобных Феодосию, а старцу Прохору сказал: «уже нам с тобой здесь не видаться; если Богу угодно, увидимся в будущем веке». И точно, прибыв в Каргополь, он заболел здесь, приобщился Святых Таин и мирно скончался 27 ноября 1633 года. Он погребен был здесь под церковью; но ученик его Прохор спустя два года перевез нетленное его тело в обитель, где оно было похоронено на южной стороне храма Святой Троицы. После него найдено было духовное завещание его, где строго заповедал он братии отнюдь не держать в обители ничего

хмельного. В рукописных святцах преподобный Диодор называется чудотворцем. Мощи его почивают под спудом в храме обители его, обращенном в приходский Янгорский[1].

ВОСПОМИНАНИЕ ЗНАМЕНИЯ И ЧУДА ОТ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ В НОВГОРОДЕ

Знамение от иконы Пресвятой Богородицы в Новгороде было в 1170 году. Суздальский князь Андрей Боголюбский, замыслив образовать на севере Руси северную державу, соединился с князьями Смоленским, Рязанским, Муромским, Полоцким, Переяславским и Ростовским и хотел одним ударом сразить силу новгородцев. «В то время, — говорит летопись, — Двиняне не хотяху дати дани Новгороду, но предашася великому князю Андрею Юрьевичу, в Суздале тогда державствующему. Новгородцы отправили на Двину отряд требовать законной дани. То слышав, Андрей посла на них полк свой, который Новгородцы разбили на Беле озере». Тогда Андрей разгневался на новгородцев и начал собирать новые и многие полки против них: «мало не вся земля Русская совокупися, единых бо князей тогда бяше 72». Но сам разболелся и вместо себя послал сына своего Мстислава. «Приидоша в Новгородскую землю и много зла сотвориша». 25 февраля соединенные войска окружили город и начались кровопролитные приступы. Новгородцы, видя сильную рать осаждающих и изнемогая от брани, были в великом страхе и уповали только на Господа, Пресвятую Его Матерь и на молитвы своего архипастыря Иоанна (в иночестве Илии). Днем и ночью отверсты были храмы, исполненные народа, слезно молившегося о спасении града. Неусыпно бодрствовал с ними в молитве и пастырь, ограждая их молитвами своими паче крепких стен. В третью

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI. Ркп. святцы: «прп. Диодор Юрьевского монастыря начальник преставися в лето 7142 месяца ноября в 27 день». В ркп. есть тропарь прп. Диодору.

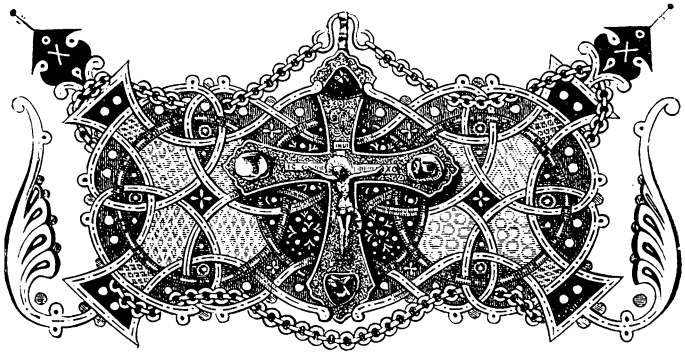
уже ночь, когда он, по обычаю своему, стоял на молитве пред иконою Всемилостивого Спаса и со слезами вопиял ко Владыке о избавлении града, внезапно услышал глас от иконы: «Иди в церковь Господа нашего Иисуса Христа, что на Ильинской улице, и вознеси оттуда икону Владычицы на градские стены, и тотчас узришь спасение своему граду». Исполненный великой радости, он всю ночь провел без сна. Поутру созвал весь собор священнослужителей, объявил им о бывшем ему гласе откровения: народ прославил Бога и Пречистую Его Матерь и ободрился, как бы получил сильную помощь. Архиепископ послал вместе с клиром своего протодиакона и велел принести в собор икону Богоматери, сам же начал соборне совершать молебное пение; но посланные возвратились с вестью, что при всех усилиях никак не могли двинуть с места икону. Тогда пошел сам святитель со всем собором и, вошедши в церковь, пал пред иконою Владычицы и молился: «О, Премилостивая Владычица, Богородице Дево, Ты упование и заступница граду нашему, покров и прибежище всем христианам; молися Сыну Твоему и Богу нашему за град наш и не предаждь нас врагам нашим, грех ради наших; но услыши плач и воздыхание людей Твоих и пощади нас, как и Ниневитяне древле пощажены были, покаяния ради». Поднявшись от земли, начал он совершать молебное пение и, когда клир возгласил: «Предстательство христиан непостыдное», внезапно, сама собою, подвиглась икона Богоматери; народ, видя чудо, единодушно возгласил: «Господи, помилуй!»

Архиепископ, приняв на руки святую икону, облобызал ее и с молебным пением соборно понес в сопровождении народа на стену градскую и там поставил напротив нападавших. Был уже час шестой дня; враги сильнее налегали на город и пустили тьму стрел на городские стены. Внезапно святая икона отвратила священный лик свой от нападавших и обратилась к городу как бы в знамение великого милосердия Владычицы к бедствующим. Святитель же, воззрев на Божественный лик, увидел слезы, истекающие из милосердных очей Владычицы; он принял на свою фелонь сии драгоценные капли и воскликнул: «О, чудо славное! как из сухого дерева источает слезы Царица Небесная, являя нам знамение слезной Своей молитвы к Сыну Своему и Богу нашему о избавлении града!» Внезапный ужас напал на сопротивных, и тьма их покрыла, гнев Божий смутил их; они взаимно поражали друг друга. Видя их смятение, граждане отворили врата, устремились на врагов и победили полки их, помощью Пресвятой Богородицы. В память этого

события святитель Илия установил в 27 день ноября праздник Знамения Божией Матери в Великом Новгороде и назвал днем избавления Новгорода и днем наказания ратующих против единоверных. Вся Россия приняла этот праздник.

Чудотворная икона 186 лет после явления знамения находилась в Спасо-Преображенской церкви на Ильиной улице. В 1356 году для чудотворной иконы Знамения Богородицы в Новгороде был построен особый храм, который доселе называется собором Знамения Богородицы.

Пахомий Логофет, иеромонах, родом сербянин, пришедший в Россию из Афонской горы в Новгород, в 1460 году, по желанию Ионы, архиепископа Новгородского, написал два канона на праздник Знамения, из коих один напечатан в службе Богоматери.



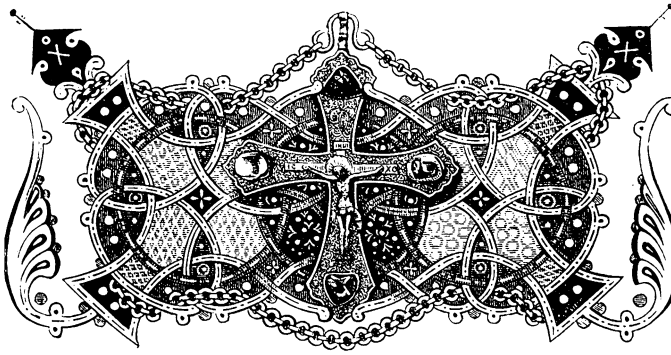
День двадцать восьмой

† СТРАДАНИЕ святого ХРИ́СТА

Блаженный Христ[1], албанский серб, сорока лет поселился в Константинополе и занялся садоводством. Раз при продаже партии яблок турку завязался у него спор с турком; от спора дошло дело и до ссоры. Озлившийся турок решился отомстить Хри́сту по-своему: он донес Чауш-баше, будто Христ дал слово потурчиться; для подобных случаев у турка всегда готовы свидетели, а у магометанина судьи готовность доверять им, и турок представил их, как и Хри́ста, оберегателю государственных секретов. На допрос Чауш-баши Христ смело отвечал, что он никогда не думал и не думает переменять Христианской веры на магометанство и что никто не принудит его изменить своей совести. Чауш-баша приказал наказать его палками. Для фанатиков магометанской лжи этого было мало. Они били связанного исповедника по голове, пока не потекла кровь ручьями, вынуждая его отказаться от христианства. Наконец, с тяжелою колодою на ногах заключили его в тюрьму. В темнице сидел тогда же Кесарий Дапан. Из сострадания он тайно высвободил Хри́ста из колоды и предложил ему подкрепиться пищею. «К чему мне пища? — отвечал страда-

[1] О нем см.: *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке.

лец. — Близка смерть; лучше я с алчбою явлюсь к Христу моему». Затем вынул он из пояса сверток денег и, передавая Дапану, просил отслужить за него после смерти несколько Литургий. В тот же день мученика вывели из темницы и обезглавили. Это было в 1748 году.



День двадцать девятый

† ПАМЯТЬ преподобного НЕКТАРИЯ ПЕЧЕРСКОГО

«Преподобный старец Нектарий, отличавшийся послушанием», так показывается нетленный Нектарий у Кальнофойского. По этому описанию преимущественною добродетелью преподобного Нектария было беспрекословное послушание, и им-то достиг он блаженства. Мощи его открыто почивают в Антониевой пещере[1]. Люди мира не хотят слышать о послушании: им дорога́ свобода безграничная. Как, казалось бы, не видеть необходимости послушания? В природе каждое звено ее сцеплено с другим и все держится повиновением низшего высшему. Владыка миров правит миром человеческим при посредстве мира ангельского, а мир вещественный отдан в распоряжение человека. Возможен ли порядок в семье, в общине, в городе, в государстве, если не будет послушания? Свобода, говорят, — неприкосновенная святыня! Но какая свобода? Истинная свобода состоит в повиновении святой воле Божией; другая же свобода — унижение человеку, безмыслие и нечестие. «*Послушание лучше жертвы.* Непокорным быть то же, что творить грех волхвования,

[1] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры. Ркп. святцы: «прпп. отцы Нектарий и Елладий».

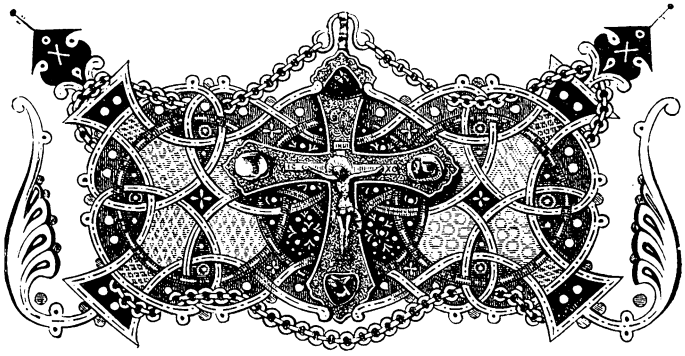
и непослушным быть то же, что совершать нечестие идолопоклонства» (см.: 1 Цар. 15, 22, 23). Таково учение откровения Божия!

«Нектарий послушливый и единонравный ему Сергий! как преклонившие душу свою под иго послушания Христова, молитвою вашею преклоните непокорство наше под ярмо послушания Иисусова, дабы усердно исполняли мы повеления Христовы»[1].

Святого священномученика АВИВА, епископа Некресского в Кахетии

Авив, один из 13-ти отцов Сирских (воспоминаемых 7-го мая), живший в VI столетии, во время епископства своего в городе Некреси ревностно противодействовал покорившим Кахетию персам, которые преследовали Христианскую веру, отвращали христиан от поклонения Истинному Богу и распространяли везде свои капища. Святитель же неустрашимо, с крестом в руках ходил по городам и селам своей епархии, истреблял суеверие, тушил алтари, возжженные огнепоклонниками, и проповедью и чудесами отвлекал народ от огнеслужения и возвращал отпавших снова в недра Церкви Христовой. За это был схвачен по распоряжению знатных персов, предан бичеванию и пыткам, заключен в темницу и оттуда представлен сатрапу персидскому в город Рехи, который, выслушав твердое исповедание им Бога Христа, снова предал Авива истязаниям и осудил его на побиение камнями. Так и принял радостно мученическую кончину верный Богу святитель. Хотя останки его и были выброшены мучителями за город на съедение зверям, но ни птицы, ни звери не коснулись их, и после нескольких дней иноки Самтаврийского монастыря тайно унесли их и с честью похоронили у себя. Отсюда при правителе Стефане (639–663) были перенесены мощи святого Авива в Мцхетский Самтаврский собор и положены под святым престолом, где покоятся под спудом и в настоящее время.

[1] *Мелетий Сириг*. Канон молебный ко всем святым печерским киевским российским чудотворцам // Следованная Псалтирь. Киев, 1643.

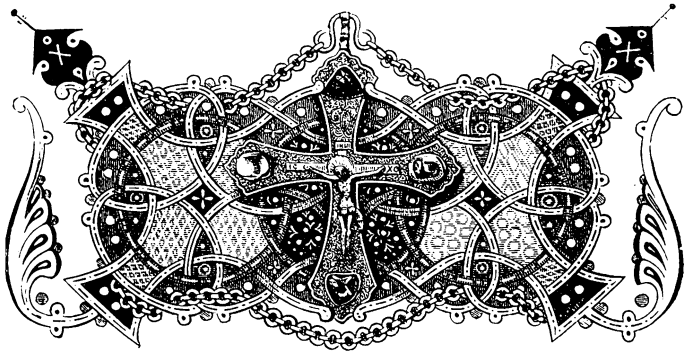


День тридцатый

Святого ФРУМЕНТИЯ, просветителя Ефиопии

У Тирского купца Меропия был племянник Фрументий, которого он, по любознательности и по торговым делам отправившись в страны, прилегающие к Красному морю, взял с собою, также как и брата его, Едесия. Меропий, пристав к берегам Абиссинии, убит вместе с другими от местных жителей († около 340 г.), а Фрументий и Едесий, оставленные в живых, представлены ефиопскому царю в Авксум. Царь поручил им важные при себе должности (казначея и письмоводителя), а по смерти царя около 342 года вдова его убедила братьев заниматься делами правления до совершеннолетия наследника.

Христианская вера тогда известна была в Абиссинии только чрез торговцев из Римской империи, для коих Фрументий и выстроил церковь в Авксуме. Когда Чагем царь достиг совершеннолетия, то оба брата были отпущены в отечество. Едесий отправился в Тир и был там священником, а Фрументий прибыл в Александрию известить епископа о положении тамошних христиан и нужде благовестников для тамошней страны. Афанасий Великий, по надлежащем приготовлении, посвятил самого Фрументия в епископы около 353 года. С помощью взятых из Египта священников он обратил в христианство двух, вместе царствовавших после бездетного Чагема († около 351 г.), царей Елазана́ и Сазана́ и насадил святую веру между туземцами, положив начало переводу Священного Писания и Богослужебных книг на абиссинский язык. Посему справедливо называется Апостолом Ефиопии. Скончался около 370 года.



ПРИЛОЖЕНИЕ

15-ГО ЧИСЛА
Преподобный ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

Преподобный Паисий(в миру Петр Величковский. — *Прим. ред.*) родился в городе Полтава 21 декабря 1722 года. Отцовская линия Петра была духовного сословия — брат, отец, дед и прадед были священниками. Четырех лет от роду мальчик лишился отца. Попечителем и воспитателем Петра стала его мать Ирина. Грамоте отрок был обучен по Псалтири и после этого по желанию матери и прихода Успенской церкви на тринадцатом году был отдан на учение в Киевскую духовную академию. Здесь, в академии, Петр впервые стал тянуться душой к монашескому житию; мудрым наставником в этом его стремлении был иеросхимонах Братского Богоявленского монастыря Пахомий, открывший в душе своего воспитанника чувство благоговения перед Словом Божиим.

Когда Петру исполнилось семнадцать лет, он пожелал удалиться в монастырь и там постричься в монахи.

По благословению своего духовника Петр отправился в Любечский монастырь, основанный преподобным Антонием Печерским. Чадолюбивый игумен Никифор принял юношу и благословил его келарствовать. Один из иноков обители иеромонах Иоаким, увидев

большую любовь Петра к святоотеческим творениям, предложил юноше «Лествицу» Иоанна, игумена Синайского. Послушанием инока стала теперь работа по переписыванию «Лествицы».

Вскоре в Любечском монастыре произошли перемены. Прежнего игумена сменил новый, который настоятельствовал «не по подобию прежнего игумена, но — властительски». Однажды Петр, со страху не выяснив, о какой пище просил его настоятель, досадил последнему своею непонятливостью, за что и был с гневом выгнан.

Вскоре он пришел к обители святителя Николая в Медведовский монастырь на реке Тясмин. Здесь в день Преображения Господня в 1741 году Петр был пострижен в рясофор с именем Платон.

Недолго пришлось подвизаться здесь иноку Платону, ибо униаты воздвигли гонение на православие и монастырь был закрыт. Инок Платон с немногими ушел в Киевскую лавру, где и нашел приют.

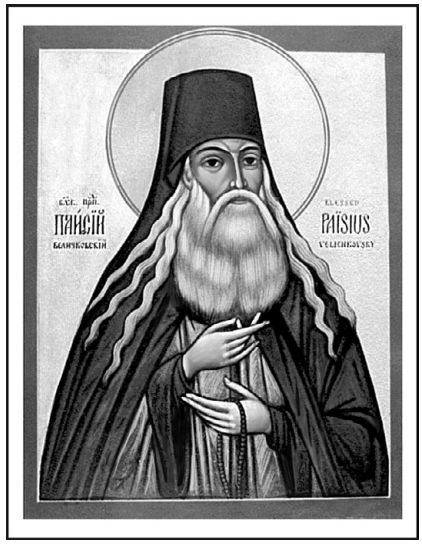
Через некоторое время появившийся в Лавре друг по академии Алексий вновь пробудил в нем жажду пустынничества и странствия, напомнив об их обете юности — не жить в обителях телесного довольствия и достатка.

На этот раз инок Платон отправился в Валахию. Пройдя путь странствий через келлии и пещеры подвижников, он наконец пришел в Трейстенский Свято-Никольский скит, окормлявшийся известным старцем Василием Поляномерульским. Здесь послушанием Платона было стеречь монастырский виноград.

В скором времени Платон вновь решил отправиться в путь; на этот раз он идет в горный скит Кырнул во имя святого Архистратига Михаила. Здесь с благословения старца Михаила Трейстенского и начальника Кырнульского скита, иеромонаха Феодосия, началось пустынножительство отца Платона, который «седе в келлии своей радуяся и со слезами славя Бога, обучаяся монашескому безмолвию — матери покаяния и молитвы».

Наконец, инок Платон оставляет и это место, отправляясь в новое странствие, — на сей раз на гору Афон. Это было последнее путешествие, которое преподобный совершил по своему желанию; все последующие его хождения были вынужденными оставлениями монастырей. До Афона отец Платон поселялся в пустынях, а после Афона — в общежитиях.

Добрался Платон до Святой Горы со многими трудностями, и спустя четыре дня по прибытии на Афон отец Платон остался



Преподобный
ПАИСИЙ
ВЕЛИЧКОВСКИЙ

один — спутник его иеромонах Трифон, заболев, скончался. Многие места Святой Горы обошел инок Платон, ища старцев, сильных в подвиге и в знании святоотеческих писаний, и, не найдя таковых, вселился один в пустыню, пробыв в этом подвиге сорок месяцев. «Кто же может исповедати его подвиги, егда пребываше един с Единым Богом, сущу ему в разженном Богорачении». В 1750 году на Афон явился отец молдавских пустынников и старцев Василий Поляномерульский. Найдя Платона и пробеседовав с ним несколько дней и ночей, по просьбам пустынника облачил его в мантию с переменой имени на Паисий.

Спустя некоторое время монах Виссарион пришел к старцу Паисию, прося оставить его жить при себе в послушании. Старец, знающий на опыте своем такую же жажду, предложил Виссариону жить вместе и творить равно для обоих все подвиги, телесные и духовные.

Преподобный Паисий учил, что истинным наставником в деле спасения души может быть только тот, который сам понуждает себя творить все заповеди Господни, по слову Писания: «Иже сотворит и научит, сей велий наречется». «Какого бо инаго наставити на путь может, имже сам не хождаше?»

Соблюдение заповедей Господних и научение всему тому ближних — таков образ святости, достигнутый старцем Паисием.

Старец Паисий не считал себя достойным учительствовать, поэтому согласился принять Виссариона только в качестве друга, но не ученика, чтобы обоим вместо отца и наставника иметь учение святых и богоносных Отцов Церкви. С таким условием принимал святой Паисий и других братьев, посему возникло среди его братства стремление собирать писания святых отцов, традиция книжности.

Это было необычно для афонских монастырей того времени: большинство монахов книг не имело, а о святых писателях даже и не слышало. Вот почему каждая находка древней книги была поводом для большой радости преподобного Паисия.

Вскоре число братии выросло до двенадцати, и назрела необходимость в священнике и духовнике, поэтому не только собратия, но и другие афонские подвижники стали умолять Паисия принять священный сан. В 1758 году отец Паисий был рукоположен в иеромонаха.

Братия с благословения патриарха цареградского Серафима переселились в Илиинский скит монастыря Пантократор. Этот скит стал по примеру других национальных на Афоне монастырей обителью

малороссов. Здесь находили упокоение выходцы из Запорожской Сечи и других мест Украины.

В Илиинской обители было установлено общежитие, которое по примеру святых отцов преподобный Паисий уподоблял Страстям Господним, или Земному Небу, посреди которого насаждено Богом древо жизни — треблаженное послушание.

Афонское пустыннообщежительное пребывание преподобного Паисия длилось семнадцать лет. В это время на Афоне начались притеснения христиан со стороны мусульман, и по причине этого старец оставил Святую Гору и возвратился в Молдавию. Там нашелся пустующий Драгомирнский монастырь Святого Духа, куда с позволения господаря Григория и благословения митрополита Ясского Гавриила вселился старец Паисий с братией. Молдо-Влахия тех времен была прибежищем монашествующих со всех окрестных стран — это время закрытия монастырей в России (введение штатов) и униато-католического наступления на православных юго-западных славян. За три года число Драгомирнской братии утроилось. Устроитель братства отец Паисий написал и ввел устав по чину святителя Василия Великого, святого Феодосия Великого, святого Феодора Студита и Афонской горы. Основные идеи этого устава: нестяжательность, отсечение воли и послушание, умная молитва и чтение книг, непрестанное рукоделие и бытовое благочиние. С наступлением долгих зимних вечеров до Лазаревой субботы после вечерни старец Паисий собирал вокруг себя всю братию, попеременно славян и молдаван, и читал поучения святых отцов — Василия Великого, «Лествицу», авву Дорофея, Симеона Нового Богослова и других.

В этом же монастыре преподобный принял схиму без перемены имени.

Паисиевские труды по переводу и переписке расцвели здесь во всей красе; монахи, владевшие различными языками, трудились по распространению святоотеческих творений и составляли славянский свод Добротолюбия.

Земля, на которой помещался Драгомирнский монастырь, после русско-турецкой войны (1774) отошла к католической Австрии; авва Паисий, не видя возможности духовного мира Восточной Церкви в новом государстве, решил уйти и увести за собой всю братию — 350 человек.

Молдавский господарь Григорий Гика и митрополит Гавриил предоставили им уединенный в горах бедный Секульский монастырь Усекновения главы Иоанна Предтечи.

Житие в Секуле было по образу Драгомирнскому, но братия умножилась, переполняя все кельи и строения, поэтому преподобный отец обратился к господарю Константину Мурузу о помощи в строительстве келий. К изумлению старца, Константин повелел переселиться братии в богатейший Нямецкий монастырь. Старец стал было просить господаря не переводить его мирное братство в многолюдный монастырь, часто посещаемый мирянами; Константин же на все мольбы ответил: «Сотвори послушание, иди в Нямец, ничтоже рассуждая».

Войдя накануне Успения в 1779 году в соборную церковь Нямецкого монастыря с пением «Достойно есть», братия поклонились святым иконам, старец же, подойдя к иконе Пресвятой Богородицы, вручил себя и братию покрову и окормлению Божией Матери.

В Нямце житие было устроено отцом Паисием по образу Драгомирны и Секула: общежитие, умная молитва, переписка и чтение святоотеческих книг, ежедневное (утром и вечером) исповедание помыслов духовникам. Паства преподобного умножилась — в Нямецком монастыре были иноки более чем десяти национальностей, и число их к 1790 годам возросло до тысячи человек. В то время это была самая многолюдная обитель Восточной Православной Церкви. В 1790 авва Паисий был возведен в сан архимандрита.

На протяжении всего времени старческих подвигов в молдавских монастырях авва Паисий учил братию умной молитве, продолжая единую линию отцов Добротолюбия, святого Григория Синаита, святителя Григория Паламы и преподобного Нила Сорского.

Отец Паисий приводит многочисленные доказательства и свидетельства святоотеческого почитания умной молитвы «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», которая есть и моление, и исповедание веры, и само спасение. Всяким видам христианской молитвы старец находит место и значение по их достоинствам и благоплодию: «Умно-сердечная молитва — для преуспевающих, для средних — пение, т. е. обычные церковные песнопения, и для новоначальных — послушание и труд».

Многотрудная жизнь старца подходила к своему земному концу. Поболев пред кончиной и преподав чрез Софрония — духовника славянской братии — и Сильвестра — духовника молдавской братии — благословение всем, с кем был связан духовными узами подвижничества, он с миром преставился в 1794 году 15 ноября, прожив 72 года. Погребен преподобный Паисий в Нямецком монастыре в соборном храме Вознесения Господня, у южной стены.

Житие и деяния старца Паисия сказались на духовной истории сотни российских монастырей. Известные пустыни: Софрониевская, Глинская, а в особенности Оптина, — определявшие духовное возрождение русского народа в XIX веке, были продолжательницами духовного наследия старца Паисия. Преподобные старцы оптинские: Моисей, Леонид, Макарий и Амвросий — явились учениками и продолжателями того дела, которому так много послужил знаменитый архимандрит Нямца и Секула — преподобный Паисий.

Преподобный Паисий был канонизирован на Освященном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году за святую, подвижническую жизнь как молитвенник, совершатель и учитель умной Иисусовой молитвы, как восстановитель в русском монашестве спасительного подвига старчества, как духовный писатель, оставивший в своих трудах назидательный пример для восхождения чад церковных по пути духовного совершенства. Память преподобному совершается 15 ноября.

19-ГО ЧИСЛА
Святитель
ФИЛАРЕТ,
митрополит Московский

Святитель Московский Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) родился 26 декабря 1782 года в городе Коломне. Отец и мать святителя происходили из потомственного духовенства. 20 декабря 1791 года будущий святитель был зачислен в Коломенскую семинарию. Редкие природные дарования соединялись у него с отменным усердием. Вскоре, в связи с переводом Коломенской семинарии в Тулу, юноша, исполняя волю отца, направился в лаврскую школу в обители преподобного Сергия. Переселение в Лавру наполнило его душу несказанной радостью.

В начале 1802 года Василий был назначен старшим над семинарской больницей. Ухаживая за больными, он учился сострадательной любви к ближним, познавал немощь и тленность телесной природы человека, его душа навыкала постоянно памятовать о смерти.

В апреле того же года на него было возложено новое послушание — проповедование в Трапезной церкви преподобного Сергия.

На талантливого студента обратил внимание митрополит Московский Платон (Левшин, † 1812 г.), в ту пору проводивший большую часть времени поблизости от Лавры — в Вифанском скиту.

По окончании курса в августе 1806 года будущий святитель был назначен на вакансию учителя поэзии.

Тогда же митрополит Платон поставил его лаврским проповедником. Сам знаменитый проповедник, он признавал превосходство гомилетического дара своего любимца над его собственным. «Я пишу по-человечески, — говорил великодушный архипастырь, — а он пишет по-ангельски».

Поглощенность преподавательским и проповедническим послушанием не приглушала молитвенности юного учителя. Мир тяготил его.

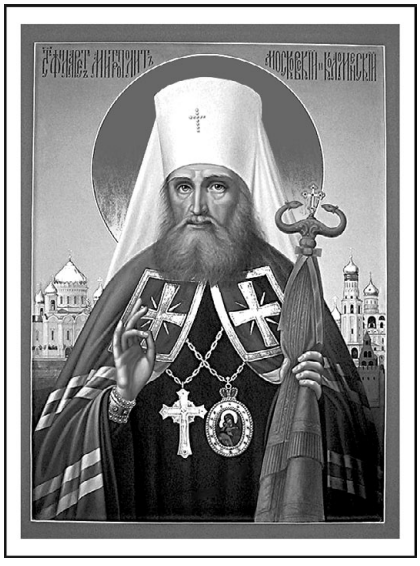
16 ноября 1808 года будущий святитель принял постриг с наречением имени в честь святого Филарета Милостивого. Через пять дней митрополит Платон рукоположил его в сан иеродиакона.

Новопостриженный иеродиакон всю жизнь собирался провести в Лавре Живоначальной Троицы. Но в связи с преобразованием духовных школ Комиссия духовных училищ затребовала в северную столицу самых способных преподавателей из разных учебных заведений. Из Троицкой семинарии вызван был иеродиакон Филарет.

В Петербурге открывалась новая, реформированная академия. Старая же академия была обращена в семинарию. Ее инспектором и бакалавром философского класса назначили отца Филарета. В феврале 1810 года иеромонаха Филарета перевели из семинарии и училища в преобразованную Петербургскую академию бакалавром богословских наук с преподаванием заодно и церковной истории. С 1810 по 1817 годы он разработал почти полный курс богословских и церковно-исторических наук, читавшихся в академии. Святитель Филарет первым в Петербургской академии начал читать лекции на русском языке.

В Петербурге иеромонах Филарет много проповедовал. Его проповеди обратили на себя внимание столицы; о нем заговорили в придворных кругах как о новом ярком светиле.

11 марта 1812 года Синод назначил его ректором академии и профессором богословских наук; и вскоре после этого он был определен настоятелем древней обители — Новгородского Юрьева монастыря. В 1812 году на Россию обрушились бедствия Наполеоновского



Святитель
ФИЛАРЕТ,
митрополит Московский

нашествия. Вместе со всем духовенством архимандрит Филарет жертвовал из своего жалования на военные нужды. Через три года после окончания Отечественной войны архимандрит Филарет по поручению Синода составил благодарственное молебствие о спасении Отечества, которое стало совершаться ежегодно в день Рождества Христова.

Духовное состояние русского общества в александровскую эпоху было тревожным. С одной стороны, бедствия, пережитые Россией в Отечественную войну, углубили религиозные настроения. Но с другой стороны, в своих духовных исканиях люди, отставшие от основных начал русской жизни, нередко обращались не к вере своих предков, а к книгам западных богословов и мистиков.

Архимандрит Филарет видел заблуждения своих современников, но не верил в пользу и надежность суровых запретительных мер, не торопился вязать и осуждать. От заблуждения он всегда отличал человека заблуждающегося, и с доброжелательством относился он ко всякому искреннему движению человеческой души. В самих мистических мечтаниях он чувствовал подлинную духовную жажду, духовное беспокойство, которое потому только толкало на незаконные пути, что «недовольно был устроен путь законный...»

Вот почему он принял горячее участие в деле перевода Библии на русский язык. Ответственность за перевод Библии была возложена Синодом на Комиссию духовных училищ, и персонально на архимандрита Филарета. Святитель сам подобрал переводчиков. На себя он взял перевод святого Евангелия от Иоанна. Им были составлены и «Правила» для перевода. В 1819 году перевод Четвероевангелия был завершен и напечатан. Но на этом труды святителя по переводу Священного Писания не закончились. Он был глубоко убежден в том, что перевод нужен для утоления «глада слышания слова Божия». Но он хорошо понимал и то, что утолить этот голод может лишь полноценный доброкачественный перевод, а не скороспелые опыты.

5 августа 1817 года по постановлению Святейшего Синода в Троицком соборе Александро-Невской Лавры состоялась хиротония архимандрита Филарета во епископа Ревельского, викария Петербургской епархии.

15 марта 1819 года епископ Филарет был переведен на самостоятельную Тверскую кафедру с возведением в сан архиепископа и назначением членом Синода. В Твери он часто совершал богослужения: и в соборном храме, и в приходских церквах; за богослужениями неустанно проповедовал.

Много времени он проводил в разъездах по обширной епархии. Както, во время одной из таких поездок, архиепископ Филарет спросил ямщика, как называется село, через которое лежала дорога. «Село Нехорошее», — ответил ямщик. «Все же тут, чай, найдутся и хорошие люди?» «Вестимо, что найдутся. А не то Бог не потерпел бы и села». «Вот, — промолвил он в заключение своей беседы со мной, пишет его биограф, — я хотел поучить ямщика, а вышло наоборот — ямщик меня наставил».

26 сентября 1820 года святитель был переведен в Ярославль, где пробыл около года.

В 1821 Промысл Божий судил архиепископу Филарету занять кафедру первосвятителей Московских.

В мае 1823 года был напечатан его «Христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Греко-Российской Церкви». Книга расходилась нарасхват, и уже до исхода 1823 года понадобилось выпустить второе издание. «Катехизис» был переведен на греческий, английский и другие языки.

В 1824 году недоброжелатели святителя хлопотали о его удалении из Москвы. Когда по Москве распространился слух о предстоящем перемещении его в Тифлис (Тбилиси), он не смутился. «Монах, как солдат, — говорил он, — должен стоять на часах там, где его поставят; идти туда, куда пошлют». — «Неужели, владыка, — воскликнула одна барыня, — вы поедете в эту ссылку?» — «Ведь поехал же я из Твери в Москву», — сказал ей в ответ Владыка. Слух, однако, оказался ложным.

В 1826 году московский святитель был возведен в сан митрополита.

В 1836 году обер-прокурором Синода был назначен граф Н.А. Протасов. Протасов усвоил убеждение во всесильных возможностях канцелярского способа управления, во всемогуществе приказа. И члены Синода скоро почувствовали на себе его тяжелую руку.

И только бестрепетный Московский Владыка умел поставить строптивого обер-прокурора на место. Однажды, вскоре после назначения на обер-прокурорскую должность, Протасов, явившись в присутствие Синода, уселся в архиерейское кресло. Митрополит Филарет обратился к нему с вопросом: «Давно ли, Ваше сиятельство, получили хиротонию?» Протасов ничего не понял. «Давно ли посвящены в священный сан?» — повторил святитель и объяснил, что за столом, за который он уселся, восседают члены Синода. «Где же мое место?» — спросил Протасов. И митрополит Филарет указал ему его место: стоящий в сторонке обер-прокурорский стол.

В 1832 году митрополит Филарет, по поручению Синода, составил «Сказание об обретении честных мощей иже во святых отца нашего Митрофана, первого епископа Воронежского, и благодатных при том знамениях и чудесных исцелениях».

Серьезное столкновение между митрополитом Филаретом и обер-прокурором Протасовым произошло в 1842 году, когда Московский архипастырь вместе с соименным ему Киевским митрополитом высказались в Синоде за возобновление перевода Библии. Митрополит Серафим не поддержал своих собратий; за этим последовало увольнение от присутствия в Синоде обоих иерархов, с оставлением за ними членства в Синоде.

Пребывая после этого безотлучно в Московской епархии, митрополит Филарет продолжал, однако, участвовать в деятельности Синода, откуда ему высылались бумаги на отзыв. Более того, обер-прокурор Н.А. Протасов, виновник удаления святителя из Петербурга, сам нередко приезжал к нему в Москву за советом и постоянно вел с ним деловую переписку.

Авторитет митрополита Филарета рос и помимо его участия в решении синодальных дел. За наставлениями к нему приезжали архиереи со всей России. Посещая Москву, каждый иерарх считал своим долгом навестить «всероссийского архипастыря».

Особую заботу митрополит Филарет проявлял о людях, насильственно отторгнутых или по заблуждению самовольно отделившихся от Православия. Он принял деятельное участие в воссоединении униатов с Православной Церковью. Святитель был введен в состав комитета по униатским делам и составил записку, которая послужила руководством для проведения подготовительных мер к воссоединению.

Непреходящей печалью святителя был старообрядческий раскол, расторгший духовное, религиозное единство русского народа. В стремлении к уврачеванию печального разделения он в 1834 году составил «Беседы к глаголемому старообрядцу». Эта книга митрополита Филарета, его многочисленные записки по старообрядческому вопросу, его миссионерские усилия не остались без благих плодов. В 1865 году под влиянием его увещаний к Православной Церкви на условиях единоверия присоединились епископы Белокриницкого согласия: Браиловский Онуфрий, Коломенский Пафнутий, Тульский Сергий и Тульчинский Иустин.

Святитель не оставался безучастным и к судьбе западного христианского мира. О духовном состоянии инославных церквей он судил

с мудрой осторожностью и взвешенностью, с непоколебимой верой в истину Православия и христианской любовью.

Его биограф так передает слова, сказанные им незадолго до кончины: «Всякий во имя Троицы крещеный есть христианин, к какому бы он ни принадлежал исповеданию. Истинная вера одна — Православная; но и все христианские верования — по долготерпению Вседержителя — держатся. Евангелие везде у всех одно; да не всеми одинаково понимается и изъясняется. Заблуждения отпавших от Вселенской Церкви — не упрек от рождения воспитанным в том или другом исповедании. Простые души — в простоте и веруют по учению, им заповеданному, не смущаясь религиозными прениями, для них недоступными. За них ответ дадут Богу их духовные руководители. Ученые богословы встречаются во всех христианских народах, и благочестивые люди бывали и будут как в Греко-кафолической, Православной Церкви, так и в Римско-католической. Истинная веротерпимость не ожесточается средостением, разделяющим христиан, а скорбит о заблуждающихся и молится “о соединении всех”».

Великий архипастырь, столп Русской Церкви, митрополит Филарет был еще и одним из столпов Российского государства. К его опытности и мудрости прислушивались императоры и великие князья, министры и сенаторы, губернаторы и генералы. Ни одно из важных политических событий не оставляло его равнодушным.

Имя митрополита Филарета тесно связано с реформой 1861 года — освобождением помещичьих крестьян от крепостной зависимости. Именно на него пал выбор, когда понадобилось составить обращение царя к народу — «Манифест». Написанный святителем «Манифест» был обнародован 19 февраля, послужив умиротворению крестьян, возбужденных ожиданием больших перемен.

При всем своем законопослушании и готовности повиноваться самодержцу, святитель отказывался исполнять царские повеления, когда они противоречили его христианской совести. В 1829 году Николай I в память об Отечественной войне приказал воздвигнуть в Москве Триумфальные ворота. Митрополит Филарет совершил молебен на основание памятника. Когда же ворота были сооружены и государь пожелал, чтобы Московский архипастырь освятил их, бесстрашный святитель отказался сделать это, заявив, что «служителю Бога истинного невозможно освящать и окроплять святой водой изваяния, представляющие языческие лжебожества». Императору доложили об отказе

митрополита и передали его слова. Николай I не без иронии заметил: «Я не Петр Великий, он не Митрофан». Народ, однако, увидел в этом поступке архипастыря повторение исповеднического подвига святителя Митрофана Воронежского.

Почти полвека митрополит Филарет управлял Московской епархией. Узы обоюдной христианской любви между архипастырем и паствой особенно укрепились после холеры, обрушившейся на Москву в 1830 году. Не сомневаясь в пользе медицинских средств, митрополит Филарет, однако, больше, чем на земных врачей, полагался на молитву и милосердие Небесного Врача душ и телес. Он распорядился совершать крестные ходы с молебным пением. В Кремле сам митрополит вместе с братией Чудова монастыря под открытым небом на коленях молился о прекращении моровой язвы.

На закате земной жизни святителя больше, чем повальный мор, тревожила другая народная беда — повсеместное распространение пьянства.

Благоговейный служитель алтаря, митрополит Филарет своей важнейшей архиерейской обязанностью считал совершение Литургии. Даже в пору немощной старости он служил всякое воскресенье, если только болезнь не приковывала его к одру. Несмотря на тихий голос, его служение было исполнено молитвенности и красоты. После богослужения, сколько бы ни было в храме прихожан, он благословлял всех, осеняя каждого неспешным крестным знамением. Большую радость доставляло святителю освящение храмов; за полувековое служение в Москве он освятил не один десяток новозданных церквей. Почти за каждым богослужением святитель произносил проповедь. Произносил он их тихим, слабым голосом, почти никогда не импровизировал, не говорил наизусть, а читал по бумаге. Наместник Лавры архимандрит Антоний (Медведев) однажды спросил святителя: «Отчего не беседуете вы с народом в храме без приготовления? И в обыкновенном вашем разговоре каждое ваше слово хоть в книгу пиши...» — «Смелости не достает», — со смирением ответил великий проповедник, которому дан был от Бога редкий дар слова.

В управлении епархией митрополит Филарет не придавал особенно важного значения формальным резолюциям. В судебных решениях, которые ему приходилось принимать как епархиальному архиерею, святитель всегда был справедлив, и по рассмотрении, в одних случаях снисходителен и милостив, а в других — строг и неумолим, руководствуясь при этом не пристрастием, а заботой о благе Церкви и о пользе человеческих душ.

Особенно пристально он наблюдал за состоянием Московской духовной академии. Без его ведома в академии не совершалось никакого важного дела. По его благословению и под его надзором профессора академии принялись за исключительно важный труд — перевод творений святых отцов на русский язык.

Любимым детищем святителя был Гефсиманский скит, устроенный в 1844 году по почину наместника Лавры архимандрита Антония. При освящении скитского храма митрополит Филарет облачился в ризу преподобного Сергия. Святитель так полюбил Гефсиманию, что она казалась ему раем земным, лучшей обителью на свете.

Высокие иноческие подвиги современников, проявления святости вызывали у митрополита Филарета глубокий интерес и благоговение. Он был почитателем преподобного Серафима, об удивительном житии которого чаще всего узнавал из бесед с архимандритом Антонием, высоко ценил он духовную мудрость Саровского старца. «Прекрасен совет отца Серафима, — писал он, — не бранить за порок, а только показывать его срам и последствия. Молитвы старца да помогут нам научиться исполнению».

Многие изречения митрополита Филарета, сказанные в беседах с посетителями, поражают глубиной мудрости и силой слова. Один из собеседников в разговоре о частых падениях философически заметил: «Как быть? Дух бодр, да плоть немощна!» — «Не наоборот ли бывает, — возразил митрополит, — плоть бодра, а дух немощен».

День святителя начинался обыкновенно задолго до рассвета утренним правилом и совершением богослужения или молитвенным участием в нем. После Литургии пил чай — и начинались служебные занятия: доклады секретаря и служащих в консистории, прием посетителей; между вторым и третьим часом легкий обед; потом час или два отдыха, который заключался в чтении книг, газет и журналов; и опять дела — доклады, служебная переписка.

Домашняя обстановка его и в Троицком подворье в Лаврских покоях была проста и скромна. Людские похвалы, которые доходили до слуха святителя, он считал вредными для души и укорял тех, кто обращался к нему словами хвалы, даже и искренно сказанными. «Сделайте милость, — писал он, — не говорите мне о моем смирении, которого я не достиг, и не прилагайте мне имен, которые понести я недостоин».

17 сентября 1867 года митрополит Филарет по окончании ранней Литургии в лаврской крестовой церкви сказал своему духовнику архимандриту Антонию: «Я ныне видел сон, и мне сказано: береги

19 число». — «Владыко святый! Разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения?» — усомнился отец Антоний. Но святитель с твердой уверенностью проговорил: «Не сон я видел — мне явился родитель мой и сказал мне те слова. Я думаю с этого времени каждое 19 число причащаться Святых Таин». 19 октября, причастившись в домовой церкви, он опять отбыл в Гефсиманию и, попрощавшись с ней навсегда, возвратился в Москву на Троицкое подворье. В эти дни он никому не отказывал в приеме, но желающим его навестить еще раз говорил, чтобы они приходили до 19 ноября.

За два дня до исхода святитель почувствовал себя бодрее обыкновенного и сам разгадал причину внезапно наступившего улучшения: «Перед кончиной, — сказал он, — старые люди всегда чувствуют себя свежее и легче». 19 ноября 1867 года, в воскресенье, митрополит Филарет совершил Литургию в Троицком подворье. После службы принимал посетителей. Проводив гостей, архипастырь перешел в кабинет заниматься делами. Келейнику, который несколько часов спустя пригласил его обедать, он сказал: «Погоди немного. Я позвоню». Но звонка не последовало. Тогда обеспокоенный келейник вошел в кабинет. Митрополита там не оказалось. Из кабинета он поспешил в боковую комнату — и там увидел архипастыря на коленях около умывальника.

Святитель был бездыханен. Умыв лицо свое, он испустил дух.

Отпевание Московского архипастыря совершилось 25 ноября в трапезной церкви Чудова монастыря. Мощи святителя Филарета покоятся в Троице-Сергиевой Лавре, вместе с мощами святителя Иннокентия Московского.

Великий молитвенник и постник, святитель Филарет подвигом всей жизни стяжал благодатные дары Святого Духа, которые являлись через него людям.

В одном дворянском семействе брат и сестра не сходились во мнении о митрополите Филарете. Сестра почитала его за прозорливца, а брат высказывался о нем скептически. Однажды брат вознамерился обманом испытать его прозорливость. Он переоделся в бедное платье и отправился на Троицкое подворье. Митрополиту он сказал, что его постигло несчастье — сгорела усадьба — и попросил о помощи. Святитель вынес ему деньги со словами: «Вот вам на погоревшее имение». Вернувшись домой, он с похвальбой рассказал сестре об обмане, чем огорчил ее. А на другой день из его деревни пришло известие о пожаре.

Пораженный этим событием, погорелец отправился на Троицкое подворье просить прощения у святителя.

Еще при земной жизни митрополита Филарета многие из болящих и отчаявшихся в помощи врачей искали чрез него, чрез его благословение и молитву всесильной помощи от Бога.

Дочь одного московского диакона была при смерти. Несчастный отец, отправляясь в церковь, где должен был сослужить митрополиту Филарету, простился с ней, не надеясь уже застать ее в живых. Перед Литургией диакон попросил святителя помолиться об умирающей дочери. Святитель сказал: «Мы вместе с тобой помолимся», — и вынул за нее часть просфоры. «Не унывай, Господь милосерд», — промолвил он, благословляя диакона по совершении Литургии. Дома диакон, к великому изумлению и несказанной радости, застал дочь вне опасности. Вскоре она совершенно выздоровела.

У московского купца случилось воспаление в руке, и врачи решили отнять ее. Накануне операции к жене больного пришла знакомая старообрядка. Узнав о тяжелом состоянии купца, она с насмешкой сказала: «Почему же вы не обратитесь к вашему митрополиту, ведь вы почитаете его за святого». Злую издевку жена купца приняла за вразумление и тотчас отправилась к святителю просить его помолиться о тяжко страждущем муже. Митрополит Филарет, выслушав просьбу, вызвал к себе их приходского священника и велел ему причастить больного и 40 дней поминать его о здравии за Литургией. Вечером того же дня больной увидел во сне митрополита, благословляющего его. На другой день, после того как купец причастился, к нему приехали доктора делать операцию, но с немалым удивлением они увидели решительную перемену в состоянии больного, и нужда в операции отпала.

Один крестьянин по пути в Москву сбился с дороги и, не находя ее по случаю сильной метели, в изнеможении упал. Но вот он видит приближающуюся к нему тень и, полагая, что это какой-нибудь зверь хочет его растерзать, он начинает молить Бога о прощении грехов своих и призывает на помощь всех святых. По приближении тени он видит старца небольшого роста в черной рясе и шапочке, который спрашивает его: «Кто ты и откуда?» И когда крестьянин объяснил ему все подробно, старец взял его за рукуи сказал: «Что ты так упал духом, встань, я доведу тебя до селения». Крестьянин, чувствуя, что его силы обновились, встал и вместе с митрополитом легко дошел

до селения. Дошедши старец и говорит: «Оставайся, Господь с тобою, теперь ты вне опасности». Крестьянин со слезами благодарности, упав на колени, спрашивает: за кого он должен молиться. Старец ответил: «Молись за Филарета Московского», и с этими словами стал невидим.

Долго потом ходил этот человек в Москве по разным монастырям, стараясь отыскать своего избавителя и, хотя находил монашествующих этого имени, но не узнавал в них своего помощника. Прожив в Москве несколько дней, он уже собрался в обратный путь. Проходя мимо Никольских ворот Кремля, он встречается с неизвестным купцом, который, видя его печальным и полагая, что он нуждается в пособии, намеревался подать ему милостыню, но тот не принял ее. На вопрос незнакомца о причине его скорби он рассказал о случившемся. Выслушав его рассказ, незнакомец говорит: «Вероятно, тебя спас наш митрополит», и указал ему дорогу на Троицкое подворье, куда крестьянин отправился немедленно и пришел в то самое время, когда владыка, возвратясь из Синодальной конторы, выходил из кареты. Крестьянин тотчас узнал его и, кинувшись на колени, воскликнул: «Вот мой избавитель!» Владыка велел ему замолчать и следовать за собою в комнаты, где крестьянин рассказал ему все подробно. Выслушав его, Владыка сказал: «Не приписывай этого мне, но молись преподобному Сергию — это он тебя сохранил». При этом Владыка дал ему образок преподобного Сергия.

Память святителю Филарету, канонизированному в 1994 году, совершается 19 ноября — в день блаженной кончины.

21-го числа
Священномученик протопресвитер АЛЕКСАНДР

Священномученик российский Александр Хотовицкий родился 11 февраля 1872 года в городе Кременце в благочестивой семье ректора Волынской духовной семинарии протоиерея

Александра. Образование будущий пастырь получил в Волынской семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, которую закончил в 1895 году.

По окончании академии он был направлен на миссионерское служение в Нью-Йорк (Алеутскую и Североамериканскую епархию), где вскоре был рукоположен во пресвитера. С 1898 по 1907 год будущий новомученик Александр совершал пастырское служение под омофором святителя Тихона, впоследствии патриарха Московского и всея Руси.

Поприще отца Александра в Соединенных Штатах было весьма широким и многоплодным: он с успехом совершал миссионерское служение, главным образом, среди эмигрантов-униатов, выходцев из Галиции и Карпатской Руси, он был также одним из ближайших помощников архипастырей православной Америки, представляя Православную Церковь в американских религиозных учреждениях и собраниях.

Миссионерский труд отца Александра был сопряжен с многими искушениями и скорбями, понесенными им от сторонников унии с Римом. Серьезный вклад в дело свидетельства истины Православия американскому обществу внес выходивший под редакцией отца Александра на английском и русском языках «Американский православный вестник». Отец Александр принял деятельное участие в создании епархиального Православного общества взаимопомощи, исполняя в разное время обязанности его казначея, первого секретаря и председателя. Общество оказывало материальную помощь австрийским русинам, македонским славянам, русским воинам в Манчжурии и российским военнопленным в японских лагерях.

Отец Александр взял также на себя подвижнический труд по созданию в Нью-Йорке вместо малого приходского храма замечательного в архитектурном отношении грандиозного собора святителя Николая, ставшего украшением города. Собирая средства на сооружение собора, он объезжал православные общины Америки, с этой же целью побывал в 1901 году на родине, в России.

С 1914 по 1917 годы отец Александр нес священническое служение в Гельсингфорсе (Хельсинки) в Финляндии, где большинство составляли протестанты. Хотя Финляндия и входила тогда в состав Российской Империи, но православному духовенству приходилось там проявлять большие усилия, чтобы оградить православных карел от прозелитической экспансии со стороны финских лютеран. В Финляндии

новомученик Александр был верным, деятельным и самоотверженным помощником своего архипастыря Сергия (Страгородского).

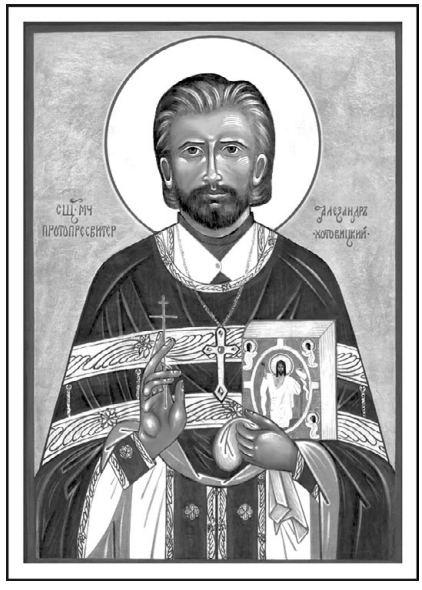
В августе 1917 года протоиерей Александр был переведен в Москву и назначен ключарем кафедрального храма Христа Спасителя. В Москве он вновь оказался под началом святителя Тихона, с которым тесно сблизился еще в Америке. Отец Александр участвовал в работе Поместного Собора 1917–1918 годов.

Пастырское служение в те годы сопряжено было со многими скорбями и опасностями. В мае 1920 и в ноябре 1921 года отец Александр подвергался кратковременным арестам. Его обвиняли в нарушении декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви — в преподавании Закона Божия детям.

Тяжелые испытания обрушились на Церковь в 1922 году, когда, под предлогом помощи голодающим, проводилось насильственное изъятие церковного имущества, в том числе священных сосудов, икон и других святынь. В храме Христа Спасителя отец Александр организовал сбор средств для помощи голодающим. В то же время предпринимались усилия к тому, чтобы сохранить и святыни храма. На квартире отца Александра проходили заседания клириков и прихожан храма Христа Спасителя, на которых вырабатывалась резолюция приходского собрания по поводу правительственного декрета о насильственном изъятии ценностей. Составление этого документа власти расценили как преступное контрреволюционное деяние и повод для ареста.

27 ноября 1922 года в Москве открылся новый громкий процесс против духовенства и мирян, которые обвинялись в том, что они будто бы «пытались удержать в своих руках церковные богатства и на почве голода свалить советскую власть». На судилище было привлечено 105 священнослужителей и мирян. Среди обвиняемых были протоиерей Сергий Успенский, настоятель храма Христа Спасителя протоиерей Николай Арсеньев, ключарь храма протоиерей Александр Хотовицкий, священник храма Христа Спасителя Илия Громогласов, смотритель этого же храма Лев Анохин, настоятель церкви Иоанна Воина протоиерей Симеон Голубев.

Судебные заседания продолжались в течение двух недель. После оглашения пространного обвинительного заключения начался допрос обвиняемых. Священник Александр на допросе держался ровно, спокойно, старался защитить других обвиняемых. После допроса



Священномученик
протопресвитер
АЛЕКСАНДР

всех обвиняемых и свидетелей на судебном заседании 6 декабря зловеще знаменитый впоследствии прокурор Вышинский произнес обвинительную речь. Он просил суд приговорить к смертной казни 13 обвиняемых, и среди них протоиереев Александра Хотовицкого, Николая Арсеньева, Сергия Успенского, священника Илию Громогласова, игумению Новодевичьего монастыря Веру (Побединскую), Л. Е. Анохина. Других обвиняемых Вышинский просил осудить на разные сроки тюремного заключения. 13 декабря был оглашен приговор трибунала. Протоиерей Александр Хотовицкий был приговорен к лишению свободы сроком на 10 лет.

После возвращения святителя Тихона к церковному управлению и его заявлений о лояльности государственной власти многие из архипастырей, пастырей, церковных деятелей и рядовых мирян, осужденных трибуналами по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей, были амнистированы. В октябре 1923 года освободили из-под стражи и отца Александра. После освобождения он не имел штатного места ни в одном из приходов и служил по приглашению в разных московских церквах.

Но на свободе он оставался недолго. Уже в сентябре 1924 особым совещанием при коллегии ОГПУ новомученик Александр был сослан на поселение в Туруханский край сроком на 3 года. Его и без того болезненное здоровье было подорвано пребыванием на крайнем севере. Удостоенный сана протопресвитера, отец Александр по возвращении из ссылки стал одним из ближайших помощников заместителя Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского, впоследствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси), который хорошо знал его со времени служения в Финляндии.

В 1930-е годы протопресвитер Александр служил настоятелем храма Ризоположения на Донской улице. Служение его в этот период и весь его облик отличалось вдохновенностью и молитвенностью.

Осенью 1937 года новомученик Александр был вновь арестован. На этом имеющиеся в нашем распоряжении документальные сведения о нем прерываются, однако большая часть устных сообщений говорит о его мученической кончине. Место его погребения неизвестно.

Память священномученику совершается 21 ноября, в день его кончины.

28-ГО ЧИСЛА
Священномученик митрополит СЕРАФИМ

Святитель Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов) родился 9 января 1856 года в Санкт-Петербурге, в семье полковника артиллерии. Среди предков будущего святителя был знаменитый мореплаватель адмирал В. Я. Чичагов (1726–1809), исследователь Северного Ледовитого океана.

Окончив в 1875 году Пажеский корпус, Леонид Чичагов был произведен в подпоручики и в сентябре того же года направлен для прохождения службы в Гвардейской конно-артиллерийской бригаде.

Начавшаяся в 1876 году Русско-турецкая война привела гвардейского подпоручика Л.М. Чичагова в состав действующей армии на Балканах и вместе с тем стала серьезным жизненным испытанием будущего святителя. Оказавшись участником почти всех основных событий этой кровопролитной войны и отмеченный несколькими наградами, Л.М. Чичагов неоднократно проявлял высокий личный героизм. Однако не героика войны и не миссия русской армии стали главными темами размышлений молодого офицера в этот период.

Тема духовного смысла жизни и смерти, во всей остроте поставленная перед ним войной, тема нравственного смысла страданий и самоотвержения, тема деятельной любви к своим братьям во Христе, которых он научился различать и под офицерскими мундирами и под солдатскими шинелями, после войны стали важнейшими побудительными началами для глубоких религиозных размышлений будущего святителя.

Промысл Божий, уберегший поручика Л.М. Чичагова от смерти и ранений на полях брани, привел его вскоре после возвращения в Санкт-Петербург в 1878 году к встрече с великим пастырем Русской Православной Церкви святым праведным Иоанном Кронштадтским, разрешившим многие духовные вопросы молодого офицера и ставшим на все последующие годы непререкаемым духовным авторитетом для будущего святителя.

Военная карьера Л.М. Чичагова продолжала складываться успешно и в мирное время. Однако стремление обратить все силы души на служение Богу все более и более начало проявляться именно в этот период времени. Приняв на себя 31 октября 1881 года обязанности ктитора Сергиевского, всей артиллерии, собора при Троице-Сергиевой Лавре, штабс-капитан Л.М. Чичагов употребил большие усилия и на материальное обустройство этого храма, и на развитие активной духовно-просветительской деятельности в этом большом военном приходе, на попечении которого находились тысячи российских воинов.

В это же время в жизнь Л.М. Чичагова вошли и систематические богословские занятия, в результате которых не получивший даже семинарского образования офицер превратился в энциклопедически образованного богослова. Промысл Божий неуклонно подводил Л.М. Чичагова к решению о принятии священного сана.

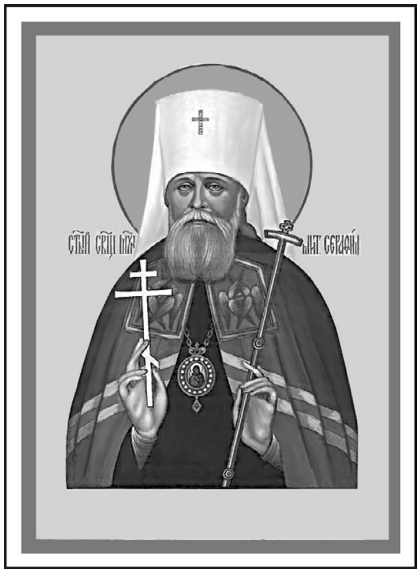
Праведный Иоанн Кронштадтский, благословивший Л.М. Чичагова на принятие священного сана, счел необходимым в личной беседе с Наталией Николаевной Чичаговой убедить ее дать согласие на принятие супругом священного сана. Слова мудрого кронштадтского пастыря помогли Н. Н. Чичаговой преодолеть свои сомнения, и она согласилась разделить с супругом бремя его нового служения.

Для Л.М. Чичагова путь к священству стал не только путем восхождения к Богу, но и путем хождения в народ, в котором ему, в качестве пастыря, а затем и архипастыря, предстояло воспитывать верного сына своего Государя и Церкви.

После выхода в отставку семья Л.М. Чичагова в 1891 году переехала в Москву. Именно здесь, под сенью московских святынь, Л.М. Чичагов стал благоговейно готовиться к принятию священнического сана. 28 февраля 1893 в Московском Синодальном храме Дванадесяти апостолов совершилась пресвитерская хиротония Леонида.

В 1895 году отец Леонид овдовел, и на его попечении осталось четверо малолетних детей. Отец Леонид привез тело почившей супруги в Дивеево и похоронил на монастырском кладбище, а рядом приготовил место и для собственного погребения.

Сугубая обращенность к молитвенной жизни неизбежно влекла отца Леонида в стены монастыря, тем более, что уже несколько лет одним из важнейших послушаний в своей жизни отец Леонид считал составление «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», открывшей ему не только историю одной из замечательных монашеских



Священномученик
митрополит
СЕРАФИМ

обителей Русской Православной Церкви, но и монашеские подвиги одного из великих подвижников Святой Руси — преподобного Серафима Саровского.

Однажды летом, проведя несколько дней в монастыре, отец Леонид побывал и у игумении. Игумения приняла его очень приветливо и при беседе сказала, что в монастыре живут две старицы-монахини и монахиня Пелагия (в миру Параскева, Паша), которые помнят преподобного. Едва войдя к блаженной Паше, он услышал от нее: «Вот хорошо, что ты пришел, я тебя давно поджидаю: преподобный Серафим велел тебе передать, чтобы ты доложил Государю, что наступило время открытия его мощей для прославления».

На ответ отца Леонида, что по своему общественному положению он не может быть принятым Государем и передать ему ее поручение, Паша сказала: «Я ничего не знаю, передала только то, что мне повелел преподобный». В смущении покинул отец Леонид келлию старицы и вскоре уехал из Дивеевского монастыря.

Возвратясь в Москву и обдумывая слова блаженной, отец Леонид решил записать все рассказы о преподобном старце помнивших его монахинь, разыскать других его современников, ознакомиться с архивами монастыря, затем привести весь этот материал в систему и напечатать труд, поднеся Императору, чем и будет исполнена воля преподобного.

Весной 1898 года, оставив своих уже повзрослевших дочерей на попечение доверенных лиц, отец Леонид был зачислен в число братии Троице-Сергиевой Лавры.

14 августа 1899 года иеромонах Серафим был назначен настоятелем Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря и возведен в сан архимандрита. За два с половиной года обитель, до этого тюрьма для психически расстроенных священнослужителей, совершенно возродилась.

В 1902 году усилиями архимандрита Серафима была переиздана вышедшая впервые в 1896 году «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». Это второе издание «Летописи» имело особое значение для канонизации преподобного Серафима Саровского.

В это время архимандрит Серафим удостоился чудесного видения, о котором последствии поведал своему духовному чаду протоиерею Стефану Ляшевскому. «По окончании “Летописи” я сидел в своей комнате в одном из дивеевских корпусов и радовался, что закончил, наконец, труднейший период собирания и написания о преподобном

Серафиме. В этот момент в келью вошел преподобный Серафим, и я увидел его как живого. У меня ни на минуту не мелькнуло мысли, что это видение — так все было просто и реально. Но каково же было мое удивление, когда батюшка Серафим поклонился мне в пояс и сказал: «Спасибо тебе за летопись. Проси у меня все, что хочешь, за нее». С этими словами он подошел ко мне вплотную и положил свою руку мне на плечо. Я прижался к нему и говорю: «Батюшка, дорогой, мне так радостно сейчас, что я ничего другого не хочу, как только всегда быть около Вас». Батюшка Серафим улыбнулся в знак согласия и стал невидим. Только тогда я сообразил, что это было видение. Радости моей не было конца».

Архимандрит Серафим решился предпринять казавшийся некоторым его собратьям по духовному сословию дерзостью шаг с целью поставить, наконец, вопрос о канонизации преподобного Серафима Саровского в Святейшем Синоде. Сознавая, что не только всемогущий оберпрокурор Синода К.П. Победоносцев, но и некоторые архиереи являлись категорическими противниками канонизации преподобного, архимандрит Серафим решился обратиться с просьбой поставить вопрос о канонизации в Святейшем Синоде непосредственно к Государю Императору Николаю II, являвшемуся в соответствии с Основными законами Российской Империи «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры».

В деле, представленном архимандритом Серафимом, Государь принял активное участие. Вскоре последовало его повеление о необходимости на заседании Святейшего Синода незамедлительно поставить вопрос об организации открытия мощей преподобного Серафима Саровского. На архимандрита Серафима была возложена большая часть организационных и хозяйственных мероприятий, связанных с канонизацией преподобного.

29 января 1903 года Саровский старец преподобный Серафим был причислен к лику святых Русской Православной Церкви. А несколько позже архимандрит Серафим составил замечательный акафист преподобному.

14 февраля 1904 года архимандрит Серафим был назначен настоятелем одной из семи ставропигиальных обителей Русской Православной Церкви — Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря.

В 1905 году архимандрит Серафим был хиротонисан во епископа Сухумского, а затем попеременно направлялся на Орловскую (1906),

Кишеневскую (1908) и Тверскую (1912) кафедры в сане архиепископа. Повсюду он проявлял себя ревностным устроителем приходских общин.

Святейшим Синодом святителю было поручено провести расследование поступивших в Синод сообщений о якобы имевших место нестроениях в духовной и хозяйственной жизни Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни. Выяснив безосновательность обвинений, возводившихся на скитоначальника его недоброжелателями, и высоко оценив духовный опыт преподобного старца Варсонофия, святитель Серафим стал убеждать старца принять настоятельство в одном из крупных монастырей, духовная жизнь в котором требовала руководства опытного наставника.

Несмотря на государственные изменения, происшедшие в 1917 году, владыка Серафим продолжал активную церковную деятельность. Он участвовал на правах правящего архиерея Тверской епархии в Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1917–1918 годов, на котором возглавил Соборный отдел «Монастыри и монашество». Изгнанный раскольниками со своей кафедры в конце 1917 года, святитель Серафим был назначен Святейшим патриархом Тихоном на Варшавскую кафедру, вступить в управление которой не смог из-за разворачивавшихся в Польше военных действий, и пребывал с 1919 по 1921 годы в Черниговском скиту около Троице-Сергиевой Лавры.

21 сентября 1921 года неожиданно для себя Владыка был арестован и приговорен к ссылке в Архангельскую область.

Вернувшись через год в Москву, митрополит Серафим вскоре вновь был арестован по обвинению в подготовке и организации прославления преподобного Серафима Саровского в 1903 году. В мае 1924 года по ходатайству Святейшего патриарха Тихона 68-летний старец был освобожден. Но по требованию властей святителю пришлось покинуть Москву. Несколько лет он жил вдали от нее, в Воскресенском Феодоровском монастыре под Шуей. Это были годы глубоких раздумий святителя Серафима о судьбах Церкви в России и о путях его собственного служения Церкви в эпоху исторического безвременья.

Именно в эти годы, при все нараставшем гонении на Церковь коммунистическим государством и непрекращавшихся попытках обновленческих раскольников разрушить церковную жизнь, в среде верных Православной Церкви священнослужителей и мирян впервые стали возникать опасные противоречия. Они были связаны с пониманием канонических полномочий заместителя Патриаршего Местоблюстителя

митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и с различными представлениями о дальнейших перспективах существования Русской Православной Церкви: как о добивающейся у государства официального признания или как об уходящей в катакомбы. На этом роковом рубеже русской церковной истории, придя к убеждению, что Православная Церковь должна открыто осуществлять свое служение в России, даже лишившись покровительства православных государей, святитель Серафим решительно сделал свой окончательный духовный выбор и встал на сторону той части церковной иерархии, которая признала митрополита Сергия как единственно законного преемника Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, равного ему по своим каноническим полномочиям, и поддержала его политику отстаивания официального признания Православной Церкви государственной властью.

В марте 1928 года владыка Серафим возвращается к делам церковного управления и назначается на Ленинградскую кафедру, где царил в то время дух смуты и церковного разделения, охвативший значительное число действовавших в городе приходов. Город в начале 1920-х годов происками государственных властей и немощью некоторой части епархиального клира превратился в цитадель обновленчества. Верность митрополиту Сергию сохранил лишь Ленинградский епархиальный совет, председателем которого был епископ Петербургский Николай (Ярушевич).

Святитель Серафим всячески стремился поддержать стремление многих православных как можно чаще приступать к Святым Христовым Таинам. «Паче всего думайте о хранении, совершении и непрерывном служении Литургии, — убеждал митрополит Серафим клириков и паству. — Будет она — будет и Церковь, и Россия».

28 декабря 1929 года в Ленинградской тюремной больнице скончался от тифа один из наиболее выдающихся церковных иерархов XX века архиепископ Верейский Иларион (Троицкий). Взяв на себя организацию отпевания и погребения святителя Илариона, владыка Серафим облачил почившего в собственные белые архиерейские ризы и возложил на его главу свою митру.

В начале 1930-х годов резко усилилась репрессивная государственная политика по отношению к Русской Православной Церкви. В Ленинградской епархии, как и по всей стране, в это время арестовывались лучшие представители православного духовенства. Возраставшая

ненависть государственной власти к митрополиту Серафиму побудили митрополита Сергия и временный Патриарший Священный Синод 14 октября 1933 года издать указ об увольнении Владыки на покой.

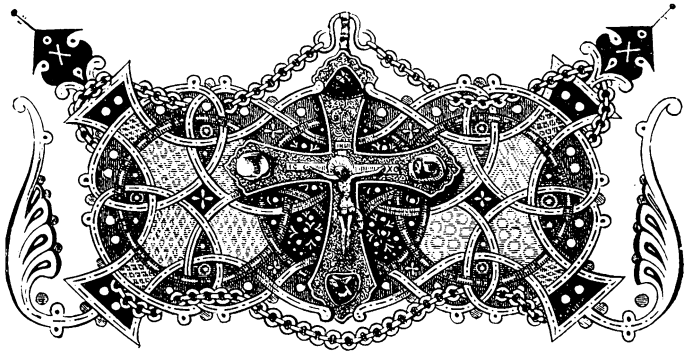
После кратковременного проживания в Москве святитель Серафим нашел себе последнее пристанище в двух комнатах загородной дачи, находившейся недалеко от станции Удельная Казанской железной дороги. Здесь, в деревенской глуши, в духовных размышлениях над богословскими и аскетическими сочинениями, в молитвенных бдениях перед иконами владыка Серафим имел счастливую возможность подвести жизненные итоги и приуготовить себя к встрече со Христом Спасителем.

В ноябре 1937 году прикованный к постели 82-летний святитель был арестован и на носилках доставлен в Таганскую тюрьму. Несколько недель физически беспомощный, умиравший старец с величием христианского первомученика противостоял новым гонителям Церкви, и так и не признал ни одного из навязывавшихся ему немыслимых обвинений.

7 ноября 1937 года тройка НКВД по Московской области, уже вынесшая в этот день несколько десятков смертных приговоров, приняла постановление о расстреле митрополита Серафима. Почти 50 приговоренных к смерти страдальцев расстреливали в течение нескольких дней в находящейся недалеко от Москвы деревне Бутово, в которой обнесенная глухим забором дубовая роща должна была стать безымянным кладбищем многих тысяч жертв коммунистического террора. 28 ноября 1937 года с последней группой приговоренных был расстрелян и священномученик Серафим. Так завершилось святительское служение митрополита Серафима, стяжавшего мученический венец в конце своего исповеднического пути.

Память священномученика митрополита Серафима, канонизированного в 1997 году, совершается 28 ноября / 11 декабря — в день мученической кончины.

ДЕКАБРЬ



День второй

† СТРАДАНИЕ святого царевича УРОША-СТЕФАНА

Единственный сын Сербского царя Душана, Урош, родился в 1337 году[1]. В 1346 году он «венчан был королевским венцом, тогда как отец венчался царским венцом»[2]. Никогда Сербия не была так сильна и обширна, как при царе Душане Сильном. Вся Болгария была тогда под властью владетеля Сербии; греческие города Македонии, Эпира и Фессалии также были покорены Душаном. Душан, могущественный властитель, просил руки дочери Французского короля для сына; но папа настоял, чтобы дочь короля не изменяла латинского исповедания, а Душан не хотел видеть в семье почитательницу папы. Урош, сын Душана, вступил в брак с дочерью Влада, могущественного князя Валахии. Казалось, империя Душана проживет века. Но Душан сам потряс основания своей империи и приготовил печальную судьбу для сына. Он при жизни своей, надеясь на свою силу, дал много силы шести областным правителям своей империи. Например, Оливер, «великий начальник» Сербский и Струмский, чеканил монету со своим именем, как независимый властитель. В Кратовском монастыре на картине представлены

[1] «Житие св. Уроша, м. декем. 2 память св. и блаж. Уроша, младаго мученика, царя Сербскаго», писано при пособии надежных источников около 1595 г.

[2] *Майков А.А.* История сербского языка.

областные правители Душана (шесть), а внизу читаются слова, как бы от Душана: «Отсюда большая вина падения царства моего»[1]. Мысль давно поверенная опытами; но люди не слушают и опыта. Когда бы южные славяне долгим рядом страданий твердо убедились в том, что политические беды их всегда зависели от их раздробленного правления и не кончатся дотоле, доколе не соединятся они под одно твердое правление твердого единовластия! Душан, не безвинный в смерти отца своего, умер среди замыслов о славе на 45 году жизни, в декабре 1355 года[2].

По смерти отца Урош принял в свое управление Сербию. Он писался: «Стефан Урош, благоверни царь Серьблем и Грьком»[3]. На первое время власти ему пришлось иметь дело с претендентом на царский престол. Синиш, дядя его, правитель Фессалии, поднялся с сильным войском, чтобы согнать племянника с престола Сербии; он занял Зету и осадил Скутарь. Но Сербия поднялась за Уроша, и Синиш смирился. Явился другой искатель власти. Никифор Ангел, даже с согласия царицы, матери Урошевой, с мечом в руке занял Фессалию, оттого что с ним обручена была сестра царицы. Но греческих интриг не любили в Сербии, и Никифор усмирен был[4].

В первые годы правления Урош являлся сколько независимым, столько и деятельным правителем Сербии. В 1357 году в Сербии был сильный голод[5]. Урош старался ослабить бедствие покупкою хлеба в Дубровнике. В 1357–1358 годах он дал Дубровнику несколько грамот — о торговле, судоустройстве, землях, повинностях. Особенно замечательно обязательство, взятое с рагузян, платить каждый год 1000 перпер иерусалимской церкви Архангела Михаила, куда

---

[1] ИОРЯС. Т. VI.

[2] О годе смерти Душана справедливы замечания Майкова (*Майков А.А.* История сербского языка). В грамоте 10 января 1356 г. пишется: «царская власть моя предписывает и повелевает, что если мать царского величества моего, государыня царица, захочет взять что-либо у них (Дубровичан) из торга: то царское величество мое дает им за то что-нибудь и без выкупа не берет». (Споменн. № 44). Мать Уроша была царица, а мать Душана — королева. Следовательно, января 10-го 1356 г. был царем и распоряжался с властию царскою Урош, а Душана уже не было на свете. В Синаксаре (л. 74) странная ошибка и о времени смерти Душана и о летах его. У Миклошича мать Уроша первая царица Елисавета, в монашестве Евгения (*Miklosich.* Monumenta Serbica. № 234).

[3] Так в грамоте 1357 г.; на монетах: Urosius imperator, Урош царь (Гласник. Кн. 3, 6, 7; Записки Императорского русского Археологического общества. Т. IX).

[4] О Синише и Ангеле см.: *Майков А.А.* История сербского языка. Летопись см.: Гласник. Кн. 11. Сербские Комнены см.: Гласник. Кн. 13.

[5] Летопись см.: Гласник. Кн. 1, 11.

удалились вытесненные из Стона папизмом иноки обители святителя Николая[1]. В 1362 году он смирил рагузян, воевавших с Которским наместником его. Им предписано в случае споров представлять дело на суд царя, а не расправляться самим с наместником его; Воислав по его воле выдал грамоту Дубровнику с обещанием, — не нарушать условий соляного откупа, а республике сделано внушение исправно платить подать царю[2]. По примеру предков своих построил он себе Задушбину — монастырь Рождества Богородицы в Скопле. «От юности предан он был Господу, отечески покоил вдов и сирот, усмирял ссоры и утверждал мир, миловал нищих, защищал обижаемых»[3].

Между тем росло и зло — своеволие наместников. Каждый из них действовал по личным видам и хотел быть независимым. Умные христианские патриоты советовали Урошу заменить разбогатевших и зазнавшихся наместников людьми умеренными в желаниях. Но Урош не имел довольно твердости против гордых магнатов. Он доверился особенно Вулкашину. Вулкашина и Душан отличал доверием более, чем других магнатов. Он и брат его Углеш были великими дворниками Душана[4]. Но страсти наши, если не видят узды себе, даже и помимо нашей воли, даже и помимо сознания увлекают нас на дорогу порока и злодейств. Так было с Вулкашином. Сперва он взял себе в управление Босну, чтобы быть ближе к центральному правлению Сербии. Потом объявил себя кралем Боснии, а брат Углеш оказался деспотом Романии[5]. Только

---

[1] *Miklosich.* Monumenta Serbica. № 148; Гласник. Кн. 2. В 1332 г. Душан уступил рагузянам Стон, с тем чтобы платили за него 1000 перпер в год. Фанатизм папизма скоро потребовал, дабы иноки обители св. Николая оставили Стон; при этом обещали давать им 400 перпер за два года. В 1347 г. те переселились в Иерусалимскую обитель св. Михаила, построенную кн. Милютиным. Скоро Православие и совсем вытеснено было из Стона (*Макушев В.В.* Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой // Чт. ОИДР. 1865). Об отношении царя Душана к Православию см. летопись в Гласнике (Кн. 5). У Норова триодь цветная 1374 г., писанная «святому архистратигу Церкве Сербскые у Ерусалиме» (см.: *Востоков А.* Описание рукописных и печатных книг словенских, принадлежащих господину Норову // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. Ч. 11.).

[2] *Miklosich.* Monumenta Serbica. № 151.

[3] Так говорит древняя служба (Гласник. Кн. 9).

[4] ИОРЯС. Т. V. О советах Урошу см. летопись у Раича (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2). *Šafařik.* Památky dřevního písemníctví. Византийцы в: *Stritter.* Serbica, Croatica, Bosnica, Bulgarica.

[5] У о. Порфирия (*Порфирий (Успенский).* Указатель актов) хрисовул деспота Иоанна Углеша о построении Симонопетрского монастыря по случаю исцеления дочери в октябре 6872 (1364 г.). Грамота деспота Иоанна Углеша 1368 г. о подчинении

правитель Срема, князь Лазарь, с зятем Вулком Бранковичем оставался искренним в отношении к Урошу. Блаженный царь видел это и страдал особенно за ожидаемые беды родины. Вот явился грозный меч на восточных и южных христиан. Султан Мурат овладел Одрином и перенес сюда столицу из Бруссы. Орды турецкие ограбили Болгарию[1]. Теперь более, чем когда-либо, нужен был для Сербии Душан. У Вулкашина было столько же страсти к власти, сколько было у Душана; только не было у него ни ума, ни храбрости Душана. Болгарский пришлец, он не имел и любви к стране, которая так много дала ему; он весь предался себялюбивым замыслам; было бы ему хорошо и его семье, думал он, а прочее пусть идет, как идет. Он забрал себе власть у доброго Уроша; потом, не краснея, назначил на содержание его только незначительную провинцию. Чем далее, тем грознее становились опасности для Уроша. Чтобы охранить жизнь свою, Урош удалился на Дунай к князю Лазарю; с ним он был в родственной связи по Милице, жене Лазаря, происходившей из рода Неманичей. Удельные правители, которым Урош заявил о наглостях Вулкашина, дали ему слово в следующем году силою оружия смирить Вулкашина. Вулкашин, узнав о том, обратился к сестре своей и матери Уроша с пышными обещаниями — сделать все для Уроша; он успел столько уверить сестру в своей преданности к Урошу, что та, по желанию Вулкашина, настоятельно требовала и вызвала сына к себе в Скопле для примирения с Вулкашином. Вулкашин встретил Уроша с почестями, как царя[2]. Между тем коварный злодей приготовил товарищей задуманного злодейства. Он позвал Уроша на охоту, на Косово поле. Утомленный охотою, Урош сошел с коня у колодца и нагнулся, чтобы достать воды. В эту минуту Вулкашин ударил его булавою по голове, и тот упал мертвым. В темный вечер с наемными товарищами

церквей Греческому патриарху в: Acta Patriarch of Constantinople. У Григоровича (*Григорович В.* Очерк путешествия) «кесарь Углешь, господарь Сербле м и Подунавию» в 6931 (1423) дает Хиландарю село Враве. Но здесь в означении года ошибка — по летописи Углеш был убиен па Косовом поле в 1370 г. (Гласник. Кн. 5).

[1] Laonicis Chalcocondylae. Alheniensis Historiarum: libri decem. Bonnae., 1843.

[2] *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2; Сербская летопись (Гласник. Кн. 5). В Трескавце камень с надписью: «м. генвара успе раб Бож. Дабижив, инохиарь (виночерпий) цара Уроша вьсе Срьбскые земьле, Грьчьские и Поморьские, в л. 6875» (1367), за 10 месяцев до страдальческой кончины царя (*Григорович В.* Очерк путешествия). В 1320 г. кнез Дабижив — посол короля в Рагузы (Споменницы из Дубровачке архиве 2, 2. Белгр. 1862). Дабижив внесен и в Сапочанский синодик. См.: *Гильфердинг А.Ф.* Сербские имена, записанные в Помяннике Сопочанского монастыря // ИОРЯС. Т. VII.

Вулкашин перенес убитого в монастырский Успенский храм, что вблизи Пестрича. В монастыре, понятно само собою, сказали, что это — неожиданно умерший охотник. Почивший страдалец положен в усыпальнице храма, издавна готовой; печальный храм поныне цел, хотя и запустел. Блаженный, будучи 31 года, пострадал 2 декабря 1367 года[1].

Вулкашин недолго пользовался плодами тайного злодейства. Хотя силою заставил он признать себя главным властителем Сербии, тогда как даже мать не знала об убийце сына, но скоро потеряно было все. Султан Сулейман явился в Сербию с 70 тысячами войска. Необходимость собрала сербов около Вулкашина. На Косовом поле сербы разбиты; братья Вулкашина, Углеш и Гойко, были убиты; Вулкашина вынес из кровавой сечи конь; но когда злодей лег отдохнуть, оруженосец, прельщенный богатым нарядом его, отрубил ему голову. Это было в сентябре 1370 года на том же месте, где злодей носился с преступным замыслом[2].

Между тем тело праведного страдальца оказалось нетленным, и слава его проявлялась в исцелениях. Его с почестью положили в Неродимльском храме. Впоследствии от ужасов магометанского фанатизма перенесено оно было в Сремский Язакский монастырь[3].

Святителя
ИСЕ, или ИЕССЕЯ,
епископа Цилканского

Исе, родом из Антиохии Сирийской, был из числа тех 13-ти отцов Сирских, память которых Святая Церковь чествует 7-го мая. Он жил

[1] Выписка из жития Урошева см.: *Гильфердинг А.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии; Летопись (Гласник. Кн. 5). Заметка в типике у Миклошича: *Miklosich.* Monumenta Serbica.

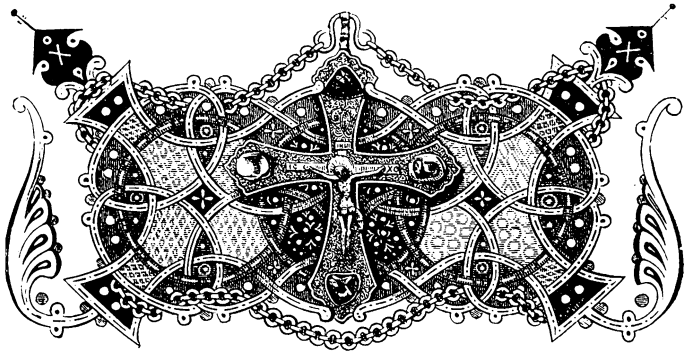
[2] Записки географического общества. Т. XIII; Летопись (Гласник. Кн. 5). «Исаия мниха о крале Влъкашкне» у Миклошича: *Miklosich.* Chrestomathia palaeoslovenica cum speciminibus reliquarum linguarum slavicarum. Vindobonae, 1861. По цароставнику (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2) убит сентября 26-го 6879 (1370).

[3] *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 2; Сербляк л. 76; Летопись (Гласник. Кн. 5).

в VI веке. Рукоположенный в епископа Цилканского[1], он в плачевном состоянии нашел свою паству, в которой преобладали языческие обычаи и суеверия, и где христианство, насажденное здесь святою Ниною и процветавшее около двухсот лет после нее, теперь почти совершенно упало, и нравственности христианской не оставалось почти и следов. Деятельно и ревностно предался святитель искоренению языческих суеверий и восстановлению благочестия, и неутомимые труды его Бог благословил успехом. Для утверждения веры в народе он построил несколько новых храмов и основал несколько монастырей; а для ограждения своей паствы от влияния соседних народов-язычников Исе отправился с проповедью слова Божия к осетинам и другим жителям, обитавшим в центре Кавказского хребта, и многих из них обратил ко Христу.

Несмотря на эти подвиги апостольского служения, святитель никогда не оставлял и своих иноческих, аскетических подвигов. Труженическая и произрастившая богатые плоды жизнь его была увенчана мирною, блаженною кончиною. Предузнав ее по откровению свыше, святитель собрал свой церковный клир, в последний раз преподал им свое духовное наставление, приобщился Святых Таин и, с воздетыми к небу руками, предал Богу свою душу. Он был погребен в храме Божией Матери (в том, где Ее древняя икона), и прославленный многими чудесами (продолжающимися и поныне) от нетленных останков его, причтен Церковью к лику святых.

[1] «Город Цилкани находился в Карталинии у подошвы гор, носящих название Тини, близ речки Нареквави, впадающей в Арагву: теперь на месте прежнего города существует большое и довольно богатое селение, в котором уцелел храм во имя Божией Матери, построенный еще в IV стол. сыном царя Мириана. В этом храме есть сокровище первых веков христианства: ветхая икона Божией Матери древнейшего письма на доске, как известно по преданию, из яслей Вифлеемских, относящаяся ко времени принятия грузинами веры христианской».



День третий

† Преподобного САВВЫ ЗВЕНИГОРОДСКОГО

«Добрым растением пустыни явился ты, преподобный, в юности избрав жизнь чистую, последовал духовному учителю и, по его наставлению, устремил весь ум свой к небу. И умным ты был наставником стада своего. Потому и Христос обогатил тебя чудесами, как прилично быть светлому светильнику. Савво, отче наш! моли спастись душам нашим»[1].

Так поет Церковь преподобному Савве!

В молодых летах расставшись с миром, блаженный Савва пришел в пустыню к дивному Сергию и здесь принял монашество. Под руководством великого наставника обучался он послушанию, смирению, чистоте мыслей и тела, строгому посту. Он избегал бесед с другими и любил беседу с Господом; старался не оставаться праздным, но то участвовал в церковном пении, то занимался рукоделием и какою-либо работою. Он казался простым в глазах людей, но приобрел мудрость духовную; часто плакал о нищете души своей и трепетал пред строгостью Суда Божия[2].

---

[1] Служба на 3 декабря в Четьях-Минеях (М., 1645); Описание Румянцевского музеума. № 397.

[2] Маркеллово житие св. Саввы у Царского № 135, 264; Толстого № 2, 190; печатное — *Маркелл Безбородый*. Житие преподобного Саввы. М., 1646.

Такими подвигами возрастал он в жизни духовной и даже «в монастыре Сергия был духовником всему братству, старцем почтенным и весьма учительным»[1].

В 1380 году великий князь Дмитрий Иоаннович, после победы над Мамаем, пришел в обитель преподобного Сергия принести благодарение Господу, даровавшему победу, и исполнить обет свой. Пред походом на Мамая говорил он Сергию: «Отче! если поможет мне Бог, и возвращусь я здоровым, поставлю монастырь в честь Успения Пречистой Богородицы». Теперь просил он преподобного найти удобное место для обители. Святой обошел места пустынные, и ему понравился уединенный остров, омываемый Дубенкою, Дубною и Быстрицею, на северо-западе от Лавры, что ныне на границах Тверской и Владимирской губерний. Преподобный пригласил великого князя и, согласно с его желанием, основаны были здесь храм Успения Богоматери и общее житие иноческое. Начальником пустыни преподобный поставил ученика своего Савву, мужа, говорит блаженный Епифаний, «зело добродетельного»[2]. Здесь, в тихой пустыни, преподобный игумен Савва жил по-прежнему, в простоте строгого подвижника: питался только растительною пищею, носил одежду грубую, спал на полу и лил слезы о грехах[3].

Когда в обители Сергия Никон, приняв после его кончины († 1391 г.) управление обителью, скоро пожелал жить в безмолвии, — ученики Сергия упросили преподобного Савву принять на себя управление обителью, основанною общим наставником их. Это было в 1392 году[4]. Преподобный пас стадо Сергия с усердием. Он оставил здесь память заботливого начальствования своего и тем, что по примеру наставника извел молитвою источник чистой воды за северною стеною обители[5]. Но любитель безмолвия тяготился властию над обителью многолюд-

---

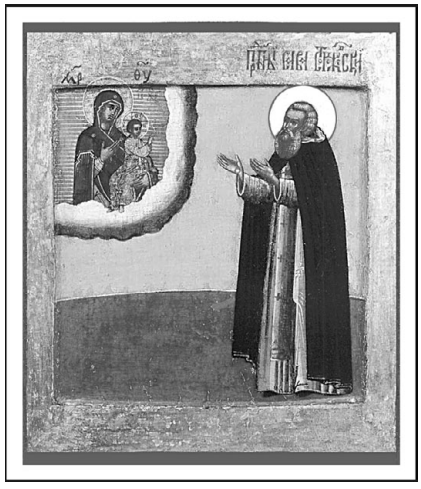
[1] Никон. л. 4, 235.

[2] Никон. л. 4, 235. Епифаний в житии прп. Сергия: «вручи игуменство от ученик своих Савве именем, мужу зело добродетельну». Маркелл: «прииде на речку зовомую Дубенку, — созда церковь во имя Успения и набра от стада ученик своих сего блаженнаго Савву, о нем же повесть сия предложися». О месте Дубенской пустыни в: Чт. ОИДР. 1860. Кн. 1.

[3] Маркеллово житие св. Саввы.

[4] Маркеллово житие св. Саввы; пространное житие прп. Никона. Там и здесь сказано, что Никон «абие остави паству».

[5] *Симон (Азарьин)*. Сказания о чудесах или Книга о чудесах прп. Сергия. «Предисловие» напечатано во «Временник общества истории и древностей» (Кн. 10). По описии Сергиевой Лавры 1642 г. за Конюшенными воротами, что ныне Каличьи, у конюшенного



Преподобный
САВВА
ЗВЕНИГОРОДСКИЙ

ною; не могло не тревожить его и то, что, по назначению великого наставника его, блаженный Никон должен пасти стадо Сергия. Между тем Звенигородский князь Юрий Дмитриевич, брат великого князя, часто посещавший обитель Сергия и много благодетельствовавший ей, хорошо знал преподобного игумена Савву: он имел его своим духовником. Положив в душе устроить обитель в своем уделе, князь пригласил преподобного Савву посетить дом его для преподания благословения Божия. Старец согласился. Князь открыл тайное желание свое и умолял святого принять на себя устроение обители близ Звенигорода, на горе Сторожевской. Преподобный осмотрел место, и оно ему весьма понравилось[1]. Пав пред иконою Богоматери, со слезами просил он Ее покрова для пустынного места и остался на уединенной горе. Это было в 1399 году[2].

На горе святой поставил себе хижину и близ нее устроил небольшой деревянный храм в честь Рождества Богоматери. Скоро слух о его высокой жизни призвал к нему многих, искавших безмолвной жизни. Преподобный с любовью принимал приходивших к нему и устроил общежитие. В 1399 году князь Юрий должен был, по воле великого князя, идти воевать с болгарами. Пред выступлением в поход благочестивый князь пришел за благословением к духовному отцу своему. Святой старец помолился о нем, благословил его крестом и сказал: «Иди, князь, — Господь с тобою; ты победишь врагов и возвратишься здоровым». Юрий с войсками, своим и великого князя, в продолжение трех недель взял несколько городов: Великие Болгары, Жукотин, Казань, Кременчуг и другие и с богатою добычею возвратился в отчизну[3]. С радостью благодарил теперь князь преподобного Савву за его молитву столько благоуспешную. Смиренный старец относил счастье князя к милости Божией и к добродетелям князя, особенно же к благотворительной любви его. Князь поспешил доказать благодарность свою делами, — он доставил обители Саввы разные пособия и дары. Каменный прекрасный храм

двора пруд «да посторонь его колодезь чудотворца Саввы». Колодезь и поныне называется Саввиным; он близ Воскресенской церкви, что в Какуеве.

[1] Маркелл: «яко же небесный рай благовонными насажден цветы, сие место обрет и зело возлюби е». По этим словам Савва пришел на Сторожу летом.

[2] По Маркеллу прп. Савва был игуменом Сергиевой обители около шести лет — следовательно, с 1392 г. до половины 1398 г.

[3] Маркеллово житие св. Саввы; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V; *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. Т. II. Кн. 3.

в Саввиной обители остается поныне памятником трудов преподобного Саввы и благотворительности князя Юрия[1]. Грамотою от 4-го мая 1409 года князь Юрий Дмитриевич пожертвовал «в дом Пречистой отцу своему игумену Савве с братиею» три села с деревнями и дома крестьян, которые будут жить в уступаемых землях, освободил от своих податей и суда[2]. Несмотря на богатые пособия духовного сына, преподобный не переставал сам трудиться для обители. Обнесши монастырь деревянною оградою, он сам выкопал колодезь под горою, который поныне доставляет прекрасную воду для обители; а для безмолвных подвигов своих выкопал себе пещерную келью в овраге, в версте от монастыря[3]. Еще цела в обители риза, в которой преподобный совершал служение пред престолом Божиим: она белая тафтяная, с оплечьем темным, шитым струйками серебра и шелка[4]. Апостол писал: *всегда более усовершайтесь в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом* (1 Кор. 15, 58). Так и жил преподобный Савва, со дня на день усовершаясь в духовной жизни и подвизаясь с твердою надеждою на награды вечности. Так жил он сам и к тому же побуждал учеников своих. Он достиг глубокой старости и мирно почил 3 декабря 1406 года[5].

Спустя много лет после кончины блаженного Саввы, как говорит составленное в половине XVI века описание чудес преподобного,

---

[1] Маркеллово житие св. Саввы. О построении каменного храма говорится и в службе св. Савве. «Соборная церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы современна прп. Савве; первоначальная была деревянная малых размеров» (Путешествие антиохийскаго патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским (по рукописи Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел)). В «Истории иерархии» сказано, что каменный храм Сторожевской обители построен по образцу Троицкого Сергиевой обители (*Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. II). Но последний строился с 1422 г., а прп. Савва скончался в 1406 г., следовательно, Сторожевский храм мог служить образцом для Троицкого, а не наоборот.

[2] Акты исторические. Т. 1. № 15.

[3] Четьи-Минеи 3 декабря; *Смирнов С.К.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. М., 1846. Прим. 20 (далее — *Смирнов С.К.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря).

[4] *Смирнов С.К.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. Прим. 108. В описи 1684 г. показывали полное облачение прп. Саввы кроме ризы, подризника, епитрахили, поручи и пояса. В описи 1662 г. показаны «канонник чудотворца Саввы». Но, к сожалению, и его ныне нет в обители Саввы.

[5] Ркп. житие у Толстого 2. № 190. Ркп. святцы: «прп. Савва игумен Сторожевский Звенигородский, чудотворец, бысть ученик прп. Сергия, преставися в л. 6915 мес. декабря в 3 день».

игумен Дионисий, окончив вечернее правило, лег заснуть. И вот является ему старец и говорит: «Дионисий! вставай и напиши лик мой на иконе». — «Кто ты и как зовут тебя?» — спросил Дионисий. «Я Савва, начальник сего места», — отвечал явившийся. Дионисий, пораженный видением, призвал ветхого старца Аввакума, который в юности своей видел блаженного Савву живым, расспросил у него, каков был видом преподобный Савва? Аввакум рассказал о виде и росте его. «Точно таким явился мне ныне тот, кто велел мне написать лик его», — сказал Дионисий. Так как игумен был искусный иконописец и муж благочестивый, то он вслед за тем написал икону преподобного. При том же игумене исцелился в обители Саввы бесноватый. Но более замечательно было третье событие при игумене Дионисии. Братья обители зароптали на игумена и донесли на него великому князю Иоанну. Дионисий испугался строгого князя, боялся явиться к нему и обратился с молитвою к преподобному Савве. Явившийся во сне преподобный сказал Дионисию: «О чем скорбишь ты, брат мой? Иди, говори смело, не боясь ничего: Господь — твой помощник». В ту же ночь преподобный являлся и роптавшим на игумена. «Затем ли вы оставили мир, — говорил он строго, — чтобы с ропотом иночествовать? Вы ропщете, а игумен молится: что одолеет? В строптивых сердцах не живет ни смирение, ни благодать Божия». После сна рассказали они видение друг другу, в сильном смущении. Явясь к великому князю, ничего не могли они рассказать верного против игумена и остались в стыде. Сличая это сказание о чудесах преподобного с другими памятниками, должны мы положить, что чудесные события времени игумена Дионисия происходили не ранее 1480 и не позже 1490 года[1].

[1] Грамотою от 30 января 1490 г., данною Сторожевскому игумену Дионисию, Звенигородский князь Андрей Васильевич определил, какие когда брать пошлины с монастырских сел (Акты исторические. Т. 1. № 100). Князь Андрей Васильевич, владевший Звенигородом, Угличем, с 1491 г. лишился всех прав владетельного князя; в 1491 г. для Саввина монастыря он дал несколько грамот и одну в 1470 г. (*Смирнов С.К.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. Прим. 31–33, 139, 144). В грамоте 1490 г., между прочим, писал он «а что была пошлина келарю да подкелярнику, и ты тое пошлины имать не вели». Не это ли ограничение доходов келаря и подкелярника подняло бурю ропота против игум. Дионисия? Смирнов допускает странность — выставляет двух игуменов Дионисиев, одного около 1430 г., показывая его иконописцем, написавшим образ Саввы; другого относит к 1490 г. и ставит его на суд пред великим князем. Но у Маркелла не только нет никакого основания для мысли о двух Дионисиях, напротив, в описании первого явления Саввы говорит он: «многим летом прешедшим по преставлении прп. Саввы», и следовательно по его словам игум. Дионисий иконописец

По всей вероятности, с того же времени в обители Саввы, как и в обители Сергия, где был он игуменом, началось благоговейное почитание преподобного Саввы. Это было как по обиходу Сергиевой лавры, так и по продолжению описания чудес[1].

При игумене Каллисте приведен был к гробу преподобного бесноватый. На первый раз он бежал из обители в лес и там залез на дерево. Когда с трудом привели его в обитель, игумен стал петь молебен преподобному у его раки, и бесноватый становился тише и тише, а потом и совсем исцелился. Один инок, страдавший болью глаз до того, что не мог смотреть, молился с слезами при гробе преподобного об исцелении боли своей и отер глаза покровом, лежавшим на гробе преподобного. Другой сказал с насмешкою: «Только запорошить глаза». Болевший глазами тотчас исцелел, а смеявшийся ослеп. Последний пришел в себя и стал плакать и молить о прощении греха его и также был исцелен. Один мирянин до трех раз был исцелен от болезни; болезнь возвращалась каждый раз, как только возвращался он в свой дом. Поняв из того, что преподобный призывает его к себе навсегда, он после третьего раза не возвратился в дом и в обители преподобного жил в добром здоровьи[2]. Раз игумен Мисаил был очень болен. Пономарь Гурий шел звонить к утрене. Благолепный старец спрашивает его: «Здоров ли игумен?» «Он болен», — сказал Гурий. «Скажи ему, — сказал старец, — пусть призовет на помощь Святую Богородицу и начальника обители Савву и будет здоров; а мне отвори двери». Пономарь, не зная, что это за человек, не хотел отворять дверей. Но тот пошел сам в отворившиеся двери. Пономарь в страхе призвал товарища и стал укорять его: «Зачем он оставил двери незапертыми?» Товарищ

жил много лет спустя после св. Саввы, а не какие-нибудь 25 лет; иначе, он был тот же Дионисий, который в 1490 г. был на суде пред великим князем.

[1] В обиходе Лавры, писанном в 1555 г., под 3 декабря читается: «в той же день Саввы Сторожевскаго славословие».

[2] У Смирнова игум. Каллист поставлен преемником Евфросина, известного в 1454 г. и именно на основании записи Соломониды Бартеневой (*Смирнов С.К.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. Прим. 141). Но Бартенева говорит только, что отдает игум. Каллисту селище Михайловское в том виде, в каком покойный муж ее купил у Сторожевского игумена Евфросина. А по Маркеллову описанию чудес св. Саввы игум. Каллист был после игум. Дионисия, т. е. после 1490 г. В духовной своей грамоте 1515 г. прп. Иосиф Волоколамский признает «Каллиста, бывшаго Сторожевскаго игумена», способным к управлению монастырскому. Ясно, что Каллист был игуменом Сторожевским в 1495–1512 гг.

отвечал, что он запер двери. Когда же оба подошли к дверям, нашли их запертыми. После утрени пономарь рассказал братии и игумену, что видел и слышал он. Игумен велел несть себя к гробу и здесь после молебна выздоровел. Игумен Мисаил писал и в юридическом акте 1539 года, что он купил землю «в дом Пречистой и чудотворца Саввы»[1].

Игумен Афанасий, известный по грамотам 1542–1555 годов[2], был муж благочестивый и крепко верующий. Таков же был и келарь его Геронтий. «Приспела память преподобного отца Саввы, — говорит Маркелл, — келарь Геронтий взял благословение у игумена и пошел сказать, чтобы готовили праздничную пищу в день памяти преподобного». Но сосуд с маслом разбился. Когда келарь, сказав о том игумену Афанасию, прибавил, что в другом сосуде есть масло, но его слишком мало: верующий игумен отвечал: «Надобно возложить упование на Господа и на Его угодника, чудотворца Савву, который может умножить и немногое; пусть готовят пищу». Действительно масла не только достало для пищи, но еще осталось в избытке[3].

Много других чудес совершилось по молитвам преподобного Саввы и в последующее время[4]. Самое замечательное из них было при царе Алексии. Инок Леонтий просил Бога послать ему страдание, чтобы тем заслужить венец. По окончании обычной молитвы его входит в келлию старец с седою бородою и несколько сгорбленный, от которого изливался свет; он прикоснулся к устам дерзкого молитвенника, и Леонтий упал на пол без чувств. Братия, узнав, что Леонтий лежит без чувств, и признав его за угоревшего, отливали водою; но он оставался в прежнем состоянии, так что готовили его к похоронам. Но мало-помалу больной стал показывать в себе жизнь и в первый день Пасхи опамятовался, но оставался без языка. В утрене Фомина воскресного дня подошел к нему старец и, толкнув, сказал: «Встань, что сидишь?» Во время чтения второй кафизмы было то же самое, и в этот раз раз-

---

[1] Акты юридические. № 80.

[2] *Смирнов С.К.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря.

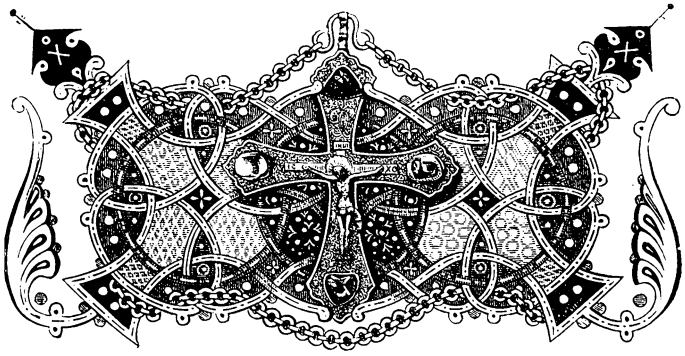
[3] Маркеллово описание чудес.

[4] В настольной грамоте 1592 г. игумену Герману читаем: «преподобный отец Савва Сторожевский» (Акты юридические. № 383). В грамоте апреля 28 1595 г.: «преподобнаго игумена Саввы Сторожевскаго монастыря строитель Нафанаил» (Акты исторические. Т. 1. № 248). Келарь Симон в своем описании новых чудес прп. Сергия передает несколько случаев, в которых прп. Савва является действующим чудесно то один, то вместе с прп. Сергием (*Симон (Азарьин)*. Сказания о чудесах или Книга о чудесах прп. Сергия).

решился язык Леонтия. «Кто ты?» — спросил Леонтий явившегося. Старец говорил что-то в наставление Леонтию, но Леонтий в страхе не мог удержать в памяти слов его. После утрени из церкви прямо прибежал он к архимандриту Варлааму, в слезах восхищения упал к ногам его и сказал: «Благослови, отче!» Потом в присутствии брата рассказал он, как началась болезнь его и что с ним было. Это происходило в 1650 году, когда Варлаам первый из настоятелей обители произведен в архимандрита. Преподобный Савва раз спас жизнь самого царя Алексия. На звериной охоте, до которой Алексей Михайлович был страстный охотник, на одинокого царя набежал огромный медведь; беззащитный царь сочел себя погибшим; но неожиданно явился старец и прогнал медведя. На вопрос царя: «Кто спас его?» Старец отвечал: «Савва, инок Сторожевской обители». В обители между живыми иноками, как узнал царь, не было тогда ни одного Саввы — и царь понял, что спас его преподобный Савва.

В 1652 году (19 января), по желанию царя Алексия, последовало торжественное открытие мощей преподобного Саввы[1].

[1] *Смирнов С.К.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. Прим. 172, 75.



День четвертый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святителя ГУРИЯ, архиепископа Казанского

Там, где жил преподобный Сергий с родителями пред удалением в пустыню, в Радонежском городке родился святитель Гурий, в крещении Григорий[1]; родители его были дворяне Руготины, бедные и не очень известные. В доме благочестивого отца сын получил благочестивое воспитание и обучен был читать и писать. Сыновья незнатных дворян обыкновенно служили тогда если не в службе великого князя, то при домах богатых княжеских фамилий. Так служил в доме князя Ивана Пенькова и Григорий Руготин. Григорий был умен и смышлен, нрава кроткого и уступчивого, честности неподкупной; он любил ходить в храм Божий на молитву, молился и в доме; любил целомудрие и, охраняя его, держал пост; подавал нищим милостыню, какую только мог. Ум, строгая честность и благочестивая жизнь Григория приобрели особенную доверенность к нему князя и его супруги: Григорию поручено было все управление по княжескому дому. Товарищи Григория стали

[1] Делаем извлечение из обширного и обработанного сочинения митр. Григория: *Григорий (Постников), митр.* Житие святителей чудотворцев Гурия, архиеп. Казанского и Варсонофия, еп. Тверского. СПб., 1853.

Святитель
ГУРИЙ,
архиепископ Казанский

завидовать счастью Григория. Зависть, мучившая бедных, довела их до того, что они оклеветали невинного пред князем в преступной связи его с княгинею. Гордый и вспыльчивый князь, не разобрав дела, хотел убить Григория. Сын князя был осторожен; он представил отцу, что такая расправа только опозорит дом их, и упросил не спешить исполнением приговора, столько опасного для них самих. Удержав порывы гнева, князь придумал другую меру мести. Была выкопана яма, и в ней опущен сруб; сюда-то велел он запереть Григория. Только малое отверстие сверху темницы пропускало в нее свет, и в то же окошко бросали Григорию на пять дней по снопу овса и опускали немного воды. Тяжко было положение невинного страдальца: природа отвращается от страдания и неправды и — Григорий на первый раз не мог не чувствовать горькой скорби. Но благочестивая душа его скоро помирилась с темницею. Мученики, думал Григорий, терпели и не то, при всей своей святости; темница избавила меня от соблазнов и тревог мирских; это уединение оставляет мне полную свободу готовиться к вечности, — а для чего и жить на земле, если не для вечности? И вот блаженный Григорий «в таковой беде наипаче простирается на славословие Божие, терпя и благодаря Бога о всем». Уже проходил второй год заключения, когда один из товарищей по княжескому дому, бывший другом ему, упросил сурового сторожа Григориева дозволить подойти к окну темницы и поговорить с заключенным; добрый товарищ ночью подошел к окошку и, спросив о состоянии заключенного, вызвался доставлять ему приличную пищу. Григорий, поблагодарив друга за участие, сказал: «Без наказания, которое терплю я, душа моя могла остаться неисцеленной; благодарение Богу за все! в пище не имею я нужды; а прошу друга моего приносить чернила и бумаги, — я стану писать азбуки, а друг будет продавать их и деньги после покупки бумаги станет раздавать нищим». Так Григорий и в темнице хотел, чтобы дети учились Закону Божию, так же как хотел помогать бедным, сам терпя крайние нужды. Спустя два года неожиданно в дверях темницы блеснул свет. Григорий, сотворив молитву, толкнул дверь, — она отворилась. Страдалец понял, что Господь дарует ему свободу. Он взял икону Божией Матери, бывшую с ним в темнице, и пошел из темницы прямо в обитель Иосифа Волоколамского, известную тогда по строгой жизни иноков.

Принятый в число братства, Григорий принял монашество и имя Гурия. Иноческая жизнь уже знакома была ему по темнице: там привык он и к посту, и к безмолвию, и к постоянному Богомыслию; от своей

воли отучили его в княжеском дому. Оставалось ему возрастать в жизни духовной, а не учиться ей с азбуки. Потому-то блаженный Гурий «бысть монах чуден и живяше по монастырскому чину и обычаю, игумену и братии повинуяся», как пишет блаженый Гермоген. По высокой духовной жизни своей в 1542 году он был избран в игумена обители Иосифовой. Проникнутый заботою о спасении своей души, он искренно заботился возбуждать и поддерживать в братии попечение о душе своей. Правилом его было не равнять попечения о внешнем благолепии обители попечению о спасении душ, — тем более не стараться о обогащении монастыря. «Не добро, — говорил он, — монастыри богатити чрез потребу, они бо сим более пустуют». Такое управление обителью привлекало в обитель и иноков, и мирян. Под руководство блаженного Гурия поступил Феогност Руготин, бывший Селижаровский игумен. Царь отличал своим вниманием блаженного Гурия и вступал в разговоры с ним. Пробыв настоятелем обители девять лет без двух месяцев, блаженный Гурий по болезни (темничная жизнь расстроила здоровье его на всю жизнь) сложил с себя заботы начальствования и два года жил на покое, в посте и Богомыслии. Потом, по воле царя, определен он был в настоятеля Селижаровской обители; но здесь пробыл он не более года[1].

Для завоеванного Казанского царства собор определил избрать архиепископа. Это место служения в тогдашнее время было чрезвычайно важно: здесь надлежало быть с апостольскою ревностью и чистотою души, чтобы благоплодно проповедовать святую веру незнающим ее. Потому и избрание архипастыря происходило необыкновенным образом. По совершении молебного пения митрополитом из четырех жребиев взят был с престола один, и это был жребий Гурия; потом взят один из двух, и это был опять жребий блаженного мужа. Февраля 7-го 1555 года святитель Гурий собором архипастырей рукоположен в архиепископа Казанского. Со стороны царя для архипастыря новой и столь важной епархии назначено было особенное жалованье и пожертвованы разные церковные принадлежности; святители и богатые обители от себя подарили множество разных вещей. Отправление и путешествие первого Казанского архиепископа на свою епархию было самое торжественное.

[1] Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря // ЧОИДР, 1847. Кн. 7. Отд. 4. Письмо царя Иоанна Васильевича к Гурию архиеп. Казанскому см. в: Продолжение Древней российской вивлиофики. 1789. Ч. V.

Мая 26-го митрополит с архипастырями и низшим духовенством в присутствии царя и его двора отслужил молебен в Успенском соборе и с крестным ходом сопровождал архиепископа новопросвещаемого края из Кремля на площадь.

На площади опять совершено молебствие, и архиепископ рекою Москвою отправился к Симоновой обители, где встречен был с колокольным звоном собором монашествующих и совершил Литургию в храме обители. Отправясь на следующий день водою, архипастырь в каждом городе встречаем был молебствиями и сам совершал моления. Достигнув границы своей епархии, там, где назначено было построить город Чебоксары, святитель по черте города совершил крестный ход и потом служил Литургию. Еще поныне цела здесь Владимирская икона Божией Матери, которою святитель благословил городок, — рассадник христианства между чувашами и черемисами[1]. Все путешествие святителя до Казани было почти непрерывным молением, и оно продолжалось два месяца[2].

Правила, которыми надлежало руководствоваться и которым следовал святитель новопросвещаемой страны, были таковы: прежде всего поучать духовенство; новокрещенных утверждать в вере и благочестии; блуждающих магометан и язычников обращать к святой вере убеждениями, не прибегая к насилиям; более других знатные лица, обращающиеся к вере, учить истинам Евангелия в доме архипастыря; за магометанина и язычника, осуждаемого судом за преступление, но принимающего святую веру, ходатайствовать пред начальством о прощении вины его[3]. Святитель, выполняя эти правила, присовокуплял к тому для успехов веры после молитв и то, что в доме его находили себе пищу и помощь всякая бедность и нужда. Неверующие видели, что жизнь его — любовь святая, любовь благотворительная для всех без различия. На втором году служения своего святитель начал строить близ Казани Зилантов монастырь. По уставу святителя, иноки сей обители занимались обучением детей чтению и письму, преимущественно же закону Божию. Благочестивое желание знакомить детей с верою и правилами христианскими, пробудившееся еще в темнице, теперь развилось в нем с особенною силою. Еще и поныне,

[1] Казанские губернские ведомости. 1848. № 48.

[2] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1.

[3] Там же.

спустя 300 лет, жители Казани не начинают учить детей своих грамоте, не испросив благословения святителя у мощей его. Так известна в том краю любовь святителя к делу образования детей. И труды Евангельского проповедника в стране мрака были благоплодны. Божественный муж, свидетельствует Гермоген, один из преемников его, учением своим привел ко Христу множество душ.

Последние три года жизни святитель Гурий лежал на одре болезни, не мог совершать служения и даже ходить в храм; но дух его молился и молитвою низводил благодать небесную на его паству. В великие праздники носили его к Литургии в храм Благовещения Богоматери, построенный им; здесь сидел или даже лежал он, слушая службу Божию; келья его и без того была у придела страстотерпцев Бориса и Глеба; но душа его горела желанием молиться вместе с паствою своею в дни общей хвалы и молитвы. Блаженная кончина его последовала 4 декабря 1563 года, и святое тело его положено было в Преображенской обители.

Спустя 32 года после того начали строить каменный Преображенский храм на месте деревянного, и тогда открылись гробы святителей Гурия и Варсонофия. «Вся рака святителя Гурия, — говорит очевидец, — наполнена была благоуханным миром, и мощи плавали; святое тело было нетленно; только верхней губы несколько коснулось тление. Сам я недостойный грешною моею рукою коснулся святого тела и чувствовал, как оно плавало; осязал и погребальные ризы, и они были крепки; прикасался мантии и сильно тянул ее, но она была крепче новой».

Силу нетленных мощей первый испытал инок Иоасаф. Ему пришла дерзкая мысль открыть раку святителя Гурия; но едва коснулся он, руки его стали гореть и их корчило нестерпимою болью; познав свой грех, молил он святителя о помиловании и был исцелен не только от новой болезни, но и от долго томившей его лихорадки. Ключарь собора, сильно страдавший глазною болезнью, так что не мог вкушать пищи, в день памяти святителя, 4 декабря, велел повесть его к раке святителя и, приложась к мощам, получил исцеление. Особенно замечательно исцеление дьяка Панкратьева. Он так болел, что был близок к смерти. В тяжком страдании молился он Богу и призывал помощь новоявленных чудотворцев Казанских. Затем в тонком сне казалось ему, что он в соборном храме видит архиепископа Гурия; святитель хотел взять его за правую руку, но он пал на землю. Тихо приподняв его, святой сказал: «Не скорби, раб Божий Иоанн; Господь помиловал тебя, и ты будешь здоров; но иди и благословись у друга моего Варсонофия». Святитель

сам повел его к правому углу собора, где стоял епископ Варсонофий, и сказал: «Брат Варсонофий! благослови Иоанна и освободи его от болезни». Варсонофий, благословляя, сказал: «Не скорби, чадо Иоанн! по вере твоей к Богу ты будешь здоров». Пробудясь мгновенно от сна, Иоанн начал плакать пред иконою святителя и чувствовал себя здоровым.

Святитель Гурий своим благочестием воспитал искренних рабов Божиих и в приближенных к нему. Царем Иоанном дан был святителю для забот о делах житейских боярин Иоанн Застолбский. Боярин был богатый человек, но служил святителю со всем усердием и под влиянием благочестия святительского боялся греха всего более, любил правду и был строго честен; особенно служил он святителю во время болезни его. Сын его Нестор, кроткий юноша, с юных дней стал весть жизнь строгую, под одеждою боярского сана носил власяницу, соблюдал пост и любил молитвы храма; с согласия доброго отца принял он монашество с именем Нектария и скончался юным иноком. Вслед за тем принял монашество и отец, с именем Ионы; недолго поболев, Иона заповедал похоронить его вблизи святителя, в той палатке, которую построил он для него и где похоронил он сына. При открытии мощей святителя Гурия найдены нетленными тела и одеяния иноков Ионы и Нектария, верных учеников святителя[1].

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святителя ГЕННАДИЯ, архиепископа Новгородского

«Савватий егда на Валааме был, аз у него ученик, а он мне старец был», — так говорил блаженный Геннадий Соловецкому игумену Досифею[2].

[1] Ркп. писание Гермогена о житии свв. Гурия и Варсонофия. Ркп. святцы: «прпп. отцы Иова и Нектарий, боляре, ученицы св. Гурия архиепископа, с ним же и мощи их обретены в лето 7104 (1595) месяца октября 4 день».

[2] Ркп. Досифеево житие прпп. Зосимы и Савватия.

Затем с 1480 года видим Геннадия Гонзова, «мужа сановитого, умного, добродетельного и сведущего в Писании» архимандритом Чудова монастыря[1]. В 1482 году вместе с Ростовским архиепископом Иоасафом, бывшим князем Оболенским, держал он сторону великого князя в споре о хождении вокруг церкви во время освящения нового храма; спор окончился уступкою убеждениям митрополита[2]; а пред тем он подвергался строгому наказанию митрополита Геронтия за дозволение инокам Чудова монастыря пить Богоявленскую воду после трапезы, но по ходатайству великого князя и бояр скоро прощен был[3]. В 1483 году он начал в Чудовом монастыре строить первый храм каменный, в честь святителя Алексия, — и прежде всего на место обветшавшей трапезы построил новую каменную[4]. Строение огромного каменного храма не могло окончиться скоро; а между тем 9 декабря 1484 года блаженный Геннадий посвящен был в архиепископа Новгородского[5]. Благоговевший к великому святителю России, Геннадий не оставлял и после того забот своих о храме в честь его имени. Он поручил набожным и сведущим людям оканчивать постройку и украшение храма, доставляя средства на то от себя[6].

Главным делом жизни его была борьба с жидовскою ересью, — борьба, продолжавшаяся во все 19 лет архипастырского служения его. Едва прибыл он в Новгород (в начале 1485 г.), как узнал, что здесь скрытно действует ересь жидовствующих. Блаженный святитель запылал ревностию к святой истине Христовой. «Быв пущен, — говорит преподобный Иосиф, — на злодейственных еретиков, он устремился на них, как лев, из чащи Божественных Писаний и с красных высоких гор учения пророков и апостолов; он разрывал ногтями скверные утробы, напоенные жидовским ядом, сокрушал и терзал зубами, и убивал о камень»[7]. Первое сведение о ереси дошло до архиепископа почти случайно. Четверо членов общества, в нетрезвом виде, упрекая друг

---

[1] Пролог 20 мая; Книга степенная. Ч. 1.

[2] Собр. л. 6, 233.

[3] Собр. л. 6, 234.

[4] Собр. л. 6, 335, 36; Книга степенная. Ч. 1.

[5] Собр. л. 6, 236. 4, 134, 155; 1 Никон. л. 6, 119.

[6] Пахомиево житие свт. Алексия с прибавлениями времени митр. Макария. Книга степенная. Ч. 1. Пролог 20 мая: «сребра довольно на совершение храма того и трапезы и палат посылаше». *Снегирев И.М.* Памятники московской древности; Русская старина в памятниках. Т. 3.

[7] *Иосиф Волоцкий*. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих.

друга в делах тайных, обнаружили существование нечестивого общества. Ревностный архипастырь приступил к розыску. Отобраны были показания от обвиняемых в ереси и прикосновенных к делу; допрошены свидетели хульных дел; уже становилось видимым, что ересь разрослась в обширное общество и нечестия ее против христианства должны привести в ужас каждого искреннего христианина. Но четверо, отданные на поруки, убежали в Москву, не дождавшись окончания исследованиям. Святитель немедля отослал к митрополиту и великому князю обыск при своем донесении; он умолял принять должные меры против страшного зла[1]. На соборе 1488 года трое уличенных в ереси признаны были достойными церковного отлучения и гражданской казни, а четвертый объявлен свободным от суда, так как против него был только один свидетель; все же возвращены к своему архипастырю для увещаний и дальнейшего расследования ереси, притом повелено отсылать нераскаянных к гражданскому суду[2]. Трудно было Геннадию привести дело в точную известность; общество держало дела свои в самой строгой тайне; еретики с клятвою отказались даже от собственных своих слов, тем более не хотели открывать тайных мыслей общества. Но с помощью гражданской власти отобраны были показания, подтвержденные подписями некоторых виновных и свидетелей; отысканы богослужебные тетради еретиков, пасхалия, составленная по иудейскому календарю, некоторые особенные книги. Особенно же много открыто священником Наумом, который прежде сам принадлежал к тайному обществу. Еретиков, искренно сознавшихся в заблуждении, Геннадий принял к церковному покаянию, прочих предал гражданскому начальству. Подробное донесение с приложением показаний препроводил к митрополиту и ожидал распоряжений, тем более, что оговорены были и некоторые московские члены общества[3]. Это представление уже

[1] Обыск и донесение до нас не дошли, но дошла грамота митрополита к Геннадию от 15 февраля 1488 г. (Акты исторические. Т. 1. № 286), где читаем: «писал еси к нам свои грамоты, к господину, сыну моему, к вел. князю, да и ко мне, что прозябают ереси в Новгороде, хулы и поруганья от священников и от диаконов и от дьяков и от простых людей, да и списки еси на тех еретиков прислал к нам, почему еси обыскивал, как они хулили Сына Божия и Пречистую Его Богоматерь и ругались св. иконам; а величают жидовскую веру, а нашу Православную Христианскую веру хулят». О том же в писании к Зосиме (Древняя российская вивлиофика. Ч. XIV).

[2] Акты исторические. Т. 1. № 286; Руский времянник. Ч. 2.

[3] Геннадий в письме к архиепископу Иоасафу и в послании к Зосиме (Древняя российская вивлиофика. Ч. XIV); Собр. л. 6, 238; Книга степенная. Ч. 1.

не имело в Москве такого успеха, как прежнее. Митрополит Геронтий умер (28 мая 1489 г.); сильный при дворе дьяк Курицын, тайный член общества, возвратился из Венгрии и принял друзей своих под свою защиту. Геннадия не стали приглашать к общим делам Церкви. Новгородские еретики, узнав о всем том, бежали в Москву. Здесь, под защитою Курицына, даже запрещенные священники совершали службу, а Дионисий, придворный протоиерей, взятый из Новгорода, доходил до хулы над святым крестом в храме. Чернец Захария, главный вождь еретиков, свободно рассылал по городам грамоты, где поносил Геннадия как еретика. Беспорядки тем свободнее росли, что по смерти Геронтия кафедра митрополита полтора года оставалась праздною (до сентября 1490 г.)[1]. Пламенный Геннадий не оставался бездейственным. Он послал список прежних донесений к Сарскому епископу Прохору, управлявшему митрополией; просил посланием двух других епископов, Нифонта Суздальского и Филофея Пермского, обратить пастырскую заботливость на дело о еретиках; им описывал он и новые дерзости нечестивцев. Когда избран был новый митрополит Зосима, Геннадий, хотя недовольный некоторыми распоряжениями его, настоятельно просил Зосиму предать еретиков соборному отлучению. Геннадий тогда еще не знал, что Зосима сам принадлежал к тайному обществу и избран был по происками членов его. Но Зосима, хотя бы и хотел, не мог тогда отложить дело о еретиках. Епископы, бывшие на поставлении его, имели в руках донесения Геннадия. Собор открылся (18 октября 1490 г.). На основании розысканий, представленных Геннадием, до 9 лиц духовного звания преданы проклятию; великий князь отослал одних в Новгород к Геннадию, других сослал в заточение[2]. Геннадий

[1] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви.Т. 3. В 1489 г. дьяк Ф. Курицын привез с собою из Венгрии повесть о Дракуле Воложском, вероятно, им же переведенную (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VI, прим. 273) и распространившуюся в списках (Описание Румянцевского музеума). Он же перевел апокрифическое послание Лаодикийцам (*Руднев Н.А.* Рассуждение о ересях и расколах, бывших в русской церкви со времени Владимира Великого до Иоанна Грозного. М., 1838. Прим. 93). По письму блаженного Геннадия к Иосифу видим, что у Курицына и ему подобных наравне стояли пророчество и бытия с Менандром, логикою и баснословною книгою: Сильвестр папа Римский.

[2] Книга степенная. Ч. 1; Собр. л. 3, 143. 4, 158. 159. 6, 38; Просветитель или обличение ереси жидовствующих; Послание Геннадия к Зосиме (Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1. № 380); Послание к Собору 1490 г. (Православный собеседник. 1863).

предал ересь публичному позору: еретиков водили по улицам в шлемах берестовых с мочальными кистями, с венками из соломы и с надписью: «Се сатанино воинство»[1]. И суд Божий печатлел этих людей печатью гнева. После соборного осуждения Дионисий впал в сумасшествие, кричал на разные голоса и умер скоропостижно; у дьяка Истомы прогнило чрево; монаха Захарию постигла мучительная смерть[2]. Блаженному Геннадию собором поручили сделать расчисление пасхальных чисел на осьму тысячу лет[3], — предмет в тогдашнее время важный по многим отношениям. С одной стороны образовалось в народе ложное убеждение, что за окончанием пасхалии, расположенной на семь тысяч лет, непременно последует кончина мира[4]; с другой стороны жидовствующие, ознакомясь кое-как с еврейскою хронологией, указывали на нее народу в подкрепление насмешек своих над его верою. Блаженный Геннадий, чем бы ни занимался, занимался от всей полноты души. По письму его к архиепископу Иоасафу видно, что его занимала сильная забота об ослаблении ложных толков народа касательно ожидаемой кончины мира и о пресечении соблазнов, доставлявших пищу ереси. Он не довольствовался поверхностным взглядом на предмет внимания общего, а хотел рассмотреть его со всех сторон. Он писал к другу своему: «Мне думается, по Еноху, что век работает человеку», — время для человека, а не человек для времени, «и 7000 лет положены для человеческого пременения», измеряют собою только перемены, последовавшие с людьми. «По Богослову, мы каждый час должны ожидать кончины». «Да и то мне мнится, — продолжает Геннадий, — не украли

[1] *Иосиф Волоцкий*. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих.

[2] Собр. л. 4, 158. 159; Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих.

[3] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VI, прим. 618, 619. Ркп. псалтырь Сергиевой лавры № 5. Собор был в сентябре 7000 (1491 г.). В ноябре следующего года на соборе сделано было пасхальное расчисление праздников на 20 лет; Питирим, епископ Пермский, отправил тогда же в Москву свое расчисление на 19 лет (Там же, прим. 620). Сам Геннадий писал в предисловии к своей пасхалии: «повелено бысть от господина отца нашего Зосимы митроп. всея Русии мне Гиннадию архиеп. вел. Новгорода и Пскова учинити пасхалию на осмую тысящу и нецыи мнеша, яко скончаваеме седмой тысящи быти и скончание миру, и прежде якоже скончаваемей шестой тысящи сицевое мнение одержа люди...» (Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. Отд. III).

[4] В пасхалии после 6999 г. поставлено было замечание: «зде страх, зде скорбь, аки в распятии Христове сей круг бысть, сие лето и на конце явися, и в нем же чаем и всемирное Твое пришествие». Другие следы того же ошибочного мнения у Шевырева (*Шевырев С.П.* История русской словесности. Т. IV).

ли у нас еретики лет?» Иначе, до какой степени заслуживает веру еврейская хронология? «Правда ли то, что по нашей пасхалии время делания не исполнилось?» т. е. следует ли заменить греческий счет лет еврейским? «Ты о том подробно поговори с Паисием (Ярославовым) и с Нилом (Сорским), и напишите мне о том. Также уведомь меня, нельзя ли побывать у меня Паисию и Нилу? Хорошо бы поговорить с ними о тех ересях». Блаженный Геннадий в 1492 году составил определение пасхальных чисел на 70 лет осьмой тысячи лет и написал «коловратный ключ пасхальный на 532 года», при котором не только в целой осьмой тысяче лет, но и далее можно находить пасхальное число того и другого года[1]. Он разослал по своей пастве вместе с пасхалиею окружное послание с тою главною мыслью, что о дне и часе Пришествия Христова не предоставлено знать людям, а потому преступно и толковать о том[2]. Блаженный Геннадий не только не был жестоким в отношении к еретикам, напротив был очень снисходительным, но снисходительность его еретики употребили только во зло. Преподобный Иосиф Волоколамский свидетельствует: «Еретики, убоясь казни, начали каяться с клятвами; архиепископ Геннадий, поверив покаянию их, дал им свободу, а они как только получили ее, все бросились бежать и разошлись по многим городам и селам и рассеяли свое нечестивое учение». Тогдашнему невежеству народа вполне соответствовала наглая дерзость, с какою увлеченные ложными мнениями готовы были топтать в грязь и совесть, и веру святую. Не прошло трех лет после строгого наказания, какому подверглись уличенные еретики, как избегшие суда еретики с бесстыдною наглостью стали вновь проповедовать свои нечестия. Оказавшееся несостоятельным ложное убеждение простодушных о кончине мира дало пищу дерзостям их. «Если Христос есть Мессия, — говорили они, — почему не является Он в славе, по вашему ожиданию?» Они смеялись теперь и над воскресением мертвых. В пастве Геннадия лжеучители волновали людей по селам и обителям. Митрополит Зосима давал волю злу и даже наказывал смелых обличителей нечестия. По ходатайству дьяка Феодора Курицына, в Новгородский Юрьев монастырь прислан в архимандрита Кассиан,

[1] Собр. л. 3, 144. 184.

[2] Пасхалия на 70 лет с окружною грамотою, где предложены и правила, как вычислять пасхалию на все будущие времена (Устав // Московский архив иностранных дел; у Толстого 2. № 195, 254; 1. № 63).

столько же дерзкий, сколько и дурной жизни еретик; надеясь на защиту Москвы, он стал собирать к себе убежавших из Новгорода еретиков и не хотел смотреть на Геннадия. Тяжело и говорить о том, какие нечестия проповедовались, какие мерзости творились в собраниях новгородских еретиков[1]. Каково же было пламенному ревнителю Православия и искреннему пастырю душ смотреть на такое положение паствы своей! Он призвал на помощь себе преподобного Иосифа Волоколамского, и они оба, несмотря на силу ереси при дворе, с твердостью восстали против ереси. Они достигли, наконец, того, что митрополит Зосима (1494 г.) сложил с себя омофор. Новгородский архипастырь по ревности против ереси рассылал переводы сочинений против иудеев — труды переводчика Димитрия Герасимова. Одною из самых важных услуг его Церкви своего и последующих времен было то, что заботою его собраны были все книги Священного Писания в один общий состав[2]. Это, с одной стороны, оградило простодушных от обманов, в какие вовлекли их еретики, выдавая сочинения подложные и даже баснословные за книги священные[3]. С другой, доставило друзьям Православия ту книгу, которая во всякое время была необходима для них, — тогда как дотоле раздробленные части ее нелегко было отыскать даже самому Новгородскому архипастырю. Труд блаженного архипастыря высоко ценили в Святой Церкви. Из известных ныне списков Библии Геннадиевской один принадлежал митрополиту Варлааму, который отдал его в Сергиеву лавру как дорогой вклад, на поминовение по душе своей; другой принадлежал царю Иоанну Грозному, который послал его князю Острожскому в руководство при издании Библии; третьим владел Рязанский епископ. Блаженный Геннадий, при ревности к Православию, был столько рассудителен, что, чувствуя нужду в полном собрании книг Священного Писания, но не имея возможности отыскать их все в древнем переводе с греческого, поручил перевести некоторые из них с Иеронимова латинского

[1] Просветитель или обличение ереси жидовствующих.

[2] Старший список собрания ветхозаветных книг написан в 1499 г. «в великом Новгороде, в дворе архиепископле, повелением архиепископля архидиакона, при архиеп. Геннадиы» (*Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание рукописей Синодальной библиотеки. Отд. 1).

[3] Геннадий в послании к архиепископу Иоасафу: «да есть ли у вас — Пророчества да Бытия, да Царство, да Притчи, — да Иисус Сирахов, да Менандр, да книга Сильвестр Римский?»

перевода, и перевод был совершен славянином иеромонахом Вениамином[1]; первые 9 глав книги Есфирь переведены прямо с еврейского, вероятно, тем новокрещенным евреем Даниилом, который прибыл к Геннадию из Киева, о чем упоминал он сам в послании к митрополиту[2]. Хотя доблестному воителю Христовой истины не пришлось участвовать в деяниях собора (с декабря 1504 г.), окончательно низложившего ересь и ее защитников; но он имел утешение видеть и слышать, что подвиги его для святой веры благословлены Церковью и ее Господом[3].

О деятельности блаженного святителя по другим предметам известно следующее: Псков сильно оскорблял его при всей любви, какую оказывал ему блаженный пастырь. В 1485 году, при первом вступлении на паству, он послал псковитянам «благословенную грамоту» с богатым подарком[4]. Но когда он осенью того же года послал во Псков боярина своего и с ним игумена Евфимия, бывшего казначеем Псковским, с тем чтобы составили они опись церквам и монастырям с их духовенством, а Евфимий остался наместником его во Пскове: «Псковичи не вдашася в волю его», не выполнили воли его[5]. В следующем году он сам отправился к ним и, так как они в то время волновались против великого князя о правах рабов, то «явился он в вечевое собрание их и, преподав благословение народу, долго предлагал пастырское наставление и, наконец, оставил грамоту» той же любви[6]. Еще резче нанесено было оскорбление блаженному архипастырю в 1499 году. По обыкновению предшественников своих, он прибыл во Псков, чтобы совершить пастырские молитвы за Псковскую паству свою и потом заняться рассмотрением судебных дел. Псковичи простерли дерзость свою до того, что «запретили своим священникам служить с ним, а просфирницам готовить просфоры»[7]. Что ж это значит? Что за причина такой дерзости? «Псковичи, — говорит летопись, — не допустили его совершать соборного служения: ты, говорили, хочешь молить Бога за великого князя Василия, а наши

---

[1] *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание рукописей Синодальной библиотеки. Отд. 1. Здесь же подробно показано, какие книги, частию все, частию в частях, переведены были тогда с латинского языка.

[2] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1. № 380.

[3] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 3.

[4] Собр. л. 5, 43. 6, 236.

[5] Собр. л. 5, 45.

[6] Собр. л. 5, 46; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VI, прим. 629.

[7] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VII, прим. 69.

посадники поехали по этому делу к великому князю Иоанну»[1]. Итак дело в том, что псковичи, объявив в своем совете несправедливым распоряжение самодержавного государя о наследнике престола, восстали и против архипастыря своего. За это грубое оскорбление впоследствии заплатили они Василию потерею вольности своей[2].

Вот еще подвиг блаженного архипастыря, который приносит величайшую честь и уму и сердцу его, и за который однако претерпел он много неприятностей в свое время!

«Я просил государя, — пишет он к митрополиту, — чтобы велел устроить училища; для чести своего государя и для спасения общего напоминал я о том, и нам была бы легкость. Когда приведут ко мне грамотного ставленника, то я велю ему выучить ектению да и ставлю, потом научив его, как совершать Божественную службу, отпускаю тотчас же. И такие не ропщут на меня. Но вот приводят ко мне мужика: я приказываю дать ему Апостол, а он и ступить не умеет; приказываю дать псалтирь, он и по тому едва бредет; я отказываю ему, а они кричат изветь: “Земля такова, господин! не можем достать кто бы умел грамоте”. Вот видите, облаял целую землю, будто нет ни одного, кого бы следовало избирать в священство. Просят меня: “Пожалуй, господин, прикажи учить”. И я приказываю учить ектении: а и к слову не умеет пристать; ты говоришь ему одно, а он — другое. Приказываю учить азбуку. Они, поучась немного, просятся домой, не хотят учиться. Оттого-то на меня брань, по их нерадению. Не могу я ставить неучей. Потому-то умоляю государя завесть училища, чтобы его разумом и грозою, а твоим благословением, пришло это дело в порядок... Мой совет о том, чему учить в училище, такой: сперва азбука с полным истолкованием и слова почтительные, потом псалтирь с восследованием; если это изучат, могут после того проучивая, с приготовлением, и канонархать и читать всякую книгу. А без того вот невежи мужики учат за деньги и — только портят; отойдет от мастера и ничего не умеет; едва бредет по книге, а церковного порядка и вовсе не знает... Православны ли будут такие? По-моему, они не годятся в попы. О них-то сказал Бог: “Ты разум Мой отверг, и Я отрину тебя, — не быть тебе служителем Моим”. Господин и отец наш! попечалься об этом пред государем великим князем»[3].

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VI, прим. 459.

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VII, прим. 69.

[3] Акты исторические. Т. 1. № 104.

Поздний летописец с живою признательностью говорит о блаженном Геннадии: «Он хиротонисал в священников и диаконов таких, которые долго учились у него; поставленные им пресвитеры и диаконы так были просвещены, что оказывались светильниками миру, истинными пастырями и учителями порученной им паствы, и все люди получали от них великую пользу»[1].

В послании (1499 г.) к митрополиту Геннадий писал еще: «Ты, господин, говорил о иподиаконах, что которые поставлены молодыми и неженатыми, а обещаются сохранять девство, тем предоставлена свобода вступать в диаконский и иерейский сан; но которые оженятся после того, тем нельзя получить ни диаконского, ни иерейского сана». Геннадий с своей стороны предлагал ввести правило не иначе посвящать в диакона и пресвитера, как женатых. Блаженный архипастырь повторил свое предложение на соборе 1501 года, и тогда постановлено требовать, дабы ищущие священства были женатыми, — а вдовым священникам и диаконам не совершать Литургии[2]. В августе 1503 года Геннадий подписался под определением собора не брать пошлин за ставленнические дела ни епископу, ни его казначею и дьяку (секретарю), что было полезною мерою против крика еретиков.

В июне 1504 года великий князь вызвал Геннадия в Москву, и здесь архиепископ подал владыке грамоту, которою отказался он от управления епархиею и решился «жить в монастыре иночески, в покорении и послушании». У ревностного архипастыря много было врагов: и еретики, и невежи попы с их покровителями, и псковичи. Конечно они-то воспользовались произволами дьяка его, оклеветали блаженного архипастыря пред великим князем, и он решился удалиться в уединение[3]. Местом уединения избрал он Чудов монастырь, где так много трудился он для святителя Алексея. Здесь он «преставился к Богу» 4 декабря 1505 года[4]; честное тело его положено было в Михайловском храме,

---

[1] Книга степенная. Ч. 1.

[2] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1. № 383. В летописях (Собр. л. 3, 144. 184; 4, 491) ошибочно отнесено это определение к сентябрю 1503 г. Виленский собор 1509 г. также постановил не ставить в священники неженатых. Собор 1667 г. сказал: «издревле священными правилы не имеющие жен клири не запрещахуся». Потому отменил определение 1501 г. о вдовых священниках.

[3] Собр. л. 6, 49. 244; 3, 147. 184; Львов. л. 3, 279. 280.

[4] Книга степенная. Ч. 2. По одним показаниям, «пребысть в монастыре у Михайлова чуда полтретья году» (Собр. л. 6, 49. 244; Руский времянник); по другим, «был на Москве два года не полны» (Собр. л. 3, 147. 284); по третьим, «преставися

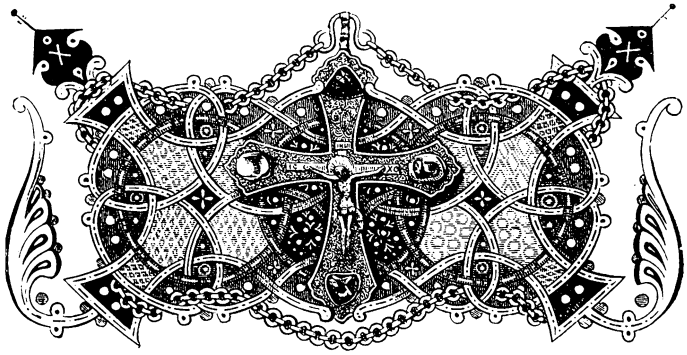
на том самом месте, где лежало нетленное тело святителя Алексия до перенесения его в новый храм святителя Алексия[1].

Писания блаженного Геннадия назидательны и для времен последующих. Он не поблажал в современниках страсти к обрядной набожности и осуждал пользовавшихся этою страстью для личных выгод. Не обратят ли этого в наставление себе промышляющие наружною цивилизациею? В прибавлении к пасхалии его написано: «Обоя единако судити. Занеже трегубое аллилуйя, а в четвертое — слава Тебе, Боже, являет Триипостастного Божества и нераздельного. А сугубое аллилуйя являет в двух естествах едино Божество. Ино как молвит человек мыслию, так и добро». В той же пасхалии член веры о Святом Духе читается так: «и в Духа Святого Господа Животворящего»[2].

7014 декабря 4 дня» (Собр. л. 3, 146. 184. 244); и это согласно с временем посвящения преемника его. Итак, верно показание второе, а не первое, о летах покоя, хотя и то не точно. Святитель Геннадий в числе святых по ркп. святцам (б-ка общ. истории, № 231) и отенским (1718 г.).

[1] Русская старина в памятниках. Т. 3.

[2] Пасхалия Соловецкого монастыря, № 479. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Обзор русской духовной литературы. Кн. 1, § 107.



День пятый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного НЕКТАРИЯ БИТЕЛЬСКОГО

Когда турки намеревались захватить Битель, мать Николая, впоследствии Нектария[1], работая на гумне, забылась кратким сном и видит: Пречистая повелевает ей бежать с мужем и детьми и скрыться где-либо; турки, говорила Пречистая, готовы захватить всю область. Когда удостоившаяся видения объявила о том мужу, — не медля нимало вся семья оставила родное место; турки вслед за тем разграбили и опустошили Битель[2], а благочестивая семья спасла жизнь свою от страшных дикарей.

Родитель Николая был уже в преклонных летах и потому с согласия жены поселился в обители бессребреников, находившейся на горе, соседней с Бителем; он взял с собою и сына Николая. Здесь принял он иночество с именем Пахомия и усердно подвизался для Господа. Местные христиане имели доброе обыкновение уделять часть плодов

[1] Жизнь прп. Нектария из Νεον εκλόγιον (см. напр.: Афонский патерик. Ч. 2).

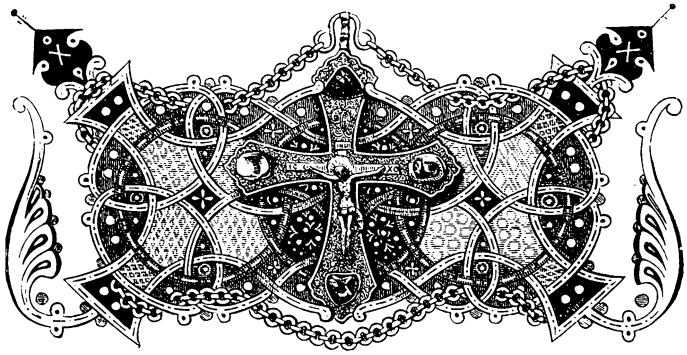
[2] Битель, так ныне называют болгары (*Georgii Cedreni.* Synopsis historiarum. An. 1014). Бутел, у Араба Эдриси (*Tafel.* Constantinus Porphyrogenitus). Бутили был столицею Болгарского царя Гавриила (Cedrenus 2 / ed. Bonn.).

земных в пользу монастыря бессребреников, награждающих так чудно любовь к ним.

Николай, стремясь к жизни высшей и тревожась посещением мирян, пошел в Афон. Здесь он просил подвижника Дионисия принять его под свое управление. Когда Дионисий спросил совета на то у старца Филофея, тот, лично не знакомый с Николаем, назвал по имени и его, и отца его и с любовью принял его в свои послушники. Вскоре Николай принял иночество с именем Нектария и безусловно предал себя воле старца Филофея. Напрасно дух злобы старался возмутить Нектария против старца; не успев в том, он возбудил злобу в другом послушнике старца против самого Нектария: тот прямо стал говорить Филофею и Дионисию, что если не отошлют Нектария, он убьет Нектария. Напрасно старцы вразумляли несчастного и просили его усмирить сердце свое; чтобы дать место гневу, старцы предложили Нектарию удалиться на время от них, пока придет в себя завистливый брат. Нектарий перешел к проту Даниилу. Когда же умер блаженный Филофей, Дионисий, не вынося более дурного нрава послушника, сказал ему: пусть идет куда хочет, а к себе принял Нектария. Дионисий и Нектарий занимались рукоделием и, питая себя, уделяли милостыню бедным. Блаженный Дионисий, исполненный дней, скончался.

Огорченный до глубины души разлукою с любимым старцем, Нектарий всею душою обратился к вечности: удвоил молитвы, пост и труды. В последнее время он страдал от жестокой болезни; но переносил страдание терпеливо. Очищенный подвигами и болезнью, он мирно предал дух свой Богу, 5 декабря 1500 года.

Спустя пять лет после кончины ученики открыли гроб, и благоухание разлилось в воздухе. Мощи были положены в ковчег, а на верхней доске ковчега был изображен преподобный.



День шестой

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ блаженного МАКСИМА митрополита

Блаженный Максим, родом грек, прибывший в Киев в сане митрополита всей России в 1283 году[1], испытал много скорбей во время служения своего. Лишь только прибыл он в Киев, как отправился в орду к хану, чтобы быть утверждену в своем звании. В следующем году приглашал он к себе епископов России, вероятно, для того, чтобы объявить содержание ханского ярлыка о духовенстве[2]. В 1285 году сам он путешествовал по епархиям России для надзора за благочинием[3]. Тогда-то встречал его будущий преемник его, блаженный игумен Петр[4].

[1] Собр. л. 1, 227. 2, 346. 5, 20.

[2] Никон. л. 3, 76. 77. Полоцкий епископ Иаков писал в Ригу: «был есмь не дома, во отца своего митрополита. Любовь ваша правая с сыном моим, с Витеном» (*Напиерский К.Э.* Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. СПб.,1857. № 6). Это без сомнения было в 1284 г., тем более что Витен заступил место Тройдена с 1282 г. (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 2, прим. 56). Потому и грамота напрасно отнесена к 1300 г.

[3] Никон. л. 3, 84.

[4] Книга степенная. Ч. 1.

Тогда был он в Новгороде и Владимире[1]. В 1295 году дела заставили его снова прибыть во Владимир, — он низвел здесь с кафедры епископа Иакова и посвятил Симона[2]. На юге, вблизи татар, только с мечом в руке можно было по временам иметь покой. Грабеж и насилия татарских властей в 1299 году дошли в Киеве до того, что не было более возможности жить. «Весь Киев разбежался, — говорит летопись. — Митрополит Максим, не быв в состоянии переносить насилия татар, поспешно удалился из Киева в Брянск; а отселе со всем имуществом переселился он в Суздальскую землю»[3]. Нелегко было святителю расстаться с древним местом кафедры и искать новое. Предшественник его большую часть времени проводил во Владимире[4], где жил великий князь; но кафедра его оставалась в Киеве. Теперь пришлось принимать другое решение. Князья и пастыри севера, конечно, будут довольны близостью к ним митрополита; но не будут довольны удалением его из Киева князья и пастыри юга. На самом севере так непрочно место великого князя: то он во Владимире, то в Переяславле, то в Твери. Что делать? Блаженный митрополит проливал теплые молитвы пред Богоматерью об указании ему воли Божией. И Богоматерь, благая Мать страждущих, успокоила святителя Своим явлением. Икона, современная святителю, изображает святителя Максима приемлющим омофор из рук Богоматери. Надпись на иконе, хотя и не современная иконе, говорит: «Сей святый и чудотворный образ Пресвятой Богородицы написан бысть в лето 6807 (1299) по видению Максима митрополита Владимирского и всея Руси, чудотворца, Гречина родом; егда ему пришедшу от Киева во Владимир и от путного шествия в келье своей мало уснувшу, абие видит, аки на яве, свет велик и необычен, и в том свете явися ему Пречистая Дева Богородица, держащи на руку Превечного Младенца и глагола: рабе Мой Максиме! добре пришел еси семо посетити град Мой, и подаде ему омофор, глаголя: прими сей омофор и паси в граде Моем словесные овцы. Он же прием возбудися от сна и в келлии никого же виде. И омофор обретеся в руце его. Он же страхом объят бысть на мног час, абие поведа великому князю Андрею и построиша ковчег злат и положиша в него той омофор и прославися

[1] Собр. л. 1, 227. 3, 64; Никон. л. 3, 86–88.

[2] Никон. л. 3, 88.

[3] Собр. л. 1, 208. 4, 46. Никон. л. 3, 94.

[4] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Т. 2.

сие чудо по всей Русской земле и Палестине. И повеле написати сей образ тем подобием, якоже виде Максим святый. А омофор святый во время безбожного царевича Талыча, егда плени град и разори, где скончался, неведомо»[1]. После успокоительного видения святитель смело приступил к распоряжениям о своей кафедре. Он перевел Владимирского епископа Симеона в Ростов и взял в свое ведение Владимирскую епархию; во Владимир переведен и весь причт митрополита, а в Киеве для надзора за благочинием стали жить наместники митрополита[2]. В следующем году был он в Новгороде, где с двумя епископами посвятил архиепископа Феоктиста[3]. В половине 1301 года заседал он на Константинопольском соборе, где, по его воле, Феогност, Сарайский епископ, предлагал для решения вопросы о нуждах Русской Церкви и записывал ответы[4]. Вероятно, по возвращении с сего собора митрополит разослал «всем христианам правоверным» правило о постах и хранении законного брака[5]. Когда по смерти великого князя Андрея престол великокняжеский по праву старейшинства следовало занять Тверскому князю Михаилу Ярославичу, а Юрий Московский, по властолюбию, шел в орду искать того же престола, блаженный святитель со всею любовно уговаривал Юрия отказаться от недобрых намерений. Юрий был не таков, чтобы слушаться святителя; ему нипочем было

---

[1] Слава Пресвятой Владычицы нашея Богородицы. Ч. 3. Талыча ограбил Владимир в 1410 г. при св. Фотии. Днем прибытия блаж. Максима во Владимир показано 18 апреля 1299 г. (см.: Книга степенная. Ч. 1), т. е. в Пасху. Следовательно, в 18 день апреля было и явление Богоматери.

[2] Собр. л. 1, 288. 2, 345. 3, 221. Никон. л. 3, 96. У Доброхотова (*Доброхотов В. И.* Памятники древности во Владимире Кляземском. М., 1849 (далее — *Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Кляземском)) сказано, что митр. Максим «взял в управление епархию Владимирскую, Суздаль же, принадлежавший Владимиру, и Нижний Новгород составили особую епархию». Нет, летопись говорит: «и сяде в Владимире и в Суздале и в Новгороде Нижнем и прочия тамо прилежащия места» (Никон. л. 3, 96).

[3] Собр. л. 3, 67. 222. 4, 46. 5, 203.

[4] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Т. 2; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV, прим. 181.

[5] Описание Румянцевского музеума. Митрополит определяет, когда разрешается пост среды и пятка; назначает кроме Великого поста, посты: Апостольский, Успенский и Рождественский. «Пишу и о том детям моим, чтобы вы, чада мои, рожденные в купели, новосвященные, принимали жен от Святой Соборной и Апостольской Церкви, — жена — для спасения человеческого. Если же держите их в блуде, без венчания: что это за помощь тебе? Нет, упрашивай и понуждай их, пусть, стары ли или молоды оне, венчаются в Церкви».

и нагло лгать пред святителем: «Иду, отче, в Орду, но не хощу великого княжения», — говорил Юрий. Это было в 1304 году. В следующем году святитель с утешением посадил во Владимире на великокняжеский престол блаженного князя Михаила[1]. Декбря 6-го 1305 года святитель окончил подвиг земной жизни своей и положен был во Владимирском соборе[2]. Имя его — в древних святцах, где называется он святым и чудотворцем[3]. Известно и «сказание о святом и блаженном митрополите Максиме»[4]. Новое известие говорит, что, при поправке пола во Владимирском соборе нечаянно сдвинута была крышка с его гроба и в гробе видели мощи и одеяние его[5].

Святителя ФЕОФИЛА, епископа Антиохийского, исповедника и писателя

В жизни Феофила представляется доказательство могущественного действия Священного Писания. Он родился в язычестве, но, получив обширное образование, пожелал познакомиться и с Священным Писанием и из чтения его убедился в истине веры во Христа. «Не верил

[1] Собр. л. 5, 207. 208. 7, 188. 189. Убеждения Юрию не ходить в Орду приписаны св. митр. Петру (см.: Книга степенная. Ч. 1); но Петр тогда еще не был митрополитом. Ошибка перешла и в печатный пролог 22 ноября.

[2] Собр. л. 1, 228. 2, 348. Никон. л. 3, 103. В 6 день декабря совершалась и память о блаж. митр. Максиме во Владимире (*Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Кляземском). Потому указание на 16 день декабря как на день кончины (Собр. л. 4, 47; Книга степенная. Ч. 1) — ошибка писца.

[3] Ркп. святцы: «св. Максим митрополит Владимирский, чудотворец преставися во Владимире в лето 6800 декабря 6 и положен в соборе».

[4] Описание Румянцевского музеума. На восточных воротах Владимирского Рождественского монастыря изображены пред Богоматерию коленопреклоненные св. Максим митр., св. князья Андрей и Глеб, с левой свв. кн. Александр и Георгий и митр. Авраамий (Русская старина в памятниках. Т. 3).

[5] *Доброхотов В.И.* Памятники древности во Владимире Кляземском.

я, — говорит он, — воскресению, а теперь верю, после того, как внимательно размышлял; я обрел Священные Писания святых пророков, которые Духом Святым прорекали о прошедшем так, как оно происходило, о настоящем так, как оно происходит, и о будущем — в том порядке, как оно совершится. И так, когда я уверен, что происходящее ныне было предсказано, то не остаюсь более неверующим, а верю, повинуюсь Богу»[1].

И, заслужив избрание епископом на престол Антиохийский (в 168 г.), Феофил оправдал это высокое доверие к нему разнообразною деятельностью на этом поприще в истинно христианском духе. О нем свидетельствует Евсевий как об одном из пастырей, «напрягавших силы свои в борьбе с еретиками, готовыми погубить стадо Божие подобно плевелам, опустошавшим чистую ниву Апостольского учения», как об одном из пастырей, «увещавших братию частью увещаниями и предостережениями, частью наставлениями еретикам, то устными, то письменными»[2]. Также занимался он толкованием Священного Писания, и вообще, много потрудился над просвещением язычников. Книга епископа Феофила «О вере», сохранившаяся до настоящего времени, считается одним из лучших сочинений древнего мира. «Она показывает в сочинителе обширное знакомство с языческими философами и поэтами, — отзывается о ней преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, — взгляд его на учение христианское — глубокий и ясный. Таинства христианские образованный учитель объясняет образованному язычнику по началам философским и вместе с тем удерживает верность откровенной истине. Все сочинение написано с одушевлением и под влиянием кроткой любви»[3], и заключается оно убеждением со стороны Феофила: «Читать его книгу тщательно и беспристрастно».

Имея целью внушить веру одному образованному, но непреклонному к истине Христовой язычнику (Автолику), для которого епископ Феофил и предпринял книгу «О вере», он пишет, между прочим: «ты требуешь: покажи мне своего Бога... Отвечаю тебе: покажи мне твоего человека, — и я покажу тебе моего Бога. Покажи, что очи души твоей видят и уши сердца твоего слышат».

---

[1] См.: *Филарет, архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви. § 41–42.

[2] Там же.

[3] Там же.

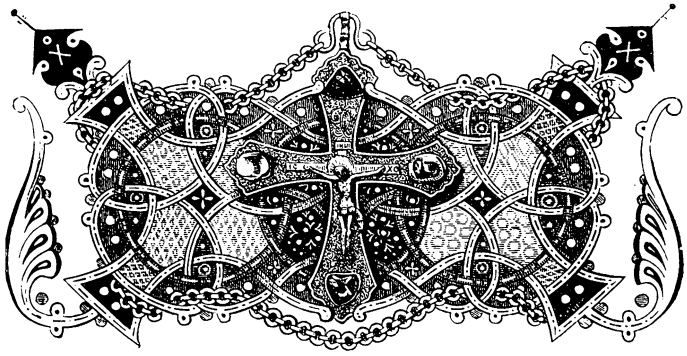
«Бог видим только для тех, которые могут видеть Его, т. е. у которых очи душевные отверсты. Все имеют глаза, но у некоторых они так помрачены, что не могут зреть света солнечного; тем не менее солнце не теряет блеска своего от того, что слепые не видят... Если в человеке грех, он не может созерцать Бога». «Нечестие омрачает тебя, и не можешь зреть Бога» (§ 1–4).

«Изобрази мне образ Божий», — требует язычник. «Бог непостижим и неизобразим для человека; человек же зрит только постижимые для него свойства Божии», — отвечает вразумленный Священным Писанием Феофил и затем описывает свойства Божии (§ 6) и Его дела как Творца и Промыслителя (§ 7–10).

«Пусть мне покажут воскресшего мертвеца», — говорит язычник. Феофил отвечает: «Я показал бы тебе Воскресшего, Который и теперь жив; но ты не поверишь и тому»... и затем указывает ему в самой природе уроки о воскресении; собственным примером убеждает верить учению о воскресении Священного Писания; просит читать его, угрожая судом Божиим на непокорных воле Божией (§ 18–20)[1].

После 13-тилетнего управления Церковью святитель Феофил скончался около 181-го года, пережив гонение, бывшее при Марке Аврелии.

[1] *Филарет, архиеп. Черниговский*. Историческое учение об отцах Церкви. § 42.



День седьмой

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного АНТОНИЯ СИЙСКОГО

Родители блаженного Антония, в мире Андрея, были богатые и благочестивые земледельцы Двинской волости, деревни Кехты, вышедшие из Новгорода[1]. Андрей был старший сын их и был даровитый и красивый собою; отданный учиться грамоте, он скоро выучился ей; потом научился иконописанию; войдя в силы отрока, он почтителен был к родителям, но не имел охоты к их занятию, к земледелию; любимым занятием его было писать иконы, потом ходить в храм Божий. По смерти родителей отправился он в Новгород и там пять лет служил у одного боярина; по совету его вступил в брак, но чрез год жена умерла, и он решился расстаться с суетою мира. Возвратясь в дом свой, он роздал свою часть нищим и в одной одежде отправился в Пахомиеву пустынь на реку Кену. На дороге, заснув, видел он во сне: муж благолепный, с крестом в руке, говорил ему: «Возьми крест свой и не бойся вступить в подвиг», и осенил его крестом. Проснувшись, провел он остальную

[1] Ркп. житие прп. Антония, описанное со слов очевидцев и сотрудников Антония царевичем Иоанном в 1589 г., у Царского № 85, 80; иером. Ионою в б-ке общ. ист. № 39, 40; у Ундольского первое под № 285, второе под № 284. Послесловие царевича см. в: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IX, прим. 612.

ночь в молитве. Блаженный Пахомий, облекши его в иноческую одежду с именем Антония, держал его в своей келлие. Ему было 30 лет, и это было в 1508 году[1]. Антоний прежде всех являлся в храм на молитву; трудился на поварне, нося воду и готовя дрова; пищу принимал чрез день и то не до сытости; память о смерти и Суде постоянно хранил в сердце. Посвященный в иеромонашество, один совершал служение в храме, — другого иеромонаха не было, — и вместе с тем ходил на работы наравне с прочими; здоровье его было так крепко, что мог он трудиться за двух.

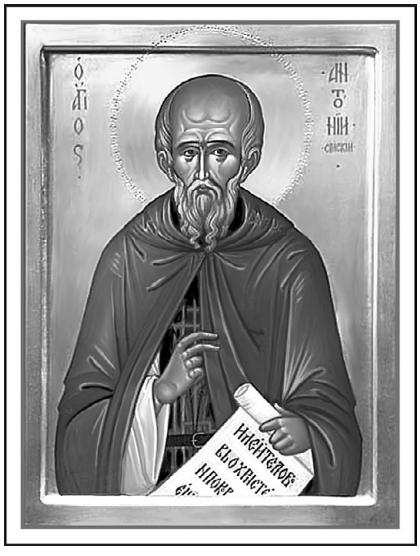
По любви к пустынному уединению, по благословению игумена, оставил он Пахомиеву пустынь и с двумя братьями, Александром и Иоакимом, отправился на реку Шелексну; здесь избрано место для пустынной жизни, поставлен небольшой храм святителя Николая и несколько келий, это было в 1513 году. К трем пустынникам присоединились еще четыре инока, и преподобный прожил здесь семь лет. Соседние жители стали теснить пустынников, и они ушли еще дальше на север[2].

В глухом севере звероловы показал пустынникам место, удобное для пустынной жизни, Михайлов остров, окруженный глубокими озерами и омываемый с одной стороны рекою Сиею, вытекающею из озер. Место было совершенно дикое, тундра и лес, озера и чащи непролазные; оленей, лисиц, медведей, волков — множество, и только по временам звероловы заходили сюда, гоняясь за зверем, но еще не обитал здесь человек. Антоний поставил тут часовню и для себя с братиею хижину. Это было в 1520 году, на 42 году жизни Антониевой. Три года проведено здесь в крайней скудости и в тяжелом труде: Антоний очищал лес и копал землю, чтобы сделать место сносным для житья; братия начинали роптать на скудость; но неожиданно неизвестный христолюбец доставил им хлеб, муку, масло и сверх того деньги на построение обители. Сборщик доходов Новгородского архиепископа Василий Бебрь, в уверенности, что у Антония много денег, вздумал добыть богатый доход для себя; он послал известных ему людей ограбить пустынников:

---

[1] Мощи блаженного Пахомия почивают в основанной им, поныне упраздненной, Кянской или Кенской пустыни (*Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях); в ркп. святцах помещено имя его, но ни год, ни день кончины его не показаны. По житию прп. Антония можем полагать, что Пахомий скончался около 1520 г.

[2] *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. В службе на 7 декабря: «содержа в уме вечныя утехи Небеснаго Царствия, ты оставил все земное, терпел много напастей и изгнания и от всего избавил тебя Даровавший тебе Вечную жизнь» (Четьи-Минеи. М., 1645).



Преподобный
АНТОНИЙ СИЙСКИЙ

но после сам же с раскаянием говорил Антонию, что хищникам представилось, будто обитель окружена стражею[1]. С того времени начали посещать пустынь Антония богомольцы и доставлять средства к жизни.

Когда число учеников умножилось, два старшие — Александр и Исаия — отправлены в Москву испросить у великого князя Василия дозволение занять дикое место пустынною обителью, и получена грамота; тогда построили обширный деревянный храм Святой Троицы. Местный храмовый образ написан был самим Антонием и с молебным пением поставлен в иконостас. Раз после утреннего пения оставили незагашенную свечу; храм объят был пламенем, когда вся братия была на работе с Антонием; весь храм и вся утварь сгорели, осталась только Антониева икона Святой Троицы. Построен новый храм и другой теплый при трапезе. По общей просьбе братии, Антоний принял звание игумена, но продолжал быть примером любви к труду; он каждый день был в храме при каждом Богослужении и потом в худой одежде то чистил он лес, то трудился на пашне, то занимался иконною работою. Праздности не любил ни в себе, ни в других; о больных заботился с отеческою любовью; пища и одежда были у него для всех одинаковые; нетрезвость считал нетерпимым грехом. Преподобный внушал братии никогда не увлекаться гневом, жить в кротости, терпении и любви. Еще при жизни Антония при иконе Святой Троицы получались исцеления.

Распространившаяся слава об Антонии не веселила Антония; посетители и хлопоты начальствования были докучливы, отнимая время у безмолвия. Потому, избрав на свое место ученика Феоктиста, Антоний с одним простым иноком поселился в месте мало доступном: место окружено было горами, как стенами, горы покрыты лесом, при подошве гор озеро Падунь; на скате горы между березами поставлена была часовня с кельею, и здесь-то Антоний начал подвизаться в безмолвии. Ночи проводимы были в молитве, а днем трудами рук своих добывал он себе пропитание; в знойные дни садился обнаженный до пояса, и комары терзали тело его. Так прошло два года.

Феоктист отказался от игуменства, и братья объявили Антонию, что если он не примет опять игуменства, они разойдутся в разные стороны. Антоний принужден был опять игуменствовать.

---

[1] Об этом говорит и церковная служба: «не устрашила тебя, блаженный, ни долгота лет, ни скорби пустыни, ни нападение разбойников; у тебя одно было в виду — для Христа умереть в пустыни» (Четьи-Минеи. М., 1645).

Пред кончиною своею, по просьбе учеников, оставил он духовную грамоту. «Братья и отцы! — писал он. — Видите, постигла меня грешного старость, — часто подвергаюсь болезни, которою и теперь отягчен. Все болезни мои говорят мне об одном — о смерти и о страшном суде той жизни. Сердце мое смущено от грозного исхода, и страх смерти напал на меня. Вы любовью своею понуждаете меня грешного написать, как вам жить после моей смерти. Господь Бог видит мои беззакония, и в ваших глазах мои грехи. Вы просите превышающее силы мои. Вы видели, — не был я примером ни одной добродетели. Вы называли меня грешного отцом своим, пастырем и учителем; но я не пастырь и не учитель. Один есть Пастырь Христос. Неразумием своим я грешный разорял ваше Богоугодное житие. Но не отчаиваюсь я в своем спасении, а надеюсь на милость Божию и на ваши молитвы. Бог говорит: *не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9, 13). Святыми молитвами вашими, по слову пророка, возлагаю на Господа печаль мою: пусть творит со мною, что Ему угодно; Он хощет, чтобы все спаслись и пришли в уразумение истины.

Много бы нужно писать вам из Священного Писания. Но вы знаете, что я умею грамоте лишь отчасти; да и боюсь Владыки моего Христа, Который сказал, что прежде надобно самому делать и потом учить. Так, поручаю монастырь свой и вас Богу и Пречистой Матери Его и преподобному Сергию. Назначаю вам в монастырь, по вашей просьбе, строителя старца Кирилла; пусть с ним священники соборно решают монастырские дела в трапезе, при всей братии. Если иные строптивые и раскольники не захотят жить по монастырскому чину, не станут повиноваться строителю и братии, — выгонять их из обители в страх прочим; если же такой возвратится с раскаянием, то принять его, как своего, простить и не считать врагом, а братом... Прежде всего имейте страх Божий в душе, да вселится в вас Дух Святый и научит вас всякой истине. Живите общею жизнью, по духу и телу, в пище и одежде, по заповеди святых отцов. Строитель пусть довольствуется братскою трапезою, не прибавляя себе ничего; то же — в одежде и обуви, разве по особенному усмотрению. Не держите хмельного в монастыре и не принимайте от христолюбивых. Женский пол отнюдь не должен ночевать в монастыре, и миряне не должны ночевать в келлиях вместе с братьями. Поите и кормите бедных досыта; подавайте милостыню, чтобы не обеднело это святое место. Здоровые из братии, для своего спасения, не должны оставаться без работ. Не дозволяйте ставить

дворов вокруг монастыря; скотный двор пусть стоит за озером. Молю вас, храните это.

Да будет с вами милость Божия и Пречистой Богородицы и молитвы преподобного Сергия, ныне и присно и во веки веков, аминь»[1].

Передав управление обителью ученику своему, преподобный Антоний мирно почил на 79 году жизни своей, декабря 7, 1556 года[2].

Память преподобного Антония установлено праздновать в 1579 году. По писцовой книге 1627 года видим в Сийской обители храм во имя преподобного Антония Сийского[3]. Верный раб Божий прославился множеством чудес, которые совершались то при мощах его, то явлениями его в доме больных или на море. Вот один из замечательных случаев. Священник соседнего села Харитон, по обыкновенной зависти, возбуждал ропот против обители между окрестными жителями и хулил преподобного основателя ее. Раз шел он к вечерне и внезапно ослеп. Спустя несколько дней понял он грех свой и стал каяться в том; когда призвал он на помощь Антония, зрение к нему возвратилось, и после того поступил он в Сийский монастырь.

Преподобный Сийский любил писать святые иконы. В обители его остается руки его, кроме чудотворного образа Святой Троицы, икона Богоматери; во многих других местах Архангельского края еще целы иконы искусного письма его. При нем многие из братии занимались писанием икон. Эта любовь к иконописанию долго оставалась в его обители и после его кончины. Ныне хранится там книга с рисунками XVII века[4].

---

[1] Новый и полный географический словарь Российского государства / Под ред. Л.М. Максимовича: В 6 ч. М., 1788–1789. Ч. 1 (далее — Новый и полный географический словарь Российского государства). В Синодальной б-ке в ркп. XVI в. (№ 814) есть устав Сийского монастыря, составленный по обиходу Сергиевой Лавры и монастыря Кириллова; но едва ли писан он прп. Антонием.

[2] Пролог 7 декабря. Церковная служба: «единаго лета ко осмидесяти в течении своем не докончал еси, блаженный». По ркп. святцам, «преставися в лето 7065 декабря 7 дня».

[3] Послесловие царевича: «списано бысть сие: канон его 8720, — а житие его — л. 8088-го... Во время то прииде игумен Питирим обители блаженного и с ним ученик преподобного Филофей, его жития первый списатель... Приидоша ко отцу моему, да повелит его благородствие почитати его, якоже и всех святых; при преосв. Антонии митрополите, иже первее бысть архиепископ граду Полоцку, — приидоша старцы. Он, по повелению царя и по соборном изложении, изложи праздновати прп. отцу Антонию» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IX, прим. 612; Акты исторические. Т. 3, № 95).

[4] *Никонов В.Я.* Извлечение из дневника путешествия по северу Европейской России (под загл.: Сийский монастырь) // Северный Архив. 1825. Ч. 19. № 2.

Преподобный и по кончине одним из чудес показал, что украшать храмы иконами считает он за дело святое. Питирим, бывший игумен Комельской Николаевской обители, живя на покое в Сийском монастыре, много занимался писанием икон новых и поновлением старых; но он стал тяжко болен; болезнь усилилась наконец до того, что он близок был к смерти. В тонком сне видит он, что от гробницы преподобного идет в келью его старец, согбенный летами, но благолепный, покрытый сединами. «Хочешь ли быть здоровым и окончить начатое?» — спросил больного старец. «Хочу, но не могу», — отвечал Питирим. «Святая Троица исцеляет тебя, — сказал явившийся, — не ослабевай в деле твоем: я настоятель Антоний пришел посетить тебя в болезни». Питирим почувствовал себя здоровым.

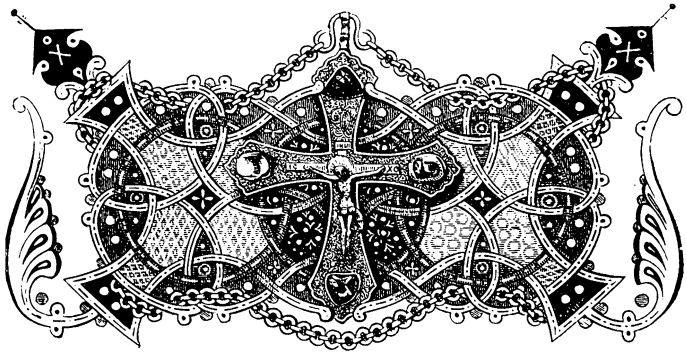
Купец плыл с товаром к устью Двины, — в карбазе его была и монастырская рыба, — поднялась буря, волны катились горами; пловцы отчаялись в спасении. Неожиданно купец видит вблизи себя старца, который мантией прогоняет волны от карбаза. «Ты призываешь многих на помощь, — сказал он изумленному, — а меня не зовешь, хотя тут есть собственность нашей обители, но — Бог устроит тишину». «Кто ты, человек Божий?» — спросил пловец. Явившийся назвал себя Антонием и стал невидим. С той минуты море стало утихать, и подул попутный ветер. Купец прибыл в монастырь и принял здесь пострижение в иночество.

† ПАМЯТЬ преподобного ГРИГОРИЯ

Отечеством святого Григория, ктитора Афонской обители Григориата, была Сербия. Так говорит предание и так говорится в службе ему. Путешественник Барский в первое свое посещение Афона видел в Григориевой обители много славянских книг, памятник того, что здесь подвизались славяне, хотя потом возобладали обителью греки. На западе монастыря, на четверть часа пути от обители (в версте), поныне известна пещера, в которой подвизался преподобный Григорий.

Устроенная преподобным обитель посвящена была святителю Николаю, но она, как в давние времена, так и ныне в честь основателя своего называется Григориевою. По актам Афонским, находили подпись преподобного Григория под актом 1405 года. К сожалению, и акт и описание жизни преподобного куда-то скрылись. По словам греков, как бумаги и книги обители, так и мощи преподобного Григория в пожар 1761 года унесены были сербскими иноками с Афона. Когда бы это была правда![1]

[1] Афонский патерик. Ч. 1; *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Святой Горы; *Аврамович.* Описание древностей Сербских на Святой Афонской Горе. Белград, 1847.



День восьмой

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного КИРИЛЛА ЧЕЛМСКОГО

Преподобный Кирилл Челмский принадлежал к числу просветителей дикой страны чуди. Его-то особенно имел в виду иностранный посол, бывший в Москве в 1516 и 1524 годах, когда писал: «Иноки-пустынники, долгое время посевая щедрою рукою слово Божие между идолопоклонниками, многих из них давно уже обратили к христианской вере... Терпя голод и подвергая опасности самую жизнь, не ожидали и не искали они никаких выгод для себя; единственная цель их была угодить Господу и обратить на путь истины заблудшие души»[1].

Белозерский князь, ревнуя об успехах святой веры между дикою чудью (это был благоверный князь Глеб Васильевич, † 1278 г.), после того как наказал: «Чудь белоглазую» за злодейские нападения на Белозерские поселения христиан, основал в Каркун-пуоли (в медвежьей стороне) город Каргополь[2]. Искренний ученик Евангелия Христова блаженный Вассиан вскоре за тем основал здесь Спасскую обитель, служа

[1] *Sigismund von Herberstein.* Rerum Moscoviticarum Commentarii.

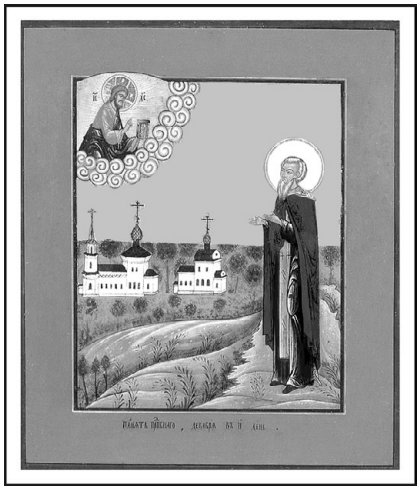
[2] По-фински говорят: «какрон пуоли» — овсяная сторона и «каркун пуоли» — медвежья сторона. Отсюда самим каргополам досталось название овсянников. Арханг. л. 93: «А на Беле озере два города Карголом да Каргополь, а преж того было Белозерское великое княжение».

для всех примером терпеливой любви[1]. Спустя лет 30 после кончины Вассиановой на горе Челме, в 50 верстах от Каргополя, поселился преподобный Кирилл[2]. Постриженник обители преподобного Антония Римлянина, он 5 лет испытывал себя в этой обители подвигами послушания, 3 года странствовал по пустыням, ища места по душе своей, наконец, пришел в дикую Каргопольскую сторону и, по извещению Божию, избрал себе для постоянного пребывания уединенную гору Челму. Место было дикое, но красивое. При подошве горы с одной стороны — обширное озеро Лекшма, с другой — небольшое озеро Челма с протекающею чрез него рекою. Гора покрыта была лесом и в летнее время в траве много было ягод. Для пустынника всего дороже было то, что место было совершенно тихое и пустынное. Пустыннолюбивая душа Кирилла предпочла дикую сторону другим, которые видел он, и оттого, что эта сторона уже была ему знакома; он решился посвятить жизнь свою на служение высшим интересам бедной, но близкой душе его страны. По сказанию жития, брат его Корнилий, спустя три года пребывания Кириллова на горе Челме приходивший к нему и потом скоро оставивший его, удалился в Вологодскую сторону, что подает мысль о Белозерском крае как родном для братьев[3]. Как бы то ни было, отшельник, избрав для пребывания своего Челмскую гору, первую зиму провел в тесной пещере, которую он выкопал себе на восточной

[1] В 1547 г. строитель Вассиановой Строкинской иустини писал: «их монастырь стоит на р. Онеге, на болоте, а пашенки и приходу у того монастыря и иного доходу нет никакого и прокормиться им нечем; а около монастыря пришли места пустые, лес дикой и болота». Царь велел отвести землю, дозволил населять ее и дал несудимую грамоту (Акты исторические. Т. 1; Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1. № 137; Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. 3).

[2] Ркп. житие прп. Кирилла писано в XV в. и потом дополнено рассказами о чудесах при патр. Никоне. К сожалению, поздние исправители внесли ошибки неведения своего, но эти ошибки нетрудно отличить.

[3] В челобитной царям Иоанну и Петру Челмский строитель Филофей писал: «в врошлых годах были присланы в сей монастырь (Челмский) вел. кн. Ивана Васильича вел. княгиня София Римляниня (Фомична) со снохою своею, которыя опять обращены к Москве; а в то время игумен и вся братия высланы были вон, а прежде тех прислана была от кн. Димитрия Шемяки вел. кн. Василия Васильича Темнаго мать София (Витовтовна), а взята ли обратно или здесь померла, неизвестно». По летописи София Витовтовна увезена была Шемякою «в Каргополь» и потом отпущена в Москву в 1447 г., а София Фомична «бегала от татар на Белоозеро» в 1481 г. (Собр. л. 6, 177. 178. 232. 8, 120. 121. 213). Челобитною Челмского строителя точнее определяется место временного пребывания княгинь на севере; а летопись, сличаемая с челобитною, показывает, что Каргополь и Челмский монастырь даже в XV в. причислялись к Белозерской стороне.



Преподобный КИРИЛЛ ЧЕЛМСКИЙ

стороне горы. Потом построил он себе «келлийцу» и при ней часовню. Здесь, мало заботливый об удобствах жизни временной, проводил он время в молитве и посте. Он переносил для Господа и суровость климата, и недостатки средств к жизни. Мотыгою копал он землю, садил простые овощи и питался травами. Духам злобы очень не нравился отшельник; им хотелось прогнать его с его пути. Раз поднят был около кельи страшный шум, и слышались голоса: спихнем его келью в озеро. Преподобный обратился с усердною молитвою к Господу, и молитва прогнала нечистых под гору в невылазную трясину, которая поныне называется «Кирилловою трестою». Много скорбей пришлось испытать отшельнику от чуди белоглазой, которая, удалясь от Каргополя, жила теперь на берегах озер — «сыроядцы» домогались прогнать его. Они срубили деревья, росшие по горе, и запалили их; пламя приближалось к келье и часовне отшельника и готово было уничтожить его самого; но молитва веры спасла праведника; сгорели только скудные запасы пустынника, бывшие в полугоре. Отшельник возблагодарил Господа за чудное спасение и стал по-прежнему жить покойно. Чудь стала думать, что пустынник — богач. Она напала на него ночью и потребовала сокровищ. Отшельник указал на единственное свое богатство — на икону Богоматери. Не скоро, но слово кроткой веры и пример святой жизни Кирилла проникли и в сердца дикой чуди; мало-помалу «поганые сыроядцы» обращались к Евангельскому свету и принимали Святое Крещение[1]. Они приходили «к святому отцу и в сладость послушающе о вере, о Святом Крещении и о всех заповедях Божиих, в сытость учений его напаяхуся». Немного было христианского населения в Каргопольском крае, когда начинал подвизаться Кирилл на Челмской горе. «Бяху инии еще не крещеннии, живуще в окрестных местах, имеяху Чудский язык и веру: еще бо в то время православие начинаше процветати в месте том и распространятися благочестие». Но под влиянием многолетней подвижнической жизни и кротких наставлений Кирилла, «вся Чудяне прияша Святое Крещение». Преподобный провел на Челмской горе целые 52 года; в последней половине пустынной жизни своей построил он храм Богоявления Господня, и к нему собрались немногие ревнители пустынной жизни. Достигнув

[1] В челобитной царям Иоанну и Петру строитель Челмской пустыни писал, что «зачался тот монастырь с давних лет, с крещения Каргопольского уезда жителей в Православную веру» (Ркп.).

глубокой старости, почувствовал он близость кончины своей и просил у Господа милости видеться с духовником. По его молитве, посетил его игумен Вассиановой пустыни Иосиф; преподобный исповедался, приобщился Святых Таин и усердно просил игумена еще раз посетить его. Простясь с духовником, святой старец, будучи 82 лет, мирно предал дух свой Господу, 8 декабря 1367 года. Игумен Иосиф нашел подвижника почившим и предал святое тело его земле[1]. В 1419 году на месте подвигов его построен был новый храм в честь Богоявления Господня, с придельным в честь великомученицы Екатерины. Спустя несколько годов после кончины написан был образ преподобного. И тогда же вот что случилось. В обители преподобного жил монах Антоний, уже несколько лет бывший слепым. Услышав, что написан образ преподобного, он вышел из своей кельи и сидя думал: как написали его? В молодых летах своих он видал преподобного, часто приходил к нему для принятия благословения и приносил ему кое-что для жизни. Он подошел к образу, помолился со слезами и, когда приложился к нему, внезапно прозрел. «Точно таков был преподобный», — сказал он, рассмотрев с восторгом образ. В последующие времена совершилось много чудес при мощах преподобного. Раз преподобный сохранил свою обитель, когда, по неосторожности одного, она едва не истреблена была огнем.

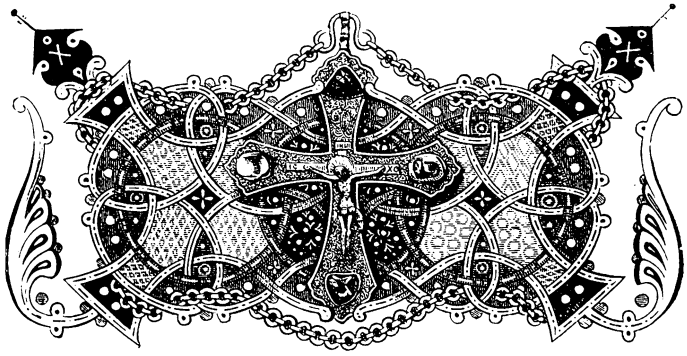
Преподобного ПАТАПИЯ

Родом из Фив Египетских, он, достигнув совершенного возраста, удалился в пустыню и подвизался в трудах, молитвах и постах. Когда же начали посещать его и беспокоить странники, искавшие советов и молитв, то удалился в Константинополь и, близ Влахернского храма у городской стены сделав себе шалаш, пребывал в нем до смерти,

[1] На раке преподобный изображен во весь рост древнею иконописью и в подписи между прочим сказано: «на горе поживе 52 года, созда церковь Богоявления Господня и монастырь устроив братию собра, — преставися к Богу в лето 6876 декабря 8 дня». То же время кончины показано в ркп. житии. Потому показание «Словаря святых»: «преставися в конце XI стол.» — ошибочно.

последовавшей в глубокой старости в VI веке. Похоронен был в церкви Иоанна Предтечи. Бог еще при жизни прославил его даром прозорливости и чудес. Святой Андрей Критский († 712 г.) составил в честь его два похвальных слова, где упоминает о совершенных им чудесах: о исцелении слепого, о исцелении страдавшего водяною болезнью и одержимого бесом, о исцелении рака груди женщины.

Святых апостолов: Сосфена, Аполлоса, Тихика, Епафродита, Кифы и Онисифора. О них см. в соборе 70-ти, 4-го января, также 7-го и 10-го сентября и 30 марта.



День десятый

† ПАМЯТЬ
блаженных деспотов
ИОАННА
и его родителей,
СТЕФАНА и АНГЕЛИНЫ
БРАНКОВИЧЕЙ

Нелегко найти в истории владетельных лиц, где жизнь была бы так полна превратностями и бедами, как жизнь блаженного деспота Сербского Стефана Бранковича и семьи его[1].

В 1457 году турки овладели Сербией, и деспот Георгий Бранкович умер скитальцем в Белграде. Младший сын Лазарь, прогнав старшего и отравив мать, присвоил себе права деспота, но спустя месяц умер. Стефан был средний сын деспота Георгия. Он с юности отличался кротостью, почтителен был к родителям, любил братьев, образован был прекрасно, особенно же знал Священное Писание. Когда отец, для покоя Сербии, принужден был отдать дочь султану Мурату, то с сестрою отправился ко двору султана и Стефан. Тут сильно соблазняли Стефана и роскошною жизнью, и поблажками

[1] Житие св. Стефана Бранковича и детей его видно в житии сына его, архиеп. Максима (Гласник. Кн. 11).

честолюбия и суетности; но Стефан оставался тверд. Затем придворная зависть успела возбудить политическое подозрение против сыновей деспота. Такие отважные люди, как сыновья деспота, — опасны для турецкой власти, говорили султану. И султан, давший клятву отцу не касаться ни жизни, ни здоровья детей деспота, велел ослепить их; Стефан отправлен в Каппадокию. По смерти брата, Стефан, услыхав, что турки фанатики сожгли прекрасный Милешевский монастырь и готовятся разорить вконец Сербию, решился возвратить себе наследство. Сербы, удалившиеся с ним в Срем и Банат под защиту Венгрии, провозгласили (1460 г.) Стефана деспотом. Он вступил в супружество с Ангелиною, дочерью Албанского князя Георгия и внучкою святого страдальца князя Лазаря. Ему родились два сына и дочь. В Купинове построен им красивый храм Евангелиста Луки. Он жил довольно покойно. Но туркам это очень не нравилось: они опасались силы деспота. Нанятые слуги сербы схватили его и в оковах отправили в Далматию. Освободясь от уз, он возвращался опять в Сербию; но со скорбью увидел, что стольный город предков его Смедерево в крепких руках магометанских, а соотчичи его пали духом, с фанатиками же турками невозможно вступать ни в какие договоры. Последний Боснийский бан сдался туркам на слово клятвы не лишать его жизни; но фанатик шейх собственноручно умертвил его: нет, говорил, никакой нужды соблюдать слово, данное христианину. Потому Стефан удалился в Скендерию. Но турки не давали ему покоя и в Албании: они и там искали его смерти, домогаясь истребить фамилию деспотов Бранковичей. Он вынужден был бежать с супругою и детьми в Италию[1]. Печальный скиталец, чувствуя близость кончины своей, октября 1-го 1476 года писал к Рагузянам, с которыми в особенном союзе были предки его: «Вижу, что близок конец мой. Не скорблю о смерти моей, но болею о моей Ангелине и детях моих Георгии, Марии и Иоанне... Поручаю вам пред Богом, пред Пречистою и святыми мою Ангелину и детей моих: что вы для них сделаете, то Бог для вас сотворит. Не оставьте их, — окажите любовь к ним, какую имели вы к предкам нашим... Завещания не о чем писать мне, — не оставляю Ангелине и детям

[1] Служба и Синаксарь праведному Стефану новому, деспоту Сербскому, в Сербляке под 9 октября; летопись (Гласник. Кн. 5). Иные принимают Ангелину за одно с Милицею, супругою кн. Лазаря; но это грубая ошибка.

моим ни серебра, ни золота, ни населенных имений... Препоручаю их вашему господству»[1]. Деспот скончался вдали от Отчизны.

Спустя 8 лет после смерти блаженного Стефана добрая Ангелина перенесла нетленные остатки супруга в Купиново, что близ Срема[2]. Вук Бранкович, племянник Ангелины, управлял тогда Сербией и распространял ужас и смерть в войске Магомета, когда то нападало на него. Ангелина и сыновья ее, по уважению к фамилии деспотов Бранковичей, пользовались почетом соплеменников. По смерти Вука Бранковича был владетельным деспотом Георгий; но скоро передал свое право брату Иоанну, а сам принял монашество с именем Максима и был архиепископом. Иоанн, женатый на дочери Стефана Якшича и племяннице храброго Димитрия Якшича, вступил в права деспота. Якшичи храбро бились с турками за свободу Сербов. Деспот занимался делами внутреннего правления и жил подвижнически. В 1496 году «самодержавный господин земле Сербские Иоанн деспот» грамотою подарил несколько земель монастырю Крушедолу, в том числе Купиново, где лежали мощи отца его[3]. От частых нападений варваров деспот переселился дальше от границ, в местечко Беркасово; здесь он пожил недолго и христиански скончался в 1503 году, оставив одну дочь[4].

Добрая Ангелина продолжала благодетельствовать бедным и инокам, хотя и сама жила почти бедною. Вот что писала она к великому

---

[1] *Miklosich.* Monumenta Serbica. № 422. Грамота Рагузина, на которую надеется деспот Бранкович, там же, № 203.

[2] Поздняя летопись (*Šafařik.* Památky dřevního písemnictví) говорит, что «мощи святого страстотерпца Стефана, сына деспота Гюргя, в граде Купиник» перенесены февраля 15-го 1466 г. Но описатель страданий св. Георгия, видевший мощи, пишет, что они перенесены спустя 8 лет после смерти.

[3] Грамота издана у Миклошича: Monumenta Serbica. № 463. Грамотой 1495 г. Иоанн обещал Павлову монастырю выдавать все, что обещано было предками (*Miklosich.* Monumenta Serbica. № 462; Гласник. Кн. 5).

[4] *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3; Летописи (Гласник. Кн. 5, 1, 11). В помяннике монастыря Грачаницы записано: «помяни, Господи, благочестивую и христолюбивую монахиню Ангелину, архиепископа Максима и брата его деспота Иоанна» (ИОРЯС. Т. VIII). В Афонском протатском помяннике: «еще молимся о приснопамятных рабах Божиих Димитрие крале и Иоанне деспоте и с ними умерщвленных православных христианах» (*Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Св. Горы). «Димитрий краль» — князь Димитрий Якшич, храбрый боец с турками, сын краля Рашского, дядя по жене Иоанна деспота (*Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3).

князю России Василию с старцем Евгением: «Смиренная монахиня Ангелина кланяется до земли твоей милости. Она молит Господа и Пречистую Его Матерь и святого деспота Иоанна, сына своего, да даруется тебе долголетнее здравие, спасение и победа над врагами, на радость христианам и на утешение прочное, а после долгой жизни вечное царствование со Христом, где радость неизъяснимая и свет немерцающий. Милость твоя, конечно, слышала о сыне моем, деспоте Иоанне, как он перешел к Богу. По преставлении его все имение, какое мы имели, взяли венгры; теперь мы ничего не имеем, кроме надежды на Бога и на твое милосердие. Потому послали мы к тебе старца своего, священноинока Евгения, с некоторыми речами, и ты благоволи внять ему и доверять. С ним послала я твоей милости броню сына моего деспота Иоанна. Еще слово, государь! Откупила я за сто золотых место и хочу соорудить церковь во имя святого Иоанна Златоустого. Потому кланяюсь тебе и прошу, пожалуй нам твою милостыню, чтобы соорудить ту церковь, да будет она твоею ктиториею в вечное поминовение. В той церкви хочу положить мужа моего, святого деспота Стефана, и святого Иоанна, сына моего. Всеблагий Бог да дарует тебе здравие». Другою грамотою просила она великого князя тогда же за Афонский Пантелеимонов монастырь[1]. Чудная жена! «За святость жизни народ поныне называет ее матерью Ангелиною», — говорит сербский историк, и другой пишет, что она была украшена «всякими добродетелями»[2]. Третий говорит: «По смерти мужа своего создала церковь близ Крушедола и постриглася в иночество, собрала и сестрей к себе, жила Богоугодне и Богу дух предала и близ мужа своего погребена бысть»[3].

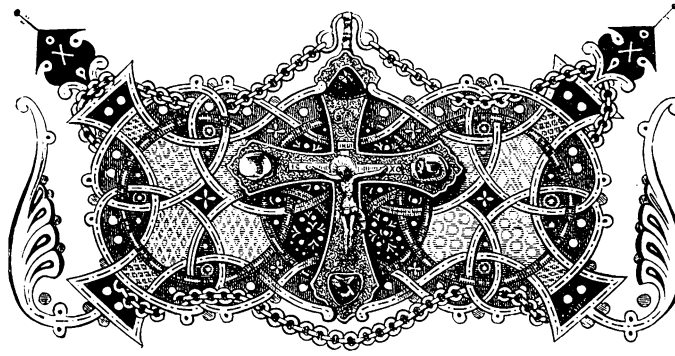
Описатель мученичества святого Георгия († 1515 г.) сообщает такое известие: «Вот и в наши дни творит Бог Свое. Когда я грешный пришел в себя, слышал по житию о деспоте Стефане: умер он и погребен, оставив супругу и двух детей, а спустя 8 лет проявился знамениями и чудесами; откопав гроб, нашли его целым и невредимым, как был погребен, и еще благоухание исходит от тела его; положенный в раке остается поныне. Потом сын его Иоанн владел Сремскою землею; он также умер и погребен, оставив жену и одну дочь; спустя

[1] *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком.
[2] *Раич.* История разных славенских народов. Ч. 3.
[3] Летопись (Гласник. Кн. 5).

три года он так же проявился, как и отец, и так же чтится»[1]. Мощи праведного деспота Иоанна и праведных родителей его, Стефана и Ангелины, покоились в монастыре Крушедоле, на Фрушской горе, но изуверы и им не дали покоя[2].

[1] Мученичество св. Георгия в летописи Археологического общества. Сербская летопись у Шафарика (*Šafařik.* Památky dřevního písemnícтví). У Раича (Ч. 3) неточности о мощах.

[2] В 1716 г. изуверный визирь приказал сжечь мощи свв. Стефана, Ангелины и Иоанна; остались только части их (Гласник. Кн. 5; Сербляк. Белград, 1861. Л. 85–94). В последнем особая служба Ангелине, под 30 июля. Но в службе прав. Иоанну восхваляются как Ангелина, так и Стефан.



День двенадцатый

† Преподобного ФЕРАПОНТА МОНЗЕНСКОГО

Преподобный Ферапонт[1] почти во всю жизнь свою был сокровенным рабом Божиим. Он старался скрывать свои подвиги от глаз людских. По некоторым случаям и словам его видно, что он жил в Москве и проводил жизнь по примеру блаженного Василия. Так, когда видел его Пафнутий еще в Обнорском монастыре, на вопрос Пафнутиев: «Кто он?» — отвечал: «Я сожитель Василиев, что на Москве». Точно так же когда в первый раз виделся с ним Адриан, он сказал ему: «Ты будешь мне отцом и тогда узнаешь мое имя; теперь же скажу, что я сожитель Василия, который в Москве». Поселясь в Монзенской обители, на вопросы любопытных отвечал, что он «постриженник Воздвиженского монастыря, что в Костроме, но бывал и в царствующем граде, где жил близ дома блаженного Василия, отделенный от него одним лишь тыном». За 16 лет до кончины своей, как сам он сказал духовнику, пострижен он в Костромском Воздвиженском монастыре, и следовательно в 1575 году. Таким образом ясно, что он не видал в живых блаженного Василия († 1554 г.), а только подражал сокровенному духовному житию

[1] Ркп. повествование о начале Монзенского монастыря, писанное Монзенским иеромонахом спустя 39 лет после кончины прп. Ферапонта (у Царского № 118).

его. О жизни его в Костромской обители дознано, что он служил здесь примером послушания, был великим постником, и братия уважали его за высокую жизнь. Жители Костромы, начиная с воеводы, питали к нему уважение, приходили слушать наставления его и принимать благословение; он принимал посещавших с любовью, но иных строго обличал за слабую жизнь и пристрастие к мирской суете. Тяготясь известностью, удалился он из Костромы и поселился на реке Монзе, при впадении ее в Кострому, в 25 верстах от Галича; место, где поселился он, было лесное и окружено болотами, так что сюда можно было проникать только рекою Костромою. Незримый никем, подвизался он здесь в молитве и посте. Только след незнаемого человека видели здесь на траве; но пустынник не показывался никому. Инок Адриан, поселившийся с несколькими в запустевшем Благовещенском монастыре и обижаемый здесь полою водою, хотел перенесть монастырь на другое, понравившееся ему, место. Незнаемый отшельник пришел к нему и сказал: «Не трудись, старец! другое тебе назначено место, — на берегу реки Монзы; ты узнаешь его тогда, как двое юношей исцелятся от жестокой болезни». Адриан осматривал место на реке Монзе и, наконец, решился перевозить туда монастырь. В это время привезены в Благовещенскую обитель Адриана два больных отрока, один из Буйгорода, другой из Сольгалича: отец первого сказал, что неизвестный старец сказал ему, что сын его исцелится у старца Адриана, у которого ветхий монастырь Благовещенский, а на новом месте — храм Воскресения Христова и Николая чудотворца. По рассказу другого, старец сказал ему, что больной сын его исцелится у Адриана, который переносит монастырь на устье реки Монзы. Больные действительно исцелились у Адриана по совершении молебствия в храме. Когда монастырь уже устраивался на новом месте, преподобный Ферапонт сам пришел в обитель Монзенскую и стал жить здесь. Он взял слово с Адриана, что не будет говорить о нем ничего, что известно ему, и просил быть его духовным отцом. «Скоро, — прибавил преподобный, — спустя два года с половиною, исполнится надо мною воля Божия; до смерти же моей не разглашай о мне». С того времени Ферапонт каждый день выходил из обители и, перейдя реку Монзу, скрывался в чаще леса; там молился он наедине, ночь же проводил в келлии без сна и переписывал книги. Инок Кирилл возроптал на святого старца, что не участвует в строении обители, и увидел эфиопов, внушавших ему негодование на святого; тяжело ему было от этих посетителей, пока не пришел к нему Ферапонт, разогнавший духов, но запретивший

говорить о том. Раз вышел преподобный в лес на обычное место для уединенной молитвы. Женщина Пелагия, собиравшая ягоды, увидев его издали, перешла овраг, чтобы посмотреть на него вблизи. Старец сидел на колоде, обнаженный до пояса; по телу его, искусанному комарами, лилась кровь, и над ним роились оводы. По пытливости женской, она подошла еще ближе и ослепла. В страхе закричала она: «Угодник Божий! прости меня грешную», — и с этим словом невидимая сила отбросила ее за овраг, и она стала видеть; но она боялась сказать о случившемся с нею кому-либо другому, кроме старца Адриана. Служивший в обители Петр, видя однажды преподобного, идущего за реку Монзу, сказал ему с насмешкою: «Древен ты годами, а ступаешь искусно, как бы плывешь ногами, и мантия на тебе не движется». Старец ничего не отвечал ему и прошел мимо. Петр, возвратясь в монастырь, почувствовал страшную боль в голове, и лицо его искривилось. Адриан, узнав о его болезни нечаянной, спросил: «Не говорил ли ты при встрече чего-нибудь оскорбительного святому старцу?» Петр исповедал грех свой. Адриан советовал ему молиться и просить прощения у блаженного Ферапонта. Когда святой старец выходил от вечерни, больной просил у него помилования. Ферапонт возложил на него руки и сказал: «Не надобно осуждать никого», и болезнь миновалась. За день до кончины блаженный Ферапонт сказал братии: «Близок конец мой», — и просил причастить его Святых Таин во время Литургии. Братья, видя его на ногах, не хотели верить, что скоро умрет он. В самый день кончины его все собрались к утрене; это был воскресный день, неделя святых праотец; пришел к утрене и блаженный Ферапонт: по окончании службы простился он со всею братиею и пошел в келлию. Игумен Адриан пригласил братию идти в келлию, чтобы видеть кончину праведника. Братья и теперь повторяли, что еще крепок он; но когда пришли в келлию, — преподобный лежал на одре в мантии и куколе, и свечи горели пред иконами; он уже отошел ко Господу. Это было декабря 12-го 1591 года[1].

В загробной жизни своей преподобный творил много чудес для земли. Раз после Литургии игумен Адриан лег отдохнуть на рогожке.

[1] В повествовании о начале монастыря сказано, что преподобный преставился в 1591 г. В ркп. святцах: «прп. Ферапонт, чудный отец Благовещенского монастыря Монзенского, чудотворец, преставился в лето 7094 месяца декабря 12 день» — следовательно, 1585 г. То же в: *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI. Правда на стороне повести: голод, бывший спустя 10 лет после кончины прп. Ферапонта, был в 1601 г.

Является Ферапонт и говорит: «Спустя десять лет будет великий голод в России; береги рожь; многие будут тогда питаться из твоих житниц, и они не оскудеют: тогда заселятся и пустые земли твои». Феодосий, слепой старец, постриженник обители, в полночь молол жерновом рожь. И вот яркий свет наполнил храмину, и он увидал свет, исходящий из храма святителя Николая; пред царскими дверьми стоял преподобный Ферапонт. «Чего ты просишь у Господа?» — спросил его преподобный. «Отпущения грехов», — отвечал слепой старец. «Подвизайся, и как начал, так и довершай; спустя немного времени увидишь ты свет вечности», — сказал ему чудный Ферапонт. После того старец опять остался во мраке. В другое время Феодосий в полдень молол хлеб. Опять явился ему Ферапонт и сказал: «Мир тебе и благословение». Феодосий, хорошо знавший его при жизни, пал к его ногам. Преподобный сказал: «Спустя немного времени будет великий голод во всей России, но ты не доживешь до того; скоро ты увидишь меня в другом мире; скажи тайно Адриану, чтобы крепко берег рожь: многим придется питаться от монастыря». Блаженный Феодосий скоро скончался[1]. В Успенский пост 1601 года мороз уничтожил хлеб по всей России: настал страшный голод и продолжался три года. В Москве похоронено в скудельницах до 127 000 человек, умерших от голода[2]. Обитель преподобного Ферапонта была питательницею для всей окрестности, люди селились на пустошах монастырских, не находя на прежних местах пропитания. Игумен Адриан отпускал хлеб всем нуждающимся, в уповании на Господа, и, как предсказывал преподобный Ферапонт, житницы обители не оскудели[3].

Жизнь преподобного Ферапонта повторяет нам наставление Спасителя: *Когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на улицах становиться на молитву, чтобы видели их люди.*

---

[1] «Преподобный Феодосий, трудник Монзенского монастыря», в ркп. святцах.

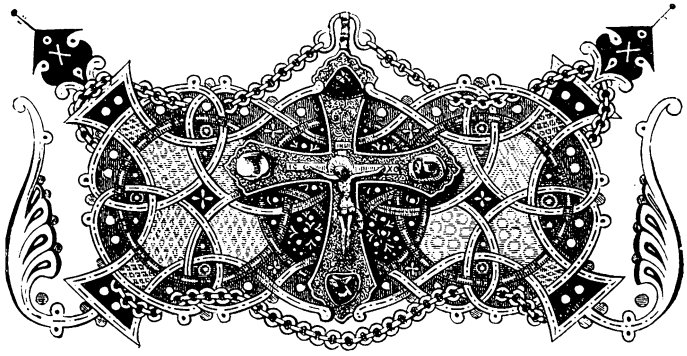
[2] О трехлетнем голоде, начавшемся успенским морозом 1601 г., см.: *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. Т. III. Кн. V. У Трехлетова «Апостол», писанный в Ростовском Борисоглебском монастыре, со следующими современными заметками: «л. 7110 (1601) мороз побил... ярь запала от него. С тех мест стал быть хлеб дорог. 110 г. в Ростове была четверть ржи по 20 алтын, а 111 г. в Ростове была в полтретья рубли четверть ржи, а на Москве была по три рубли и слишком, и того году людей множество с гладу мерло и со мразу и от разбоя и от пожара. Тот год был мятеж. А 112 г. была рожь по сороку алтын, а на Москве в полтора рубли, а овес по 20 алтын» (Ярославские губернские ведомости. 1855. № 36).

[3] Служба у Царского № 118.

Истинно говорю вам: они получили уже себе награду. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив за собою двери, помолись Отцу твоему, Который втайне, и Отец Твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 5–6).

Святого мученика
РАЗУМНИКА

Римлянин по рождению, он папою Сикстом (257–258) произведен был в чтеца, а в царствование Аврелиана, около 275 года, за исповедание имени Христа подвергнут пыткам и обезглавлен. Имя Разумник есть перевод греческого Синетос (Συνετός — разумный); у римлян же называется он Синезий.



День пятнадцатый

† ПАМЯТЬ преподобного ТРИФОНА КОЛЬСКОГО

Уроженец Новгородских владений, сын священника, Трифон[1], в крещении Митрофан[2], призван был Господом на особенный подвиг, на подвиг проповедника веры диким лопарям.

С юных лет благочестивый, он кроме того, что любил посещать храм Божий, читал и пел там, — по временам удалялся в уединение, чтобы беседовать с своею душою и Господом. Звание отца-священника наводило его на мысль посвятить себя проповеди о святой вере язычникам; но он был призван к тому и особенною волею Божиею. Раз, когда он молился в уединенном месте, услышал он голос: «Не здесь твое место, тебя

[1] Житие прп. Трифона, известное ныне, писано после того, как «Св. Троицы и праведнаго обитель от Немец разорена и сожжена, — житие святаго, самовидцы писанное, погибе... У некоторых в малых книжицах и в писаниях кратких соблюдошеся». Сочинитель говорит: «понудихся службу и житие преподобнаго, во едину книгу совокупив, написати». Следовательно, это было не прежде 1655 г.; житие сшито из нескольких рассказов и рукою неискусною. Текст его в «Православном собеседнике» (1859 г.), но без многих чудес.

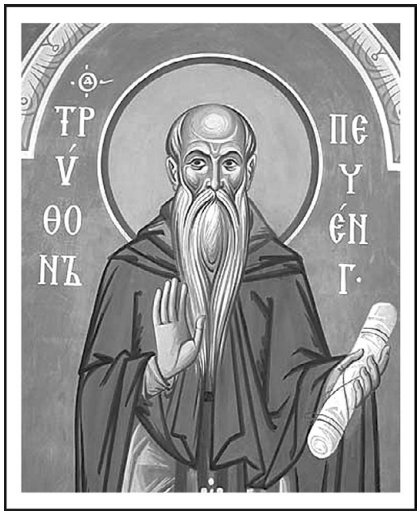
[2] В житии не показано мирское имя Трифона, но у Курбского пустынник, к которому прибыл Феодорит на р. Печенгу, называется Митрофаном: «Памятамися, Митрофан бе имя ему». Тогда, как Феодорит прибыл к Печенгскому проповеднику, последний еще не был Трифоном.

ждет земля необитаемая и жаждущая». Повинуясь небесному званию, отправился он в Кольский присуд, на реку Печенгу, к диким лопарям. Страна дальнего севера входила прежде в состав Новгородских владений, а потом перешла под державу великого князя России[1]. Русские и в начале XVI века бывали здесь только временными гостями, являлись для рыбных и звериных промыслов; рыбный промысел манил к святому Носу многих. Недаром говорят поныне «Где рыба ни ходит, а святого Носа не минует»[2]. Но между лопарями для русских только в Коле была часовня, а церквей нигде не было. Длинная и широкая полоса по реке Печенге была занята более кочующими, чем оседло живущими лопарями. Это было поле обширное для деятельности проповедника, полного ревностью к истине Христовой и к спасению людей.

Первые сношения с лопарями завязал Митрофан под видом дел торговли. Потом он говорил с ними о их верованиях и об одной Небесной вере. Лопари обожали не только духов, но даже гадов и ночных нетопырей, поклонялись камням. Проповедник Евангелия говорил им, что один есть истинный Бог, один Творец земли и неба, один Отец всех племен и народов, один Спаситель всех потомков первозданного человека. Он показывал детям природы, как близок к ним Отец Небесный, посылая им пищу и одежду, и как грубо-ошибочно обожение идолов и духов, из которых первые не видят и не слышат, а другие — не более, как слуги Божии, мятежные или покорные, но творение одного Творца вселенной. Тяжелы подвиги, какие надлежало совершать проповеднику лопарей. Нелегко ум, отупелый от неподвижности привычек, загрубелый от копоти суеверий и страстей, навесть на стези света и истины. Еще труднее заставить сердце разорвать связь с привычными заблуждениями, с нажитыми привязанностями, с застарелыми пристрастиями. А вот еще против проповедника истины восстают жаркие друзья лжи, для которых служение заблуждению выгодное ремесло, — при нем они живут в довольстве и пользуются известностью, без него же они — ничтожество. Кебуны восстали на Митрофана сперва с гордою

[1] Договорная грамота Новгородцев 1265 г. «а се ти, княже, волости Новгородския: Торжок, Бежище, Вологда, Заволоцье (по берегам Двины). Тре (Лапландия), Перем (по Вычегде и верхней Каме), Печора (по берегам Печоры и Урала), Югра (за Уралом)». Летопись под 1216 г. «Новгородьц убыша — Семьюна Петриловиця, Терьскаго даньщика» — сборщика даней с Трейской, Лапландской области (Собр. л. 3, 35).

[2] *Даль В.И.* Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М., 1862.



Преподобный
ТРИФОН
КОЛЬСКИЙ

надеждою оспорить его, потом с ярою злобою, готовою убить и растерзать непобедимого проповедника новых мыслей и дел. Не раз они не только осыпали его бранью, но били жестоко и таскали за волосы. «Ступай прочь отселе, — говорили ему кебуны, — иначе ждет тебя злая смерть». Не раз собирались они и убить его, но Господь хранил раба Своего. Святой ревнитель небесной истины с кротостью переносил брань и побои, и когда свирепела злоба, удалялся в горы, а потом опять выходил на проповедь[1]. Как ни много в нас худого, — душа наша создана Господом для истины, и сердце ищет вечного покоя. И между лопарями были такие, которые не оставались глухи для проповеди о вечной истине и вечном покое. Когда Митрофан на время оставлял упорных произволу их дикой злобы, — оставаясь с своею совестью, они начали видеть свою виновность и нравственное превосходство христианского проповедника; его любовь к ним, его терпение и незлобие, его самоотречение для проповедуемой истины поражали сердца их, и они начали воздыхать о покое, ненаходимом в своей вере. Когда проповедник снова являлся к дикарям и одни из них, волнуемые слепою злобою, кричали: убьем его, другие говорили: он ни в чем не виноват пред нами, напротив он желает нам добра; за что же убивать его? Таким образом сперва немного было таких, которые принимали к сердцу слова проповедника истины, потом число их становилось значительнее.

Блаженный Митрофан и для торговых сношений, которыми он начал свою связь с лопарями, должен был сколько-нибудь знать финский язык и, конечно, он узнал разговорный язык дикарей от других, вступавших в торговые связи с лопарями. Но проповеднику веры надлежало знать гораздо более финский язык, чем торговцу. На помощь ему Господь послал усердного и способного деятеля, иеродиакона Феодорита;

[1] «Народ омраченный, а паче кебуны пряхуся с праведником Божиим и пряхуся яко звери и неисповедимыя ему деяху пакости, за власы торгаху и о землю метаху и бияху и пхаху, называюще незнаема странника и юрода, — вопльствующе нань, аще от предел их не изыдет и пребывати с ними будет, горькою мукою и самою смертию претяху» (ркп. житие). Путешественник Вундерер, посещавший Псков, Пермь и Лапландию в 1590 г., пишет: «что касается до Лапонцев, — эти люди очень грубы и некрасивы, лицо у них толстое, желтоватое, но они очень поворотливы и хорошо стреляют из лука. Одежда их шита из звериных шкур. Они привозят в Ригу свои товары: сухую рыбу, звериные шкуры и т. п. Благодаря своему волшебству, они безопасно плавают по морю» (*Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России // ЧОИДР. 1863. Кн. 2). О славе волшебства, которою пользовались финны и лопари см.: *Henrik Gabriel Porthan.* De fama magiae Fennis attributa. Aboae, 1789.

это было в 1529 году, когда северный пустынник уже провел более 5 лет «в прегорчайшей пустыне»[1]. Феодорит прежде того 15 лет прожил на Соловецком острове[2]; там, при частых сношениях с лопарями, легко было даровитому Феодориту научиться языку лопарей. Потому не трудно было ему перевести «некоторые молитвы с славянского языка на язык лопарей»[3]. А это было самою важною услугою для Печенжского проповедника.

После долгих трудов и скорбей проповедника значительное число лопарей, живущих у реки Печенги, уверовали в Господа Иисуса. Блаженный Митрофан не крестил их, потому что не был облечен в сан священства и даже не был еще иноком. Он отправился в Новгород испросить у архиепископа Макария грамоту на построение храма. Из Новгорода привел он с собою и плотников, которые более для Господа, чем за деньги, решились идти с ним в дальнюю и дикую страну. При построении храма блаженный за три версты носил на плечах своих бревна и лес. Построенный храм долго оставался неосвященным: из Новгорода не присылали священника. Митрофан отправился в Колу, тогда еще малолюдное местечко, и нашел там иеромонаха Илию, который освятил храм, крестил обученных вере лопарей и постриг в монашество самого проповедника, с именем Трифона. Это было не прежде 1532 года. Так надобно положить по соображении жития Трифона с летописью. Последняя говорит, что зимою в Филиппов пост 7040 (1531 г.) «прибыли

---

[1] История князя великого Московского о делех, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашима (История Иоанна Грозного) // Сказания князя Курбского. СПб., 1833 (далее — *Курбский А.М.* История Иоанна Грозного). В известиях Курбского о Феодорите должно иметь в виду два определенные предела времени и по ним располагать не совсем точные показания Курбского о Феодорите. Это 1554 г., когда Феодорит подвергся ответам за Артемия, и 1526 г., когда он пришел в пустыню к Порфирию, бывшему игуменом Сергиевской Лавры до октября 1525 г. По словам Курбского, с Порфирием пробыл Феодорит 4 года, на р. Коле около 20 лет, два года в Новгороде, 2 года в Новгородском монастыре, 4 года в Суздале. Таким образом, а) по этому счету прожито Феодоритом до заточения в Кириллов монастырь 30 лет; а с 1526 до 1554 г. выходят 28 лет; б) 20 лет жизни Кольской, очевидно, заключают в себе не только время пребывания Феодорита на Коле и основания там монастыря, но и жизнь Феодорита у Митрофана; по отделении же большого числа лет для жизни в Коле, останется для пребывания с Митрофаном не более 5 лет и притом для пребывания разновременного; в) По счету Курбского надлежало бы положить, что Феодорит отправился в Новгород в 1551 г., а он в этом году был и в Москве. Следовательно, опять неточность или неполнота.

[2] *Курбский А.М.* История Иоанна Грозного.

[3] *Курбский А.М.* История Иоанна Грозного.

в Великий Новгород Лопландцы с Мурманского (Норвежского) моря с реки Колы и Тутоломи (с реки Туломи, соединяющейся с рекою Колою пред впадением в море) и просили государева архиепископа Макария дать им антиминсы и священников, чтобы освятить церкви Божии и их просветить Святым Крещением. Боголюбивый архиепископ Макарий послал священников и диакона, и они освятили церкви Благовещения Богородицы и святителя Николая в Филиппов пост и их самих крестили в великом числе, даже лопарей за Святым Носом»[1].

Блаженный Трифон, воспользовавшись услугами Кольского иеромонаха для окрещения Печенжских Лопарей, стал устроять на устье реке Печенги обитель Святой Троицы. Теперь у него были два труда — труд распространения Евангелия и труд устроения обители. Чтобы продолжать дело Евангельской проповеди, надлежало путешествовать. А что это значило в той стране? Жилища лопарей разбросаны по местам болотистым, пересеченным горами и скалами; ни сел, ни деревень нет, а только уединенные шалаши. Каково же было, не встретив готовности сердец в одном жилье, идти по тундрам и горам, чтобы встретить подобный прием в другом шалаше? Подвижник Божий терпеливо трудился. Когда из тех, которые открыли вере христианской глубины души своей, нашлись готовые посвятить жизнь свою служению Господу, — это облегчило труды проповедника веры. Лопари, наученные Трифоном живому благочестию, с живым одушевлением передавали другим семена благочестия, и целый дикий край получил совсем новый вид. Вместе начала укрепляться и обитель Трифона. «Благодатию Божиею, — писал современник, блаженный Максим Грек, — многие иноверные обратились в Православную и благочестивую веру христианскую... Прежде того жили они как звери в пустынях непроходимых, в пещерах и расселинах, не имея ни храма, ни нужного для жизни; питались животными, зверями, птицами, морскими рыбами, и что кто ловил, тем торговал... Православие распространилось до Варяжского города Варгава, где живет капитан или князь. И здесь ныне благоволением Отца, изволением Сына и действием Святого Духа устроен честный монастырь и собралось большое братство иноков. Это в 60 верстах от того Варяжского города, на реке Печенге, близ моря»[2].

---

[1] Собр. л. 6, 289.

[2] Предисловие к Житию Соловецких чудотворцев // *Ундольский В.М.* Библиографические разыскания. М., 1846. Также в «Православном Собеседнике» (1859 г.) Оно писано, по всей вероятности, после свидания с Артемием и Феодоритом в 1551 г.

По житию Трифона, крещеные лопари до того полюбили святую веру, что одни приносили в пользу обители плоды торговли своей — деньги, другие отдавали земли, озера и приморские угодья. Последнее видим и по царской грамоте, где записаны «земли, воды, угодья и промыслы, что дала в дом Живоначальной Троицы новокрещенная Лопь»[1].

В глубоком севере сеять хлеб почти нельзя, его надобно доставать из более теплого края. «Печенжский монастырь стоит на украине, у студеного моря; пашни около монастыря нет, земля каменистая, стужа великая, во все лето снег сходит на короткое время», — так писали Печенжские иноки столетием позже Трифона[2]. Потому-то блаженному Трифону, отечески любившему собранную им обитель, не раз приходилось отправляться в Новгород, чтобы там собрать хлеба для своей обители. С таким намерением был он в Новгороде в 1551 году[3].

Рассадник благочестия и новой веры, насажденный в стране дикой, нужно было оградить защитою гражданской власти. Блаженный Трифон не принимал на себя звания игумена обители своей, звание игумена предоставил он другому; но он был отцом, насадителем и попечителем своей обители. Потому отправился он в Москву к царю с опытным иноком. В Москве полезен был Трифону прежний сожитель его в Лапландской пустыни, а теперь архимандрит Феодорит; последний в это время пользовался вниманием царя, так что отправлен был вскоре с особенными поручениями на Восток. Друг пустыни и сотрудник по проповеди Лапландской, конечно, говорил в Москве боярам и духовным об усердном проповеднике Трифоне[4]. Трифон и его спутник представили царю просьбу обители, когда с царевичем Феодором шел он

---

[1] Дополнения к Актам историческим. Т. 6.

[2] Акты исторические. Т. 4.

[3] Курбский: «пребыв тамо со оным старцем аки 20 лет, оба приходят до Новгорода».

[4] По известию Курбского, о Феодорите говорил царю игумен Сергиевой лавры Артемий, и по его отзывам вызван был Феодорит в Москву для поставления в архимандрита Суздальского (*Курбский А.М.* История Иоанна Грозного). Поелику же Артемий с июля 1551 г. пробыл игуменом Лавры менее года, то ясно, что Феодорит был у царя в конце 1551 г. И, следовательно, за 5 лет раньше того, как Трифон явился в Москву и получил грамоту от 1 ноября 1556 г. И Курбский, мало зная дела блаж. Трифона, как видно по его отзыву, неясно отделил деятельность Феодорита, обнимавшую окрестности Колы, от деятельности Трифона, подвизавшегося на Печенге. А другие, включив без разбора в сказание о Трифоне повествования Курбского о Феодорите, навели полный мрак на жизнь Трифона. Феодорит отправился на восток в 1557 г. (летопись см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VIII, прим. 587).

в храм. Добрый царевич вышел из храма в придел, как бы по случаю, снял с себя верхнюю одежду и, послав ее Трифону, велел сказать: «Царевич, посылая одежду, желает, чтобы милостыня его предупредила царскую; пусть преподобный употребит ее на церковную одежду». По возвращении из храма царь советовался с боярами о просьбе Трифона. Нетрудно было видеть после беглого взгляда на дела блаженного Трифона, что к проповеднику лопарей не следует относить слов царя, которые незадолго пред тем предлагались собору: «старец поставит келлию в лесу или срубит и церковь, но пойдет по миру с иконою просить на сооружение, а у царя просить земли и руги, а что соберет, то пропьет»[1]. Царь наделил блаженного Трифона как церковного утварью, так и угодьями. Царская грамота от 1 ноября 1556 года говорит: «По просьбе сыновей моих царевичей Иоанна и Феодора Иоанновичей, пожаловали мы Печенского монастыря, что у холодного моря, у Мурманской границы, обители Святой Троицы игумена Гурия с братиею и кто бы там ни был игуменом с братиею, взамен руги, молебных и панихидных денег, по их скудости, на пропитание в вотчину, морскими губами (заливами) Матоцкою, Лицкою и Урскою, также губами Печенскою, Пазренскою и Навденскою, в море всеми рыбными ловлями и выметом морским, когда из моря выкинет кита или моржа или иного зверя, со всем морским берегом и его островами, с реками и речками, с пашнями и лесами, с лесными озерками и звериными ловлями, с лопарями, какие только приписаны теперь или будут приписаны к Матоцкой и Печенской губам, со всеми угодьями заливов и с царскими денежными сборами и волостными кормами, чтобы тем монастырь мог обстроиваться и питаться. Боярам нашим Новгородским и Двинским приказным людям Усть-Кольской волости, всем приморским жителям, Карельским детям и лопарям и всякому другому не вступаться в ту отчину, в реки, тони, рыбные ловли и угодья»[2].

Блаженный Трифон, возвратясь в свою обитель с царскими дарами и грамотою, принес ей радость и мир. Рыбными ловлями и другими угодьями она теперь обеспечена в существовании. Первым делом его после благодарности Господу было объявить царскую грамоту местным

[1] В Стоглавнике 20 вопрос царя.

[2] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. IV; *Щекатов А.М.* Словарь географический. Ч. 3. Без сомнения, в этой грамоте включены и дары, данные обители новокрещенными.

начальникам и старшинам. Надобно было обрадовать и новокрещенных детей своих. Средствами, привезенными из Москвы, блаженный Трифон построил для них на устье реки Паза (Паэса) храм святых Бориса и Глеба[1].

С 1557 года во всем северном краю был сильный продолжительный голод. Несколько лет сряду мороз убивал посевы[2]. Это вызвало блаженного Трифона на новые тяжкие труды для обители. Взяв с собою несколько братьев, он ходил по Новгородскому краю из одного поселения в другое, испрашивая у боголюбивых подаяния. Все, что получал, отсылал он на содержание братии. Так кормил он духовных детей своих целые 8 лет.

С юных лет возлюбив Господа, перенесши столько трудов и скорбей для Него в летах зрелости, преподобный боялся быть неверным Ему в старости и продолжал подвизаться для Него до гроба. Раз купил он в Коле ручные жернова и положил их себе на плечи, чтобы несть в свою обитель. Ученики просили его не мучить себя такою ношею. «Братья! — сказал старец. — Тяжелое бремя лежит на потомках Адама, с рождения до самой смерти: к чему веселиться? Нет! Трифон! лучше повесить камень на шею твою, нежели соблазнять братию праздностью». И 158 верст от Колы до Печенжской обители, дорогою то болотною, то гористою, нес он жернова на себе; мало и того, он при таком труде мало вкушал пищи.

Такими подвигами преподобный достиг великой крепости духовной. Раз медведь вошел в его келью, опрокинул квашню и начал есть тесто. Преподобный, придя к келье, сказал медведю: «Иисус Христос, Сын Божий, мой Бог, повелевает тебе выйти из келлии и стоять смирно». Медведь вышел и стал у ног преподобного. Взяв палку, преподобный наказал виновного медведя и, сказав, чтобы вперед не смел беспокоить обители, отпустил его. С того времени, прибавляет инок

---

[1] Акты исторические. Т. 4. «На Паз р. храм страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба — поставление строителя их старца Трифона». То же в грамоте 1657 г. (Дополнения к Актам историческим. Т. 6). В книге большого чертежа читаем: «на устье с левыя страны р. Таза, от моря 20 верст, погост Бориса и Глеба» (Книга, глаголемая Большой Чертеж / Спасский Г. И. М., 1846). Таз — ошибка, читаем «Паз». Ныне на картах: р. Паяс. Далее в книге чертежа: «от Паза р. морским берегом 20 верст пала в море речка Деньга да речка Воема; а промеж тех речек Волотово городище». Под именем Волотов известны были великаны (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V, прим. 210).

[2] Никон. л. 7, 279. 280.

обители, медведи никогда не делали вреда ни оленям, ни другим животным обители.

В последние годы жизни своей преподобный часто удалялся в пустыньку, где, построив храм Успения Богоматери, проводил время в уединенной молитве[1].

Пред кончиною своею блаженный Трифон был тяжко болен. Наконец, близкий к смерти, сказал он братьям: «Заповедую вам, погребите меня у церкви Успения Богородицы в пустыньке, куда отходил я на молчание». Глубокой старости достиг он, если почил в 1583 году — тогда он прожил на Печенге почти 60 лет[2]. Он был ростом невелик, но крепок, несколько сгорблен и плешив, с длинною, седою бородою. Так говорят о нем по уцелевшей древней иконе его и по видениям!

После кончины его царь Феодор Иоаннович осаждал крепкий город в Ливонской стране. Осажденные немцы на рассвете направили пушки свои на царский шатер, когда царь еще спал. Ему явился благолепный старец в иноческой одежде и сказал: «Встань, государь, и выйди из шатра, иначе будешь убит». «Кто ты такой?» — спросил царь. Явившийся отвечал: «Я тот Трифон, которому ты подал свою одежду, чтобы твоя милостыня предварила другие, — Господь Бог мой послал меня к тебе». Пробудившийся царь едва успел выйти из шатра, как ядро из города ударило в кровать царскую. Благочестивый Феодор возблагодарил Господа за чудное спасение свое. Он послал в обитель Печенгскую найти блаженного Трифона, но получил ответ о его кончине. Царь оказал потом милости обители. «Сказание» не определяет ни года, ни города, когда и где случилось дивное событие с царем. Но без сомнения, это было под Нарвою, в феврале 1590 года. Царь Феодор был здесь с войском; шведы упорно защищали Нарву, но она была взята.

В то же время (1590 г.) шведы на севере опустошали поселения русских. За неделю пред праздником Рождества Христова, говорит «сказание», они сожгли храм Успения Богородицы, где почивали мощи преподобного под спудом. Здесь замучили они праведного инока Иону. Потом

[1] По большому чертежу видно, что «пустынька» впоследствии обращалась в монастырь. Здесь читаем: «на усть реки Печенги два монастыря» (Книга, глаголемая Большой Чертеж / Изд. Спасский Г. И. М., 1846).

[2] По житию, он скончался декабря 15-го 1583 г. По одному списку святцев преподобный преставился июля 23, по другому — ноября 14, по третьему — декабря 15 день. День кончины, без сомнения, 15 декабря, прочие дни — дни празднования перенесения мощей.

скрылись в засаде. В самый праздник, во время Литургии, ворвались они в обитель Святой Троицы и с зверскою жестокостью начали умерщвлять иноков и послушников; одних рассекли пополам, другим отрубили руки и ноги. Иных вдоль рассекли. Игумена Гурия и иеродиаконов мучили различно, кололи оружием, жгли на огне, допытываясь от них, где монастырская казна. Страдальцы не сказали им о казне, и разъяренные шведы изрубили их в куски. Ограбив, что могли найти, предали они огню храмы и все здания обители. Всех иноков погублено в обители 51 человек; послушников и рабочих — до 65 человек; остались целы только те, которых не было в обители. После того, по воле царя Феодора, монастырь для безопасности основался в городе Коле у Благовещенской церкви. После пожара 1619 года он построен у города за рекою Колою, но до 1675 года два раза и здесь разоряли его шведы[1].

Мощи преподобного остаются под спудом на месте погребения их, в Печенжском Лопарском погосте, в Сретенской церкви, приписанной к Кольскому собору.

Иноки, перейдя в Колу, сохраняли такой устав: если кому из иеромонахов случалось быть вблизи прежнего места обители, непременно пел панихиду над гробом блаженного основателя обители. Иеромонах Иона, быв здесь, не только не выполнил устава, но еще сидел на могиле старца Ионы, замученного шведами. Когда он отъехал на несколько верст от места покоя блаженного Трифона, внезапно вся половина тела его поражена была параличом. Глубоко почувствовав свои согрешения и исповедав их пред братией, он стал молить преподобного простить его. На четвертую ночь явились ему двое святолепных мужей, один в иноческой одежде, другой в священнической. Последний говорил: «Начальник и отец мой, святой Трифон! прикоснись к больному, чтобы был он здоров». — «Ты, отец Иона, почтен саном пресвитера, отвечал Трифон, на твоей гробнице сидел он: ты и должен исцелить». «Нет, — возразил Иона, — ты — первоначальник в этой стране и мой учитель, а я только ученик». Преподобный сказал: «Если называешь меня учителем, должен ты исполнить мою волю». Тогда Иона осенил крестным знамением пораженные части больного и сказал: «Во имя Святой Троицы, молитвами преподобного Трифона, будь здоров и не нарушай пределов, положенных отцами». Больной, проснувшись, почувствовал себя здоровым и увидел луч света, последовавший за отходящими святыми.

[1] Акты исторические. Т. 4; Житие Трифона.

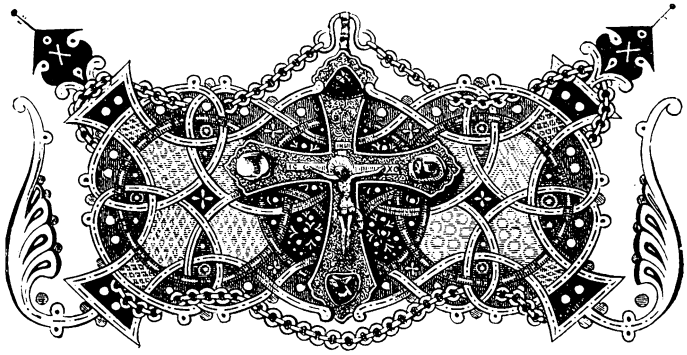
О блаженном Ионе сохранилось предание, что он был священником церкви святителя Николая в городе Коле и в мире назывался Иоанном. Потеря любимого дитяти так поразила его, что он ушел в обитель блаженного Трифона и стал учеником его; он такую имел любовь к учителю своему, что после его смерти поселился при скитском храме Успения Богоматери, чтобы каждый день совершать Литургию за упокой усопшего. Здесь мученически убитый шведами, положен он близ учителя своего.

Иноку Иоасафу, ослепшему от тяжкой головной боли, явился преподобный Трифон и, коснувшись очам его, сказал: «Во имя Святой Троицы будь здоров и прозри, но сохраняй монашество по обету». «Исцелился я и прозрел явлением преподобного отца нашего Трифона!» — кричал в восторге прозревший, и собравшиеся на голос его иноки прославили Господа.

Не раз преподобный Трифон являлся во время бури на море и спасал погибавших[1].

Таков преподобный Трифон, благодатию Святой Троицы!

[1] В ркп. житии, после известия об иноках, избиенных «от свейских немец», следуют статьи «о священноиноце Ионе Сорокоуме; о кровоточивой жене; о вдове Марии; о исцелении отрока Игнатия; о Иоасафе мнисе; о спасении монастырской лодии от потопления; о спасении другой лодии; об исцелении ока; о явлении преподобнаго иерею Алексею; о мнисе Иоасафе Майкове; о игумене Иоанне».



День шестнадцатый

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобной княгини СОФИИ

Юной дочери боярина Юрия Константиновича Сабурова неожиданно выпала блистательная доля. Для наследника Московского престола, по воле великого князя, собраны были девицы-невесты, лучшие по красоте и здоровью; из 500 выбрали 10, и из этих десяти молодой князь Василий выбрал себе невесту[1]. Это была Соломония Юрьевна Сабурова. Сентября 4-го 1505 года совершен был законный брак, а с 28 октября Василий был уже великим князем. Но прошло пять, десять, 15 лет, а великая княгиня бездетна. Это — скорбь для супруга, а еще более для супруги. Великий князь сперва охладел в любви к супруге, потом стал обнаруживать и негодование. Один посланник при дворе великого князя говорит: «Не имея детей, Василий не уважал супруги, так что я, находясь в Москве, должен был ходатайствовать о свободе брата ее, сидевшего в темнице за легкую вину»[2]. Наконец, в 1525 году великий князь решился развестись с неплодною Соломонией, чтобы вступить в брак с княжною Глинскою. Государству, говорили, необходим наследник престола. Если бы у Василия не было и братьев, добрая

[1] *Sigismund von Herberstein.* Rerum Moscoviticarum Commentarii.

[2] Там же.

цель не оправдывает собою незаконного средства, и не благословение, а гнев Божий низводят на государство дела незаконные. Так говорили и лучшие современники Василия[1], между прочими преподобный Максим Грек. Но пред силою закон бессилен; страсть князя к Глинской признали обидою для себя голоса чистой совести[2]. От невинной Соломонии потребовали, чтобы она по воле приняла монашество. Она отвечала, что не чувствует в себе такого желания. Ее вывели из дворца. Ноября 25-го 1525 года «великий князь Василий велел постричь свою великую княгиню»[3]. При выполнении этой воли слуги князя доходили до того, что ругали и даже били бывшую княгиню. Ее постригли в Рождественском девичьем монастыре с именем Софии и отправили в Суздальский Покровский девичий монастырь[4]. «Вот я князь великий Василий Иванович всей России пожаловал старицу Софию в Суздале моим селом Вышеславским с деревнями и новоселками, — после ее смерти это село поступит в дом Пречистой Богородицы, к Покрову», — так писал Василий в грамоте от 19 сентября 1526 года[5], т. е. спустя год после заключения княгини в монастырь. Тяжело было Софии в первое время переносить свою долю, когда она и не думала расставаться с миром. Но грамота великого

---

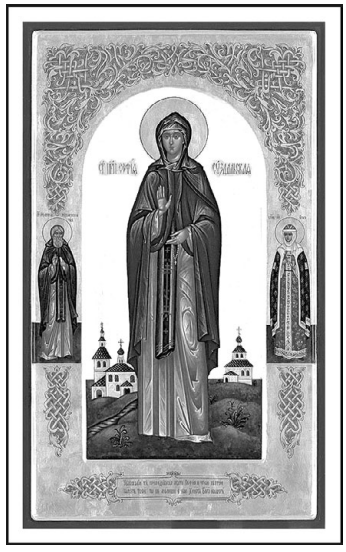
[1] Псков. летопись: «вел. князь постриже княгиню Соломонию, а Елену взят за себя: а все то за наше согрешение... Иже аще кто пустит жену, а оженится иною, прелюбы творит».

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VII, прим. 343; *Курбский А.М.* История Иоанна Грозного; Житие прп. Максима (января 21 день). Князь Симеон Курбский, человек строгой жизни, за то, что осуждал незаконные желания князя, сослан в ссылку (*Herberstein.* Rerum Moscoviticarum Commentarii). Князь инок Вассиан за то же заперт в Иосифов монастырь.

[3] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VII, прим. 280; *Herberstein.* Rerum Moscoviticarum Commentarii. Курбский: «остриг ее во мнишество, не хотящей и не мыслящей ей о том». Продолжатель Нестора пишет, что будто сама вел. княгиня просила супруга постричь ее в монашество по ее болезни и бесчадию, и будто Василий только уступил настоятельной просьбе ее. Но уликою тому, что Соломонию заставили постричься, служит и розыск о средствах, какие нелюбимая супруга употребляла в своем положении (Акты исторические. Т. 1. № 130; Собр. л. 4, 295. 296. 5. 30; Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 1). Не говорим о помянутых свидетелях.

[4] *Ананий Фёдоров.* Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале // Временник общества истории и древностей. Кн. 22 (далее — *Ананий Фёдоров.* Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале); Житие благов. вел. кн. Соломонии, во иноческом чину Софии преподобныя (Описание Румянцевского музеума. № 165); *Herberstein.* Rerum Moscoviticarum Commentarii.

[5] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VII, прим. 280. Грамота дана при игуменье Ульяне; подтверждена вел. кн. Иоанном Васильичем марта 30-го 1534 г. при старице Елене Шастовой (Описание Румянцевского музеума).



Преподобная
княгиня
СОФИЯ

князя показывает, что в конце года она уже стала смиряться со своею долею. В 1530 году августа 28-го у великого князя родился от Елены сын и «потом бысть грозный государь»[1]. Рождение сына у Василия, без сомнения, еще более смирило Софию. Она теперь уже вся обратилась к Господу и изгнала из души мирские мечты. Она стала очищать сердце, столько нечистое у всех нас, духовною бдительностью, самоукорением, покаянием, молитвою. Так восходя от совершенства к совершенству путем скорби и борьбы с собою, преподобная София прожила в обители 17 лет и пережила не только князя Василия († 1533 г.), но и развратную Елену, погибшую от яда († 1537 г.); достигши высокого совершенства, она скончалась 16 декабря 1542 года[2]. Князь Курбский называет блаженную княгиню преподобною мученицею[3]. По словам степенной книги, София, «пожив благодарно и богоугодно, к Богу отъиде»[4].

Уже супруга великого князя Феодора Иоанновича прислала «на великую княгиню Соломониду, а в иноцех Софию», бархатный покров с изображениями Спасителя и святых[5]. На другом древнем покрове изображена сама княгиня инокиня с подписью: «Святая великая княгиня София, Суздальская чудотворица»[6]. Этот покров принадлежит ко времени патриарха Иосифа. Патриарх Иосиф писал к Суздальскому архиепископу Серапиону: «Писал ты, сын, к нам, патриарху, что в нынешнем 1650 году, по нашему указу и грамоте, в Суздальском Покровском девичьем монастыре свидетельствовал ты мощи великой княгини Софии, и благоверная великая княгиня, погребенная под соборною Покровскою церковью, лежит под спудом. Слушав твою грамоту, велели мы послать тебе в ответ нашу грамоту. Когда придет к тебе наша грамота, то ты прикажи положить покров на гробницу и петь панихиды и молебны, как водится по чину, но не приказывай разбирать гробницу и разрывать землю»[7]. Ключарь Анания пишет, что «от гроба преподобной Софии истекало много чудес и исцелений для притекающих

[1] Ркп. житие (Описание Румянцевского музеума. № 165); *Ананий Фёдоров*. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале.

[2] Книга степенная. Ч. 2; *Ананий Фёдоров*. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале.

[3] *Курбский А.М.* История Иоанна Грозного.

[4] Книга степенная. Ч. 2.

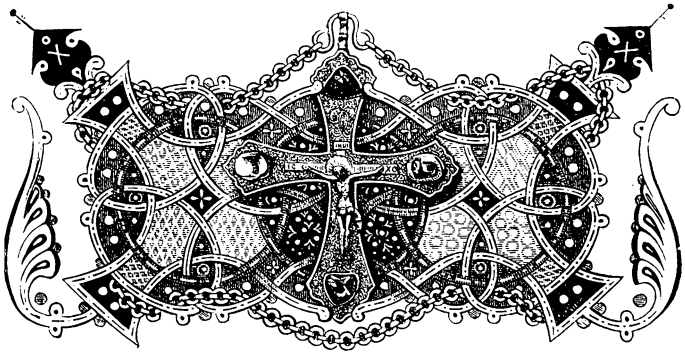
[5] Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. К. Тихонравов. М., 1857.

[6] Древности Российского государства. Отд. VI.

[7] *Ананий Фёдоров*. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале.

с верою, в славу Христа Бога нашего». Он описывает самые чудеса. «Августа 1-го 1598 года преподобная благоверная великая княгиня София простила у гроба своего девицу Анну, дочь княгини Александры Ногтевой»; та была слепа шесть лет, а у гроба Софии прозрела и стала здоровою. В 1609 году Суздаль спасся от разорения защитою преподобной княгини. От грозного явления ее у известного Лисовского отнялась рука, и он поклялся не разорять города и монастырей. В 1610 году при гробе преподобной исцелились три расслабленные и прозрела слепая. В 1647 году получили здравие один помешавшийся в уме, один глухой, три слепых и один расслабленный. Замечательно чудо 1654 года: Юрьевский крестьянин Иеремия был болен головою и не спал ни днем, ни ночью; в тонкой дремоте явилась ему преподобная София и исцелила от болезни[1].

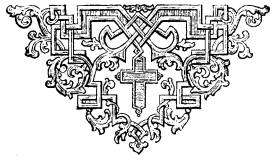
[1] *Ананий Фёдоров*. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале; Житие прп. Софии. Ркп. святцы: «святая праведная княгиня София инокиня, яже бысть в Покровском монастыре девичье, чудотворица».

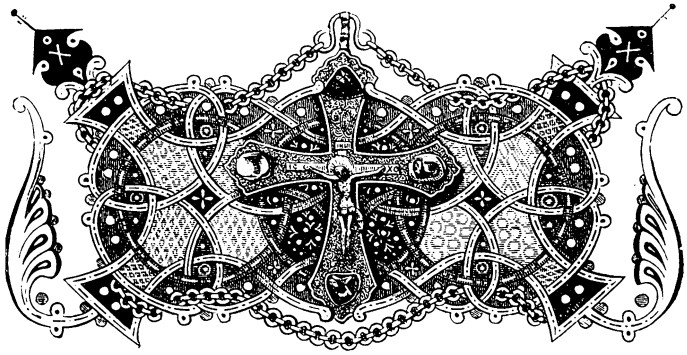


День семнадцатый

Преподобного ДИОНИСИЯ ЭГИНСКОГО

Уроженец острова Закинфа (Занта), он был архиепископом острова Эгины. Отказался от престола в 1589 году и, воротившись в отечество, подвизался в Богородичном монастыре скалистого островка Строфады. Тут он однажды скрыл от преследователей убийцу брата своего, увидев в несчастном раскаяние. Скончался 17-го декабря 1624 года. Нетленные мощи его, по случаю набегов турецких, перенесены в Зант и почивают в кафедральном соборе.



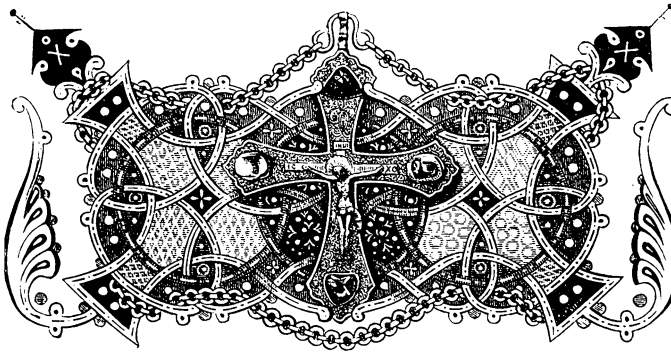


День восемнадцатый

† ПАМЯТЬ преподобного СЕВАСТИАНА ПОШЕХОНСКОГО

По рукописным святцам, «преподобный священноинок Севастиан, начальник Преображенского монастыря на Соготи реке, Пошехонский чудотворец, преставися в лето 7050 (1542)». Иноки Севастьяновой пустыни (упраздненной в 1764 г.) и после преподобного Севастиана сами обрабатывали землю и питались трудами рук своих. Этому научил их примером и наставлениями преподобный Севастиан. Он работал сам на себя, не давая воли ни телу грешному, ни мечтам воображения заносчивого. По наставлению апостола, не считал он благочестием, ничего не делая, ходить с места на место с толками праздности. Апостол писал: *увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы, работая в безмолвии, ели свой хлеб* (2 Фес. 3, 12). Во время Севастиана, так же как во время апостола, многие смущались мыслью о близости кончины мира, и иные, вместо того, чтобы готовить себя к переходу в вечность подвигами, ничего не делали и только распускали толки. Преподобный подвизался с преданностью воле Божией. Мощи трудолюбивого преподобного почивают на месте подвигов его[1].

[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях.



День девятнадцатый

† ПАМЯТЬ преподобного ИЛИИ МУРОМЦА

Преподобный Илия, по месту рождения Муромец, почивает открыто в Антониевой пещере. По словам Кальнофойского, он жил за 450 лет до его времени, и следовательно, около 1188 года и по народному назывался Чеботок[1]. Простодушный паломник в 1701 году писал: «Видехом храброго воина Илью Муромца, в нетлении под покровом златым; ростом яко нынешние крупные люде; рука у него левая пробита копьем, язва вся знать; а правая его рука изображена крестным знамением»[2]. Мнение, что преподобный Илия есть одно лицо с известным богатырем Ильею Муромцем, встречается и в других московских памятниках; но за верность его нет никаких ручательств. Паломник не досказал, как сложены персты преподобного Илии для крестного знамения? Три первые перста соединены вместе и протянуты, а два последние, безымянный и мизинец, пригнуты к ладони. Преподобный почивает в молитвенном положении и неотразимо обличает раскол[3].

---

[1] *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры.

[2] Записки о. Леонтия в Черниговском листке (1862 г. № 4).

[3] Верное изображение молящейся десницы его — в книге: *Феофилакт (Лопатинский), архиеп. Тверской и Кашинский.* Обличение неправды раскольническия. М., 1745. Посошков в свое время допытался от современных ему стариков, что только «не за долгое время до морового поветрия (1653 г.) стали учить креститься двома

Святых мученика ВОНИФАТИЯ и праведной АГЛАИДЫ

Едва только теплившимся в них чувством веры в Бога воспламенены были до высоты покаяния, которым из омута нечистых страстей земных возведены были до высоты небесной воспоминаемые сегодня Церковью святой мученик Вонифатий и достигшая праведности Аглаида.

О жизни их в мире известно, что хотя и были они — Аглаида, богатая и знатная римлянка, и раб ее Вонифатий — по происхождению христианами, но жили не по-христиански, а в пустых и порочных развлечениях расточали драгоценное время, и душевные силы, и богатые средства, которыми обладала Аглаида. Живя во времена преследования христиан, в конце III столетия, и слыша об их изумительных мученических подвигах, Аглаида, однако же, неравнодушно относилась к рассказам о них и стала задумываться, вникая порою в собственную жизнь, так далеко отстоящую, такую недостойную в сравнении с дивными образцами в лице единоверных своих.

Слыша также о чудесах, проявляемых мучениками и за гробом, она пожелала и сама прибегнуть под защиту и спасительное покровительство их, и пришло ей на мысль иметь в собственном доме святые мощи страдальцев за веру Христову. «Если я получу желаемое, — говорила Аглаида, — то выстрою церковь во имя святого над мощами его, и будет он мне ходатаем и молитвенником перед Богом»... И вот, призвала она к себе любимого раба своего Вонифатия и, сообщив ему свое желание, послала его на Восток, где происходило тогда гонение на христиан, снабдив его значительною суммою для приобретения мощей, которые можно было покупать у язычников, пользовавшихся тем, что дорого ценили христиане останки своих мучеников...

персты» (Сочинения Ивана Посошкова / Изд. Погодин: В 2 ч. М., 1842–1863. Ч. 2). То же говорил митр. Игнатий Тобольский.

Получив золото, приготовив ароматы и покровы и собравшись в путь в сопровождены множества слуг, Вонифатий, прощаясь с госпожою своею, сказал ей, смеясь: «А что, если не удастся мне приобрести мощей никакого мученика, и вместо них тебе привезут мое тело, замученное за Христа? Примешь ли ты его с честью?» «Не до смеха и не до шуток теперь, — возразила Аглаида, — а с благоговением следует приступать к такому святому делу... Следует тебе строго воздерживаться от всякого бесчиния и глумления. Ведь ты знаешь, кому ты собираешься послужить: мощам святых, к которым не только прикасаться, но на которые и смотреть мы недостойны... Иди же с миром, и Господь, не помня грехов наших, пошлет тебе Своего Ангела, который направит путь твой и поможет тебе возвратиться благополучно».

Отправился в путь Вонифатий, а последние слова, сказанные ему его госпожою, стали наводить его на спасительные размышления. Стал он вдумываться, на какое святое дело идет, и как приступить к нему с осквернеными грехом руками? И вот, раскаяние возбудилось в сердце его; он наложил на себя пост, не ел мяса, не пил вина; часто и усердно взывал молитвенно к Богу; и сокрушением о своей греховной жизни и спасительным страхом Божиим все более и более преисполнялась его душа.

В таком благодатном настроении духа прибыл Вонифатий в город Киликийский Тарс. Здесь застал он гонение христиан в полном разгаре; ежедневно множество христиан привлекалось к суду, и затем предавались они страшным пыткам и казням. Остановясь в гостинице и предоставив сопровождавшим его отдохнуть, Вонифатий сам поспешил на площадь, где, проездом, он заметил, что собирался народ. Действительно, тут он увидел теперь многочисленную толпу, созерцающую совершавшиеся мучительства над христианами. И каких только ужасов он тут не увидал! Ему представились все виды мук, изобретенных изощренною человеческою злобою... Между тем, жертвы этой злобы, исповедники Христа, поражали его своим невозмутимым спокойствием, своим изумительным терпением. Лица иных как бы сияли какою-то невыразимою, неземною радостью... Какое-то неизведанное волнение и восторг охватили и его самого... «Велик Бог Христианский, помогающей рабам Своим и укрепляющий их в таких муках!» — воскликнул внезапно Вонифатий в порыве благоговения и припал к ногам мучеников, и целовал их, и ублажал, и умолял помолиться о нем...

Взоры всех с удивлением обратились на неизвестного... «Кто ты?» — спросил его судья. «Я — христианин!» — отвечал Вонифатий.

«Я спрашиваю, как тебя зовут?» — повторил судья, но на этот и на все дальнейшие вопросы его Вонифатий отвечал только одно: «Я — христианин, только это и услышишь от меня; если же слышать этого не хочешь, то делай со мною, что тебе угодно...»

Тогда, не успев никакими угрозами склонить исповедника к отречению от Христа, судья велел предать его истязаниям. Обнажив и повесив произвольного мученика стремглав, ему вбили острое железо в ногти рук и ног, потом стали вливать в рот растопленное олово... Он же радовался и благодарил Бога, что удостоился страдать ради Него вместе со святыми мучениками.

После продолжительной пытки, среди которой Вонифатий остался невредимым, на ночь был он отведен в темницу. На другой день снова он был подвергнут разным истязаниям, но, молясь и прославляя Бога, с чудною твердостью переносил их и чудною помощью свыше сохранялся невредимым. Наконец, судья приказал его обезглавить, и новый мученик предстал перед Богом, хваля и славя Его.

Многие, присутствовавшие при страданиях святого Вонифатия, обратились к Истинному Богу.

Между тем слуги, сопровождавшие Вонифатия, ждали его в гостинице и недоумевали, почему он так долго не возвращается; когда же на другой и на третий день он не приходил, то, зная за ним слабость к пьянству, они пошли его разыскивать, но ни от кого и ничего не могли узнать; но наконец, на расспросы их о пропавшем, наружность которого они при этом описывали, узнали они, что именно неизвестный человек, наружность которого подходила к этому описанию, пострадал на днях как исповедник Христа и усечен мечом. «Не может быть, — возразили слуги Аглаиды, — тот, которого мы ищем, был пьяница и распутный человек... Разве такой пойдет страдать за Христа...» Однако же, когда им указали тела казненных мучеников, которые еще валялись на месте казни, то они с великим удивлением признали в одном из них Вонифатия. С благоговением приступили они к тому, над кем совершилось такое чудо неисповедимой благости Божией и, выкупив за золото останки его, обвили их покровами, помазали ароматами и повезли обратно своей госпоже.

Когда они приближались к Риму, то Аглаида предупреждена была о том в сновидении. «Прими бывшего твоего слугу, а теперь нашего брата и служителя, — возвестил явившийся ей Ангел, — он будет хранителем души твоей и молитвенником о тебе...»

Пораженная таким видением Аглаида, проснувшись, призвала служителей алтаря и в сопровождении их вышла навстречу возвращавшимся с останками Вонифатия, слова которого, сказанные ей при прощании, так чудно исполнились... Приняв с честью мощи мученика, Аглаида в селе своем в 50-ти стадиях от Рима построила церковь во имя его, куда перенесла и его мощи, и сама стала жить при них, проводя остальные годы своей жизни в полном покаянии и благочестии, употребляя все свое состояние в пользу бедных. Таким образом очистилась она и искупила перед Богом свою прежнюю греховную жизнь.

Мученический подвиг святого Вонифатия совершился в 290 году, а кончина достигшей праведности и при жизни своей еще достигшей дара чудотворений Аглаиды последовала через 15 лет после того. Она погребена была при гробе святого Вонифатия.

Святого ВОНИФАТИЯ МИЛОСТИВОГО, епископа Ферентийского

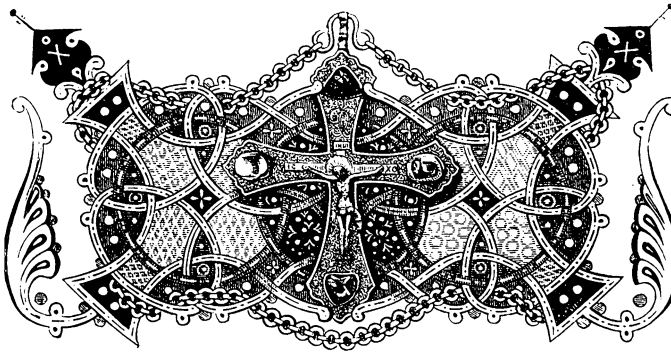
Сын бедной вдовы, с детства проявлял Вонифатий черты любви к ближнему, доходившей до самоотвержения. Так, например, при встрече с бедными он отдавал им даже свою одежду и переносил терпеливо упреки за это со стороны своей матери, пока не вразумлена была она одним случаем, убедившим ее, что нестяжательность сына ее угодна Богу и привлекает на дом чудное воздаяние Божие.

Однажды, когда она рассердилась на сына за то, что он отдал бедным весь небогатый запас хлеба, сберегаемый ею, и горько плакала и упрекала его в расточительности, Вонифатий прибегнул к Богу с усердною молитвою, после которой чудным образом появился вдруг в житнице при доме такой обильный запас хлеба, какого и не бывало никогда до того времени у его матери. Не могла она не признать в этом особенной помощи Божией... и не препятствовала после того своему

сыну отдавать все до последнего нищим. Много было и после того проявлений чудной милости Божией к милостивому...

Достигнув зрелого возраста, сделавшись епископом, Вонифатий не утратил любвеобилия и до конца своей жизни не переставал жертвовать всем в пользу нуждающихся. Прославленный многими чудотворениями, он и Святою Церковью был причтен к лику святых и наименован «Милостивым».

Святой Вонифатий жил в Италии в VI веке.



День двадцать первый

† СТРАДАНИЕ святой ИУЛИАНИИ, княгини Вяземской

Блаженная княгиня Иулиания — образец высокого супружеского целомудрия[1]. Супруг ее князь Симеон Мстиславич (Иванович) Вяземский разделил несчастную долю Смоленского князя Юрия Святославича. Когда Витовт завладел Смоленском, захватив в нем в плен и супругу Юрия, Симеон последовал за Юрием в Новгород. Великий князь Василий Дмитриевич, которого брат Юрий женат был на дочери несчастного Смоленского князя, дал изгнанным князьям Торжок. Супруга князя Симеона цвела телесной красотою, а еще более душевною. Сластолюбивый Юрий, разжигаемый похотью скотскою, не раз хотел осквернить ее. То словами строгой правды, то мольбою удерживала она несчастного от греха. «Нельзя быть тому: у меня есть муж и я дорожу верностью ему более, чем жизнью», — говорила целомудренная княгиня Юрию. Князь решился на явное злодеяние в своем доме. Среди веселого пира убил князя Симеона. Затем хотел он безнаказанным насилием насытить скотскую похоть свою. Чтобы отрезвить его и легче уйти, княгиня ударила рассвирепевшего в плечо ножом.

[1] Описание Румянцевского музеума. № 156.

Юрий с мечом в руке догнал ушедшую Иулианию на дворе, изрубил ее и велел бросить в реку. Это было 21 декабря 1406 года. Гнусный убийца убежал к татарам, но, не найдя там покоя от мучений совести, удалился в Рязанскую пустынь, где в горьком раскаянии окончил жизнь в 1408 году[1].

Весною один расслабленный бродил по берегу реки и увидел тело, плывущее против течения; изумленный тем, что видел, он почувствовал оживление в больном теле своем и услышал голос: «Человек Божий! Иди в Торжок, в соборную церковь, скажи протопопу и братии, чтобы взяли отсюда грешное тело Иулиании и погребли у южных дверей». Исцеленный с радостью поспешил исполнить приказание явившейся. В сопровождении многочисленного народа святое тело перенесено было в собор, и здесь многие больные получили исцеление. В 1598 году соборный диакон Иоанн хотел сам собою осмотреть мощи святой княгини. Он постился 40 дней и потом стал откапывать гроб; но внезапно исторгшийся из земли огонь опалил его, и он упал в изнеможении. «Не трудись напрасно, отец! — был к нему голос. — Не следует видеть тело мое, пока не будет на то воли Божией». Два месяца диакон лежал в расслаблении и получил исцеление у гробницы княгини-мученицы. В 1811 году на второй неделе Великого поста жена соборного протоиерея Артемия потеряла рассудок и зрение; много она мучилась и страдала. В день памяти святой княгини совершен был соборный молебен, и — больная освободилась от своей болезни. Три года спустя, при разобрании обветшавшего собора, открылся каменный гроб благоверной княгини Иулиании, и потекли потоки чудесных исцелений. Более 50 таких исцелений записано в книге, хранящейся в соборе, при раке святой княгини-мученицы[2].

Повторим наставления Священного Писания, которые так свято чтила блаженная княгиня: *бегайте блуда. Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога,*

---

[1] Собр. л. 4, 107. 109. 144. 145. 5, 256. 6, 133. 134; Руский времянник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета: Разделенный на две части. М., 1790. Ч. 1; Книга степенная. Ч. 1; Никон. л. 5, 8. 9. 13; *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. 1. Кн. Юрий погребен в Веневском монастыре (Руский времянник. Ч. 1; *Полевой Н.А.* История русского народа: В 6 т. М., 1829–1833. Т. V, прим. 232).

[2] Описание Румянцевского музеума. № 156, по списку 1706 г. кроме повести тропарь. В ркп. святцах: «св. благоверная княгиня Иулиания, Новоторжская чудотворица».

и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии (1 Кор. 6, 18, 19–20). *Брак у всех да будет честен и ложе непорочно: блудников же и прелюбодеев судит Бог* (Евр. 13, 4). Прелюбодей глупостью сердца своего наносит пагубу душе своей. Бесчестие и срам собирает он себе и бесчестие его неизгладимо (см.: Притч. 6, 32–33).

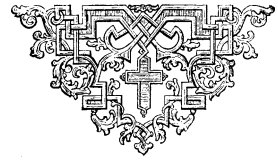
† ПРЕСТАВЛЕНИЕ ПРОКОПИЯ ЮРОДИВОГО, ВЯТСКОГО

Блаженный Прокопий был современником преподобного Трифона Вятского. Спасение души приобретал он добровольным юродством. В те времена немало являлось с именем юродивых. Но на каждом пути спасения нужны чистота намерений и верность совести до смерти. Иначе патриарх Иоасаф I в 1636 году жаловался на юродивых: «Иные ходят, — писал он, — в образе пустынническом и в одеждах черных и веригах, растрепав волосы», но не для Господа и не во Господе[1]. И собор 1667 года осуждал таких же людей: «Иже мнятся благоговейни быти, не суть же таковы, живут посреди градов и сел в образе отшельника и затворника, волосаты, и в монашеской свитце, иные же и в железах скованы, такожде наги и босы ходят по городам и селам в мире, тщеславия ради, да восприимут славу от народа и да почитают их за святых, ко прелести простым и невеждам»[2]. Гибель душе, а не спасение, когда облекаются в образ благочестия с тем только, чтобы свободнее питать свои страсти. Не спасаются и тогда, когда, начав дело духом, оканчивают плотью. Претерпевший до конца спасается. Блаженный Прокопий Вятский, как и Прокопий Устюжский, взяв иго

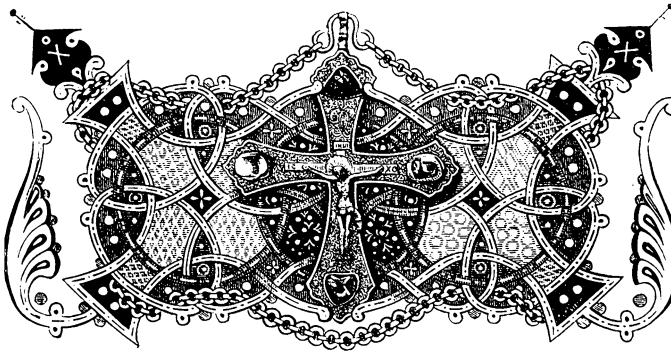
[1] Акты, собранные Археографическою экспедициею. Т. 3.

[2] Дополнения к Актам историческим. Т. 5.

юродства для одного Христа, для Христа нес его до смерти: до смерти терпел скорби самолюбия, язвимого то насмешками, то бранью, то холодностью людей; до смерти заставлял страдать плоть свою и от недостатка пищи, и от перемен погоды. Он блаженно почил 21 декабря 1627 года. Мощи его почивают в Успенском Трифоновом монастыре, источая исцеления[1].



[1] *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI; *Ратшин А.* Полное собрание сведений о монастырях. Ркп. святцы: «св. Прокопий, иже Христа ради юродивый, Вятский чудотворец, преставися в л. 7136 м. дек. в 21 д.» Ркп. житие у Ундольского № 361.



День двадцать третий

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ святителя ФЕОКТИСТА, архиепископа Новгородского

Не много сохранилось известий о земной жизни святого архиепископа Феоктиста; но и в немногих известиях можно видеть, какой был главный подвиг жизни его, прославленный небом.

После того, как 22 мая 1299 года преставился Климент, архиепископ Новгородский, «новгородцы с посадником Андреем, долго рассуждая о преемнике, полюбили Богом назначенного, доброго и смиренного Феоктиста, игумена Святого Благовещения. Собрав звоном вече у святой Софии, князь Борис Андреевич и все новгородцы почтительно привели его и посадили на дворе владыки, пока узнают, где митрополит». В следующем году «митрополит Максим, Ростовский епископ Симеон и Тверской епископ Андрей прибыли в Новгород и поставили Феоктиста в архиепископа в Софийском соборе; новгородцы очень рады были своему владыке»[1]. Торжество для Новгорода действительно было необыкновенное! Только в первый раз Новгородский владыка посвящается в Новгородском храме святой Софии. Что чувствовал сам посвящаемый, памятники не говорят. В следующем году, по благо-

[1] Собр. л. 3, 67. 181. 4, 45. 46; Никон. л. 2, 97.

словению святителя Феоктиста, заложен был каменный храм Святого Архангела Михаила и чрез два года освящен, — храм поныне целый[1]. В 1305 году видим блаженного архипастыря принимающим участие в договорах Новгорода с великим князем Михаилом Тверским о сохранении древних взаимных отношений. «Княжение твое, — говорят новгородцы, — честно держати (должны), по пошлине (по обычаю), без обиды: а тебе, господине, також Новгород держати (должно) без обиды, по пошлине». Печать на грамоте представляет лик Богоматери с Предвечным Младенцем на персях, с надписью Мр Фѳ̃ , а на обороте слова: «Фектист архиепископ Новгородский»[2]. В том же году видим святителя совершающим освящение храма в честь святых Бориса и Глеба и еще другого, на княжем дворе, в честь отцов первого Вселенского Собора[3]. Спустя два года новгородцы за печатью своего архиепископа представили великому князю жалобу на его Новгородских наместников. В сентябре великий князь Михаил прибыл в Новгород и личными распоряжениями успокоил новгородцев[4]. Но время тогда было смутное. Князь Юрий Данилович препирался с святым великим князем Михаилом за Новгородское княжение, и происки Юрия наносили только неприятности Новгороду[5]. Писец Апостола 1307 года с скорбью говорил: «При сих князьях сеялись и росли усобицы и жизнь наша гибла от ссор княжеских и век людей укорачивался»[6]. А блаженный святитель и без того был слаб здоровьем. При таком положении дел в декабрь 1307 года «благословив новгородцев, по болезни удалился он в монастырь Благовещения Богородицы, с тем чтобы пребывать в безмолвии»[7]. Бла-

[1] Новгор. л. I, II, III и IV летопись под 6808 и 6810; *Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1.

[2] Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. № 9, 10. В договоре 1265 г. «держати ти Новгород по пошлине, как держал отец твой» (см.: Там же. № 8, 11). «Пошлина» от «пошло» — обычай.

[3] 1305 г. «священа бысть церковь св. м. Бориса и Глеба и великим священием, архиеп. Новгородским Феоктистом» (Собр. л. 3, 68). Великое освящение — освящение, совершаемое самим архипастырем; а освящение совершаемое игуменом с прежде-освященным антиминсом — освящение малое, как совершаемое по краткому чину.

[4] Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. № 10; Собр. л. 3, 68.

[5] Сами новгородцы писали (Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. № 11), что Михаил, как вел. князь, есть законный князь их. Но Юрий волновал их через купленных сторонников.

[6] *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание рукописей Синодальной библиотеки. Отд. I. № 45.

[7] Собр. л. 3, 67. 68. 181. 223.

женный после того почти постоянно был болен, в продолжение целых трех лет. «Он много страдал для Бога, — говорит современник; — когда он умер, святая душа его взошла на Небо, а лицо его как бы озарилось светом, так что видевшие дивились и славили Бога». Так блаженный Феоктист и тогда, как был игуменом Благовещенской обители, украшен был добротою сердца и смирением. Но Богу угодно было посетить его тяжкою болезнью, и душа его страданием телесным еще возвысилась в духовном совершенстве. Чудны дела Божии! Премудрая благость знает, кто на каком пути может дойти до совершенства, и ставит его на лучшем пути. Не будем же роптать на Господа, когда посылает Он нам болезнь: она нужна нам, она — спасение наше. Будем переносить болезнь как усмирение замыслов гордости нашей, как врачевство разным другим болезням нравственным, как лучшее состояние для приобретения твердости в добре, искусства в молитве и упования на Бога! Блаженный Феоктист, созревший духом в страданиях телесных, мирно почил 23 декабря 1310 года. «Честное тело его положено было с честью, в сопровождении всего духовенства, в монастырском храме Благовещения Богородицы»[1].

Первое прославление святителя Феоктиста совершилось спустя 300 лет после его кончины. Супруга царского дьяка Юлиания долго была больна, так что потеряли всякую надежду на ее выздоровление. Раз ночью во сне явился ей муж в священном величии и сказал: «Поищи гроб архиепископа сего города Феоктиста и получишь исцеление». Дьяк после справок с летописями о гробе блаженного Феоктиста привез больную в Благовещенский монастырь; отпел здесь панихиду и роздал щедро милостыню. Больная тогда же почувствовала облегчение и скоро совсем выздоровела. По желанию благодарного дьяка тогда же написана была икона святителя, по явлению, бывшему жене его; а в то же время Софийский пономарь Феодор, занимавшийся иконописанием, написал икону его с того древнего подлинника, который сохранялся на стене Софийской паперти, и изобразил святителя в молитвенном положении пред иконою Благовещения. Вслед за тем в 1644 году Новгородский наместник царя, князь Василий Ромодановский, по благоговейному усердию к святителю, поставил часовню на месте обрушившегося храма; потом устроил раку над мощами с ликом святителя, а наконец возобновил и каменный храм. В 1707 году открыто положены были

[1] Собр. л. 3, 69. 181. 5, 204. 205; Никон. л. 2, 107.

мощи святителя. Исцеления продолжались. Так, в 1710 году поселянка Мария, 20 лет бывшая больною и 3 года слепою, когда облобызала лик святителя на гробе его, мгновенно получила здоровье. В 1714 году пономарской вдове Евдокии, лежавшей в расслаблении, явился в ночном видении святой и сказал: «Для чего напрасно лечишься у глупых волхвов?» Больная велела сыну вести ее к гробу святителя Феоктиста и здесь получила исцеление.

В 1786 году мощи святителя, по разрешению Святейшего Синода, перенесены были из упраздненного Благовещенского монастыря в Юрьев монастырь и положены были в храме, подле стены, у иконостаса. Архимандрит Фотий устроил придел в честь святителя Феоктиста[1].

Святых десяти мучеников, в Крите: ФЕОДУЛА, САТОРНИНА, ЕВПОРА, ГЕЛАСИЯ, ЕВНИКИАНА, ЗОТИКА, ПОМПИЯ, АГАФОПУСА, ВАСИЛИДА и ЕВАРЕСТА

Сии мученики, уроженцы разных городов, собранные и представленные на суд правителя острова Крит как ревнители христианской веры, были преданы им на истязания. Испытав над ними всевозможные роды мук, которые в продолжение тридцати дней они мужественно выносили, оставаясь непоколебимыми в своей вере, правитель велел

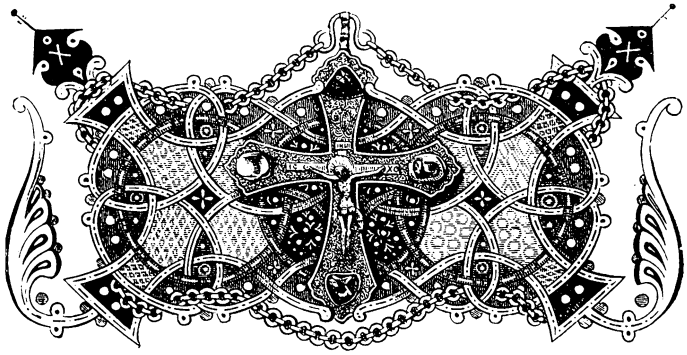
[1] Ркп. святцы б-ки общ. ист. № 231 и Моск. акад. № 209. В Отенских святцах 1718 г. «положен бысть в Благовещенском монастыре от Новагорода 3 поприща; мощи под спудом; службы нет, тропарь и кондак и чудеса есть». Служба и житие свт. Феоктиста в библиотеке Юрьева монастыря (*Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде Ч. 1).

их обезглавить. Это было в 251 году, во время гонения на христиан от императора Декия.

Отцы собора, бывшего на Крите в 458 году, говорят в письме к императору Льву, что «их остров до сих пор был охраняем от заблуждения ходатайством этих святых мучеников»[1]. Впоследствии мощи их были перенесены в Рим. Память их совершалась и в Цареграде, в храме святого Стефана.

Преподобного Павла исповедника, епископа Неокесарийского. В гонение Ликиниево (320 г.) был местным правительством обвинен в противлении власти, заклеймен на руках горячим железом и сослан к реке Евфрат. После гибели Ликиния возвратился на престол и в 325 году был в числе других отцов на Первом Вселенском Соборе в Никее.

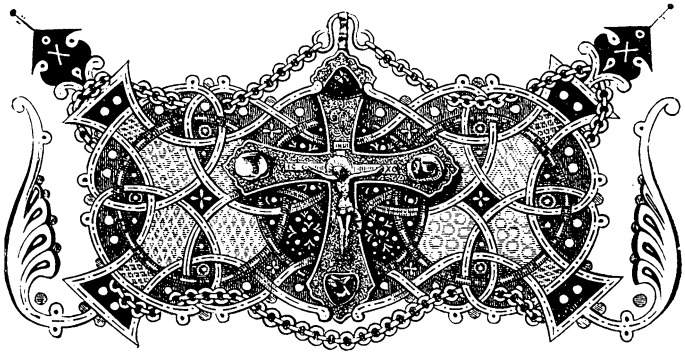
[1] *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. II.



День двадцать пятый

ВОСПОМИНАНИЕ ИЗБАВЛЕНИЯ ЦЕРКВИ И ДЕРЖАВЫ РУССКОЙ ОТ НАШЕСТВИЯ ГАЛЛОВ

После славного избавления от нашествия иноплеменников в 1812 году Православная Церковь, всегда молитвенно помогающая Отечеству, увековечила победу над врагами ежегодным торжеством в праздник Рождества Христова благодарением Господу, Защитнику правды.



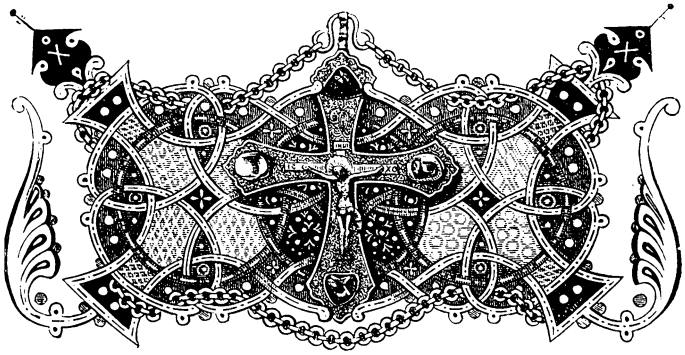
День двадцать шестой

СОБОР ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Православная Церковь, после торжества в честь великих священных событий с хвалебными и благодарственными песнями своими, обращаясь к избраннейшим орудиям Промысла, чрез которые празднуемые события совершились, на другой день после праздника Рождества Христова собирается восхвалять Богоматерь. «Приидите, — взывает Святая Церковь в этот день, — воспоим Матерь Спасову, по рождестве паки явльшуюся Деву». Это собрание верующих в наутрие праздника Рождества Христова для прославления и благодарения Богородицы, рождшей Спасителя, названо Собором Пресвятой Богородицы.

Установление сего собора относится к древним временам Христианской Церкви. В день этого Собора в IV веке отцы Церкви говорили уже поучения; к таковым принадлежит слово Епифания Кипрского, собеседника Иоанна Златоустого и умершего в 402 лето по Р. Х. Об этом слове упоминается в церковной службе собора в честь Пресвятой Богородицы, где говорится: «И чтем слово Епифания Кипрского, похвалу Пресвятой Богородицы». Также святой Амвросий Медиоланский и блаженный Августин в своих поучениях на праздник Рождества Христова соединяли хвалу рождшемуся Богочеловеку с хвалою родшей Деве. Указание на празднование Богородице по Рождестве Христове можно также находить в 79 правиле VI Вселенского Собора, бывшего в 691 году. В этом правиле говорится: «Божественное от

Девы рождение, яко бессеменно бывшее, исповедуя безболезненным и сие всему стаду проповедуя, подвергаем исправлению творящих, по неведению, что-либо недолжное. Понеже убо некие, по дне святого Рождества Христова Бога нашего, усматриваются приготовляющими хлебное печение и друг другу передающими, якобы в честь болезней рождения всенепорочной Девы Матери: то мы определяем, да не совершают верные ничего такого. Ибо не есть сие честь Деве, паче ума и слова плотью родившей невместимое Слово, аще Ее неизреченное рождение определяют и представляют по примеру обыкновенного и нам свойственного рождения». Это обыкновение произошло из древнего лжеучения, которое впоследствии распространял Несторий, называя Богоматерь не Богородицею, а Христородицею.

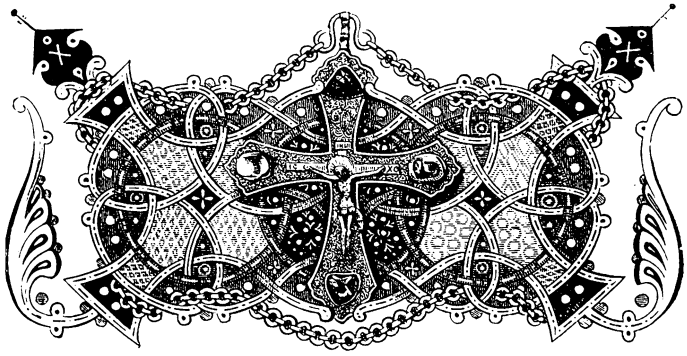


День двадцать восьмой

† ПРЕСТАВЛЕНИЕ преподобного ИГНАТИЯ ЛОМСКОГО

Преподобный Игнатий полагал начало иноческому житию в Кирилловом Белоезерском монастыре; потом подвизался в 60 верстах от Вологды, близ бывшего города Ломска, и здесь основал Спасскую пустынь, которая долго называлась Игнатиевою Спасскою, а потом с 1673 года Ломовским монастырем и Верхоломскою пустынью. Любитель безмолвной жизни, предоставив управлять основанною пустынью одному из учеников своих, удалился из нее на берег реки Сарры в Вадожскую волость и здесь жил отшельником. Когда же и сюда собрались к нему ревнители иноческой жизни, он построил для них храм Покрова Богородицы, и таким образом основалась Вадожская Богородичная пустынь. Преподобный Игнатий почил от трудов своих 28 декабря 7100 г. (1591). Мощи его почивают под спудом в закрытой Вадожской пустыни Вологодской епархии[1].

[1] Ркп. святцы; Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях. М., 1852; *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. VI.



День двадцать девятый

† ПАМЯТЬ преподобных МАРКА, ИОАННА и ФЕОФИЛА

«Мы, немощные, — так начинает свою повесть о преподобном Марке Печерский инок Поликарп, — хотим следовать примеру древних. Они употребили много труда, ходили по пустыням, горам, провалинам земным и одних из преподобных мужей, о которых писали, видели сами, о жизни других, о чудесах и Богоугодных подвигах слышали от прежде бывших отцов и так составили патерик, который читая, столько наслаждаемся духовно. Я, недостойный, не имею разумения истины и ничего такого не видел, а следую только слышанному мною от преподобного епископа Симона. Не ходил я по святым местам, не видел ни Иерусалима, ни Синайской горы, чтобы мог прибавить что-нибудь к моей повести, как делают искусные в слове. Но пусть не буду я хвалиться ничем другим, как только святым монастырем Печерским и бывшими в нем черноризцами, их житием и чудесами, которые воспоминаю с радостью. Сильно желаю я, грешный, молитвы тех отцов. Затем начинаю повесть о преподобном Марке Печерском»[1].

[1] Ркп. послание Поликарпа к Акиндину.

Подлинно скажем и мы, преподобный Марк Печерский — такой человек Божий, который составляет славу Русской Церкви, и, имея его в виду, не имеем нужды ходить на Восток, чтобы видеть истинного человека Божия. Преподобный Марк — чудный человек Божий! Самое поразительное в нем — простота подвига его. Он не вел высокой созерцательной жизни. Занятие его было очень обыкновенное: он копал землю. Но при этом простом труде достиг высокого совершенства духовного, какого достигают немногие. Это — самый убедительный пример тому, что при всяком труде телесном, если дух работает Господу, прогоняет от души все нечистое, наполняет ее мыслями и воздыханиями святыми, строго охраняя ее смирением и простотою, душа может усовершаться духовно. Выслушаем все повествование Поликарпа о дивном Марке.

Преподобный Марк, — пишет Поликарп, — «живя в пещере, своими руками выкопал много пещер и на своих плечах носил землю, день и ночь трудясь для Господа. Он выкопал много мест для погребения братии и не брал за то ничего, разве кто сам давал что-нибудь, да и то раздавал бедным. При нем святой Феодосий перенесен был из пещеры в монастырь, в великую церковь».

Надобно прибавить, что преподобный при всем том, что так много трудился, копая пещеры и могилы, носил на себе вериги: они висят ныне над его мощами. Здесь же крест его — памятник воздержания его даже в употреблении воды; когда томила его жажда, он не более пил, как сколько вмещалось в этом медном кресте[1].

«В одно время, — повествует Поликарп, — Марк, копая землю, утомился до изнеможения и оставил место тесным, не расширенным. Случилось одному брату заболеть и умереть; другого места ему не было кроме того тесного; мертвый, быв принесен в пещеру, едва с нуждою был вложен. Братия роптали на Марка, не имея возможности убрать его, ни возлить на него елея; так узко было место! Пещерник со смирением кланялся всем и говорил: “Простите меня, святые отцы! по худости не докончил”. Они еще более стали бранить его. Марк сказал мертвому: “Место тесно; сам, брат, потрудись, возьми и возлей на себя елей”. Мертвый простер руку и, несколько поднявшись, взял масло и возлил крестовидно на лицо и на грудь и, отдав сосуд, сам пред всеми убрал все, лег и уснул. Когда совершилось это чудо, на всех напал страх.

[1] Рисунок креста см.: *Фундуклей И.* Обозрение Киева.

Другой брат после долгой болезни умер, и один из друзей его, обмыв тело его по обычаю, пошел в пещеру посмотреть, где бы положить тело своего друга. Он спросил о том пещерника Марка; но тот отвечал: “Иди, скажи брату, чтобы подождал до утра, пока выкопаю место, и тогда пусть идет на вечный покой”. “Отче! — возразил брат, — кому велишь это сказать? Я уже отер губою мертвое тело”. Но Марк повторил ему: “Ты видишь, место еще не готово; иди, скажи умершему: грешный Марк говорит тебе: останься, брат, еще на день, пока не скажу тебе, что место готово; наутро отойдешь ко Христу”. Инок возвратился в монастырь; здесь братья уже совершали обычное пение по умершем. При всех он сказал умершему: “Марк говорит тебе, что еще не готово место для тебя, подожди до утра”. При этих словах усопший открыл глаза, душа его возвратилась, и он всю ночь оставался живым, ни с кем не говоря. Наутро брат опять пошел в пещеру узнать о месте, и пещерник сказал ему: “Иди, скажи ожившему, — Марк говорит тебе: оставь теперь временную жизнь, предай дух Богу, а телу твоему место готово здесь”. Как только брат сказал это ожившему: тот, сомкнув глаза, предал дух Богу.

Два брата, Иоанн и Феофил, соединены были между собою сердечною любовью от юности и одинаково ревновали служить Богу. Они просили блаженного Марка приготовить им одно общее место погребения. Спустя много времени старший брат Феофил был послан на сторону по монастырской нужде. Младший, угодив Господу, разболелся и умер; его положили на приготовленном месте. Чрез несколько дней возвратился Феофил и, узнав о смерти брата, пошел вместе с братиею посмотреть, на каком месте положен умерший. Увидев, что тот положен в общем их гробе, на первом месте, вознегодовал за то на Марка и говорил: “Зачем положил его здесь на моем месте? Я старше того”. Пещерник, со смирением кланяясь ему, отвечал: “Прости меня грешного, — и, обратясь к умершему, сказал ему: — Брат, встань и дай это место старшему брату твоему, сам же ляг на другом”. По слову блаженного, мертвый встал и лег на другом месте. Тогда Феофил, роптавший на блаженного, пал к ногам его и говорил: “Согрешил я, отче, потревожил брата моего; прошу тебя, прикажи ему, чтобы опять лег там”. Блаженный отвечал: “Господь сотворил дело, чтобы не было вражды между нами; Он повелел умершему уступить тебе место старшего. Божие дело воскрешать умерших, а я человек грешный; прикажи ты ему, не послушает ли он тебя? Знай и то, что тебе следовало, не выходя

отсюда, занять твое любимое старшинство и быть положенным здесь. Но так как ты еще не готов к исходу, иди и заботься о твоем спасении; спустя несколько дней ты будешь принесен сюда". Услышав это, Феофил пришел в ужас и думал, что тут же умрет. Возвратясь кое-как в келью, он горько рыдал.

Раздав все, что имел, и оставив у себя только мантию, он каждый день ожидал смертного часа, и никто не мог удержать его от слез или заставить вкусить сладкой пищи; слезы были ему пищею день и ночь. Всякое утро омывал он лицо слезами, не зная, достигнет ли вечера; с приближением же ночи омрачал глаза слезами и говорил: кто знает, проживу ли до утра? Многие, отходя к временному покою, заснули сном вечным. Как же мне надеяться, что останусь в живых, когда уже сказано мне о близкой моей кончине? Феофил со слезами молил Господа дать ему время для покаяния. Таким подвигом в течение нескольких лет до того иссушил он тело свое, что можно было перечесть кости его. От слез потерял он зрение.

Преподобный Марк, провидев час отшествия своего ко Господу, призвал к себе Феофила и сказал ему: "Прости меня, брат, что оскорбил тебя на столько лет, и моли о мне Бога, — я уже отхожу отсюда; не забуду я молиться и за тебя, чтобы Господь Бог удостоил нас видеться друг с другом и пребывать вместе с преподобными отцами Антонием и Феодосием". Тогда Феофил сказал: "Отче! зачем ты оставляешь меня здесь? Возьми и меня с собою, или дай мне прозреть. Знаю, что за грехи я должен был умереть тогда же, как ты воскресил брата моего; для твоих святых молитв Господь пощадил меня, ожидая покаяния моего. И ныне ты в состоянии дать мне, чего прошу. Пусть отойду с тобою ко Господу или прозрю". Преподобный Марк отвечал: "Не скорби, брат мой, что Бога ради помрачился ты телесными очами, — ты прозрел духовными. Я даже рад, что был виною твоему ослеплению; я возвестил тебе смерть, желая плотское твое мудрование привести к смирению. Не желай смерти: она придет, хотя бы и не желал ты. Вот что послужит тебе знамением близкой твоей кончины: за три дня до нее ты прозреешь". Сказав это, блаженный Марк почил. Святые мощи его положены в пещере, которую он сам себе выкопал».

Так как, по словам Поликарпа, блаженный Марк был свидетелем перенесения мощей преподобного Феодосия из пещеры в храм обители, но Поликарп не говорит, что блаженный Марк видел в живых преподобного Феодосия, а перенесение мощей Феодосия было

в 1091 году, то кончина преподобного Марка последовала, вероятно, в 1102 году[1].

По его молитве получают исцеление те, которые с благоговением пьют из креста его[2].

Блаженный Феофил продолжал плакать о себе по кончине Марка. Слезы текли у него в таком обилии, что наполнился ими целый сосуд. По предсказанию Марка возвратился ему и свет очей, и тогда узнал он, что близка кончина его. Ему явился Ангел и сказал: «Ты хорошо молишься, — но для чего хвалишься слезами твоими, собрав их в сосуд? Вот и другой сосуд, полный благоуханий; в нем те слезы, лившиеся в молитве, которые отирал ты краем одежды или ронял на землю; они все целы». Сказав это, оставил сосуд и перестал быть видимым. Феофил, призвав игумена, открыл ему видиние и, показав ему два сосуда, просил вылить их при погребении на его тело. На третий день после его прозрения он мирно почил. Тело его положено было в пещере вместе с любимым братом его Иоанном, вблизи преподобного Марка. При погребении вылили на тело его сосуд Ангела, и вся пещера исполнилась благоухания, а потом вылили на него и другой сосуд.

Царю веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков (1 Тим. 1, 17).

Преподобного ГЕОРГИЯ, епископа Никомидийского

Преподобный Георгий был современником святителя Фотия (память которого 6-го февраля), с которым разделял он все испытания и бедствия. Скончался мирно, оставив после себя довольно много

[1] Ркп. святцы: «прп. Марко гробокопатель: и мертвии послушаху его; престав. в л. 6600». Это год перенесения мощей прп. Феодосия; а прп. Марк, как видно по словам Поликарпа, жил после того не менее 10 л.

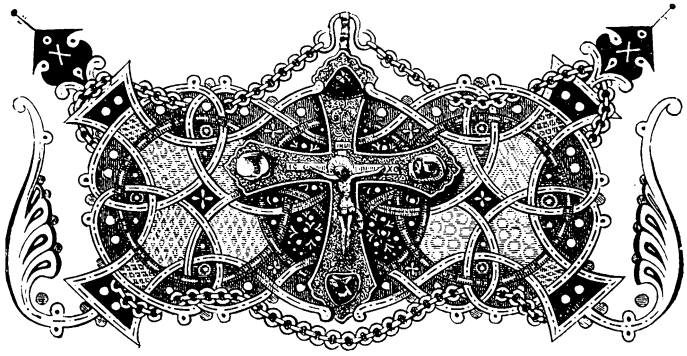
[2] Печерский патерик, л. 150.

сочинений[1] и повествование об избавлении от опасности Влахернского храма (в котором был ковчег с ризою Божией Матери) во время осады варварами Константинополя. Прежде же того он описал подробно, как Патриций Гальбий и Кандид обрели при императоре Льве I святую ризу, которая была положена во Влахернском храме, где творила различные чудеса.

Преподобного Маркелла, игумена обители Неусыпающих. Преподобный Маркелл был третьим игуменом общины Неусыпающих, основанной преподобным Александром (3 июля); муж сильный словом и делом, милостивый к сиротам и нищим, облагодатствованный даром прозорливости и чудес. Скончался в 486 году.

Святого пророка Нафана. Святой пророк Нафан жил при царях Давиде и Соломоне и был одним из повествователей о деяниях царей и также событий своего времени (см. о нем в житии царя Давида — 26-го декабря).

[1] О них см.: *Филарет, архиеп. Черниговский.* Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. Чернигов, 1864. § 52.



В декабре же месяце

I. ПАМЯТЬ (НЕДЕЛЯ) СВЯТЫХ ПРАОТЕЦ

Приближаясь к воспоминанию великого и спасительного события Рождества Христова, Церковь с благоговением воспоминает предков Спасителя по плоти, от которых Он произошел как Богочеловек. За две недели пред сим праздником Церковь совершает память святых Праотец и день памяти их называет неделей святых Праотец (см.: Деян. 3, 25). Празднование святым Праотцам бывает в разные числа от 11 до 17 дня декабря, и часто бывает в 28-ю неделю по Пятидесятнице. В неделю святых Праотец Церковь воспоминает всех ветхозаветных святых патриархов, т. е. родоначальников народа Божия, живших до закона, данного на Синае, и под законом, — от Адама до Иосифа, обручника Пресвятой Девы, воспоминает также пророков и всех ветхозаветных святых, оправдавшихся верою в грядущего Мессию. Прославляя святых Праотец, Церковь говорит: «Приидите, да восхвалим собор праотцев: Адама праотца, Еноха, Ноя, Мелхиседека, Авраама, Исаака и Иакова: по законе — Моисея и Аарона, Иисуса Навина, Самуила и Давида: с ними же — Исаию, Иеремию, Иезекииля и Даниила и дванадесять пророков, вкупе — Илию, Елисея, Захарию и Крестителя и прочих, провидевших и проповедавших, что Христос есть жизнь и воскресение рода нашего».

Евангелие и Апостол в неделю святых Праотец постановлено Церковью читать те же, кои произносятся в 28 неделю по Пятидесятнице, — чем

указуется, что воспоминание святых праотец часто бывает в эту неделю. Если неделя Праотец случится в неделю 27 или 29, тогда бывают Евангельское и Апостольское чтения также 28-ой недели.

II. ПАМЯТЬ СВЯТЫХ ОТЕЦ, ИЛИ НЕДЕЛЯ ПРЕД РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ

В последнюю неделю пред праздником Рождества Христова Церковь с благоговением творит память святых Отец, называя эту неделю неделею святых Отец или неделею пред Рождеством Христовым. Как в неделю святых Праотец Церковь славословит всех ветхозаветных праведников от Адама до Рождества Христова; так в неделю святых Отец она прославляет тех ветхозаветных святых, от племени которых собственно произошел, по Своему человечеству, Иисус Христос; *от них же по плоти Христос, сый над всеми Бог, благословен вовеки* (Рим. 9, 5). В эту неделю Церковь взывает: «Отцев начаток, Авраама, Исаака и Иакова почтим, яко из тех семене воссия Христос воплощся из Девы». В Евангелии на Литургии в неделю святых Отец читается родословие Иисуса Христа по человечеству, описанное евангелистом Матфеем (Мф. 1, 1–25. Зач. 1); а в Апостоле исчисляются ветхозаветные святые, ходившие верою в грядущего Мессию (Евр. 11, 9–10, 17–40. Зач. 328).

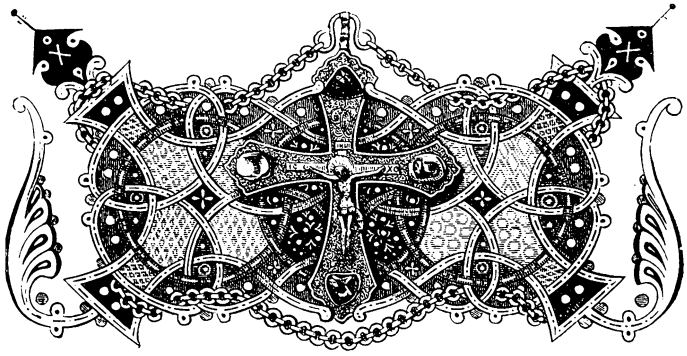
Святитель Златоуст в 1-й беседе на Евангелие от Матфея говорит: «Матфей, пиша Евангелие для евреев, на еврейском языке, ничего более не старался показать, как происхождение Иисуса Христа от Авраама и Давида. Ничто не могло быть приятнее для иудея, как сказать ему, что Иисус Христос был потомок Авраама и Давида. Почему же евангелист поместил родословие не Девы Марии, а Иосифово? Иудеи не имели обыкновения вести родословие по женскому колену; посему, дабы с одной стороны сохранить обычай и не оказаться при самом начале нарушителем оного, а с другой — показать нам происхождение Девы, евангелист, умолчав о Ее предках, представляет родословие Иосифа. Если бы он представил родословие Девы, то почли бы его

нововводителем; а если бы умолчал об Иосифе, мы бы не знали предков Девы». Кроме того «евангелист не хотел, чтобы при самом начале известно было иудеям, что Христос родился от Девы. Я говорю здесь не свои слова, но слова отцов наших, чудных и знаменитых мужей. Господь и многое первоначально скрывал во мраке, называя Себя Сыном Человеческим. Если Он и не везде ясно открывал нам Свое равенство с Отцем, то чему дивиться, если Он и сие также скрывал до времени, устрояя ничто чудное и великое? Что же здесь чудного? То, что Дева сохранена и избавлена от худого подозрения. Если бы сначала еще сие сделалось известно иудеям, они, перетолковав слова в худую сторону, побили бы Ее камнями. Евангелист составил родословие и поместил в оном некоторых жен для того, чтобы такими примерами пристыдить иудеев и научить их не превозноситься. Ибо они, нерадя о душевной добродетели, во всяком случае превозносились только Авраамом и думали оправдаться добродетелью предков. Посему Господь с самого начала и показывает, что не родом надлежит хвалиться, но собственными своими делами. Хотя бы ты был раб, хотя бы свободный, тебе нет от сего пользы, ни вреда: одно только потребно — воля и душевное расположение. Поелику невозможно, совершенно невозможно чрез добродетели или пороки предков быть честным или благочестивым, знаменитым или неизвестным. Упоминается о некоторых женах, например о Руфи и Рааве, также и для того, чтобы научить, что Спаситель пришел уничтожить все наши грехи, пришел как Врач, а не как Судия, и что все, и самые патриархи, виновны во грехах».

III. ПАМЯТЬ СВЯТЫХ БОГООТЕЦ, ИЛИ НЕДЕЛЯ ПО РОЖДЕСТВЕ ХРИСТОВОМ

Оканчивая праздник Рождества Христова, в следующую после него неделю, если бывает она прежде нового года, или в следующий день после праздника Рождества Христова, т.е. 26 числа декабря, Церковь совершает память святых Богоотец, т.е. прославляет и благодарит

Пресвятую Богородицу, святых и праведных Иосифа обручника, Давида царя и Иакова – брата Господня по плоти, и называет эту неделю неделею по Рождестве Христове. В Евангелии этой недели Церковь благовествует об удалении Иосифа, по повелению Ангела, с Богомладенцем Иисусом Христом и Мариею Матерью Его во Египет, — от Ирода, искавшего погубить вечнобестленного Младенца (Мф. 2, 13–23. Зач. 4).



ПРИЛОЖЕНИЕ

18-ГО ЧИСЛА
Священномученик ФАДДЕЙ, архиепископ Тверской и Кашинский

Священномученик архиепископ Фаддей, в миру Иван Васильевич Успенский, родился 12 ноября 1872 года в семье сельского священника. После окончания Нижегородской духовной семинарии Иван поступил в Московскую духовную академию. Во время учебы в Московской духовной академии Иван стал обращаться за духовными советами к иеромонаху Герману, известному старцу, подвизавшемуся в Гефсиманском скиту при Троице-Сергиевой Лавре. 18 января 1895 года Троице-Сергиеву Лавру посетил протоиерей Иоанн Кронштадтский. Иван впервые увидел его и потом вспоминал, что «видеть пришлось лицо ангела».

В августе 1897 года Иван был пострижен в монашество с наречением ему имени Фаддей и вскоре рукоположен в сан иеродиакона, а 21 сентября — в сан иеромонаха и назначен преподавателем Смоленской духовной семинарии. В 1890 году иеромонах Фаддей был переведен в Уфимскую духовную семинарию. Здесь за диссертацию «Единство книги пророка Исайи» он получил степень магистра богословия.

В 1902 году он был назначен инспектором, а вскоре — ректором Олонецкой духовной семинарии.

В 1902 году им была написана книга «Записки по дидактике», которая стала основой духовной педагогики. В 1908 году архимандрит Фаддей написал большое исследование под заглавием «Иегова», за которое ему была присуждена степень доктора богословия.

21 декабря 1908 года архимандрит Фаддей был хиротонисан во епископа Владимиро-Волынского, викария Волынской епархии. Став епископом, он не изменил взятому на себя подвигу поста и молитвы. Пасомые сразу почувствовали в нем человека святой жизни, образец кротости, смирения и чистоты.

В дни революционной смуты владыка Фаддей был арестован. Его арест встревожил все православное население города. Только 9 марта 1922 года епископ Фаддей был освобожден и выехал в Москву. По прибытии он сразу пошел к патриарху Тихону. Рассказал об обстоятельствах своего «дела» и просил патриарха определить его на одну из кафедр.

Находясь в Москве, архиепископ Фаддей принимал деятельное участие в работе Священного Синода при Патриархии. В марте месяце 1922 года большевики приступили к изъятию церковных ценностей. Началось новое гонение на Православную Церковь. Патриарх Тихон был арестован.

Вскоре был арестован и архиепископ Фаддей по обвинению в печатании и распространении воззвания митрополита Агафангела (Преображенского), которому патриарх поручил временное управление Православной Церковью. В сентябре 1922 года святитель был выслан на один год в пределы Зырянской области. Во время перевозки архиепископ Фаддей все продуктовые передачи целиком отдавал старосте, и тот делил на всех. Но однажды, когда поступила обычная передача, вспоминал очевидец, «владыка отделил от нее небольшую часть и положил под подушку, а остальное передал старосте. Я увидел это и осторожно намекнул владыке, что, дескать, он сделал для себя запас. “Нет, нет, не для себя. Сегодня придет к нам наш собрат, его нужно покормить, а возьмут ли его сегодня на довольствие?” Вечером привели в камеру епископа Афанасия (Сахарова), и владыка Фаддей дал ему поесть из запаса. Я был ошеломлен предсказанием...»

Летом 1923 года срок ссылки закончился, и архиепископ Фаддей уехал в Волоколамск под Москвой. Здесь он жил, а служить ездил в московские храмы.

После окончания ссылки в декабре 1923 года святитель был назначен на Астраханскую кафедру. По прибытии в город он сразу с вокзала пошел в храм совершать службу и до позднего вечера благословлял молившихся и собравшийся вокруг храма народ.

Жил святитель очень скромно, не имея ничего своего. Давали ему чай или обед — он пил и ел, если не давали — не спрашивал. Он всегда считал себя гостем и зависимым от того, кто ему прислуживал и помогал. За все время своего пребывания в Астрахани архиепископ Фаддей ни одного слова не сказал против обновленцев публично, но пример его личной жизни был красноречивее любых слов.

Нравственное влияние архиепископа Фаддея на паству было огромное. В домах многих верующих, в переднем углу, вместе с иконами находились фотографии владыки Фаддея. Служил владыка очень часто, а после службы он проводил беседы: в церкви святых апостолов Петра и Павла разъяснял Новый Завет, начиная с Евангелия от Матфея и кончая Апокалипсисом. В церкви стояла глубокая тишина и какой-то проникновенный покой. После акафиста в Покровской церкви по пятницам архиепископ Фаддей разъяснял Ветхий Завет, а после акафиста в воскресенье предлагал жития святых дня. Проповеди он говорил за каждой Литургией, даже и тогда, когда бывал нездоров.

В октябре 1926 года был арестован Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский). В права Местоблюстителя вступил архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых), который назначил одним из своих заместителей по управлению Церковью архиепископа Фаддея (Успенского). Архиепископ Фаддей выехал из Астрахани в Москву, чтобы приступить к исполнению возложенных на него обязанностей по управлению Церковью. Но в Саратове он был, по распоряжению Тучкова, задержан и отправлен в город Кузнецк, откуда власти разрешили ему выехать только в марте 1928 года.

В 1928 году владыка Фаддей был переведен в Тверь. Здесь он поселился на тихой улочке в угловом доме с крошечным садом, огороженным высоким деревянным забором. В саду вдоль забора шла тропинка, по которой он подолгу ходил и молился, особенно по вечерам. После молитвы он благословлял на все стороны город и уходил в дом.

По свидетельству многих прихожан, владыка обладал даром прозорливости и исцеления. Однажды во время елеопомазания одна

девушка говорит другой: «Смотри, одной кисточкой мажет, ведь можно заразиться». Когда девушки подошли, он помазал их не кисточкой, а другим концом ее с крестиком. Житель Твери Александр Куликов, когда ему было три года, упал и сильно расшибся. В боку образовалась опухоль. Его мать обратилась к хирургу, и тот предложил сделать операцию, хотя сам сомневался в положительном ее исходе. Сильно скорбя, мать понесла мальчика в храм к Литургии. Служил архиепископ Фаддей. Со слезами мать поднесла мальчика ко святой Чаше. Владыка спросил, о чем она плачет. Выслушав, он сказал, что операцию делать не нужно, надо помазать больное место святым маслом. Она так и сделала, и мальчик вскоре поправился.

Всех приходящих к нему архиепископ Фаддей принимал с любовью, не отказывая никому. Он знал, что сейчас время скорбей, и кому, как не архипастырю, утешать свою паству.

20 декабря 1937 года архиепископ Фаддей был арестован. Перерыли весь дом, но ничего ценного не нашли. «На что же вы живете?» — спросил один из них. «Мы живем подаянием», — ответил архиепископ.

На допросах в тюрьме архиепископ Фаддей держался мужественно, отрицая надуманные обвинения в контрреволюционной деятельности, несмотря на принуждение его к самообвинению. Недолго пробыл владыка в тюрьме, но и в эти последние дни ему пришлось претерпеть множество унижений. Тюремное начальство поместило владыку в камеру с уголовниками, и те насмехались над ним, старались его унизить. И тогда Матерь Божия Сама заступилась за Своего праведника. Однажды ночью Она явилась главарю уголовников и грозно сказала ему: «Не трогайте святого мужа, иначе все вы лютой смертью погибнете». Наутро он пересказал сон товарищам, и они решили посмотреть, жив ли еще святой старец. Заглянув под нары, они увидели, что оттуда изливается ослепительный свет, и в ужасе отшатнулись, прося у святителя прощения. С этого дня все насмешки прекратились, и уголовники даже начали заботиться о владыке. Начальство заметило перемену в отношении заключенных к владыке, и его перевели в другую камеру. Все из этих заключенных остались живы. Один из них, оказавшись перед финской войной на призывном пункте в Торжке, рассказал об этом случае одному из призывников, узнав, что тот верующий.

Святитель Фаддей принял мученическую кончину 18 декабря 1937 года.

26 октября 1993 года, в праздник Иверской иконы Божией Матери, были обретены честные останки архипастыря-мученика, которые находятся ныне в Вознесенском соборе города Твери.

Память священномученику Фаддею празднуется в день его мученической кончины — 18 декабря.

20-ГО ЧИСЛА
Святой праведный
ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Святой праведный Иоанн Кронштадтский родился 19 октября 1829 года в Архангельской губернии в семье бедного дьячка. Отец Иоанна, Илия Михайлович, служил псаломщиком в местном бедном храме. Феодора Власьевна, мать отца Иоанна, прожила долго и увидела славу своего сына. Она была женщиной простой и глубоко верующей. Не раз Иоанн видел, как мать молилась в слезах перед иконой, и сам учился глубокой проникновенной молитве.

В отрочестве отец Иоанн не раз удостаивался чудесных явлений. С его слов игумения Таисия рассказывала: «Однажды ночью Ваня увидел в комнате необычный свет. Взглянув, он увидел среди света Ангела в его небесной славе. Младенец смутился. Ангел успокоил его, назвавшись Ангелом Хранителем».

В 1839 году отец, с большим трудом собрав скудные средства, отвез Иоанна в Архангельское приходское училище, но учение на первых порах шло крайне тяжело. В записках отца Иоанна мы встречаем событие, похожее на эпизод из жития преподобного Сергия. «Ночью, — вспоминает он, — я любил вставать на молитву. Все спят, тихо. Не страшно молиться, и молился я чаще всего о том, чтобы Бог дал мне свет разума на утешение родителям. Чем дальше, тем лучше успевал я в науках, а к концу курса одним из первых был переведен в семинарию». В годы учения в Архангельской семинарии религиозная настроенность Иоанна

не ослабела. Особенно полюбил он читать Святое Евангелие, что доставляло ему незаменимое утешение.

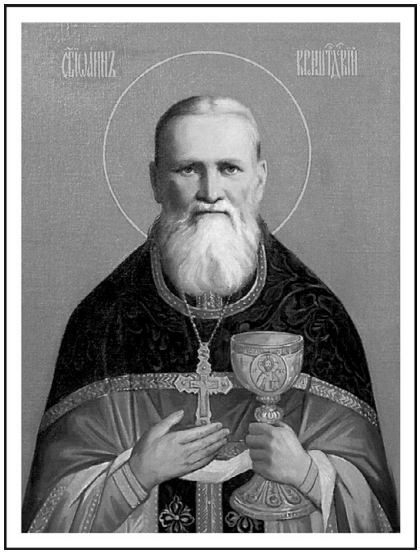
В 1851 году он с отличием окончил семинарский курс и был определен в Петербургскую духовную академию. На заработок от переписки чьего-то профессорского сочинения он купил толкование Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и радовался покупке, как «сокровищу из сокровищ».

В 1855 году Иоанн Сергиев окончил академию и 12 декабря 1855 года был рукоположен во иерея. Молодого священника направили в Андреевский собор города Кронштадта: отец Иоанн занял место ключаря вместо своего незадолго до того скончавшегося тестя — протоиерея Константина Несвицкого, на дочери которого он перед этим женился.

Началась самостоятельная, полная событий и переживаний пастырская деятельность. «Я поставил себе за правило сколько возможно искренне относиться к своему делу и строго следить за собой, за своей внутренней жизнью». Эти слова характеризуют всю жизнь отца Иоанна, его цели, устремления, правила и принципы.

Он поставил целью прежде всего заслужить любовь паствы, потому что только ее сердечное отношение может стать прочной поддержкой и утешением в трудном деле священничества. В сердце его сложился образ духовной деятельности: хранить в чистоте совести дары Духа Святого, сообщенные через рукоположение архипастырское; совершать богослужение ежедневно, приносить бескровную Жертву и молиться о верующих; по прохождении земного пути предстать на Страшный Суд Вседержителя и дать отчет о делах не только своих, но и о делах паствы, наставлять которую в деле спасения было ему поручено.

Средоточием христианской жизни отец Иоанн считал молитву. Он, по завету Спасителя, воспринимал храм Господень прежде всего как дом молитвы и призывал людей молиться искренно, сердечно, глубоко, с верой в чудодейственную силу молитвы. «Всегда твердо верь и помни, что каждая мысль твоя и каждое слово твое могут несомненно быть делом». Ему был дан от Господа особый дар — дар помогающей и исцеляющей молитвы. Многих спасла его молитва. Почти ежедневно совершал отец Иоанн Божественную Литургию в Андреевском соборе, где был штатным священником. «Есть люди, для которых Литургия — все на свете», — писал отец



Святой праведный
ИОАНН
КРОНШТАДТСКИЙ

Иоанн. Сам он решился как можно чаще совершать Литургию, а в последние 35 лет своей жизни служил ежедневно, кроме тех дней, когда утро заставало его в пути или когда тяжело болел. Объяснял он это так: «Если бы мир не имел Пречистого Тела и Крови Господа, он не имел бы главного блага, блага истинной жизни — *живота не имате в себе* (Ин. 6, 53)».

О живительном действии Святых Таин отец Иоанн свидетельствует: «Дивлюсь величию и животворности Божественных Таин: старушка, харкавшая кровию и обессилевшая совершенно, ничего не евшая, от причастия Святых Таин, мною преподанных, в тот же день начала поправляться. Девушка, совсем умиравшая, после причастия Святых Таин в тот же день начала поправляться, кушать, пить и говорить, между тем как она была почти в беспамятстве, металась сильно и ничего не ела, не пила. Слава животворящим и страшным Твоим Тайнам, Господи!»

Слушая наставления отца Иоанна, многие изменяли свой образ жизни, приносили истинное покаяние и с радостью причащались Святых Таин из рук любвеобильного пастыря, получая исцеления от недугов. Люди тянулись к нему сначала десятками, затем сотнями. В Андреевском соборе собиралось до 5–6 тысяч молящихся; ежегодно Кронштадт посещало более 20 тысяч паломников, а позднее их число достигло 80 тысяч. На одной первой неделе Великого поста собиралось до 10 тысяч человек.

Отец Иоанн искренне любил свою паству. Для него не было чужих: каждый, кто приходил к нему за помощью, становился родным и близким. Личной жизни у него не было, но именно в отказе от своей личности ради другого существа и перенесении на него любви и заключается сущность пастырской деятельности.

В то время правительство ссылало в Кронштадт убийц, воров и прочих уголовных преступников. Жизнь ссыльных была ужасна. «Темнота, грязь, грех, — писал современник, — здесь даже семилетний становился развратником и грабителем». «Но нельзя смешивать человека — этот образ Божий — со злом, которое в нем, — учил отец Иоанн, — потому что Божий образ в нем все-таки сохраняется».

Эта среда, которая для обыкновенного работника стала бы бесплодной каменистой пустыней, для отца Иоанна оказалась плодоноснейшим виноградником. Он приходил в землянки и подвалы не на 5–10 минут, чтобы исполнить какую-либо требу и уйти; он шел к живой бесценной

душе, к братьям и сестрам, он оставался там часами, беседовал, увещевал, утешал, плакал и радовался вместе с ними. С первых же шагов он заботился и о материальных нуждах бедноты: сам отправлялся в лавочку за провизией, в аптеку за лекарством, за доктором — словом, проявлял попечение, оставляя бедным последние копейки, которых мало имел сам. Уходил он оттуда постоянно радостный, умиленный, с твердой верой в милосердие Божие и надеясь, что Господь пошлет средства для дальнейших благодеяний, помня слова Святого Писания: *дающий нищему не обеднеет* (Притч. 28, 27).

Добрый пастырь всегда находил случай помочь людям. Кронштадтские жители видели, как он возвращается домой босой и без рясы. Не раз прихожане приносили матушке обувь, говоря ей: «Твой отдал свою кому-то, придет босым».

Близкие к отцу Иоанну лица утверждали, что по согласию с супругой он всю жизнь оставался девственником. Матушка Елизавета, принимая участие в молитвах и благотворениях своего блаженного супруга, никогда не называла его иначе, как «братом Иваном». Он же иногда напоминал ей о своем долге: «Я священник, я принадлежу другим, а не себе. Счастливых семей и без нас, Лиза, достаточно, а мы должны посвятить себя на служение Богу».

В 1862 году открылась в Кронштадте классическая гимназия. Когда пастырю было предложено взять на себя в этой гимназии преподавание закона Божия, то это вызвало в нем неподдельную радость. Обращаясь к учителю, наставляющему юные души в истинах веры и благочестия, отец Иоанн говорит, исходя из личного опыта: «Ты преподаешь детям закон Божий!.. Больше всего берегись делать из Евангелия учебную книгу, это грех. Это значит в ребенке обесценивать для человека книгу, которая должна быть для него сокровищем и руководством целой жизни. Страшно должно быть для совести разбивать слово жизни на бездушные кусочки и делать из них мучительные вопросы для детей». И у отца Иоанна не было неспособных. Его беседы усваивались навсегда как сильными, так и слабыми учениками.

Огромную пользу, радость и утешение для себя получал любвеобильный пастырь, когда ему доводилось помочь людям духовно или телесно, не исключая и той пользы, которую он приносил как педагог-душепопечитель.

В редкие минуты отдыха отец Иоанн брал в руки перо и изливал на бумаге все, чем жила и дышала его душа. «Моя жизнь во Христе» — так

называл он свой дневник. «Все содержащееся в нем есть не что иное, как благодатное озарение души, которого я удостоился от всепросвещающего Духа Божия в минуту глубокого к себе внимания и самоиспытания, особенно во время молитвы. Когда мог, я записывал эти благодатные мысли и чувства, и из этих записей многих годов составилась теперь книга».

Вера отца Иоанна была живой, деятельной; она влекла к бедному, нуждающемуся люду, побуждала его помогать бедным не только словом молитвенного и нравственного ободрения, но и материальными средствами. Горя любовью к Богу и ближним, он с самого начала своего священства служил делу благотворения — сначала в малой степени, без определенной системы, давая все, что имел. Он не разбирал, что привело человека к нищете и падению, а подавал потому, что человек нуждался.

В 1874 году он основал при Андреевской церкви православное христианское братство «Попечительство святого апостола Андрея Первозванного».

В 1882 году на многочисленные пожертвования был создан «Дом трудолюбия» с домовой церковью, рабочими мастерскими и мастерскими женскими, вечерние курсы ручного труда, школа и детский сад, загородный летний дом для детей, сиротский приют, народная столовая с небольшой платой, огороды. Сюда многие из бедных обращались с просьбой дать им определенную работу за вознаграждение, которое давало бы им средства для пропитания.

К отцу Иоанну приходили с верой в помощь Божию и, помолившись вместе с ним, исцелялись. Когда отец Иоанн молился, всем казалось, что он видит перед собой Бога и дерзновенно говорит с Ним. Он умолял, упрашивал и даже как бы настаивал, словно, схватившись за ризу Христову, был готов не выпустить ее из рук до тех пор, пока не будет услышан.

Отец Иоанн старался лишь об одном — о спасении вверенных ему душ. «Каждый из людей имеет бессмертную душу, предназначенную для спасения, — говорил он, — люби в каждом человеке эту бессмертную его душу и моли ему спасение, так как без спасения все блага жизни — ничто». Не только в России знали силу молитв отца Иоанна — тысячи трогательных писем и телеграмм присылали ему из Германии, Франции, Испании, Италии, Америки, Индии, Англии, Австрии, Швеции, Португалии, Греции. Отец Иоанн живо откликался

на различные просьбы и приглашения посетить болящих в их домах, утешить, помочь или разделить радость какого-либо торжества не только в самом Кронштадте или Петербурге, но и по всей России и за ее пределами.

Во всех испытаниях отец Иоанн прибегал к Богу и к Пресвятой Богородице, и Господь и Матерь Его не оставляли Своего служителя милостью. «15 августа 1898 года, — пишет отец Иоанн, — на Успение Божией Матери, я имел счастье первый раз во сне ясно видеть лицом к лицу Царицу Небесную и слышать Ее сладчайший, блаженный, ободряющий голос: «Милейшие вы чада Отца Небесного». Тогда я, сознавая свое окаянство, смотрел на Ее пречистый лик с трепетом и с мыслью: не отгонит ли от Себя с гневом Царица Небесная? О лик святой и преблагой! О очи голубые и голубиные, добрые, смиренные, спокойные, величественные, небесные, божественные! Я не забуду вас, чудные, дивные очи».

Всегда бодрый и неутомимый, отец Иоанн в последние три года своей многотрудной жизни часто болел. «Моя физическая сила истощилась, — писал он в своем дневнике, — но дух мой бодр и горит любовью к моему возлюбленному Жениху — Господу Иисусу Христу... Хочу я видеть неначальную Благость, Светлость, Красоту, бесконечную Премудрость и Силу, создавшую все, все держащую и всем управляющую, но я не готов, не чист сердцем».

9 декабря 1908 года отец Иоанн отслужил свою последнюю Литургию в Андреевском соборе. С этого дня он совсем ослабел, перестал выходить из дома. Ежедневно приходил священник и причащал его Святых Христовых Таин.

20 декабря 1908 года великий праведник мирно почил о Господе. Проводить пастыря доброго в путь всея земли собралось огромное количество народа.

23 декабря гроб с телом отца Иоанна был опущен в могилу маленькой церкви-усыпальницы под собором Иоанновского монастыря в Петербурге.

К гробнице отца Иоанна скоро стали стекаться паломники со всей России ради духовной помощи и утешения, поблагодарить великого праведника за уже содеянные благодеяния. Чудеса на месте упокоения отца Иоанна не прекращались во все годы после его кончины.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский был причислен к лику святых всей Русской Православной Церкви на Поместном Соборе

в 1990 году. Празднование памяти святого — 20 декабря, в день праведной кончины.

30-го числа

Святитель МАКАРИЙ, митрополит Московский

Святитель Макарий, митрополит Московский, родился в Москве около 1482 года в семье благочестивых родителей и при крещении был наречен именем Михаил в честь Архистратига Небесных Сил Господних. Род его не отличался знатностью, но в нем было много людей духовного сословия. Отец Михаила Леонтий вскоре умер, и мать его, возложив упование о воспитании сына на Бога, постриглась в инокини с именем Евфросиния. Тогда и юный Михаил рассудил оставить сей бренный мир и посвятить себя на служение Богу: он удалился в монастырь преподобного Пафнутия Боровского.

Приняв постриг с именем Макарий в честь знаменитого православного святого аскета-пустынника Макария Египетского, будущий святитель начинает свои первые монашеские подвиги бдения, смирения, молитвы и послушания, приобщается к книжной мудрости русского ученого монашества; имея перед глазами иконы, писанные прославленным древнерусским иконописцем Дионисием, приобретает навыки иконописания, столь пригодившиеся ему впоследствии.

Это были долгие годы ежедневного монашеского труда и подвига. О них современник говорит, что Макарий, «много лет пребывая во уставе преподобного Пафнутия, в нем же много лет пребыв и достойно ходив, житие жестокое искусив». Промыслу Божию было угодно воздвигнуть сей смиренный сосуд целомудрия и кротости в более высокую степень церковного послушания.

15 февраля 1523 году инок Макарий, пройдя все духовные степени чтеца, иподиакона, диакона и пресвитера, был поставлен

в архимандриты в Лужский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, основанный преподобным Ферапонтом Можайским (память 27 мая).

4 марта 1526 года архимандрит Макарий поставляется на самую древнюю архиерейскую кафедру Московской митрополии — архиепископом Великого Новгорода и Пскова, и, по словам летописца, «послал Господь Бог милость Свою на люди Своя, молитвами его, времена тиха и прохладна, и обилие велие изобилованна бысть».

Святитель Макарий начинает широкую миссионерскую деятельность среди соседствовавших с Новгородской землей северных народов. Он неоднократно посылает туда священников-миссионеров на проповедь среди язычников, с повелением — грамотой разорять языческие требища, обряды и кропить все освященной водой и устроивать новые церкви.

Святитель Макарий трудился над единообразным устроением новгородских иноческих общежитийных монастырей. Большую заботу проявил Святитель и о создании храмов в своей епархии. Он украсил свой кафедральный Софийский собор новыми иконами. Всего при святителе Макарии только в Новгороде строятся, перестраиваются, вновь украшаются после пожаров около сорока храмов, которые снабжались книгами, утварью и сосудами из мастерских, учрежденных Святителем.

Вопрос снабжения храмов книгами стоял перед архиепископом Макарием очень остро, ибо в то время в церковном быту существовало очень много различных житийных списков и их редакций. Святитель Макарий в 1529 году предпринимает на себя великий труд собирания и систематизации русского календарного агиографического года и сведение его в единый корпус Четьих-Миней. Этот труд у святителя занял 12 лет.

В 1542 году по повелению святителя Макария строится храм Святителя Николая на владычном дворе. Архиепископ Макарий очень чтил Николая Чудотворца — этого покровителя странствующих и путешествующих, ибо и самому Макарию неоднократно приходилось совершать длительные поездки как по своей епархии, так и по Русскому государству. Так, в 1539 году 25 января архиепископ Макарий приезжал в Москву; здесь он возглавлял выборы и поставление нового всероссийского митрополита, которым стал настоятель Троице-Сергиева монастыря игумен Иоасаф.

Особое внимание уделял святитель Макарий составлению житий и установлению памяти местночтимых святых. По его благословению племянник Иосифа Волоцкого инок Досифей Топорков работал над исправлением Синайского Патерика, составлял Волоколамский Патерик и Хронограф.

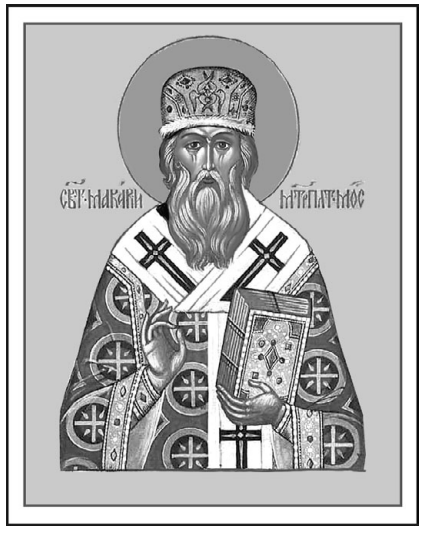
В 1542 году архиепископ Макарий поставляется на престол первосвятителей Московских.

Впервые в русской истории в 1547 году митрополит Макарий венчал на царство первого русского царя. Вскоре царь Иван Васильевич собрался в поход против Казани. Святителю Макарию было чудесным образом открыто о грядущей победе царя, благословляя которого, святитель предрек Ивану Грозному об успехе в брани. По возвращении из похода в Москве был построен и освящен святителем Макарием собор Покрова на Рву (собор Василия Блаженного). Он был воздвигнут как дар благодарения Богу от русского народа, одержавшего победу над нехристианским миром.

Все годы пребывания святителя Макария на митрополии ознаменованы бурной деятельностью в устроении всех сфер русской церковной и культурной жизни. Вопросы церковной практики, дисциплины, литургики, каноники, агиографии, канонизации святых, иконографии, вопросы церковного пения и многие другие митрополит всегда представлял на всеобщее соборное обсуждение.

Так, в 1547 и 1549 годах святитель Макарий созывает в Москве два Собора, на которых была проведена большая работа по канонизации русских святых. До святителя Макария почитание святых на Руси осуществлялось по благословению и властью местного архиерея. В результате было очень много местночтимых святых, память которых почиталась в одних, но не почиталась в других землях. Митрополит Макарий, созывая Соборы, положил перед собой труд канонизации угодников Божиих всей полнотой Русской Церкви. Прославление святых требовало написания им служб и житий, требовались также и литургические указания типиконного характера о порядке совершения им служб. Все это принял на себя первосвятитель Макарий ради славы Божией и святых угодников, вновь канонизированных на Руси.

Следует сказать и о взаимоотношениях великого русского подвижника XVI века преподобного Александра Свирского (память 30 августа) и святителя Макария. Преподобный Александр подвизался в пределах



Святитель
МАКАРИЙ,
митрополит Московский

Новгородской епархии и знаком был святителю Макарию еще по новгородскому архипастырству. Высоко святитель Макарий чтил своего современника за его труды и подвиги, которые Сам Господь почтил явлением ему Святой Троицы.

21 июня 1547 года в Москве случился пожар страшной силы, дотоле еще небывалый; выгорела почти вся Москва и Кремль. От удушья погибло множество народа. Митрополит Макарий чудом спасся. Когда его стали спускать с кремлевской стены на канате к реке, канат оборвался, и он, 65-летний старец, сильно расшибся, едва мог прийти в себя, и был отвезен в Новоспасский монастырь. Кремлевские монастыри Чудов и Вознесенский сгорели; в Китай-городе сгорели все лавки с товарами и все дворы. За городом — большой посад по Неглинной, Рождественка до Никольского Драчевского монастыря; по Мясницкой пожар шел до церкви святого Флора, на Покровке — до церкви святого Василия, народу сгорело 1700 человек. Святителю Макарию в пожаре опалило глаза так, что правое око его перестало видеть.

После пожара началось восстановление Москвы. Строятся новые церкви. Святитель Макарий храмы освящает сам. Он рассылает грамоты с повелением строить храмы и в других городах: в Костроме, в Тихвинском монастыре, в Пскове. Заботясь о всей земле Русской, Святитель заботится и о каждом человеке, милостиво относится к отдельным, даже заблудшим чадам Церкви.

В 1551 году 23 февраля в Москве в царских палатах начал работу другой Собор, созванный Митрополитом, — знаменитый Стоглав. Собор возглавлял святитель Макарий в присутствии 8 архиереев, множества архимандритов и игуменов. Вопросы, которых касался Собор, были самые разные. Это и внешность христианина, и его поведение, и церковное благочиние и дисциплина, церковная иконопись, духовное просвещение и многое другое. Проблема просвещения была особенно важна для святителя Макария. Он повелел протопопу из храма Спаса-на-Бору написать книгу о Святой Троице, житие епископа Василия Рязанского и выверить пасхалию. По инициативе митрополита Макария составляется 10-томный «Лицевой летописный свод» (в нем до 16 тысяч миниатюр) и «Степенная книга царского родословия», составленная по повелению Макария царским духовником, протопопом Благовещенского собора Андреем (в постриге Афанасий) в 1555–1563 годах.

При митрополите Макарии начинается в Русском государстве печатание книг. Первый «Апостол» вышел более чем за полгода до кончины святителя, а в вышедшем после его смерти Часослове (1565 г.) упоминается о его участии: «Благословением преосвященного Макария митрополита всея Руси составися сия штанба сиречь печатных книг дело, во царствующем граде Москве».

На том же Соборе была осуждена ересь Матфея Башкина, не почитавшего Христа Богом и не признававшего церковных Таинств.

Постничество и пребывание в молитве было повседневным правилом митрополита Макария. Об этом пишет современник святителя: «Когда митрополит Макарий в Москве стал жить, правя слово Божие истинное (...) так постился, что от воздержания в пище и питии едва ходил, был кроток и смирен, и милостив ко всем, не терпя гордости и в других ее искоренял со властью, как дитя был умом, оставаясь всегда совершенным».

Митрополит провидел грядущие бедствия Русской земли, которые принесла ей опричнина, учрежденная царем вскоре после кончины Макария. «Грядет нечестие и кровопролитие, и разделение земли». Так и было.

В том же году однажды прислал царь Иван Васильевич к митрополиту Макарию с просьбой передать душеполезную книгу. Макарий прислал ему чин погребения. Разгневался царь и сказал: «Ты прислал мне погребальную, а в наши царские чертоги такие книги не вносятся». Макарий же ответил ему: «Я богомолец твой попросту прислал, по твоему приказу, ведь ты просил книгу душеполезную, а эта всех полезней; если кто ее со вниманием почитает, тот во веки не согрешит».

В середине сентября 1563 года на память мученика Никиты митрополит Макарий совершал крестный ход, вовремя которого простудился и заболел. Вечером он «нача сказывати старцам своим, что изнемогает сильно, тело его студеное со болезнью одержимо есть».

Наступил праздник Рождества Христова, 25 декабря. Жизнь святителя между тем угасала. Он уже не мог сам читать Святое Евангелие, которое всегда ежедневно читал, и теперь по его просьбе ему читали Евангелие разные духовные лица. И вот 31 декабря 1563 года, когда колокол ударил к заутрене, «преосвященный, дивный Святитель и пастырь Митрополии всея Руси предал душу свою в руки Бога Живаго, Его же возлюби от юности своея». Погребен был святитель в Успенском соборе Московского Кремля.

Так окончил свою славную жизнь великий устроитель Церкви Русской митрополит Московский Макарий, и чада российские не забывают забот, трудов и подвигов его. Почитание святителя началось сразу после его кончины, вскоре же появились и первые его иконы. Царь, вернувшись из похода против Литвы в 1564 году, просит перед надгробием святителя благословения, ибо митрополит Макарий еще до похода предсказал ему победу. Иван Васильевич прикладывается к образам святителей Петра, Алексия, Ионы и Макария, «любезно их целоваше».

О личной святости святителя Макария имеется много свидетельств современников: о нем говорили как о постнике, воздержнике, прозорливом и смиренном подвижнике.

Память святителя Макария совершается 30 декабря.

Содержание

ИЮЛЬ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
Преставление святителя Фотия, митрополита Московского 7

ДЕНЬ ТРЕТИЙ
Преподобного Исаии, отшельника Египетского 23

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
Преподобного Лампада чудотворца 24
Преподобных Феодосия и Афанасия Череповецких 24

ДЕНЬ ШЕСТОЙ
Святых мучениц Марина и Марфы и других с ними 25
Преподобных Фомы Малеина и Акакия, упоминаемого в Лествице 25

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ
Страдание святого Евангелла, епископа Томисского, Епиктета пресвитера и Астиона 27
Преставление благоверной Евдокии — Евфросинии, великой княгини Московской 29
Празднование Влахернской иконе Богоматери 34
Святой мученицы Кириакии 35

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ
Преставление преподобного Феофила Мироточивого 36

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ
Страдание преподобного Никодима 40

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ
Преставление блаженного Серапиона, епископа Владимирского 44

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ
Преподобной Сарры подвижницы ... 47

ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ
Память святых отцов Шести Вселенских Соборов ... 49

ДЕНЬ СЕМНАДЦАТЫЙ
Преставление преподобного Леонида Устьнедумского ... 53

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ
Преподобного Леонтия Кариховского ... 55

ДЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
Преставление блаженного Стефана Лазаревича, деспота Сербского ... 56
Преподобной Макрины ... 64
Преподобного Дия, игумена и чудотворца ... 65

ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ
Преставление преподобного Аврамия Чухломского (Галичского) ... 66

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
Память преподобного Онуфрия Печерского ... 71

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ
Преставление преподобного Корнилия Переяславского ... 72

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ
Святых Олимпиады диаконисы, Кандиды и Гелассии ... 76

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ
Память святого Климента, епископа Величского, и сотрудников его: Ангеляра, Горазда, Наума и Саввы ... 84
Преставление святителя Иоасафа, митрополита Московского ... 93

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
Преподобного Павла Ксиропотамского ... 96
Святых апостолов от 70: Прохора, Никанора, Тимона и Пармена ... 100

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
Преставление преподобного Романа Киржачского ... 102

Преставление преподобного Константина Косинского 103
Святой мученицы Феодотии и трех чад ее 103
Святого мученика Евстафия Мцхетского 104
Святой мученицы Серафимы 109

ДЕНЬ ТРИДЦАТЫЙ
Обретение мощей преподобного Германа Соловецкого 110

ПРИЛОЖЕНИЕ
4-го числа. Преподобный Андрей Рублев 114
5-го числа. Преподобномученица великая княгиня Елисавета и инокиня Варвара 119
19-го числа. Преподобный Серафим Саровский 128
27-го числа. Преподобный Герман Аляскинский 142
28-го числа. Святитель Питирим, епископ Тамбовский 148
31-го числа. Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский, и иже с ним убиенные священномученик архимандрит Сергий и мученики Юрий и Иоанн 154

АВГУСТ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
Празднество Всемилостивому Спасу, Христу Богу нашему, и Пресвятой Богородице Марии, матери Его 167

ДЕНЬ ВТОРОЙ
Священномученика Фруктуоза, епископа Таррагонского, и с ним двух диаконов Августия и Евлогия 168

ДЕНЬ ТРЕТИЙ
Преподобной Пелагии Тирской 170

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
Святых семи отроков Ефесских: Максимилиана, Ексакустодиана (он же — Константин), Иамвлиха, Мартиниана, Дионисия, Антонина и Иоанна 172
Святого священномученика равноапостольного Космы 176
Святого мученика Елевферия 177

ДЕНЬ ШЕСТОЙ
Преставление святого Феоктиста, епископа Черниговского ... 178

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ
Святого преподобномученика Дометия Перса и двух учеников его и преподобного Нурвела архимандрита ... 181
Преподобного Пимена, постника Печерского ... 182
Святого Наркисса, епископа Иерусалимского ... 182
Преподобного Ора ... 183
Святых мучеников Марина воина и Астерия синклитика ... 184

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ
Святителя Емилиана исповедника, епископа Кизического ... 185
Преподобного Григория, чудотворца Печерского ... 185

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ
Святых мучеников Иулиана, Маркиана, Иоанна, Иакова, Алексия, Димитрия, Фотия, Петра, Леонтия, Марии патриции и других ... 186
Преподобного Макария Оредежского ... 187

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ
Преподобного Нифонта, патриарха Константинопольского ... 188

ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ
Празднование Овиновской иконе Богородицы ... 190
Преподобного отца нашего Макария, Лезенского чудотворца ... 191

ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ
Память преподобного Иоакима Осоговского ... 192

ДЕНЬ СЕМНАДЦАТЫЙ
Память преподобного ФилиппА Янковского ... 194
Святого мученика Мирона пресвитера ... 195
Преподобного Илии Калаврийского ... 195

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ
Преставление преподобного Иоанна Рыльского 196
Празднество иконе Божией Матери Одигитрии 201

ДЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
Преподобного Феофана, новоявленного чудотворца 202
Святого мученика Андрея Стратилата 202

ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ
Страдание святого Филиппа, епископа Ираклии Фракийской, и его друзей 204

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
Воспоминание о преподобных Корнилии и Аврамии Палеостровских 210
Преподобной Феоклеты 212
Память преподобного Авраамия Печерского 214

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ
Святого Феоны, епископа Александрийского 215

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
Перенесение мощей святителя Петра, митрополита Московского 217

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ
Память преподобного Адриана Ондрусовского 220
Блаженного Киприана Сторожевского 223

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
Святого праведного Езекии, царя Иудейского, жившего между 721 и 691 годами до Р. Х. 225
Святой мученицы Шушаники (Сусанны), бывшей царевны Грузинской 229
Память Печерских угодников, почивающих в Феодосиевой пещере 230

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
Страдание святого Анастасия 252

ДЕНЬ ТРИДЦАТЫЙ
Святых отцов Александра, Иоанна и Павла, патриархов Цареградских 255

Память Сербских святителей 256

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Преставление святого Иоанна, митрополита Киевского 273

Святого мученика и исповедника Нумидика 278

СЕНТЯБРЬ

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Память блаженного Иоанна Власатого, Ростовского 281

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Страдание преподобного Афанасия Брестского 283

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Святой праведной Иудифи 289

Страдание преподобномученика Макария Каневского 297

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Празднование Сямской иконе Богородицы 303

Преподобного Лукиана 304

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

Память святого Иоакима Опочского 305

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

Преставление преподобного Иоасафа, в миру князя Андрея Вологодского 306

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

Святого Пафнутия исповедника, епископа города Таиса, в Верхней Фиваиде 311

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Память преподобного Афанасия, игумена Высоцкого, и ученика его Афанасия игумена 312

Преставление преподобного Вассиана Тиксенского 318

Память праведного Симеона Верхотурского 319

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

Святой великомученицы царицы Кетевани 323

ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ
Святой Марии Егисской....329
Святой Плакиллы царицы....330

ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ
Память святых чехов княгини Людмилы, князя Вячеслава и преподобного Прокопия....331

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ
Святых мучениц Софии и Ирины....344

ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ
Страдание святого князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора и память внука князя Михаила, князя Олега Брянского....345

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
Память святых преподобных Антониевой пещеры....357

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ
Преставление преподобного Космы отшельника....361

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ
Святой Марии младшей....365
Святых мучеников Андрея и Иоанна и детей Иоанновых, Петра и Антония....366

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
Память святого Стефана Первовенчанного, племянника его Давида и сына короля Владислава....367
Убиение преподобного Галактиона Вологодского....376
Преставление преподобного Аврамия Мирожского....379

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ
Святого и праведного Гедеона, судии Израильского....381
Преставление преподобного Ефрема Перекопского....382
Преставление святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова....384

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ
Святой новомученицы Акилины....385

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
Святой Евстохии 388
Преставление преподобного Иродиона Илоозерского 394

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
Преподобного Кириака отшельника 396
Святой преподобной Марии Палестинской 397
Преставление преподобного Киприана Устюжского 397

ПРИЛОЖЕНИЕ
4-го числа. Святитель Иоасаф, епископ Белгородский 399
11-го числа. Преподобный Силуан Афонский 401
23-го числа. Святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский 409
26-го числа. Святитель Тихон, патриарх Московский и всея Руси 414
27-го числа. Священномученик Петр, митрополит Крутицкий 435

ОКТЯБРЬ

ДЕНЬ ВТОРОЙ
Преставление преподобного Кассиана Угличского 453
Память блаженного Киприана Суздальского 456

ДЕНЬ ТРЕТИЙ
Святых священномучеников Дионисия, епископа Парижского, Рустика пресвитера и Елевферия диакона 458

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
Святого Павла Препростого 460
Память святого Владимира Ярославича, князя новгородского, и матери его, святой Анны 461
Память праведного Стефана Щиляновича 464

ДЕНЬ ПЯТЫЙ
Преставление преподобной Харитины княжны 467

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ
Память преподобного Сергия Послушливого 469

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ
Преподобного Трифона Вятского 471
Святого Игнатия мученика 480

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ
Святой Публии диаконисы 484

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ
Страдания болгарских мучеников — иноков Зографской обители 488
Преставление блаженного Андрея Тотемского 491
Святых мучеников Евлампия и Евлампии 493

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ
Память преподобного Феофана Печерского 494

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ
Страдание святителей Максимилиана и Кирина, епископов Норичских 495
Память преподобных Амфилохия, Макария, Тарасия и Феодосия Глушицких 499

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ
Память преподобной матери нашей Петки-Параскевы Болгарской 503

ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ
Преставление святителя Дионисия, архиепископа Суздальского 508

ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ
Память святой Евпраксии, княжны Псковской 515

ДЕНЬ СЕМНАДЦАТЫЙ
Преставление преподобного Антония Леохновского 518

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ
Святой Златы великомученицы 521
Преставление преподобного Давида Серпуховского 524

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
Память преподобных Феофила и Иакова Омучских 525

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
Преставление затворника Иоанна 526

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ
Святой Калии Константинопольской и терпеливой вдовы ... 528
Святых мучеников Маркиана и Мартирия нотариев ... 530
Поминовение воинов, на брани убиенных ... 530

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ
Обретение мощей святого Андрея, князя Смоленского ... 532

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
Преставление преподобного Иова Почаевского ... 536
Преставление святителя Димитрия, митрополита Ростовского ... 542
Святой великомученицы Параскевы-Пятницы ... 553
Святой Февронии царевны ... 556
Преставление святителя Арсения, архиепископа Сербского ... 559

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
Святой преподобномученицы Анастасии Римлянки ... 562

ДЕНЬ ТРИДЦАТЫЙ
Память святого Милютина, короля Сербского, брата его краля Драгутина и матери их Елены ... 563

ПРИЛОЖЕНИЕ
31-го числа. Священномученик протоиерей Иоанн ... 577

НОЯБРЬ

ДЕНЬ ВТОРОЙ
Память святителя Викторина, епископа и мученика Патавского ... 589

ДЕНЬ ТРЕТИЙ
Преподобной княжны Анны Всеволодовны ... 593

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ
Святого мученика Иерона и дружины его — святых тридцати двух мучеников: Исихия, Никандра,

Афанасия, Никона, Лонгина, Феодора,
Валерия, Феодула, Евгения, Епифания,
Феодота, Аникиты, Илариона и прочих 597

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ
Память преподобного Онисифора Печерского 599
Преподобного Иоанна Колова 601
Преподобного Симеона Метафраста 602

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ
Святого Нонна, епископа Илиопольского 604

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ
Святого великомученика Мины 605

ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ
Память преподобного Филиппа Рабангского 606

ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ
Преставление преподобного Сергия Малопинежского 607

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ
Блаженной Магны Анкирской 608

ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ
Святого Исаака, архиепископа Армянского 612

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
Убиение благоверного князя Ярополка — Петра
Изяславича 613

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ
Преставление святителя Иннокентия, епископа
Иркутского 617

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ
Память преподобного Диодора Юрьегорского 644
Воспоминание знамения и чуда от иконы Богоматери
в Новгороде 647

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
Страдание святого Хри́ста 650

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
Память преподобного Нектария Печерского 652

Святого священномученика Авива, епископа Некресского в Кахетии 653

ДЕНЬ ТРИДЦАТЫЙ
Святого Фрументия, просветителя Ефиопии 654

ПРИЛОЖЕНИЕ
15-го числа. Преподобный Паисий Величковский 655
19-го числа. Святитель Филарет, митрополит Московский 661
21-го числа. Священномученик протопресвитер Александр 672
28-го числа. Священномученик митрополит Серафим 677

ДЕКАБРЬ

ДЕНЬ ВТОРОЙ
Страдание святого царевича Уроша-Стефана 687
Святителя Исе, или Иессея, епископа Цилканского 691

ДЕНЬ ТРЕТИЙ
Преподобного Саввы Звенигородского 693

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
Преставление святителя Гурия, архиепископа Казанского 702
Преставление святителя Геннадия, архиепископа Новгородского 708

ДЕНЬ ПЯТЫЙ
Преставление преподобного Нектария Бительского 719

ДЕНЬ ШЕСТОЙ
Преставление блаженного Максима митрополита 721
Святителя Феофила, епископа Антиохийского, исповедника и писателя 724

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ
Преставление преподобного Антония Сийского 727
Память преподобного Григория 733

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ
Преставление преподобного Кирилла Челмского 735
Преподобного Патапия 739

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ
Память блаженных деспотов Иоанна и его родителей, Стефана и Ангелины Бранковичей 741

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ
Преподобного Ферапонта Монзенского 746
Святого мученика Разумника 750

ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ
Память преподобного Трифона Кольского 751

ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ
Преставление преподобной княгини Софии 763

ДЕНЬ СЕМНАДЦАТЫЙ
Преподобного Дионисия Эгинского 768

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ
Память преподобного Севастиана Пошехонского 769

ДЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
Память преподобного Илии Муромца 770
Святых мученика Вонифатия и праведной Аглаиды 771
Святого Вонифатия Милостивого, епископа Ферентийского 774

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
Страдание святой Иулиании, княгини Вяземской 776
Преставление Прокопия юродивого, Вятского 778

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ
Преставление святителя Феоктиста, архиепископа Новгородского 780
Святых десяти мучеников, в Крите: Феодула, Саторнина, Евпора, Геласия, Евникиана, Зотика, Помпия, Агафопуса, Василида и Евареста 783

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ
Воспоминание избавления Церкви и державы Русской от нашествия галлов 785

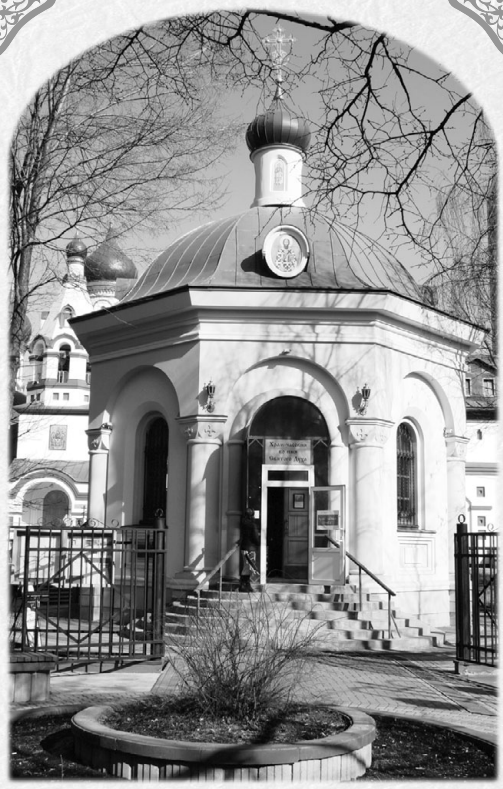
ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ
Собор Пресвятой Богородицы 786

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
Преставление преподобного Игнатия Ломского 788

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
Память преподобных Марка, Иоанна и Феофила 789
Преподобного Георгия, епископа Никомидийского 793

В ДЕКАБРЕ ЖЕ МЕСЯЦЕ
I. Память (неделя) святых Праотец 795
II. Память святых отец, или неделя пред Рождеством Христовым 796
III. Память святых Богоотец, или неделя по Рождестве Христовом 797

ПРИЛОЖЕНИЕ
18-го числа. Священномученик Фаддей, архиепископ Тверской и Кашинский 799
20-го числа. Святой праведный Иоанн Кронштадтский 803
30-го числа. Святитель Макарий, митрополит Московский 810



ЧАСОВНЯ ВО ИМЯ СВЯТАГО ДУХА

ул. Шверника, строение 17, м. Академическая

тел.: 8 (499) 123-7298

КНИЖНАЯ ЛАВКА

Издательство

Сибирская Благозвонница

ПРЕДЛАГАЕТ ШИРОКИЙ ВЫБОР ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
БОГОСЛОВСКАЯ, ЖИТИЙНАЯ, МИССИОНЕРСКАЯ,
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ, ДЕТСКАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.
Большой выбор книг
ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ЦЕРКОВНУЮ ЖИЗНЬ.

www.blagozvon.ru

Избранные жития святых

на русском языке,
изложенные по руководству Четьих-Миней
архиепископа Филарета Черниговского

Июль–декабрь

Редактор *Л. А. Чуткова*
Корректор *Т. А. Фролова-Багреева*
Художественный редактор *С. Ю. Губин*
Макет, верстка *Г. Н. Шафигуллина*
Техническое сопровождение *Ю. В. Мосягин,*
Е. В. Аксенова

Сибирская Благозвонница

Подписано в печать 12.10.2011. Формат 70x100/16
Бумага офсетная. Печ. л. 52. Тираж 5 000 экз.
Заказ № .

Адрес издательства:
109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6
Отдел оптовых продаж:
телефон: 8(499) 171-82-45,
телефон/факс: 8(499) 171-98-75.
109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 17а.

Отпечатано с электронных носителей издательства:
ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.
Телефон: +7(4822) 44-52-03, 44-50-34,
телефон/факс +7(4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru.
Электронная почта (E-mail): sales@tverpk.ru.